

С. З. Мошенский

ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ

ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ

ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ

ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ

ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ

МОШЕНСКИЙ Сергей Захарович -

кандидат экономических
наук, магистр права,
доцент кафедры
бухгалтерского учёта и
контроля Житомирского
государственного
технического университета;
Заслуженный экономист
Украины; директор по
экономико-правовым
вопросам корпорации
"Группа компаний
"ПЛАНЕТА" (г. Киев).

С. З. Моштенский

ЭВОЛЮЦИЯ ВЕКСЕЛЯ

ЭВОЛЮЦИЯ
БЕКСЕН

ЭВОЛЮЦИЯ
БЕКСЕН

ЭВОЛЮЦИЯ

С. З. Мошенский

Издательство
"ПЛАНЕТА-ДРУК"

Киев - Ровно
2005

**ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ**
**ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ**
**ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ**

ЧАСТЬ 1

**ПРЕДЫСТОРИЯ
ВЕКСЕЛЬНЫХ
ОПЕРАЦИЙ**

ЧАСТЬ 2

**ИСТОРИЯ
ВЕКСЕЛЬНЫХ
ОПЕРАЦИЙ
В ЗАПАДНОЙ
ЕВРОПЕ**

ЧАСТЬ 3

**ИСТОРИЯ
ВЕКСЕЛЯ В
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЕ**

(РОССИЯ, УКРАИНА, ПОЛЬША)

ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ

С. З. Мошенский

ЭВОЛЮЦИЯ ВЕКСЕЛЯ

ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ

ББК 65.262.2
М87

Рецензенты:

Лютый И.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов, денежного оборота и кредита Киевского национального университета имени Тараса Шевченко;

Шевченко А.А., доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Киевского национального университета имени Тараса Шевченко;

Капелюшный В.П., доктор исторических наук, декан юридического факультета Академии труда социальных отношений, заслуженный работник образования Украины.

*Рекомендовано к печати Учёным советом
Научно-исследовательского финансового института
при Министерстве финансов Украины
(Протокол №1 от 13 мая 2005 г.)*

М87 С. З. Мошенский
"Эволюция векселя" К. – Ровно, "Планета-друк", 2005, стр. – 446.
ISBN № 966-8851-02-1

В монографии рассмотрен длительный процесс эволюции вексельных операций с использованием большого количества данных из истории торговли и кредита. Первая часть исследования посвящена неевропейским аналогам векселя (страны Древнего Мира, Арабский халифат, Китай), вторая – истории векселя в Западной Европе, а третья – развитию кредитно-вексельных операций на территории Украины и России. Автор использовал большое количество малоизвестных источников и материалов из архивов.

Для учёных, преподавателей и аспирантов, всех, кто работает с векселями и стремится лучше понять сложную экономико-правовую природу этого финансового инструмента коммерческого кредита.

ББК 65.262.2

ISBN № 966-8851-02-1

© С. З. Мошенский, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Часть 1

ПРЕДЫСТОРИЯ ВЕКСЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ

1.1.	Теории происхождения векселя	10
1.2.	Происхождение прототипов векселя в Древнем Мире	24
1.2.1.	<i>Проблема возникновения прототипов векселя</i>	<i>24</i>
1.2.2.	<i>Прототипы векселя в Вавилоне</i>	<i>28</i>
1.3.	Прототипы вексельных операций в античных Греции и Риме	39
1.3.1.	<i>Долговые обязательства в Древней Греции</i>	<i>39</i>
1.3.2.	<i>Кредитные операции в Древнем Риме</i>	<i>48</i>
1.4.	Возникновение подобных векселю финансовых инструментов в Китае	60
1.5.	Аналоги векселя в исламских странах Востока	73

Часть 2

ИСТОРИЯ ВЕКСЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

2.1.	Социально-экономические предпосылки развития вексельного обращения в Италии XII–XIII вв.	94
2.2.	Вексель первоначального типа в Италии XII–XV вв.	110
2.3.	Проведение ярмарок и операции с векселями	130
2.4.	Возникновение индоссамента	150
2.5.	Развитие вексельных операций во Франции. Распространение индоссамента	165
2.6.	Вексельное обращение в Германии	176
2.7.	Эволюция вексельных операций в Северной Европе (Антверпен и Амстердам)	191
2.8.	Происхождение и развитие дисконтирования векселей	203
2.9.	Развитие вексельных операций в Англии	216
2.10.	Унификация вексельного законодательства	231
2.11.	Вексельное обращение в конце XX в.	239

Часть 3

ИСТОРИЯ ВЕКСЕЛЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (РОССИЯ, УКРАИНА, ПОЛЬША)

3.1.	Киевская Русь и Новгород. Социально-экономические предпосылки распространения кредитно-расчетных операций	262
3.2.	Предпосылки возникновения долговых обязательств в Московском государстве и России XV–XVII вв.	273
3.3.	Социально-экономические предпосылки распространения кредитных и вексельных операций в Южной Руси XIII–XV вв. и Украине XVI–XVII вв. Мамраны	285
3.4.	Долговые обязательства в Гетманщине. Облиги (облики)	300
3.5.	Становление вексельного обращения в Российской империи XVIII в.	318
3.5.1.	<i>Предпосылки распространения вексельных операций в начале XVIII в.</i>	<i>318</i>
3.5.2.	<i>Вексельный устав 1729 г. и состояние вексельного обращения в Российской империи XVIII в.</i>	<i>325</i>
3.6.	Вексельные операции в первой половине XIX в. (до 1861 г.)	338
3.7.	Вексельные операции во второй половине XIX в. (1861–1914 гг.)	356
3.8.	Развитие вексельного законодательства в Российской империи (1861–1917 гг.)	373
3.9.	Развитие кредитных и вексельных операций в Западной Украине XIX–XX вв.	389
3.10.	Вексель в период новой экономической политики	398
3.11.	Вексельное обращение в Украине конца XX в.	405
	Послесловие	418
	ЛИТЕРАТУРА	421

Вексель, как правовой институт и универсальный финансовый инструмент формировался в течение достаточно продолжительного периода времени, на протяжении которого он приобрел современные черты. Поэтому без исследования истории векселя и вексельных операций невозможно правильно оценить экономико-правовую сущность этого своеобразного финансового инструмента. Хотя существует достаточно большое количество источников, посвященных вексельным операциям, в том числе отдельным аспектам их истории, работ, непосредственно касающихся истории векселя и вексельных операций, насчитывается не так уж много.

Исследование истории векселя и вексельных операций предполагает использование большого количества данных по истории экономики и права. Этим объясняется междисциплинарный характер данного исследования, поскольку работы по истории векселя, написанные в юридическом контексте, часто не учитывают социально-экономические процессы, без чего невозможно понять особенности эволюции такого интегрированного инструмента, как вексель. Поэтому рассмотрены не только история векселя как правового института, но и история вексельных операций, неотделимая от истории коммерческого кредита и расчетных операций в целом.

Начиная работу над данным исследованием, автор исходил из предположения, что, хотя вексель западноевропейского типа (то есть вексель в его классическом понимании) возник в Италии в XII–XIII вв., подобные векселью письменные долговые обязательства существовали во все времена и во всех странах, где товарно-денежные отношения и торговля достигли определенного уровня развития. Это объясняется тем, что потребности в безопасном переводе средств из одного места в другое и в коммерческом кредите были неотделимы от развития торговых операций в целом.

Автор четко разграничивает вексель европейского типа, его прототипы и аналоги векселя. Прототипами векселя можно считать все древнейшие формы письменных долговых обязательств, в некоторой степени схожих с векселем, но не имевших еще четко определенной формы и существенных признаков векселя европейского типа. Рассмотрение истории зарождения первых форм вексельных операций начинается с древнего Вавилона, поскольку долговые обязательства того времени вполне можно считать отдаленными прототипами векселя.

Кроме прототипов векселя рассмотрены и аналоги векселя в неевропейских культурах. Это полностью сформированные институты письменного долгового обязательства в Китае и Арабском халифате. Хотя аналоги векселя были более детально разработаны, чем прототипы векселя в Древнем Мире, со временем они были вытеснены векселем западноевропейского типа.

Во второй части рассматривается история прототипов векселя в Древней Руси и странах, возникших потом на этой территории – Украине и России. Здесь прослеживается такой же, как и в других регионах мира, неотделимый от развития товарно-денежных отношений процесс возникновения первых форм долговых обязательств (надписи на деревянных дощечках в Новгороде и Пскове). Эти обязательства постепенно усложнялись, пока во времена татаро-монгольского господства в России не возник достаточно сложный правовой институт долговой кабалы. В Украине приобрели распространение иные формы долговых обязательств – мамраны и облиги.

Что касается методологических позиций данного исследования, то автору импонирует подход Фернана Броделя, а также других французских историков, объединившихся в свое время вокруг журнала «Анналы». Их девиз «Назад к первоисточникам» предполагал использование значительного количества разнообразных материалов и фактов экономической истории.

Стремление придерживаться такого стиля научного исследования обусловило обращение к обширному кругу источников по истории экономики, денежного обращения и коммерческого кредита. Значительная часть этих источников является редкими и труднодоступными изданиями, в поиске которых существенную помощь предоставили сотрудники Библиотеки Конгресса США (Вашингтон), в частности Bonnie Coles из отдела копирования (photoduplication@loc.gov), которой автор выражает признательность за подбор и копирование многих материалов, использованных для написания данной работы. Кроме того, хотелось бы выразить благодарность заместителю директора Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киеве (ЦГИАК) Л.Я.Демченко и научному сотруднику Института украинской археографии и источниковедения им. М.С.Грушевского НАН Украины Т.Л.Кузик, а также коллективу работников Государственной исторической библиотеки Украины.

ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ

С. З. Мошенский

ЧАСТЬ 1

ПРЕДЫСТОРИЯ ВЕКСЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИИ

1.1. ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВЕКСЕЛЯ

Первые труды, касающиеся возникновения и распространения векселя, появляются в XVI–XVII вв. Их авторами были так называемые камбисты – Бенвенутти Стракка (1509–1578 гг.), Сигизмондо Скаччия (умер в 1620 г.), Рафаэль де Турри¹. В дальнейшем этот вопрос привлекал внимание многих авторов, и анализ исследований продолжительной истории векселя и вексельных операций дал возможность комплексно оценить различные теории его происхождения. Попытки классифицировать эти теории прослеживаются в работах различных ученых – от русских дореволюционных (И. Г. Табапников и Г. Ф. Шершеневич) до современных (С. М. Бевено, В. Л. Яроцкий, А. В. Демковский и др.)². По нашему мнению, наиболее логичной была бы классификация теорий происхождения векселя в порядке их возникновения, поскольку этот порядок отображает развитие научных представлений о предпосылках развития вексельных операций.

Еще в XVI–XVII вв. в произведениях камбистов – Бенвенутти Стракка (первое издание в 1558 г.), Сигизмондо Скаччия (первое издание в 1619 г.), Рафаэля де Турри (первое издание в 1641 г.) – была высказана мысль о том, что вексель нельзя рассматривать как изобретение отдельного человека или народа. Он существовал повсюду, где осуществлялись торговые операции (в различных формах и под разными названиями), так как торговля, какой бы простой она ни была, всегда ощущала потребность в использовании кредита и определенного прототипа векселя³. Рафаэль де Турри сравнивал возникновение векселя с великим множеством мелких ручьев, не имеющих названия и сливающихся воедино, образуя при этом одну большую реку⁴. Мы считаем точку зрения камбистов особо интересной, поскольку они хронологически были ближе ко времени распространения векселя в Италии,

¹ *Stracchia B. Tractatus de mercatura decisiones et tractatus varii... qui de mercatura, cambijs, sponsionibus...* – Amsterdami: Expensis Petri Landry, 1608; *Scaccia S. Tractatus de commerciis et cambio.* – Romae: Andrea Brugiotti, ex typographia Iacobi Mascardi, 1619; *Turri, Raphael de. Tractatus de cambiis.* – Francofurti ad Moenum, 1641.

² Бевено С. Н., Яроцкий В. Л. Правовое регулирование вексельного обращения в Украине. – Харьков: Право, 2001. – С. 5; Демківський А. В. Вексельна справа: Навч. посібник. – К.: Либідь, 2003. – С. 46–48.

³ *Scaccia S. Tractatus de commerciis et cambio.* – 1619; Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 658.

⁴ *Turri, Raphael de. Tractatus de cambiis.* – Francofurti ad Moenum, 1641. – Disp. 1. – Q. 3, 4.

чем авторы более поздних эпох⁵. Такой подход разделял Ф.-А. Бинер⁶, а В. Эндеман отмечал, что теории, приписывающие изобретение вексельных операций отдельному лицу, народу или городу, искажают исторические факты и поэтому не представляют научной ценности⁷.

В конце XVII в. в книге Дупиуса де ля Серра «Искусство векселя»⁸, впервые опубликованной в 1698 г. и позднее включенной в одну из изданий известной работы Жака Савари (1622–1690 гг.) «Совершенный негоциант», появляется легенда об изобретении векселя евреями, которые в средневековой Европе считались такими же торговцами и коммерсантами, какими в Древнем Мире были финикийцы. Распространению этой легенды способствовал Жак Савари, считавший, что векселя не были известны древнеримской юриспруденции, а были придуманы евреями, неоднократно изгонявшимися из Франции во времена правления королей Дагоберта I (640 г.), Филиппа Августа (1181 г.) и Филиппа Длинного (1316 г.). Поселившись в Ломбардии, евреи нашли способ переводить свои капиталы с помощью специальных тайных писем, составленных в кратких и точных выражениях и передававшихся через иностранных купцов. Благодаря изгнанным евреям векселя в 1291 г. появились даже в Турции⁹.

Вернер Зомбарт (1863–1941 гг.) в книге «Евреи и капитализм» (впервые издана в 1911 г.)¹⁰ высказал предположение, что именно евреи сумели подчинить хозяйственную жизнь торговым операциям (что, по мнению автора, является одной из основных черт развитого капитализма), а также создали вексель и биржу. Поводом для использования векселя евреями, подвергавшимися гонениям в средневековой Европе, В. Зомбарт считает необходимость сохранения тайны и анонимности в финансовых операциях. Если раньше долговое обя-

⁵ С идеями камбистов созвучны мысли Ф. Броделя о том, что любая экономика, переживающая трудности с оборотом металлических денег, неизбежно и естественно приходит к использованию инструментов кредита (Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 1. – К.: Основи, 1995. – С. 406).

⁶ Biener F. Wechselrechtliche Abhandlungen – Leipzig: B. Tauchnitz, 1859. – § 1, 2.

⁷ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 76.

⁸ Dupius de la Serra. L'art des lettres de change // Savary J. Le parfait negocian ou instruction generale pour ce qui regarde le commerce de marchandises de France et des pays etrangers. T. 1. – Geneve: J. Guignard, 1752. – S. 431–478.

⁹ Nougier L. Des lettres de change et des effets de commerce en general. – Seconde edition. – Bruxelles, 1840. – S. 7.

¹⁰ Sombart W. Die Juden und das Wirtschaftsleben. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1911.

зательство всегда было связано с установлением отношений между двумя лицами, то в форме векселя оно освободилось от каких-либо личных отношений. А с созданием биржи и рынка ценных бумаг этот процесс усилился и постепенно подчинил такой анонимности всю хозяйственную жизнь и в национальном, и в международном масштабе. В. Зомбарт отмечал, что евреям, изгонявшимся из Испании и Португалии, было запрещено брать с собой золото и деньги. Несмотря на это, беженцы с Пиренейского полуострова очень быстро стали основными финансистами Европы. Первый (по мнению В. Зомбарта) вексель был выдан в 1207 г. Симоном Рубеном, а во многих итальянских городах (в частности Венеции XVI в.) вексельное дело было полностью сосредоточено в руках евреев¹¹.

В соответствии с другой точкой зрения, вексель создали изгнанные из Италии гибеллины (политические диссиденты преимущественно дворянского происхождения, гибеллины были приверженцами политики немецких императоров, стремившихся распространить свою власть на Италию) либо гвельфы – противники этой политики, выходцы из торговых слоев общества. Гибеллины были изгнаны из Италии гвельфами и поселились в Амстердаме. Чтобы вернуть себе капиталы, оставшиеся в Италии, они использовали тот же способ, что и евреи. По мнению Ж. Савари, к которому впоследствии присоединился Ш. Монтескье в книге «О духе законов» и другие авторы того времени, благодаря этому вексель стали использовать амстердамские купцы, которые и распространили его в Европе (в частности во Франции) через купцов Лиона, имевших обширные коммерческие контакты с Амстердамом¹². Эту распространенную легенду трудно назвать научной теорией происхождения векселя, поскольку нам не известны конкретные исторические факты, подтверждающие данную точку зрения.

Еще одна, такая же легендарная, версия происхождения векселя связана с Крестовыми походами. В соответствии с ней вексель возник из-за необходимости пересылки в папскую казну огромных ценностей, захваченных крестоносцами¹³, а также в связи с деятельностью ордена тамплиеров, возникшего вследствие Крестовых походов. Пер-

¹¹ Шафаревич И. Р. Трехтысячелетняя загадка. Гл. 6. – <http://shafarevich.voskres.ru/08.htm>.

¹² Savary J. Lettre de Change // Savary J. Dictionnaire universel du Code de Commerce. T. 1. – P., 1723. – S. 67–68; Montesquieu Ch. De l'Esprit des lois. T. 2. Livre XXI, ch. 20. – P.: Hachette, 1873. – S. 310; Biener F. Wechselrechtliche Abhandlungen. – 1859. – Ch. 1.

¹³ Михалевский Ф. И. Очерки истории денег и денежного обращения: В 2 т. Т. 1. Деньги в феодальном хозяйстве. – Л., 1948. – С. 91.

воначальной целью ордена была охрана торговых караванов, направлявшихся из Европы в Палестину. Территориально сфера влияния тамплиеров была разделена на провинции – коммандории, в каждой из которых существовали свои торговые конторы. Если сначала финансовая деятельность тамплиеров была направлена на то, чтобы оказывать материальную поддержку паломникам в Палестине, то в XII в. возник обычай предоставлять деньги в долг путешественникам (первый известный случай такого займа датируется 1135 г.). Объемы кредитной деятельности расширились, и во время Крестового похода финансовыми услугами ордена пользовались король Людовик VII и папа Александр III, изгнанный из Рима¹⁴. По количеству и объему кредитных операций орден тамплиеров находился, бесспорно, на первом месте среди других орденов (тевтонского, францисканского, иоаннитского), а в конце XII в. он уже представлял собой наикрупнейшее банковское учреждение Европы с двумя центральными конторами (так называемыми *templum*) в Париже и в Лондоне, а также с многочисленными отделениями во французских городах и средиземноморских странах. В это время французские и английские короли, бароны и крупные монастыри размещали у тамплиеров свои капиталы, направляя им поступления от налогов, поручая уплату по векселям и перевод денег, а также получая от них денежные займы и гарантии в уплате одолженных сумм¹⁵. Вследствие этого орден тамплиеров накопил огромные богатства (что и стало причиной его ликвидации в XIV в. при французском короле Филиппе Красивом). Потребность передачи денег из одной коммандории в другие, обусловила использование тамплиерами векселей¹⁶. Однако наши данные о применении тамплиерами вексельных операций достаточно ограничены и мы не знаем, был ли ими использован опыт итальянских кампсоров либо они позаимствовали этот кредитный инструмент в Палестине у мусульманских или еврейских банкиров. Можно предположить, что в случае сохранения ордена, именно тамплиеры организовали бы в Европе депозитный и банковский бизнес, а не итальянские кампсоры¹⁷.

¹⁴ Мельвил М. История ордена Тамплиеров. – СПб: Евразия, 2003. – С. 81–82.

¹⁵ Финансовым операциям ордена тамплиеров посвящено исследование Жюль Пике, который рассматривает различные типы финансовых операций ордена – кредиты, денежные переводы, ведение текущих счетов клиентов, а также использование ценных бумаг (*Piquet*). *Les Templiers: etude de leurs operations financieres*. – P.: Hachette, 1939).

¹⁶ Шапкин И. Н. Вексель: возникновение и становление // Вексель и вексельное обращение в России: Практическая энциклопедия. – М.: Банкоцентр, 1996. – С. 9.

¹⁷ *Holdsworth W. A history of English law. Vol. VIII.* – L.: Methuen & Co., 1903. – P. 134.

В целом же, как справедливо заметил В. Эндеман, попытки связать происхождение векселя с отдельным народом, событиями или лицами не выдерживают критики, поскольку в действительности его происхождение обусловлено совокупностью объективных социально-экономических причин¹⁸.

Первая научная теория происхождения векселя, возникшая в начале XIX в. и принадлежавшая Францу-Августу Бинеру (1787–1861 гг.), состояла в том, что поскольку начали употреблять векселя итальянцы, именно их необходимо считать изобретателями векселя¹⁹. Ф. Бинер обосновывал свою теорию тем, что первые известные к тому времени вексельные документы происходили из Италии, что было связано со становлением и развитием европейской международной торговли, родоначальниками которой были итальянцы. Кроме того, в Италии был изобретен бухгалтерский учет, а камбисты (первые авторы работ о вексельных операциях) также были итальянцами. Наконец, и вся вексельная терминология (акцепт, индоссамент, жиро, аваль, трассант и трассат, римесса, авизо) имеет итальянское происхождение. Аргументом против этой точки зрения может служить факт, что почти одновременно с итальянскими купцами (и не менее активно) значительные по объему торгово-коммерческие операции осуществляли немецкие купцы Ганзейского союза.

Во второй половине XIX в. появилось большое количество работ немецких авторов, посвященных векселям, в том числе их возникновению. Макс Нейман на основании находки нескольких средневековых немецких долговых документов, которые он считал векселями, высказал мысль, что вексель был изобретен немецкими купцами Ганзейского союза, увеличение объема торговли которых с разными странами вызвало потребность в вексельных операциях²⁰. Эту точку зрения поддерживал Отто Штоббе, но Вильгельм Эндеман относился к ней критически, отвергая существование собственной немецкой традиции вексельных операций²¹. Подробно мы рассмотрим эту теорию в отдельном разделе, посвященном возникновению вексельного обращения в Германии.

¹⁸ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 76.

¹⁹ Biener F. Historische Erörterungen über den Ursprung und den Begriff des Wechsels // Biener F. Abhandlungen aus dem Gebiete der Rechtsgeschichte. – Band 1. – Leipzig: B. Tauchnitz, 1846; Biener F. Wechselrechtliche Abhandlungen. – 1859. – S. 68.

²⁰ Neumann M. Geschichte des Wechsels im Hansagebiete bis zum XVII Jahrhundert. – Erlangen, 1863.

²¹ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 115.

Приблизительно в то же время в работах немецких авторов (К. Эйнерт, Ф. Либе) высказывались мысли, что вексель был создан в средневековые купцами и менялами почти одновременно в разных странах для использования в своем ограниченном кругу. Эти купцы ничего не знали о греческих трапезитах, древнеримских аргентариях и римском праве, пытаясь с помощью векселей избежать правовых ограничений своих коммерческих интересов. Такие ограничения в значительной степени были обусловлены тем, что в отличие от античных времен, когда коммерческая деятельность считалась более достойной и привлекательной, чем простая работа, средневековое христианство пропагандировало точку зрения, в соответствии с которой любой способ обогащения, кроме простого труда, был заведомо греховным. Особенно это касалось кредита под проценты. Подобная деятельность презиравалась еще в античном мире, а в средневековой Италии менял (*campsores*) называли *cani lombardi* – ломбардские собаки²².

Эти обстоятельства вынуждали средневековых купцов разных стран искать способы, позволяющие сделать свои прибыли и коммерческую деятельность неподвластными подобным ограничениям. Наиболее удобным для этого оказался вексель, дающий возможность перемещать на большие расстояния не деньги, а лишь документ с текстом долгового обязательства. Очевидные преимущества векселей проявились достаточно быстро, и это обусловило его распространение наряду с постепенным развитием норм вексельного права.

Впервые такую точку зрения высказал немецкий юрист Карл Эйнерт (1777–1875 гг.) в своем труде «Вексельное право и вексельное дело в XIX в.», а также Фридрих Либе в книге «Проект вексельного устава для герцогства Брауншвайг»²³. Позднее эту теорию поддержал и Макс Нейман, пытавшийся не столько доказать, что вексель возник именно в Германии, сколько на основе исследований памятников кредитных соглашений купцов Ганзейского союза отстаивавший мысль, что вексель появился одновременно в разных странах (в том числе в Италии, Германии и, возможно, в Швеции) независимым путем без иностранного влияния, исходя из объективных экономических предпосылок²⁴.

²² Баранц С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 654–656.

²³ Einert C. Das Wechselrecht nach dem Bedürfniss des Wechselgeschäftes im XIX Jahrhundert. – Leipzig, 1839. – S. 2–3; Liebe F. Entwurf einer Wechselordnung für das Herzogthum Braunschweig sammt Motiven. – Braunschweig, 1843.

²⁴ Neumann M. Geschichte des Wechsels im Hansagebiete bis zum XVII Jahrhundert. – Erlangen, 1863. – S. 189–190.

Еще две теории XIX в. принадлежат Густаву Ластигу и Карлу Френдту. Так, Г. Ластиг считал, что происхождение векселя связано с приказами о переводе долга (сначала устными, а потом и письменными) меняле или банкиру, у которого вкладчик имел свой счет²⁵. По нашему мнению, в действительности эта операция была причиной возникновения не векселя, а чека – простого платежного распоряжения, которое нельзя отождествлять с векселем.

К. Френдт считал, что вексель возник из платежных распоряжений или мандатов об оплате, которые монархи и прочие представители власти выдавали своим казначеям. Приверженцем этой теории был и Жюль Валери, полагавший, что такие платежные поручения были известны в средневековой Европе еще в XIII в., а возникли они скорее всего во времена Крестовых походов, когда появилась потребность в переводе больших сумм денег на значительные расстояния. По мнению Ж. Валери, лаконичный и директивный стиль этих документов можно сравнивать с текстом векселей классического типа. Тем не менее, как отмечал В. Холдсворт, критикуя позицию Ж. Валери в работе, посвященной истории английского права, экономическая функция векселей и платежных распоряжений мандатного типа была разной. Основной функцией переводного векселя был прежде всего перевод денег в интересах кредитора, а функцией мандатных писем и платежных поручений – осуществление уплаты долга в месте, удобном для должника²⁶.

По нашему мнению, слабость этой теории в том, что такие мандаты не имели ни одного из признаков векселя, который не только удостоверяет долговое обязательство и определяет порядок уплаты, но и является инструментом, в основу которого положена операция кредита и обмена, что предполагает существование определенного уровня развития рынка. В той или иной форме распоряжения об уплате денег существовали всегда во всех государствах, но это еще не означало наличие там вексельных операций. Очевидно, причиной возникновения этой теории следует считать сходство некоторых мандатов с векселями, в частности мандатов, выпущенных в оборот Святым Луи во время седьмого Крестового похода²⁷.

²⁵ Lastig G. Entwicklungswege und Quellen des Handelsrechts – 1877; Lastig G. Beiträge zur Geschichte des Handelsrecht // Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht. – 1878. – T. 23. – S. 138–178.

²⁶ Freundt C. Das Veschelrecht der Postglossatoren. T. 1–2. – Leipzig, 1899–1900; Holdsworth W. A history of English law. Vol. VIII. – L.: Methuen & Co., 1903. – P. 134.

²⁷ Sayous A. Les mandats de saint Louis sur son Tresor et le mouvement

Теория античного происхождения векселя начала зарождаться еще в XIX в., и в работах различных авторов предпринимались попытки поисков наиболее древних прототипов векселя. В конце XIX – начале XX вв. эта теория все чаще встречается в работах русских авторов. Сущность ее состоит в том, что вексель как средство перевода денег был известен еще в древних Греции и Риме, где торговая деятельность достигла высокого уровня развития. Возникали ситуации, когда в одном и том же городе могли быть и кредиторы, и должники купца, находившегося в другом месте. Во избежание пересылки денег купец мог возвратить долги жившим в другом городе кредиторам за счет тех сумм, которые ему должны были третьи лица, проживавшие в одном городе с кредиторами.

Не останавливаясь сейчас на анализе кредитно-денежных операций античных времен (мы детально рассмотрим их развитие в отдельной главе), отметим, что, несмотря на ценность античной теории возникновения векселя, которая ввела в научный оборот новые факты и данные, на наш взгляд в античные времена возникли лишь прототипы векселя, в то время как сам вексель – финансовый инструмент с четко определенными характерными признаками – появился значительно позже. Еще В. Эндеман отмечал, что внешнее сходство финансовых инструментов античных времен (в частности разного рода платежных поручений) с векселями является обманчивым, и лишь детальное сравнительное исследование правовой природы древнеримских платежных поручений и вексельного обязательства позволяет обнаружить, что вексельное соглашение предполагает совершенно иные правоотношения²⁸.

Теория арабского происхождения векселя основана на предположении, что в X–XI вв. в странах Востока использовались кредитные документы, подобные векселю. Как отмечал Ф. Бродель, все орудия кредита – вексель, платежное распоряжение, заемное письмо, банковский билет и чек – были знакомы купцам мусульманских стран еще в X в., что подтверждают многочисленные документы из архива (так называемой генизы) старой синагоги Каира. Под влиянием купцов из мусульманских стран, в XIII в. Запад заново открыл для себя переводной вексель, после крестовых походов распространившийся по всему Средиземноморью²⁹.

international des capitaux pendant la septieme croisade // Rev. historique. – 1931. – T. 167. – P. 254–304.

²⁸ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts-und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 76.

²⁹ Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 1. – К.: Основи, 1995. – С. 406–407.

Согласно иной теории, подобные векселю финансовые инструменты возникли в Китае . благодаря изобретению бумаги. Во времена династии Тан (VIII в.) для денежных переводов широко использовались так называемые *фейцян* (летающие деньги), а в период династии Сун (XI в.) они превращаются в платежное средство, называвшееся *бинцян* (удобные деньги). Из-за высокой прибыльности этих финансовых инструментов они были монополизированы государством. Такая точка зрения достаточно распространена в работах китайских исследователей³⁰, а из современных западных авторов ее придерживается, в частности, Вильям Баумоль, считавший, что вексель, так же, как и бумажные деньги, был изобретен именно в Китае³¹. Эти теории мы рассмотрим позже, когда будем говорить о возникновении подобных векселю финансовых инструментов в странах Востока.

Обращаясь к истории неевропейских долговых обязательств следует учесть, что современная экономическая наука выработала определенный категориальный аппарат, применяемый для анализа особенностей денежного обращения и использования специфических финансовых инструментов кредитования (в частности векселей) в разных экономических системах. Изучая неевропейские финансовые инструменты Древнего Мира, Китая и других стран Востока, необходимо помнить, что в экономической истории Европы, в том числе в истории ценных бумаг, не существовало прямых аналогов подобных инструментов кредита. Это не только не позволяет полностью отождествлять данные инструменты с векселями, но и требует сохранения аутентичных понятий, которые не могут быть адекватно переданы с помощью европейских языков. При использовании такого методологического подхода объектом анализа становятся сами первичные понятия, содержание которых не искажается излишними ассоциациями и параллелями с экономической историей европейских стран³².

Как известно, в течение продолжительного времени в историко-экономических исследованиях существовала тенденция, в соответствии с которой становление новых форм экономики, в частности товарно-де-

³⁰ Очерки истории Китая (с древности до «опиумных войн») / Под ред. Шан Юэ. – М.: Изд-во восточной литературы, 1959. – С. 233.

³¹ Baumol W. J. Entrepreneurship: Productive, Unproductive and Destructive // Journal of Political Economy. – 1990. – Vol. 98, № 5. – P. 903.

³² Как отмечает Ю. М. Лотман, когда западная цивилизация соприкасается с восточной как с партнером, включенным в единое целое, имеющее название мировая культура, то она начинает пересказывать непривычные для неё тексты восточной цивилизации с помощью метаязыков своей собственной науки и философии. Поскольку некоторые понятия восточной культуры при этом

нежного оборота и кредита, имеет исключительно европейское происхождение. Вследствие такой позиции объективные исторические свидетельства и факты об экономическом развитии других культур и цивилизаций отбрасывались и не принимались во внимание.

Так мы подходим к вопросу о соотношении границ предмета и объекта нашего исследования. Если предметом является история становления векселя в рамках традиции европейской экономики, то объект исследования в соответствии с общепринятой научной логикой – это история кредитных документов разных эпох и культур, подобных векселю по своим экономическим функциям. При этом мы осознаем сложность исследования данной проблематики, связанной с ограничением выборки кредитных документов. Однако в Древнем Мире и в странах Востока такие документы существовали, и не учитывать их нет оснований. В современном мире распространение приобрел лишь один из их видов – западноевропейский вексель, классическая форма которого возникла в XII–XIII вв. в Италии. Этот вексель классического западного типа стал ключевым инструментом европейского капитализма, а признаки векселя четко определяются нормами вексельного права.

Такое размежевание векселя западноевропейского типа и его аналогов в других культурах необходимо для того, чтобы придерживаться определенных нами границ предмета данного исследования. Именно поэтому, несмотря на введение в научный оборот важных данных о прототипах векселя в Древнем Мире и его аналогах в мусульманских странах X в. (а, возможно, и раньше), мы не рассматриваем эти документы в качестве векселя западноевропейского типа (так же, как нельзя считать векселем долговые кабалы на Руси и облиги в Украине).

Поэтому мы выделяем в нашем исследовании прототипы векселя – кредитные документы эпохи Древнего Мира – и аналоги векселя – кредитные документы других культур (исламский Восток, Индия, страны бассейна Индийского океана, Китай), существовавшие в X–XVIII вв. и бывшие частично синхронными по времени векселю западноевропейского типа.

Экономические причины возникновения векселя (так же, как и треугольный механизм векселя) столь же древние, как товарно-денеж-

не могут быть адекватно переданы, они начинают приобретать некоторую иррациональность, и так формируется традиционный стереотип рационального Запада и иррационального Востока. Вследствие этого на основе смешивания тенденций двух разных культур возникают гетерогенные тексты, образующие новый культурный континуум (Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – С. 588).

ное обращение между отдаленными городами и странами, поскольку желание избежать перевозок наличных денег было очевидным и естественным по двум причинам – безопасность и удобство³³. Столь же древним по своему происхождению является и кредит. Как отмечал М. Вебер, везде, где возникала потребность в денежных средствах, сразу же появлялись лица, желающие дать деньги в долг. Так было в Вавилоне, Греции, Риме и Китае. Именно кредиторы финансировали войны, пиратство и освоение колоний, они же выступали в роли спекулянтов, наживаясь на денежных операциях³⁴.

Рассмотрение основных подходов к проблеме возникновения векселя позволяет воссоздать целостную картину этого процесса. Еще В. Эндеман отмечал, что для получения достоверной картины происхождения векселя необходимо прежде всего отказаться от попыток модернизации и увидеть совокупность исторических предпосылок распространения вексельных операций такими, какими они были в действительности³⁵.

С нашей точки зрения, распространение векселя в XII–XIII вв. в Италии необходимо рассматривать как следствие органического синтеза историко-экономических факторов, присутствовавших в то время в итальянских торговых городах. К этим факторам можно отнести наличие традиций римского права, влияние мусульманской культуры, развитие торгово-экономической деятельности на севере Италии, распространение двойной записи в бухгалтерском учете, а также общее развитие письменности в Европе, сделавшее возможным появление первых долговых документов.

Несмотря на то, что прототипы векселя можно найти в различных странах и в разные эпохи, все исторические факты (относящиеся к истории вексельного права и торгового права в целом) свидетельствуют о том, что вексель западноевропейского типа как финансовый инструмент со своими характерными признаками возник в Италии, поскольку именно там сформировалась совокупность причин, приведших к распространению векселей среди менял и банкиров сначала в итальянских городах, а потом и во всей Европе³⁶. К тому же, в то время в Италии, состоявшей из нескольких отдельных государств, оплата

³³ Juglar B., Ippolito B., Dupichot J. Les effets de commerce. Lettre de change, billet a ordre, cheque. – P.: Montchrestien, 1996. – P. 2.

³⁴ Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 50.

³⁵ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 77–78.

³⁶ Цитович П. П. К истории векселя. – К.: Типография университета св. Владимира, 1892. – С. 4.

наличными сама по себе была кредитной сделкой, так как в обороте находилось много различных видов монет, а единое государство, которое могло бы гарантировать реальную ценность денег, отсутствовало. Распространению кредитных операций способствовало и то, что в Италии сокращение разрыва между сельскими предпринимателями и купцами давало возможность получать выгоду от вложения сравнительно небольших сумм денег³⁷.

Таким образом, возникновение векселя нельзя связывать с отдельной страной или временем и необходимо рассматривать как закономерное следствие развития торгово-экономических отношений. Поскольку объединение всех этих факторов произошло в Италии XII–XIII вв., можно считать, что именно средневековая Италия оказала основное влияние на распространение векселя и становление норм вексельного права.

Рассмотрев в общих чертах основные теории происхождения векселя, следует остановиться на проблеме периодизации его истории. Заметим, что все способы такой периодизации являются относительными, как и любые логические модели, направленные на реконструкцию реальных исторических процессов. Поэтому периодизация истории финансовых инструментов (в том числе векселя) всегда будет условной.

Однако логика научного исследования предполагает выделение определенных этапов в истории вексельных операций, что необходимо прежде всего для последовательности изложения материала. Впрочем, при этом нельзя забывать слова Маргерит Юрсенар о том, что историки, истолковывая прошлое, предлагают его картину в виде законченных схем, выстраивая для этого причинно-следственные связи, слишком явные и четкие для того, чтобы быть истинными³⁸.

Большинство российских исследователей XIX в. были согласны с тем, что в истории вексельного обращения можно выделить три периода: итальянский, французский и немецкий. В основу такой классификации был положен территориальный географический принцип, присущий науке XIX в., но мало связанный с экономической сущностью различных этапов развития вексельных операций.

³⁷ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. – М.: МГУ, 1994. – С. 330–331.

³⁸ Соколов Я.В. Бухгалтерский учёт: от истоков до наших дней. - М.: Аудит: ЮНИТИ, 1996 - С.26.

В. Эндеман, автор известного «Исследования романско-канонического учения об экономике и праве» (1874 г.), предложил иной подход, выделив три периода в истории векселя: 1) до начала XIV в. (появление первых вексельных документов при отсутствии юридического обоснования вексельной операции); 2) середина XIV – начало XVI вв. (появление работ юристов-теологов, дискуссии о правомерности вексельных операций); 3) начало XVI – середина XVII вв. (период ярмарок, появление операции *resambium*, а также канонического и юридического обоснования вексельных операций)³⁹.

Несостоятельность географического принципа периодизации истории векселя стала очевидной уже в конце XIX – начале XX вв. Прежде всего это касается так называемого итальянского периода, начавшегося в XII в. и продолжавшегося вплоть до появления индоссамента, включая и первоначальный тип векселя, состоявший из двух документов – нотариально заверенной квитанции, выполнявшей основную роль, и платежного письма. Попытки создать новую, более подробную периодизацию истории вексельных операций, мы видим в работах А. Ф. Федорова и Г. Ф. Шершеневича, которые стремились разграничить первоначальный и ярмарочный типы векселей.

Еще один вариант классификации истории вексельных операций предложил Т. Гуль (1880–1957 гг.) в книге «Швейцарское обязательственное право» (первое издание – 1933 г.), выделивший такие периоды в развитии векселя и вексельного права: 1) XII – середина XV вв., эпоха простого векселя (оборот подобных векселям долговых документов); 2) середина XV – середина XVII вв., период возникновения переводного векселя; 3) середина XVII – конец XVIII вв., период коммерческого векселя с передаточной надписью (индоссаментом); 4) с XIX по XX вв., эпоха национального вексельного права, которую Т. Гуль связывает преимущественно со становлением немецкого вексельного права⁴⁰.

Что касается трех традиционных периодов развития векселя – итальянского, французского и немецкого, то мы разделяем мнение В. А. Белова, считающего, что целесообразно вести речь не о периодах, а об исторических типах векселей. В каждый период истории господствующее положение занимал один определенный тип векселя, наряду с которым сосуществовали (хотя, возможно, и были менее

³⁹ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 1–2.

⁴⁰ Guhl T. Das Schweizerische Obligationenrecht. – Zurich: Polygraphischer Verlag, 1956. – S. 594–599.

распространенными) векселя иного типа. Итальянский тип векселя утратил свое значение, когда перестали употребляться долговые документы, состоявшие из нескольких частей. В то же время возник ярмарочный тип, приобретший новые специфические качества. Это был общеевропейский тип векселя, поскольку ярмарки уже проводились во многих странах Европы. Позже из общеевропейского ярмарочного векселя почти одновременно выделились французский, немецкий и английский типы векселей. Они сосуществовали параллельно, хотя вначале преобладал французский, а позже – немецкий тип, разделивший в начале XX в. сферу влияния с векселем английского типа⁴¹.

По нашему мнению, для создания действительно адекватной периодизации истории вексельных операций необходимо обратиться к анализу первоисточников – текстов долговых обязательств и нотариальных записей. Репрезентативная выборка документов XII–XIV вв. позволяет обоснованно выделять первый период в истории вексельных операций, когда прототипом векселя был нотариально заверенный акт, а платежное письмо имело лишь вспомогательное значение.

На основе изучения этих документов Р. де Рувер предложил пять периодов в истории векселя. В *первый период* (1275–1350 гг.) возник новый вид контракта, неизвестный римскому праву – контракт вексельного обмена. Во *второй период* (1350 г. – конец XVI в.) нотариальный акт был заменен простым деловым письмом, которое негоциант адресовал своему корреспонденту, находившемуся в другом месте. *Третий период* (конец XVI – конец XIX вв.) связан с распространением индоссаменга, следствием чего стала полная трансформация характера векселя, постепенно утратившего связь с первоначальной операцией обмена денег. Наконец, в *четвертый период* (с конца XIX в.) вексель стал кредитным инструментом, приобретшим возможность адаптироваться к разнообразным условиям. *Пятый период* исследователь относит ко второй половине XX в., связывая его с унификацией вексельных операций⁴².

Учитывая вышеизложенные взгляды разных авторов на проблему периодизации истории вексельных операций, по нашему мнению, оптимальным является выделение следующих периодов:

⁴¹ Белов В.А. Очерки по вексельному праву. - М.: ЮрИнфоР, 2000. - С.34.

⁴² Roover de, R. L'Evolution de la lettre de change. - P.: Libraire Armand Colin, 1953. - P. 18. Алессандро Латес в своей работе, опубликованной в 1915 г., рассматривает лишь три периода в истории векселя, не упоминая первый период и, соответственно, период XX в. (Lattes A. Genova bella storia del diritto cambiario italiano // Rivista del diritto commerciale. - 15, fasc. 1. - 1915. - P. 185).

- 1) возникновение прототипов векселя в Древнем Мире;
- 2) появление аналогов векселя в странах Востока – Китае, Индии, мусульманских странах (VIII–XII вв.);
- 3) период первоначального типа векселя в Италии XII–XIII вв. (вексель состоял из двух документов: нотариально заверенный акт имел основное значение, а платежное письмо – вспомогательное);
- 4) период ярмарок, когда вексель приобрел свои существенные признаки (акцент, протест, вексельная строгость), то есть форму современного векселя;
- 5) период индоссамента (вексель вышел из рук итальянских кампсоров и распространился в большинстве стран Европы);
- 6) период формализации вексельного обязательства (правовое обоснование вексельной операции в немецком вексельном праве);
- 7) период унификации вексельного обращения (с начала XX в. и до нынешнего времени).

Можно отметить, что с попытками периодизации истории развития вексельных операций связано большинство обобщений, высказанных в работах разных исследователей. Чаще всего эти обобщения проявлялись в стремлении представить развитие кредитных операций, в том числе вексельных, как непрерывный процесс. Однако необходимо еще раз подчеркнуть, что любая периодизация является заведомо условной и нужна лишь для последовательного изложения истории вексельных операций.

1.2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРОТОТИПОВ ВЕКСЕЛЯ В ДРЕВНЕМ МИРЕ

1.2.1. Проблема возникновения прототипов векселя

Большинство исследователей истории векселя считают, что вексельные операции возникли в XII–XIII вв. в торговых итальянских городах. Однако существует достаточно обоснованное предположение, что такой сложный инструмент, как вексель, не мог возникнуть в XII в. из ничего. Поскольку вексельные операции являются порождением продолжительной практики товарно-денежного обращения, логично было бы предположить, что они изобретены купцами разных стран, а первые их прототипы можно искать там, где торговля и товарно-денежные отношения находились на достаточно высоком уровне.

Очевидно, эти прототипы вексельных обязательств возникли так же давно, как и письменные долговые обязательства, использо-

вавшиеся для облегчения коммерческих операций. Как отмечал М. Козинский, расцвет вексельного обращения в итальянских городах завершил продолжительный процесс развития долговых обязательств, первые из которых появились еще в античные времена – в древнегреческом и римском праве⁴³.

Рассмотрим подробнее подход, согласно которому первые прототипы вексельных операций обнаруживаются в особенностях денежного обращения древних Месопотамии, Греции и Рима, когда развитие ремесел и торговли способствовали становлению там достаточно высокого уровня кредитных отношений. Но прежде всего необходимо высказать некоторые соображения относительно подходов к изучению античной экономики в целом.

Экономическая история Древнего Мира начала активно исследоваться, начиная со второй половины XIX в. Основным предметом этих исследований была экономика античных Греции и Рима (из-за наличия большого количества сохранившихся письменных источников), но при этом рассматривались и проблемы эволюции экономики в Древнем Мире. В конце XIX – начале XX вв. сформировались два основных подхода – К. Бюхера и Э. Мейера. Согласно первому, античная экономика не вышла за рамки архаического, так называемого ойкосного типа. Приверженцы второго подхода придерживались тенденции модернизации экономики и социальной структуры в Древнем Мире, стремясь найти в ней параллели с классическим капитализмом⁴⁴.

Точку зрения К. Бюхера, приуменьшавшего значение товарно-денежного оборота в Древнем Мире, вряд ли можно считать правильной. Но еще более сомнительной является противоположная позиция Э. Мейера, преувеличивавшего значение торговли в Древней Греции и считавшего, что архаическое ойкосное хозяйство было полностью вытеснено денежным. Исходя из этого, Э. Мейер пришел к выводу, что экономическая жизнь Афин V–IV вв. до н. э. имела такой же капиталистический характер, как экономическая жизнь Англии в XVIII в., Германии – в XIX в⁴⁵. Такие параллели являются безусловной модернизацией – в действительности торговые города Древнего Мира, и прежде всего Древней Греции, были в истории полностью

⁴³ Kozinski, M. Weksle // Baczyk V., Kozinski M., Mihaliski, M. Papiery Wartosciowe. – Warszawa: Zakamycze, 2000. – S. 313.

⁴⁴ Will E. Trois quarts de siecle de recherches sur l'economie grecque antique // Annales. Economies. Societe. Civilisation. – 1954. – №9. – P. 7–19.

⁴⁵ Тюменев А. Очерки экономической и социальной истории Древней Греции: В 2 т. Т. 1. Революция. – Пг.: Государственное издательство, 1920. – С. 150–151.

своеобразным явлением, сравнивать которое с экономикой Европы XV–XVI вв., а тем более XVII–XVIII вв. нет оснований.

Со временем оба подхода были полностью отброшены, поскольку опирались на методологически ошибочную позицию, сравнивая экономику Древнего Мира с экономикой западного общества XIX в. Сегодня в исследованиях экономики Древнего Мира преобладает подход, основанный на идее М. Вебера о специфическом характере обществ и экономических систем Древнего Мира и нецелесообразности поиска аналогий в экономических системах других культур и эпох. М. Финли, наиболее авторитетный представитель этого подхода, подчеркивает, что античную экономику в принципе невозможно понять на основе современных экономических категорий.

Однако недостатком этого подхода является занижение реального уровня развития товарно-денежных отношений в античном обществе, что противоречит очевидным фактам. Несмотря на то, что было бы методологически неверным сравнивать экономику Древнего Мира с европейской моделью экономики, это не означает, что уровень развития товарно-денежного оборота и кредитных операций в Вавилоне, Древней Греции и Древнем Риме был низким. То же касается и развития кредитных отношений в Древнем Мире, и возникновения первых прототипов вексельных операций.

Из немецких авторов приверженцем теории античного происхождения векселя был К. Грюнхут, считавший, что письменные долговые обязательства – синграфы и хирографы – возникли еще в древнегреческом праве (получив развитие в V в. до н. э.), а оттуда перешли в римское право. Поскольку основанием для уплаты долга был сам текст синграфа (а потом – хирографа, пришедшего ему на смену), К. Грюнхут сделал вывод, что в античные времена вексельное письмо использовалось в денежном обращении, в частности в операциях трапезитов в Греции и аргентариев в Риме, а синграфы и хирографы были «первыми формами векселя»⁴⁶. По его мнению, хирографы настолько глубоко проникли в экономическую жизнь Римской империи, что не исчезли после ее распада и перешли к франкам и германцам в форме *cautio* или *cautum praestationis* – документа, который подтверждал заключение долгового обязательства. Такой документ (с определением условий долговой сделки) мог быть погашенным или переданным третьему лицу, а для уплаты долга необходимым было его предъявление. При этом перевод денег не всегда был основной

⁴⁶ Grunhut C. S. Wechselrecht. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1897. – S. 22–23.

целью соглашений: они часто выполняли и кредитную функцию, а по форме совпадали с хирографами (вексельными письмами)⁴⁷.

Среди русских авторов XIX – начала XX вв. теории античного происхождения векселя придерживались А. Ф. Федоров и А. А. Гольденвейзер; в 20-е годы XX в. о ней кратко упоминали В. А. Селиванкин и Б. Ф. Мовчановский. Так, А. Ф. Федоров отмечал, что векселями, очевидно, пользовались еще в античности, и нет оснований считать, что вексель возник только в XII веке в Италии⁴⁸. В. А. Селиванкин тоже считал, что первые формы векселя появились в античные времена⁴⁹, хотя и не аргументировал свою точку зрения. Б. Ф. Мовчановский писал, что, хотя родиной векселя считают средневековую Италию, он был известен в Греции, Месопотамии, Иудее и других государствах, а наиболее явные признаки вексельного обращения наблюдались в Греции. Свою точку зрения он подкреплял рассуждениями о деятельности греческих менял – трапезитов, которые не ограничивались разменом денег и брали на себя обязательства, получив определенную сумму, уплатить третьему лицу равноценную в другой монете и в другом месте. Такие операции в той или иной мере действительно можно считать прототипом вексельных операций⁵⁰. Из современных исследователей аналогичную мысль высказывал И. Н. Шапкин⁵¹, а Б. Юровский считает, что первые признаки вексельного обращения наблюдаются в Древнем Мире – Месопотамии, Египте, Греции и Риме⁵².

В то же время П. П. Цитович, Г. Ф. Шершеневич и С. М. Баранц вообще не рассматривали вопросы возможного возникновения прототипов векселя в античное время, а И. Г. Табашников пришел к выводу, что вексель не был известен древним народам, в том числе грекам и римлянам, аргументируя это тем, что римские юристы не только упомянули бы о таком финансовом инструменте, но и детально бы его описали.

Такой подход восходит к известной работе В. Эндемана, заявлявшего, что вексель нельзя считать правовой формой, пришедшей к нам из древних времен. По его мнению, тенденция считать римское право источником всех правовых институтов и понятий, в том числе

⁴⁷ Grunhut C. S. *Weschelrecht*. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1897. – S. 24–25.

⁴⁸ Федоров А. Ф. *История векселя. Историко-юридическое исследование*. – Одесса: Тип. Штаба Одес. воен. округа, 1895. – С. 3.

⁴⁹ Селиванкин В. А. *Вексель*. – Л., 1925. – С. 3.

⁵⁰ Мовчановский Б. Ф. *Вексель*. – М.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1927. – С. 3.

⁵¹ Шапкин И. Н. *Вексель: возникновение и становление // Вексель и вексельное обращение в России. Практическая энциклопедия*. – М.: Банкоцентр, 1996. – С. 7.

⁵² Юровский Б. *Возникновение и развитие вексельного обращения и вексельного права // Экспресс*. – 2002. – №12 (326). – С. 17.

и векселя, не является убедительной. Античное происхождение векселя отрицали и камбисты – С. Скаччия и Р. де Турри. Пример письма Цицерона с просьбой о переводе денег также не является аргументом в пользу существования вексельных операций, поскольку все документы, связанные с переводом денег, имеют некоторое сходство с векселем. Однако для того, чтобы из них развился вексель, требовалась совокупность причин, появившихся гораздо позже⁵³.

Очевидно, прав был Ф. Бродель, отмечая изобретательность городских купцов и банкиров, использовавших записки и чеки еще за двадцать веков до нашей эры в Вавилоне, но в то же время не рекомендуя модернизировать методы их деятельности, хотя одни и те же приемы применялись в Греции и в эллинистическом Египте, где Александрия стала центром международного транзита⁵⁴.

Поскольку дискуссионную проблему зарождения вексельных операций в Древнем Мире нельзя не принимать во внимание, мы рассмотрим ее подробнее, чтобы понять истоки предположения о возникновении векселя в эту эпоху. Дошедшие до нас тексты долговых обязательств дают основание предполагать, что первые прототипы вексельных операций появились не в античную эпоху в деятельности древнегреческих менял (когда вследствие общего экономического развития объектом торговли стали деньги), а в более древние времена – в Месопотамии и Вавилоне.

1.2.2. Прототипы векселя в Вавилоне

Первые финансовые инструменты коммерческого кредита появились у древних народов – финикийцев, карфагенян, египтян и прежде всего вавилонян – в период их полной оседлости и возникновения денежного обращения. Для уяснения особенностей развития инструментов коммерческого кредита в Древнем Мире необходимо рассмотреть древнейший период в их истории, связанный с Вавилоном – городом, который еще в библейские времена стал символом коммерции и власти денег.

В Древней Месопотамии давно возникла и приобрела распространение практика вкладов движимого имущества в специальные хорошо охранявшиеся храмы, порядочность служителей которых не вызывала

⁵³ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 75–76.

⁵⁴ Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 1. – К.: Основи, 1995. – С. 406.

характера из этого храма относится ко временам правления Сабиума (1884–1831 гг. до н. э.) – третьего царя из Первой династии Вавилона⁶¹.

Основным источником накопления богатств в таких кредитных учреждениях был 10% налог, который платили в Вавилоне не только отдельные лица, но и целые города и даже члены царской семьи. Приведем образец соответствующих записей, сохранившихся в храме Шамана:

«Десятипроцентный налог зерном в сокровищницу солнечного бога в храме Эбаббара – от Нидинту, сына Белибни, за месяц Нияр (апрель – май) первого года правления царя Дария... 10 гур зерна от города Паллуканту... 10 гур от города Никку, 10 гур от города Рабби-или, 10 гур от города Куррасу...»⁶².

Сначала налог в сокровищницу храма платился зерном и скотом, а при накоплении значительного количества зерна храмы продавали его, приумножая свои запасы золота и серебра. Позднее появились записи о платежах, производимых в драгоценных металлах (их осуществляли преимущественно члены царской семьи и царские чиновники):

«Царь посылает десятицу – шесть мин золота – к большим воротам храма Эбаббара, 26 день Сивана (июня) первого года правления Набониды, царя Вавилона»⁶³.

Большинство сохранившихся документов на глиняных табличках датируется так называемой старовавилонской эпохой – временем правления царей первой династии, наиболее известным из которых был Хаммурани. Этим деловым документам был присущ строгий формализм, объединявшийся с лаконизмом и юридической точностью формулировок, что свидетельствует о достаточном развитии правового института долгового обязательства. Типичная структура документов предусматривала такие пункты: 1) объект договора (серебро или натуральные продукты); 2) имена контрагентов; 3) правовая деятельность контрагентов; 4) имена свидетелей и писца; 5) дата. Договоры займа имели обычно следующую форму: 1) объект займа; 2) величина процента или указание беспроцентности займа; 3) обязательная формулировка: должник (имя) взял займы у кредитора (имя); 4) время, место и способ погашения займа; 5) свидетели и дата⁶⁴.

⁶¹ Bromberg B. The origin of banking. Religious finance in Babylonia // The Journal of Economic History. – 1942. – №2. – P. 77.

⁶² Pinches T. G. A fragment of Babylonian Tith-list // The Babylonian and Oriental Records. – 1887. – № 1. March. – P. 77.

⁶³ Dougherty R. P. Nabonidus and Belshazaar. – New Haven, 1929. – P. 87.

⁶⁴ Рифтин А. П. Старовавилонские документы в собраниях СССР. – М.: Academia, 1931. – С. 20, 36.

В этих документах просматривается достаточно сформированная система понятий. Документы в целом назывались *dirrim*; письменный договор – *riksatum*; документ с печатью – *kinukkim*. Беспроцентный заем имел название *kiptum* (на юге Вавилонии) или *hubutatum* – на севере; прибыль при обмене монет – *tappitatum* (на юге) или *niplatum* (на севере). Документ о займе под проценты назвался *kinuk hu-bu-li*, а документ о беспроцентном займе – *kinuk hu-bu-ta-ti*⁶⁵.

Такие долговые обязательства М. М. Марголин⁶⁶ в статье об истории банков называет гуду (*hudu*). А. Бимман также упоминает *hudu*, называя их банковскими билетами, находившимися в обороте⁶⁷. Возможно, это иная форма транскрипции упомянутых выше понятий *hubutatum*, *hu-bu-ta-ti*, *hu-bu-li* с корнем *hubu* – письменное долговое обязательство⁶⁸.

М. Вебер считал, что в Вавилонии возникли первые банковские билеты (хотя, конечно, это не были банкноты в современном понимании, предполагающие возможность свободного оборота независимо от вклада отдельного вкладчика). В Вавилонии прототипы банковских билетов были лишь средством быстрого и надежного перевода платежей клиентами древних банкиров. Очевидно, следует осторожно относиться к попыткам модернизации этих операций, поскольку вавилонские прототипы банковских билетов использовались исключительно для местного оборота и были рассчитаны на ограниченный круг купцов⁶⁹.

Во времена правления вавилонского царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.) практика подобных коммерческих операций нашла отражение в известном памятнике «Законы Хаммурапи» (1704–1662 гг. до н. э.), свидетельствующем не только о существовании долговых документов, но и о попытках регулирования кредитных отношений законодательным путем. В частности, согласно законам Хаммура-

⁶⁵ Там же, с. 11–13, 20. Кроме того, развитию кредитно-денежных операций в Вавилоне посвящены работы: Kohler J. Aus dem babylonischen reschleben. – Berlin, 1890; Kohler J. Juristischer Excurs zu Peiser's Babylonische Verträge. – Berlin, 1890; Meissner K. Aus dem altbabylischen Rescht. – Berlin, 1905.

⁶⁶ Марголин М. М. Исторический очерк развития банковских учреждений // Новый энциклопедический словарь. Т. 5. – СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, 1911. – С. 53–93.

⁶⁷ Бимман А. Б. История банков. – СПб.: Тип. Г. А. Шумахера и Б. Д. Брукера, 1917. – С. 9.

⁶⁸ Мы придерживаемся транскрипции, приведенной в работе А. П. Рифтина, в основу которой положен труд известного исследователя вавилонских надписей Françoise Thureau-Dangin (1872–1944 гг.) «Les Homophones Sumeriens» (Рифтин А. П. Старовавилонские документы в собраниях СССР. – М.: Академия, 1931. – С. 6).

⁶⁹ Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – С. 239.

пи, передача денег без расписки считалась недействительной⁷⁰. По-видимому, именно излишек продукции, а потом излишек денежных средств (воплощенных в драгоценных металлах, накопленных за счет продажи излишков продукции) стал основной причиной развития кредитных операций в храмах Вавилона.

Упомянутый выше храм Эбаббара был заинтересован не только в кредитных и торговых операциях, но и вкладывал деньги в производство тканей. Храм был также большим землевладельцем, которому принадлежали поля и дома. Кроме собирания налогов, крупные коммерческие операции осуществляли верховные жрицы храма Шамаша, владевшего значительным богатством⁷¹.

Среди надписей на глиняных табличках встречаются многочисленные долговые обязательства, в которых указана норма прибыли от кредита:

«Минутум одолжил в храме Шамаша 10 гур зерна с вознаграждением в 1/5 гур за один гур и возвратит долг во время сбора урожая.

Подписи трех свидетелей (без даты)»⁷².

Эта запись свидетельствует об использовании 20% вознаграждения при займах еще до принятия законов Хаммурапи, в которых был определен максимальный процент при займах – 33,3% (1/3). Аналогичная форма долговых записей сохранялась и в классический, и в нововавилонский период, когда процент снова уменьшился до 20%.⁷³

Торговля деньгами осуществлялась в Вавилоне наравне с торговлей товарами. После того, как законами Хаммурапи долговое рабство было упразднено, деятельность вавилонских ростовщиков стала более цивилизованной, однако ростовщичество оказывало сильное влияние на ментальность вавилонян, проникая во все формы деловой жизни.

Достаточно распространенными являются записи долговых обязательств этого времени, предметом которых является определенное количество золота и серебра (в Вавилоне не было монетной системы). Приведем образец такой записи времен правления царя Аби-Есуха (1711–1684 гг. до н. э.):

⁷⁰ Волков И. М. Законы вавилонского царя Хаммурапи – М.: Изд-во Левенсона, 1914. – С. 30–31.

⁷¹ Bromberg B. The origin of banking. Religious finance in Babylonia // The Journal of Economic History. – 1942. – №2. – P. 79.

⁷² Hammurabi Gezet / Ed. by J. Kohler. T. 1 – Leipzig, 1909 – S. 127.

⁷³ Bromberg B. The origin of banking. Religious finance in Babylonia // The Journal of Economic History. – 1942. – № 2. – P. 80–81.

«Идин-Самас одолжил в храме Шамаша пять с половиной шекелей серебра и во время сбора урожая возвратит долг вместе с процентом.

Два свидетеля.

26-й день месяца Себит (январь)»⁷⁴.

Хотя в данной записи не указан размер процента, в других подобных документах присутствует оговорка: «как принято в храме Шамаша». В приведенном выше долговом обязательстве процент можно определить с помощью другого долгового соглашения, заключенного жрицей храма Шамаша, – он был значительно ниже общепринятых 20%, и составлял лишь 6%. В то время ростовщическая прибыль в виде процента колебалась от 10 до 33,3% годовых, а наиболее распространенным при денежных операциях было вознаграждение в 20%; прибыльность ниже 20% в год считалась нерентабельной.

В случае, если платежеспособность должника вызвала сомнение, заем обеспечивался залогом земли, дома или иного имущества. Вернуть долг в Вавилоне подчас было непросто, поскольку кредитор не имел прав на свободу должника и мог забрать лишь залог. Впрочем, в вавилонском обществе это было не принято – ростовщичество в его чистом, неприкрытом виде вызывало осуждение. Поэтому часто займы предоставлялись через подставных лиц, которые при необходимости и забирали залог.

Каждое соглашение обязательно фиксировалось в письменной форме. Должник не имел права отказаться от уплаты долга, поскольку мог лишиться возможности дальнейшего кредита, что для большинства жителей Вавилона означало полное разорение. Так как кредитные отношения в вавилонском обществе были широко распространены, в ветхозаветных библейских текстах образ Вавилона стал символом безжалостного ростовщичества и корысти.

В Вавилоне хорошо понимали, что капитал (это понятие появляется еще в Шумере в III тысячелетии до н. э., где капитал назывался *sag-du*; в Вавилоне употреблялось понятие *qaqqadu*) – это денежные средства, которые благодаря кредитным операциям приносят прибыль⁷⁵.

Письменное долговое обязательство, выданное при получении займа с целью коммерческой деятельности выглядело таким образом:

«Партнерский капитал в 20 мин серебра, а также 6 мин серебра для свободного распоряжения – всего 26 мин серебра – Зубанум и Син-есмеанни одолжили у Шамаша и Син-есмеанни. После завершения торгового путешествия они возвратят серебро и надлежащий процент.

⁷⁴ Bromberg B. The origin of banking. Religious finance in Babylonia // The Journal of Economic History. – 1942. – № 2. – P. 83.

⁷⁵ Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. – М.: Мысль, 1971. – С. 145–147.

Шесть свидетелей.

14 день месяца Тишири (сентябрь), 37-й год правления царя»⁷⁶.

Из текста долгового соглашения видно, что два лица составили между собою партнерский контракт (прототип будущей комменды). Син-есмеани, один из участников партнерского контракта, служил в храме Шамаша, и он же (вместе с богом Шамашем) выступал в роли заимодателя.

Распространенными были и беспроцентные долговые обязательства, что, очевидно, было связано с обстоятельствами предоставления займа. Приведенное ниже долговое соглашение было заключено с торговым агентом храма Эбаббара с целью осуществления торговых операций в других странах:

«1,5 шекелей и 15 зерен серебра (мера веса Шамаша) Син-бел-абмини, сын Липит-Иштар, одолжил в храме Шамаша. После завершения торговой поездки он возвратит серебро в храм Шамаша.

Два свидетеля.

12 день месяца Марчесвана, пятый год правления царя»⁷⁷.

Наиболее интересным является следующий образец долгового обязательства времен царя Хаммурапи:

«5 шекелей чистого серебра (по цене Шамаша) Идин-Рамман и его жена, Хумтани, одолжили у Шамаша и Идин-йатуна. Если они увидят надпись на базарной стене (с распоряжением о возврате долга), они должны вернуть серебро и соответствующую процентную прибыль предъявителю этого документа.

Три свидетеля.

Месяц Элул (август – сентябрь), 35-й год правления царя»⁷⁸.

Это долговое обязательство является прототипом документа на предъявителя (с условием, определявшим срок уплаты долга), что уже имеет некоторое сходство с вексельным обязательством. В целом же, приведенные образцы соглашений свидетельствуют о постепенной эволюции долгового обязательства в Древнем Вавилоне от простейших его форм к достаточно сложным, как в последнем случае.

Особого расцвета финансово-кредитное дело в Вавилоне достигло в последующие столетия, в так называемый нововавилонский пе-

⁷⁶ Hammurabi Gezet / Ed. by J. Kohler: 4 t. T. 1. – Leipzig, 1909 – S. 551.

⁷⁷ Hammurabi Gezet / Ed. by J. Kohler: 4 t. T. 1. – Leipzig, 1909 – S. 130.

⁷⁸ Ibid. – S. 919.

риод (VII–V вв. до н. э.), когда финансово-кредитными операциями начинают заниматься не только храмы, но и частные лица. Для экономики Вавилона того времени характерным было господство больших банкирских домов. В частности, имеются исторические свидетельства о существовании в VII в. до н. э. банкирских домов Эгиби и Мурашу, занимавшихся приемом денежных вкладов⁷⁹.

Основными функциями банкирского дома Эгиби была выдача займов под проценты и сохранение вкладов. Под его руководством действовало несколько ростовщиков, однако лишь глава дома имел право заниматься кредитом и хранением вкладов⁸⁰. Сохранились также документы, позволяющие проследить кредитные операции, осуществлявшиеся банкиром Шу и его сыном Наи.

В 577 г. до н. э. Наи дал в заем Набу-этиру, сыну Амурру-нацира, 2 мины серебра, 1 талант шерсти (равнялся 12 сиклям серебра) и один сосуд масла. Спустя некоторое время обязательство должника было передано Ремуту (кредитору Наи) в счет погашения долга ячменем на сумму 1 мина 27 сиклей. При этом Набу-этир обязался уплатить одну часть долга Ремуту, а вторую – Наи. В случае неуплаты Наи должен был рассчитаться со своим кредитором самостоятельно⁸¹.

В то время вавилонские банкиры принимали вклады под проценты и осуществляли платежи за счет третьих лиц, а также выдавали займы под залог движимого и недвижимого имущества, выполняя роль посредников при купле-продаже товаров. Кроме того, они выполняли функции посредников при заключении договоров.

Примером использования письменных прототипов векселя во времена правления царя Навуходоносора может служить история богача по имени Набу-аплу-иддин, жившего в Вавилоне. Получив большое наследство, он быстро его растратил и вынужден был обратиться к ростовщикам. Поскольку Набу-аплу-иддин был известным человеком, ростовщики верили выданным им долговым документам, предоставляя ему займы в течение 15 лет. В 561 г., когда долг достиг огромных размеров, Набу-аплу-иддин объявил себя банкротом, а все его имущество было приобретено Набу-аххе-иддином, взявшим на себя расчеты

⁷⁹ Каценеленбаум З. С. Учение о деньгах и кредите: В 2 ч. Ч. 2. Кредит и кредитные учреждения. – М.: Экономическая жизнь, 1928. – С. 278; Гольденвейзер А. А. Зачатки банкового дела. Древний мир // Банковая энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. проф. Л. Н. Яснопольского Т. 2: Биржи. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1917. – С. 24.

⁸⁰ Мартиросян А. А. Деловой дом Эгиби. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989. – С. 68.

⁸¹ Там же. – С. 71.

с кредиторами. Тем из них, кто имел в залоге имущество банкрота, он заплатил полностью, а тем, кто имел на руках лишь долговые обязательства банкрота (В. А. Белявский не вполне корректно называет их векселями), он предложил уплатить половину суммы; несогласным с этими условиями вообще отказался платить. Набу-аххе-иддин настолько обогатился на этом, что позднее открыл известный банк Эгиби⁸².

Мы не знаем, какие именно долговые обязательства В. А. Белявский называет векселями, хотя на основе приведенных выше образцов вавилонских письменных долговых обязательств можно получить представление о возможной форме этих документов. Напомним, что по справедливому замечанию А. Б. Биммана, хотя в Древнем Мире и существовали кредитные письма, предполагавшие обращение за платежом к банкиру, настоящие вексельные операции древним банкирам не были знакомы⁸³. Поэтому называть векселями такие кредитные письма, или письменные долговые обязательства, не только некорректно, а и методологически неверно, хотя их действительно можно рассматривать как отдаленные прототипы векселей.

Клиентами дома Эгиби были преимущественно писцы и ремесленники. После смерти банкира клиенты часто переходили к его преемнику. Сохранились документы, свидетельствующие о передаче долгового обязательства, подобные приведенному ниже примеру:

«В день, когда придет Небоким, в соответствии с договором, который он заключил с Ардубелем, он будет требовать у Ардубеля свой долг. Этот долг и процент по нему вместо Ардубеля ему возвратит Небоитанси»⁸⁴.

Более детально операция передачи долгового обязательства прослеживается в следующем документе:

«Идти-Бардук-Балату уплатил вместо Набу-тултабши-лишира его долг в размере 1,5 мины серебра, выкупив из залога двух его рабов – Шапи-калби и Бен-бенаши по доверенности Иддин-Мардука Нур-Сина».

В документе отмечается, что кредитор действительно вернул долговое обязательство Идти-Бардук-Балату. На следующий день Идти-Бардук-Балат уплатил по долговому обязательству того же самого должни-

⁸² Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. – М.: Мысль, 1971. – С. 149–150.

⁸³ Бимман А. Б. История банков. – СПб.: Типография Г. А. Шумахера и Б. Д. Брукера, 1917. – С. 10.

⁸⁴ Revillout E. Les obligations en droit egyptien compare aux autres droits de l'antiquite. T. 2. – P., 1886. – P. 379.

ка снова по поручению Иддин-Мардука 35 сиклей, залогом которых была рабыня; через четыре дня Иддин-Мардук покупает через Идти-Бардук-Балата указанных выше двух рабов и рабыню за 2,5 мины серебра, из которых 2 мины уже были уплачены кредиторам продавца. А в 523 г. до н. э. банкир Имб принял на сохранение от Ина-Есагила-рабат-Набая долговые обязательства должников семьи Нур-Син (которые А. А. Мартиросян называет векселями) с целью требования уплаты долгов⁸⁵.

Известны свидетельства, относящиеся к тому же времени, об организации коммерческих обществ, имевших название *harrani*. Эти записи напоминают банковское финансирование. Контракты об организации таких торгово-коммерческих объединений можно разделить на два типа: 1) односторонний вклад капитала, оформленный как абстрактная долговая расписка (*u'iltu*) с условием, что он предназначен для целей торговли; 2) двусторонний (или многосторонний) вклад капитала, предусматривавший равенство компаньонов.

Кроме того, среди письменных долговых обязательств упоминаются и базарные долговые расписки, выдававшиеся при купле товара в кредит. После погашения долга абстрактное долговое обязательство (*u'iltu*) погашалось, а надписи на табличках стирались либо таблички разбивались⁸⁶.

В целом же, приведенные факты свидетельствуют о том, что Вавилон действительно можно считать родиной ростовщических и кредитных операций. По уровню развития кредита с Вавилоном мог сравниться лишь Египет, а также некоторые города Финикии и Сирии. В Древних Греции и Риме кредитная деятельность достигла такого уровня развития значительно позже. Однако не следует переоценивать уровень развития денежного обращения в Вавилоне, где общественные отношения сохраняли специфику экономики стран Древнего Мира, а кредитная деятельность еще не стала отдельной сферой профессиональной деятельности, сохраняя неразрывную связь с торговлей, ростовщичеством и рабовладением.

⁸⁵ Мартиросян А. А. Деловой дом Эгиби. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989. – С. 100–101.

⁸⁶ Там же, с. 103–105, 115.

1.3. ПРОТОТИПЫ ВЕКСЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ В АНТИЧНЫХ ГРЕЦИИ И РИМЕ

1.3.1. Долговые обязательства в Древней Греции

В IV в. до н. э. экономические отношения в греческих городах-государствах достигли достаточно высокого уровня развития, особенно в Афинах, где началась специализация торговли. Об этом свидетельствуют труды Аристофана, где упоминаются многие торговые профессии, а также менялы – трапезиты. Постепенно формируется особый торговый класс (*kapeloi*), профессионально занимавшийся коммерческой деятельностью. Аристотель четко разграничивал торговлю (*emporía*) и кредитные операции (*tokismos*).

Обеспечение денежного обращения между греческими городами требовало перевозки денег в форме монет, что представляло в то время значительный риск для участников денежных операций. Кроме того, в Греции существовало большое количество городов-государств (полисов), и в обороте были различные типы монет, некоторые из которых использовались лишь там, где выпускались. Это вынуждало искать иные способы перемещения денежных сумм и обмена монет разных типов. Одним из таких способов стал морской заем (*foenus nauticum*), возникший, вероятно, в Греции, поскольку греческие полисы были расположены на разных островах Эгейского моря, и древнегреческая торговля осуществлялась преимущественно морским путем, достаточно рискованным в то время.

Основным условием возвращения займа и получения процентов была доставка товара (или денег) к месту назначения. В этом случае займодаделец получал большой процент – около 30%, но если корабль погибал, он рисковал всей суммой. В случае гибели корабля лицо, предоставившее заем, утрачивало право требовать и одолженную сумму, и проценты на нее. Морской заем широко использовался в Древнем Мире (подробности о морских займах встречаются в речах древнегреческих судебных ораторов, в том числе Демосфена) до тех пор, пока римский император Юстиниан не запретил его, считая ростовщичеством. Несмотря на это, практика морского займа сохранилась и перешла из эпохи античности в средневековый мир⁸⁷.

Достаточно типичный пример такого займа упоминается в речах Демосфена:

⁸⁷ Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – С. 194–195.

Два купца, жившие в Афинах, – Хрисипп с братом и Формион – собираются отправить корабль для закупки товара, и Хрисипп с братом выдают для этого сумму в размере 20 мин. Корабль принадлежал Диону, а его капитаном был Лампис, бывший раб Диона. Условия займа таковы: Формион платит проценты в размере 6 мин (33,3%) за весь срок путешествия, а для обеспечения займа он обязан загрузить корабль в Афинах товарами, ценность которых должна быть в 2 раза больше объема полученного займа (эти товары являются залогом). В ином случае он должен уплатить Хрисиппу неустойку в размере 5 мин. Предусмотрено два варианта уплаты долга: 1) Формион, продав товар в Босфоре, снова загружает судно и возвращается в Афины, после чего он возвращает долг Хрисиппу; 2) если Формион пожелает, он может не брать новый груз, но в таком случае он должен уплатить в Босфоре капитал с процентами капитану корабля Лампису, чтобы тот передал деньги Хрисиппу. Весь риск, связанный с плаванием, несут кредиторы (Хрисипп и его брат). В случае гибели корабля их деньги будут утрачены. Соглашение было составлено в двух экземплярах, один из которых передан на хранение трапезиту Киттосу⁸⁸.

В Древней Греции морской заем выполнял несколько функций – был способом перевода денег, кредитом и способом страхования от непредвиденных обстоятельств морского путешествия (давал право должнику удерживать одолженные деньги как компенсацию за товары, утраченные вследствие гибели корабля). Поэтому он был широко распространен не только в Древней Греции, но и в Римской империи, где назывался *foenus nauticum*, а одолженная сумма – *pecunia traectitia*⁸⁹.

Во избежание нарушения условий договора кредитор должен был установить контакт с лицами, проживающими там, куда направлялся корабль, и имеющими возможность контролировать деятельность должников, в частности передавать должникам письма с условиями договора. Такая практика не всегда давала желаемый результат, поскольку письма передавались через капитана отправляемого корабля, который (намеренно или непреднамеренно) мог их не вручить адресату. Это создавало значительные неудобства и часто вынуждало кредиторов самих отправляться в путешествие, посылать своего доверенного раба или нанимать специального агента.

Можно ли считать морской заем прототипом вексельных операций, исходя из того, что он иногда предусматривал перемещение денег в другое место и их уплату в иной валюте? С нашей точки зрения,

⁸⁸ Кулишер И. М. Очерк экономической истории Древней Греции. – Л.: Сеятель, 1925. – С. 217.

⁸⁹ Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одес. воен. округа, 1895. – С. 5–6.

сравнивать эти займы с прототипами вексельных операций можно лишь условно: некоторое сходство было лишь в случаях перемещения денег из одного места в другое. Еще одна форма кредита состояла в предоставлении определенному лицу требуемой суммы денег с его обязательством уплатить эту сумму в другом месте и в той монете, которая там использовалась. Существование такого поручения, а также выдача путешественникам кредитных документов, гарантировавших осуществление платежа, очевидно, и стало основанием для вывода, сделанного М. Вебером, что в Древней Греции использовались векселя (хотя и не в нынешней форме), а также другие платежные средства, напоминавшие современный чек⁹⁰.

Наиболее распространенным был простой кредит, имевший две цели: 1) собственно заем, когда возвращенная сумма должна быть большей, чем одолженная (проценты за пользование капиталом); 2) обмен одной монеты на другую, когда возвращенная сумма была меньшей, чем одолженная (процент оставался посреднику).

Отличие морского займа от простого долгового прослеживается в самих формулировках долговых документов. Для морского займа непременным было условие, по которому долговое обязательство вступало в силу лишь тогда, когда корабль достигал места назначения (в долговых документах римского времени это называлось *ad risicum maris, sana eunta navi, salva navi*). Для простого долгового займа такое условие не ставилось, а уплата предполагалась в любом случае (*salvum in terra*)⁹¹.

Кредитными операциями в Древней Греции занимались трапезиты, часто упоминавшиеся в речах, приписываемых Демосфену. Термин «трапезит» происходит от греческого слова «*trapeza*», означавшего небольшой столик или специальную доску, на которой трапезит осуществлял свои финансовые операции. Сначала трапезиты занимались лишь обменом монет, а потом начали принимать вклады и выдавать займы под проценты, получая таким образом прибыль, достигавшую иногда 100%.

Первые трапезиты появились в V–IV в. до н. э. (известно имя трапезита Филостефана, которому Фемистокл передал в г. Коринфе на

⁹⁰ Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – С.239.

⁹¹ А. Ф. Федоров, проанализировавший особенности морского займа, считал его прототипом вексельных операций (Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1895. – С. 7).

хранение 70 талантов)⁹², а наибольшее распространение их деятельность получила в Афинах, где по причине выгодного географического положения для осуществления товарообмена встречались представители разных греческих городов.

Деятельность трапезитов, так же, как и торговля в целом, не имели в Древней Греции особого почета, поэтому трапезитами становились преимущественно иностранцы или рабы, отпущенные на волю, как, например, Пасион – бывший раб Архестрата, работавший в его банковской конторе. Из известных афинских трапезитов лишь двое, возможно, были афинянами, 14 – иностранцами, 11 – отпущенными на волю рабами, а один – сыном отпущенного на волю раба⁹³. Что касается Пасиона, то благодаря кредитным услугам, оказанным афинскому государству, он не только накопил значительный капитал, достигший 50 талантов (впрочем, вопрос о размерах капитала Пасиона является спорным, и разные авторы оценивают его от 40 до 70 талантов, а Р. Богарт исчисляет его с учетом недвижимости в 74 таланта⁹⁴), но и имел неограниченный кредит во всех торговых городах Древней Греции, получил права афинского гражданина и умер в 370 г. не только богатым, но и уважаемым человеком⁹⁵.

История Пасиона, является яркой иллюстрацией развития древнегреческой банковской конторы в течение трех поколений, а также типов кредитных операций, осуществлявшихся в то время в Афинах. Однако из речей Демосфена становится ясно, что банковская контора Пасиона была в Греции исключительным явлением и не следует считать, что масштаб деятельности других афинских трапезитов (Соклес, Сократ, Киттос, Гераклид, Пилад, Демомел, Теокл и др.) был таким же, как и у него. Очевидно, эти трапезиты занимались в первую очередь традиционным обменом денег, а кредитные соглашения заключали лишь эпизодически.

Неизвестно, платили ли трапезиты проценты по вкладам, но большинство исследователей (ссылаясь на деятельность римских менял) считает, что такие проценты платились и в Древней Греции. Размер процентов не был определен законами и поэтому мог изменяться: наиболее низкий – 10%, наивысший – 36%. Р. Богарт убедительно доказал, что вклады в древнегреческие банки и прежде всего в банк Пасио-

⁹² Каценеленбаум З. С. Учение о деньгах и кредите: В 2 ч. Ч. 2. Кредит и кредитные учреждения. – М.: Экономическая жизнь, 1928. – С. 279.

⁹³ Bogaert R. Banques et banquiers dans les cites grecques – Leiden: A. W. Sijthoff, 1968. – P. 331–375.

⁹⁴ Bogaert R. La Banque a Athens au IV siecle avant J. C. Etat de la question // Museum Helveticum. – 1986, Marz. – Vol. 43, № 1. – P. 42.

⁹⁵ Тюменев А. Очерки экономической и социальной истории Древней Греции: В 2 т. Т. 1. Революция. – Пг.: Гос. изд-во, 1920. – С. 135.

на были инвестиционными и предполагали получение процентов.

Анализируя характер банковского кредита в Древней Греции, Р. Богарт пришел к выводу, что этот кредит был потребительским, а не производственным (в этом вопросе он был не согласен с точкой зрения В. Томпсона, считая, что производственные кредиты преобладали над потребительскими)⁹⁶. Займы под процент предоставлялись под залог движимого и недвижимого имущества, земли, домов, рабов, товаров и кораблей. Известно, что трапезиты вели торговые книги, имевшие разные названия – *hypomnemata*, *ephemerides*, *grammata*, в которых переписывались долги со счета на счет. Очевидно отсюда происходит понятие *diagraphein* – переписывать долги.

Что же касается ипотечных займов, то, как правило, богатые афиняне брали кредит не для того, чтобы вложить деньги в выгодное дело и приумножить свое богатство, а чтобы удовлетворить свои денежные потребности непроизводственного характера или уплатить налоги⁹⁷. Необходимо заметить, что большинство граждан античного полиса (города-государства) вкладывали средства, полученные от ремесел или торговли, в приобретение земли (хотя это и было менее прибыльным, чем торговля), поскольку землевладение являлось показателем социального престижа. Эта традиция тормозила развитие коммерческого кредита и ограничивала в сфере кредитно-денежных отношений деятельность лиц, не являвшихся гражданами полисов: они не могли занимать деньги под залог недвижимого имущества. Сама структура греческого полиса не способствовала развитию экономики в целом и кредитных отношений, поэтому нет ничего странного в том, что (как мы уже упоминали) большинство афинских трапезитов, занимавшихся кредитными операциями, не были гражданами Афин.

Несмотря на эти ограничения, не следует недооценивать общее развитие кредитных операций в Афинах в IV в. до н. э., что подтверждается многочисленными упоминаниями о трапезитах и о процентных займах – источнике богатства зажиточных афинян. Хотя большая часть займов носила непроизводственный характер (выкуп из плена, приданое для дочери и т. п.), встречаются упоминания и об использовании их для производственной деятельности, например, для разработки Лаврионских серебряных рудников.

⁹⁶ Bogaert R. La Banque a Athens au IV siecle avant J. C. Etat de la question // Museum Helveticum. – 1986. – Vol. 43, № 1. März. – P. 24.

⁹⁷ Примером займов под проценты были морские займы, за счет которых финансировалась значительная часть морской торговли (Bogaert R. La Banque a Athens au IV siecle avant J. C. Etat de la question // Museum Helveticum. – 1986. – Vol. 43, № 1. März. – P. 27).

Существовали ли в деятельности трапезитов финансовые инструменты, которые можно было бы сравнить с векселем, и есть ли основания для утверждения Ш. Летурно, что вексель был известен в Греции так же, как в Месопотамии и Иудее, а срочные билеты, выдаваемые трапезитами в Афинах, находились в обороте, подобно векселям⁹⁸?

Для наглядности рассмотрим историю Стратокла, описанную Исократом:

Пасион принял на себя поручительство за иностранца, обратившегося с просьбой к Стратоклу (отправлявшемуся в Боспорское царство, расположенное в Причерноморье) одолжить определенную сумму денег, предлагая Стратоклу получить эту сумму у наместника Боспора – отца своего должника. Для этого Стратоклу было передано письмо отцу должника с просьбой уплатить ему эту сумму. Риск в этой ситуации состоял в том, что отец должника мог не согласиться уплатить деньги, а за это время иностранец, занявший деньги, мог уехать из Афин, вследствие чего невозможно будет получить назад деньги. Поэтому Пасион выступает в роли поручителя и обязуется уплатить указанную сумму вместе с процентами. Согласие Пасиона в данном случае обусловлено тем, что этот иностранец привез в Афины зерно, отдав свои деньги на хранение Пасиону без свидетелей, поскольку при заключении договоров с трапезитами свидетели не были нужны. Когда позднее этот же иностранец выступил с обвинениями в адрес Пасиона, он не предъявлял никаких документов. Это говорит о том, что, скорее всего, никакие долговые документы не выдавались и о переданных деньгах делалась запись в бухгалтерских книгах трапезита⁹⁹.

Очевидно, нет оснований рассматривать это обычное письмо с просьбой уплатить деньги как переводной вексель, поскольку такие документы, на наш взгляд, имеют больше общих черт с аккредитивом. Как справедливо отмечал в конце XIX в. Л. Гольдшмидт, во времена Демосфена не существовало ни уплаты по приказу, ни цессии, ни бумаг на предъявителя. Таким образом, можно говорить о наличии в Древней Греции IV в. до н. э. правовых инструментов, которые лишь отдаленно напоминали средневековые европейские векселя¹⁰⁰. И вряд ли можно согласиться с утверждением Г. Маклеода, считающе-

⁹⁸ Летурно Ш. Эволюция торговли. – СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1899. – С. 295.

⁹⁹ Isocrat. Trapezitic, 22 (Кулишер И. М. Очерк экономической истории Древней Греции. – Л.: Сеятель, 1925. – С. 227).

¹⁰⁰ Goldschmidt, L. Inhaber-Order und executorische Urkunden im klass // Altertum. Zeitschr. der Savigny – Stift. für Rechtsgesch., Roman. Abt. B. X., 1889. – P. 363, 374.

го, что «афинские банкиры были первыми, кто изобрел метод дисконта, предполагавший удержание прибыли во время предоставления займа»¹⁰¹.

В конце III – начале II в. до н. э. кредитные операции усложняются. В надписях, найденных в г. Орхоменосе (Беотия) и относящихся к 223–170 гг. до н. э., сохранился пример документа на предъявителя:

Никарета из Феспии была кредитором города Орхоменоса. Казначей города перевел трапезиту Пистоклу в Феспии деньги на имя Никареты. В долговом документе было указано, что его может предъявить другое лицо, т. е. это был долговой документ на предъявителя. Но Никарета не смогла сразу получить суммы, которые переводил ей город Орхоменос, и процесс тянулся около трех лет. Никарета в присутствии свидетелей заявила протест относительно просроченных платежей. Но лишь после пяти протестов было заключено новое соглашение, в соответствии с которым за уплату долга несли солидарную ответственность три птолемарха (руководители города), казначей города и десять граждан в присутствии семи свидетелей – жителей Феспии. После того, как и это обязательство не было выполнено в срок, Никарета лично прибыла в Орхоменос и предъявила протест должникам. Поскольку среди последних были птолемархи, они постановили в течение месяца созвать народное собрание и удовлетворить требование Никареты, используя для этой цели все прибыли города. Тем не менее и этот срок было пропущено, и лишь потом казначей Поллукритиос в присутствии птолемарха Афанадора перевел Никарете деньги через банкира Пистокла¹⁰².

Среди документов из города Арексины на острове Аморгос, датированных II в. до н. э., найдено долговое обязательство, выданное этим городом Праксису из г. Наксоса:

Праксис взял заем на сумму в 3 таланта. В обязательстве указано, что кредитор имеет право требовать свои деньги через посредничество третьего лица и что уплата осуществляется в Наксосу кредитору или тому лицу, которому он прикажет¹⁰³.

Другие документы, найденные там же, являются приказами и обязательствами по уплате предъявителю. При этом получить долг

¹⁰¹ Macleod H. D. The theory and practice of banking. – Vol. 1. – L.: Longmans, Green, Reader & Dyer, 1866. – P. 287–288.

¹⁰² Кулишер И. М. Очерк экономической истории Древней Греции. – Л.: Сеятель, 1925. – С. 235.

¹⁰³ Там же, с. 235.

мог не сам кредитор, а третье лицо. Таким образом, можно сделать вывод о том, что долговые обязательства могли передаваться. Это было принципиально новым явлением, в котором прослеживается первое проявление сущности современного векселя. Однако дальнейшие шаги в этом направлении в античной Греции так и не были сделаны. К тому же, нет оснований утверждать, что такая практика была распространенной, поскольку в те времена отсутствовало доверие к письменным распоряжениям такого типа. Об этом свидетельствуют слова Демосфена: «Найдется ли такой глупец, который сделал бы платеж другому лицу, кроме кредитора, на основе всего-навсего какого-либо письма, да еще и на указанную в этом письме сумму денег?»¹⁰⁴.

Итак, хотя в Древней Греции и применялись кредитные письма с обращением за платежом к банкиру, это не является поводом для утверждений о существовании векселей, а кредитные операции трапезитов следует рассматривать лишь как прототипы вексельных операций западноевропейского типа. Очевидно, именно в это время возникают такие финансовые инструменты, как хирографы и синграфы (далее мы рассмотрим их подробнее), заимствованные из Греции римским правом¹⁰⁵.

Практика коммерческого кредита получила дальнейшее развитие в эллинистическом Египте в III в. до н. э., когда эта страна входила в состав империи, созданной Александром Македонским. Возможно, это объясняется слиянием давних местных традиций с приемами древнегреческих трапезитов. Известно, что в эллинистическом Египте, кроме частных банкиров, существовали прототипы государственных финансовых учреждений, и каждая провинция (ном) имела свое учреждение (*trapesa basiliki*), руководившееся царским чиновником, обязанным осуществлять выплаты в соответствии с контрактами¹⁰⁶.

Важными новшествами в осуществлении платежей стали письменное платежное поручение и чековый платеж, о чем свидетельствует большое количество банковских документов на папирусе. В I в. до н. э. чековые платежи были широко распространены и приблизительно в это же время начинали употребляться греческие термины

¹⁰⁴ Кравець В. М., Кравець О. В. Західноєвропейський банківський бізнес: становлення і сучасність. – К.: Знання-прес, 2003. – С. 32.

¹⁰⁵ Kozinski, M. Weksle // Baczyk V., Kozinski M., Mihaliski M. Papiery Wartosciowe. – Warszawa: Zakamycze, 2000. – S. 314.

¹⁰⁶ Летурно Ш. Эволюция торговли. – СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1899. – С. 294.

«диаграф» (сообщение получателю средства о наличии денег) и «гипограф» (чек или письменное поручение банкиру уплатить деньги).

В 1973 г. библиотека Государственного университета штата Флорида (США) приобрела 24 банковских документа, написанных на папирусе приблизительно между 87 и 84 гг. до н. э. Они имеют стандартную форму и касаются платежных поручений гераклеопольского отделения банка:

*«Птолемей, сын Хестиея, приветствует банкира Протарка.
Пожалуйста, заплатите Епитеуксу
500 (пятьсот) драхм медью.*

26 Фармоута 31 года»¹⁶⁷.

Диаграф был документом, выдававшимся банком и удостоверявшим, что определенное лицо произвело платеж от имени одного из своих клиентов в пользу третьего лица. Особенностью этого документа было то, что он составлялся не только как доказательство платежа, но и как контракт, вследствие чего приравнивался к нотариальному акту.

Поскольку современные чеки сначала назывались заемными записками, к которым выдавали квитанции (прообразы чека), гипографы также можно рассматривать как квитанции, присылавшиеся в банк и выполнявшие функцию заемной записки. Распространение таких письменных поручений в Египте в значительной мере обуславливалось тем, что денежное обращение осуществлялось при помощи медных слитков, большое количество которых имело довольно значительный вес. Так гипограф (заемная записка, написанная на папирусе) стал заменителем денег.

В целом же, в Египте за время правления греческой династии Птолемеев финансово-кредитные операции достигли наиболее высокого уровня, несмотря на то, что они контролировались (и в определенной мере ограничивались) государством.

Итак, наблюдается постепенное становление кредитной деятельности древнегреческих трапезитов, предоставлявших займы под проценты, ведущих учетные книги и, возможно, осуществлявших переписывание долгов с одного счета на другой. Отдельные трапезиты (например Пасион) скопили значительные капиталы и стали древнегреческими банкирами. Кроме деятельности трапезитов, коммерческий кредит был связан с институтом морского займа, с помощью которого производился перевод денег из одного места в другое. В этом смыс-

¹⁶⁷ Кравець В. М., Кравець О. В. Західноєвропейський банківський бізнес: становлення і сучасність. – К.: Знання-прес, 2003. – С. 34.

ле он может рассматриваться как отдаленный прототип вексельных операций. Более сложные формы письменных долговых обязательств встречаются среди греческих надписей эпохи эллинизма (документы на предъявителя, приказы об уплате и т. п.), а также среди документов на папирусе в эллинистическом Египте (диаграфы и типографы).

1.3.2. Кредитные операции в Древнем Риме

Приемы и способы кредитных операций, осуществляемых в Римской империи, были заимствованы в Греции и греческих колониях. Первые свидетельства о существовании финансовых учреждений в Древнем Риме относятся к IV–III в. до н. э., и в большинстве случаев финансово-кредитной деятельностью там занимались греки. В целом же, в Римском государстве товарно-денежный оборот и, соответственно, финансовые инструменты кредита были развиты намного больше, чем в Греции.

Это было обусловлено фактическим единством огромной территории, включенной в Римскую империю. Полная безопасность мореходства, обеспечиваемая римским флотом, высококачественные дороги, созданные для военных целей, отказ римского государства от вмешательства в частные торговые соглашения и, наконец, огромные рынки сбыта в контролируемых римлянами Галлии, Испании и дунайских провинциях – все это создавало благоприятные условия для активизации товарно-денежного оборота.

Однако отдельные авторы высказывали мнение, что не следует преувеличивать развитие римской торговли. Наличие качественных дорог, построенных прежде всего для военных целей, и другие названные выше обстоятельства еще не означают, что торговля в Древнем Риме действительно была широкомасштабной (особенно, если учесть огромные расстояния в Римской империи). Кроме того, основной объем торговых операций был связан с предметами роскоши (пряности, шелк и прочие товары, импортировавшиеся преимущественно с Востока), потребителями которых была немногочисленная прослойка римской аристократии¹⁰⁸.

¹⁰⁸ Исходя из этого, М. Вебер считал, что в Древнем Мире внутренние торговые отношения были развиты даже меньше, чем в средние века (см.: Кулишер И. М. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе: В 2 т. Т. 1. Период до восемнадцатого века. – СПб.: Типолитография А. Г. Розена, 1906. – С. 118).

Несмотря на это, в Риме существовало много действительно богатых граждан, особенно во II в. н. э., которые (в отличие от времен ранней империи) были не просто землевладельцами, а влиятельными лицами, принимавшими активное участие в политической жизни своих городов и провинций¹⁰⁹.

В товарообороте Древнего Рима обращались монеты разных денежных систем, а постоянная нехватка наличных денег требовала безналичных форм расчетов, среди которых важное место отводилось кредитным операциям. Как правило, кредитные соглашения заключались на месяц и разрешалось взимать проценты в размере 1%. Со временем этот процент снизился до 4% в год из-за большого объема предложений. Чаще всего займы брали представители аристократии и богатая молодежь.

Большинство богатых римлян охотно принимали участие в кредитных операциях, давая деньги под проценты через подставных лиц. Известно, что этим же занимались Брут и Сенека в Британии. Чтобы обойти закон о запрете ростовщичества, долговое обязательство писалось на сумму, превышавшую реально получаемую. Во времена республики ростовщические операции могли стоить репутации гражданам Рима и поэтому Цицерон предостерегал против них. Обычно лица, желающие обогатиться за счет предоставления займов под проценты, поручали эти операции банкиру (аргентарию) или меняле (нуммуларию), которые и осуществляли их на профессиональном уровне. Собственно кредитной деятельностью занимались аргентарии, а деятельность нуммулариев заключалась в проверке монет на их подлинность (*probatio nummorum*), отсюда и происходит их название (от лат. *nummus* – серебряная монета)¹¹⁰.

В этом контексте необходимо вспомнить и про менсариев (от лат. *mensa* – стол). Относительно их функций мнения разделились. Одни называют их менялами (аналогичными греческим трапезитам), другие – государственными служащими, призванными регулировать отношения между должниками и кредиторами. По мнению третьих, они предоставляли кредиты из государственных средств тем, кто находился в затруднительном положении из-за больших процентов, которые необходимо было выплачивать за долги¹¹¹.

¹⁰⁹ Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. Т. 1. – СПб: Наука, 2000. – С. 148–149, 155, 162.

¹¹⁰ Смирнов К. М. Банки и банковский депозит в Риме. – Одесса: Экономическая типография, 1909. – С. 52–53.

¹¹¹ Каценеленбаум З. С. Учение о деньгах и кредите: В 2 ч. Ч. 2. Кредит и кредитные учреждения. – М: Экономическая жизнь, 1928. – С. 280–281.

Аргентарии, первые упоминания о которых появляются в IV–III вв. до н. э. (хотя К. М. Смирнов считает, что появление аргентариев можно датировать лишь началом V в. до н. э.)¹¹², были прежде всего менялами. Их конторы располагались на рынках, там же осуществлялся обмен монет, принимались вклады и предоставлялись займы под проценты. Аргентарии работали в *tabernae argentariae* – «магазинах» по обмену денег, кредиты же выдавали так называемые *coactor argentarius*. Деятельность аргентариев контролировалась правительством, и они вели три учетных книги. Первая из них была главной, вторая отражала вклады, а третья напоминала журнал регистрации. Лаконичные упоминания о деятельности аргентариев в речах Цицерона и комедиях Плавта позволяют сделать вывод, что практиковались также платежи без использования денежной наличности путем перенесения записей в учетных книгах или применения платежных документов, подобных чекам¹¹³.

Кредитными финансовыми инструментами, использовавшимися в Древнем Риме, были преимущественно письменные платежные поручения, а также простые долговые расписки (*cautio*), в которых определенное лицо признавало свой долг другому лицу и принимало обязательство по его погашению. Иногда в долговых расписках указывались причины возникновения долга¹¹⁴. При этом необходимо учесть, что для раннего римского права характерны были устные долговые обязательства без каких-либо письменных документов¹¹⁵.

По мере расширения территорий Римского государства возросло и количество частных дел римских граждан. Эти дела предполагали заключение соглашений и осуществление по ним платежей, а также расчетов по обязательствам при фактическом отсутствии их участников. Так зарождался римский институт представительства и богатые римляне стремились вести свои дела через аргентариев, у которых они хранили свои деньги. Вместо того, чтобы лично выдавать должнику необходимую сумму, кредитор поручал это аргентарию, и через него же должник возвращал свой долг. Такая практика способствовала территориальному расширению сферы частных денежных операций и упрощала взаимные расчеты.

¹¹² Смирнов К. М. Банки и банкирский депозит в Риме. – Одесса: Экономическая типография, 1909. – С. 27.

¹¹³ Macleod H. D. The theory and practice of banking. Vol. 1. – L.: Thames and Hudson, 1866. – P. 286–287.

¹¹⁴ Барон Ю. Система римского гражданского права. – СПб.: Изд. книжного магазина К. К. Мартынова, 1910. – С. 62–63.

¹¹⁵ Usher P. The early history of deposit banking in Mediterranean Europe. Vol. 1. – N. Y.: Russel and Russel. – P. 29.

Значительное распространение в Древнем Риме приобрела стипуляция. При этой операции будущий кредитор (в присутствии свидетелей) задавал должнику вопрос относительно его намерений возвратить долг, а должник называл сумму долга. При стипуляции причина возникновения долга не указывалась, чем часто пользовались недобросовестные кредиторы.

Позже, во времена Гая и Ульпиана, появились письменные деловые соглашения, постепенно приобретшие унифицированную форму. Однако при внешнем сходстве этих документов с векселем они принципиально отличались от последнего необходимостью доказательства долгового обязательства, предусмотренной римским правом¹¹⁶.

Письменные долговые обязательства в Риме не получили широкого распространения (что объясняется преимуществами стипуляции), хотя известно, что для фиксации факта передачи определенной суммы кредитором должнику использовались литеральные контракты (лат. *litterae* – письмо), то есть письменные долговые договоры, появившиеся в римском праве в III–II вв. до н. э. и состоявшие во внесении записей в приходно-расходную книгу. Запись определенной суммы (выплаченной должнику) в книге кредитора соответствовала записи такой же суммы (полученной от кредитора) в книге должника. Хотя порядок ведения этих записей неизвестен, можно предполагать, что кредитор делал запись на странице «Расходы», а должник – на странице «Прибыли». Однако литеральные контракты не имели широкого распространения, поскольку грамотной была лишь незначительная часть населения римского государства¹¹⁷. Кроме того, они не исключали возможности злоупотреблений со стороны кредитора. Поэтому появляются более простые формы литерального контракта, в частности заимствованные из Греции синграфы (*syngrapha* – письменный документ), составленные в третьем лице: «Такое-то лицо (имя) должно такому-то лицу (имя) такую-то сумму...».

Синграфы представляли собой зафиксированный в письменном документе факт передачи в долг определенной суммы денег под процент. Документ составлялся в двух экземплярах в присутствии свидетелей, которые подписывали его после должника.

¹¹⁶ Usher P. The early history of deposit banking in Mediterranean Europe. Vol. 1. – N. Y.: Russel and Russel. – P. P. 38.

¹¹⁷ Підпригора О. А., Харитонов Є. О. Римське право. – К.: Юрінком Інтер, 2003. – С. 379.

Неудобство использования синграфов заключалось в том, что процедура их составления была в значительной мере формализована (требовалось не только присутствие свидетелей, но и стороны должны были сообщать им содержание договора, что зачастую было нежелательно). Поэтому через некоторое время на смену им пришли хирографы, составлявшиеся от первого лица: «Я, такой-то (имя должника) должен такому-то (имя кредитора) такую-то сумму». Они подписывались должником без участия свидетелей. Существовала также разновидность долговой расписки или квитанции, называвшаяся апоха (*apocha*)¹¹⁸. По мнению С. А. Муромцева, хирографы были заимствованы в Египте и приобрели распространение в Риме во времена Цицерона, а юридическая сила этого документа определялась именно подписью должника¹¹⁹.

Хотя понятие хирограф постепенно меняло свое содержание, собственноручно написанный документ оставался законным основанием для признания долгового обязательства. Высокий уровень доверия к такому документу признавался императором Константином в 321–327 гг., но доказательства того, что подобные документы использовались для перевода денег, не известны¹²⁰. Использование таких форм контрактов, как синграф и хирограф, не гарантировало добросовестности кредиторов, и довольно часто договоры составлялись без фактической передачи денег должнику. Однако письменное обязательство уже было заключено и имело соответствующие последствия – должнику приходилось платить фиктивный долг. Поэтому на смену literalным контрактам пришли реальные контракты, приобретающие силу лишь в момент фактической передачи денег или других вещей, иначе договор не заключался. К реальным контрактам относился и договор займа (*mutuum*), по которому займодавец передавал должнику определенную сумму денег или вещи в собственность, а должник должен был их возвратить.

В целом же, использование письменных юридических обязательств было в большей мере присуще Греции, а в Риме они медленно входили в практику, главным образом из-за того, что классическое римское право уделяло им мало внимания¹²¹.

¹¹⁸ Макаруч В. С. Основи римського приватного права. – К.: Атіка, 2003. – С. 195–196.

¹¹⁹ Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. – М.: Статут, 2003. – С. 292.

¹²⁰ Usher P. The early history of deposit banking in Mediterranean Europe. Vol. 1. – N. Y.: Russel and Russel. – P. 44.

¹²¹ Kozinski M. Weksle // Baczyk V., Kozinski M., Mihalski M. Papiery Wartosciowe. – Warszawa: Zakamycze, 2000. – S. 314.

Особый вид займа под проценты осуществлялся в случае, когда кредитор предоставлял отсрочку обратному требованию, учитывая будущие неизвестные события, в качестве вознаграждения за повышенный уровень риска выторговывал для себя более высокие проценты. Это касается, например, морского займа – кредитор мог вернуть свои деньги лишь при условии, что корабль с товаром достигнет места назначения¹²².

В практике использования синграфов и хирографов действительно можно видеть некоторое сходство с вексельными операциями. В частности, формулировка «или тому, кому он может приказать...» напоминает известную вексельную формулировку о приказе. Эта формула появляется в договорах аренды еще во II в. до н. э. (Катон Старший упоминал о ней в своем трактате о сельском хозяйстве), и хотя достоверные случаи ее использования в письменных долговых обязательствах не известны, К. Френдт в своей теории происхождения векселей от платежных распоряжений пытался провести такие параллели.

В большей степени с прототипом вексельных операций сравним институт *receptum argentarii* – специальный вид договора с банкиром, в соответствии с которым клиент банка поручал банкиру уплатить за его счет определенную сумму третьему лицу. С помощью этого вида обязательства клиент мог осуществить уплату своего долга в другом месте без личного присутствия, используя институт представительства. Классическое римское право предусматривало, что этот вид обязательства мог быть распространен не только на денежные, но и на все другие имущественные обязательства. Аргентарий, принявший (*recipit*) такое предложение, становился непосредственным должником третьего лица, а его обязательство имело абстрактный характер (напоминая в этом отношении абстрактность вексельного обязательства) и не было обусловлено наличием у банкира денег клиента либо другими обстоятельствами. Для взыскания по договору *receptum argentarii* был предусмотрен особый иск – *actio recepticia*¹²³. Если же деньги не были получены, третье лицо имело право выдвинуть иск против клиента банка, а клиент имел право на регрессный иск против банкира, нарушившего условия сделки.

Кроме того, в Древнем Риме существовал институт *permutatio pecuniae* – перевод денег через аргентариев, который А. А. Гольденвей-

¹²² Вундшейд Б. Об обязательствах по римскому праву / Под ред. А. Б. Думашевского. / Пер. с нем. – СПб.: Тип. А. Думашевского, 1875 – С. 295.

¹²³ Гольденвейзер А. А. Зачатки банкового дела. Древний мир // Банковая энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. проф. Л. Н. Яснопольского. – Т. 2: Биржи. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1917. – С. 27.

зер сравнивает с переводным векселем¹²⁴. Такие операции были связаны преимущественно с передачей денег из одного места в другое без перевозки наличности; они использовались должностными лицами, собиравшими налоги в провинциях для последующей передачи их в Рим. Однако, поскольку сенат выделял администрации провинций средства на содержание войск, их необходимо было перевозить в обратном направлении – из Рима в провинции. В этом случае и использовали институт *permutatio pecuniae*, позволявший избегать транспортировки наличности. Позднее взаимные платежи между Римом и провинциями снова начали осуществляться традиционным путем – перевозкой наличных денежных средств.

Чтобы подтвердить распространенность института перевода денег, разные авторы достаточно часто вспоминают письмо Цицерона в Аттику в котором он спрашивает, можно ли переслать деньги сыну в Афины путем *permutatio pecuniae*¹²⁵. С нашей точки зрения, этот пример не убедителен, поскольку при налаженной системе перевода денег из одного города в другой задавать такой вопрос не было бы нужды.

Имел ли этот институт отношение к вексельным операциям? В. Эндеман, критически относившийся к тенденции считать римское право источником всех более поздних понятий (в том числе и векселя), подчеркивал, что, хотя векселя и документы о переводе денег действительно имели определенное сходство, оно еще не является основанием для их отождествления. Требовались совершенно иные исторические причины для появления векселя классического типа¹²⁶.

Как отмечал Д. И. Мейер, сам по себе перевод денег еще не был вексельной операцией. Хотя можно предположить, что перевод денег действительно был известен римлянам, имеющиеся памятники древнеримской литературы не содержат прямых свидетельств в пользу того, что место из письма Цицерона следует рассматривать как пример типичной и широко распространенной операции перевода¹²⁷.

¹²⁴ Гольденвейзер А. А. Зачатки банкового дела. Древний мир // Банковая энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. проф. Л. Н. Яснопольского. – Т. 2: Биржи. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1917. – С. 27.

¹²⁵ Марголин М. М. Исторический очерк развития банковских учреждений // Новый энциклопедический словарь. Т. 5. – СПб: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, 1911. – С. 55

¹²⁶ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 75–76.

¹²⁷ Мейер Д. И. Очерк русского вексельного права // Мейер Д. И. Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – С. 303.

Мы согласны с мнением С. М. Бараца о том, что перевод денег в Римской империи не имел ничего общего с векселем. Причину того, что в Римском государстве, несмотря на детальную разработанность правовой регламентации общественной жизни, не существовало вексельного института, С. М. Барац усматривал в том, что римляне не были торговой нацией, считая торговлю и денежные операции недостойным делом для свободных римских граждан¹²⁸. Такого же мнения придерживался и В. Холдсворт¹²⁹.

В то же время М. И. Ростовцев занимал принципиально иную позицию, отмечая, что с III в. н. э. в Римской империи началось нарастание экономического и политического кризиса, коснувшегося денежных операций. Повышение цен привело к нестабильности уровня заработной платы. Так, около 209 г., во время правления Септимия Севера, город Миласа в Кариим решил защитить банкиров (бывших концессионерами города) от распространения незаконного оборота «векселей», приносившего вред не только банкирам, но и всему населению. В документе, который цитирует М. И. Ростовцев, граждане города жаловались, что на рынке осуществляется спекуляция «векселями», нарушающая снабжение города всем необходимым, из-за чего община пребывает в бедности. Следствием этого была задержка уплаты налогов императору¹³⁰. Мы не знаем, какое понятие употреблялось в оригинале, цитируемом автором, – синграф, хирограф или другой вид долговых документов, и на каком основании эти документы названы векселями, что является, по нашему мнению, неоправданной модернизацией древнеримских кредитных инструментов.

Начиная с III в. н. э. сложная, утонченная социально-экономическая система Древнего Мира начала приходить в упадок. Упрощались формы хозяйственной деятельности, тяготев к натуральному хозяйству, постепенно исчезали города. В 476 г., после вторжения германцев, Рим пал. Это отразилось на финансовой системе VI–X вв. Полностью исчезли банкиры Древнего Мира, что было обусловлено сокращением торговли, обнищанием городов и государственным регулированием процента. В раннее средневековье еще существовали менялы (известны надписи, датированные 522 и 557 гг., где упомина-

¹²⁸ *Holdsworth W. A history of English law. Vol. VIII. – L.: Methuen & Co., 1903. – P. 132.*

¹²⁹ *Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 659.*

¹³⁰ *Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. Т. 2. – СПб.: Наука, 2001. – С. 180.*

ются аргентарии), но свидетельств об их деятельности в более позднее время нет¹³¹.

Чтобы ответить на вопрос, имели ли влияние римские приемы кредитных операций на возникновение в XII в. западноевропейского векселя итальянского типа, остановимся на специфических особенностях древнеримской экономики. Она была основана на простом товарном производстве, поэтому для нее не было характерно стремление ускорить оборот капитала. Тенденция больше продавать и меньше покупать, присущая античному хозяйству в целом, была связана с древнегреческой концепцией автаркии (самодостаточности), которая не способствовала общественному разделению труда и развитию товарно-денежных отношений¹³².

Как отмечал Ж. Каллю, тот факт, что в Древнем Риме было развито денежное обращение, еще не означает, что древнеримская экономика была основана на денежных отношениях. Понятие «капитал» не было известно в Риме, где лица, владевшие значительным богатством, готовы были скорее его растратить, чем попытаться получить с этого богатства прибыль. В том же случае, когда цель получения прибыли все же возникала, в римском обществе для этого использовалась земельная рента и ростовщичество, а не торговля и развитие промышленности¹³³.

Все это позволяет сделать вывод о том, что, хотя действительно можно проводить параллели между финансовыми инструментами античных времен и такими же инструментами средневековой Европы, целесообразно вести речь лишь о возникновении в Древнем Мире отдаленных прототипов финансовых инструментов более позднего времени, в том числе и векселей. К тому же, как отмечает М. И. Ростовцев, экономическое развитие Европы не только не исчерпывалось формами, созданными античной экономикой¹³⁴, но и вообще, как мы увидим далее, не было продолжением экономической истории Древнего Мира, поскольку возникновение и возрастание экономического

¹³¹ Смирнов К. М. Банки и банкирский депозит в Риме. – Одесса: Экономическая типография, 1909. – С. 46.

¹³² Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. – М.: Наука, 1978. – С. 120.

¹³³ Каллю Ж. Функция денег в римском обществе в период Империи. – М.: Наука, 1970. – С. 24.

¹³⁴ Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. В 2 т. Т. 2. – СПб.: Наука, 2001. – С. 241.

пространства Европы определялось другими историческими факторами. Именно этим и было обусловлено отличие векселя западноевропейского типа от подобных векслю финансовых инструментов Древнего Мира.

Хотя достаточно распространенной является точка зрения о начале использования первых форм вексельных операций в Древнем Море, можно считать, что в действительности вексель западноевропейского типа (как финансовый инструмент, имевший четко определенные специфические признаки) появился в средневековые времена в торговых городах Италии, где античный опыт использования письменных долговых обязательств оказался в благоприятных социально-экономических условиях Апеннинского полуострова¹³⁵.

В античные времена финансовые операции оставались, по сути, на уровне ростовщичества, поскольку торговля осуществлялась в большинстве случаев в один этап, когда один и тот же купец покупал товар и продавал его потребителю. Такая практика не требовала развития коммерческого кредита. Кроме того, в античных государствах (особенно в Римской империи) торговые пути были относительно безопасны, и купцы могли перевозить наличные средства без особого риска для себя. Поэтому не было существенной необходимости в создании такого заменителя денег, как вексель. Основываясь на этом, С. М. Барац утверждал, что вексель возник и развивался без какого-либо влияния римских юридических доктрин – его создали средневековые купцы, ничего не знавшие о римском праве и желающие иметь удобный финансовый инструмент¹³⁶.

Достаточно часто развитие торговли, богатство и многочисленность торговых компаний Рима были поводом для проведения параллелей между древнеримской экономикой и экономикой капитализма. Однако самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала, который при этом не инвестируется в производство, свидетельствует лишь о недостаточном экономическом развитии общества¹³⁷. К тому же деньги тем тяжелее получить, чем в меньшей мере они являются обобщенной, абстрактной формой стоимости продукции, что и обусловило значение ростовщичества в Римской империи¹³⁸.

¹³⁵ Kozinski M. Weksle // Baczyk V., Kozinski M., Mihaliski M. Papiery Wartosciowe. – Warszawa: Zakamycze, 2000 – S. 314.

¹³⁶ Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 654.

¹³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 25 т. Т. 25, ч. 1. – С. 363.

¹³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 25 т. Т. 25, ч. 1. – С. 148.

Итак, долговые обязательства Древнего Мира, в том числе синграфы и хирографы, можно считать лишь отдаленными прототипами векселя. Проводить прямую связь между практикой использования упомянутых выше финансовых инструментов античных времен и аналогичными инструментами средневековья у нас нет оснований.

Необходимо остановиться и на проблеме сохранения традиций использования кредитных инструментов в Древнем Мире. В. Дюрант считает, что Древняя Греция позаимствовала приемы деятельности трапезитов на Ближнем Востоке, усовершенствовала их и потом передала Риму, который, в свою очередь, передал эти приемы Европе¹³⁹. С нашей точки зрения, сегодня трудно сказать, в какой мере средневековые итальянские менялы использовали опыт древнегреческих трапезитов и древнеримских аргентариев. Скорее всего, с распадом Римской империи опыт финансово-кредитных операций был утрачен. Поэтому можно говорить о существовании исторического разрыва между торговой (и финансово-кредитной) деятельностью в городах северной Италии и традициями древнеримской торговли.

Территориальная близость Рима и Венеции (или Генуи) еще не означает непрерывности традиций, о чем свидетельствует тот показательный факт, что даже с произведениями античных авторов (в частности Аристотеля) Европа XI–XII вв. познакомилась в арабских переводах. Одной из причин такого разрыва традиций была позиция христианской церкви, на протяжении столетий преследуемой в Римской империи, которая после падения Рима отбросила его культурное наследие как языческое, враждебное по своему духу христианской Европе.

Утверждение о том, что западноевропейский вексель был прямым следствием развития кредитных операций в Древнем Мире на первый взгляд достаточно логично. Однако мы не считаем его верным. Опыт финансово-кредитных операций в древних Вавилоне или Египте действительно имел определенное влияние на их развитие в Греции, так же, как и опыт Греции был использован потом в Риме. Но гораздо важнее было то, что кредитные операции (и первые прототипы векселя) возникали в разных местах и в разное время независимо друг от друга на основе реальных потребностей торговли¹⁴⁰.

¹³⁹ Дюрант В. Жизнь Греции. – М.: Крон-Пресс, 1997. – С. 281.

¹⁴⁰ Tessier A. Une expertise comptable au temps de Ciceron // Revue française de Comptabilité. – 1962. – №41. – P. 137.

К тому же, мысль о непрерывности в истории развития вексельного обязательства от времен Древнего Мира до итальянских городов XII в. в значительной степени обусловлена общим подходом к проблеме непрерывности в развитии цивилизации от Древнего Рима до средневековой Европы.

Историки французской школы (А. Пиренн и М. Блок в начале XX в., Ж. Дюби во второй половине XX в.) придерживались концепции плавного перехода от античности к средним векам, считая, что распад Римской империи не привел к полной смене цивилизации. В то же время для О. Шпенглера античная и западноевропейская цивилизации принципиально отличаются по своей сущности, поскольку после распада Римской империи античная цивилизация уже перестала существовать, а европейская только зарождалась. По его мнению, античная цивилизация была замкнута в себе, тогда как цивилизация западноевропейская стремилась к своему распространению в пространстве, следствием чего стало создание колониальных империй. С нашей точки зрения, более современной и адекватной является концепция А. Тойнби, в соответствии с которой западноевропейская цивилизация является не продолжением античной, а лишь ее наследницей¹⁴¹.

Таким образом, можно считать, что после распада Римской империи образовался исторический разрыв в развитии инструментов коммерческого кредита (в том числе и прототипов вексельных операций). Поэтому вести речь о непрерывности истории вексельных обязательств от эпохи Древнего Мира до средневековой Европы нет оснований. Как справедливо отмечал Я. В. Соколов, опыт учета финансово-кредитных операций (и, добавим, опыт самих этих операций) в Древнем Риме исчез вместе с культурой Римской империи, и средневековые монастыри не могли продолжить эту традицию¹⁴². Наступил продолжительный период упадка и культурной изоляции Европы, особенно очевидный на фоне процветания исламских стран и Византии, куда на много веков переместился центр культурной и экономической жизни.

Итак, прототипами вексельных операций в Древнем Риме можно считать не только синграфы и хирографы, но и договор *rescriptum*

¹⁴¹ Кёнигсбергер Г. Г. Средневековая Европа, 400–1500 годы. – М.: Весь Мир, 2001. – С. 15–16.

¹⁴² Соколов Я. В. Бухгалтерский учет: от истоков до наших дней. – М.: Аудит, 2001. – С. 15.

argentarii, по которому клиент аргентария поручал уплатить за его счет указанную сумму третьему лицу, в том числе и в другом месте. С переводом денег была связана и операция *permutatio pecuniae*, но она использовалась недолго.

Впрочем, несмотря на определенное сходство кредитных операций Древнего Мира с более поздними вексельными операциями в Италии и других странах Западной Европы, можно говорить лишь об отдаленных прототипах векселя в античные времена. Античная экономика рабовладельческих государств не была ориентирована ни на развитие производства, ни на получение прибыли, поэтому кредитные операции оставались на уровне ростовщичества.

1.4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОДОБНЫХ ВЕКСЕЛЮ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В КИТАЕ

Если обратиться к удачному выражению «мир-экономика», предложенному Ф. Броделем (1902–1986 гг.), подразумевая под ним целостное экономическое пространство, отделенное от других экономических «миров» географически или во времени, то можно отметить, что такие экономические пространства существовали с древних времен, будучи структурированными вокруг определенных культур и цивилизаций. В Древнем Мире таким экономическим пространством со своими торговыми связями и путями были Финикия, Карфаген, Древняя Греция и Римская империя. Отдельные экономические миры представляла собой мусульманская цивилизация, а с XI в. – Европа¹⁴³. И, конечно же, особым «миром-экономикой» был Китай, в сфере влияния которого находилась огромная территория от Средней Азии до Японии, Индонезии и южных морей. Рассмотрим обстоятельства, при которых в Китае происходило становление кредитных документов.

Прежде всего необходимо отметить некоторые специфические особенности денежного обращения в Китае. Как отмечал Ли Гоу в своем трактате «О государственном управлении» (XI в.), функцию денег сначала выполняли драгоценные камни, золото и серебро. Из-за большой стоимости они были неудобными для мелких расчетов, поэтому были введены монеты (кит. цяни)¹⁴⁴.

Их изготавливали не из драгоценных металлов, а из меди (а позже, во времена династии Сун, – из железа). При этом денежной единицей

¹⁴³ Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 3. Час світу. – К.: Основи, 1998. – С. 14.

¹⁴⁴ Ли Гоу. О государственном управлении // Искусство властвовать. – М.: Белые альвы, 2001. – С. 69.

был не отдельный цянъ весом 3,5 грамма, а связка из 1000 монет, которая, соответственно, имела вес 3,5 кг. Путем изъятия из связки определенного количества монет осуществлялись точные расчеты, особенно при мелких коммерческих операциях¹⁴⁵. Однако главным неудобством таких связок был их вес, значительно осложнявший транспортирование больших сумм. Например, для транспортирования 10 тыс. связок медных цянъ необходимо было потратить 2690 связок в качестве оплаты за перевозку, то есть более 25% от размера перевозимой суммы¹⁴⁶.

С этой проблемой сталкивались разные народы, и, как правило, с увеличением их богатства более благородные металлы приходили на смену менее благородным: медь заменялась серебром, а серебро – золотом. В связи с традиционностью китайского общества, где ценилась незыблемость сложившихся обычаев, медь считалась единственным металлом, стоимость которого была неизменной. Поэтому в течение двух тысячелетий в Китае использовались тяжелые медные деньги, с транспортировкой которых постоянно возникали проблемы¹⁴⁷.

В VIII в., во второй период правления династии Тан (618–907 гг.) – наиболее могущественной династии китайского средневековья, происходит активное развитие товарно-денежных отношений и рост торговых центров. Начался период территориальной экспансии Китая, и его границы в это время расширились от Бухары на западе до морского побережья на востоке. Государство Тан стало настоящей мировой империей, которая контролировала половину Великого шелкового пути, а сильная государственная власть обеспечила экономический рост и развитие торговли.

Торговые контакты танского государства охватили всю Азию и достигли Византии и Сирии. В Чанане – крупнейшем торговом центре – было 200 торговых рядов. Китайские корабли посещали Индию, Персию, Арабский халифат, Японию и Корею. На этих кораблях (вмещавших в то время до 600–700 человек) в главный порт Гуаньчжоу прибывало много иностранных купцов, главным образом из Персии и Арабского халифата. Их количество достигало 120–200 тыс. человек. Со временем на международных торговых путях южных морей китайские корабли постепенно вытеснили индийские и персидские¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Преобладание таких операций в хозяйственной жизни средневекового Китая и стало причиной создания монетной системы, в которой использовался металл с наименьшей стоимостью (Ивочкина Н. В. Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае. Эпохи Тан и Сун. – М.: Наука, 1990. – С. 24, 31).

¹⁴⁶ Там же, с. 97.

¹⁴⁷ Hartwell R. The Evolution of the Early Northern Sung Monetary System A. D. 960–1025 // Journal of the American Oriental Society. – 1967. – Vol. 87, №3. – P. 284.

¹⁴⁸ Рубель В. А. Історія середньовічного Сходу. – К.: Либідь, 2002. – С. 50, 54.

Появились профессиональные купцы (шанке или гукэ) и торговые объединения (дидянь); развивалось ростовщичество, возникали ломбарды залогового типа, в которых система залоговых расписок (чжицзюй) предусматривала внесение залога, а те купцы, у которых было поручительство (цзюй) могли получать кредит без него¹⁴⁹. Однако развитие товарно-денежных отношений столкнулось с двумя проблемами. С одной стороны, возникла необходимость увеличения объема денег в обороте, достаточного для ведения хозяйственной деятельности в новых условиях; а с другой – появились сложности с транспортированием больших сумм денег, так как связки медных монет имели огромный вес.

Поскольку в Китае не произошел переход от медных монет к серебряным, эта проблема решилась путем внедрения бумажных заменителей денег. Изобретение в Китае бумаги и наличие достаточно развитого института кредитных отношений подготовили китайское общество к использованию ценных бумаг¹⁵⁰. Важное значение имело и то, что различные виды ломбардных квитанций использовались в Китае достаточно давно, они и стали первыми кредитными документами.

Еще одним типом китайских кредитных учреждений были общества взаимного кредитования, возникшие на рубеже нашей эры при буддийских монастырях. Во времена династии Тан на основе этих обществ создаются товарищества взаимопомощи, дававшие деньги в долг. Поскольку долговые обязательства имели письменную форму, в китайском обществе постепенно сформировалось доверие к документу как письменному воплощению такого обязательства¹⁵¹. Вначале долговой контракт состоял из двух частей: одна оставалась у кредитора, а другую получал должник. В III в. контракт стал единым документом и сохранялся у кредитора. Вначале эти документы писали на деревянных дощечках или на кусочках шелка, а со II в. начали использовать бумагу.

¹⁴⁹ В это время за получение кредита приходилось платить огромные проценты (до нескольких сотен), а клиентами ростовщиков были преимущественно мелкие ремесленники и крестьяне (Очерки истории Китая (с древности до «опиумных войн») / Под ред. Шан Юэ. – М.: Изд-во восточной. лит-ры, 1959. – С. 232).

¹⁵⁰ Согласно легендам, китайские кредитные документы изобрел император Хуан-ди в 2697 г. до н. э. Однако, поскольку Хуан-ди приписывают изобретение всех форм материальной культуры, а также считают его праотцом китайцев, эти легенды не следует воспринимать буквально (Ивочкина Н. В. Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае. Эпохи Тан и Сун. – М.: Наука, 1990. – С. 42).

¹⁵¹ Чугуевский Л. И. Мирские объединения «шэ» при буддийских монастырях в Дуньхуане // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. – М.: Наука, 1982. – С. 81.

Трудности, связанные с транспортировкой большого количества медных монет стали очевидны еще во времена династии Тан, что в значительной степени было связано с быстрым развитием торговли чаем¹⁵². Торговцы привозили чай в Чанань (северная часть Китая), где он пользовался особым спросом. После продажи товара возникала проблема пересылки прибыли домой. Кроме того, представители местной власти в отдаленных регионах Китая обязаны были передавать в столицу большие суммы налогов. С этой целью провинциальные администрации создавали свои представительства, так называемые дацзяни, где постепенно накапливались деньги, предназначенные для отправки в департамент финансов. Во второй половине VIII в. дацзяни получили название цзиньцзоуюань, а их функции изменились: отныне туда должны были сдавать деньги купцы, получившие прибыль от торговли чаем. Соответствующую сумму они получали в провинциях от представителей местной администрации. Так местные власти решали проблему перевозки в столицу больших сумм налогов. После сдачи денег в цзиньцзоуюань купцам выдавался особый документ – фейцянь («летающие деньги»). Такое название документ получил за то, что обеспечивал легкий «перелет» на большие расстояния значительных сумм, которые трудно было транспортировать в медных монетах¹⁵³. Оставив деньги в цзиньцзоуюань, купцы могли спокойно путешествовать по Китаю, предъявляя для получения денежной наличности фейцянь. «Летающие деньги» использовались преимущественно богатыми купцами, имевшими свои торговые дома по всей стране.

В важном историческом источнике «Новая история династии Тан» есть упоминание о казенном и частном обмене, свидетельствующее о том, что фейцянь имели право выдавать не только цзиньцзоуюань, но и частные лица. Это расширяет круг возможных участников

¹⁵² Yang Lien-Sheng. Money and Credit in China. A Short History // Harvard-Yenching Institute Studies. – Vol. 12. – Cambridge (Mass.), 1952. – P. 51–52.

¹⁵³ Это стало причиной того, что часто исследователи правовой сущности «летающих денег» отождествляли фейцянь с векселями (Имс Р. Ф., Смолин Г. Я. Очерки истории Китая с древнейших времен до середины XVIII в. – Л.: Гос. учебно-педагогич. изд-во, 1971. – С. 109). Н. Я. Бичурин (1777–1853 гг.), основоположник русской синологии, писал, что в XIX в. в Китае существовали банки, принадлежащие частным лицам. Банкиры выдавали переводные векселя, называемые долговыми билетами и долговыми письмами для получения денег в другом месте в банке, принадлежавшем этому же банкиру. Переводы на другие банки не практиковались, и обычая заявлять векселя у маклеров не было. Как правило, вексель выдавался магазином или лавкой, имея вид кредитного билета с печатью фирмы; долговые письма также гарантировались залогом или поручительством магазина (Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. – М.: Восточный дом, 2002. – С. 89–90).

таких операций от торговцев чаем до разнообразных торговых объединений купцов, которые могли таким путем пересылать деньги в любую отдаленную часть Китая¹⁵⁴.

Причины возникновения и распространения фейцянь и западноевропейского векселя были идентичными. Поскольку при выдаче фейцянь взыскивалось 10% от суммы (плата за перевод денег), представители провинциальной администрации получали значительную прибыль. Это вызвало неудовольствие центральной власти. Чтобы монополизировать эту прибыль, императорский двор разрешил выставлять фейцянь только на департамент финансов и департамент по добыче соли и железа. Для ограничения прибыли местных купцов при осуществлении перерасчета с каждой тысячи связок монет стали взимать по 100 цяней налога.

В 782 г., когда в государственной казне ощущалась нехватка средств, необходимых на покрытие военных затрат, был издан императорский указ о заимствовании денег у богатых купцов и ростовщиков, что на практике означало принудительное изъятие. В Чанане у купцов отобрали товары, закрывали конторы, ломбарды и склады; была изъята четвертая часть всех денег, находившихся в ломбардах, а также зерна. Возмущенные купцы в знак протеста прекратили торговлю. Однако такие принудительные займы не решили проблемы императорского двора, а их следствием стало лишь повышение цен и ростовщических процентов¹⁵⁵.

В 807 г. в стране начались волнения, из-за чего император приказал внести деньги в казначейство с выдачей взамен фейцянь¹⁵⁶. В 811 г. фейцянь запретили, что привело к расстройству денежного обращения и общему его кризису. Запрет на «летающие деньги» и нежелание пользоваться тяжелыми и неудобными медными монетами стали причиной накопления больших сумм, полностью изъятых из оборота. Поэтому в 812 г. фейцянь были снова разрешены, но уже под государственным контролем. Купцы могли сдавать деньги в государственный департамент финансов при взыскании с них тех же 10% в пользу государства, что и до запрета 811 г. Когда купцы стали выражать недовольство размером процентной ставки, правительство отме-

¹⁵⁴ Yang Lien-Sheng. Money and Credit in China. A Short History // Harvard-Yenching Institute Studies. – Vol. 12. – Cambridge (Mass.), 1952. – P. 52.

¹⁵⁵ Очерки истории Китая (с древности до «опиумных войн») / Под ред. Шан Юэ. – М.: Изд-во восточной лит-ры, 1959. – С. 234.

¹⁵⁶ Macleod H. D. The theory and practice of banking. – Vol. 1. – L.: Longmans, Green, Reader & Dyer, 1866. – P. 288.

нило ее, стремясь любой ценой монополизировать этот высокоприбыльный финансовый инструмент.

Исследователи по-разному определяли сущность фейцянь, хотя очевидно, что их эмитенты не стремились к увеличению количества денег в обороте: фейцянь были не заменителем медных денег, а лишь средством их пересылки, перевода. Некоторые современные авторы считают фейцянь депозитными сертификатами, выпускавшимися государственными конторами в обмен на деньги (этот подход имеет наибольшее распространение¹⁵⁷), переводными квитанциями, не принимавшими непосредственного участия в денежном обращении или даже бумажными векселями, выступавшими в роли переводных чеков, которые потом можно было обменять на металлические деньги¹⁵⁸.

Хотя сущность и цель фейцянь в общем понятны, проблематичным остается их соотношение с современными финансовыми инструментами. По мнению Н. В. Ивочкиной, фейцянь можно сравнить с денежными аккредитивами, в частности с дорожными аккредитивами¹⁵⁹, хотя необходимо отметить, что китайские финансовые инструменты не имеют прямых аналогов с западноевропейскими: их возникновение происходило в условиях иной культуры с другими экономическими традициями. Поэтому, на наш взгляд, даже при сходстве тех или иных финансово-кредитных операций китайских купцов с вексельными операциями, не следует забывать, что это всего лишь сходство.

Начало правления династии Сун (970–1278 гг.), когда войны были забыты и в стране воцарился мир, ознаменовалось подъемом производства и расширением товарно-денежного оборота. Развивается международная морская торговля, чему способствовало изобретение в начале XII в. компаса и создание более совершенной системы парусов на китайских кораблях. Быстро растут города, стающие центрами денежного обращения, появляются новые формы экономической деятельности¹⁶⁰. Наличие в Китае традиционно многочисленного и разветвленного бюрократического аппарата и необходимость оплаты труда чиновников также способствовали развитию денежного обращения. Увеличился объем торговли, и в X–XIII в. Китай наладил обширные торговые связи,

¹⁵⁷ Wen Wan-go, Yang Bo-da. The Palace Museum Peking. Treasures of the Forbidden City. – N. Y., 1982. – P. 19.

¹⁵⁸ История стран зарубежной Азии в средние века / Отв. ред. А. М. Голдобин, Д. И. Гольдберг, И. П. Петрушевский. – М.: Наука, 1970. – С. 220.

¹⁵⁹ Ивочкина Н. В. Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае. Эпохи Тан и Сун. – М.: Наука, 1990. – С. 52.

¹⁶⁰ Количество жителей некоторых городов уже в то время превышало 1 млн. чел., а процент городского населения в некоторых частях Китая увеличился с 6 до 28%. (Стужина Э. П. Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. – М.: Наука, 1979. – С. 264–268).

главным образом благодаря морской торговле. Империя Сун торговала свыше чем с 50 странами, а в составе импорта было до 200 видов товаров; наиболее крупными центрами международной торговли были Гуаньчжоу и Цюаньчжоу.

Стремясь монополизировать всю внешнюю торговлю, государство взимало с купцов большие налоги. С этой целью по всей стране была создана обширная сеть таможен: морские таможни существовали в 11 портах, а размер пошлины достигал 11–13% от стоимости товаров. Однако это не мешало обогащению купцов и распространению ростовщичества. Например, в Ханьчжоу один из влиятельных ростовщиков владел несколькими десятками кредитных контор, общий капитал которых достигал 10 млн. связок монет. Общее развитие товарно-денежных отношений во времена династии Сун обусловило переход от медных монет к железным. Их было выпущено 200 млрд. штук, но проблема транспортирования тяжелых монет осталась не решенной.

Очевидно, использование фейцянй практиковалось и во время династии Сун, хотя с ослаблением позиций центральной власти значительно сократились суммы налогов, поступавших с периферии, и, соответственно, снизилась потребность в фейцянй. В это время заметную роль в развитии кредитных операций в Китае играли частные конторы – гуйфаны, распространившиеся во время династии Тан. В гуйфан принимались на хранение медные деньги, а также золото и серебро. За хранение необходимо было платить определенную сумму, и хотя гуйфаны осуществляли платежи по платежным поручениям и оплачивали чеки (подписанные лицами, чьи деньги были приняты на сохранение), они не давали кредитов и не использовали вложенные в них деньги для получения прибыли¹⁶¹.

Купцы и провинциальные чиновники, прибывающие в столицу, имели возможность сдавать деньги в гуйфаны и путешествовали без наличности, имея при себе лишь расписки, по которым они при необходимости могли получить свои деньги. Такая практика вызвала неудовольствие китайского правительства, лишенного возможности контролировать перемещения значительных сумм, и оно стало требовать поручительства в том, что лица, осуществляющие такие операции, свободны от долговых обязательств¹⁶².

Гуйфаны выдавали кредитные документы двух типов. В документах первого типа отмечалась сумма, сданная в гуйфан, а также имя

¹⁶¹ Yang Lien-Sheng. Money and Credit in China. A Short History // Harvard-Yenching Institute Studies. – Vol. 12. – Cambridge (Mass.), 1952. – P. 79.

¹⁶² Иванов А. Бумажное обращение в Китае до XV в. // Материалы по этнографии России / Под ред. Ф. К. Волкова. – В 2 т. Т. 2. – СПб.: Изд. Этнограф. отдела Русского музея, 1914. – С. 161.

вкладчика; при выдаче кредитного документа делалась запись в учетной книге. Эти документы представляли собой депозитные квитанции, ставшие во времена династии Сун средством самостоятельного оборота. Документы второго типа можно рассматривать как разновидность чека, выписанного на гуйфан его клиентами¹⁶³. Сначала квитанции гуйфанов использовались преимущественно в больших городах, но со временем они распространились и в других регионах Китая. Поскольку эти квитанции носили частный характер и выдавались различными мелкими предпринимателями, точное их название неизвестно.

В начале правления династии Сун продолжает широко использоваться опыт фейцянь, выполнявших функцию перевода во времена династии Тан и бывших долговыми обязательствами частных купцов. Так, в 960 г. купцам снова было разрешено сдавать наличные средства в казначейство и получать фейцянь. Эта практика была удобной и широко распространенной. В период правления династии Северная Сун фейцянь получили название бяньцянь – «удобные деньги»; они стали, по сути, бумажными ассигнациями¹⁶⁴. Было создано специальное управление по выпуску «удобных денег», необходимых для нормализации денежного обращения, а позже в каждой провинции появились учреждения, подобные банкам.

В провинции Сычуань в это время возникла еще одна разновидность кредитных бумаг – цзяоцзы (синцянь цзяоцзы – дословно «те, которые можно обменять на наличные деньги») – квитанции, выписанные местными гуйфанами, постепенно превращавшиеся в самостоятельное средство оборота. Отныне передача металлических денег в гуйфаны все чаще происходила с целью получения цзяоцзы для дальнейшего их использования в обороте.

Так кредитные ценные бумаги постепенно стали выполнять в Китае функцию денег. По данным Г. Маклеода, в 997 г. в обороте находились долговые документы на общую сумму в 1 700 000 унций серебра; в 1021 г. эта сумма возросла до 2 830 000 унций, а в 1032 г. – до 5 256 340 унций. При этом цзяоцзы все реже обменивались на металлические деньги, и в последующие годы Китай пережил все возможные последствия неконвертируемости кредитных ценных бумаг¹⁶⁵.

¹⁶³ Twitchett D. C. Financial Administration under the Tang Dynasty. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970. – P. 73.

¹⁶⁴ Иванов А. Бумажное обращение в Китае до XV в. // Материалы по этнографии России / Под ред. Ф. К. Волкова: В 2 т. Т. 2. – СПб.: Изд. Этнограф. отдела Русского музея, 1914. – С. 160.

¹⁶⁵ В 1387 г. один из китайских авторов писал, что когда-то кредитные ценные бумаги обменивались на деньги, но это время давно уже прошло (Macleod H.

Количество гуйфанов быстро росло. Это были частные учреждения, между которыми шла острая конкурентная борьба, решающую роль в которой играла поддержка государственной администрации. Постепенно выдача кредитных документов цзяоцзы стала главной функцией гуйфанов, получивших в провинции Сычуань название цзяоцзы пу – «лавки цзяоцзы». Исходя из прибыльности цзяоцзы, государственная власть пыталась контролировать их оборот, для чего было создано объединение гуйфанов, которому государство поручило покрывать часть затрат на ежегодное собрание натуральных налогов.

В начале XI в. выпуск цзяоцзы облагается специальным налогом. Объединение «Шестнадцать торговых домов» получило монопольное право на выпуск цзяоцзы в Ичжоу – экономическом и политическом центре провинции Сычуань. Таким образом был установлен фактический контроль над оборотом цзяоцзы и гарантированы значительные прибыли.

Распространение цзяоцзы привело к тому, что изменился сам механизм получения прибылей гуйфанами. Если раньше они взимали плату за сохранение денег или имущества, то после того как цзяоцзы стали средством самостоятельного оборота, гуйфаны начали взимать комиссионные тогда, когда держатели цзяоцзы требовали их обмена на деньги. Вначале эти комиссионные были разными в разных гуйфанах, но постепенно объединение гуйфанов установило единый размер комиссионных – 30 *венов* за одну связку монет, что устраивало и хозяев, и клиентов гуйфанов. По мнению японского исследователя С. Като, цзяоцзы можно сравнивать с современным срочным векселем на предъявителя, хотя И. В. Ивочкина по этому поводу отмечает, что такое сходство существовало лишь в то время, когда цзяоцзы выдавались гуйфанами, в которые можно было вкладывать не только деньги, но и материальные ценности (в этом прослеживается аналогия с товарным обеспечением векселя). Но скоро товарное обеспечение цзяоцзы исчезает, а сходство с векселем уменьшается¹⁶⁶. Поэтому при определенном сходстве цзяоцзы и векселей западноевропейского типа в действительности их нельзя отождествлять. Это были частные кредитные денежные знаки, и за каждой распиской цзяоцзы стояла реальная сумма металлических монет, переданная в гуйфан. Важной особенностью оборота цзяоцзы было обеспечение этих кредитных де-

D. The theory and practice of banking. – Vol. 1. – L.: Longmans, Green, Reader & Dyer, 1866. – P. 289).

¹⁶⁶ Ивочкина И. В. Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае. Эпохи Тан и Сун. – М.: Наука, 1990. – С. 68.

нежных знаков реальными монетами: их можно было легко обменивать на металлические деньги (что создавало доверие к ним у пользователей), они находилось в свободном обороте как удобный бумажный инструмент платежей (номинальная и реальная стоимость цзяоцзы совпадала). А поскольку цзяоцзы существовали лишь в провинции Сычуань, государственная власть не санкционировала их оборот, и они не были введены принудительно.

Через 10 лет после выпуска цзяоцзы объединением гуйфанов «Шестнадцать торговых домов» император приказал администрации провинции Сычуань взять этот кредитный инструмент под полный контроль, и он стал государственным. По мнению К. Хино, правительство не желало мириться с возрастанием экономического значения частного объединения в отдаленной провинции Сычуань, которая к тому же постоянно стремилась к независимости. В 1023–1024 гг. губернатором провинции Сычуань был Коу Цзянь, противник использования цзяоцзы, видевший в их употреблении причину беспорядков и ситуаций, когда эмитенты цзяоцзы отказывались обменивать их на металлические деньги. Исходя из этого, Коу Цзянь запретил выдачу цзяоцзы и закрыл все конторы, которые занимались подобными операциями. Ликвидировались также учетные книги, где регистрировались вкладчики денег, а держателям цзяоцзы было приказано возратить их эмитентам и обменивать на металлические деньги. Однако оказалось, что металлические деньги, сданные на хранение в обмен на цзяоцзы, частично растрочены, в связи с чем их обмен осуществлялся со скидкой в 20–30%. Такие действия губернатора провинции Сычуань свидетельствуют о его желании лишить частное объединение права на операции с ценными бумагами. Но запрет цзяоцзы привел к сокращению торговли, и Коу Цзянь был смещен с должности. Его преемником стал Би Тан, приверженец внедрения государственных цзяоцзы в провинции Сычуань, что и произошло в 1024 г. Им было предложено при обмене государственных цзяоцзы на металлические монеты взимать комиссионный сбор в 30 венов с 1000 монет¹⁶⁷.

В второй половине XI в. в провинции Сычуань продолжается использование цзяоцзы, которые все в большей мере начинают выполнять функцию бумажных денег. Попытки запретить цзяоцзы не прекращались, поскольку противники бумажных заменителей металлических денег считали, что их использование может нарушить привыч-

¹⁶⁷ Ивочкина Н. В. Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае. Эпохи Тани Сун. – М.: Наука, 1990. – С. 72–73.

ную практику продажи соли, поставлявшейся согласно специальным правительственным квитанциям, а также отрицательно повлиять на снабжение сеном¹⁶⁸.

В соседней с Сычуань провинции Шеньси выпускались собственные кредитные инструменты – цзяоин. Подробности их использования неизвестны, но считается, что они имели определенное сходство с торговым векселем, поскольку купец, продавший товар, получал не наличные деньги, а долговое обязательство – цзяоин. Платеж становился отсроченным во времени и переносился в другое место: в столице своей провинции купец мог обменивать цзяоин на металлические деньги.

Постепенно функции цзяоцзы и цзяоин расширились, и они стали, подобно векселю, использоваться для оформления кредита с ведома государственной власти. Эти документы можно рассматривать как письменные долговые обязательства, предоставлявшие их держателю право требовать указанную сумму в определенный срок. В начале XII в. все бумажные эквиваленты металлических денег, выпущенные в предыдущие годы, были вытеснены бумажными банкнотами цяньюнь, которые начали использоваться во всех провинциях Китая, кроме Сычуани¹⁶⁹.

Во время правления династии Южная Сун (1127–1279 гг.) практика использования цзяоцзы и цзяоин получила дальнейшее развитие. Поскольку во времена правления династии Северная Сун цзяоцзы использовались преимущественно как депозитные расписки, то в 1131 г. были выпущены так называемые гуаньцзы, также выполнявшие роль депозитных расписок и бывшие своего рода дорожными аккредитивами. Эти ценные бумаги были предназначены для перевода денежных средств правительства в провинцию, а купцам давали возможность получать наличные деньги в столице. Однако через несколько лет столичное казначейство могло обеспечить наличностью лишь 60–70% всех гуаньцзы¹⁷⁰.

¹⁶⁸ Иванов А. Бумажное обращение в Китае до XV в. // Материалы по этнографии России / Под ред. Ф. К. Волкова: В 2 т. Т. 2. – СПб.: Изд. Этнограф. отдела Русского музея, 1914. – С. 162.

¹⁶⁹ Иванов А. Бумажное обращение в Китае до XV в. // Материалы по этнографии России / Под ред. Ф. К. Волкова: В 2 т. Т. 2. – СПб.: Изд. Этнограф. отдела Русского музея, 1914. – С. 163.

¹⁷⁰ Известен случай, когда из-за трудностей в доставке денег на содержание войска в Учжоу (провинция Дуннань) администрация обратилась с просьбой к местным купцам предоставить деньги в обмен на гуаньцзы, которые обещала обменять потом обратно на медные монеты в казначействе столицы провинции (Ивочкина Н. В. Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае. Эпохи Тан и Сун. – М.: Наука, 1990. – С. 102–103).

Наконец, в 1160 г. на основе опыта использования цзяоцзы и гуаньцзы начался выпуск хуейцзы – общегосударственных универсальных бумажных денег. В XII в. существовало несколько видов кредитных ценных бумаг – цзяоцзы, гуаньцзы, хуейцзы, цян-инь, которые выпускались провинциальными администрациями (преимущественно в провинции Сычуань). В 1256 г. было принято решение о выпуске бумажных ассигнаций исключительно центральным правительством. Так завершился процесс преобразования кредитных ценных бумаг в денежные знаки. Внедрение бумажных денег было продолжительным и нелегким процессом, встречавшим сопротивление. Известно, что из-за недовольства населения, которому запрещалось хранить свыше определенного количества медных монет, в 1208 г. правительство установило процентное соотношение между бумажными и металлическими деньгами при торговых соглашениях и кредитных операциях.

В целом же, общей тенденцией эволюции бумажных заменителей денег в Китае был переход от срочных правительственных долговых обязательств времен династий Сун и Цзинь к бессрочным, что означало принудительное внедрение в оборот бумажных денег. При этом предусматривались суровые наказания за подделку ассигнаций¹⁷¹.

В Европе о китайских бумажных деньгах узнали еще в конце XIII в. от Гильома де Рубрука и Марко Поло, видевших их при дворе монгольских правителей. Как отмечал Гильом де Рубрук, в Китае функцию монет выполняли кусочки бумаги из хлопчатобумажной ткани шириной и длиной в ладонь¹⁷². Марко Поло в отдельной главе своей книги «Банковские билеты, которые выпускает великий хан» подробно описал внешний вид и способ изготовления бумажных денег на монетном дворе великого хана, а также особенности их оборота¹⁷³. Его свидетельства долго оставались основным источником информации о бумажных деньгах в Китае¹⁷⁴.

¹⁷¹ Иванов А. Бумажное обращение в Китае до XV в. // Материалы по этнографии России / Под ред. Ф.К.Волкова: В 2 т. Т. 2. – СПб.: Изд. этнографического отдела Русского музея, 1914. – С. 165–167; 171–172.

¹⁷² Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Дж. дель Плано Карпини. История монголов. – М.: Гос. изд-во географич. лит-ры, 1957. – С. 155. Первый монгольский император Китая Хубилай позаимствовал систему бумажных денег, и его потомки широко использовали ее (Там же, с. 239).

¹⁷³ Поло М. Путешествие в 1286 году по Татарии и другим странам Востока. – СПб.: Типография П. П. Меркулева, 1873. – С. 110.

¹⁷⁴ Высказывалось даже предположение о том, что сообщения Марко Поло оказали влияние на возникновение векселей в Италии (Chaput Y. Effets de commerce, cheques et instruments de paiement. – P.: Presses universitaires de France, 1998. – P. 15).

В 1421 г. правящая династия Минов перенесла столицу из Нанкина в Пекин. Это событие можно считать поворотным моментом в экономической истории Китая, поскольку Нанкин, находившийся на Синеи реке, имел выход к морю, а Пекин был расположен в центре континента, что стало причиной продолжительной самоизоляции огромной империи¹⁷⁵. Препятствовала развитию страны и продолжительная экономическая стагнация: налоги в сельском хозяйстве постоянно превышали 50% урожая. Курс на самоизоляцию привел к ограничению государством внешней торговли, следствием чего стал рост спекуляции. В отличие от времен династии Тан и Сун, любые экономические инновации в китайском обществе тормозились. Ситуацию усложнял также рост количества населения, происходивший на фоне сокращения валового национального продукта¹⁷⁶. В таких условиях началась европейская колониальная экспансия, приведшая к утрате Китаем на длительное время роли мировой державы.

Среди предпосылок распространения в Китае бумажных кредитных документов необходимо назвать прежде всего изобретение бумаги во II в. н. э. Кроме того, следует учитывать уважение к письменным документам, свойственное традиционной китайской культуре. Любая бумага с написанным текстом тщательно хранилась и уничтожалась лишь в случае крайней необходимости¹⁷⁷. Важным фактором развития кредитных отношений, в частности кредитных ценных бумаг, была сильная государственная власть с развитой системой законодательства, предусматривавшего административное воздействие на должника. Основной же предпосылкой использования кредитных ценных бумаг (на основе которых в Китае бумажные деньги возникли в XII в.) была потребность передачи денег из провинций в столицу и наоборот.

Специфика экономической истории Китая состояла в том, что император имел право претендовать на любую собственность на территории государства, поэтому конфискация денег или имущества богатого купца считалась вполне правомочной. По этой причине у

¹⁷⁵ Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII в.: У 3 т. Т. 3. Час світу. – К.: Основи, 1998. – С. 22.

¹⁷⁶ В начале XVI в. португальцы потеснили китайских купцов на торговых путях Юго-Западной Азии. В 1557 г. была основана португальская крепость в порту Макао, а в начале XVII в. португальцев потеснили голландцы и англичане.

¹⁷⁷ Алексеев В. М. В старом Китае. Дневник путешествия 1907 г. – М.: Наука, 1958. – С. 49–50.

богатых купцов не было стимула инвестировать свои средства в производство (которое государство могло легко контролировать). Кроме того, господствующая система ценностей средневекового общества в Китае на первое место выдвигала изучение конфуцианской философии и каллиграфии. Успешно сдавшие экзамены по этим наукам (во время династии Сун они проводились раз в три года), занимали высокие должности в бюрократическом аппарате, что было несовместимо с коммерческой или производственной деятельностью, а основным источником их прибылей становились коррупция и разные виды налогов.

По мнению Вильяма Баумоля, такой подход, типичный для истории китайской экономики, не создавал благоприятных условий для коммерческой деятельности и напоминал бюрократическую экономику древнего Рима. Хотя в Китае были впервые изобретены бумага и вексель, распространению новых форм финансово-кредитной деятельности не способствовал традиционный консерватизм бюрократического государственного аппарата, а богатые купцы стремились стать чиновниками и инвестировали свои прибыли в земельную собственность¹⁷⁸.

В традиционном китайском обществе, где деспотизм соседствовал с конфуцианской образованностью, социальное самоутверждение человека определялось не происхождением или богатством, а успехом в продвижении по административно-бюрократической лестнице¹⁷⁹. Поэтому китайские изобретения, создавшие предпосылки для одной из наиболее ранних революций в производстве, в действительности реализованы не были. Экономическому развитию Китая препятствовали не отсутствие научных знаний или технического мастерства, а ограничение предпринимательства, индивидуальной свободы и высокий уровень риска для развития частного бизнеса.

1.5. АНАЛОГИ ВЕКСЕЛЯ В ИСЛАМСКИХ СТРАНАХ ВОСТОКА

В то время как средиземноморские цивилизации возникали и формировались вокруг морских торговых маршрутов, становлению исламской цивилизации способствовали караванные пути, пролежав-

¹⁷⁸ Baumol W. J. Entrepreneurship: Productive, Unproductive and Destructive // *Journal of Political Economy*. – 1990. – Vol. 98, №5. – P. 903.

¹⁷⁹ Павленко Ю. В. История мировой цивилизации. Философский анализ. – К.: Феникс, 2002. – С. 383.

шие через пустыню и соединявшие огромную территорию от Атлантического до Тихого океана. Ислам объединил большое количество стран и народов, а мусульманские купцы, обогатившиеся благодаря посредническим операциям, контролировали торговые пути Южной Европы, Северной Африки, большей части Азии и Дальнего Востока.

Исламскому миру давно были известны такие разновидности кредитных инструментов, как суфтаджа и хавала. Современный российский специалист в области исламского права и исламских банков Л. Р. Сюкияйнен считает, что средневековое европейское право вообще пребывало под значительным влиянием исламского права, откуда и был заимствован институт векселя. В этом нет ничего странного, поскольку по своей детальной разработанности исламское право того времени значительно превосходило европейское, уступая, разве что, римскому праву¹⁸⁰.

Ф. Бродель неоднократно высказывал предположение, что западноевропейский вексель возник под влиянием заемных писем, используемых мусульманскими купцами¹⁸¹. И хотя специалисты по истории арабской торговли, в частности Э.Эштор, воспринимали это предположение критически, достаточно аргументированных возражений они не выдвинули.

Начало исследований кредитных инструментов исламского мира положили немецкие правоведы XIX в., а наиболее обоснованную концепцию влияния мусульманских купцов на становление западноевропейского векселя выдвинул Рихард Грассхофф, посвятивший этой проблеме свою кандидатскую диссертацию, защищенную на юридическом факультете Кенигсбергского университета и опубликованную в 1899 г.¹⁸² В конце XIX в. некоторые аспекты института долгового обязательства в исламском праве были рассмотрены в работах Иозефа Колера¹⁸³. Во второй половине XX в. тема исламских кредитных инструментов появляется в работах Элиаху Эштора, известного изра-

¹⁸⁰ Сюкияйнен Л. Р. Окно в исламский мир: религия, право, банки. – www.kollegi.ru/iss/t2/n6/35.htm.

¹⁸¹ Бродель Ф. Что такое Франция?: В 2 кн. Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 2. «Крестьянская экономика» до начала XX в. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. – С. 379.

¹⁸² Grashoff R. Die suftaga und hawala der Araber. Ein Beitrag zur Geschichte des Weschels. – Göttingen: Druck der Univ. Buchdruck von W. Kastner, 1899.

¹⁸³ Kohler J. Die Commenda im islamischen Rechte. Ein Beitrag zur Geschichte des Handelsrechts – Würzburg, 1885; Kohler J. Moderne Rechtsfragen bei islamitischen Juristen. Ein Beitrag zu ihrer Lösung von Dr. J. Köhler. – Würzburg, 1885; Kohler J. Rechtsvergleichende Studien über islamitisches Recht von Dr. J. Kohler. – Berlin, 1889.

ильского исследователя экономической истории Средиземноморья и Ближнего Востока¹⁸⁴, критически относившегося к параллелям, проводимым между суфтаджей и западноевропейским векселем. Однако в изданной в 1976 г. работе «Социальная и экономическая история Ближнего Востока в средние века», описывая использование банкирами в исламских странах чеков (сакк) и кредитных писем (суфтаджа), он обходит молчанием вопрос о сходстве суфтаджи и векселя¹⁸⁵.

В целом же, история инструментов коммерческого кредита в исламском мире исследована мало. Причина этого состоит в том, что в XIX в. исламские страны заимствовали западноевропейские понятия для названия своих коммерческих операций. Арабские купцы уже не составляли традиционных долговых договоров (*binasi-atin*), записывавшихся ранее на дощечке (*garida*)¹⁸⁶, а предоставляли кредит (*credito*). Сами же коммерческие операции осуществлялись не на рынке (*suk*), а на бирже (*bursa*), а менял (*sarraf*) заменили банкиры (*banker*). Для названия подобных векселью документов также стали использоваться понятия, заимствованные из европейских языков (*kambiala, bulisa*)¹⁸⁷. Таким образом, собственные традиции исламских кредитных инструментов были забыты и вытеснены европейским векселем. Способствовало этому и то, что исламские юристы, дав правовое обоснование операции передачи долгового обязательства, не выработали формальных требований к правилам осуществления такой операции (это не соответствовало традициям исламского права) и к документу, выполнявшему функцию передачи долгового обязательства. Рассмотрим детальнее экономическую природу исламских кредитных инструментов.

Прежде всего необходимо остановиться на отношении ислама к торгово-коммерческой деятельности в целом. Ислам возник в торговой городской среде; сам пророк Мухаммед некоторое время занимался торговлей и в исламском мире всегда считалось, что коммерческая деятельность является законной и не противоречит религиозным нормам. Ислам в своей первоначальной форме (как и большинство его поздних течений) одобрял активную производственную и посредническую деятельность, не осуждая предпринимательство и санкционируя не только

¹⁸⁴ Ashtor E. Banking Instruments between the Muslim East and the Christian West // Journal of European Economic History. – 1973. – Vol. 1. – P. 557.

¹⁸⁵ Ashtor E. A social and economic history of the Near East in the Middle Ages. – Berkeley: University of California Press, 1976. – P. 144.

¹⁸⁶ Нельзя не сравнить этот способ записи долговых обязательств с так называемыми «досками» в Древней Руси, особенно если принять во внимание ту роль, которую сыграли контакты с арабским миром в зарождении древнерусской торговли.

¹⁸⁷ Hartmann M. Arabischer Sprachführer. – Leipzig, 1881. – S. 82, 97, 216.

работу крестьянина или ремесленника, но и купца, ремесло которого в исламских странах всегда пользовалась тем почетом, которого не было в христианской Европе XII–XV вв.¹⁸⁸. Типичным примером такого отношения было приглашение правительством Египта в 1288 г. купцов Синда, Индии, Китая и Йемена: «Мы приглашаем... славных негоциантов, ищущих выгоды... Каждый, кто приедет в нашу страну, сможет там жить... Пусть благословит Аллах поездку любого, кто побуждает к доброму действию путем займа...»¹⁸⁹.

Займы под процент (ростовщичество, араб. «риба») ислам осуждал так же, как и большинство других монотеистических религий, опираясь на Коран, где ярко выражено отрицательное отношение к ним¹⁹⁰. Но, хотя проблема ростовщичества и беспокоила мусульманский мир, вся исламская культура, в отличие от христианской, носила торговый характер. Пророку Мухаммеду приписывается выражение: «Если бы Аллах разрешил жителям рая торговлю, они торговали бы тканями и пряностями»¹⁹¹. Благодаря развитой системе делового партнерства (первые коммерческие объединения, прообразы итальянской комменды и более поздних командитных обществ возникли именно в исламском мире) мусульманские купцы выгодно вкладывали свои прибыли в дальнейшее расширение торговой деятельности.

В то время, как в средневековой Европе происходило сокращение торговли и упадок городов, в Арабском халифате с его огромными городами повышался уровень производства, развивалось денежное хозяйство и активизировалась торговля на дальние расстояния. Во времена династии Аббасидов (750–1258 гг.) арабские корабли можно было встретить от Средиземного моря до Индомалайского архипелага, а на рынках огромного арабского государства продавались товары со всех концов света. Это был период высшего расцвета торговой деятельности, чему спо-

¹⁸⁸ Павленко Ю. В. История мировой цивилизации. Философский анализ. – К.: Феникс, 2002. – С. 407.

¹⁸⁹ Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 2. Ігри обміну – К.: Основи, 1997. – С. 475.

¹⁹⁰ «Те, которые пожинают рост, восстанут только такими же, как восстанет тот, кого повергает сатана своим прикосновением. Это – за то, что они говорили: «Ведь торговля – то же, что рост». А Аллах разрешил торговлю и запретил рост...» (Коран, II, 277 (276)). «Не пожинайте роста, удвоенного вдвойне и бойтесь Аллаха...» (Коран, III, 125 (130)). «То, что вы даете с прибылью, чтобы оно прибавлялось в имуществе людей – не прибавится оно у Аллаха. А то, что вы даете из очищения, желая лика Аллаха, – это – те, которые удваивают» (Коран, XXX, 38 (39)).

¹⁹¹ Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 2. Ігри обміну – К.: Основи, 1997. – С. 475.

способствовало и территориальное расширение сферы влияния мусульманской культуры и арабского языка¹⁹².

Большинство жителей мусульманских стран проживало в сельской местности и занимались сельским хозяйством, однако в целом по социальной структуре общества мусульманский Восток существенно отличался от средневековой Европы тем, что в Арабском халифате существовало большое количество густонаселенных городов – важных центров торговли.

Мусульманские купцы использовали широкую сеть как традиционных торговых путей (наземных и морских), так и новых, созданных ими для собственных потребностей. Центром этой разветвленной сети стал Багдад – один из самых крупных и богатых городов мира того времени. Отношение к торговле и купцам воплощено в романтическом образе Синдбада-морехода, «душа которого стремилась странствовать в разных странах и торговать там»¹⁹³.

Активизации торговли способствовало быстрое развитие городов, в которых коммерция была сосредоточена на хорошо организованных базарах (слово «базар» имеет персидское происхождение и синонимично арабскому «сук» – место для торговли). На базарах городов мусульманского мира денежными операциями (обмен денег и предоставление займов) занимались профессиональные ростовщики – саррафы. Поскольку законы шариата, определявшие правила жизни правоверных мусульман, осуждали ростовщическую деятельность, кредитами и обменами занимались преимущественно евреи, которые в мусульманском мире времен Аббасидов могли достигать не только значительных успехов в торговых операциях, но и занимать высокие государственные должности.

Посредники-евреи играли важную роль в торговых операциях мусульманских купцов, в частности известны были раданиты – негоцианты из долины Роны, осуществлявшие финансовые и торговые операции от западной Европы до Византии, Египта, Индии и Китая. Основными товарами в этих операциях были специи и лекарства для развитой мусульманской медицины. Значение еврейских купцов и банкиров возросло при Фатимидском халифате во времена правления в Каире визиря Ибн Киллиса, еврея по происхождению (975–996 гг.). Христиане, жившие в мусульманских странах (сирийские яковиты, несториане, копты, армяне) контролировали финансово-кредитные операции во внутренней торговле. Имея в своем распоряжении большие денежные суммы, они

¹⁹² Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.: Социально-экономические отношения. – 2-е изд. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2001. – С. 4.

¹⁹³ Grashoff R. Die suftaga und hawala der Araber. Ein Beitrag zur Geschichte des Wschels. – Gottingen: Druck der Univ. Buchdruck von W. Kastner, 1899. – S. 5.

выполняли роль кредиторов в Египте, Сирии, Ираке, Иране, Средней Азии и Армении. Особенно активными были финансово-коммерческие операции армян – посредников между мусульманским миром и Византией, в частности в таком центре черноморской торговли, как Трапезунд (Трабзон).

Арабы контролировали бассейн Средиземного моря, ставшего не только границей между двумя цивилизациями, а и важнейшим средоточием торговых маршрутов, по которым в Европу попадали с Востока экзотические товары, а также новые идеи и знания. Арабские корабли часто заходили в порты Южной Италии, а итальянские купцы из города Амальфи еще в X в. бывали в Каире, Иерусалиме и других городах арабского Востока.

Развитию кредитных операций и получению прибыли от них способствовало отличие цен на товары в разных частях халифата, а также большое количество наличных денег в виде золотых и серебряных монет, порождавшее естественное стремление к выгодному их вложению. Для этих целей обычно пользовались услугами банкиров. Необходимо учесть и такое обстоятельство, как ухудшение качества монеты на рубеже X–XI вв.¹⁹⁴, что способствовало поиску безналичных форм расчета и кредита.

В частности, в Исфахане в 1052 г., по свидетельству персидского путешественника Насира-и-Хусрау, было не менее 200 банкиров, а в Багдаде они занимали отдельную улицу. Банкирское дело в арабских странах развивалось быстро, и большие суммы денег платились в виде чеков (*sakk*), гарантировались бонами (*khatt*) и передавалась с помощью аккредитивов – суфтаджи (*suftadja*) в дальние страны без риска¹⁹⁵. В Басре – известном портовом городе – банкирское дело приобрело такое развитие, что каждый купец имел свой счет у банкира и расплачивался на базаре лишь чеками, выписанными на имя своего банкира (хатт-и сарраф)¹⁹⁶.

Все это вело к накоплению капиталов у купцов, стремившихся вкладывать их в кредитную деятельность. Начиная с VIII в., кредитные операции значительно распространились, чему способствовало появление неформальных торговых обществ (кирад), подобных более поздним итальянским коммендам¹⁹⁷. Именно дальняя транзитная торговля была

¹⁹⁴ Goitein S. D. A Mediterranean Society. The Jewish Community of the Arab world as portraited in the documents of the Cairo Geniza: 2 vol. Vol. 1. Economic Foundations. – Berkeley – Los Angeles – L., 1967. – P. 369–392.

¹⁹⁵ Ashtor E. A social and economic history of the Near East in the Middle Ages. – Berkeley: University of California Press, 1976. – P. 145–146.

¹⁹⁶ Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М.: Наука, 1973. – С. 378–379.

¹⁹⁷ Ashtor E. A social and economic history of the Near East in the Middle Ages. – Berkeley: University of California Press, 1976. – P. 110.

источником прибыли и богатства халифата, хотя не следует преувеличивать масштабы этой торговли: из-за высокой стоимости предметов роскоши, которые в основном и перевозили купцы, общая сумма торговых операций могла быть высокой, а реальный объем товаров – не таким уж и значительным. Так, в XV в. экспорт в средиземноморские страны достигал 0,5 млн. динаров, но за год в Геную и Венецию заходило не более десяти арабских кораблей. Чтобы оценить масштабы арабской дальней торговли, необходимо было бы сравнить ее объем с общими экономическими показателями халифата, но экономика Ближнего Востока не исследовалась под таким углом зрения, а методы определения общего объема продукции и прибыли не разработаны. Большинство исследователей вообще считает, что торговый баланс Ближнего Востока был пассивным и лишь Э. Эштор отмечал, что даже тогда, когда средиземноморская торговля перешла к итальянцам, баланс был в пользу Ближнего Востока, вывозившего из Европы товаров на 400 тыс. дукатов, а из других стран Востока на 600 тыс. дукатов¹⁹⁸.

Очевидно, что успешное функционирование такой разветвленной международной торговли на далекие расстояния (связанной со значительным риском) должно было обеспечиваться личными гарантиями в долговых обязательствах, воплощенных в форме документов. Подтверждением использования таких писем служат документы X в. из генизы Каира (гениза – название хранилища для старых документов, которые согласно традициям иудаизма существовали при синагогах)¹⁹⁹. Таким документом была суфтаджа (которую И. Тораваль называет кредитным векселем и векселем на предъявителя, широко распространенными в торговле с Китаем и Африкой), а также сакк (прообраз будущего чека)²⁰⁰. Э. Эштор осторожнее относится к параллелям между векселем и суфтаджей; он называет суфтаджу кредитным письмом, избегая прямого сравнения ее с векселем, и отмечает, что с помощью суфтаджи большие суммы денег передавались в отдаленные районы халифата, а также в другие страны без риска и неудобств перевозки наличности²⁰¹.

¹⁹⁸ *Ashtor E. Les metaux precieux et la balance des payments du Proche Orient a la basse-epoque.* – P.: Arman Colin, 1971. – P. 96, 99.

¹⁹⁹ *Shaked, S. A tentative bibliography of Geniza documents. Prepared under the direction of D. H. Baneth and S. D. Goitein.* – P.: Mouton, 1964. – P. 245; *Kahle, P. The Cairo Geniza.* – 2d ed. – N. Y.: Praeger, 1960; *Documents of the Jewish pious foundations from the Cairo Geniza / Edited with translations, annotations and general introduction by Moshe Gil.* – Leiden: Brill, 1976.

²⁰⁰ *Тораваль И. Мусульманская цивилизация.* – М.: Лори, 2001. – С. 245.

²⁰¹ *Ashtor E. Banking Instruments between the Muslim East and the Christian West // Journal of European Economic History.* – 1973. – Vol. 1. – P. 557; *Ashtor E. A social and economic history of the Near East in the Middle Ages.* – Berkeley: University of California Press, 1976. – P. 144.

Суфтаджа широко применялась в различных финансовых и торговых операциях. Она представляла собой распоряжение об уплате указанной суммы третьему лицу. Благодаря этому отпадали риск транспортирования больших сумм и оплата таможенной пошлины за вывоз и ввоз денег. За выдачу суфтаджи брались комиссионные проценты, а за просрочку даты уплаты начислялась пеня.

Название сакк могли иметь разные документы. При размещении вклада (наличными или товарами) у известного банкира вкладчик получал возможность рассчитываться чеками на этого финансиста²⁰². По сути, большинство чеков были простыми долговыми расписками (в том числе и обязательствами отработать долг).

Поскольку оборот этих кредитных документов был основан на личных отношениях и доверии друг к другу, даже в таком большом городе, как Александрия, не всегда можно было найти финансиста, который мог бы выдать суфтаджу на Каир²⁰³. Поэтому переход к собственно вексельным операциям так и не был сделан. Именно значением личных отношений между коммерсантами объясняется тот факт, что кредитные документы Арабского мира использовались преимущественно еврейскими купцами, торговая сеть которых распространялась на огромную территорию, а сами купцы были связаны общим вероисповеданием.

В арабских источниках приводятся многочисленные примеры использования кредитных писем. Так, один арабский ученый (имя которого не названо) во время путешествия в Испанию имел с собой 5 тыс. дирхемов наличными и суфтаджу на случай, если ему понадобится большая сумма денег. В другом случае Насир-и-Хусрау получил от своего знакомого в Асуане (Египет) кредитное письмо, адресованное доверенному лицу этого знакомого: «Дай Насиру все, что ему потребуется, возьми расписку и запиши выданную сумму денег на мой счет». Можно вспомнить и пример, когда вице-король Египта прислал своему представителю в Багдад кредитные письма на 30 тыс. динаров, которые необходимо было выплатить визирю, бывшему в отставке. Представитель вице-короля признал эти документы действительными и принял к уплате, после чего передал деньги визирю²⁰⁴.

²⁰² Насир-и-Хусрау. Сафар-намэ. Книга путешествий / Пер. Е. Э. Бертельса. – М. – Л.: Academia, 1933. – С. 85.

²⁰³ Goitein S. D. A Mediterranean Society. The Jewish Community of the Arab world as portrayed in the documents of the Cairo Geniza. Vol. 1. Economic Foundations. – Berkeley – Los Angeles – L., 1967. – P. 243.

²⁰⁴ Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М.: Наука, 1973. – С. 378.

Еще одним видом долгового письма был уже упомянутый выше сакк, который И. Тораваль считал прообразом чека, а А. Мец называл векселем. Очевидно, такое расхождение в толкованиях объясняется тем, что ни суфтаджу, ни сакк нельзя отождествлять с векселем, хотя оба эти документа действительно имели определенное сходство с ним. Сакк был платежным распоряжением (сакка'ала), которое одно лицо выдавало своему представителю с целью осуществления денежных операций в другом месте. Так, арабский путешественник Ибн Хаукаль сообщает о том, что в Аудагуште (Западный Судан) он видел нотариально заверенный сакк на сумму в 42 тыс. динаров, выданный жителем Сиджилмасы (до которой было 50 дней пути) для своего представителя Мухаммада Абу Садуна. Большую роль сакк играл и в Вавилонии (входившей в то время в состав арабского государства), где кредитные операции имели давние традиции. Так, в 912 г. богатый почитатель заплатил с помощью сакка поэту ал-Джахизу, но банкир (сайрафи) не принял к уплате этот сакк. В 936 г. этому же поэту после выступления один из его почитателей выписал чек на сумму в 500 динаров на имя банкира, который при уплате денег удержал за каждый уплаченный динар один дирхем (около 10%)²⁰⁵.

По мнению О. Г. Большакова данный пример свидетельствует о том, что запрет процента (риба) в исламском праве или вообще не принимался во внимание купцами, или же долговые и кредитные расписки оформлялись на большую сумму, включавшую в себя запланированный размер процента²⁰⁶. Как отмечает Дж. Пиччинелли, ссылаясь на мнение Я. Шахта²⁰⁷, использование суфтаджи (он называет ее платежным поручением) и хавалы (передачи долга) часто выходило за пределы традиционного исламского права. Вначале понятие «риба» означало ростовщическую прибыль (в Аравии эта практика была широко распространена до возникновения ислама), а в соответствии с нормами ислама это понятие приобрело более широкое содержание, включив в себя отношения между кредитором и должником, а также получение прибыли вследствие предоставления кредита. Некоторые исламские юристы различают эти два вида риба, считая первый из них разрешенным, а второй – запрещенным. Но любая отсрочка в исполнении долгового обязательства, так же как и выдача долга в другом месте, считались ростовщичеством.

²⁰⁵ Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М.: Наука, 1973. – С. 378-379.

²⁰⁶ Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.: Социально-экономические отношения. – 2 изд. – М.: Изд. «Восточная литература» РАН, 2001. – С. 266.

²⁰⁷ Schaft J. Der Islam – Berlin, 1926. – S. 157; 211–232

Результатом толкования исламскими юристами приведенных выше цитат из Корана стало преимущество, предоставлявшееся договорам об обмене, в которых предоставленные услуги и соответствующие действия осуществлялись одновременно. Так удавалось избежать ситуации, при которой одна из сторон получала бы прибыль, не являющуюся справедливой, пропорциональной и оправданной относительно осуществленной деятельности и цены. Дж. Пиччинелли цитирует правило (основанное на хадисах пророка Мухаммеда), которого придерживались представители всех школ исламского права: «Золото за золото, серебро за серебро, земля за землю, ячмень за ячмень и соль за соль, без отличий по качеству и количеству, а также из рук в руки»²⁰⁸.

Несмотря на это, основное отличие торгового права Европы (с его постоянными попытками избежать канонического ограничения на практику взыскания процента) и мусульманского мира состояло в том, что последний никогда не стремился теоретически обосновывать размежевание торгового права и канонических запретов на взыскание процента.

Итак, развитие в исламском мире торговли и довольно рано сформированное торговое право привели к возникновению подобных векселям кредитных документов. В то же время не следует переоценивать степень развития кредитных операций. Как отмечал С. Гойтейн, исследовавший документы еврейских финансистов из каирской генизы, нет оснований считать, что в X–XIII вв. уже сформировалась разветвленная система банковского кредита. Возможно, это было обусловлено началом периода стагнации экономики Ближнего Востока²⁰⁹.

Хотя мусульманские юристы и прежде всего Абу Ханифа (699–767 гг.) дали правовое обоснование таким операциям, создав институт передачи долгового обязательства (хавала), они не выработали формальных требований ни к правилам осуществления этой операции, ни к самому документу. Поэтому свидетельство об использовании суфтаджи и сакка фрагментарны и неполны²¹⁰.

²⁰⁸ Piccinnelli G.M. Il diritto agli interessi nei paesi arabi / Diritto del commercio internazionale. – 1996. – № 9. – P. 42–43.

²⁰⁹ Goitein S. D. A Mediterranean Society. The Jewish Community of the Arab world as portrayed in the documents of the Cairo Geniza. Vol. 1. Economic Foundations. – Berkeley – Los Angeles – L., 1967–1971. – P. 229–230.

²¹⁰ Zipffel H. Tractatus von Wechsel-Briefen und dero Usancen. – Frankfurt und Leipzig, 1701. – S. 34.

Необходимо учесть, что творцы мусульманского права были частными лицами, а государство, которое должно было воплощать положения этого права, не было законодателем. Поэтому между исламским правом и реальной практикой существовал разрыв, и этим объясняется тот факт, что наряду с детальной разработкой отдельных правовых институтов, многие аспекты экономических отношений остались без внимания.

Что касается происхождения понятия «суфтаджа», то оно возникло из двух персидских слов: «суфтах» – вещь или товар, которую одно лицо передает другому (находящемуся в другом городе или стране), и «сафтах» – вещь или товар, которые одно лицо берет как заем у другого с условием их возвращения в другом месте. Соответственно, понятие «суфтаджа» в толковых словарях арабского языка трактуется как передача денег или имущества другому лицу с условием возвращения в другом месте; безопасность такого способа передачи денег или имущества является основной спецификой этой операции. В иных толковых словарях к изложенному выше добавляется, что суфтаджа – это письмо владельца денег своему представителю в другом городе с распоряжением уплатить деньги третьему лицу, чтобы таким способом избежать опасности их перевозки.

Использование суфтаджи было связано с неофициальными обществами (*kirad*), распространенными среди мусульманских купцов и позволяющими обходить запрет на кредит под проценты путем неформального соглашения между их членами. Суфтаджа была хорошо известна (как типичный инструмент торговых операций, осуществляемых между членами этих неформальных обществ) не только Аль-маргинали (1135–1194 гг.), но и более раннему юристу – Абу Исааку (983–1083 гг.), который считал, что право выписывать суфтаджу имело любое лицо. В целом же, практика использования суфтаджи имела важное значение для взаимных расчетов между жителями огромного государства Аббасидов.

Несмотря на это, позднее понятие «суфтаджа» постепенно исчезает из арабского языка, а для названия долговых обязательств, которые передаются от одного лица другому (и документов, в которых они были воплощены), все чаще используется понятие «хавала»²¹¹. Этому способствовали как разработка правового института хавалы, так и

²¹¹ Sprenger A. (ed). A dictionary of the technical terms used in the sciences of the muslimans edited by Mowlawies Mohammad Wagih, Abd al-Haqq and Gholam Kadir / Under the superintendence of Dr. Aloys Sprenger and Captain W. Nassau Lees. – Calcutta, 1862.

снижение значения исламских стран в мировой торговле и переход контроля над большинством торговых путей (прежде всего морских путей Индийского океана) к европейцам.

Истоки хавалы как правового института связаны еще с Абу Ханифой (699–767 гг.), собравшим и обобщившим нормы исламского права. Основные идеи хавалы представлены в трактате Малика бен Анаса (712–795 гг.), основателя ортодоксальной школы исламского права.

Рассмотрим традиционную форму документа, который воплощал обязательства хавалы:

«Настоящий договор заключен мою собственноручно.

Во имя Аллаха!

Основанием для заключения данного законного письма является тот факт, что вследствие принятого на себя долгового обязательства Курбан Ага, сын N. N., стал должником Ага Верди, сына N. N., одолжив у него сумму в 150 туманов.

Хаги Хасан, сын N. N., пообещал кредитору (Ага Верди) уплатить надлежащую сумму в 150 туманов вместо должника.

Эти три лица пришли вместе в суд как мухиль, мухтал и мухтал алаихи и заключили следующую сделку: мухиль (Курбан Ага) с согласия мухтала (Ага Верди) и мухтала алаихи (Хаги Хасан) предъявляют вышеназванному мухталу алаихи (Хаги Хасан) законную хавалу. Мухтал алаихи (Хаги Хасан) заявляет о принятии настоящего соглашения по собственной воле без всякого принуждения.

Все три лица высказывают согласие в том, что с этого дня любой повод, вследствие которого эта хавала станет недействительной, будет считаться необоснованным.

Итак, на законной основе мухтал алаихи (Хаги Хасан) становится теперь должником мухтала (Ага Верди), а начальный долг мухля (Курбан Ага), возникший вследствие его долгового обязательства, утратил силу и вследствие хавалы превратился в новое долговое обязательство мухтала алаихи (Хаги Хасан).

Все вышеупомянутое изложено в письменной форме, чтобы при потребности являться доказательством заключения хавалы.

*Подписи трех свидетелей, присутствующих
при подписании хавалы»²¹².*

Данную форму хавалы можно считать общепринятой, поскольку арабы при заключении таких соглашений всегда придерживались устоявшихся схем, заимствованных потом другими народами, подчи-

²¹² Tornauw V. von. Das moslemische Recht. – Leipzig, 1855. – S. 143.

ненными исламом. Заключение хавалы в суде и подписи трех свидетелей должны были стать гарантией против возможных возражений. Вначале договор хавалы имел устную форму, а потом постепенно распространилась практика заключения хавалы в письменной форме. Однако необходимо отметить общий принцип произвольности формы, присущий исламскому праву, поэтому для хавалы соблюдение формы не имело такого принципиального значения, как для западноевропейского векселя²¹³.

Исламские юристы разного времени определяли сущность хавалы как перенесение долгового обязательства с одного лица на другое (что мы действительно видим в приведенном выше образце хавалы) и как освобождение от долга с помощью нового, подобного долга. Таким образом, предметом хавалы были два долга – начальный и новый, для подтверждения которого и выдавалась хавала. В хавале принимали участие три лица: 1) мухиль – должник мухтала; 2) мухтал – кредитор мухили; 3) мухтал алаихи – третье лицо, на которое переносилось обязательство погасить долг вместо мухили (должника). Если момент заключения хавалы совпадал с определенным сроком уплаты, третье лицо (мухтал алаихи) должно было немедленно погасить долг.

Существовало две формы хавалы: 1) неограниченная хавала (хавала мутлака), в которой не использовалось перенесение долга на конкретное третье лицо (мухтал алаихи), и 2) ограниченная хавала, предполагавшая, что первый должник (мухиль) сообщает кредитору о том, что уплату долга осуществит третье лицо (мухтал алаихи). Чеки (сакк) как наиболее простая форма документа для перевода денег вообще не требовали засвидетельствования в суде, хотя в исламском долговом праве они также рассматривались как разновидность хавалы мутлака²¹⁴.

Как соотносились между собою хавала и суфтаджа? Хавала (по крайней мере, во времена Абу Ханифы) – это прежде всего институт долгового обязательства в исламском праве; к тому же сначала хавала не всегда имела письменную форму. Суфтаджа – кредитное письмо (по определению Э. Эштора), использовавшееся в торговой практике для осуществления перевода денег без перевозки наличных, была наиболее часто применявшейся и воплощенной в виде долгового документа формой хавалы.

²¹³ Grashoff R. Die suftaga und hawala der Araber. Ein Beitrag zur Geschichte des Wschels. – Göttingen: Druck der Univ. Buchdruck von W. Kastner, 1899. – S. 56–57, 59.

²¹⁴ Karabacek J. Das arabische Papier, eine historisch-antiquarische Untersuchung von Dr. Karubacek. – Wien, 1887. – S. 75, 82.

В правовом аспекте их объединяло прежде всего то, что причина возникновения долгового обязательства не имела значения для его выполнения (вспомним абстрактность западноевропейского векселя). Поскольку суфтаджа могла находиться в обороте и передаваться от одного лица другому, возникал последовательный ряд лиц, сравнимый с последовательным рядом солидарно обязанных должников в вексельных операциях. Три лица, составлявшие между собой суфтаджу, были, в сущности, теми же тремя участниками хавалы: мухиль (трассант), мухтал (ремитент) и мухтал алаихи (трассат). И хотя фон Кремер считал, что отличие между хавалой и суфтаджей состояло в том, что хавалу можно сравнить с вексельным соглашением без передачи долга с одного места в другое, а суфтаджа предусматривает передачу долга в другое место²¹⁵, с этим трудно согласиться. С нашей точки зрения, отличие между этими понятиями состоит в том, что сначала хавалой назывался лишь правовой институт, создавший юридическую основу для использования суфтаджи, а потом хавалой стали называть и операцию передачи долгового обязательства, и само письменное долговое обязательство. Поэтому со временем суфтаджа все реже упоминается в памятках исламского права, а границы понятия «хавала» расширяются и хавалой все чаще начинают называть операции, действительно имеющие сходство с вексельными.

История правового института хавалы и суфтаджи (письменного долгового обязательства) началась в VIII в. Целесообразность использования суфтаджи заключалась в развитии товарно-денежного оборота и необходимости передачи денег (или долгового обязательства) на большие расстояния (между разными частями огромного по территории исламского мира). Однако если для западноевропейского вексельного права большую роль играла *rigor cambialis* – строгость взыскания долга как его неотъемлемый элемент, то исламское вексельное право такой строгости не знало, и устное обязательство, особенно между членами неформального общества (кирад), имело такое же значение, как и обязательство письменное, воплощенное в долговом документе²¹⁶.

Нельзя не отметить то обстоятельство, что и принципы хавалы, и правила использования суфтаджи появляются в довольно завершен-

²¹⁵ Kremer, von. Culturgegeschichte des Orients unter den Chalifen. T. 1. – Wien, 1875. – S. 510–511.

²¹⁶ Grady S. A manual of the Mahommedan law of inheritance and contract comprising the doctrines of the Soonee and Sheea schools and based upon the text of Sir W. H. Macnaghten's principles and precedents, together, with the decisions of the privy council and high courts of the presidencies in India, by Standish Grove Grady. – L., 1869. – P. 68.

ном виде уже в работах основоположников исламского права – Абу Ханифы и Малика бен Анаса в самом начале истории династии Аббасидов, во времена правления которой арабская торговля заняла господствующее положение в мире. Известно, что становление арабской торговли происходило под влиянием хорошо развитой китайской торговли времен династии Тан (618–907 гг.), когда в Китае существовала большая колония арабских купцов²¹⁷.

В VIII в., во время активного развития арабской торговли, возникают многочисленные названия арабских кредитных документов. Это не только суфтаджа, но и санад (*sanad*) – поддержка требования об уплате долга; тамассук (*tamassuk*) – задержка должника; бадал (*badal*) – обмен денег; тахвиль (*tahwil*) – понятие, синонимичное хавале; бара (*bara-a*) – освобождение должника от долга. Последнее понятие перешло в форме *al-bala* в испанский и португальский языки (*albala*) в значении «квитанция»²¹⁸. Позднее различия в значении этих понятий были утрачены и в XIX в. в персидском, арабском и турецком языках они использовались для обозначения переводного векселя западноевропейского типа – тратты.

Необходимо упомянуть, что в средневековье, как и в эпоху Древнего Мира, цивилизации и культуры не были изолированы друг от друга; связи между разными культурами были постоянными и разноплановыми, а распределение ролей между Востоком и Западом было иным, чем в более поздние времена: все новые открытия и знания приходили в Европу с Востока, в том числе и приемов торговли. Это было связано с тем, что с VIII в. ведущая роль в экономических и культурных отношениях перешла к Арабскому халифату. В X в. европейцы не имели власти на Средиземном море, которое полностью контролировалось арабами; вся средиземноморская торговля сосредоточилась в руках мусульман, а также еврейских, армянских и греческих купцов. Известно, что в X в. купцы из итальянских городов Амальфи, Венеции и Генуи посещали порты Египта и Сирии; торговые колонии купцов из Амальфи были в Иерусалиме и Каире²¹⁹. Это способствовало заимствованию европейскими народами определенных элементов мусульманской материальной и духовной культуры (знакомство с арабскими естественными науками, которые к тому времени были передовыми, с основами арифметики и алгебры).

²¹⁷ Очерки истории распространения исламской цивилизации: В 2 т. Т. 1. От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания. – М.: Росс. полит. энциклопедия, 2002. – С. 100–107.

²¹⁸ Fleischer H. Grammatik der lebenden persischen Sprache / nach Mirza Mohammed Ibrahim's grammar of the persian language neu bearbeitet von Heinrich Leberecht Fleischer. – 2. Auflage. – Leipzig, 1875. – S. 190.

²¹⁹ Ashtor E. A social and economic history of the Near East in the Middle Ages. – Berkeley: University of California Press, 1976. – P. 196.

Под арабским влиянием происходило расширение денежного обращения и торговли на юге Европы. Это влияние усилилось в XI–XII вв., когда часть южной Европы (Испания) оказалась под властью Арабского халифата, вследствие чего возникла так называемая мавританская культура. Поэтому можно предполагать, что итальянская торговля «переняла эстафету у мусульманской торговли, достигшей своего расцвета в XI–XII в.»²²⁰.

Как пишет Р. Грассхофф, «использование векселя, заменившего деньги при осуществлении платежа в незнакомом месте, стало одним из важнейших достижений, сделанных Западом на Востоке. Именно это за короткое время подняло итальянские торговые республики на такой уровень, что итальянские корабли начали плавать по всем морям и океанам, склады итальянских товаров были на всех берегах, а столы итальянских менял можно было видеть во всех городах»²²¹.

Впрочем, предположение о заимствовании итальянцами практики вексельных операций у арабов трудно подтвердить или опровергнуть из-за неполноты имеющихся данных об особенностях торговли на Ближнем Востоке и Средиземноморье – неполноты, которая сохраняется даже после публикаций во второй половине XX в. фундаментальных исследований Ф. Броделя и Э. Эштора. Однако в любом случае это предположение нельзя не принимать во внимание.

Среди основных аргументов в пользу этой гипотезы можно назвать тот факт, что суфтаджа была известна арабам значительно раньше первых итальянских векселей, которые появились после начала торговых контактов итальянцев с арабами. Можно упомянуть и то, что в Испании, часть которой продолжительное время находилась под властью арабов, независимо от Италии также возникают первые векселя (или, по крайней мере, кредитные документы, очень близкие к векселям), на что впервые обратил внимание Г. фон Мартенс²²².

Как отмечал В. Холдсворт, еще в VIII в., задолго до появления векселей в Италии, среди арабских купцов использовались документы, подобные переводному векселю. Они могли переходить от одного лица к другому с помощью некоего подобия передаточной надписи на обороте документа, а ремитент имел право регресса против трасан-

²²⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 2. Игры обмину. – К.: Основы, 1997. – С. 475.

²²¹ Grashoff R. Die suftaga und hawala der Araber. Ein Beitrag zur Geschichte des Wechsels. – Göttingen: Druck der Univ. Buchdruck von W. Kastner, 1899. – S. 69.

²²² Martens G. Versuch einer historischen Entwicklung des wahren Ursprungs des Wechselrechts von Georg Friedrich von Martens. T. 2. – Göttingen, 1797. – S. 106–107.

та в случае неуплаты долга. По мнению В. Холдсворта, влияние арабских методов торговли на Европу, особенно во времена Фридриха II (1212–1255 гг.), не вызывает сомнения, свидетельством чего является заимствование арабских терминов. Однако В. Холдсворт отмечает, что гипотеза об арабском происхождении векселя не так однозначна, как может показаться на первый взгляд, и арабский аналог векселя имел значительно большую способность к передаче, чем итальянские векселя XIII в., – с помощью передаточной надписи он мог переходить из рук в руки много раз²²³. Добавим, что эта способность к передаче арабского аналога векселя (очевидно, речь идет о суфтадже) напоминает способность к многократной передаче мамрана – польско-еврейского векселя XVI–XVII в.

Приверженцем концепции арабских аналогов векселя был Ф. фон Канштайн, приводивший образец арабского документа XII в.²²⁴, который Л. Гольдшмидт считал неубедительным аргументом. Критическое отношение к этой теории высказал в 1933 г. А. Сейу, считавший, что анализ документов из архивов не только Италии, но и Каталонии не обнаружил никаких признаков арабского влияния, а гипотеза Р. Грассхоффа о происхождении понятия «аваль» от арабского «хавала» неубедительна²²⁵.

Из авторов второй половины XX в. концепцию арабских аналогов векселя поддерживал Г. Берман, отмечавший, что коммерческие кредитные документы арабы использовали в средиземноморской торговле еще в VIII–X вв., хотя, скорее всего, не рассматривали эти документы как абстрактные договоры, то есть долговые обязательства, независимые от договорных отношений, ставших причиной выдачи этих документов. Когда такие документы были заимствованы в конце XI–XII вв. в Западной Европе, они приобрели абстрактность и стали долговыми обязательствами, не зависящих от начальных договорных отношений. Г. Берман в отличие от В. Холдсворта считал, что арабские аналоги векселя не имели такой способности к обороту, как европейские векселя, аргументируя это тем, что способность к обороту была изобретена западноевропейскими купцами в XI–XII вв. как реакция на уровень развития товарного рынка и наличие «резервуа-

²²³ Holdsworth W. A history of English law. Vol. VIII. – L.: Methuen & Co., 1903. – P. 133.

²²⁴ Canstein, F. von. Das Wechselrecht Osterreichs. – Berlin: Carl Heymann's Verlag, 1903. – S. 12.

²²⁵ Sayous, A. L'origine de la lettre de change // Revue Historique de droit francais et etranger. – 1933. – № 2. – P. 69.

ра» кредита²²⁶. На наш взгляд, такая аргументация недостаточно убедительна, поскольку вести речь о развитом товарном рынке в Европе XI–XII вв. нет оснований, особенно в сравнении с товарными рынками арабского мира того времени.

Этой же гипотезы придерживался и Ф. Бродель: «Если вексель, давно известный в странах победоносного ислама IX–X вв., зародился на Западе в XII в., то это было потому, что деньги тогда должны были перемещаться на огромные расстояния, через все Средиземноморье и от итальянских городов к ярмаркам Шампани»²²⁷.

Подводя итог краткому обзору дискуссии, укажем, что факт заимствования итальянцами практики вексельных операций в более упрощенной форме, чем в арабском праве X–XII вв. с его институтом хавалы, можно объяснить недостаточным развитием судопроизводства в итальянских городах, хотя, на наш взгляд, более существенной причиной этого является отличие правовых систем. Западноевропейское право имело иные предысторию и принципы, опираясь на идеи римского права, для которого передача долгового обязательства (положенная в основу арабского института хавалы) была вообще неприемлемой.

С нашей точки зрения, происхождение термина «аваль» от понятия «хавала» вполне убедительно доказал Р. Грассхофф²²⁸, что можно считать еще одним аргументом в пользу гипотезы о влиянии арабских инструментов кредита на происхождение западноевропейского векселя.

Очевидно, что гипотеза о заимствовании идеи векселя из торговой практики мусульманских купцов и выявление возможных путей такого заимствования требуют дальнейших исследований. Но уже сейчас можно отметить, что в XIII в. (когда после Крестовых походов позиции ислама на юге Европы ослабли) в Средиземноморье начали преобладать итальянские купцы – генуэзцы и венецианцы, ставшие основными посредниками между Западной Европой, Византией и исламскими странами. После четвертого Крестового похода генуэзцы

²²⁶ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 331.

²²⁷ Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 1. Структури повсякденності: можливе і неможливе. – К.: Основи, 1995. – С. 410.

²²⁸ Grashoff R. Die suftaga und hawala der Araber. Ein Beitrag zur Geschichte des Weschels. – Gottingen: Druck der Univ. Buchdruck von W. Kastner, 1899. – S. 70–72.

проникли в Причерноморье, где создали свои колонии (основными были Каффа и Солдайя в Крыму) – промежуточные пункты в торговых контактах итальянцев с Тавризом.

Как свидетельствует серьезное исследование С. П. Карпова²²⁹, в этих контактах широко использовались векселя раннего итальянского типа, и поэтому, на наш взгляд, вполне справедливым является предположение, что именно через черноморскую торговлю происходило знакомство итальянцев с практикой использования кредитных документов их партнерами – мусульманскими купцами из Тавриза.

В любом случае трудно представить, что итальянские купцы, часто посещавшие порты мусульманских стран, не знали о таком простом способе обеспечения перевода денег на большие расстояния и не использовали его. Об этом частично свидетельствует и заимствование итальянскими купцами из арабского языка торговых терминов, не говоря уже об арабских цифрах и системе подсчета на счетной доске, а также тот факт, что с работами античных авторов Европа впервые познакомилась именно в арабских переводах²³⁰.

—

Начиная с XII в. роль арабской торговли начинает снижаться, и мусульманские купцы постепенно утрачивают влияние в Средиземноморье, где они занимали господствующее положение с VII по XI вв. Возможно, Западная Европа с ее быстрым экономическим развитием начала опережать Ближний Восток потому, что итальянские торговые города-республики со своей системой самоуправления сильно отличались от мусульманских городов, полностью подчиненных государственной власти и лишенных каких-либо форм самоуправления.

После изгнания арабов из Испании их влияние на Западную Европу уменьшилось, и постепенно исламские страны Востока сами стали объектом влияния Запада. С возникновением колониальных империй англичане и голландцы распространили вексель западноевропейского типа в странах ислама, что вытеснило оригинальные исламские кредитные инструменты.

В конечном счете, следствием проникновения в исламские страны западных методов кредитно-финансовых операций и их слияния с ме-

²²⁹ Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 336 с.

²³⁰ Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 2. Ігри обміну. – К.: Основи, 1997. – С. 472–473.

стными традициями стало появление исламских банков (мы упоминаем о них лишь кратко, поскольку эта тема требует отдельного детального рассмотрения), значение которых возросло в конце XX в. в результате распространения мусульманского фундаментализма.

ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ

С. З. Мошенский

ЧАСТЬ 2

ИСТОРИЯ ВЕКСЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

**2.1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ВЕКСЕЛЬНОГО
ОБРАЩЕНИЯ В ИТАЛИИ XII–XIII ВВ.**

После распада Римской империи в хозяйственной жизни Европы наступил период упадка. Банкирская деятельность, которой в Римской империи занимались аргентарии, почти полностью угасла. Средневековая Европа была экономически бедным и отсталым регионом мира; Византия, мусульманские страны и Китай явно превосходили её по числу и размерам городов, а также по развитию денежного обращения²³¹. Необходимо учесть и противоречивое (в целом отрицательное) отношение христианства к античным традициям – от полного запрета античного наследия как языческого, до обращения интеллектуальной элиты к работам древнегреческих и римских авторов.

Государство франков значительно отличалось от средиземноморской цивилизации с развитой морской торговлей – его экономическая система была связана с землей. К тому же со всех сторон империя франков была окружена вражескими народами – скандинавами, мадьярами, арабами. В X в. два десятка городов Европы насчитывали всего лишь несколько тысяч жителей и только в Венеции и Лондоне их было более 10 тыс. (тогда как население Константинополя приближалось к 1 млн.).

С исчезновением Римской империи на некоторое время угасло и кредитное дело, возродившись лишь в период расцвета итальянских торговых городов. Сохранилось ремесло менял, занимавшихся обменом денег, как и в античные времена, на рынках. Трудно сказать, насколько средневековые итальянские менялы (камписоры) использовали опыт аргентариев Древнего Рима. Скорее всего, становление их деятельности было обусловлено постепенным развитием торговли. Сначала менялами в Европе были преимущественно евреи, но с XI в. их вытесняют итальянцы – ломбардцы, а также флорентийцы и венецианцы.

Денежное обращение до XI–XII вв. было незначительным, несмотря на большое количество монет разного типа. Монеты оценивались не как денежные знаки (и инструмент обмена), а лишь как кусочек драгоценного металла, ценность которого зависела от его веса. Ситуация несколько улучшилась после монетной реформы Карла Великого, введшего систему «ливр – су – денье» (1 ливр равнялся 20 су, 1 су равнялся 12 денье). Ливр и су были условными денежными единицами,

²³¹ *Де Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992. – С. 184.

и в XIII в. в реальном обращении находились лишь мелкие монеты – серебряные денье²³².

С XI–XII в. Европе активизируется экономическая деятельность, ставшая основой для формирования западноевропейской цивилизации. В результате этого произошла существенная переоценка социальных ценностей: ремесленники и купцы (труд которых раньше не ценился) начали объединяться и стали в Северной Италии (а также в Северной Германии) ведущей социальной силой. Возросло значение купечества и тесно связанного с торговлей ростовщического капитала, а денежный обмен и коммерческая деятельность, не игравшие в минувшие столетия существенной роли в жизни Европы, стали значительно интенсивнее.

Особенно этот процесс коснулся торговых городов Северной Италии – Флоренции, Венеции и Генуи, где формировались экономические принципы новой европейской цивилизации – индивидуализм, предпринимательство, рационализм и прагматизм. В организации средневекового города, в структуре цехов и гильдий, в производственной и коммерческой деятельности формировались будущие буржуазные отношения, идущие на смену феодальному порядку. Италия имела выгодное географическое положение и выход к Средиземному морю – центру торговых путей античного мира. Поскольку в то время преобладала морская торговля, именно Италия стала посредником между Европой и Азией.

Этому способствовало и то, что после вторжения готов в конце V в. в Италии установился относительный покой, способствовавший интенсивному развитию торговли. Сначала основными торговыми центрами были города Южной Италии – Амальфи, Палермо и Мессина, подчиненные Византии. Торговое значение этих городов возросло в IX в. благодаря торговле с африканскими арабами, в частности с Тунисом (первые свидетельства о пребывании там купцов из Амальфи датируются 870 г.) и Каиром (упоминания об амальфитянах в Каире известны с 978 г.). Через Амальфи восточные товары попадали в Рим и другие города Италии, а название города в IX–X вв. было хорошо известно купцам всей Европы. Торговое процветание Амальфи закончилось в 1073 г., когда город оказался под властью герцога Роберта Гюискара и отошел от Византии. После этого все торговые привилегии, данные амальфитянам в Византии, были упразднены, и город полностью утратил свое торговое значение. Начинается подъем Венеции, купцов из которой еще в IX в. можно было встретить в Египте и Сирии. Венецианские купцы имели деловые связи в Византии, а правители Венеции (дожи) прилагали

²³² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992. – С. 232–233.

немало усилий для установления торговых контактов с арабами. Так, дож Пьетро Орсеоло (991–1009 гг.) направил своих послов в северную Африку, Сирию, Египет и Сицилию и договорился о льготах для венецианских купцов. В особенности возросло значение Венеции после четвертого Крестового похода и захвата Константинополя. Венецианские купцы становятся властителями морей, а восточная торговля приобретает такое значение, что даже рассматривался проект перенесения столицы венецианского торгового государства в Константинополь²³³.

Одновременно происходило становление норм торгового права и появились первые торговые кодексы – *Ordo maris* в Пизе в XII в., *Tabula Amalphitana* в Амальфи и, наконец, наиболее универсальный сборник *Conulato del mare*, который использовался во всех итальянских городах²³⁴.

Так в X–XII вв. после продолжительного периода упадка начинается эпоха экономического подъема. В Европе, где четко выделились два полюса – юг и север (города Италии и немецкие города Ганзейского союза) значительно активизировалась торговля, а значение Средиземного моря снизилось. Центром этого пространства в XIII в. становятся ярмарки в Шампани, проводившиеся в городах Труа, Провен, Бар и Ланьи. На них собирались торговцы со всего мира. Так, по удачному выражению Ф. Броделя, происходило не только возникновение европейского экономического пространства, а и зарождение самой Европы²³⁵.

Однако в большинстве стран Европы в XII–XIII вв. все еще господствовали простейшие формы рынка, которым был присущ натуральный обмен, о чем пишет Буало в «Книге ремесла» (около 1270 г.). При таком типе обмена все продавалось на месте и сразу оплачивалось. Кредит почти не играл никакой роли на таком рынке, существовавшем еще со времен Древнего Мира²³⁶.

На развитие коммерческого кредита существенное влияние оказывала церковь. Как отмечает В. Эндеман, возникновение и развитие доктрины вексельного права (до XVII в. включительно) можно понять с учетом канонической теории ростовщического процента. Это не означает, что вексель возник только с целью обхода церковных запретов

²³³ Джиллиегов А. К. Торговля на Западе в средние века. – СПб.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1904. – С. 31.

²³⁴ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 1. Введение. Торговые деятели. – М.: Статут, 2003. – С. 55–56.

²³⁵ Бродель Ф. Что такое Франция?: В 2 кн. Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 1. – М.: Изд-во им. Сахарниковых, 1995. – С. 123.

²³⁶ Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII в.: У 3 т. Т. 2. Ігри обміну – К.: Основи, 1997. – С. 13.

на кредит под проценты. Действительной причиной его появления было расширение товарно-денежного оборота²³⁷.

Поскольку вся жизнедеятельность средневековых государств, в том числе и хозяйственная, в значительной мере зависела от церкви, в Европе доминировал канонический подход к любой экономической деятельности, согласно которому источником средств существования может быть только личный труд. Этим средневековое мировоззрение существенно отличалось от античного – греки и римляне презирали труд как занятие низкое, достойное лишь рабов. Негативное отношение к финансово-кредитной деятельности со стороны канонического церковного права²³⁸ ощутимо сдерживало развитие финансово-кредитных операций.

Кроме физического труда, существовало лишь два способа приобретения богатства – прибыль от продажи вещей по более высокой цене и процентная прибыль от кредитной деятельности. Против кредитной деятельности активно выступала церковь – заем под процент был строго запрещен, поскольку в соответствии с каноническим учением «деньги не могут порождать деньги». Эта идея опиралась на евангельское изречение о том, что давая заем, не следует ждать от него вознаграждения (Евангелие от Луки, 6, 35). Эти слова были восприняты церковью буквально. Отношение Христа к Матвею («мытарю», или банкиру), на котором мог бы быть основан положительный подход христианства к финансовой деятельности, было отброшено средневековой ментальностью, осуждавшей любые займы между христианами. Поэтому роль ростовщиков была передана евреям как лицам другой веры, хотя это не мешало большим монастырям и аббатствам тоже выполнять роль кредитных учреждений.

Церковным запретам кредитной деятельности способствовало и то, что денежными займами пользовались, как правило, люди, находившиеся в затруднительном положении. Поэтому распространенным было мнение, что богатый кредитор в форме процента забирает у бедного должника последние гроши, увеличивая таким образом свое богатство. Церковь беспощадно боролась против кредитной деятельности и, как отмечал М. Вебер, не одного купца заставила возратить проценты²³⁹.

Канонический запрет процента, бывший характерной особенностью всей средневековой торговли и кредита, по сути, вел к отрицанию самого стремления к прибыли. Как писал В. Зомбарт, возникает

²³⁷ *Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 95.*

²³⁸ *Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 655; Табашиников И. Г. Прошлое векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1891. – С. 62–109.*

²³⁹ *Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – С. 252.*

впечатление, что люди, стремившиеся получить прибыль, подлежат осуждению уже за само это намерение, поскольку любая бездеятельность и чрезмерное богатство запрещены законом. И только превращение денег в капитал, когда кредит под процент стал характерным признаком капитала, несколько уменьшило отрицательное отношение к ростовщичеству²⁴⁰.

Сначала ограничения кредита под проценты касались лишь духовенства, которому Никейским собором в 325 г. было запрещено получать таким образом прибыль. Позднее, в IX в., получение процента от займа было объявлено греховным для всех. Соответствующее постановление канонического законодательства появляется в 1173 г. В нем папа Александр III угрожал ростовщикам отлучением от церкви и запрещал прибыльные коммерческие соглашения. В 1243 г. Григорий X предлагал изгнать ростовщиков из городских общин, а Климент V в 1311 г. объявил недействительным любое светское законодательство, противоречащее церковному запрету на получение процента. Таким образом, ростовщическая деятельность стала рассматриваться как преступление, подобное всем другим преступлениям.

В частности, в уставах флорентийских торговцев сукном XIV в. отмечалось, что купец, занимающийся ростовщичеством, исключается из цеха. А в уставе флорентийских менял 1367 г. запрещалось давать деньги под процент как под залог вещей, так и под долговую расписку. Запрет касался всех форм ростовщичества, и те, кто нарушал это правило, были обязаны уплатить штраф в 100 лир. В конце XIV в. подобные запреты содержались в уставах всех флорентийских цехов, а также в уставах менял Милана (1396 г.), Бергамо (1497 г.) и других городов.

Продолжительному сопротивлению церкви кредитным операциям способствовало и то, что схоласты (прежде всего Фома Аквинский) использовали идею Аристотеля об отличии между автаркичной, самодовлеющей экономикой семейного типа и экономикой торгового типа. На основании этого они противопоставляли натуральное хозяйство (направленное лишь на поддержание существования) денежному хозяйству (считающемуся противоестественным). Слова Аристотеля о том, что деньги не порождают деньги были использованы как повод для догматического запрета любых кредитных операций. Однако тот же Фома Аквинский – один из ведущих средневековых теологов – создал учение о «справедливой середине», согласно которому само по себе богатство не является греховным, и человек имеет право не только его иметь, но и стремиться к его накоплению при условии, что это будет преследо-

²⁴⁰ Зомбарт В. Современный капитализм: В 3 т. Т. 1. Кн. 1. Введение в докапиталистическое хозяйство. Исторические основы современного капитализма. – М.–Л.: ОГИЗ, 1928. – С. 302–304.

вать справедливую, благородную цель – содержание собственной семьи, помощь бедным и т. п. В соответствии с этим учением использование богатства для строительства, производства и торговли считалось «богоугодным делом», что давало возможность на практике отходить от церковного запрета. Процент рассматривался как законный и в том случае, если для займодателя возникал риск или невозможность получить выгоду.

Благодаря этому мог существовать обмен (*cambium*) и перевод денег, а вексель, бывший практическим средством реализации этого перевода, мог перемещаться с одного рынка на другой, поскольку выгода, которую он давал, была гарантирована заранее, и, таким образом, всегда существовал определенный риск. Ростовщическим считался только так называемый «сухой обмен» (*cambio sicco*) с векселями, которые на самом деле не предусматривали перевода денег из одного места в другое, а лишь маскировали обычный заем под процент.

—

Ситуация начала изменяться во время Крестовых походов, когда Италия (через которую проходили все маршруты крестоносцев) получила контроль над торговыми путями Средиземного моря, где раньше господствовали купцы из стран ислама. Итальянские города использовали свой флот для перевозки крестоносцев. Крестовые походы стимулировали развитие торговли и деятельность менял, сопровождавших крестоносцев, а знакомство со странами Востока способствовало заимствованию новых торговых обычаев и общей активизации итальянской торговли.

Кроме того, они содействовали возникновению купечества как профессиональной группы: до XI в. купцов в Западной Европе (за исключением нескольких итальянских городов) было вообще мало, и это были отдельные еврейские, сирийские и греческие странствующие торговцы. Во время Крестовых походов именно купец стал действующим лицом сложных коммерческих операций, особенно в Италии (торговые интересы итальянских купцов распространялись от Китая, куда путешествовал Марко Поло, до Брюгге и Лондона, где они создали свои поселения)²⁴¹.

Хотя католическая церковь не раз налагала эмбарго на вывоз товаров из христианской Европы в мусульманские страны, в 1198 г. венецианцы убедили Папу Римского, что они не имеют собственных аграрных ресурсов и могут существовать только за счет торговли. Иннокентий III дал им разрешение торговать с султаном Александрии (за исключением таких товаров, как железо, оружие, корабли, строительный лес).

²⁴¹ Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 41.

В связи с расширением товарно-денежного оборота возросла потребность и в кредитных операциях. В это время объем деятельности еврейских ростовщиков (монополизировавших эту функцию) стал уже недостаточным, а христианские купцы еще не взяли кредитные операции в свои руки, поэтому роль «кредитных касс» исполняли монастыри. Несмотря на ограничения канонического права, в реальной жизни церковь, по мнению Ж. де Гоффа, способствовала искоренению отрицательного отношения к купеческой деятельности (которая, собственно говоря, и обеспечивала экономический подъем) и провозгласила, что работа является не только наказанием после грехопадения (вследствие которого человек должен «в поте лица своего» добывать хлеб насущный), а и «средством спасения»²⁴². В итоге на Туринском соборе (1163 г.) церковь разрешила займы под залог земельной собственности, переходившей в собственность кредитора при несвоевременной уплате долга должником. В XV в. с развитием товарно-денежного оборота, когда появились новые способы обойти церковные ограничения, богословы постепенно смягчили свою позицию. Ослабление церковных ограничений стимулировало развитие коммерческого кредита в Италии. Но и после этого натуральный обмен существенно сдерживал экономическое развитие европейских стран, ограничивая объемы торговых операций.

В связи с этим В. Зомбарт приводит такой характерный пример. Стоимость ограбленного каравана, состоящего из 61 купца, направлявшегося в 1391 г. на мессу во Франкфурт, равнялась 9 544 флоринам, то есть каждый из купцов, собиравшийся в столь трудное путешествие, имел с собой товара всего лишь (в среднем) на 156 флоринов (27 из 61 купца понесли убытки на сумму менее чем 100 флоринов, а некоторые потеряли только в 13, 10 или 8 флоринов). Небольшой объем торговых операций подтверждают и суммы векселей, выписывавшихся на торговые центры Фландрии во время их наивысшего расцвета, – из 102 ипрских векселей, выданных с 1251 по 1291 гг., только 17 были выписаны на сумму, превышающую 100 фунтов, а наибольшей была сумма в 239 фунтов 6 шиллингов²⁴³.

Низкий объем торговых операций в средневековую эпоху свидетельствует, по мнению В. Зомбарта, о «ремесленном» характере профессиональной торговой деятельности. Говоря о купцах того вре-

²⁴² *Де Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992. – С. 81; 138, 211–212.

²⁴³ *Зомбарт В.* Современный капитализм: В 3 т. Т. 1. – М. – Л.: ОГИЗ, 1928. – С. 290.

мени, он отмечал, что весь способ их мышления и формы деятельности роднят их с мелкими и средними промышленниками.

Однако критики В. Зомбарта считают, что он занижил объемы коммерческих операций, а его сравнение статистических показателей средневековой эпохи с современными ведет к неверным выводам из-за разной стоимости жизни в целом и разного понимания объема материальных потребностей средневекового и современного человека²⁴⁴. Кроме того, характер торговых отношений, товарно-денежного оборота и кредитных операций в средневековые времена формировался и развивался по своим собственным законам, поэтому сравнивать их с началом XX в., когда писал свою работу В. Зомбарт, не говоря уже о настоящем времени, было бы не корректным.

В целом же, нет никаких оснований считать средневековых купцов экономически грамотными предпринимателями капиталистической эпохи. Ремесленническая сущность средневекового торговца обнаруживается прежде всего в его стремлении не столько к обогащению и увеличению прибылей самих по себе, сколько к тому, чтобы повседневным трудом добывать себе средства существования, необходимые для того уровня жизни, который считался в то время достойным для представителей купечества.

Этот ремесленнический дух – сугубо средневековый образ мыслей тогдашних предпринимателей – отразился в многочисленных реформаторских трактатах, написанных в конце средневековья, перед началом Нового времени. Мартин Лютер писал, что «в торговле не нужно искать ничего другого, кроме получения средств для своего пропитания, и в соответствии с этим необходимо высчитывать все затраты и стоимость перевозки товара; соответственно купец должен определять суммы, получаемые им как вознаграждение за свой труд»²⁴⁵. Подобные мысли высказаны и в трактате Христиана Куппенера о ростовщичестве (1508 г.), где противопоставлялись мелкие торговцы, имевшие целью лишь пропитание своей семьи, и крупные торговцы, стремившиеся к чрезмерному обогащению²⁴⁶. Это было отражением средневековой идеи «справедливой цены» и греховности стремления к чрезмерному обогащению.

Свидетельством такого образа мыслей (запрещение конкуренции и борьбы за расширение рынка услуг) является устав флорен-

²⁴⁴ Зомбарт В. Современный капитализм: В 3 т. Т. 1. – М. – Л.: ОГИЗ, 1928. – С. 308.

²⁴⁵ Лютер М. О торговле и ростовщичестве // Собр. соч. Т. 15. – СПб: Изд. Сытина, 1899. – С. 296.

²⁴⁶ Зомбарт В. Современный капитализм: В 3 т. Т. 1. Кн. 1. Введение в докапиталистическое хозяйство. Исторические основы современного капитализма. – М. – Л.: ОГИЗ, 1928. – С. 292.

тийских менял 1299 г. который не разрешал членам цеха ходить по городу в поисках клиентов для вексельных операций – «банкиры» должны были сидеть за своими столиками и ждать клиентов. Таким образом создавались одинаковые для всех членов цеха возможности получения прибыли. Подобные требования сохранились и в правилах обменного двора в Страсбурге (1380 г.). Так, в ст. 35 этих правил отмечается, что никто в этом «обменном доме» не должен зазывать клиента, желающего обменять деньги, или называть покупателя по имени. Этот ремесленнический характер профессиональной средневековой торговли сохраняется в Италии до начала XIV в., а в других странах Европы – и до XVI в.²⁴⁷.

Следует упомянуть и такое обстоятельство, как слабое развитие письменности. Умением писать и читать в Италии в XII в. (а в других странах Европы – в течение всего средневековья) владела лишь незначительная часть купцов. Искусство счета, необходимое для коммерческой деятельности, также находилось на очень низком уровне, а люди времен средневековья и даже эпохи Возрождения в своем большинстве вообще не умели считать, и любая физическая работа считалась более легкой, чем арифметические расчеты²⁴⁸. Арабские цифры, а также использование нуля распространяется в Италии с XIII в., хотя и довольно медленно. Использование арабских цифр и нуля начинается в Италии с XIII в., в Англии и Германии – в начале XVI в. Так, в XVI в. Лука Рэм описывает в своем дневнике путешествие в Венецию, где он хотел научиться считать, хотя в действительности речь шла о простых арифметических действиях с целыми числами (знание которых считалось в то время признаком высокой купеческой образованности)²⁴⁹.

Несмотря на общий низкий уровень грамотности и умения считать, итальянские города опережали в этом отношении другие страны Европы. Этому оказывало содействие постепенное заимствование идей римского права, а также становление нового европейского хозяйственного права, первыми творцами которого были именно средиземноморские купцы; а также одновременное зарождение в разных городах Северной Италии системы двойной записи. Значение развития системы двойной записи (и методов учета финансовых операций) в распространении товарно-денежного оборота в целом и, кредитных

²⁴⁷ Зомбарт В. Современный капитализм: В 3 т. Т. 1. Кн. 1. Введение в докапиталистическое хозяйство. Исторические основы современного капитализма. – М.–Л.: ОГИЗ, 1928. – С. 291, 306.

²⁴⁸ Соколов Я. В. Бухгалтерский учет: от истоков до наших дней. – М.: Аудит, ЮНИТИ, 1996. – С. 48.

²⁴⁹ Зомбарт В. Современный капитализм: В 3 т. Т. 1. Кн. 1. Введение в докапиталистическое хозяйство. Исторические основы современного капитализма. – М.–Л.: ОГИЗ, 1928. – С. 294–395.

операций в частности, трудно переоценить. Считается, что именно система двойной записи стала важной предпосылкой становления экономики капитализма²⁵⁰.

В XI–XII вв. наиболее экономически развитыми регионами Европы были те, где перекрещивались важные торговые пути, – Северная Италия, Северная Германия и Фландрия, а также Северо-Восточная Франция. Итальянские купцы из Венеции, Генуи, Сиены и Флоренции действовали относительно изолировано, в границах своих городов, что не мешало им охватить сферой своего влияния довольно большую территорию (колонии генуэзцев были, как известно, даже в Крыму). На немецких землях в 1161 г. возникает большая торговая конфедерация – Ганза, которая в XIII в. расширила свое влияние от Англии и Швеции до Северной Руси (Новгород).

Однако именно развитие торгово-экономических отношений в Италии поставило ее на первое место среди других государств Европы, поскольку эта страна находилась на перекрестке торговых путей, связывавших Западную Европу с Востоком, будучи в XII в. центром экономических отношений. Если сравнить отношение к торговле в Древнем Риме и Италии, то можно отметить, что римляне не были торговой нацией. Их больше интересовало право, законодательство, государственное управление, воинские победы и расширение владений империи. Римляне с презрением относились к производству и торговле, которыми должны были заниматься рабы или другие варварские народы. Отношение к торговле радикальным образом изменилось в средневековой Италии. Энергичные и свободные итальянские предприниматели обеспечили торгово-экономическое первенство Италии, сделав ее центром торговли с Востоком. В Северной Италии возникают самостоятельные торговые республики (прежде всего Венеция и Генуя), которые осуществляли большую часть торговых операций. «Все богатства Востока, все караваны Леванта сосредоточивались в Италии и отсюда, как из центра, расходились в другие государства Западной Европы»²⁵¹. Именно поэтому в Италии находилась в обороте большая часть монет, существовавших в то время в Европе, а также на азиатском и африканском побережье Средиземного моря.

В основе денежного обращения в Италии, подобно уже упомянутой системе «ливр – су – денье», были лира, су и денье. В одной

²⁵⁰ Мэтьюс М. Р., Перера М. Х. Б. Теория бухгалтерского учета. – М.: Аудит, ЮНИТИ, 1999. – С. 31–32.

²⁵¹ Нисселевич Л. Н. О векселях и их обращении // Счетоводство. – 1890. – №11–12. – С. 128.

лире было 20 су, а в одном су – 20 денье. Подобно ливрам, которыми рассчитывались на ярмарках Шампани, итальянские лира и су были условными единицами, и наиболее распространенными были мелкие серебряные денье. В то же время в Италии можно было встретить несколько других типов монет, в частности золотые флорентийские флорины, генуэзские дженовины, венецианские дукаты (цехины). Общее количество золотых монет, находившихся в обороте в Европе, равнялось приблизительно 900 млн., из них 500 млн. приходилось на Италию, а 250 млн. – на Флоренцию. Если в XIII в. Сиена еще конкурировала с Флоренцией как общеевропейский центр банковско-кредитной деятельности, то в XIV в. на первое место выходит Флоренция, ставшая банковско-кредитной конторой для всей Европы²⁵². В Пьемонте значительным торговым центром был город Асти, купцы и банкиры которого были хорошо известны во Франции, Бургундии и Англии как ломбардцы. Еще одним центром торгово-кредитных операций была Сиена со знаменитой банкирской компанией Буонсиньори.

Многочисленные мелкие государства и независимые торговые города в Италии имели право выпускать собственную монету, однако в большинстве случаев правители этих государств и городов стремились к фальсификации монет, уменьшая их вес при чеканке. Именно поэтому необходимо было проверять вес, качество металла и даже достоверность чеканки большинства из этих монет. Несмотря на видимость унификации, под одним и тем же названием в разных странах существовали монеты с разной реальной стоимостью. Наличие большого количества отдельных княжеств и графств со своими собственными монетами также усложняло денежное обращение, а несовершенство технологии чеканки вело к тому, что одинаковые монеты одного государства в разные годы выпуска имели разное содержание драгоценного металла и, соответственно, разную стоимость.

Эти обстоятельства обусловили важность ремесла менял – кампсоров, цеховые объединения которых существовали во многих торговых городах Италии. Их быстрое распространение объяснялось возможностью получать прибыль при обмене монет (иные способы получения выгоды от финансовых операций были запрещены как ростовничество). Все исследователи истории вексельных операций соглашались с тем, что сначала деятельность кампсоров ограничивалась исключительно разменом денег. Уже с XII в. употреблялись понятия

²⁵² Итальянские коммуны XIV–XV веков. Сб. документов / Под ред. В. И. Рутенбурга. – М.: Наука, 1965. – С. 23.

«*cambiatores*» и «*campsores*», пока кампсоров не начали называть в Италии банкирями²⁵³. Первые конторы менял появились в Италии в XI в., и очень быстро их количество достигло 80. Менялы осуществляли свои операции на рынках за специальными столами (*bansco*), и потому их называли *banchieri*, отсюда и происходят понятия «банкир» и «банк».

Сначала каноническое церковное право терпимо относилось к деятельности кампсоров, что способствовало распространению спекуляции деньгами. Позже это ремесло стало объектом критики со стороны церкви. Однако осуждение церкви не остановило его развитие, а лишь заставило кампсоров маскировать способы получения прибыли. Очевидно, обменное ремесло не ограничивалось лишь обменом одних монет на другие, и довольно быстро возникла идея перевода денег без непосредственной транспортировки, что и привело в конечном счете к появлению векселя итальянского типа²⁵⁴.

Известно, что менял (и евреев, и итальянцев) не очень любили в городах Европы, поскольку они часто занимались ростовщичеством, предоставляя займы под проценты. Такие менялы нередко выгонялись из разных городов, а их имущество подлежало конфискации. При этом евреи преследовались больше, чем другие народы, и поэтому в XIII–XIV вв. обменная деятельность в Европе постепенно сосредоточилась в руках итальянцев. Кампсоров можно было встретить во всех торговых городах Италии – их услугами пользовался даже Папа Римский. Постепенно ремесло итальянских менял проникло в другие страны Европы, в частности через Фландрию оно попало в Германию.

В XIV–XV вв. итальянские менялы создали первые банкирские компании, контролировавшие финансово-кредитные операции в большинстве государств Европы. Это флорентийские семейные банкирские общества Барди, Перуччи, Медичи, а также известные на то время компании Аччаюоли и Уццано, занимавшиеся депозитными и заемными операциями и предоставлявшие кредиты в валюте любого западноевропейского государства. Банкирские компании имели разветвленную сеть своих представителей и агентов в разных странах, что стимулировало развитие корреспондентских отношений и переводных операций. Так, флорентийская фирма «*Iacopo & Caroccio*» в 1349 г. имела свои отделения в Авиньоне (резиденция пап), Брюгге,

²⁵³ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 100–101.

²⁵⁴ Ibid. – S. 102, 107.

Брюсселе, Париже, Сиене, Перудже, Риме, Неаполе, Бардетте и Венеции. Фирма Медичи в XIV в. имела 16 контор в разных местах²⁵⁵.

В Венеции ремесло менялы считалось одним из семи высших ремесел, и цех менял стоял над 14 цехами ремесленников рабочих профессий. Во Флоренции отдельный цех менял (*cambio*) возник еще в 1202 г. Он занимался непосредственным обменом денег, торговлей металлами и драгоценными камнями, а также осуществлял небольшие депозитные и кредитные операции, не выходявшие, однако, за рамки местной торговли, поскольку крупные флорентийские банкиры не входили в этот цех.

О масштабе деятельности итальянских купцов и банкиров свидетельствует известный справочник для купцов «*Practica della mercatura*» («Искусство торговли»), написанный в первой половине XIV в. Перголетти – агентом большой флорентийской компании Барди, перечислявший города на побережьях Средиземного и Черного морей, а также Армении, Персии, Туркестана, Монголии и Китая, где торговали итальянские купцы²⁵⁶.

Поскольку в обороте находились монеты разного типа, а денежная система итальянских городов была достаточно сложной, упомянутые в контрактах и бухгалтерских записях условные денежные единицы редко соответствовали тем, что реально были в ходу. Поэтому одновременно с развитием торговых отношений возникла потребность упростить платежи и облегчить перевод денег в другие страны, что вызвало объективную необходимость в использовании *lettera di cambio* – векселей.

С помощью векселей кредитные компании (Аччаюоли, Барди и Перуччи, дель Бене и Уццано, Питти и Веллуччи) находили новые способы избежания церковных запретов. Помогало этому и возникновение в XII – XIII вв. юриспруденции нового типа, возродившей римское право, в том числе представления о частной собственности и неограниченной свободе договора. В этом возрождении ведущую роль сыграла юридическая школа Болонского университета, попытавшаяся теоретически обосновать справедливость заключения соглашений об оплате процентов за займы. С одной стороны, в идеях болонских докторов права, а также в учении Фомы Аквинского о «справедливой середине» итальянские менялы денег и банкиры находили оправдание своей деятельности. С другой стороны, те же доктора теологии, гражданского и канонического права боролись против ростовщичества и

²⁵⁵ Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 660, 662.

²⁵⁶ Луццано Дж. Экономическая история Италии. Античность и средние века. М.: МГУ, 1954. – С. 289.

кредитной деятельности, разоблачая разные способы маскирования процентных кредитов под выдачу векселей.

Повышению правового статуса банкирских компаний и расширению вексельных операций способствовали деловые отношения с папским двором, в частности участие этих компаний в сборе папских церковных податей, а также возможность выдачи авансом больших сумм еще не собранной церковной десятины. Особенно значительные переводные операции для папской курии осуществляла компания Уццано, созданная в первой половине XIV в.

Необходимость собирать папские налоги по всем странам, на которые имела влияние католическая церковь, требовала поиска новых средств для их передачи. Благодаря этому средневековое общество впервые познакомилось (хотя и на начальном уровне) с векселями и переводом денег, поскольку документы, использовавшиеся для передачи папской десятины, действительно имели сходство с векселями. Рим был не только религиозным, но и финансовым центром всех католических земель, а общий объем денежного обращения папского финансового хозяйства, связанного в первую очередь с сбором налогов, был довольно значительным. Однако В. Эндеман считал, что не следует рассматривать сбор церковных налогов в качестве основной причины возникновения чековых и вексельных операций²⁵⁷.

Несмотря на демонстративную борьбу церкви с кредитными операциями, в действительности папская курия в XIII – в начале XIV вв. все более экономически зависит от итальянских банкирских компаний. Это длилось до середины XIV в., когда большие флорентийские компании, в том числе Перуччи, пришли в упадок²⁵⁸. Другие банкирские компании Италии активно действовали до XVI в., а в его конце начинается крах итальянских банков (из 103 частных банков Венеции 96 обанкротились и лишь семь продолжали существовать). Среди причин падения этих компаний можно назвать инвестирование средств в спекулятивные предприятия (следствием чего стали законодательные ограничения их деятельности), а также большие займы государству, которые часто не возвращались. Главной же причиной был общий упадок итальянских республик, которые перестали быть центром мировой торговли. Вместо итальянских банкиров на арену вышли не-

²⁵⁷ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 98.

²⁵⁸ Руменбург В. И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV века. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 76–78.

мецкие банкиры Фуггеры, а позднее мировым центром финансово-кредитной деятельности стал Амстердам.

Но в XIII–XIV вв. итальянские кредитные компании переживали свой расцвет, а использование векселей в их деятельности стало обычной практикой. Учитывая эти обстоятельства, преобладающее большинство исследователей именно с Италией связывали не только становление в XII–XIV вв. векселя как финансового инструмента с установившимися и четко определенными характерными признаками, но и его развитие и распространение.

В процессе становления и оформления векселя как специфического финансового инструмента были распространены две основные обменные операции:

1) *cambium manuale* – непосредственный обмен одних монет на другие. Эта операция не нуждалась в доверии сторон друг к другу, аспект кредита в ней полностью отсутствовал, а в письменном документе, удостоверявшем такую операцию, не было надобности;

2) *cambium trajectitum* – размен денег с их переводом (в том числе *distantia loci* – обмен, который предусматривал выдачу денег в другом месте, и *diversitas temporis* – обмен с выдачей денег через определенное время)²⁵⁹.

Так как одна из сторон передавала другой определенную сумму денег (в чем и состояла суть кредита), вполне естественным было возникновение некоторого недоверия между сторонами. А, поскольку выдача денег переносилась в другое место и на другое время, лицо, которое доверило свои деньги, рисковало. Поэтому такое соглашение требовало письменной формы – *cambium cum scriptura*, что и стало причиной появления долгового документа. Последний можно считать векселем в западноевропейском понимании в отличие от подобных векселям финансовых инструментов, существовавших в разное время у других народов и не являвшихся векселем в строгом значении слова, то есть документом, имевшем специфические признаки и функции.

Таким образом, можно выделить несколько объективных исторических причин становления вексельных операций в Италии.

1. В Италии в обороте находилось много типов монет. Причина этого была в том, что Италия включала в себя несколько самостоятельных государств, имевших свои собственные деньги. Разнообразие типов монет было обусловлено и тем, что Италия была центром активной торговой деятельности, которую итальянские купцы вели с государствами на африканском, азиатском и европейском берегах Средизем-

²⁵⁹ Scaccia S. Tractatus de commerciis et cambio. – 1619. – Disp.1, qu. 5. – №. 2, 19, 22, 23.

ного моря. Эти монеты были различного качества и, соответственно, разной ценности, вследствие чего обменные операции требовали опыта и специальных знаний, что в свою очередь, создавало потребность в менялах. Именно обмен монет разных типов был первым назначением векселя.

2. В Италии был налажен организованный обмен монет различных типов, которым занимались кампсоры, выполнявшие не только операции по размену денег, но и по их переводу. Меняла должен был иметь достаточный капитал, позволявший ему создавать запасы монет, на которые существовал спрос. Накопить такой капитал не всегда могло отдельное лицо, что стало причиной возникновения коммандитных доверительных обществ. Поскольку менялы принадлежали в Италии к торговцам (*mercanzia* – один из трех традиционных городских слоев в средневековой Италии), на них распространялись все привилегии гильдии купцов (*mercatores*). Прежде всего это касалось суровых наказаний и личного задержания нарушителей правил, что обеспечивалось институтом собственных выборных судей. Таким образом, гильдия достаточно эффективно контролировала деятельность своих членов, принимая новых или исключая тех, кто не оправдал доверия. Контроль со стороны членов гильдии повышал надежность операции обмена (или перевода) денег, а также доверие к торговым книгам менял, которые (подобно *tabulae* древнеримских аргентариев) приравнивались к нотариально заверенным документам²⁶⁰.

3. Высокая степень опасности перевозки больших денежных сумм в средневековые времена. Одной из главных причин возникновения векселя была потребность в безопасном переводе денег из одного места в другое с одновременным обменом разных типов монет. С этим и связаны названия этой финансовой операции: *permutatio* в Римской империи и *cambium* – в средневековой Италии. Современные названия векселя в разных языках (англ. *bill of exchange*, франц. *lettre de change*, итал. *lettera di cambium*, нем. *weschelbrief*) сохранили следы происхождения векселя от операций обмена монет. К этому следует добавить и такое обстоятельство, как тяжесть металлических монет, что усложняло их перевозку. Все это вместе взятое стало причиной естественного стремления найти другой, более безопасный способ перевода денег.

4. В Рим – центр католического мира – необходимо было передавать большие денежные суммы (церковная десятина), что поставило вопрос о безопасности их транспортировки.

²⁶⁰ Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Тип. И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 3.

5. Специфика организации средневековых ярмарок. Итальянские купцы и менялы играли ведущую роль на ярмарках. Необходимость купцов из разных стран обменивать полученные ими на ярмарке деньги на монеты своих государств, обусловила распространение обычая не платить наличными, а выдавать письма с поручением тому агенту итальянского менялы, который проживал на родине купца, уплатить последнему в определенное время определенную сумму. Распространению этой практики способствовало и то, что итальянские торговые компании имели своих представителей во всех значительных коммерческих центрах того времени. Это делало перевод денег безопасным, простым и удобным. Возглавляли эти представительства компаньоны итальянского кампсора (чаще всего его родственники), что вызывало полное доверие к этим операциям.

Таким образом в Италии происходило формирование векселя как финансового инструмента и соответствующих норм вексельного права, которые постепенно распространялись на другие европейские страны. В частности, первые свидетельства об использовании векселей в торговых отношениях Италии с Англией относятся к 1199 и 1207 гг; с 1379 г. векселя начинают упоминаться в парламентских актах²⁶¹.

Хотя в это время в Германии экономические предпосылки к развитию товарно-денежного оборота были близки к итальянским (первые подобные вексельным документы, использовавшиеся в торговых городах немецкого Ганзейского союза относятся к XII–XIII вв.; именно они послужили основанием для утверждений М. Неймана о немецком происхождении векселя), наиболее распространенным и обоснованным историческими фактами является мнение, что вексель в современном его понимании сформировался в Италии.

2.2. ВЕКСЕЛЬ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ТИПА В ИТАЛИИ XII–XV ВВ.

В связи с общим развитием товарно-денежного оборота в XII в. (и особенно в XIII в.) широко распространилась операция *cambium* – обмена денег. Основным центром таких операций стала Италия, че-

²⁶¹ Stobbe O. Miscellen zur Geschichte des deutschen Handelsrecht // Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht / Ed. L. Goldschmidt. – T. 8. – 1965. – S. 28–55; Neumann M. Geschichte des Wechsels im Hansagebiete bis zum XVII Jahrhundert. – Erlangen, 1863. – S. 110.

рез которую после Крестовых походов осуществлялась большая часть торговли с Востоком. Операциями обмена занимались итальянские менялы – кампсоры (*campsores*, или банкирии – *bancheii*) в морских торговых городах Италии (Генуя, Венеция, Флоренция). Поэтому именно в Италии в XII–XIV вв. начинается становление векселя как финансового инструмента с его характерными признаками, а время, когда вексель начал приобретать свою четкую форму, можно рассматривать как период векселя итальянского типа (или так называемого первоначального векселя).

Как отмечал А. Сейу, и Левина Гольдшмидта и Адольфа Шаубе часто критиковали за то, что они придавали социально-экономическим предпосылкам возникновения векселя итальянского типа больше значения чем юридическим, хотя рассмотрение именно этого аспекта возникновения начального типа векселя позволяет правильно оценить эти процессы²⁶².

Несмотря на широкое использование операции *cambium*, ее суть не была определена, поэтому в XII–XIV вв. эту операцию не всегда можно было отличить от других подобных операций²⁶³. Сначала это был простой обмен одних монет на другие, осуществлявшийся кампсором на месте. Операция обмена денег происходила из рук в руки (*cambium manuale*) и не имела четко выраженной формы кредита. В XII в. эти операции редко оформлялись нотариально, поэтому до наших дней дошло весьма незначительное количество документальных свидетельств. Со временем механизм операций кампсоров усложнился, особенно во времена ярмарок.

Правовой институт *cambium* был разновидностью общей операции обмена – *permutatio*, предполагавшей обмен одних монет на другие. Позднее эквивалент денежной суммы стал выдаваться в другом месте (*distantia loci*) монетой, находившейся там в обращении, или же по прошествии некоторого времени (*distantia temporis*). Таким образом обмен денег постепенно превратился в обмен с переводом (*cambium trajectitum*), а соглашение обмена приобрело элементы кредита.

Эти новшества чаще всего можно было наблюдать в международных торговых соглашениях, а в деятельности обычных менял на рынках они были достаточно редкими. Причина этого была проста – купец не хотел везти с собой деньги в другой город или страну из-

²⁶² Sayous A. E. L'origine de la lettre de change // Revue Historique de droit francais et etranger. – 1933. – №2. – P. 68.

²⁶³ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 91.

за опасностей, подстерегавших его на дорогах средневековой Европы. Использование же векселя давало возможность осуществлять перевод прибыли из Италии в другие страны, где получать ее в соответствующих денежных единицах. Кроме того, в большинстве случаев выдача денег осуществлялась не только в нужном месте, но и в нужное время.

Хотя общий объем итальянской торговли в XII–XIII вв. по сравнению с последующими столетиями был незначительным, и осуществлялась она преимущественно за наличные, благодаря активности итальянских купцов коммерческие операции быстро распространились в разных странах, особенно средиземноморских. Способствовало этому и расширение торговли с Востоком во времена Крестовых походов. Перемещение достаточно крупных сумм между разными странами и стало предпосылкой для становления правового института *cambium*. В то время операции *cambium siccum* и *cambium fictivum* – («сухой» и фиктивный обмен) считались незаконными и совершались исключительно для того, чтобы обойти запреты на ростовщичество²⁶⁴.

Что же касается времени появления векселя, то Рафаэль де Турри утверждал, что в XII в. вексель уже существовал, но не приводил достаточно веских доказательств своей теории²⁶⁵. Ф. Бинер составил перечень из 14 документов, относящихся к периоду XII–XIV вв. однако немецкие исследователи XIX в., в частности В. Эндеман, отмечали, что значительная часть этих документов не являлась векселями. Древнейший из этих документов датирован 1157 г. Ф. Бинер цитирует его из «Истории Генуи» Канале:

«*Lire 10 Genovesa prese a cambio con peomessa di pagarle in Tunisi*».

Несмотря на то, что в этой короткой записи действительно речь идет о переводе 10 генуэзских лир в Тунис и упоминается понятие *cambio*, большинство исследователей не признают этот документ векселем прежде всего из-за отсутствия указанного отличия монет, полученных и уплаченных в Тунисе. Особенности приведенного документа позволили В. Эндеману предположить, что в середине XII в. вексель (который сегодня можно было бы назвать простым) еще не предполагал обязательный обмен монет разных типов, хотя через несколько

²⁶⁴ Holdsworth W. A history of English law. Vol. VIII. – L.: Methuen & Co., 1903. – P. 127.

²⁶⁵ Turri, Raphael de. Tractatus de cambiis. – Francofurti ad Moenum, 1641. – 1, q. 1, № 21.

десятилетий подобный документ вряд ли признали бы векселем²⁶⁶.

Э. Эштор полагает, что первый документ, который можно считать векселем, датирован 1220 г., отмечая что такие операции возникли за пределами Европы (мы уже упоминали о мнении Э. Эштора относительно арабского происхождения векселя)²⁶⁷, а Т. Блумквист подчеркивает, что эти документы уже можно считать вексельным контрактом (*instrumentum ex causa cambii*)²⁶⁸.

Подробнее специфику деятельности итальянских менял XII–XIV вв. позволяют проследить записи нотариусов (в частности генуэзских), первые из которых датируются XII в.²⁶⁹. К этому же времени относятся первые прототипы векселей, написанные на итальянском и испанском языках. Это «Записки» («*Notularium*») генуэзского нотариуса Джованни Скрибы (1155–1164 гг.), содержащие данные о более чем 400 соглашениях. Кроме того, источниками, которые позволяют исследовать специфику вексельных операций XII–XIII вв. являются записи генуэзских нотариусов Оберто Скриба де Меркато (1186 и 1190 гг.), Джуглиермо Касиненса (1190–1192 гг.), Бонвильяно (1198 г.) и Джованни ди Джиберто (1200–1211 гг.)²⁷⁰, а также записи нотариуса Ланфранко (1180–1216 гг.). К XIII в. относятся акты марсельского нотариуса Амальрика, содержащие данные о 360 соглашениях.

В актах генуэзских нотариусов контракты, относящиеся к операциям обмена денег с переводом из одного места в другое, сначала встречаются очень редко; их количество увеличивается только в середине XIII в. Несмотря на то, что клиентура Джованни Скрибы состояла в основном из торговцев и судовладельцев, в его записях присутствует очень мало контрактов, относящихся к операциям обмена из одного места в другое. Эти контракты представляют собой преимущественно морские займы, но в актах 1157 и 1164 гг. уже наблюдается понятие «*cambium et permutatio*». Необходимо отметить и роль, которую в XII в. играл нотариус: поскольку многие торговцы были неграмотны и зача-

²⁶⁶ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. T. 1. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 81–83.

²⁶⁷ Ashtor E. Levant Trade in the Latter Middle Ages. – Princeton: Princeton University Press, 1983.

²⁶⁸ Bloomquist T. Some observations on early foreign exchange banking based upon new evidence from thirteenth century Lucca // Journal of European Economic History. – 1990. – Vol. 19, №2. – P. 353–375.

²⁶⁹ Usher P. The early history of deposit banking in Mediterranean Europe. Vol. 1. – N. Y.: Russel and Russel, 1900. – P. 61.

²⁷⁰ Roover, R. de L'Evolution de la lettre de change. – P.: Librairie Armand Colin,

стую не могли самостоятельно оформить документы, они обращались к услугам нотариуса, что постепенно привело к формализации таких контрактов и, в свою очередь, способствовало становлению первых форм векселя.

Так, в акте 1184 г. генуэзского нотариуса Ланфранко уже описана операция продажи в кредит с обменом валют на месте в связи с необходимостью определенного лица в монетах иного типа, в частности генуэзских. В двух других актах того же года в операциях местной торговли появляется понятие *cambium – tantum de tuo cambio u tantum cambium unde promittimus*²⁷¹.

Контракты, относящиеся к операциям обмена и перевода денег, довольно редко встречаются и среди актов нотариуса Оберто Скриба де Меркато, записи которого датированы 1186 г. Среди этих актов преобладают морские займы и контракты торговых обществ. В следующем примере конца XII в. прослеживается такая форма вексельного обязательства:

«Я, Солиман, заявляю, что получил от тебя, Огерия, 15 фунтов генуэзских денариев, которые обязываюсь передать тебе или твоему фактору (представителю) в Александрии в размере 2,75 византий (византийская монета) за фунт»²⁷².

Постепенно кредитные и платежные операции, предполагавшие перевод денег из одного места в другое, начинают практиковаться все чаще – вначале в торговле с Египтом и Левантом (у нас мало сведений об этих операциях), а потом в операциях на ярмарках Шампани. Так, в одном из марсельских актов Етьен де Мандюель и другой торговец (имя которого не указано) в Мессине предоставили морской заем, который необходимо было возратить в Марселе. Очевидно, участники соглашения предвидели получение значительной прибыли²⁷³.

В документах нотариуса Джованни ди Джиберто эти контракты в основном записаны как операция займа (*mutuum*), но с оговоркой, что они были заключены под условным названием «обмен» (*nomine cambii*). Это было связано с тем, что из-за осуждения церковью ростовщичества любое упоминание о займе (*mutuum*) давало повод для суро-

²⁷¹ Sayous A. E. L'origine de la lettre de change // Revue Historique de droit français et étranger. – 1933. – №2. – P. 84–85, 88.

²⁷² Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы: В 2 т. Т. 1. – 7-е изд. – М. – Л.: Госиздат, 1926. – С. 233.

²⁷³ Sayous A. L'origine de la lettre de change // Revue Historique de droit français et étranger. – 1933. – № 2. – P. 88.

вого преследования со стороны церкви. Во избежание этого торговцы пытались убедить богословов, что контракт обмена был займом лишь отчасти, а главная его цель – перевод денег из одного места в другое. Именно поэтому выражение *mutuo nomine cambii* быстро исчезает из словаря генуэзских нотариусов и заменяется выражениями *ex causa cambii* или *omine cambii vel vendicionis*, где уже отсутствует любой намек на заем.

В контрактах марсельского нотариуса Амальрика преобладала формула *ex causa permutacionis seu cambii*: подобные выражения использовались для того, чтобы не вызвать отрицательной реакции со стороны церкви. В целом же подобные акты имели общее название *instrumento ex causa cambii*; именно их можно рассматривать как непосредственные прототипы векселя.

Приведем пример акта *instrumento ex causa cambii*:

«Акт, составленный 28 апреля 1206 г.
нотариусом Джуглиермо Касиненсом.

Еньюранос де Кожино из Реймса признает, что он получил в заем (*mutuo*) с целью обмена (*nomine cambii*) неуказанную сумму в генуэзских денариях от Имбертуса де Ганелла де Верселято и от Петруса де Верселято и обещает возвратить 300 ливров на ближайшей ярмарке в г. Провене либо обоим кредиторам, либо одному из них, либо же их законному представителю. В том случае, если провенские монеты уменьшатся в весе или в качестве, дебитор обещает заплатить кредиторам из расчета 48 провенских су за 1 полуфунт из Труа (то есть заплатить им 12 с половиной полуфунтов серебра). Дебитор обещает вознаградить кредиторов за все затраты и убытки, которые они могут понести, если долг не будет уплачен в указанные сроки. Кроме того, дебитор обязуется в этом под гарантию всего своего имущества»²⁷⁴.

Текст акта не оставляет никакого сомнения о природе соглашения – речь идет о денежном авансе, сделанном в Генуе, который необходимо возвратить на ярмарке. Аванс не был простым займом, а усложнялся операцией обмена генуэзских монет на монеты Провена. Такое объединение двух операций – обмена и кредита – достаточно характерно для контрактов того времени. Однако подобные акты еще нельзя считать векселем, поэтому более удачным мы считаем название *instrumenta ex causa cambii* – нотариально заверенный контракт обмена.

²⁷⁴ Roover, R. de. L'Evolution de la lettre de change. – P.: Librairie Armand Colin, 1953. – P. 29.

Еще один упоминавшийся многими авторами документ датирован 1297 г.:

«Банкерий Симон Росси признает, что получил 24 генуэзские лиры и 32 денара, а его брат Вильгельм в Палермо должен уплатить предъявителю этого документа 8 марок чистого серебра»²⁷⁵.

В этом документе уже проявляются явные признаки вексельной операции – отличие типов монет и перевод их из одного места в другое. Еще одной важной особенностью документа является то, что он предусматривал уплату предъявителю (*qui dabit hanc cartam*).

Таким образом, в эволюции вексельной операции в течение XII–XIV вв. можно выделить два основных направления: 1) попытки скрыть процентный заем под договором обмена; 2) постепенное вытеснение нотариального вексельного акта платежным вексельным письмом. При непосредственном обмене денег из рук в руки (*cambium manuale*) необходимости в заключении письменного документа не было, поскольку не было потребности в гарантии выполнения соглашения, осуществлявшегося на месте. Обмен же с переводом требовал письменной формы договора, воплощенного в трех документах:

1) вексельном акте, заверенном нотариально (*instrumentum ex causa cambii*): его содержание состояло в принятии кампсором на себя обязательства уплатить в определенном месте и в определенное время указанную сумму денег в указанной валюте (или по выбору валюты предъявителем данного акта);

2) записки, выданной лицу, внесшему деньги, в адрес плательщика и включавшей в себя поручение произвести платеж указанному в ней лицу (*lettera di pagamento* – платежное письмо).

3) дополнительного письма с сообщением о необходимости произвести платеж (*aviso*). Это авизное письмо ряд авторов включают в состав неотъемлемых элементов первоначального векселя, хотя, на наш взгляд, оно не является характерным признаком первоначального типа векселя.

Получение вексельной суммы происходило на основании платежного письма, но само по себе это письмо вначале не содержало никакого обязательства, и, если его владелец не получал деньги в определенном месте, то письмо не давало ему оснований для регрессного

²⁷⁵ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschaffs- und Rechtslehre. T. 1. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 83–84.

иска, поскольку оно (в отличие от нотариально заверенного акта) не было юридическим документом²⁷⁶. Требование о возврате денег (в случае их неполучения) должно было основываться именно на нотариально заверенном акте.

После того, как ярмарки Шампани в конце XIII в. пришли в упадок, итальянские купцы открыли филиалы и постоянные представительства в других городах; большую роль они играли и на ярмарках Лиона. Изменение методов торговли повлияло на векселя, и скоро нотариальный акт (расписка) был вытеснен простым вексельным письмом, которое в полной мере подтверждало долговое обязательство кампсора. Таким образом, можно считать, что вексель (*lettera di cambium*) возникает не из нотариального акта (*instrumentum ex causa cambii*), а из платежного письма (*lettera di pagamento*), являвшегося вначале лишь дополнительным документом. Именно это письмо и стало прототипом переводного векселя – тратты (*tratta*), приобретшего четкую форму в следующий период истории вексельных операций – эпоху ярмарок XIV–XV вв.

Первые записи генуэзских нотариусов, датированные 1155 г., свидетельствуют о том, что ни один из упомянутых ими документов еще не был векселем в современном понимании. В них содержалось нотариально заверенное обязательство уплатить определенную сумму денег с переводом (*ex causa cambii*).

Отличительной особенностью приведенного выше акта от 28 апреля 1206 г. была неуказанная сумма аванса, которую нужно было возвратить на ярмарках Шампани. По этому поводу Р. де Рувер предполагает, что сущность данного акта заключалась в той разнице, которую кампсор получал за операцию обмена. Доказательством этого является несколько актов XIII в.:

«Акт нотариуса Бартоломео Фомари,
датированный 31 октября 1252 года.

В соответствии с этим актом Рофредо Браманзони из Сиены от своего имени и от лица своих компаньонов (общество Буонсиньори) заявляет, что он получил в результате операции обмена (*potine cambii*) от Джерардо Олтремаре сумму в 1416 лир 13 су 4 денье генуэзских монет и обещает возвратить эквивалент – 1000 провенских ливров на ближайшей ярмарке в Труа к определенному сроку (*ad rectum pagamentum*). Если эта выплата не состоится, дебитор обязуется удовлетворить кредитора в самой Генуе к празднику Благовещения Богородицы 2 февраля 1253 года. В этом случае 1000 провенских

²⁷⁶ Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1895. – С. 13.

ливров должны быть возвращены в генуэзских монетах из расчета 19 генуэзских монет за 1 су 12 денье (провенских). В соответствии с обычаем дебитор отказывается от разных привилегий, которыми он мог бы воспользоваться, и обязуется (под гарантию всего своего имущества) заплатить вдвое больше взятой им суммы, если он не возвратит деньги в день платежа»²⁷⁷.

Этот акт регулирует формы двойного соглашения: обмен денег с переводом из Генуи на ярмарки Шампани (в город Провен) и вторичный обмен в противоположном направлении (обмен генуэзских монет на провенские, а потом обратный обмен провенских монет на генуэзские). Курс провенского су специально был занижен в Генуе и завышен в Шампани, что давало возможность вкладчику денег получить прибыль от их оборота между Генуей и шампанскими ярмарками.

В контракте указан курс обмена (1416 лир 13 су 4 денье генуэзских монет представляют собой эквивалент 1000 провенских ливров). Соответственно, 1 провенский су 12 денье равняются 17 генуэзских денье. Обратный обмен провенских монет на генуэзские происходил по курсу 19 денье. Таким образом, дебитор, получивший 17 денье в провенских су 31 октября 1252 г., обещает возратить 19 денье в су через три месяца или после 2 февраля 1253 г. Потери дебитора (и прибыль кредитора) составляют 2 генуэзских су на каждом провенском су за счет разных курсов обмена и повторного обмена – эта разница составляла 2 денье. Несложно рассчитать прибыль (1 ливр содержал 20 су, соответственно 1000 провенских ливров равнялись 20 тыс. су). Сумма в 1416 лир 13 су 4 денье соответствует 1000 провенских ливров по курсу 17 денье. По курсу 19 денье 1000 ливров составляют 1583 лир 6 су 8 денье, а разность – 166 лир 13 су 4 денье – является прибылью от операции обмена.

Как свидетельствует этот контракт, операции обмена приносили прибыль лицам, деньги которых передавались из Генуи на ярмарки Шампани и обратно – так из операции обмена возникала прибыль банкиров XIII в. Учитывая позицию церкви, осуждавшей кредитные операции как ростовщичество, прибыль в данном примере была включена в курс обмена денег, выгодный кредитору.

Подобные операции позже получили название фиктивного обмена и были осуждены сначала богословами (докторами теологии, канонического и гражданского права – авторами схоластических трактатов, отстаивающих нормы церковного права), а потом и Папой Римским как скрытый заем. В такой фиктивной операции все было

²⁷⁷ Roover, R. de L'Evolution de la lettre de change. – P.: Libraire Armand Colin, 1953. – P. 33.

вымышленным, в том числе и курс обмена, редко соответствовавший действительности. Подлинной целью такого соглашения был заем с целью получения прибыли, то есть ростовщичество.

Рассмотрение актов XII–XIII вв. свидетельствует, что большинство заимодателей были из банкирских обществ. Крайне редко в этом участвовали мелкие коммерсанты, операции которых осуществлялись в основном на местном или региональном уровне. Часто в таких операциях использовался обмен денег, совершавшийся в одном месте. Так, в записях нотариуса Апульесы за 1221 и 1223 гг. содержится 43 контракта, относящихся к операциям обмена. Из них 41 касается местного обмена, 2 обмена из одного места в другое. Подобная картина наблюдается и в нотариальных актах Ильдибрандино: из 32 контрактов обмена, зарегистрированных с 27 ноября 1227 г. по 2 апреля 1229 г., 26 относятся к операциям местного обмена, три – к обмену из одного места в другое, и три – к продаже в кредит драгоценных металлов²⁷⁸.

Генуэзские, марсельские и сиенские нотариальные акты свидетельствуют, что на ярмарках в городах Шампани (Провен, Труа и др.) действовал хорошо организованный монетный рынок, на котором курсы обмена определялись предложением и спросом.

Распространению операций обмена способствовало и наличие в обороте большого количества разных монет, в том числе армянских и кипрских, о чем свидетельствуют следующие два документа:

«17 февраля 1274 г.

«Я, Ресториус Церрус, житель Пизы, подтверждаю тебе, Беренгарио Аддебрандини, жителю Пизы, в том, что взял у тебя в долг некоторое количество новых армянских драмов. В отношении справедливости и правильности обмена, сообщаю тебе о том, что обещаю передать и уплатить через верного тебе гонца (или через моего гонца) 44 сарацинских золотых монеты соответствующего веса к 1 апреля следующего года. Кроме того, обещаю уплатить тебе пеню в двойном размере за весь причиненный убыток в случае просрочки уплаты долга, а также уплатить убытки и затраты по первому твоему слову, без свидетелей и клятвы».

«Фамагуста, 29 декабря 1299 г.

Я получил от тебя 1708 византийских албов и 17 кипрских харатов в хорошем состоянии и правильного веса, о чем и сообщаю тебе. Что касается обмена, то я согласовываю его с тобой и обязуюсь уплатить тебе через верного

²⁷⁸ Roover, R. de L'Evolution de la lettre de change. – P.: Libraire Armand Colin, 1953. – P. 36–38.

тебе гонца (или через моего гонца) 6157 новых армянских драмов в хорошем состоянии и правильного веса здесь, в Лаяцио, через четыре ближайших дня, после чего ты можешь направлять верного тебе гонца».

Далее идет предостережение о просрочке платежа в размере 10% и о двойной пене²⁷⁹.

Рассмотрим подробнее, как происходило вытеснение нотариального акта простым вексельным письмом. Истоки этой тенденции восходят к середине XIII в., а проследить этот процесс позволяют дошедшие до нас документы (хотя их количество не очень велико). Как мы уже отмечали, сначала контракт обмена включал в себя (кроме авизного письма) два документа: один из них был признанием долга, а второй – письмом с распоряжением о выплате денег. Через некоторое время распоряжение о выплате начинают давать не в простом письме, а в запечатанном, о чем упоминалось в нотариальном протесте векселя, написанном в Брюгге 30 марта 1330 г. по требованию Надо Спиглиати представителю флорентийского общества Аччаюоли в Фландрии:

«Спиглиати заявляет о своей готовности заплатить сумму в 600 королевских 24 гро (монета Фландрии), эквивалентных 1342 лирам (в генуэзских монетах), которую Николо Джиччардини, агент общества Аччаюоли в Генуе, получил в результате обмена от Антониото Гримальди. Спиглиати (представитель дебитора) высказывает протест, так как Андриоло ди Альбари, уполномоченный кредитора, отказал в выдаче денег, предназначенных к выплате. Общество Аччаюоли возлагает на ответственную противную сторону затраты и убытки, которые возникнут вследствие этого отказа»²⁸⁰.

Данный протест содержится в тексте письма, отправленного Надо Спиглиати через доверителей. Во избежание потери документов, стороны согласились не пересылать оригинал нотариального акта, подтверждающего обязательство, взятое обществом Аччаюоли. Надо Спиглиати получил распоряжение уплатить по простой квитанции Андриоло ди Альбари и сообщить об этом в Геную, чтобы там уничтожить оригинал акта.

Данный протест является свидетельством использования двух документов: 1) *instrumentum ex causa cambii*, содержавшего контракт обме-

²⁷⁹ Goldschmidt L. Universalgeschichte des Handelsrecht. – Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1891. – S. 426–427.

²⁸⁰ Roover, R. de L'Evolution de la lettre de change. – P.: Libraire Armand Colin, 1953. – P. 39.

на; 2) письма, информировавшего плательщика о последующем платеже. При этом речь не идет о настоящем платежном письме (*lettera di pagamento*), широко использовавшемся флорентийцами и сиенцами уже в конце XIII в. (из которого, с нашей точки зрения, и возникает вексельное письмо – *lettera di cambium*, а потом и тратта), а об *instrumentum ex causa cambii* – более консервативные генуэзцы продолжали использовать эту форму документа до XIV в.

Чтобы понять, как эти документы приобрели форму векселя, необходимо учитывать, что в XI–XIII вв. большое количество коммерческих соглашений были устными, основанными на доверии и честности сторон²⁸¹. Кроме того, в XII в. организация международной торговли была достаточно простой, торговцы лично сопровождали свои товары и корабли, в результате чего импорт был тесно связан с экспортом. В таких условиях потребность в обмене денег с переводом из одного места в другое возникала довольно редко, такими же редкими были и упоминания в записях генуэзских нотариусов о контрактах с переводом денег в другое место. К середине XIII в. картина меняется, и записи о контрактах с переводом становятся регулярными. Очевидно, развитию этой финансовой операции способствовало появление представительств богатых купцов в других странах.

Таким образом, можно сделать вывод, что нотариусы придавали *instrumentum ex causa cambii* форму обещания, в соответствии с которой дебитор, взявший определенную сумму денег для обмена, обязывался возратить ее в другом месте. Как отмечал Р. де Рувер, нотариальная форма такой долговой записи была лишь вспомогательным элементом, не изменявшим саму природу контракта. Он считал, что немецкие юристы XIX в., исследовавшие историю векселя, придавали чрезмерное значение формальным вопросам, в то время как камбисты в XVII в. предлагали более адекватный подход, согласно которому не существовало четко определенной формы контракта, и он оформлялся в виде нотариального акта, акта с личной печатью или в форме простой записи.

Необходимо учесть, что развитию вексельного обращения способствовало и распространение общей грамотности, что все чаще позволяло торговцу обходиться без услуг нотариуса. Кроме того, оформление нотариального акта требовало времени, и присутствовать при этом должны были и стороны, составлявшие контракт, и их свидетели. К тому же, в случае потери нотариальный акт трудно было восста-

²⁸¹ Пачоли Л. Трактат о счетах и записях. – М.: Финансы и статистика, 2001. – С. 117.

новить. Все эти очевидные неудобства и стали причиной того, что потребность в нотариально заверенной квитанции постепенно отпадала. Торговцы нашли оптимальный способ, не требовавший заключения нотариального акта, – его заменило платежное письмо, постепенно приобретающее форму векселя. Вначале это произошло в тосканских городах, где инновации внедрялись быстрее, чем в Генуе и Венеции. Последние дольше придерживались традиций и в течение всего XIV в. продолжали пользоваться услугами нотариусов, традиционно составлявших эти акты на латыни.

Классическим примером векселя является долговой документ, датированный 1339 г.:

*«Барталус и Ко в Пизе. Во имя Господа Аминь.
Барталус и Ко посылает свой привет
Барна из Лухи и Ко, Авиньон.*

Уплатите по этому письму 20 ноября 1339 года Ландуччио Бассадраги и Ко из Лухи 312¾ золотых гульденов (которые мы сегодня получили от Такредо Боначмунти и Ко, насчитав 4½% в их пользу) и уплатите эту сумму на наш счет.

Выдано 5 октября 1339 года».

Как отмечал Г. Ф. Шершеневич, в этом акте отсутствуют признаки переводного письма и его можно считать разновидностью простого векселя²⁸².

Спорным является вопрос, какой именно тип векселя возник раньше – простой или переводной. Вначале вексель предполагал обмен денег, о чем свидетельствует само его название (лат. *cambium*, нем. *weschel*). Простейший вид такого обмена осуществлялся на месте, когда кампсор сразу выдавал необходимую сумму в другой монете. Такой непосредственный обмен на месте из рук в руки имел соответствующее название – *cambium manuale* (или *handweschel* в Германии). Второй вид обмена – *cambium per litteras* – предусматривал перевод денег и выдачу необходимой суммы в другом городе или стране и, возможно, в другой монете. Поскольку место выдачи и получения были разными, он получил название *distantia loci*. Именно такой вид обмена использовался при передаче папской десятины²⁸³.

²⁸² Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 3. Вексельное право. Морское право. – СПб.: Изд-во братьев Башмаковых, 1909. – С. 5.

²⁸³ Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы: В 2 т. Т. 1. – М. – Л.: Госиздат, 1926. – С. 232.

Исследователи XIX – начала XX вв. считали, что первоначальной формой векселя был не простой вексель, а переводной, то есть приказ об уплате, посланный третьему лицу. В частности, такой точки зрения придерживался Д. И. Мейер, считавший, что вексель зародился именно как *переводной*, и что вообще трудно понять, откуда появилась в векселе формулировка: «я должен уплатить». Вексельное обращение возникло из потребности в безопасном переводе денег, и если определенное лицо передавало деньги банкиру, чтобы получить их в другом месте, то предполагалось, что платить их будет иное лицо, поскольку трудно представить себе, что банкир лично поедет в место выдачи денег. Казалось бы, что в векселе должна сохраняться формула: «по этому моему векселю вы должны уплатить».

Что касается возникновения простого векселя, то его можно объяснить стремлением воплотить в вексельную форму (защищенную вексельной строгостью) обычные долговые обязательства. Поэтому векселем стали называть и те долговые документы, которые не имели отношения к переводу денег²⁸⁴.

Как отмечал В. А. Удинцев, после исследований Л. Гольдшмидта, проанализировавшего генуэзские документы XII в. из архива нотариуса Джованни Скрибы²⁸⁵, предположение о том, что первоначальной формой векселя была тратта, следует отвергнуть, и начальной формой вексельного обязательства следует считать простой вексель в форме *chirographum*, служивший для широкого оборота и выполнявший функции займов и обмена монет²⁸⁶. Л. Гольдшмидт отмечал, что начальной формой векселя (вексельного письма) не была ни тратта, ни простая тратта (так называемый коммандитный вексель), а простой вексель – вексельное письмо в форме простого обязательства об уплате, которое в XIX в. могли бы назвать домицилированным векселем²⁸⁷.

По мнению некоторых авторов в те времена существовало два вида тратт: обычное письмо о переводе денег, само по себе еще не являвшееся векселем, и более поздний документ – самостоятельное вексельное письмо, содержащее обязательства трассата уплатить указанную

²⁸⁴ Мейер Д. И. Очерк русского вексельного права // Мейер Д. И. Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР». 2003. – С. 306–307.

²⁸⁵ Goldschmidt L. Universalgeschichte des Handelsrecht. – Stuttgart: F. Enke, 1891. – S. 420.

²⁸⁶ Удинцев В. А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – С. 87.

²⁸⁷ Goldschmidt L. Universalgeschichte des Handelsrecht. – Stuttgart: F. Enke, 1891. – S. 400.

сумму. Первый вид тратты возник в XIII в., а второй сформировался в XV в., вследствие чего вспомогательный документ стал ненужным²⁸⁸.

Действительно, древнейшие вексельные документы напоминают простые векселя (*carta di cambio*), являющиеся не приказами уплатить, а обещаниями осуществить платеж. Эти векселя выдавались на самого себя, и вначале оплата по ним осуществлялась тем же лицом, которое получало деньги, поскольку кампсор или банкир (не купец) привозил деньги для своих потребностей (например на ярмарку) и осуществлял там обменные операции, получая деньги в другом месте от своих кредиторов или от проданных им товаров. Поскольку кампсор или банкир брал на себя риск, связанный с переводом денег, он получал прибыль от этой операции в виде процента.

Начиная с XIII в., в тексте векселя появляется дополнение о том, что оплату должен произвести не сам кампсор, а его доверенное лицо, находившееся в месте осуществления платежа. Чтобы сообщить этому лицу о необходимости платежа, присылалось специальное письмо (*littera di pagamento*), называвшееся *tracta* (в отличие от векселя, называвшегося *carta*). Отсюда и название переводного векселя – тратта. Данное письмо было добавлением к векселю, поскольку к уплате обязывал именно вексель, а письмо *littera di pagamento* лишь информировало о ее необходимости. Со временем такое письмо (тратта) превратилось в переводной вексель, а первый документ (простой вексель) стал лишним при осуществлении платежей из одного места в другое²⁸⁹.

Очевидно, существовала начальная форма тратты – обычный перевод денег, но с использованием *cambium* (еще не вексельного документа в современном понимании, а простого описания сущности операции), которую следует отличать от более поздней тратты, ставшей в правовом отношении вексельным документом. По мнению Л. Гольдшмидта, начальной формой векселя был простой домицилированный вексель с активными (а в большинстве случаев – с пассивными) ордерными оговорками. С помощью таких оговорок трассант брал на себя обязательство по отношению к лицу, принимавшему вексель (или лицу, которое будет названо таковым), заплатить в определенном пункте указанную в векселе сумму самостоятельно или способствовать ее уплате третьим лицом²⁹⁰.

²⁸⁸ Grunhut C. S. Wechselrecht. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1897. – S. 29, прим. 19.

²⁸⁹ Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы: В 2 т. Т. 1. – Изд. 7-е. – М. – Л.: Госиздат, 1926. – С. 234.

²⁹⁰ Goldschmidt L. Universalgeschichte des Handelsrecht. – Stuttgart: F. Enke, 1891. – S. 400.

С критикой концепции Л. Гольдшмидта выступил А. Шаубе, считавший, что простой и переводной векселя возникли независимо друг от друга. Свое мнение он подтверждал наличием приказов об уплате в письмах, которыми обменивались разные местные компании или которые посылались агентам итальянских компаний в другие города и страны. Позднее такой приказ об уплате выделился из коммерческого письма в отдельный документ, передававшийся лично кредитору. Так, с точки зрения А. Шаубе, и возник вексель, в котором не только признавался факт получения денежной суммы, но и предусматривалось обязательство об ее уплате. Тратта приобрела такую же юридическую силу, как и простой вексель, и начала вытеснять его из оборота. Это было вызвано увеличившимся объемом торговли итальянских купцов и разветвленной сетью их представительств²⁹¹.

В некоторых других своих работах А. Шаубе признавал, что переводные векселя XIII в. действительно были следствием принятого на себя обязательства об уплате кредитору, хотя это обязательство выражено и не в письменной форме простого векселя (как считал Л. Гольдшмидт), а в форме устного обещания под присягой. В частности, А. Шаубе упоминал примеры тратт, выданных императрицей Латинской империи Марией в 1249 г. на имя королевы Бланки, которая должна была уплатить указанную сумму тосканским купцам²⁹². Кредитные письма, появившиеся в начале XIII в. (с их помощью король, епископ или барон передавали определенную сумму денег рыцарям, находившимся у него на службе), ни Л. Гольдшмидт, ни А. Шаубе еще не признавали векселями. Текст кредитного письма предусматривал такую формулировку:

«Любому купцу, или другому лицу, предоставившему данному рыцарю определенную сумму, необходимо возратить сумму кредита на основе предъявления этого кредитного письма и подтверждения осуществленной оплаты»²⁹³.

Подтверждением оплаты, по мнению А. Шаубе, была тратта, которая прилагалась к кредитному письму и содержала просьбу к лицу, выдавшему кредитное письмо, возратить деньги. При этом использо-

²⁹¹ Schaube A. Beobachtungen zur Entstehungsgesch. der Tratte // Zeitschrift der Savigny. – T. XXVII. – P. 111.

²⁹² Grünhut C. S. Wechselrecht. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1897. – S. 33, прим. 23.

²⁹³ Schaube A. Anfänge der Tratte // Zeitschrift für die gesamte Handelsrecht. – 1895. – T. XLIII.; Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы: В 2 т. Т. 1. – Изд. 7-е. – М. – Л.: Госиздат, 1926. – С. 235.

вание тратты, а не квитанции было обусловлено тем, что из-за процентов сумма, которую необходимо было возратить, значительно превышала выданную. Во избежание запрета на займы под процент, выданная сумма не указывалась и расписка не составлялась, вместо этого выдавался документ на сумму, уже включающую процент. По сути, этим письмом король позволял выставить на себя вексель на определенную сумму и обязывался уплатить по нему. Таким образом, можно считать, что в данном случае существовал простой вексель (обязательство об уплате), на основе которого составлялся вексель переводной – просьба о возвращении уплаченной суммы²⁹⁴.

Т. Гуль также считал, что в начальный период истории векселя (XII–XV вв.) сначала возник простой вексель, в котором юридически значимым было абстрактное платежное обязательство, а местом платежа могла быть любая местность, отличная от места выдачи векселя²⁹⁵. Подобной точки зрения придерживался и А. Долинский, отмечавший, что трассированный вексель является более поздней формой векселя²⁹⁶.

Иной была точка зрения М. Вебера, считавшего, что типичный средневековый вексель первоначально состоял из двух отдельных документов. Первый из них – *litera aperta* – напоминал современный простой вексель с указанием места платежа (купец №1 в Генуе обещал уплатить купцу №2 в Барселоне в определенный день указанную сумму через посредничество лица №3, бывшего должником лица №1). Вторым документом – *litera clausa* (предшественник тратты) – извещал векселедателя, что ему необходимо будет уплатить по векселю за счет своего кредитора. Первый документ требовал нотариальной регистрации, а вторым являлся простым письмом. По мнению М. Вебера, потребность в первом документе со временем отпала (во избежание затрат на нотариальную регистрацию), и тратта приобрела свое современное значение²⁹⁷.

По мнению А. Ф. Федорова, такая тратта определяла, с одной стороны, отношения между лицом, которое его выдало, и лицом, уполномоченным осуществить платеж; с другой стороны, она была основанием для реализации прав вексельного кредитора. В первом случае

²⁹⁴ Schaubе А. Anfänge der Tratte. Zeitschr für Handelsrecht. – Band 43. – P. 28.

²⁹⁵ Guhl Т. Das Schweizerische Obligationenrecht. – Zurich: Polygraphischer Verlag, 1956. – S. 594.

²⁹⁶ Dolinski А. Polskie prawo wekslowe. – Poznan: Nakladom Krajowego Instytutu wydawniczego, 1925. – S. 58.

²⁹⁷ Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – С. 245.

переводной вексель был назван тратта (*tracta*), а во втором случае – римесса (*remissa*)²⁹⁸.

Из современных исследователей проблемой первичности простого или переводного векселя занимался В. А. Белов, полагавший, что первым появился простой вексель²⁹⁹. Исследователь считает, что у народов с более развитым торговым оборотом (Италия, Франция, Англия) употребляли разные понятия для определения простого и переводного векселя, в то время как народы с менее развитым торговым оборотом использовали одно понятие для определения обоих типов векселя. Автор объясняет это тем, что все народы имели свой собственный финансовый инструмент, который по сути был близким к простому векселю. Переводной же вексель стал следствием развитого торгового оборота и кредита, когда между менялами из разных стран установились корреспондентские отношения. Если же торговый оборот не достигал такого развития, простой вексель так и не трансформировался в переводной³⁰⁰.

Иную мысль высказал Р. Мюллер в монографии, посвященной эволюции финансового рынка Венеции. Начальный тип векселя, названный им *cambium contract* – контрактом обмена – предусматривал уплату в четко определенный срок, который зависел от удаленности двух мест. В начале XV в. при переводе денег из Венеции этот срок составлял для Флоренции 20 дней, для Брюгге – два месяца, а для Лондона – три месяца. По причине неудобства такого фиксированного срока постепенно появилась практика определения срока уплаты на основе согласованности сторон. Так возник переводной вексель, механизм получения прибыли по которому заключался в том, что, чем больший срок оставался до уплаты векселя, тем с большей скидкой его можно было купить³⁰¹. Благодаря этому переводной вексель стал чаще использоваться именно для финансовых, а не товарных операций. Купцы знали, где можно взять наивыгоднейший кредит и использовали для этого переводные векселя³⁰².

²⁹⁸ Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1895. – С. 14.

²⁹⁹ Белов В. А. Очерки по вексельному праву. – М.: ЮрИнфоР, 2000. – С. 17.

³⁰⁰ Там же, с. 17–19.

³⁰¹ Mueller R. The Venetian Money Market: Banks, Panics and the Public Debt 1200–1500. – Baltimore: John Hopkins University Press, 1997. – P. 295, table 8. 1.

³⁰² Bloomquist T. Some observations on early foreign exchange banking based upon new evidence from thirteenth century Lucca // Journal of European Economic History. – 1990. – Vol. 19. No 2. – P. 353–375.

На наш взгляд, на исследование проблемы первичности простого или переводного векселя оказала влияние тенденция модернизации явлений экономической жизни, свойственная многим исследователям XIX в. Как отмечал В. Эндеман, довольно часто исследователи переносили на явления давних времен более поздние правовые понятия и идеи. Так, при толковании римского права были разработаны сложные правовые конструкции, о которых римские юристы не имели ни малейшего понятия. То же относится и к истории векселя. Например, древнейшим формам векселя навязываются функции, которые возникли значительно позже, вследствие чего понять реальную ситуацию становится невозможно, поскольку выводы, сделанные исследователями, весьма далеки от действительности³⁰³. А. Сейу также считал, что обязательства об уплате (в частности в Генуе XII в.), предусматривавшие участие уполномоченного представителя, могут напоминать простые векселя, но это лишь отдаленное сходство, а возвращение долгов с уплатой в другом месте вообще требовало наличия личных связей³⁰⁴.

Очевидно, в XII–XIV вв., в период зарождения векселя итальянского типа, не существовало понятий «простой» и «переводной» вексель, поскольку документы этих времен еще не имели сложившейся формы. Учитывая, что формулировки, касавшиеся перевода денег, зачастую были фиктивными (чтобы обойти церковные запреты на получение ростовщического процента), дискуссия о первичности простого или переводного векселя утрачивает смысл, поскольку сами эти понятия возникли значительно позже.

В «Трактате о векселе» Луки Пачоли, написанном в 1494 г., приводится следующая классификация четырех типов операций, имевших в XV в. отношение к векселю:

1. *Cambio minuto* – обмен денег;
2. *Cambio reale* – вексельное письмо (тратта), *lettera di cambio*;
3. *Cambio secco* – «сухой» вексель (предназначался не для перевозки по морю, а для хранения у кредитора; он изготовлялся лишь в одном экземпляре (*solo*). Пачоли считал этот тип векселя в принципе дозволенным, но приводил в своем трактате многочисленные предостережения);
4. *Cambio fittitio* – предшественник ретратты (*ritratta*).

³⁰³ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschaffs- und Rechtslehre. T. 1. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 85, 95.

³⁰⁴ Sayous A. L'origine de la lettre de change // Revue Historique de droit francais et etranger. – 1933. – №2. – P. 108.

Классификация Л. Пачоли интересна тем, что свидетельствует о существовании в XV в. не простого и переводного векселей, а совершенно иных его типов. Кроме того, в трактате Л. Пачоли содержится следующий образец *lettera di cambio*, где векселедателем был Донато, а ремитентом – Франческо; прибыльность векселя автор оценивал в 2–3% от суммы векселя; за год прибыльность вексельных операций достигала 15%:

«1494 год, 9 августа, Венеция.

В соответствии с этим настоящим первым экземпляром векселя уплатите Людвигу де Франческо из Фабриано и Ко 100 унций неаполитанским золотом, которые вы сможете получить в таком же количестве на следующей ярмарке в Фулиньи от уважаемого Донато, сына Приамо. Запишите эту сумму на наш счет.

Пусть бережет вас Бог.

Ниже подписываюсь,
ваш Паганино де Паганини из Брекнии»³⁰⁵.

Несмотря на то, что некоторые из сокращенных и упрощенных формул долговых обязательств в книгах генуэзских нотариусов действительно напоминают простой вексель, их отождествление является модернизацией и, на наш взгляд, правильнее говорить о векселе первоначального типа. В вопросе о кредитном характере первоначального типа векселя позиции разных авторов не совпадают. Так, Г. Ф. Шершеневич считает, что начальный тип векселя был полностью лишен кредитного аспекта и его целью был лишь перевод денег. Отличие срока платежа от срока выдачи было обусловлено лишь временем, необходимым для перевозки письма и квитанции, что, в свою очередь, зависело от расстояния между городами или странами и не могло быть продолжительным³⁰⁶.

По мнению Б. Мовчановского, в XIII в. (и тем более в XII в.) вексель первоначального типа был предназначен лишь для перевода денег, и дальнейшее его развитие происходило на средневековых ярмарках, где расписки-квитанции итальянских кампсоров превращаются в средство платежа и инструмент кредита³⁰⁷.

³⁰⁵ Jager E. L. Der Weschel an ende des 15 Jahrhunderts. – Stuttgart: Adolf Liefching & Comp. – S. 11.

³⁰⁶ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 3.: Вексельное право. Морское право. – Изд. 4-е – СПб.: Изд-во братьев Башмаковых, 1909. – С. 6.

³⁰⁷ Мовчановский Б. Ф. Вексель. – М.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1927. – С. 5.

С. М. Барац отмечал, что векселю с самого начала была присуща кредитная функция, и использовался он не только для перевода денег из одной страны в другую, но и для получения кредита и покрытия долга³⁰⁸. Приведенные образцы нотариальных актов свидетельствуют, что в определенной мере кредитная функция была свойственна всем древнейшим обменным операциям. Более того, акты обмена часто использовались лишь для того, чтобы замаскировать кредитную функцию из-за отрицательного отношения церкви ко всем проявлениям ростовщичества. Первоначально предметом преследования были операции обмена с выдачей денег в том же месте, в ответ на это банкиры начали использовать вексель, чтобы получать прибыль от перевода денег. Позже, когда и эта форма становится предметом критики со стороны церкви, процентная прибыль начинает включаться в искусственно завышенный курс обмена разных валют³⁰⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что первые векселя еще не содержали приказа и являлись долговыми обязательствами в форме нотариально заверенного акта, к которому прилагалось платежное письмо, имевшее вспомогательное значение. Эти письма, как правило, заверялись печатью компании или отдельного банкира. Впоследствии именно из них, а не из нотариально заверенных квитанций, возник вексель в современном его понимании.

В целом же, выделение в истории векселя периода векселя первоначального типа (до начала XIV в.) является вполне оправданным, поскольку вексельные операции были уже достаточно широко распространены, но, как справедливо отмечал В. Эндеман, вексель еще не имел правового обоснования³¹⁰ (и, добавим, устоявшейся формы).

2.3. ПРОВЕДЕНИЕ ЯРМАРОК И ОПЕРАЦИИ С ВЕКСЕЛЯМИ

Дальнейшему распространению вексельного обращения способствовали средневековые ярмарки, на которых осуществлялись международные финансовые операции. Вследствие кризисного состояния сухопутной торговли, обусловленного многочисленными опасностями

³⁰⁸ Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 664.

³⁰⁹ Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1895. – С. 18–19.

³¹⁰ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 81.

ми при перевозке товаров, ярмарки становятся основным центром широкомасштабного международного товарно-денежного оборота. Хотя в средневековых ярмарках принимало участие огромное количество людей, они были прежде всего оптовыми рынками для крупных купцов, которые и усовершенствовали механизм их деятельности. Поскольку особое значение на ярмарках приобрел кредит, именно они сыграли важную роль в развитии вексельных операций, более чем на столетие став центром нового европейского экономического пространства, влияя на его становление и дальнейшее развитие.

Большой товарооборот и значительный объем расчетных операций требовали безопасного перевода прибыли. Это стало предпосылкой широкого использования векселей, с помощью которых осуществлялись почти все торговые соглашения. Хотя векселя, выпущенные на ярмарках (или предназначенные для уплаты на ярмарках), существовали и раньше, определенный период в истории вексельных операций (который, по мнению В. Эндемана, начался с XVI в.³¹¹) часто называют эпохой ярмарочного векселя. Действительно, значение ярмарок в международных товарно-расчетных операциях того времени и их роль в распространении вексельных операций позволяет говорить об эпохе ярмарок в истории векселя.

Первые ярмарки возникли давно – существуют свидетельства, что в Труа они проходили еще в римские времена, а в Лионе начались около 172 г.³¹². Несмотря на такое древнее происхождение, ярмарки, возрождение которых наблюдается в Европе с XI в., были живым и динамичным орудием средневековой торговли, а главная их функция состояла в установлении новых торговых связей.

Возрождение ярмарок было связано со становлением европейского экономического пространства в X–XI вв. Предпосылками зарождения этого пространства были следующие факторы: 1) развитие экономики в Италии с ее портовыми торговыми городами (прежде всего Генуей и Венецией); 2) появление в устьях Рейна, Майна и Шельды в Германии и Голландии новой экономической зоны с развитыми ремеслом и торговлей; 3) установление связей северного и южного регионов европейского экономического пространства на французских ярмарках в городах Труа, Провен, Бар-сюр-Об и Ланьи, расположенных в графстве Шампань.

Ярмарки в Шампани приобрели международное значение в 1130–1160 г., через некоторое время после начала первого Крестово-

³¹¹ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 156.

³¹² Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 2. Ігри обміну – К.: Основи, 1997. – С. 60.

го похода (1095 г.). Они были посредниками между Англией – производителем шерсти – и Фландрией, где эта шерсть обрабатывалась, с одной стороны, и Италией – центром торговли с Востоком, с другой стороны. На этих ярмарках пряности, шелк и прочие товары Леванта обменивались на сукно, которое вырабатывалось ремесленниками на Сене и Марне.

Шампанские ярмарки в Труа, Провене, Бар-сюр-Об и Ланьи проходили в разные месяцы (до шести ярмарок в год). Кроме того, существовало большое количество небольших ярмарок во многих селениях и городках, выполнявших те же функции, что и большие международные ярмарки – сначала в Шампани, позже в Лионе, Медине-дель-Кампо и Франкфурте-на-Майне. С XV в. особенно важное значение приобрели франкфуртские ярмарки, где устанавливались экономические связи между Центральной Европой и ярмарками в Антверпене и Бергене-оп-Зоме. Позднее, с начала XVI в., возрастает значение ярмарок Лиона, которым в 1462 г. король Франции предоставил многочисленные привилегии, надеясь, что они превзойдут славу ярмарок Женевы. В то же время важную роль играли испанские ярмарки в Кастилии, на которых заключалось большое количество вексельных соглашений. Последний период подъема ярмарок был связан с ярмарками Безансона, созданными купцами и банкирами из Генуи, где осуществлялись крупные денежные операции, в том числе платежи и займы с использованием векселей.

В середине XIV в. после продолжительного периода экономического подъема начался спад, длившийся с 1350 по 1450 гг. и приведший к упадку ярмарок Шампани. Он был спровоцирован быстрым развитием европейских городов, которые стали центрами торговли, действовавшими постоянно в отличие от ярмарок, организовывавшихся лишь периодически. Следствием упадка шампанских ярмарок стало общее снижение экономической активности, происходившее не только во Франции, но и во всей Европе. Перемещение центра европейского экономического пространства привело к тому, что на ярмарках стало меньше товаров, а отсрочки платежей от одной ярмарки к другой (в чем и заключался механизм кредитования) существовали в лучшем случае до 1320 г. С 1298 г. флорентийские купцы переносят центр своей деятельности в Лион. Хотя прибыль от ярмарок в государственную казну в XIII в. возросла с 6 тыс. до 8 тыс. ливров, в начале XIV в. она резко снизилась до 1700 ливров, и лишь в 1340 г. снова несколько возросла до 2630 ливров, что было намного ниже первоначального уровня.

Центр европейского экономического пространства в XIV в. начинает снова тяготеть к Италии, где во Флоренции происходит подъем не только ремесел, но и финансово-банковской деятельности. Генуэзцы овладевают новыми морскими путями и на некоторое время Италия в своих экономических интересах становится на сторону Англии, а не Франции. Появление новых морских торговых путей между Генуей и Лондоном, Сауттемптоном и Брюгге, оказавшихся более удобными, чем

наземные, привело к снижению бывшего значения торговых маршрутов через Францию к французским ярмаркам, а сама Франция на достаточно длительное время оказалась оторванной от основного направления развития европейского капитализма³¹³.

Однако вскоре между итальянскими торговыми городами начинается конкурентная борьба, в которой в конце XI в. побеждает Венеция. Предпосылками этой победы было не столько развитие банковского дела в Венеции, сколько торговые связи венецианских купцов с Восточной Европой, Причерноморьем, Великим шелковым путем, а также с Левантом и Египтом, через который венецианцы вывозили перец, пряности из стран Индийского океана и золотой песок из Нигера.

Флорентийцы имели прочные позиции в Лионе, где уже в 1548 г. они владели 37 большими банкирскими домами. В 1537 г. при посредничестве флорентийцев была основана ярмарка в Безансоне, ставшая первой не товарной, а именно вексельной ярмаркой³¹⁴.

Основными предпосылками возникновения вексельных ярмарок принято считать географические открытия и рост потока драгоценных металлов, вывозившихся из колоний. Благодаря этому суммы финансовых операций значительно возросли, и коммерсанты, стремясь избежать фактического перемещения крупных сумм, обратились к долговым документам. Необходимость появления вексельных ярмарок вытекала из того факта, что вексельные операции из вспомогательных средств товарного обращения стали самостоятельным направлением коммерческой деятельности: именно на ярмарке кампсоры встречались для взаимного погашения долговых обязательств.

Отражением изменения экономической ситуации стало появление в XVI в. нормативных документов, посвященных вексельным операциям. Отдельные вопросы этих операций рассматривались еще в эдикте Людовика XI (1462 г.), подробнее правила вексельных операций определялись в Миланских конституциях (1541 г.), Конституции Неаполя (1562 г.), многочисленных законах Венеции и Бергамо, в болонских уставах (1569 г.), одобренных Папой Римским, а также в указе короля Карла V о торговле в Антверпене (1578 г.). Важнейшими документами были уставы ярмарки в Безансоне (1579 г.), где рассматривался порядок проведения ярмарок и осуществления вексельных операций.

Остановимся на особенностях финансовых ярмарок, известных как безансонские. Возрождение экономической жизни во французском го-

³¹³ Бродель Ф. Что такое Франция?: В 2 кн. Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 1. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. – С. 147–148.

³¹⁴ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 158.

роде Безансон начинается в XVI в., когда в 1534 г. там поселяются генуэзские купцы-банкиры. В свое время они играли ведущую роль в лионских ярмарках, будучи кредиторами французского правительства. Однако в 1528 г. король Франции распорядился изгнать итальянских банкиров из Лиона. Король требовал, чтобы они предоставляли кредиты лишь для французской короны, которая таким образом имела бы через лионские ярмарки почти неограниченный доступ к международным финансовым рынкам. Такая политика не устраивала итальянских банкиров, и, чтобы сохранить свои прибыли от финансовых операций, они организовали в 1535 г. ярмарки в Безансоне, находившемся неподалеку и от Лиона (180 км.), и от Италии (400 км.), но уже на территории империи Габсбургов. С одной стороны, власть короля Франции на них не распространялась, а с другой – они остались неподалеку от Лиона, бывшего крупным экономическим центром Европы, одинаково отдаленным и от Средиземного моря, и от Антверпена, значение которого в Северной Европе к тому времени существенно возросло.

Лион не был полностью покинут торговцами, и его рынок функционировал еще достаточно долго, но основным центром вексельных операций стала ярмарка в Безансоне, имевшая коммерческие контакты со всеми крупными центрами торговли в Италии, Испании, Нидерландах, Франции и Германии и ставшая, по словам В. Эндемана, центральной финансовой биржей западноевропейского торгового мира. Генуэзцам – основателям безансонской ярмарки – король Карл V предоставил большие полномочия и привилегии, вследствие чего именно Генуя определила дальнейшую судьбу векселя. Объем операций на одной квартальной ярмарке достигал 16 млн. дукатов, а отдельные векселя часто выписывались на очень крупные суммы. Векселя стали предметом спекуляции, и богатые генуэзские негоцианты выгодно вкладывали деньги в вексельные операции³¹⁵.

В 1568 г. генуэзские банкиры оставляют Безансон, и с этого момента финансовые ярмарки становятся, по словам В. И. Рутенбурга, кочевыми, не имеющими определенного места³¹⁶. Сначала эти ярмарки переносятся в Полиньи, потом в Шамбери, Понталье и другие города, не прерывая связи с Лионом. Однако в 1579 г. их центром становится итальянский город Пьяченца, расположенный на территории герцогства Пармского, что уже было решительным разрывом всех связей с

³¹⁵ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 159.

³¹⁶ Рутенбург В. И. Итальянский город. От раннего Средневековья до Возрождения. – Л.: Наука, 1987. – С. 69.

Лионом. Тем не менее по традиции эти ярмарки назывались безансонскими (*Bisenzone*), и они продолжались до 1621 г. Реальными хозяевами этих ярмарок (и через них – финансовых рынков Европы) были генуэзские банкиры. Финансовая власть Генуи опиралась на капитал банка Сан-Джорджо, через который шел поток испанского золота, ввозившегося из Южной Америки. Генуэзские банкиры монополизировали распределение потоков драгоценных металлов из Южной Америки, поскольку именно генуэзский банк Сан-Джорджо обеспечивал уплату иностранных долгов Испании.

Финансовые партнеры Генуи – Венеция, Милан и Тосканское королевство – не могли повлиять на доминирование Генуи, поскольку безансонские ярмарки возглавляли консул и два советника, назначенные сенатом Генуи. Решению руководства ярмарок подчинялись 18 больших городов Италии – Анкона, Бари, Болонья, Бергамо, Больцано, Венеция, Генуя, Лечче, Ливорно, Лукка, Мантуя, Мессина, Милан, Неаполь, Палермо, Прато, Рим, Флоренция, семь городов Испании, три немецких города (в том числе Франкфурт-на-Майне), а также Лион, Лондон, Лиссабон, Амстердам и Вена. Таким образом, безансонские ярмарки стали общеевропейским финансовым организмом, находившимся под контролем Генуи.

Возрастание значения Генуи, ставшей ведущим центром международных валютных расчетов, было обусловлено не только продолжительным опытом генуэзских банкиров, но и благоприятной международной обстановкой, в частности усилением экономического упадка в феодальной Испании³¹⁷.

Расцвет безансонских ярмарок совпал с расцветом кастильских ярмарок, также связанных с импортом серебра из Южной Америки. Ярмарки в Кастилии проводились в Медине-дель-Кампо, Виллалоне и Риосеко. Их расцвет был в 1530–1550 гг., когда Медина-дель-Кампо стала известна всей Европе в связи с большим количеством серебра, ввозимого Испанией из Нового Света через порт Севильи. На этих ярмарках важное значение имели депозиты от ярмарки к ярмарке – шестимесячные займы и внутренние векселя Севильи. Количество таких векселей было достаточно большим, поскольку это были формы кредита, оплачивавшегося на крупных ярмарках. Кроме того, на ярмарках Кастилии в обороте было много векселей, выданных в других городах Европы. Однако после 1534 г. депозиты от ярмарки к ярмарке и внутренние векселя Севильи стали предметом преследований, поскольку считалось, что они являются займом под проценты. Поэтому в конце 40-х годов XVI в. на

³¹⁷ Рутенбург В. И. Итальянский город. От раннего Средневековья до Возрождения. – Л.: Наука, 1987. – С. 70–71.

ярмарках Кастилии были запрещены внутренние переводные векселя, что отрицательно сказалось на механизмах финансирования экспорта серебра, а следствием усиления противостояния Испании и Франции стал упадок кастильских ярмарок во второй половине XVI в.³¹⁸

Международные вексельные ярмарки, на которых осуществлялись преимущественно безналичные операции, проводились четыре раза в год, собирая в среднем около 60 *banchieri di conto*, среди которых были генуэзцы, миланцы и флорентийцы. Эти ярмарки были подобны закрытому клубу, в который можно было войти при единогласном согласии всех участников и уплате залога в 4 тыс. эскудо. Кроме банкиров, на ярмарки допускались так называемые *cambiatori* – купцы, занимавшиеся обменом, которые после уплаты 2 тыс. эскудо получили право на участие в ярмарках, где они предъявляли свои балансовые книги. К третьему типу участников принадлежали так называемые *trattanti* – маклеры, бывшие представителями определенных фирм³¹⁹.

В первый день периода, предназначенного для платежей, банкиры принимали векселя, опротестовывали их или сами принимали протесты по предоставленным векселям. Поскольку на ярмарках осуществлялись взаимные зачисления долгов, каждый вексельный маклер должен был привезти свою учетную книгу (*scartafaccio bilan*), в которой были отображены его собственные обязательства и векселя его должников. Форму этой книги, расположение в ней отдельных счетов и рубрик определял Верховный Суд Генуи. Кампсоры собирались в назначенном месте, имея эти книги и каждый из них в присутствии консула называл векселя, которые он привез на ярмарку для уплаты. Если должник или его представитель был готов уплатить по векселю, то принятие векселя на ярмарке считалось осуществленным. При этом реального предъявления векселей от кампсоров не требовали, и акцептация осуществлялась путем занесения в учетные книги кампсоров имен обоих участников операции. На основе этих записей кампсор подводил баланс и представлял его руководству ярмарки, которое проверяло его достоверность. До этого момента кампсор мог вносить изменения в свои записи, но после подведения баланса записи приобретали юридическую силу³²⁰.

³¹⁸ Кравець В. М., Кравець О. В. Західноєвропейський банківський бізнес: становлення і сучасність. – К.: Знання-прес, 2003. – С. 137–139.

³¹⁹ Бродель Ф. Что такое Франция?: В 2 кн. Кн. 1. Пространство и территория. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. – С. 158.

³²⁰ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 175–176.

После подтверждения правильности записей начинались многосторонние взаимозачеты по векселям. На больших ярмарках, где собиралось много лиц, занимавшихся вексельными операциями, постепенно утвердилась практика оплаты векселей не деньгами, а другими векселями. Этот способ приобрел название *сонтрация* (лат. *scontro* – перевод). Как правило, при этом погашались огромные взаимные задолженности, после чего в активе или пассиве оставались сравнительно небольшие суммы. Если после купли и продажи векселей определенная сумма оставалась не скомпенсированной, она могла быть покрыта наличными, и довольно часто кредитор соглашался принять от должника переводной вексель на другую ярмарку³²¹. На основе взаимного зачисления вексельных долгов и соглашений *ricorsa* на каждой ярмарке в Пьяченце в начале XVI в. заключались безналичные соглашения на сумму 3–4 млн. экю (12–16 млн. в год), а в 1630 г. этот объем возрос до 30 млн. в год³²².

Регулярное, но не одновременное проведение ярмарок способствовало осуществлению денежных займов и платежей, в том числе с использованием векселей, поскольку купцы в подавляющем большинстве случаев не платили наличными. В последнюю неделю ярмарки, так называемую неделю платежей, происходили «платежные» встречи купцов, и даже на незначительных по размерам ярмарках в это время предъявлялось к уплате большое количество векселей. Именно ярмарки были местом погашения долгов и, как отмечает Ф. Бродель, с помощью 100 тыс. золотых экю в Лионе можно было оплатить по клирингу операции, которые исчислялись миллионами. Большая часть долгов покрывалась обещанием уплатить, что привело к широкому использованию векселей, которые стали в христианском мире, где процент запретила церковь, наиболее частой формой кредита³²³.

На второй день ярмарки консул вместе с уполномоченными банками определял вексельный курс, что, по мнению Рафаэля де Турри, было важнейшей операцией ярмарки, так же, как и взаимное погашение вексельных долгов. Эти две операции стали возможны благодаря использованию условной денежной единицы, вначале имевшей название *скудо*: 65 *скудо* составляли условную марку – экю де марк³²⁴.

³²¹ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 228–229.

³²² Там же, с. 132.

³²³ Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 2. Ігри обміну. – К.: Основи, 1997. – С. 66–67, 112.

³²⁴ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 180–182.

Идея использования условной денежной единицы возникла еще в начале XV в. на ярмарках в Женеве, через которые осуществлялся итальянский экспорт в Альпийском регионе. Эти ярмарки проводились на основе стабильной денежной единицы – золотых экю (*ecu d'or*) с изображением короны, чеканившихся герцогом Савойским, что облегчало расчеты в конце ярмарки. Все переводные векселя, составленные или уплаченные в Женеве, также были выписаны в экю.

Сначала на женевских ярмарках 64 золотых экю равнялись одной золотой марке (*marc d'or*, 245 г. золота), но постепенно из-за порчи монет и чеканки в соседних герцогствах и графствах более легких монет, золотая марка стала равняться уже 66 экю, а оригинальные золотые экю Савойи постепенно исчезли из оборота³²⁵. Основной валютной единицей на лионских ярмарках были золотые экю с изображением солнца (*ecu d'or au soleil*); 65 этих золотых «экю с солнцем» соответствовали одной золотой марке весом 245 г.

В первой половине XVI в. значение лионских ярмарок особо возросло, поскольку они предоставляли займы французским королям, а Лион стал важным центром международных платежей и вексельных операций. По свидетельству современников, в середине XVI в. на этих ярмарках в течение одного дня оборачивался 1 млн. ливров, причем не расходовалось ни одного су наличными³²⁶. Однако на одного богатого купца, использовавшего кредитные обязательства и осуществлявшего вексельные операции (такие купцы торговали, как правило, тканями, пряностями, аптекарскими товарами), приходилось 10 мелких купцов, торговавших за наличный расчет, поскольку при наличии реального товара на 1 тыс. экю, можно было заработать намного больше, чем вложив 10 тыс. экю в вексельные операции. Впрочем, хотя операции с товарами и за наличный расчет и приносили крупные прибыли, эти операции были более рискованными в коммерческом отношении.

На ярмарках Женевы и Лиона постепенно внедряется система единого стабильного валютного эквивалента – экю де марк. Необходимость в этом была обусловлена тем, что золотая марка (она равнялась половине фунта золота) в различных городах заметно отличалась по весу, в частности в Труа ее вес равнялся 234,5 г. золота, во Флоренции – 226 г., в Кастилии – 230 г. Хотя на ярмарках XV в. широко использовались золотые экю, одновременно существовали как старые экю весом в 1/64 марки, так и новые, весом в 1/66 марки. В начале XV в. флорен-

³²⁵ Кравець В. М., Кравець О. В. Західноєвропейський банківський бізнес: становлення і сучасність. – К.: Знання-прес, 2003. – С. 135.

³²⁶ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 115, 120.

тийские банкиры предложили новый тип экю весом в 1/65 марки, совпадавший по своей стоимости с реальной монетой – золотым «экю с солнцем» лионских ярмарок.

Чтобы понять значение создания условной расчетной единицы, необходимо учесть, что в Европе XVI в. не хватало наличных денег для полноценного обслуживания годового оборота товаров. В XVI в. ввоз американского золота и серебра происходил преимущественно через Средиземноморье, и Италия была достаточно насыщена деньгами. До открытия Америки в Европе находилось в обороте 5 тыс. тонн золота и 60 тыс. тонн серебра. Всего за 150 лет, в XVI – начале XVII вв. в Европу было ввезено 180 тонн золота и 16 тыс. тонн серебра. Американское серебро поступало в Европу не только через Лиссабон и Севилью, но и через Антверпен, что способствовало возрастанию его экономического значения в Северной Европе³²⁷. Это обстоятельство, наряду с некоторым уменьшением поступления драгоценных металлов из колоний Америки в 20–30-е годы XVII в., и стало экономической предпосылкой возрастания потребности в вексельных операциях на ярмарках. После 1631 г., когда поток драгоценных металлов через Геную существенно уменьшился и начался упадок безансонских ярмарок, контролируемых генуэзцами, снижается и значение экю де марк как условной денежной единицы для расчетов на ярмарках.

Благодаря использованию условных денежных единиц на ярмарках вексель приобрел совершенно иное значение по сравнению с обычным, неярмарочным векселем, не являвшимся средством определения стоимости³²⁸. Поэтому деятельность вексельных ярмарок в Пьяченце можно считать началом и эпохи ценных бумаг и профессии финансиста, осознавшего, что деньгами можно торговать так же, как и любым другим товаром. Безусловно, первенство в этом принадлежало Генуе, поскольку банкиры Венеции проявляли в этом вопросе консервативность и постоянно жаловались на поток кредитных бумаг и количество как законных, так и противозаконных операций с ними.

Расцвет ярмарок, в частности оборот денег и кредитов между ярмарками, способствовал дальнейшему экономическому развитию, однако во второй половине XVI в. европейские ярмарки приходят в упадок. Попытки генуэзских банкиров со своими ярмарками в Пьяченце задержать этот процесс увенчались успехом лишь на непродолжи-

³²⁷ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – с. 131, 213, 197.

³²⁸ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 184.

тельное время, и с распространением индоссамента эпоха ярмарок в истории векселя заканчивается.

Вернемся к особенностям вексельных операций на ярмарках. Средневековые ярмарки в Шампани, Лионе, Безансоне в значительной степени способствовали распространению векселя итальянского типа, поскольку именно итальянские купцы и банкиры занимали в то время ведущее место в европейской торговле. Однако на ярмарках первоначальный итальянский вексель приобрел некоторые новые черты. Это касалось векселей, выписанных в одном месте с уплатой на ярмарке в другом месте; выписанных на ярмарке с уплатой в другом месте, а также векселей, выписанных на ярмарке с уплатой в том же месте, но на следующей ярмарке. В целом же, распространение векселей на ярмарках было настолько значительным, что их даже обвинили в том, что они были не столько торговыми ярмарками, сколько местом встречи камбистов, которые одной записью «погашали долги и кредиты всей Европы»³²⁹.

Все это является основанием для выделения так называемого ярмарочного векселя, отличавшегося от первоначального векселя не только указанием в нем ярмарки как места выдачи или уплаты и точной даты уплаты, соответствовавшей дате проведения ярмарки, но и наличием некоторых других особенностей (которые потом стали существенными признаками векселя), в частности вексельной строгости, акцепта и протеста³³⁰.

Приведем пример векселя, характерного для эпохи ярмарок:

«По этому первому письму (векселю) заплатите 9 октября Луке де Горо 45 фунтов за валюту, полученную здесь от Мазно Рено; своевременно (в срок) уплатите их и поставьте на счет мой и фирмы. Пусть бережет вас Христос. Бонпромео де Бонпромеи приветствует вас из Милана.

9 марта 1395 г.»

На обороте векселя указан адрес:

*«Александру де Бонпромеи и Доминико де Андреа в Венеции.
Prima (первый), на 45 фунтов».*

³²⁹ Roover, R. de L'Evolution de la lettre de change. – P.: Libraire Armand Colin, 1953. – P. 81.

³³⁰ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 3.: Вексельное право. Морское право. – Изд. 4-е – СПб.: Изд-во братьев Башмаковых, 1909. – С. 7.

Данный вексель был траттой, трассированной на Венецию. Трассант – Бонromeо де Бонromeи и компания в Милане; трассат – фирма Александр де Бонromeи и Доминико де Андреа в Венеции. Название одной фирмы указано в подписи, другой – в адресе. Ремитент – Мазлио Рено, предъявитель – Лука де Горо. Имена последних указаны в тексте векселя³³¹.

Вексель в то время требовал участия четверых лиц, из которых два принимали участие в его составлении и выдаче, а два – в акцепте и платеже. В выдаче векселя принимали участие трассант и ремитент – один выдавал вексель, а второй платил за вексель или открывал кредит в той или иной валюте. Имя трассанта проставляется под текстом векселя как подпись, а имя ремитента – в тексте векселя как имя лица, уплатившего деньги за вексель (или лица, которому предоставлен кредит по векселю). Два других лица принимали участие в осуществлении вексельной операции – одно предъявляло вексель к уплате, а второе производило платеж. Имя предъявителя проставлялось в тексте векселя как имя того, кто в качестве кредитора предъявит вексель к уплате и получит его; имя второго лица (трассанта) – как адрес векселя, составленного в форме обычного письма.

Возникновение акцепта на ярмарках (подтверждение готовности трассанта принять вексель и произвести платеж) было связано с тем, что купец, прибывший на ярмарку, должен был знать, может ли он рассчитывать на получение денег по своим векселям. Кроме того, все чаще трассирование векселя осуществлялось без четкой уверенности, что должник признает свой долг, поскольку не всегда была возможность трассировать вексель на компаньона в другом городе или стране, и в таких случаях приходилось переводить денежные средства на другую торговую компанию. Поэтому постепенно сформировалась процедура принятия векселя к платежу – акцепт (от лат. *accipere* – принимать). Именно на ярмарках акцепт стал самостоятельным актом, отделенным от акта платежа³³². Сначала он имел форму публичного признания плательщиком (на общем собрании купцов и банкиров) своего согласия на принятие векселя к платежу, после чего векселедержатель мог планировать закупку товаров. При этом составлялся особый документ, но впоследствии от этой практики отказались, и плательщик начал ставить на векселе надпись (сначала многослов-

³³¹ Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Типография И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 11–12.

³³² Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 665.

ную, а потом лаконичную), выражавшую его согласие уплатить (итал. *vista e accetta*)³³³. Акцепт мог осуществляться и в устной форме в присутствии свидетелей. Для упрощения процедуры на больших ярмарках составлялись списки векселей, которые должны были предъявляться к акцепту на данной ярмарке. В них делались пометки о принятии векселей сразу после открытия ярмарки, поскольку в ином случае они считались не принятыми³³⁴.

По свидетельству Ж. Савари, вначале прием и выдача векселей осуществлялись на основе устных договоренностей, а начиная с 1667 г. акцепты стали происходить лишь в письменной форме. Банкиры и купцы использовали уже упоминавшиеся выше специальные книги для записи вексельных операций – *bilan des acceptations* – и записывали в них все векселя, выданные на их имя, а также предъявленные им векселедателями. Если они принимали вексель, то напротив соответствующей записи проставлялся крестик. Если вексель вызвал сомнение и возможность его принятия нужно было обдумать, напротив соответствующей записи в книге ставилась буква V (*Vu*). Если вексель не принимался, то ставились буквы SP (*sous protest*), и векселедержатель должен был опротестовать этот вексель в течение трех дней после прекращения торгов.

На третий день после открытия ярмарки устанавливалась цена векселей по согласованию с иностранными купцами, а на шестой – купцы оглашали свои записи в *bilan des acceptations*. После этого начинались взаимные расчеты, которые продолжались до последнего дня ярмарки³³⁵.

Вследствие распространения акцепта возникла отдельная ответственность акцептанта, связанная с его обязательством уплатить по векселю. Возникновение такого обязательства было обусловлено тем, что отказ в уплате (независимо от обстоятельств, даже объективных и обоснованных) мог привести к нарушению многих соглашений на ярмарке. Поэтому в интересах всех ее участников было признание необратимости акцепта и, соответственно, самостоятельность обязательства акцептанта.

В случае отказа трассата в принятии векселя или других причин невозможности осуществления акцепта (например, при отсутствии трассата в том месте, где должна была осуществляться уплата по век-

³³³ Scaccia S. Tractatus de commerciis et cambio. – Romae: Andrea Brugiotti, ex typographia Iacobi Mascardi, 1619. – §2, qu. V. – N. 333.

³³⁴ Turri, Raphael de. Tractatus de cambiis. – Francofurti ad Moenum, 1641. – Disp. II, qu. 1. – №19–21, 28.

³³⁵ Табашиков И. Г. Прошлое векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1891. – С. 232–233.

селю) допускалось посредничество третьих лиц, так называемый акцепт на честь, который мог быть осуществлен как со стороны посторонних лиц, не указанных в векселе, так и со стороны трассата или презентанта.

В связи с экономической ролью средневековых ярмарок особое значение приобрела четкость выполнения вексельных обязательств – вексельная строгость (*rigor cambialis*), суть которой состояла прежде всего в сроках рассмотрения вексельных дел ярмарочными судами, а также в суровых мерах, применявшихся в отношении вексельных должников. Но даже после формирования упомянутых выше специфических черт вексельных операций отдельная процедура рассмотрения претензий по вексельным обязательствам не предполагалась. В этом не было необходимости, поскольку векселя пользовались публичным доверием (*publica fide*), а порядок быстрого взыскания вексельных долгов, обеспечивающий интересы кредиторов, применялся неукоснительно. Этому способствовала особая корпоративная юрисдикция купцов и кампсоров на ярмарках, предусматривавшая и скорость взыскания, и отсутствие возражений со стороны должника, и даже его арест в случае необходимости.

Поскольку купцы были заинтересованы в четком осуществлении всех вексельных операций, на ярмарках открыли ликвидационные палаты, где они могли рассчитаться по векселям. Кроме того, создавались особые ярмарочные суды, определявшие регламент быстрого и сурового взыскания долга по векселю. В случае неплатежей должников задерживали по решению суда, а их имущество подлежало конфискации для осуществления расчета с кредиторами. На некоторых ярмарках использовался такой способ наказания должников, как запрет принимать участие в ярмарочных операциях. Эту вексельную строгость называли формальной в отличие от материальной, появившейся в вексельном обращении значительно позже. Кроме того, государственная власть установила законы, отличавшиеся строгостью по отношению к обороту векселей (что, в частности, проявлялось в скорости рассмотрения вексельных дел в суде, а также в строгости мер принуждения, применяющихся к должникам).

Это позволяет утверждать, что именно ярмарки способствовали возникновению таких важных черт векселя, как акцепт, протест и вексельная строгость. Помимо того, вексельные операции на ярмарках, защищенные законодательством и самими купцами, по мнению В. А. Белова, содействовали развитию вещевого кредита и его перехода в такую стадию, когда вексель переставал быть инструментом

оформления корреспондентских отношений исключительно между кампсорами. Последние теперь могли адресовать его не только другому кампсору, но и купцу, бывшему должником этого кампсора и собиравшемуся прибыть на ярмарку³³⁶. Обретение векселем статуса бесспорного акта, подкрепленного обычаями вексельной строгости, способствовало тому, что вексельные операции вышли за пределы ярмарок и стали средством кредитования.

Под влиянием торгового оборота на ярмарках расширились функции векселя и его экономическое значение – он стал использоваться не только для перевода денег, но и для безналичных расчетов. Векселями начали расплачиваться при осуществлении коммерческих соглашений, вследствие чего можно было осуществлять крупные финансовые операции без наличных средств. Постепенно время выдачи векселя и момент уплаты по нему отдалились, и таким образом развилась кредитная функция векселя.

Очевидность существенных преимуществ векселя по сравнению с другими формами долговых обязательств привела к тому, что большинство долговых обязательств оформлялись именно в форме векселей. В этом определенную роль сыграла эпоха географических открытий и развитие торговли с новыми колониями, в частности в Америке, поскольку снаряжение одного или нескольких кораблей, а также продолжительный срок морских путешествий за такими экзотическими товарами как, например, пряности Восточной Индии, требовали крупных займов, предусматривающих немалую прибыль в виде процентов для займодателя. Кроме того, чтобы замаскировать сущность такого векселя, он, как правило, выдавался в иностранной валюте, а место выдачи денег и место выдачи векселя были разными.

Преимущества векселей, в том числе вексельная строгость, обусловили появление тенденции оформлять обычные долговые обязательства в виде вексельного соглашения. К тому же, с помощью вексельного соглашения можно было обойти церковные запреты на получение прибыли с ростовщичества, поскольку *distantia loci* – уплата денег в другом месте (то есть наличие функции перевода) делала эти операции законными с точки зрения канонического церковного учения. Поэтому векселедатели искусственно создавали видимость *distantia loci*, например за счет указания курса валюты в другой местности, выгодного для лица, принимавшего вексель. Иногда по предварительной договоренности между сторонами в векселе указывалась та местность

³³⁶ Белов В. А. Очерки по вексельному праву. – М.: ЮрИнфоР, 2000. – С. 21.

платежа, где курс был более выгодным для лица, принявшего вексель, хотя в действительности выплата денег в указанной местности не происходила. Многочисленные упоминания о таких ухищрениях можно найти у итальянских камбистов, называвших эти векселя *cambia sicca* – «сухой», то есть фиктивный вексель³³⁷.

Следует отметить, что доктора канонического права разгадали эти ухищрения, и 5 февраля 1570 г. Папа Римский Пий V провозгласил анафему подобным векселям, назвав их «мертвыми», – они были запрещены как операции, в основе которых был денежный заем под проценты. Единственно правильными считались лишь курсы валют, установленные рыночными отношениями, и попытки кампсоров установить выгодный для себя курс обмена осуждались. Однако доктора канонического права, оправдывая одни соглашения и осуждая другие, не учитывали, что любое валютное соглашение включает в себя и обменную, и кредитную функции. Поэтому они не могли реально определить границы между разными аспектами прибыли и затрат участников вексельного соглашения.

Еще в XIII в. отмечалось существенное отличие курса су в Генуе и на ярмарках Шампани. Условием равновесия денежного рынка был более высокий валютный курс на ярмарках с фиксированным, а не гибким курсом. Этим объяснялись периодический подъем валютного курса на ярмарках с фиксированным значением курса и его понижение с нефиксированным значением. Однако не следует переоценивать риск участников вексельного соглашения, поскольку большинство из них, будучи знатоками своего дела, регулярно информировались своими агентами о состоянии рынка³³⁸.

После изобличения докторами ухищрений камбистов в Италии началось преследование вексельных операций, которые предусматривали дополнительную прибыль. Это привело к почти полному исчезновению в торговом обороте (по крайней мере, в Италии) в XVI в. векселей, в которых векселедателем и плательщиком было одно и то же лицо, а также способствовало развитию переводных векселей, в которых плательщиком по векселю указывалось лицо иное, чем то, которое выдало вексель (даже если это отличие было фиктивным). Переводных векселей коснулись определенные ограничения (в частности

³³⁷ Scaccia S. Tractatus de commerciis et cambio. – Romae: Andrea Brugiotti, ex typographia Jacobi Mascardi, 1619. – §1, qu. VII, par 3, limit. XI. – №. 4, 5; §1, qu. VII, par. 3, limit. IV. – №. 1, 2; Turri, Raphael de Tractatus de cambiis. – Francofurti ad Moenum, 1641. – Disp. 1, qu. 4.

³³⁸ Baurin P. de l'Evolution de la lettre de change. – B. Librairie Armand Colin.

были запрещены те векселя, где не было указано место уплаты, или векселя со слишком продолжительным сроком уплаты), поскольку считалось, что они также скрывают денежный заем. По этой причине к ярмарочным векселям выдвигалось требование выдачи их лишь на ближайшую ярмарку³³⁹.

—

Так в эпоху ярмарок получил распространение так называемый ярмарочный вексель (*cambia nundinalia, cambia nundinarum*), бывший, по сути, переводным векселем в отличие от других форм векселя, которые использовались не на ярмарках (*cambia simplicia, cambia platearum, cambia sine nundinis, de plateis in plateas*). Именно ярмарочный вексель считался в то время нормальным и типичным (*cambia regularia*), а другие векселя – случайными и нетипичными (*cambia irregularia*), служившими либо для простого перевода денег, либо для прикрытия ростовщичества. К ярмарочным же векселям относились все те векселя, в которых упоминались ярмарки как место выдачи векселя или осуществления платежа.

В период господства ярмарочного векселя сформировались его характерные особенности. Исходя из практических соображений, преобладала письменная форма вексельного соглашения, иногда практиковалась выдача векселей в нескольких экземплярах на случай потери. Формулировки текста векселя зависели от участников вексельного соглашения, и ярмарочный вексель еще не имел четко определенной формы. Однако все основные составные элементы вексельного обязательства в нем уже присутствовали: поручение произвести платеж, вексельная сумма, имена лиц, принимающих участие в данном вексельном обязательстве, пометка о получении валюты и подпись лица, выдавшего вексель. Кроме того, важным элементом векселя стала так называемая вексельная метка – надпись, подтверждавшая, что данный документ является векселем. Непременным условием стало указание времени и места выдачи денег³⁴⁰.

Рассмотрим механизм получения прибылей от вексельных операций в эпоху ярмарок. Вексель оставался прежде всего средством перевода денег, которые можно было получить в другом городе, государстве или на другой ярмарке. Если вексель посылался, например, из Лиона в Медину-дель-Кампо, он выписывался в условной денежной

³³⁹ Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба округа, 1895. – С. 20.

³⁴⁰ Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба округа, 1895. – с. 22–23.

единице – экю де марк, а получали деньги по нему в кастильской монете – мараведи. Если вексель был выписан на Антверпен, то деньги по нему получали в голландских ливрах.

Как правило, курс экю де марк на ярмарках был выше, чем в других местах, причем это отличие было тем значительнее, чем больше времени оставалось до начала очередной ярмарки. По мнению Раймонда де Рувера, эти отличия в курсах экю де марк создавались банками для того, чтобы посторонние лица (прежде всего критики с позиций канонического права) не могли обвинять их в получении процента от кредитных операций³⁴¹. Именно на этой разности курсов был основан механизм получения прибыли от оборота векселей на ярмарках, и последующее внедрение реального экю (золотой монеты) не повлияло на дальнейшее функционирование этого механизма.

На ярмарках сформировалась и практика *ricorsa*, при которой вексель, выписанный на определенного получателя, мог возвратиться к своему владельцу после осуществления (по предшествующей договоренности) нескольких переводов. Эта практика стала использоваться в XVI в. в Италии и Лионе, где она называлась ресконтро (*rescontro*) или ретратта. Известны случаи, когда с помощью ресконтро вексель находился в обороте до шести лет, будучи, по сути, скрытой формой процентного займа.

Операции фиктивного обмена, который осуществлялся в форме переводных векселей (*con ricorso*), были двух видов – *con ricorso semplice* и *con ricorso continuata*. Эти векселя приобрели особое значение на ярмарках Пьяченцы. Вексель первого типа выставлялся в любом месте Европы к уплате на ярмарке в Пьяченце и после наступления срока уплаты сразу аннулировался, а вместо него выдавался новый вексель, выставленный на тот денежный рынок, где был выдан аннулированный вексель. Вексель *con ricorso continuata* выставлялся не там, где был выдан начальный вексель, и эта операция продолжалась до тех пор, пока на начальном рынке не выставлялся последний вексель. Поскольку норма прибыли от векселей *con ricorso* была заранее известна, они считались фиктивными. В тексте выставленного на Пьяченцу векселя всегда подтверждалось соответствие его курса официальному курсу (конто) на ярмарке Пьяченцы. А поскольку конто фиксировалось на основе обменных курсов, покупатели векселя всегда были уверены в прибыли³⁴².

³⁴¹ Roover, R. de L'Evolution de la lettre de change. – P.: Libraire Armand Colin, 1953. – P. 77–78.

³⁴² Кравець В. М., Кравець О. В. Західноєвропейський банківський бізнес: становлення і сучасність. – К.: Знання-прес, 2003. – С. 146–147.

В данном случае механизм возникновения прибыли состоял в том, что там, где собственная денежная единица с фиксированным курсом котировалась в иностранной валюте с нефиксированным курсом (например экю де марк в Лионе котировался в генуэзских экю), курс обмена был всегда выше, чем в тех местах, где иностранная денежная единица с нефиксированным курсом котировалась в местной валюте (например экю де марк в Генуе – в генуэзских экю). Такое отличие курсов и вело к автоматическому получению прибыли от оборота векселей. Этот механизм был связан с иерархической структурой европейских рынков – сначала лионской, а позже безансонской ярмарки в Пьяченце³⁴³. При обороте векселей между Лионом и Генуей прибыль составляла, как правило, 1,8% с каждой операции. Жак Савари отмечал, что прибыль могла достигать 2–4, а иногда даже 10–15% в зависимости от пробы монет, количества денег и векселей на рынках³⁴⁴.

Так в эпоху ярмарок негоцианты и банкиры создали заменитель денег в виде векселей, который легко передавался через политические и валютные границы, формируя единое торгово-коммерческое пространство Европы. В XVI в. сфера финансовых операций, осуществлявшихся с помощью векселей, значительно расширилась за счет Испании, Португалии, Англии и других стран, бывших ранее вне процессов международного денежного обращения. Если вначале монополистами в сфере обмена денег были итальянские компании, то в XVI в. у них появились конкуренты – немецкие банкиры (в частности Фуггеры), испанские (Симон Руис), фламандские (Еразм Шельц) и английские (Томас Грешем). Несмотря на это, на ярмарках Кастилии и Безансона ведущую роль продолжали играть генуэзцы, которые в течение XVI–XVIII вв. оставались первыми банкирами Европы.

Идею об особом ярмарочном типе векселя впервые высказал Рафаэль де Турри. По его мнению, ярмарочный вексель был единственно правильной формой векселя (*cambium regulare*), в то время как векселя, используемые вне ярмарочного оборота (*cambium irregulare*), он считал не заслуживающими внимания.

Более ранние авторы (Лаврентиус, Амброзиус, Сильвестр) вообще не упоминают о ярмарочном типе векселя, хотя именно в их время он был в широком употреблении. Как отмечал С. Скачча, ярмарочный

³⁴³ Бродель Ф. Что такое Франция?: В 2 кн. Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 2. «Крестьянская экономика» до начала XX в. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. – С. 373–377.

³⁴⁴ Savary J. Le parfait negociant ou instruction generale pour ce qui regarde le commerce demarchandises de France et des pays etrangers. T. 1. – P.: J. Guignard, 1675. – P. 187.

вексель играл такую важную роль, что другие типы векселей, распространенные до этого, постепенно утратили свое значение.

В XIX в. В. Эндеман ввел в научный оборот идею ярмарочного типа векселя. Ярмарочными (нем. *messweschel*) он называл переводные векселя, выданные или уплаченные на ярмарках. Местом появления ярмарочного векселя считается ярмарка в Лионе, а лионский вексель – прототипом ярмарочного векселя³⁴⁵.

Специфика ярмарочного векселя состояла не в отличиях формы документа от обычного переводного векселя, а в способе использования векселя на ярмарках. Существовало значительное отличие между обычным переводом денег из одного города в другой и переводом денег на ярмарках. Такой точки зрения придерживался в 30-е годы XX в. Джулио Мандич, считавший ярмарочный вексель новым финансовым инструментом. Аргументация Д. Мандича которого состояла в том, что: 1) в отличие от обычного перевода денег из одного города в другой расчеты на ярмарках осуществлялись путем взаимного зачисления платежей; 2) на ярмарках использовалась условная денежная единица – экю де марк, позволявшая осуществлять конвертацию разных валют на основе курса экю де марк; 3) ярмарки создали новый вид перевода денег – *cambio con la ricorso*. Дж. Мандич считал, что при обычном переводе денег из одного города в другой переводной вексель использовался как средство, позволявшее избежать перевозки наличных денег. А на ярмарках вексель стал прежде всего кредитным инструментом³⁴⁶.

Хотя действительно на ярмарках Лиона и Безансона расчеты путем взаимозачислений и взаимокompенсаций имели широкое распространение, позволяя банкирам без использования наличных средств покрывать долговые обязательства, достигавшие миллионов экю, на наш взгляд, это еще не является основанием для того, чтобы считать ярмарочный вексель особым правовым институтом: хотя в эпоху ярмарок происходило развитие функций векселя и способов его использования, сущность его не изменялась.

Итак, значение эпохи ярмарок состоит не столько в использовании условной денежной единицы – экю де марк, и не столько в существовании особого ярмарочного векселя (который оставался обычным переводным векселем), сколько в появлении новых методов вексельных операций. Кроме того, ярмарки помогали банкирам расширять круг

³⁴⁵ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 158, 173.

³⁴⁶ Mandich G. Delle fiere genovesi di cambi particolarmente studinte come mercati periodici del credito // Rivista di storia economica. – 1939. – №.4. – P. 257–276.

деловых партнеров и получать выгоду от внедрения наиболее эффективных взаимных расчетов между различными торговыми городами Европы, а также способствовали распространению вексельного обращения во многих странах, его унификации и выработке основных характерных признаков векселя. Благодаря широкому использованию вексельных операций на ярмарках, к концу XVI в. сформировались все основные обычаи вексельного обращения, вексельная терминология (акцепт, аваль, протест) и нормы вексельного права³⁴⁷.

2.4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНДОССАМЕНТА

В результате открытия Америки и новых морских торговых путей в XVI в. произошел упадок ярмарок и возникла потребность в расширении оборота векселя с помощью новых вексельных процедур. Необходимы были гарантии осуществления вексельной операции с такой же скоростью и строгостью, как на ярмарках, но с условием, чтобы само вексельное соглашение при этом не ограничивалось местом и временем проведения ярмарок. К тому же, хотя к концу XVI – началу XVII вв. в основных чертах сформировались терминология и обычаи вексельных операций, вексель еще не приобрел полноценной способности к обороту. Существенным экономическим фактором стало расширение круга участников вексельного обращения – от ограниченного количества банкиров и купцов до обычных граждан. К тому же, как отмечает В. А. Белов, использование векселя для обслуживания потребностей заранее определенного круга лиц в принципе противоречило его ордерной природе³⁴⁸. Все это стало предпосылками возникновения индоссамента.

По мнению Л. Гольдшмидта, после того, как тратта стала вексельным документом, она включила в себя ордерное предостережение, а иногда и предостережение на предъявителя, вследствие чего приобрела гибкость, присущую простому векселю. В этот период вексельный индоссамент еще не встречался, хотя нет сомнения, что уже происходила неоформленная передача векселя, в частности с целью клиринга³⁴⁹.

³⁴⁷ Опыт четырех веков развития вексельных операций, а также обычаи и традиции вексельного обращения были обобщены в первом вексельном уставе Болоньи, утвержденном Папой Римским Пием V и принятом в 1569 г. и в уставе Pragmatic, принятом в Неаполе в 1607 г.

³⁴⁸ Белов В. А. Очерки по вексельному праву. – М.: ЮрИнфоР, 2000. – С. 34–35.

³⁴⁹ Goldschmidt L. Universalgeschichte des Handelsrecht. – Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1891. – S. 448.

В соответствии с традиционной концепцией, ведущей начало от работ Жака Савари, зарождение индоссамента произошло около 1620 г. во Франции, а возникновение индоссамента сводится, по сути, к его законодательному признанию. Как отмечает Анри Леви-Брюль, аргументом для этого послужил тот факт, что в работе Марешаля «*Traites des changes et echanges*», изданной в 1625 г., индоссамент еще не упоминается, а Клейрак в книге «*Usance du negoce*», опубликованной в 1659 г., уже описывает индоссамент под названием оборотной надписи. Рафаэль де Турри и Сигизмондо Скаччия также не упоминают об индоссаменте, но уже Дупиус де ла Серра, книга которого была издана в 1680 г., пишет о распространении передачи переводных векселей; эту же способность отмечает и Ж. Савари³⁵⁰.

Хотя понятие «индоссамент» и сама форма операции возникли во Франции, известны более старые свидетельства об использовании передачи векселей. И само понятие, и надписи о передаче на обороте векселя появились в Англии задолго до древнейшего французского документа, датированного 1389 г. и считающегося первым свидетельством об операции индоссамента. В частности, в 1289 и 1297 гг. были сделаны записи об авансе на обратной стороне королевского чека, которые были названы авансом по королевскому долговому письму (*indorsentur*).

Приведенные Л. Гольдшмидтом факты опровергают французское происхождение индоссамента. Ордерное предостережение и предостережение на предъявителя встречаются в коммерческом уставе Болоньи (1550 г.), а в начале XVII в. (по мнению М. Неймана в 1605 г., а с точки зрения Л. Гольдшмидта – в 1620 г.) передача векселя была запрещена в Германии, что свидетельствует о существовании там этой практики. Кроме того, в 1623 г. на испанских вексельных ярмарках вышло распоряжение о том, что при индоссаменте (исп. *endosatores*) процент не может превышать 10%, что также свидетельствует об использовании передачи векселей в Испании. В Италии первое упоминание о передаче долгового документа связано с именем Матеуса де Афликто (умер предположительно в 1510 г. или в 1528 г.), что говорить о существовании такой передачи в начале XVI в., а возможно и раньше. К тому же, известны случаи *girata* банковского чека в Сицилии (1560 г.) и Неаполе (1574 г.)³⁵¹.

³⁵⁰ Levy-Bruhl, H. Histoire de la lettre de change en France aux XVII et XVIII siecles. – P.: Recueil Sirey, 1933. – P. 103, 107–108.

³⁵¹ Goldschmidt L. Universalgeschichte des Handelsrecht. – Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1891. – S. 449–451.

В целом же, вопрос об истоках индоссамента является неоднозначным, и авторы разных концепций высказывают противоречивые точки зрения. Попробуем выделить основные подходы к проблеме происхождения индоссамента.

1. *Индоссамент возник из сконтрация*. Эта концепция возникновения индоссамента была предложена в конце XVIII в. Г. фон Мартенсом, и суть ее состоит в том, что истоки индоссамента необходимо искать в операциях взаимного зачисления долгов (сконтрации) на ярмарках Лиона³⁵². Подобной точки зрения придерживался и А. Фремери, отмечавший, что операция взаимных платежей сформировалась на ярмарках Лиона и включала в себя принятие векселей к платежу, взаимный учет долгов и уплату остатков наличными³⁵³. Д. Маклеод также считал, что практика взаимной компенсации долгов возникла в XVI в. в Лионе, отмечая, что урегулирование долговых обязательств путем их взаимного покрытия оказалось намного удобнее, чем уплата наличными. Перед погашением на ярмарках Лиона векселя проходили через многие руки и неоднократно обменивались, приблизившись в этом отношении к деньгам³⁵⁴.

Возможность взаимного погашения долгов путем сконтрации появилась благодаря сосредоточению вексельных операций на ярмарках. К тому же, финансовые интересы всех участников вексельных операций требовали, чтобы вексель стал не только платежным средством между лицами, заключившими вексельное соглашение, но и многократно использовался между лицами, вообще ничего не знавших о начальном вексельном соглашении. На ярмарках эта потребность в расширении оборота векселя в значительной мере удовлетворялась путем сконтрации, которая также называлась *жиро (giro)*³⁵⁵.

В большинстве случаев путем сконтрации на ярмарках сумма, указанная в векселе, могла перейти от одного лица к другому только в момент платежа (в присутствии всех участников вексельного соглашения). Как отмечал П. П. Цитович, разрешение передачи векселя в момент платежа в присутствии всех *giranti* стало первым шагом к разрешению такой передачи и до наступления момента платежа, причем последо-

³⁵² Martens G. F., von. Versuch einer historischen Entwicklung des wahren Ursprungs des Wechselrechts von Georg Friedrich von Martens. – Göttingen, 1797. – S. 69.

³⁵³ Fremery A. Droit Commercial. – P.: Alex-Gobelet, Press l'Ecole de Droit, 1933. – P. 105, 127.

³⁵⁴ Macleod H. D. The theory and practice of banking. – Vol. 1. – L.: Longmans, Green, Reader & Dyer, 1866. – P. 280.

³⁵⁵ Grunhut C. S. Wechselrecht. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1897. – S. 84, 87.

вательно и в разное время, когда появлялись первое, второе, третье и прочие лица, согласившиеся на передачу и приобретение векселя³⁵⁶.

Об исторической связи индоссамента с *giro* средневековых ярмарок свидетельствуют и сами термины «*giro, girare, girata, girante*», которые в итальянском языке (и в деловом немецком языке XIX в.) означали индоссамент, индоссировать, индоссант, индоссатор. Идея происхождения индоссамента от *giro* была высказана еще Ф.-А. Бинером³⁵⁷ и получила в XIX в. широкое распространение.

Действительно, под названием «*girata*» передача векселя существовала в Италии еще XVI в. Как отмечал Л. Гольдшмидт, первое упоминание о вексельном жиро встречается в законе, изданном в Венеции 14 декабря 1593 г. и запрещавшем жиротрансферы. Достоверно документированная операция жиро встречается в одном из неаполитанских актов от 1600 г.³⁵⁸ Однако ни С. Скачча, ни Р. де Турри не упоминают о жиро, что, очевидно, и обусловило точку зрения Ф.-А. Бинера, считавшего, что в Италии XVII в. вексельный индоссамент вообще не использовался³⁵⁹.

Прибывший на ярмарку негоциант обычно имел с собой специальную записную книжку, где фиксировались выданные векселя. Эта книжка предъявлялась руководству ярмарки (*conservatores mundinarum*), после чего происходил поиск плательщиков, на определенный день назначалась акцептация, а после нее – сконтрация, целью которой было покрытие пассива активом и взаимозачет долговых обязательств кредиторов и должников. Именно здесь, как отмечает С. М. Барац, нужна была суэта, «кружение» (*girare*) по ярмарке, чтобы соединить воедино, в один круг (*giro*) вексельных должников и кредиторов для передачи требований и претензий одних лиц к другим. Так зародился прообраз индоссамента векселей. Хотя он и не был досрочным (поскольку вексель оплачивался на месте), он состоял в факте передачи векселя и всех требований по нему³⁶⁰. Индоссамент (*girata*) уже существующего векселя

³⁵⁶ Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Типография И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 17.

³⁵⁷ Biener F. A. Historische Erörterungen über den Ursprung und den Begriff des Wechsels // Biener F. Abhandlungen aus dem Gebiete der Rechtsgeschichte. – Band 1. – Leipzig: B. Tauchnitz, jun., 1846. – S. 35–49.

³⁵⁸ Goldschmidt L. Universalgeschichte des Handelsrecht. – Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1891. – S. 453.

³⁵⁹ Biener F. A. Historische Erörterungen über den Ursprung und den Begriff des Wechsels // Biener F. Abhandlungen aus dem Gebiete der Rechtsgeschichte. – Band 1. – Leipzig: B. Tauchnitz, jun., 1846. – S. 85.

³⁶⁰ Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 665–666.

заменил выдачу нового векселя, и жирант становился ответственным по векселю в такой же мере, как и трассант нового векселя. Благодаря этому индоссамент стал принципиально новым правовым институтом, сформировавшимся в XVI в. на ярмарках из жиро³⁶¹. Что же касается соотношения сконтрации и жиро, а также употребления понятия «*giro*» вместо «*scontro*», то, по мнению А. Ф. Федорова, причина этого состояла в том, что понятие «жиро» имело более широкое значение и касалось перевода денежных сумм в целом, в том числе и сконтрации³⁶².

Однако в отличие от сконтрации сущностью индоссамента является передача долгового обязательства, а не его погашение путем взаимного зачисления. К тому же, взаимное зачисление предполагало конечный расчет по векселям, в то время как целью индоссамента было облегчение оборота векселей, срок уплаты которых еще не наступил.

2. Истоки индоссамента необходимо искать в процедуре авалья. Перевод денег происходил благодаря вексельному поручению *avallo* (называемому иногда *giro*). Эту процедуру, которую иногда называли жиро-аваль (*giroaval*), по мнению К. Грюнхута, можно считать предшественницей индоссамента. Некоторое время понятия «*indosso*» и «*avallo*» использовались в одном значении³⁶³. Ф. фон Канштайн отмечал, что индоссамент использовался уже на ярмарках, когда субъекты клиринговой операции, через руки которых вексель проходил как средство уплаты, подписывались как *a valle*. Однако необходимо учитывать, что аваль XVII в. и современный – понятия разные. В XVII в. понятие «аваль» было связано с переводными векселями (траттами), составленными по такой схеме:

На ярмарке лицо №1 свое требование к лицу №5 желает передать лицу №2. Лицо №2 согласно на такую передачу и передает дальше это требование лицу №3, а лицо №3, в свою очередь, – лицу №4. Для того, чтобы осуществить такую передачу, лицо №3 выдает лицу №4 вексель, трассированный на лицо №5. Лицо №3 является трассантом, однако лица №1 и №2 также подпишут этот вексель. Поскольку они передавали друг другу требование, то несут за него ответственность как авалисты³⁶⁴.

³⁶¹ Canstein, F. von. Das Wechselrecht Oesterreichs. – Berlin: Carl Heymann's Verlag, 1903. – S. 12.

³⁶² Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба округа, 1895. – С. 38.

³⁶³ Grunhut C. S. Wechselrecht. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1897. – S. 88.

³⁶⁴ Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Типография И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 17, прим. 27. Точку зрения о связи индоссамента с авалем поддерживали Готц (Götz. Giro // Allg. Encyklopadie der Wissenschaften und Kunste v. J. S. Ersch und J. G. Gruber, 1 section – S. 24) и Кунце. Последний счи-

Таким образом возникал последовательный ряд авалистов – лиц, покупавших одно и то же вексельное обязательство с целью получения при этом прибыли. В случае неуплаты и возвращения такого векселя с протестом любой из последовательных авалистов предъявлял иск против векселедателя и его непосредственного предшественника. Однако автоматическая и солидарная ответственность (основное правовое следствие индоссамента) в то время еще не сформировалась как правовой институт.

На практике эти вексельные операции осуществлялись с помощью маклеров, сразу договаривавшихся о цене и прочих условиях. За то время (по крайней мере, один – два дня), что проходило между заключением соглашения и выдачей переводного векселя, можно было осуществить еще несколько передач одной и той же суммы. Как отмечал Р. де Рувер, хотя в разных юридических трактатах и встречается упоминание об авале в форме ряда последовательных передач, среди значительного количества переводных векселей в архивах Флоренции и Антверпена примеров этого найти не удалось. Это свидетельствует о том, что подобная практика использования авала в то время была не очень распространенным явлением. Иногда вместо последовательного ряда авалистов или покупателей векселя тратта была подписана путем уступки векселедателей или продавцов³⁶⁵.

Хотя аваль XVI–XVII вв. действительно можно рассматривать как ряд последовательных передач долгового обязательства, в отличие от индоссамента эта передача происходила до выдачи переводного векселя, а не после. Аваль считался первоисточком индоссамента на основании того, что приписки делались внизу векселя (*a valle*), то есть там же, где в Италии ставилась передаточная надпись (*girata*), соответствовавшая индоссаменту. Необходимо принимать во внимание и то, что даже в XVIII в. понятия «*avallo*» и «*indosso*» довольно часто не различались.

Очевидно, что сам по себе факт тождества места, где находилась приписка на векселе, еще не является основанием для выводов о происхождении индоссамента. Действительно, итальянские поручительские и передающие надписи делались внизу на лицевой стороне векселя, но форма этих двух типов надписей была различной. Если

тал, что индоссамент возник частично из сконтрации (функция передачи), а частично из авала (функция гарантии) (Kuntze J. E. Deutsches Wescelrecht. – 1862. – S. 179–180).

³⁶⁵ Roover, R. de L'Evolution de la lettre de change. – P.: Libraire Armand Colin, 1953. – P. 85.

поручительская надпись четко выражала принятие поручительства и ограничивалась одной подписью под подписью векселедателя, то передаточная надпись (*girata*) имела форму данного трассату поручения произвести платеж³⁶⁶.

3. Индоссамент возник из обычая торговцев оплачивать свои долги через записи в учетных книгах кампсора (банкира) или бухгалтерских книгах купцов. Однако в соответствии с правилами, которые действовали и в Италии, и в Брюгге, такой способ платежа представлял собой конечный расчет, после чего регрессный иск становился невозможным.

Кроме того, как справедливо отмечал А. Ф. Федоров, предположение, что индоссамент возник из процедуры перевода (*giro*) суммы денег со счета одного лица на счет другого, неубедительно, потому что для такого перевода его участники должны были иметь текущие счета у одного и того же банкира или в одной кассе. В противном случае такая передача векселя становилась невозможной. К тому же, из самого факта переписывания сумм со счета одного лица на счет другого не мог возникнуть принцип гарантии лица, которое передает вексель по индоссаменту, поскольку переписывание сумм представляет собой полное погашение требования без возможности дальнейшего регресса.

Право регресса является основным юридическим следствием индоссамента, а поскольку банковский перевод не давал кредитору никакого права регресса, то не ясно, каким образом из одного вида платежа мог возникнуть совершенно иной. Впрочем, кроме банковского перевода (*la ditta di banco*) существовал также и внебанковский перевод (*ditta fuori di banco*). В соответствии с итальянскими муниципальными и корпоративными уставами должник не имел права уклоняться от требований кредитора передать кредит третьему лицу. Именно этот довольно распространенный обычай объясняет большое количество трансфертов, которые содержатся в расчетных бухгалтерских книгах средневековых купцов, экономивших таким образом наличные. Внебанковский перевод (в отличие от банковского) не лишал должника ответственности перед кредитором: он оставался гарантией платежеспособности третьих лиц, имевших потребность в трансферте. Поэтому его можно рассматривать как способ предоставления кредитору права регресса в случае неуплаты долга.

Несмотря на преимущества такой системы, она стала поводом для злоупотреблений, поскольку позволяла не платить наличными и

³⁶⁶ Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1895. – С. 37.

отсылать кредитора от одного должника к другому, пока он не находил лицо, располагавшее наличными средствами. Во избежание такого неудобства негоцианты делали пометку о переводе в заголовке долгового обязательства, хотя в то время передача долговых обязательств и не признавалась судом.

4. *Индоссамент возник из института представительства.* Еще на первом этапе развития векселя к двум участникам вексельного обязательства присоединились двое представителей, одним из которых был презентант, заранее определенный участниками вексельного соглашения. Однако необходимость указывать имя презентанта и его несамостоятельность не соответствовали возрастанию потребности в передаче вексельного обязательства. Тогда за презентантом начали признавать право самостоятельного иска (которого он не мог быть лишен по воле лица, передавшего ему вексель) и право дальнейшей передачи векселя. Именно это постепенное обособление презентанта и стало, по мнению Г. Ф. Шершеневича, основной причиной возникновения индоссамента³⁶⁷.

Назначение доверенного лица для получения платежа через предъявителя в соответствии с ордерной оговоркой (нем. *orderklausel*) предусматривало наличие соответствующей надписи в нижней части векселя или на ее обратной стороне. Оборот долговых документов с ордерным предостережением практиковался уже продолжительное время, и возможность требовать уплату через представителя была важной предпосылкой для распространения индоссамента³⁶⁸.

А. Ф. Федоров тоже считал, что индоссамент возник из пометки на векселе относительно передачи вексельных прав презентантом (со ссылкой на приказ) в тех случаях, когда сам презентант не мог получить деньги по векселю. Добавление к имени презентанта приказа было обусловлено и тем, что часто невозможно было предусмотреть, кому именно придется получать платеж по векселю, а возможность получения денег по приказу любого получателя предполагалась в самом векселе и не требовала дополнительных доказательств. Таким способом можно было передать вексель лишь один раз, и для преодоления этого ограничения за векселем с передаточной надписью была признана способность к неограниченному количеству передач³⁶⁹.

³⁶⁷ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 3. Вексельное право. Морское право. – Изд. 4-е – СПб.: Изд-во братьев Баппмаковых, 1909. – С. 10.

³⁶⁸ Grunhut C. S. Wechselrecht. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1897. – S. 89–90.

³⁶⁹ Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1895. – С. 37–39.

Подобной была и точка зрения А. Долинского, считавшего, что способ получения суммы долга через уполномоченное лицо (представителя) использовался еще в древних хирографах в виде особой надписи, помещавшейся на документе и доверявшей уплату долга тому, на кого укажет ремитент. Таким образом ремитент передавал полномочия для требования оплаты. Сначала такое полномочие предусматривало заключение особого документа, а потом его начали размещать рядом с доверительной надписью на передней стороне векселя (при авале) или же на обратной (*in dorso*, прообраз индоссамента)³⁷⁰.

Новые аспекты в проблеме происхождения индоссамента возникли после того, как в середине XX в. Ф. Мелис нашел в государственном архиве Флоренции документ, датированный 1519 г., который можно рассматривать как индоссированный вексель:

«6 августа 1519 года переводной вексель был выставлен из Неаполя на Флоренцию на сумму 50 дукатов золотом. В векселе указано четыре участника: 1) векселедатель Джанфранческо Строззи, проживающий в Неаполе; 2) кредиторы Бартоломео Джинори и Аньоло Строззи, проживающие также в Неаполе; 3) бенефициар Никколо Бончини из Флоренции; 4) плательщик Федерико Строззи, также из Флоренции. Переводной вексель принят, и он подлежит уплате в срок. На обороте векселя есть надпись: «Заплатить пятьдесят дукатов за меня, Никколо, фабрикантам сукна Антонио Сальветти и Компании». Таким образом, этот переводной вексель был индоссирован, и бенефициар, Никколо Бончини, с помощью жиро давал распоряжения уплатить вексель компании, производившей сукно – Антонио Сальветти и Ко.

Расчетная книга плательщика, Федерико Строззи, содержит запись, согласно которой переводной вексель был выставлен в Неаполе 6 августа 1519 г.; он был оплачен 3 сентября того же года переводом на банк Карло Джинори.

Плательщик Федерико Строззи сделал запись в дебет векселедателя Джанфранческо Строззи из Неаполя и в кредит своего банкира Карло Джинори, который осуществлял оплату. Эта запись сформулирована так: «Джанфранческо Строззи выставил на нас в срок в пользу Никколо Бончини и через него для Антонио Сальветти».

Этим подтверждается, что Никколо Бончини уступает свои права Антонио Сальветти и компании, и что тот получил сумму по переводному векселю от лица первоначального бенефициара»³⁷¹.

Но данный вексель был единственным в пачке из 16 векселей, датированных с 1510 по 1519 гг. В другой пачке из того же архива среди 50 векселей за 1518–1519 гг. не было ни одного подобного векселя.

³⁷⁰ Dolinski A. Polskie prawo wekslowe. – Poznan, 1925. – S. 35, 37.

³⁷¹ Roover, R. de L'Evolution de la lettre de change. – P.: Libraire Armand Colin, 1953. – P. 100–101.

Анализ записей Федерико Строззи, одного из наиболее значительных флорентийских банкиров того времени, также свидетельствует о наличии лишь трех записей, текст которых напоминает приведенный выше образец векселя. Все это говорит о том, что, хотя в 1519 г. индоссамент уже был известен во Флоренции, на практике он использовался крайне редко.

В 1550 г. в новой пересмотренной версии устава Болоньи упоминаются переводные векселя, подлежащие уплате определенному лицу, либо предъявителю векселя. При этом указывается, что предъявитель не должен подтверждать свои полномочия. Хотя нам неизвестно, насколько распространенными были такие операции в Болонье в 1550 г., это упоминание можно рассматривать как доказательство более частого употребления индоссамента. К концу XVI – началу XVII вв. он уже широко использовался во Флоренции, Пизе и Ливорно – трех основных банковских центрах Тосканы.

Новые документы, выявленные А. Ланейром в архиве испанской провинции Вальядолид и Ф. Мелисом в государственном архиве Флоренции, свидетельствуют о том, что практика индоссамента действительно зародилась в начале XVI в., но ее легитимация и распространение были сложными и продолжительными (как известно, даже в XVIII в. индоссирование переводных векселей признавалось не во всех странах)³⁷².

Сама идея передачи вексельного обязательства возникла давно (практика помещать передаточные надписи на ценных бумагах известна в Италии еще с XIII в.³⁷³), а первые формы индоссамента возникли во Флоренции в начале XVI в. Но практика индоссамента внедрялась очень медленно и, хотя к концу XVI в. уже была хорошо известна, но не стала общепринятой, встречала противодействие и многочисленные запреты в Неаполе и Венеции. Приблизительно так же происходило развитие индоссамента в Испании. Постепенно индоссамент привлек внимание законодателей и юристов, которые в своем большинстве старались его запретить, как, например, в неаполитанском уставе «*Pragmatic*» от 8 января 1607 г., разрешавшем лишь одну *girata*, но не многократные индоссаменты. Очевидно, именно эти многочисленные и продолжительные запреты и ограничение индоссамента послужили причиной того, что история его возникновения стала запутанной и неоднозначной.

³⁷² Roover, R. de L'Evolution de la lettre de change. – P.: Libraire Armand Colin, 1953. – P. 83–84.

³⁷³ Levy-Bruhl, H. Histoire de la lettre de change en France aux XVII et XVIII siecles. – P.: Recueil Sirey, 1933. – P. 104.

По нормам римского права долговые обязательства не подлежали передаче. Именно под влиянием этих норм итальянские юристы (в частности Бенвенуто Стракка в середине XVI в.) ограничивали возможность передачи долговых прав, считая, что предъявитель может быть допущен к ведению дел в суде от лица кредитора лишь в том случае, если он докажет, что долговое обязательство было вручено ему с целью уплаты, и предъявит доверенность. Только в следующем веке предъявители получили более широкие права.

Кроме того, следует принять во внимание и средневековую ментальность, сказавшуюся на личностном характере коммерческих связей. Это не способствовало внедрению передаточной надписи и росту оборотности векселя, поскольку не допускалась возможность передачи вексельных прав третьим, практически неизвестным лицам. Таким образом, хотя формулировка *«уплатить такому-то лицу или предъявителю»* довольно часто встречается среди долговых расписок XIV–XV вв., по мнению Р. де Рувера ее редко можно найти среди переводных векселей того времени, а несколько исключений, обнаруженных исследователями, имеют больше общих черт с аккредитивами, выписанными путешественникам, духовным лицам, богомольцам или студентам. Они были подобны переводным векселям, но отличались от них тем, что выписывались банкиром в пользу лиц, не являющихся коммерсантами, и подлежали уплате в обмен на квитанцию.

Нотариально заверенные валютные соглашения XII–XIII вв. часто содержали условие, по которому лицо, взявшее деньги в кредит, обязано было возратить их либо лично кредитору, либо его законному представителю. Со временем эта практика изжила себя. Исчезновение такой формы соглашения среди переводных векселей XIV–XV вв. можно рассматривать как свидетельство влияния римского права. К тому же, эта форма соглашения хорошо подходила для условий караванной торговли, но утратила целесообразность после упадка ярмарок Шампани и возникновения нового типа организации торговли, основанной на корреспондентских отношениях и существовании компаний, имевших свои филиалы и представительства на разных рынках.

В торговой деятельности давно возникла потребность в принятии обязательств (в том числе долговых) компаньонами или представителями коммерческих обществ. Первые свидетельства о передаче долговых обязательств датируются началом XIV в. Так, в материалах судебного процесса 1304 г. на ярмарке в Шампани отмечалось, что представитель коммерческого общества или компании (итал. *societas*)

имел право принимать на себя долговые обязательства от имени самого общества. В п. 13 Болонского устава 1454 г. и в п. 17 Болонского устава 1569 г. также подтверждается это право: «Акцепт векселей, которые придут в Болонью для платежей по ним, должен осуществляться рукой того, кто будет уполномочен по ведению расчетов лица, которому поручено произвести платеж, независимо от того, будет ли иметь такое полномочие хозяин или управляющий».

Однако принятие обязательств компаньонами или коммерческими представителями еще не является индоссаментом. Основным условием признания факта передачи вексельных прав настоящим индоссаментом была солидарная ответственность всех лиц, поставивших свои подписи на векселе. В XVI в. эта идея еще не была сформирована, поэтому вряд ли можно полностью согласиться с этой концепцией возникновения индоссамента, так же как с точкой зрения Г.-Ф. фон Мартенса, А. Фремери³⁷⁴ и П. П. Цитовича, считавших, что истоки индоссамента заложены в операциях сконтрация на ярмарках Лиона.

В Италии передаточная надпись делалась на лицевой стороне векселя. Передача векселя осуществлялась с полным и точным указанием того лица, которому он передавался, а также со ссылкой на приказ. Если презентанту разрешалось передавать вексель, то лишь с пометкой «по приказу такого-то лица». Однако с указанием этого лица сила приказа исчерпывалась, что ограничивало оборот векселя.

В предшествующие периоды истории вексельного обращения в вексельных операциях, кроме кредитора и должника, принимали участие и их представители. Презентант сначала не был самостоятельным участником вексельной операции и мог действовать лишь как доверенное лицо того, кто получал вексель. Но лицо, получавшее вексель и требовавшее включения имени презентанта в текст переводного векселя, не всегда заранее знало, кто именно будет презентантом. Поэтому, наряду с указанием произвести платеж непосредственному кредитору, в векселе начали дописывать «...или по его приказу», имея виду лицо, указанное получателем векселя и осуществлявшее данный приказ, помещая на обороте векселя (*in dosso* – на обратной стороне) надпись, указывающую, кому именно вместо этого лица необходимо произвести платеж по векселю.

Не желая ограничивать себя указанием определенных лиц, получатель векселя часто оставлял перед своей подписью пустое место, куда можно было вписать любое лицо, имевшее право получить деньги

³⁷⁴ Fremery A. Droit Commercial. – P.: Alex-Gobelet, Press l'Ecole de Droit, 1833. – P. 105.

по векселю. Бланковый индоссамент стал реакцией на запрет многократной передачи: текст передаточной надписи не писался, а ставилась лишь подпись индоссанта. Место, необходимое для внесения имени индоссата (лица, получившего вексель путем индоссамента), также не заполнялось, а внесение имени происходило в момент платежа по векселю. Эти *billetes en blanc* можно считать промежуточной стадией между сконтрацией и настоящим индоссаментом.

Ко времени принятия ордонанса 1673 г. индоссамент чаще всего был просто подписью, ставившейся на обратной стороне ценной бумаги. Ордонанс внес два существенных изменения в эту процедуру, указав в ст. 23 раздела V, что индоссамент не будет признаваться действительным (и не будет передавать право собственности) в том случае, если к подписи индоссанта не будет добавлена дата и имя цессионера, а также сумма, которую он предоставил. Очевидно, что передаточные надписи практиковались и до принятия ордонанса 1673 г. Возможно, эта практика возникла после эдикта 1601 г., а ее целью было обеспечение более выгодного процента. Так появился бланковый индоссамент – купцы ставили свои подписи на обратной стороне незаполненного бланка векселя. Естественно, что поводов для злоупотреблений было достаточно: если такой бланк был утерян, то лицо, его нашедшее, могло легко присвоить вексель.

Billetes en blanc были широко распространены во Франции, о чем свидетельствует тот факт, что еще в 1604 г. купцы жаловались депутатам парижского парламента на беспорядок, внесенный в коммерческие сделки документами на предъявителя. Позднее парижский парламент неоднократно запрещал их использование³⁷⁵. Ж. Савари отмечал, что в начале XVII в. некоторые купцы ввели обычай использовать векселя, выписанные на бланках, где оставлялось пустое место для указания имени лица, которому был выдан вексель. В результате вексель на бланке продавался и проходил через руки от шести до двенадцать лиц, ничего не знавших о происхождении этого векселя. В частности, известен случай, когда вексель на 100 000 экю обошел всю Европу, собрав свыше 50 индоссаментов, для написания которых к нему приклеивались длинные полоски бумаги. Вследствие такой практики участились злоупотребления, поэтому решением суда от 7 июня 1611 г. банкирам и купцам было запрещено использовать векселя на бланке³⁷⁶, однако они применялись и в XVIII в.

³⁷⁵ Martens G. F., von. Versuch einer historischen Entwicklung des wahren Ursprungs des Wechselrechts. – Gottingen, 1797. – S. 71.

³⁷⁶ Levy-Bruhl H. Histoire de la lettre de change en France aux XVII et XVIII siecles. – P.: Recueil Sirey, 1933. – P. 120

Billetes en blanc не смогли полностью удовлетворить потребности купцов. Быстрое развитие торговли поставило перед ними более сложные задачи, потребовавшие расширения полномочий их торговых агентов. Раньше представители и агенты купцов могли получать деньги по векселям только лично, но иногда возникали обстоятельства, когда платеж необходимо было совершить немедленно, а торговый агент в это время находился в другом месте. Он мог бы осуществить оплату векселями негоцианта, на которого он работал, но для этого нужно было передать права на получение денег по векселям, а таких полномочий агент не имел. Проблема прав представителя привлекала внимание еще в середине XVI в., когда Бенвенуто Стракка отмечал, что долговые документы (он называл их хирографами) были достаточно распространены среди купцов³⁷⁷. Все эти приемы преследовали одну цель – упростить и облегчить вексельные операции, создав векселю больше возможностей для оборота.

Подытоживая разные точки зрения, касающиеся происхождения индоссамента, отметим, что, на наш взгляд, все указанные выше факторы оказывали существенное влияние на становление индоссамента, и можно проследить последовательную эволюцию идеи передачи векселя от сконтрации на ярмарках через аваль и институт представительства к *billets en blanc* – ближайшим предшественникам индоссамента. При этом сама конструкция документа на предъявителя, которыми были *billets en blanc*, способствовала возникновению и развитию идеи индоссамента.

Однако индоссамент противоречил и сложившимся обычаям вексельного обращения, и интересам банкиров. Раньше при кредитовании расчет мог осуществляться не только наличными (когда деньги платились в определенный срок, например на следующей ярмарке), но и путем компенсации или зачисления взаимных требований – сконтрации. Со временем для этого начали использоваться векселя, хотя их применение затруднялось тем, что до появления передаточной надписи ремитент должен был лично обратиться к трассату и получить у него сумму, указанную в векселе.

Таким образом, лицо, жившее, например, в Болонье и получившее вексель на банкира, жившего в Венеции, было вынуждено ехать в Венецию, чтобы получить там деньги по этому векселю. Исходя из этого, вексельные операции осуществлялись прежде всего на ярмар-

³⁷⁷ Biener F. A. Historische Erörterungen über den Ursprung und den Begriff des Wechsels // Biener F. Abhandlungen aus dem Gebiete der Rechtsgeschichte. – Band 1. – Leipzig: B. Tauchnitz, jun., 1846. – S. 125.

ках, где присутствовал и трассат (плательщик по векселю), и ремитент. Поскольку трассат и ремитент не всегда могли присутствовать на одной и той же ярмарке (существовала потребность осуществления платежей и за пределами ярмарок), приходилось обращаться к посредникам – банкирам, имевшим деловые связи в разных городах и возможность осуществлять платежи по векселям (банкир в то время рассматривался прежде всего как лицо, осуществляющее вексельные операции).

Ситуация изменилась после распространения во Франции индоссамента: банкиры уже не могли контролировать вексельные операции и торговцев, использовавших эти операции. Простой порядок передачи векселя, согласно которому он мог свободно переходить от одного лица к другому, повышал монополию итальянских банкиров на операции с векселями, поэтому (хотя потребность в распространении передаточной надписи назрела и была объективной) внедрение индоссамента имело много противников.

Кроме того, передача вексельных прав с помощью индоссамента часто была причиной злоупотреблений и банкротств, поскольку при неплатежеспособности должника не всегда удавалось определить происхождение векселя и обстоятельства его выдачи. Наиболее распространенными такие случаи были во Франции, обуславливая неоднократные запреты документов на предъявителя.

Итальянское законодательство также сдерживало распространение индоссамента. В 1593 г. он был запрещен в Венеции, в Неаполе кодекс 1607 г. запрещал индоссировать вексель более одного раза, а его передача должна была осуществляться путем нотариального заверения подписи индоссанта. Хотя эти ограничения и запреты чаще всего встречались в Италии, в начале XVII в. они наблюдались и в других странах.

Впрочем, необходимо отметить и попытки борьбы за их отмену. Например, 24 мая 1651 г. муниципальным постановлением Амстердама были сняты все ограничения на передачу векселя. Хотя это постановление действовало недолго, законодательство Голландии можно считать более прогрессивным по сравнению с другими странами. Во Франции индоссамент признавался королевским указом 1654 г. и ордонансом 1673 г.

Таким образом, с помощью индоссамента переводной вексель (тратта) вышел из-под исключительного контроля итальянских банкиров и стал орудием всех коммерсантов. Если вексель в руках итальянских банкиров и способствовал обороту валют, то этот оборот был ограничен лишь узким кругом заранее определенных лиц. При ин-

доссаменте это ограничение снималось, и валюта могла передаваться столько же раз, сколько вексель переходил от одного лица к другому³⁷⁸. В конечном счете, появление индоссамента существенно повлияло на экономическую суть векселя, поскольку возрастание способности к обороту расширило его функции – из средства перевода денег он стал средством осуществления платежей. Переходя от одного лица к другому, и осуществляя погашение взаимных обязательств, вексель сам стал предметом торговли как ценная бумага. Кроме того, именно индоссамент придал векселю значение средства кредита.

2.5. РАЗВИТИЕ ВЕКСЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ ВО ФРАНЦИИ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНДОССАМЕНТА

В начале XVII в. во Франции широко распространилась практика использования передаточной надписи (индоссамента). Этот условный период (длившийся с начала XVII до начала XIX вв.) П. П. Цитович называет периодом индоссамента. Иногда этот период называют французским, поскольку основные инновации в вексельном обращении появляются уже не в Италии, а во Франции, а также Голландии, Англии и Германии³⁷⁹.

Среди исторических и социально-экономических предпосылок, приведших к распространению индоссамента во Франции, необходимо назвать, во-первых, ослабление торгового значения Италии и возрастание экономического потенциала Франции, а во-вторых, развитие французского права, благодаря которому Франции удалось выйти за пределы ограничений римского права, не допускавшего передачу долгового обязательства.

Открытие Америки и создание новых торговых путей привело не только к упадку ярмарок, но и к снижению экономического значения Италии. Г. Ф. Шершеневич отмечал по этому поводу: «Италия осталась в стороне, а в центре оказалась Франция»³⁸⁰. Одновременно началось возрастание торговой активности голландцев и англичан, создававших крупные торговые компании и захватывавших все новые и новые колонии. Следствием этого была не только потеря Италией своего бывшего значения как торгового банковского центра Европы, но и упадок Ганзей-

³⁷⁸ Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 667.

³⁷⁹ Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Тип. И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 14.

³⁸⁰ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 1. Введение. Торговые деятели. – М.: Статут. 2003. – С. 59.

ского союза. Потребность в использовании кредитных операций также стала одной из экономических предпосылок для расширения вексельного обращения, в том числе освобождения вексельного обязательства от таких ограничений, как фиксированные участники вексельного соглашения, что способствовало распространению передаточной надписи.

Еще одной исторически обусловленной предпосылкой распространения индоссамента именно во Франции стало развитие французского права: изменения в экономической жизни и государственном устройстве требовали формирования нового, торгового права, свободного от ограничений канонического и римского права средневековой Европы. Кроме того, с нашей точки зрения, на расширение использования индоссамента повлияли распространение практики бухгалтерского учета кредитных операций и развитие посредничества. Последнее было результатом распространения компаний и постепенно привело к признанию предприятия отделенным от его собственников. Сам же индоссамент сформировался на основе идеи передачи векселя (возникшей еще в ярмарочный период).

Необходимо отметить, что во Франции абсолютизм и торговля развивались синхронно, поэтому именно здесь делаются первые попытки законодательного урегулирования торговых отношений и создание кодификации торгового права. В отличие от Италии, во Франции инициативы издания законодательных актов принадлежали не купечеству, а королевской власти. По мнению Г. Ф. Шершеневича, это было связано с тем, что в Европе в то время происходило общее усиление государственной власти, проявлявшееся в возрастании внутренней безопасности, в частности безопасности перевозок товаров по дорогам. Изолированность и замкнутость европейских городов осталась в прошлом, и между разными городами установились активные торгово-коммерческие отношения.

Государственная власть ориентировалась на римское право, символизировавшее идею порядка, а церковь – на каноническое право, также тесно связанное с римским правом. Поэтому некоторое время параллельно существовало три правовых системы – римское, каноническое и торговое право³⁸¹. Именно последнее и стало отражением реальной коммерческой практики.

В истории французского средневекового права главным источником формирования правовых норм был обычай. Хотя на юге Франции достаточно сильными были традиции римского права, отношение к нему французской монархии было сложным. С одной стороны, опора на нормы римского права способствовала укреплению королевской власти, а с другой – могла восприниматься как признание власти римско-германского императора. Следствием такого неоднозначного отношения стал запрет королем Филиппом-Августом преподавания римского права в Парижском университете, которое было восстановлено лишь в 1679 г. при Людовике XI. В целом же, французские короли стремились

ограничить влияние римского права, и Людовик Святой (XIII в.) постановил, что нормы римского права не являются обязательными на территории французского королевства. Во Франции начинается снижение влияния и церковно-канонического права, обусловленное борьбой монархии за укрепление своих позиций.

Хотя во французских долговых документах XII–XIII вв. еще используется римская формула займа (*mutuum*), позднее она утрачивает свое значение, так как каноническое право запрещало взыскание процентов. Следует учесть, что церковь во Франции была важнейшим заимодателем, поэтому она нашла способ, которым можно было обойти канонические ограничения (должник платил кредитору заранее обусловленное вознаграждение, формально не считавшееся процентом, но составлявшее до 25% займа)³⁸². И римское, и каноническое право тормозили развитие коммерческой деятельности. Противниками новшеств в сфере коммерческой деятельности были представители римского права – так называемые легисты. Постепенно в борьбе с каноническим и римским правом формировались специфические особенности торгового права.

Совокупность благоприятных социально-экономических предпосылок, сложившихся в первой половине XVII в. во Франции, способствовала тому, что именно в этой стране практика индоссамента была признана законодательно. В частности, в соответствии с французским правом разрешалось использование бумаг не только по приказу (*a ordre*), но и на предъявителя. Кроме того, продолжительное использование так называемых *signatures en blanc* создало благоприятные условия для применения бланкового индоссамента³⁸³. Как отмечал В. А. Удинцев, с переходом торговой гегемонии от Италии к Франции последняя взяла в свои руки и дальнейшее развитие торгового права³⁸⁴.

Постепенно французский термин «*endossement*», происходивший от принятой во Франции формы текста вексельной надписи (*en dos* – на обратной стороне) стал общепринятым. Легитимация практики индоссамента была осуществлена указом 1654 г., а потом в *Ordonnance de commerce*, принятом в мае 1673 г. Ордонанс состоял из 122 статей, разделенных на пять разделов, а основная цель принятия этого документа заключалась в стремлении сохранить доверие купцов к практике индоссамента и предотвратить возможный обман. Пятый раздел детально регламентировал практику индоссамента.

³⁸² Право средневековой Франции // История государства и права зарубежных стран: В 2 ч. Ч. 1. / Под ред. проф. Н. А. Крашенинниковой и проф. О. А. Жидкова – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА М, 1998. – Гл. 21 (<http://bestboy.narod.ru/21.html>).

³⁸³ Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Типография И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 15; Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 666.

³⁸⁴ Удинцев В. А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – С. 94.

В подготовке ордонанса значительную роль сыграл Жак Савари (1620–1690 гг.), профессиональный коммерсант, до 1658 г. занимавшийся оптовой торговлей и приобретший в ней значительный опыт. Пребывая на службе в финансовом ведомстве, он входил в состав комиссии по подготовке ордонанса. Роль Ж. Савари в создании и редактировании этого документа была настолько значительной, что последний называли кодексом Савари³⁸⁵.

Действительно, по полноте объема ордонанс 1673 г. можно считать настоящим кодексом, поскольку он представлял собой первый свод законов торгового права. Позднее его идеи были положены в основу французского *Code de commerce* 1807 г. В ордонансе вопросы вексельного обращения были разработаны весьма детально: этот нормативный документ регулировал не только правила торговли, но и нормы вексельного права, что способствовало его широкому распространению за пределами Франции.

Благодаря принятию ордонанса, а также Кодекса морского права, изданного в 1681 г., французское торговое право заняло ведущее место среди других стран Европы. С 1673 г. в законодательных и научных трудах по торговому праву господствующее положение заняли французские термины и понятия³⁸⁶. Векселям был посвящен пятый раздел ордонанса (пп. 1–33), а шестой раздел запрещал включение процентов в вексельную сумму и получение процентов на проценты. В соответствии с изложенными в этом нормативном документе основополагающими нормами французского вексельного права вексель должен был соответствовать следующим условиям: 1) векселедатель обязан указать получение им эквивалента валюты, то есть вексель должен покрывать определенное торговое соглашение; 2) в векселе должны быть четко указаны полномочия на право передачи. Предполагалось наличие двух форм индоссамента: 1) полный, когда вексель передавался в собственность, и 2) препоручительный, когда вексель передавался для получения по нему средств за счет индоссанта.

Следующим этапом в развитии практики индоссамента стало появление нескольких передаточных надписей, а также солидарная ответственность всех лиц, поставивших свои подписи на векселе. Поскольку любое из этих лиц в одинаковой мере несло ответственность перед векселедержателем, достоверность и надежность векселя значи-

³⁸⁵ Бутинец Ф. Ф. Історія бухгалтерського обліку: У 2 ч. Ч. II. – Житомир: ПП «Рута», 2001. – С. 108.

³⁸⁶ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 1. Введение. Торговые деятели. – М.: Статут, 2003. – С. 64.

тельно повышались. Во французском вексельном праве сохранились некоторые пережитки итальянских вексельных обычаев, что касалось, в частности, оснований выдачи векселя и требования указывать факт получения денег по векселю. Кроме того, необходимым условием для выдачи тратты было *distantia loci*.

В результате распространения индоссамента существенно изменилось и расширилось значение векселя. Приобретя полную способность к передаче, вексель вышел из-под контроля банкиров и стал широко употребляемым средством торгового кредита, поскольку давал возможность покрывать отсроченные платежи при покупке товаров. Пользователями векселя стали не только итальянские банкиры, но и торговцы других стран. Ремитент приобретал право передавать вексель любому третьему лицу, а четвертое лицо в схеме вексельного обращения времен ярмарок – презентант – утратило свое значение.

Кроме того, значение ордонанса 1673 г. состояло в том, что он устанавливал одинаковые правила вексельного обращения для всех торговых городов Франции (Лиона, Безансона и др.), ориентируясь при этом на правила и обычаи торговой практики. В частности, срок исполнения вексельного обязательства составлял 15 дней для лиц, находившихся во Франции, два месяца – в Голландии и Англии, три месяца – в Италии, Германии и Швейцарии, четыре месяца – в Испании и шесть месяцев – в Португалии, Швеции и Дании (раздел 5, п. XVI). По окончании этих сроков никакие требования и претензии к векселедателям и лицам, поставившим свои надписи на векселе, не принимались (п. XV). Надписи на обратной стороне векселя, если они не были датированы и не содержали имени лица, уплатившего деньги, имели значение лишь как расписка в получении платежа (п. XXIII).

Важной особенностью ордонанса 1673 г. было то, что право передачи вексельного обязательства с помощью индоссамента и юридические следствия передачи векселя признавались очевидными и не рассматривались: положения ордонанса детализировали практическую процедуру индоссамента, а также обязанности векселедателя (и лиц, поставивших подписи на векселе) в случае непринятия векселя или неуплаты по нему. Это свидетельствует о том, что во время принятия ордонанса индоссамент был уже явлением распространенным и обычным, а его целесообразность не вызывала сомнений. В ордонансе ответственность лиц, поставивших подписи на векселе, рассматривалась равной с ответственностью векселедателя. Таким образом, каждая передача с помощью индоссамента рассматривалась как выдача нового векселя, содержание которого повторяло содержание предше-

ствующего, а каждое новое лицо, поставившее на векселе свою подпись, рассматривалось как полноценный векселедатель. Кроме того, статьи пятого раздела ордонанса не предусматривали никаких ограничений количества возможных передач векселя³⁸⁷.

Распространение индоссамента привлекло к вексельному соглашению новых, посторонних лиц, не включенных ранее в правоотношения, на основании которых возникло данное вексельное обязательство. По этой причине возникла потребность в выработке более четких формальных аспектов вексельного обязательства, которые могли бы стать основой и для определения прав векселедержателя, и для претензий вексельного кредитора. Поэтому в конце XVII–XVIII вв. нормативные документы, регулировавшие правила вексельного обращения, постоянно уточнялись. Прежде всего была признана обязательность письменной формы вексельного обязательства, а устная форма, разрешавшаяся ранее некоторыми вексельными уставами, становится исключением из правил.

Если до распространения индоссамента заключение вексельных соглашений и вексельные обязательства регулировались частноправовыми нормами, а пассивная вексельная правоспособность совпадала с общегражданской правоспособностью, то с развитием вексельного обращения и распространением индоссамента значительно увеличился круг лиц, причастных к вексельному соглашению, и возникла потребность в ограничении правоспособности. Главной причиной этого ограничения было стремление исключить возможность легкомысленного заключения вексельного соглашения со стороны определенной категории лиц. На практике это проявилось в том, что мужчинам до 25 лет, женщинам, духовенству и школьным учителям (а в некоторых городах – крестьянам, студентам и лицам, выполнявшим поденную работу) не разрешалось вступать в вексельные правоотношения.

Изменились отношения между векселедателем и приобретаемым векселем. Раньше считалось, что вексельные правоотношения возникают непосредственно из соглашения, предметом которого была выдача векселя. С распространением индоссамента вексельными правоотношениями стали лишь те, которые основывались на тексте самого векселя и не имели отношения к правам и обязанностям, возникшим вследствие договора, на основании которого был выдан вексель. Таким образом, право на передачу векселя рассматривалось, как

³⁸⁷ Табачников И. Г. Прошлое векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1891. – С. 436.

присущее самой природе векселя, даже если в тексте векселя и не упоминалось об уплате по приказу.

В процессе распространения индоссамента участились ситуации, когда вексельный кредитор не знал векселедателя, что вызывало неуверенность в принятии векселя к уплате трассатом. Поэтому на ремитента возлагалось обязательство в кратчайший срок после получения векселя предъявить его к акцепту. Это требование стало настолько существенным, что при его невыполнении ремитент терял право регресса к векселедателю в случае неуплаты по векселю со стороны трассата. С этой целью векселя начали выписывать в двух экземплярах: один из них присылался трассату, а второй пускался в оборот с пометкой о том, у кого хранится вексель с акцептом. Пометка о принятии векселя трассатом также делалась в тексте векселя. После того, как акцепт векселя становился самостоятельным актом, взаимные расчеты трассанта и с ремитентом, и с акцептантом утрачивали значение для вексельного обязательства. Постепенно пометка о внесении валюты в текст векселя стала необязательной, что признавали и вексельные уставы (например вексельный устав Лейпцига 1682 г. – пп. 3, 13). Обязательность письменного акцепта была установлена декретом лейпцигского сената еще в 1652 г., а устный акцепт разрешался в порядке исключения лишь некоторыми вексельными уставами – уставом Гамбурга 1711 г. (п. 6, 7) и уставом Бремена 1712 г. (п. 21)³⁸⁸.

Таким образом, вексель стал самостоятельным космополитическим средством осуществления платежей, почти сравнявшись в этом отношении с бумажными ассигнациями. Как ценная бумага он превратился в предмет торговли среди широкого круга лиц, а не только среди купцов. Кроме того, если в эпоху ярмарок выдавались (и принимались) векселя, выписанные лишь на определенные города, то с появлением индоссамента вексель освободился от этого ограничения и приобрел характер формального обязательства векселедателя произвести платеж предъявителю векселя через определенный срок. Так вексель приблизился к бумажным деньгам и к именным ценным бумагам. Но, несмотря на это, вексель все еще не освободился от материальных обстоятельств своей выдачи и сохранил связь с тем соглашением, в результате которого был выдан.

Однако долговое обязательство, возникшее вследствие выдачи или передачи векселя, приобрело единую, унифицированную форму

³⁸⁸ Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1895. – С. 46–47.

и способность к передаче, а сам вексель стал исполнением договора о передаче требования, возникшего у одного лица по отношению к другому еще до выдачи векселя. С появлением индоссамента начался и учет векселей в банках, при котором за досрочную уплату вексельной суммы взимался определенный процент.

Примеры многочисленных злоупотреблений передачей векселей, которые с целью собственного обогащения совершали частные банкиры, приводит Ж. Савари в своей книге «Совершенный негоциант». Прежде всего он различает настоящие векселя и *billets de change*, которых также было несколько видов, но лишь два из них действительно были *billets de change*. Остальные являлись простыми расписками (*simples promesses*), хотя с помощью надписей «уплатить предъявителю» или «по приказу» эти расписки (подобно индоссированным векселям) могли передаваться другим лицам.

Сущность этих расписок состояла в следующем. Если негоцианту необходимо было получить деньги в другом месте для уплаты за приобретенные там товары, он обращался к банкирам и купцам с просьбой продать ему вексель на тот город, в котором он хочет получить деньги. Получив по этому векселю деньги, негоциант выдавал векселедателю документ (расписку), в которой обещал уплатить в определенный срок указанную денежную сумму. Эта расписка (*billet de change*) свидетельствовала о том, что валюта по векселю не уплачена, а кредитована лицу, приобретшему вексель. Злоупотребление в использовании таких расписок заключалось, по свидетельству Ж. Савари, в том, что при этом взыскивались проценты любой величины, которые считались уплатой за акт перевода денег. Так *billets de change* стали прикрытием обычного ростовщичества, которому придавалась форма вексельного соглашения с целью использования преимуществ вексельного права (вексельная строгость, задержание должника и рассмотрение в консульском суде)³⁸⁹.

Чтобы предупредить подобные злоупотребления в ст. XXVIII пятого раздела ордонанса 1673 г. отмечалось, что в векселях необходимо указывать, на кого они выданы, кто уплатил по ним, произошла ли уплата деньгами, товарами или другими вещами. При отсутствии этих данных документ не признавался векселем и считался простой распиской.

³⁸⁹ Savary J. Le parfait negocian ou instruction generale pour ce qui regarde le commerce de marchandises de France et des pays etrangers: 2 t. T. 1. – P.: J. Guignard, 1675. – P. 207–212.

Следующий вид документов, которые упоминал Ж. Савари, также назван *billets de change*. Хотя эти документы содержали упоминание об уплате определенному лицу или по его приказу и передавались с указанием на обороте имени кредитора, они не предусматривали перевода денег из одного места в другое и оплачивались там, где были выданы. Именно поэтому, по мнению Ж. Савари, эти документы нельзя считать настоящими векселями³⁹⁰.

Еще одним способом злоупотребления индоссаментом Ж. Савари называет *billets en blank*, где не проставлялось имя лица, которое должно было получить платеж по этим документам, а в оставленное пустое место лицо, владевшее документом, могло потом вписать любое имя. В этих *billets en blank* отмечалось, что валюта получена, но не указывалось, кем она уплачена и в какой форме происходила уплата. Они переходили от одного лица к другому и использовались с целью ростовщичества, поскольку их основной особенностью была невозможность регресса: любой держатель *billet en blank* мог заявить, что купил его у неизвестного лица. С этими документами было связано наибольшее количество злоупотреблений, поэтому они были запрещены еще во времена Ж. Савари.

Злоупотребление документами на предъявителя приобрело во Франции такой масштаб, что в 1716 г. Людовик XV издал эдикт, в котором прямо указывал, что документы на предъявителя способствовали серьезным злоупотреблениям. После неоднократного запрета *billets en blank* (постановлением парижского парламента от 7 сентября 1660 г., королевской декларацией от 9 января 1664 г. и, наконец, ордонансом 1673 г.) появилась новая форма документов на предъявителя – *billets au porteur*, которые также стали причиной многочисленных банкротств. Поэтому эдикт 1716 г. провозглашал все документы на предъявителя незаконными³⁹¹.

Постепенно в вексельном законодательстве, в том числе в положениях ордонанса 1673 г., начали проявляться несоответствия с реальными особенностями вексельного обращения. Частичные изменения в отдельных положениях ордонанса 1673 г. не исправили положения, и позднее было принято решение об издании нового нормативного документа – французского торгового кодекса. В 1787 г. была создана

³⁹⁰ Savary J. Le parfait negociant ou instruction generale pour ce qui regarde le commerce de marchandises de France et des pays etrangers: 2 t. T. 1. – P.: J. Guignard, 1675. – P. 205–216.

³⁹¹ Табашников И. Г. Прошлое векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1891. – С. 409.

комиссия по пересмотру торгового законодательства, но ее работу приостановила революция во Франции. Новая рабочая группа была организована 3 апреля 1801 г. при Министерстве внутренних дел Франции (в компетенции которого находились вопросы, связанные с торговлей). С использованием положений Ордонанса 1673 г. был разработан Торговый кодекс (*Code de commerce*), принятый 1 января 1808 г. Кодекс состоял из восьми частей, из которых восьмая часть была посвящена векселям. Основные нормы этого кодекса сохранялись во Франции до конца XIX в.³⁹²

В соответствии с этим кодексом векселем считалось любое поручение об уплате денег, если оно предусматривало перевод денег из одного места в другое и содержало упоминание о валюте и приказе. Кроме того, были четко определены основные составные части вексельного обязательства: если в написании имени, сведений о местожительстве, месте выдачи векселя и платежа будут допущены ошибки, это обязательство переставало быть векселем и превращалось в простую долговую расписку (п. 112)³⁹³. Вексельная метка уже не считалась неизменной составной частью векселя, но в нем обязательно должно было содержаться (в том или ином виде) упоминание о получении валюты. Такое же упоминание было обязательным и в передаточной надписи (п. 137)³⁹⁴.

Основным должником по векселю признавался векселедатель простого векселя (*billet a ordre*) и акцептант переводного (*lettre de change*). Ответственность индоссанта распространялась только на тех лиц, которым он непосредственно передавал свои права по векселю, хотя со временем стало допускаться обратное требование к любому из индоссантов, минуя предшественника.

Акцепт должен был осуществляться в письменной форме в течение суток после предъявления векселя. Если за это время вексель не был возвращен предъявителю, то он считался принятым, а все возможные убытки должен был покрывать трассат (пп. 122, 125). Из ограничений при акцепте значение имели лишь ограничения по сумме векселя, и в этом случае вексель подлежал протесту в неприятии (п. 124)³⁹⁵.

В *Code de Commerce* были детализированы понятия «протест в неприятии векселя» и «протест в неплатеже». Суть протеста состояла

³⁹² Французский вексельный устав (ст. 110–189 Торгового уложения) // Журнал гражданского и торгового права. – 1871. – Кн. 3. – С. 706–723.

³⁹³ Там же, с. 707.

³⁹⁴ Там же, с. 711.

³⁹⁵ Там же, с. 709.

в праве требования от обязанных по нему лиц лишь обеспечения возможности платежа, а не самого платежа. Гарантией платежа была солидарная ответственность всех лиц, поставивших свои подписи на векселе (пп. 118, 140, 164). Активные вексельные права имели мужчины, а пассивные предоставлялись женщинам и несовершеннолетним лицам при условии, что они занимаются торговой деятельностью (пп. 113, 114). В кодексе была закреплена необходимость различения места выдачи переводного векселя и места платежа по нему. Допускалось существование простых векселей, но они должны были отражать результаты реальных торговых соглашений. Переводные векселя, не соответствовавшие условию перевода денег из одного места в другое, назывались не *lettre de change*, а *mandats* (пп. 115–117)³⁹⁶.

Скорость осуществления платежа обеспечивалась тем, что отсрочка в платеже не допускалась даже в отношении векселей на предъявителя (пп. 130, 135, 157). Ответственность лиц, обязанных по векселю, ограничивалась определенным сроком (в зависимости от расстояния между местом проживания индоссантов либо трассантов и местом осуществления платежа) с обязательным уведомлением лиц, вступавших в вексельные отношения (пп. 164–167)³⁹⁷.

Из-за простоты формулировок и охвата всех аспектов вексельных операций *Code de Commerce* приобрел широкое распространение. После завоеваний Наполеона I и внедрения на оккупированных территориях французского законодательства, кодекс был принят в полном объеме в Голландии (1811 г.), Монако (1818 г.), Бельгии (1830 г.), Португалии (1833 г.), Греции (1835 г.), Испании (1829–1885 гг.), а также в Сардинии, Неаполе, многих кантонах Швейцарии, в городе Данциге и в герцогстве Варшавском³⁹⁸.

Новизна положений французского торгового кодекса подтолкнула ряд других государств к разработке аналогичных законов. Однако со временем проявились определенные недостатки французской системы вексельного права. В частности, хотя положения *Code de Commerce* свидетельствуют о постепенном распространении восприятия векселя как обязательства, сила которого основана прежде всего на содержании и форме написанного на векселе текста, сохранилось и отноше-

³⁹⁶ Французский вексельный устав (ст. 110–189 Торгового уложения) // Журнал гражданского и торгового права. – 1871. – Кн. 3. – С. 707–708.

³⁹⁷ Там же, с. 717–718.

³⁹⁸ Шапкин И. Н. Вексель: возникновение и становление // Вексель и вексельное обращение в России. Практик/энциклопедия. – М.: Банкоцентр, 1996. – С. 15; Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 1. Введение. Торговые деятели. – М.: Статут, 2003. – С. 66.

ние к векселю как к договору³⁹⁹. Кроме того, во французском торговом кодексе не зафиксировано положение о влиянии непредвиденных обстоятельств на выполнение обязательств векселедержателя. Эти и прочие недостатки привели к тому, что во второй половине XIX в., после принятия более совершенного общенемецкого вексельного устава, французская система вексельного права была вытеснена немецкой.

2.6. ВЕКСЕЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ГЕРМАНИИ

После принятия в 1848 г. Общенемецкого вексельного устава, когда французское влияние на вексельное и торговое право в целом было ослаблено⁴⁰⁰, начался немецкий период в истории вексельного обращения. Немецкая система вексельного права оказала влияние на вексельное обращение в Венгрии, Болгарии, Румынии, Португалии, Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии и России. Основные черты немецкой системы вексельного права состояли в усилении внимания к формальным аспектам вексельного обязательства, ставшего полностью абстрактным и не связанным с причинами его возникновения, а также в признании равноправия простого и переводного векселей.

В то время, как общее гражданское законодательство Германии продолжало ориентироваться на традиции римского права, торговое законодательство постепенно освобождалось от его влияния. Истоки немецких предпринимательских традиций и торгового права следует искать еще в цеховой организации Ганзейского союза с его четким регламентированием, повлиявшим на формальные аспекты вексельного обращения.

Рассмотрим социально-экономические предпосылки возникновения вексельных операций в Германии. С X в. происходило развитие мореходства на Балтийском море – этот период называют эпохой фризов, а само море – Фризским морем. Основной торговый путь фризов проходил по Рейну, откуда они направлялись в Англию, и Северную Францию; их торговыми центрами были Кельн, Майнц, Вормс, и Дорестад. В средневековье каждый торговый город проводил свою собственную коммерческую и таможенную политику, независимую от центральной королевской власти, подписывал торговые договоры с другими городами и государствами в интересах исключительно своих купцов, добиваясь для них права свободной торговли. Кроме того, торговые города не

³⁹⁹ Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1895. – С. 55.

⁴⁰⁰ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 3.: Вексельное право. Морское право. – Изд. 4-е – СПб.: Изд-во братьев Бащмаковых, 1909. – С. 13.

предоставляли никаких льгот иностранным купцам, которые не имели права торговать в розницу и налаживать между собой коммерческие отношения без посредничества местных купцов. Довольно часто им не позволялось даже провозить свои товары мимо города, и они должны были оставлять их там на продажу (так называемое «штапельное право»).

Учитывая многочисленные опасности, торговые караваны, снаряжаемые отдельными немецкими городами, были довольно многочисленными и хорошо вооруженными. Гарантировать безопасность международной торговли можно было только объединенными усилиями немецких городов. Первое соглашение такого рода между Любеком и Гамбургом, купцы которых особенно страдали от грабежей со стороны Дании и Голштинии, было заключено в 1210 г. В 1253 г. подобное соглашение было подписано между старинными вестфальскими городами – Мюнстером, Дортмундом, Сестом и Лише⁴⁰¹. Во второй половине XIII в. торговое объединение немецких городов, названное Ганзейский союз (Ганза)⁴⁰², уже было вполне сформированным. Членам Ганзейского союза предоставлялись определенные привилегии. Например, ганзейцы имели право не только свободно приезжать во Фландрию, но и вести там розничную торговлю.

После возникновения Ганзейского союза наряду с торговыми путями Средиземного моря образовалась еще одна система коммерческих маршрутов, пролежавших через северные моря. Эти торговые пути соединяли Скандинавию, Польшу и Русь с Англией, Фландрией и Брабантом, а основным посредником в торговле на северных морях, подобно итальянцам на Средиземном море, были города Северной Германии, где находились торговые фактории Ганзы. Посещали ганзейские купцы и ярмарки Шампани с целью налаживания торговых отношений с венецианскими и генуэзскими купцами, а позже, когда итальянцы начали искать прямые морские пути во Фландрию и Англию, ганзейские купцы открыли для себя дорогу в Венецию.

Из внутренней Германии товары транспортировались реками (Везер, Эльба, Одер, Висла) к приморским городам (Гамбург – на Эльбе, Штеттин – на Одере, Данциг – на Висле). Эти города наряду с Любеком, имевшим выход в Балтийское море, играли ведущую роль в Ганзейском союзе. Крупными центрами торговли были также Кельн, Магдебург и Франкфурт. Укреплению Ганзейского союза способствовали и прирей-

⁴⁰¹ Табашиников И. Г. Прошлое векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1891. – С. 115–116.

⁴⁰² Слово «ганза», означавшее «народ», в XII в. приобретает значение «общество, объединение», а с XIII в. – «совокупность купеческих прав» (Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы: В 2 т. Т. 1.

нские ярмарки, через которые проходил торговый путь из Италии во Фландрию – в города Вормс, Страсбург, Шпейер. Ярмарка во Франкфурте-на-Майне, которую посещало много купцов из юго-западной, а потом и северной части Германии, стала в то время основной немецкой международной ярмаркой.

В XIV–XV вв., когда Ганзейский союз достиг наивысшего расцвета, он контролировал торговлю на Балтийском и Северном морях. В него входило более 70 городов, хотя ведущую роль в международной торговле играли лишь несколько из них. В Англию ганзейские купцы ввозили до 76% экспортированного сукна, во Фландрии ганзейская контора в Брюгге также осуществляла большой объем торговых операций, в скандинавских странах ганзейские купцы стали основными посредниками в торговле; посещали они и Северную Русь, в частности Новгород. В этих странах они пользовались значительными привилегиями, дающими им возможность отстранять от торговых операций местных купцов или купцов из других стран во избежание конкуренции⁴⁰³.

Ганзейская торговля отличалась от средиземноморской прежде всего тем, что средиземноморские города постоянно конкурировали между собой, а ганзейские купцы образовали прочный союз. Не желая брать на себя ответственность за те или иные действия других городов они провозгласили, что являются не столько союзом, сколько свободной конфедерацией, созданной с целью содействия торговле и мореходству.

Кроме того, в торговле на Средиземном море ведущую роль играли товары Востока, преимущественно предметы роскоши, ганзейцы же торговали массовыми продуктами сельского хозяйства, которые удобно было перевозить водным путем, – английской шерстью, норвежским деревом, прибалтийской рожью, кожей, смолой и другим сырьем. Однако, несмотря на активность купцов ганзейских городов, по мнению Ф. Броделя, страны Северной Европы все еще оставались бедными по сравнению со странами Средиземноморья⁴⁰⁴.

Как отмечает М. Вебер, Ганза последовательно проводила свою торговую политику на основе нескольких принципов. Так, лишь граждане ганзейских городов имели право на привилегии. К тому же, ганзейцы занимались только товарной торговлей, а не денежными и банковскими операциями, как, например, флорентийцы⁴⁰⁵.

⁴⁰³ Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы: В 2 т. Т. 1. – М. – Л.: Госиздат, 1926. – С. 170, 174, 176–177.

⁴⁰⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 2. Игры обмена. – К.: Основы, 1997. – С. 484.

⁴⁰⁵ Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – С. 221–222.

Однако стремление ганзейских купцов к монополизации международной торговли привело к тому, что в большинстве европейских стран в XIV–XV в. сократились объемы самостоятельной международной торговли, а их торговые центры и рынки стали немногочисленными⁴⁰⁶. Такая ситуация не могла продолжаться долго. Быстрое экономическое развитие стран Европы возродило собственный торговый капитал и купечество, стремившееся освободиться от влияния таких монополистов внешней торговли, как итальянцы или ганзейцы. Это и стало причиной упадка Ганзейского союза.

В частности, в Англии во времена правления королевы Елизаветы ганзейские купцы потеряли все свои привилегии, закрылось и их представительство. Подобные изменения происходили и в скандинавских странах. В Дании начало развиваться собственное мореходство, и король Христиан IV лишил ганзейских купцов всех торговых привилегий. Утратила свое влияние Ганза в Швеции и России, где после закрытия торговой ганзейской конторы в Новгороде (1494 г.) немецких купцов вытеснили англичане и голландцы. Так в XVI в. важнейшие ганзейские города фактически утратили свое торговое значение, хотя формальная ликвидация Ганзейского союза произошла гораздо позже (в 1669 г.) на сейме ганзейских городов⁴⁰⁷.

Следствием упадка Ганзы стало экономическое отставание Севера, и во второй половине XVI в. в Германии появилось большое количество итальянских купцов. К тому же, постоянное наличие в Венеции и Флоренции векселей на предъявителя, выписанных к оплате на Севере, было свидетельством того, что в XVI в. торговый баланс сложился в пользу Италии⁴⁰⁸. Однако в 90-е годы XVI в. ситуация изменилась, и протестантский Север оказался в привилегированном положении. Таким образом, Северная Европа времен реформации победила средиземноморскую экономику, несмотря на то, что она, как отмечает Ф. Бродель, не открывала ни Америки, ни путей в Индонезию, Японию и Китай (эта заслуга принадлежала португальцам), ни орудий капитализма (в частности таких, как вексель), созданных в Средиземноморье⁴⁰⁹.

⁴⁰⁶ В Англии в середине XIV в. было лишь 170 богатых купцов (Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. В 2 т. Т. 1. – М. – Л.: Госиздат, 1926. – С. 178).

⁴⁰⁷ Там же, с. 154.

⁴⁰⁸ С начала XVII в. известны многочисленные свидетельства того, что немецкие купцы вывозили большие суммы наличности в Италию (Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1. Роль среды. – М.: Языки славянской культуры, 2002 – С. 289).

⁴⁰⁹ Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII в.: У 3 т. Т. 2. Ігри обміну. – К.: Основи, 1997. – С. 484.

Что касается появления векселей в Германии, то продолжительное время было распространено мнение, что они попали туда из Италии и Франции через ярмарки Лиона и Безансона либо, возможно, через Антверпен и Брюгге (где было много флорентийских кампсоров), и впервые начали использоваться в таких немецких городах, как Боцен, Нюрнберг, Аугсбург, Франкфурт-на-Майне и Гамбург. К тому же, в Германии обмен денег был не таким свободным, как в Италии, что тормозило развитие банковского дела. Кроме того, Ганза ориентировалась не на ярмарки, а на систему постоянных складов и гостиных дворов, поэтому передача торговых и финансовых требований не получила дальнейшего развития. Итальянское влияние на вексельные операции в Германии проявилось и в терминологии старых вексельных уставов, и в том, что даже в 1711 г. в Лейпциге биржевой бюллетень вексельных курсов составлялся на итальянском языке⁴¹⁰.

Несмотря на это, существует достаточно обоснованная теория М. Неймана и О. Штоббе, в соответствии с которой особая форма векселя использовалась немецкими купцами Ганзейского союза еще в XIII в. независимо от итальянского влияния. Авторы теории считали, что на севере Европы возникновение векселя было обусловлено потребностями денежного обращения, а не торговли, и он сформировался самостоятельно, принимая различные формы (на основе древнего хирографа) и будучи по своей сути простым домицилированным векселем⁴¹¹.

Данная теория была разработана в XIX в. М. Нейманом на основании анализа старинных немецких долговых документов XIII–XIV вв. Это были преимущественно долговые обязательства, выданные городами и торговыми обществами (иногда на предъявителя), в основе которых были либо покупка товаров, либо кредиты с обязательством должника возратить долг без обмена валюты в определенном месте и в определенное время (например на ближайшей ярмарке во Франкфурте). Частыми были случаи, когда должник, отсутствуя в месте выплаты, поручал возратить долг своему партнеру, имя которого указывалось в документах. Иногда кредитор также назначал своего представителя для получения долга; таким образом в немецких долговых документах появилось третье лицо. В частности, посланный в 1313 г. из Любека в Брюгге кредитор Иоханнес Руфус упоминал долговое обязательство на 30 гульденов. В документе 1350 г., напоминающем домицилированный простой вексель, Арнольд Фоет, член сове-

⁴¹⁰ Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 667, прим. 22.

⁴¹¹ Grunhut C. S. Wechselrecht. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1897. – S. 41.

та города Ралсундер, обязался уплатить за двух членов совета города Любека сумму (которую он получил от них) третьему лицу в городе Брюгге. Купцы из разных немецких городов создавали многочисленные торговые общества, члены которых выписывали римессы за присланные товары. Особое значение эти документы приобрели при собирании таможенной пошлины и церковного налога в Пруссии, Литве и Польше в XIV–XV вв. Такие документы часто требовали согласия на их принятие к уплате, что напоминало вексельный акцепт⁴¹².

Основным центром использования подобных документов был Брюгге – крупнейший в XIII–XV в. рынок ценных бумаг на севере Европы, где с XIII в. функционировало много итальянских кампсоров, а векселя итальянского типа были хорошо известны. Так же часто появлялись в Брюгге и немецкие торговцы из городов Ганзейского союза⁴¹³.

Поскольку коммерческая деятельность купцов Ганзейского союза распространялась на разные страны, у них возникла такая же, как и у итальянских кампсоров, потребность в поиске безопасных способов передачи денег. Однако, хотя в Германии существовал обмен денег, к этой деятельности не допускались иностранцы. Право заниматься таким обменом имели лишь особые объединения (*Munzgeschlechter*), и только члены этих объединений (*Munzburger*) могли быть менялами⁴¹⁴.

Отто Штоббе (1831–1887 гг.), поддерживавший точку зрения Макса Неймана, приводил текст документа, подобного домицилированному векселю, выданного городом Любеком в 1283 г.⁴¹⁵ По форме изложения этот документ напоминает не столько вексель, сколько нотариальный договор между собиравшим церковную десятину папским агентом и представителями города Любека. Однако его содержание вполне соответствует сущности вексельного соглашения:

«Получателем денег и трассатом является город Любек, представители которого заключили соглашение в том, что город принимает на сохранение сумму 1500 марок в любекских денариях (считая курс марки в 16 любекских солидов) и обязуется выдать в определенный срок (день апостолов Филиппа и Якова) 128 настоящих ливров туринских денег папскому агенту

⁴¹² Neumann M. Geschichte des Wechsels im Hansagebiete bis zum XVII Jahrhundert. – Erlangen, 1863. – S. 122, 160–161.

⁴¹³ Grunhut C. S. Wechselrecht. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1897. – S. 42, прим. 35.

⁴¹⁴ Табашников И. Г. Прошлое векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1891. – С. 157.

⁴¹⁵ Полный текст документа на латинском языке приводит И. Г. Табашников (Табашников И. Г. Прошлое векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1891. – С. 57–58).

Райнерию, посланному им лицу или любому другому предъявителю данного документа, принимая при этом на себя полную и безусловную ответственность за все возможные убытки. Местом платежа назначен город Брюгге во Фландрии»⁴¹⁶.

Хотя этот документ по своей форме мало похож на вексель, в нем упоминается и перевод денег, и обмен одной валюты на другую. Кроме того, М. Нейман приводит несколько других документов – писем Морневега, уполномоченного посла по делам Любека в г. Брюгге, датированных 1290 г., которые также содержат все признаки вексельного соглашения⁴¹⁷. Так, сообщая любекскому совету о 150 марках, одолженных у двух жителей Гамбурга, Морневег добавляет, что он выдал кредиторам особый документ – *litteras patentas* – и обещает возратить одолженные деньги по первому же устному требованию в том случае, если они не будут уплачены в Любеке. Поэтому Морневег просил любекский совет не создавать для него дополнительные затраты и уплатить обозначенную сумму или самим кредиторам, или их посланцу, который предъявит указанный *litteras patentas*.

Из содержания письма вытекает, что документы *litteras patentas* выполняли функцию векселя. Мы видим здесь долговой заем с выдачей денег в другом месте и в другой валюте; векселедателя, который выдал документ после получения денег; векселедержателя и плательщика (любекский совет). Морневег упоминал даже о праве кредиторов на регресс, хотя при этом термин «*cambium*» не употреблялся. Это обстоятельство, по мнению М. Неймана, свидетельствует о том, что у купцов Ганзейского союза возникновение векселя происходило независимо от купцов итальянских, поскольку в ином случае была бы использована итальянская терминология. Однако документы, приведенные М. Нейманом, большинством немецких исследователей, в том числе В. Эндеманом, вообще не признаются векселями из-за того, что в них не используется понятие *cambium*. Этому же мнения придерживался П. П. Цитович, считая аргументы М. Неймана неубедительными⁴¹⁸. С нашей точки зрения, подобные возражения носят весьма формалистический характер и подменяют сущность вексельного соглашения полемикой об употреблении термина «*cambium*». Более весомыми в

⁴¹⁶ Stobbe O. Miscellen zur Geschichte des deutschen Handelsrecht // Zeitschrift / Ed. Goldschmidt. – T. 8. – 1865. – S. 33.

⁴¹⁷ Neumann M. Geschichte des Wechsels im Hansagebiete bis zum XVII Jahrhundert. – Erlangen, 1863. – S. 101.

⁴¹⁸ Цитович П. П. К истории векселя. – К.: Типография университета св. Владимира. 1893 – С. 4.

этом контексте являются замечания В. Эндемана, отмечавшего, что в немецких долговых документах XIII–XIV вв. отсутствует не только понятие «*cambium*», но и сама идея обмена денег (*permutatio pecuniae*), на что М. Нейман не обратил должного внимания. Таким образом, вопрос о том, следует ли считать векселем немецкие долговые обязательства и документы о переводе денег в XIII в., остается открытым. И, невзирая на то, что некоторые из них действительно напоминают вексель, веские доказательства сознательного и целенаправленного выделения вексельных операций среди других подобных операций нам не известны⁴¹⁹.

Новые данные по этому вопросу появились после того, как Ж. де Марес в архиве г. Ипра нашел более семи тысяч документов, датированных 1249–1291 гг. и бывших, очевидно, остатками архива кредитных записей. Каждый из этих документов, имевших название *littera obligatoria* или *lettre de foire*, состоял из двух частей – признания должником долга и обязательства об уплате. Обе эти части писались вместе, а потом зигзагообразно отрезались друг от друга. Документы имели не частный, а публичный характер; они составлялись в присутствии представителей городской власти и содержали обращение ко всем: «Пусть знают все, кто увидит этот документ, что такое-то лицо приняло на себя обязательства...». Одна из частей разрезанного документа сохранялась в архиве города. Подобные документы были распространены в странах Северной Европы, в частности во Фландрии и Англии, что послужило основанием для того, чтобы назвать их северным типом векселя в отличие от традиционного итальянского векселя⁴²⁰. Несмотря на то, что в данных обязательственных письмах понятие «*cambium*» не встречалось, трудно полностью отрицать причастность ипрских документов к вексельному соглашению.

На наш взгляд, аргументы в пользу существования особого типа северного векселя, распространенного среди ганзейских купцов в XIV–XV вв., являются еще одним свидетельством закономерного возникновения вексельных операций вследствие определенных экономических отношений, сложившихся одновременно в Италии и Германии. Они подтверждают и то, что в Германии собственные формы вексельного обязательства действительно возникли без итальянского влияния⁴²¹,

⁴¹⁹ Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874. – S. 93.

⁴²⁰ Ypres Archives. Comptes de la ville d'Ypres de 1267 a 1329. – Bruxelles: Kiessling et cie, P. Imbreghts, successeur, 1909–13. – Т. 1–2; Des Marez, Guillaume. La lettre de foire a Ypres au XIIIe siecle. – Bruxelles: H. Lamertin, 1901. – 292 p.

хотя после упадка Ганзейского союза вексель северного типа был постепенно вытеснен традиционным векселем итальянского типа⁴²².

Вследствие этого в конце XVII – начале XVIII вв. вексельное обращение в Германии долго находилось под влиянием итальянского и французского вексельного права⁴²³. Поэтому можно считать, что распространение вексельных операций в Германии происходило в иных условиях, чем в Италии или на ярмарках Франции.

По мнению Е. Богобовича, первые попытки кодификации немецкого вексельного права были связаны еще с ганзейскими городами⁴²⁴. Однако в целом систематизация немецкого торгового и вексельного права, основанного на торговых обычаях, началась лишь в XVII в. В 1654 г. была принята вексельная ординация Нюрнберга, в 1682 г. в Лейпциге принят Саксонский торговый устав, в 1739 г. – Франкфуртская вексельная ординация, а в 1778 – Аугсбургская⁴²⁵.

Особенности развития немецкого торгового и вексельного права были обусловлены тем, что после упадка Ганзейского союза исторические условия в Германии складывались неблагоприятно для развития торговых отношений. Постоянные войны, крестьянские восстания и Тридцатилетняя война привели к тому, что уровень материального благосостояния немецких городов на Рейне и Дунае начал снижаться. Кроме того, в Германии коммерческая деятельность была не такой активной, как в городах Италии, а королевская власть – не столь сильна, чтобы проявлять заботу о развитии торговли, как во Франции. В таких условиях борьба королевской власти с феодальной раздробленностью Германии привела к совершенно иным последствиям, чем во Франции, – императорская власть ослабла, и Германия к началу XIX в. представляла собой не единое государство, а совокупность отдельных княжеств разной величины. Исходя из этого, развитие правового обеспечения торговой и финансово-кредитной деятельности было неудовлетворительным, и до конца XVIII в. ни одно немецкое

⁴²¹ Neumann M. Geschichte des Wechsels im Hansagebiete bis zum XVII Jahrhundert. – Erlangen, 1863. – S. 189–190.

⁴²² Как отмечает П. П. Цитович, хотя ганзейским купцам была известна передача долговых требований (*Überkauf*), она не получила дальнейшего развития после упадка Ганзейского союза (Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Типография И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 19, прим. 33).

⁴²³ Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 667.

⁴²⁴ Bogobowicz J. Podstawowe zagadnienia prawa wekslowego czekowego i handlowego // Problemy praworzadnosc. – Warszawa. 1988. – R. 39. – S. 6.

⁴²⁵ Dolinski A. Wyklady austriyaskiego prawa wekslowego. – Lwow: Nakladom tow. «Biblioteka stuch. prawa, 1912. – S. 16.

княжество не создало своего торгового кодекса. Были изданы лишь многочисленные уставы – преимущественно вексельные (известно 56 таких документов)⁴²⁶.

Отсутствие сильной центральной власти в Германии тормозило объединение норм основанного на обычаях права, а ориентация на традиции римского права надолго задержала развитие собственного немецкого торгового права. Лишь в конце XVII в. начался пересмотр римского права, а пробуждение национального самосознания обусловило обращение к народному, ориентированному на обычаи праву и его оформление в виде отдельных уставов. Однако смешивание обычаев местного права с элементами римского права привело к еще большему правовому разъединению отдельных немецких княжеств.

В Германии до конца XVII в. государственному регулированию подлежали лишь отдельные институты торгового права, и первой попыткой его кодификации стало законодательное оформление прусского гражданского права в 1794 г. Важным этапом в истории немецкого вексельного права было его преобразование в общее право, не ограниченное в своем действии социальной принадлежностью. Так, Бранденбургский вексельный устав в ст. 4. постановлял, что все лица, подписавшие вексель, к какому бы социальному слою они не принадлежали, должны подчиняться нормам этого устава⁴²⁷.

Во Франции торговое право преследовало те же цели, что и гражданское и уголовное право, поэтому, как отмечал В. А. Удинцев, идея объективного торгового права, развиваясь параллельно с реформой гражданского права, так и осталась формой, лишенной содержания. В Германии же создание собственного торгового права служило цели национального объединения и таким образом способствовало возрождению сугубо немецких принципов гражданского права, которые продолжительное время были подавлены влиянием римского права. К тому же, развитие товарно-денежных отношений продемонстрировало существенное расхождение между римским гражданским правом и торговым правом, ориентированным на реальную практику коммерческой деятельности⁴²⁸.

⁴²⁶ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 1. Введение. Торговые деятели. – М.: Статут, 2003. – С. 67–68.

⁴²⁷ Зомбарт В. Современный капитализм: В 2 т. Т. 1. Кн. 1. Введение в докапиталистическое хозяйство. Исторические основы современного капитализма. – М. – Л.: ОГИЗ, 1928. – С. 448.

⁴²⁸ Удинцев В. А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – С. 111.

Еще одной исторической особенностью развития вексельного права в Германии было распространение протестантизма, отвергавшего католическое учение о займах под проценты. Поэтому уже в вексельном уставе Лейпцига 1682 г. (п. 4) простой вексель признавался такой же правомочной разновидностью векселя, как и переводной⁴²⁹. В немецком торговом и вексельном праве векселем считалось воплощенное в письменный документ долговое обязательство, подобное по своей сути обязательственному письму ганзейских купцов и отличавшееся лишь названием «вексель». Благодаря этому долговое обязательство подкреплялось строгостью вексельного права, в частности строгостью взыскания, распространявшегося не только на имущество, но и на личность должника. Эта строгость переносилась и на другие долговые документы, если на них ставилась вексельная метка (*weschelclausel*), подтверждающая согласие должника на применение к нему быстроты и строгости вексельного взыскания.

Идея о том, что с помощью вексельной метки можно превратить в вексель любой другой долговой документ, привела не только к чрезмерному вниманию к абстрактным, формальным аспектам вексельного обязательства, но и к тому, что именно в Германии была признана правомочность существования простого (так называемого «сухого») векселя, в то время как во Франции и Италии простой вексель всегда оставался вне закона и преследовался католической церковью как форма прикрытия ростовщического займа под проценты. Таким образом, благодаря влиянию протестантизма в Германии вексель освободился от многих средневековых ограничений, противоречивших реальным потребностям торгового оборота.

Вексель стал полностью формальным актом, освобожденным от материальных обстоятельств его выдачи, а проблема наличия в векселе *distantia loci*, то есть факта перевода денег из одного места в другое, утратила значение. Более того, вексель постепенно отделился от торговых операций, став чистым средством кредита, доступным для всех лиц, которые могли принимать на себя долговые обязательства. Так векселеспособность в Германии уравнивалась с общегражданской правоспособностью (за исключением некоторых категорий населения – военных, чиновников, крестьян и женщин). Если во французском ордонансе 1673 г. вопрос о векселеспособности вообще не рассматривался (в этом не было необходимости, поскольку векселеспособность была частью не общегражданской, а торговой дееспособности), то в

⁴²⁹ Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Типография И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 20, прим. 35.

п. 1 вексельного устава Лейпцига (1682 г.) была определена именно векселеспособность⁴³⁰.

В конце XVIII в. можно видеть первые попытки обобщения торгового права, в частности в 1763 г. для земель, входивших в состав Австрии, был издан общий торговый и вексельный устав (*Merchantil und Weschel-ordnung*), а в 1794 г. в Пруссии принят кодекс «Общее земское право» (*Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten*).

Общий подъем немецкой промышленности начался после наполеоновских войн, когда расширение коммерческих отношений между отдельными частями Германии создало объективную потребность в преодолении ограничений торговой деятельности. Вследствие этого возник Таможенный союз, игравший основную роль в модернизации немецкого торгового законодательства. На первом собрании Таможенного союза в 1836 г. представитель Вюртемберга сделал заявление о необходимости согласования торгового законодательства. Однако это предложение не было поддержано, поскольку большинство представителей не имели полномочий обсуждать этот вопрос. На следующих собраниях данный вопрос обсуждался снова, ибо представители купечества были не удовлетворены несоответствием действующих норм гражданского права требованиям реального торгового оборота⁴³¹.

В то время существовали проекты различных вексельных кодексов – Силезского (1841 г.), Брауншвейгского (1843 г.), Прусского (1845 г.) и других (всего было предложено 12 таких проектов). На конференции Таможенного союза в 1846 г. с целью унификации норм вексельного обращения и объединения вексельных уставов разных немецких государств было решено принять за основу прусский проект. Правительство Пруссии в 1847 г. предложило создать в Лейпциге специальную комиссию из представителей отдельных немецких государств для выработки общенемецкого вексельного устава, в основу которого был положен дополненный проект вексельного устава Пруссии, первоначально состоявший из 300 статей, а после сокращения – из 100 статей⁴³².

24 ноября 1848 г. разработанный комиссией вексельный устав⁴³³ был принят национальным собранием Франкфурта-на-Майне, а с

⁴³⁰ Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 669.

⁴³¹ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 1. Введение. Торговые деятели. – М.: Статут, 2003. – С. 69.

⁴³² Dolinski A. Wykłady austriyaskiego prawa wekslowego. – Lwow: Nakladom tow. «Biblioteka stuch. prawa, 1912. – S. 16.

⁴³³ Текст устава см.: Общегерманский вексельный устав // Журнал гражданского и торгового права. – 1871. – Кн. 4. – С. 440–471.

1 мая 1849 г. он стал обязательным для всех немецких государств. Однако в процессе внедрения устава в отдельных немецких государствах были допущены отклонения от первоначального текста документа, вследствие чего объединение немецкого вексельного права так и не произошло.

Поэтому в 1856 г. в Нюрнберге собралась комиссия для выработки общенемецкого торгового положения. Постановлением Союзного совета немецких государств от 19 февраля 1857 г. этой комиссии было предложено высказаться по спорным вопросам вексельного права. После этого комиссией было принято восемь положений, известных как Нюрнбергские нововведения («Нюрнбергские новеллы»). Постановлением Союзного совета от 23 января 1862 г. они были доведены до сведения отдельных немецких государств. Наконец, после создания в 1867 г. Северонемецкого союза, постановлением от 5 июня 1869 г. вексельный устав, выработанный лейпцигской конференцией, был объявлен обязательным для всего Северонемецкого союза. В 1870 г. его действие было распространено на крупные герцогства Баденское и Гессенское, а в 1871 и 1872 гг. – на Баварию и Эльзас-Лотарингию. Таким образом он стал общим законом для всего Северонемецкого союза. В соответствии с законом от 5 июня 1869 г. о внедрении общенемецкого вексельного устава, местные вексельные постановления государств, входивших в состав Германии, сохраняли силу лишь как дополнения к действующему вексельному уставу⁴³⁴.

Рассмотрим основные положения Общенемецкого вексельного устава, сформированные с учетом основных потребностей торгово-коммерческой деятельности. Прежде всего в этом документе были указаны существенные признаки векселя, благодаря которым можно было определить объем применения вексельных правил. В соответствии с этим уставом векселем признавался любой долговой документ, имевший надпись «вексель». Это означало, что должник соглашался на применение к нему методов строгого взыскания долга при неуплате. равнозначными считались два вида векселя – простой (*weschel*) и переводной (*trassirter weschel, traite*) (ст. 98).

Если во французском законодательстве вексель сохранял определенную связь с простой долговой распиской и требовал указания причины, лежащей в основе выдачи векселя, то в соответствии с немецким законом вексель стал полностью абстрактным обязательством, утра-

⁴³⁴ Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одес. воен. округа, 1895. – С. 60–61.

тившим связь с основанием для его выдачи. Благодаря этому вексель был отделен от материальных отношений и не мог быть отвергнут на основании каких-либо обстоятельств коммерческих связей, возникших между участниками вексельного соглашения. Правоотношения, проистекавшие из факта выдачи векселя, были основаны лишь на тех данных, которые помещались в самом тексте векселя (ст. 4). Все другие соглашения, имевшие место по поводу выдачи векселя, не считались объектом регулирования вексельным законодательством.

Вексель стал односторонним обязательством, и ремитент (или индоссат) приобретал вместе с векселем лишь права (ст. 45), в то время как у векселедателя и акцептанта, а также индоссанта и авалиста оставались по отношению к векселедержателю лишь обязанности по векселю. Права ремитента признавались совершенно самостоятельными, и векселедержатель мог принимать лишь те возражения, которые были основаны на самом тексте векселя (ст. 82).

Основным должником переводного векселя признавался акцептант, а обязанности трассанта и индоссантов имели значение лишь как гарантия в случае невыполнения платежа со стороны акцептанта (ст. 23, 49, 81). Право передачи вексельных претензий имел векселедержатель, кроме тех случаев, когда в вексельном тексте помещался прямой запрет этого (ст. 9). Как отмечал Г. Ф. Шершеневич, из-за постоянного оборота векселя и его передачи от одного лица к другому его способность к передаче (в отличие от французского вексельного права) стала обычным свойством векселя⁴³⁵. Вместе с тем допускались бланковый индоссамент (ст. 12) и индоссация опротестованных векселей (ст. 16), а также векселя, трассированные на самого векселедателя, но при наличии *distantia loci* (ст. 6.)

Круг лиц, имевших право принимать на себя вексельные обязательства, значительно расширился, поскольку изменилось само представление о векселеспособности. Если прежде ограничения векселеспособности принимались для того, чтобы уберечь от банкротства легкомысленных кредиторов, то ко времени издания Общегерманского вексельного устава стало очевидным, что они ущемляют права и вполне добросовестных кредиторов. Поэтому пассивную векселеспособность уравнивали с общегражданской правоспособностью распоряжаться собственным имуществом. С этой целью перечень возражений со стороны вексельных должников против требований кредитора был существенно сокра-

⁴³⁵ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 3. Вексельное право. Морское право. — Изд. 4-е — СПб.: Изд-во братьев Башмаковых 1909. — С. 13.

щен (ст. 82) и допускал регресс в порядке, определявшемся векселедержателем (ст. 3)⁴³⁶.

Интересы вексельного должника также нашли свое отражение в Общегерманском вексельном уставе. В частности, это касалось ограничения срока ответственности по вексельному обязательству (ст. 77–79)⁴³⁷. По окончании этого срока, если протест по векселю не был осуществлен, обязанным лицом оставался лишь акцептант или векселедатель простого векселя (ст. 83). Общегерманский вексельный устав отличался четкостью изложений и лаконичностью (100 статей).

Среди недостатков этого устава можно отметить чрезмерную формальность его положений (особенно это касалось текста векселя) (ст. 4). В случае невыполнения этих формальных требований долговое обязательство переставало считаться векселем, что угрожало интересам неопытных кредиторов. Сюда же можно отнести и запрет векселей на предъявителя, запрет векселей со сроком, зависящим от тех или иных событий, время наступления которых невозможно предусмотреть (ст. 4, 96), а также запрет векселей, трассированных на самого векселедателя без наличия *distantia loci* (ст. 6). Последний легко можно было обойти, фиктивно указав другое место выдачи векселя. Кроме того, к недостаткам устава можно причислить большие сроки вексельных требований и сложность определения вексельной давности для разных категорий должников по векселю (ст. 77–79, 98), а также освобождение индоссантов от гражданской ответственности в случаях, когда миновал срок вексельной давности (ст. 83, 98)⁴³⁸.

Несмотря на перечисленные недостатки, Общегерманский вексельный устав был, бесспорно, новым шагом в истории вексельного законодательства. Немецкое вексельное право постепенно приобретало популярность, вытесняя традиции французского вексельного права. По образцу Общегерманского вексельного устава в 1851 г. был принят вексельный закон в Швеции, в 1858 г. – в Финляндии, а в 1860 г. – в Сербии.

В 1860 г. был принят Общегерманский торговый свод законов (*Allgemeines deutsches Handelsgezetzbuch*), состоявший из пяти книг. Предполагалось, что любое из немецких государств, в том числе Австрия, сможет использовать оба этих закона, и таким образом произойдет унификация торгового законодательства. Но при внедрении этих законов немецкие государства внесли в них свои изменения, что затормозило

⁴³⁶ Общегерманский вексельный устав // Журнал гражданского и торгового права. – 1871. – Кн. 4. – С. 441–466.

⁴³⁷ Там же, с. 465.

⁴³⁸ Там же, с. 465, 466, 470.

унификацию немецкого торгового и вексельного права. В связи с этим 22 апреля 1871 г. было принято постановление, в соответствии с которым Общегерманский торговый свод законов стал общим для всей Германии⁴³⁹.

На основе Общегерманского вексельного устава были приняты вексельные законы Бельгии (1878 г.), Дании, Норвегии, Швеции (Скандинавский устав 1880 г.) и Италии (1882 г.). Нормы этого устава регулировали вексельное обращение и в Австро-Венгерской империи. Таким образом, в 70–80-е годы XIX в. завершилось формирование немецкой системы вексельного права.

2.7. ЭВОЛЮЦИЯ ВЕКСЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ (АНТВЕРПЕН И АМСТЕРДАМ)

Кредитно-вексельные операции в Европе развивались двумя путями, продолжая две различные традиции. Первая, итальянская традиция классического векселя была связана с Женевой, Лионом, Генуей и Амстердамом. Вторая традиция была связана с векселем северного типа (обязательственные письма) и привела к соединению итальянского векселя с приемами кредитных операций, выработанных во времена Ганзейского союза в практике деятельности финансовых рынков Антверпена, а позже – Лондона.

Если XII–XIV вв. в экономической истории Европы можно назвать итальянским периодом, то XV–XVI в. – испанско-португальским. Это было обусловлено открытием Америки и ее колонизацией испанцами, а также созданием португальской колониальной империи в Индийском океане, где Португалия быстро захватила все основные торговые пути арабских и индийских купцов. Завоевание турками Греции в 1453 г. означало потерю для Италии сухопутного торгового пути на Восток, а открытие морского пути в Индию, на котором первыми оказались португальские мореплаватели, сделало традиционное посредничество Италии в торговле со странами Востока ненужным. Таким образом, значение Италии уменьшилось, а ее роль посредника в торговле с Востоком перешла к Франции и Голландии.

С присоединением Португалии к Испании в 1581 г. португальская колониальная империя распалась, и во второй половине XVI в. в регионе Индийского океана стали господствовать голландцы, захватившие колонии португальцев. Начался быстрый экономический подъем Ни-

⁴³⁹ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 1. Введение. Торговые деятели. – М.: Статут, 2003. – С. 69.

дерландов; голландские купцы все больше проникали в Средиземное море⁴⁴⁰, а по мере возрастания значения Северной Европы экономическое значение Средиземноморского региона стало снижаться. Обогащение Нидерландов в значительной степени было обусловлено колониальной торговлей, и вследствие этого возросла торгово-экономическая роль Антверпена, а потом и Амстердама.

После создания Ганзейского союза в XVI в. в Северной Европе возникла еще одна система коммерческих связей, объединившая немецкие торговые города с Фландрией, Брабантом и Англией. Как уже упоминалось, М. Нейман и О. Штоббе выдвинули теорию о том, что особая форма северного векселя использовалась немецкими купцами Ганзейского союза еще с XIII в. независимо от итальянского влияния. Позднее эта теория нашла свое подтверждение в архивах г. Ипр, где Ж. де Маресом было найдено несколько тысяч документов XIII в., имевших название *littera obligatoria* или *lettre de foire* и распространенных в странах Северной Европы, в частности во Фландрии и Англии⁴⁴¹.

Подъем финансового рынка Антверпена в XVI в. был связан с активностью ярмарок Брабанта. После упадка ярмарок Шампани венецианцы, генуэзцы, кастильцы, негоцианты из Южной Франции, а также ганзейские купцы появились в Брюгге, ставшим мировым рынком и по своему значению все больше напоминавшим Венецию. Эти два города были ведущими центрами международной торговли: Венеция – южным, а Брюгге – северным. В отличие от периодических шампанских ярмарок торговые операции в этих городах осуществлялись постоянно в течение всего года.

Еще в XV в. значительное количество купцов из Италии, Испании, Португалии, Нидерландов, Германии и Англии, стремившихся распространить свое присутствие на товарном и финансовом рынках, посещало ярмарки Антверпена и Бергена-оп-Зома. На этих ярмарках развивалась система финансовых инструментов купцов Северной Европы, включая в себя некоторые элементы итальянского про-

⁴⁴⁰ В стремлении взять в свои руки все перевозки на Средиземном море голландцы были готовы на все – они предоставляли свои корабли для опаснейших дел, а капитаны рисковали и своей жизнью, и жизнью команды. Голландцы передавали в аренду свои корабли и друзьям, и врагам, считая судоходство делом, которое имеет важное международное значение. Вследствие этого к началу XVII в. Нидерланды стали главной торговой страной мира, контролируя большинство морей (Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы: В 2 т. Т. 2. – М. – Л.: Госиздат, 1926. – С. 128–133).

⁴⁴¹ Ypres Archives. Comptes de la ville d'Ypres de 1267 a 1329. – Bruxelles: Kiessling et cie, P. Imbreghts, successeur, 1909–13. – Т. 1–2; Des Marez, G. La lettre de foire a Ypres au XIII siecle. – Bruxelles: H. Lamertin, 1901.

исхождения, но в то же время существенно отличавшаяся от итальянской. В достаточно простых методах кредитования использовались традиционные для Северной Европы обязательственные письма, которые Х. ван дер Вее называл долговыми расписками⁴⁴².

Благодаря коммерческим связям с Италией купцы Антверпена знали о существовании переводных векселей, которые (как и жирооперации) появились в Брюгге и Антверпене еще в XI в. Проникновению традиционных итальянских методов коммерческого кредита и приемов вексельных операций способствовало издание в Антверпене в XVI в. нескольких учебников по математике и бухгалтерскому учету (в частности известное пособие по арифметике ван Меллема)⁴⁴³.

Но эти кредитные инструменты не вызвали особого интереса в Северной Европе и мало использовались там. Во-первых, к началу XVI в. североевропейские купцы чаще всего сами сопровождали товары на ярмарки и старались забрать свою прибыль наличными. Во-вторых, в Северной Европе уже существовали собственные традиции использования кредитных инструментов. Поэтому в XVI в. вексель в Северной Европе оставался средством перевода денежных средств. Основным кредитным инструментом еще со времен Ганзы было традиционное обязательственное письмо – документ, согласно которому дебитор признавал долг вследствие платежа по торговой операции. Именно эти обязательственные письма – долговые расписки на предъявителя – и занимали господствующее положение на рынке Антверпена.

Еще одной причиной, сдерживавшей распространение в Северной Европе традиционных векселей итальянского типа, было отсутствие депозитных банков в этом регионе. Хотя в XI в. такие банки возникли в Брюгге, Бергене-оп-Зоме и Антверпене, вследствие многочисленных запретов их деятельности (указы герцогов Бургундии от 1433, 1467, 1480, 1488 и 1489 гг.) и хаоса на валютном рынке в конце XV в. они пришли в упадок⁴⁴⁴. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в Антверпене – новом центре международной торговли – по сравнению со Средиземноморским регионом почти не было стабильных коммерческих компаний, а кредиторы гораздо больше рисковали из-за невозможности подать иск должнику после акцептования безналичного платежа.

⁴⁴² Wee, H. van der. Anvers et les innovations de la technique financière aux XVI et XVII siècle // *Annales. Economies, Sociétés, Civilisations*. – 1967. – Vol. 22 – P. 1071.

⁴⁴³ Melis F. Aspetti della vita economica medievale (Studi nell' archivio Datini di Prato). – Siena, 1962. – P. 339–454.

⁴⁴⁴ Roover, R. de. Money, banking and Credit in Medieval Bruges. – Cambridge (Mass.), 1948. – P. 229–241.

В начале XVI в. в Антверпене началось быстрое развитие международной торговли. Экономическое значение города возрастало, и скоро именно в Антверпене (а не в Брюгге) возникла первая международная биржа. В Антверпен приезжали купцы со всего мира – это был «целый мир в миниатюре», «беспрерывная ярмарка, поглотившая купцов других городов и их торговлю»⁴⁴⁵. Финансовый расцвет города был обусловлен активной торговлей перцем и английским сукном, которые перепродавалось потом в другие страны Северной Европы.

С распространением торговли возросла и потребность в кредитах. Сначала для ускорения оборота денег использовалась практика предоставления отсрочек в платежах на основе использования обычных для Антверпена долговых расписок и текущих счетов. Такая отсрочка увеличивала возможности ресконтро, когда должник еще до наступления срока платежа сам становился кредитором своего кредитора. В XVI в. практика ресконтро была широко распространена и пользовалась поддержкой местных властей. Кроме того, существовала возможность передачи долговых расписок на предъявителя от одного лица другому, и оборот этих расписок был также связан с практикой ресконтро.

Пометка «к уплате предъявителю» или «на предъявителя» все чаще появлялась в обязательственных письмах XV в., бывших в обороте на ярмарках Северной Европы. Это предусматривало, что дебитор обязывался погасить долг не только перед кредитором, но и перед любым другим лицом, имевшим это письмо. Передача таких обязательственных писем стала распространенной практикой, хотя необходимо заметить, что на нидерландских ярмарках XV в. оборот этих писем на предъявителя был ограничен лишь небольшим кругом купцов Северной Европы – их репутация была известна и они хорошо знали друг друга.

Уплата долга не обязательно осуществлялась наличными – часто она происходила путем передачи обязательственного письма третьему лицу. Купец, не имевший достаточного количества наличных, мог произвести платеж путем передачи такого письма (при условии, что он имел письма, подлежащие оплате). Это давало возможность сократить использование наличных, что было особенно важно при дефиците металлических денег. К тому же, обязательственное письмо на предъявителя еще не имело юридической силы и не было основани-

⁴⁴⁵ На антверпенской бирже осуществлялись крупные операции с государственными фондами, поскольку нидерландское правительство, английские короли и Испания брали займы и осуществляли платежи именно через эту биржу (Кулишер И. М. История экономического быта западной Европы: В 2 т. Т. 2. – М. – Л.: Госиздат, 1926. – С. 149).

ем для судебного иска в случае неуплаты долга. Для придания такому письму юридической силы необходимо было удостоверить его в магистрате или у нотариуса, что не способствовало распространению передачи обязательственных писем. Поэтому возникла потребность в правовой защите предъявителя. Согласно обычаю для подачи судебного иска в случае неуплаты необходимо было наличие доверенности первого кредитора. По этой причине большинство операций перевода долговых расписок сопровождалось фиктивной процедурой заключения официального акта передачи.

В 1507 г. группа авторитетных коммерсантов Антверпена приняла коллективное решение (поданное представителю судебной власти города), согласно которому держатель долговой расписки имел право подавать иск лицу, осуществившему перевод денег, и был обязан иметь доверенность от первого кредитора. В начале XVI в. магистраты Антверпена приравнивали процедуру передачи долговой расписки к простому займу, что позволило применять правовые меры в отношении должника. Так неформальные передачи обязательства – цессии (итал. *cessio*) – стали формальными, а новый собственник обязательственного письма уже не имел дела с начальным кредитором – продавцом документа⁴⁴⁶.

Позднее этот способ заимствовали коммерсанты Брюгге и Утрехта, а императорским указом от 7 марта 1537 г. он был распространен и на другие города⁴⁴⁷. Еще одним важным шагом стала финансовая защита предъявителя. Ее суть состояла в том, что официальный акт передачи документа имел юридическую силу реального платежа и полностью освобождал кредитора (цедента) от долга перед его собственным кредитором. К тому же, торговый суд Антверпена, признав законность иска предъявителя долговой расписки к лицу, осуществившему перевод, уравнивал эти два этапа передачи документа. Однако обеспечение правовой защиты предъявителя привело к потере им большинства финансовых гарантий, поскольку кредитор-цедент фактически освобождался от его долга. Поэтому в акт передачи было введено положение, согласно которому кредитор-цедент должен погасить долг в случае неуплаты по долговой расписке самим должником⁴⁴⁸.

⁴⁴⁶ Кравець В. М., Кравець О. В. Західноєвропейський банківський бізнес: становлення і сучасність. – К.: Знання-прес, 2003. – С. 171.

⁴⁴⁷ Roover, R. de. L'Evolution de la lettre de change. – P.: Librairie Armand Colin, 1953. – P. 95–96.

⁴⁴⁸ Wee, H. van der. Anvers et les innovations de la technique financiere aux XVI et XVII siecle // Annales. Economies, Societes, Civilisations. – 1967. – Vol. 22 – P. 1073, Прим. 4, 5.

В XVI в. эта проблема решалась в Антверпене с использованием принципа платежного поручения, хорошо известного к тому времени в Голландии. Кредитор (1) требовал от должника (2) заплатить третьему лицу (3), которое само было кредитором кредитора (1). Такое распоряжение юридически не считалось фактом платежа и кредитор (1) освобождался от своего долга лишь после того, как кредитор (3) получал от должника (2) необходимую сумму⁴⁴⁹.

Активизация торговли в первые десятилетия XVI в. была связана с возрастанием оборота долговых расписок, широко используемых в Антверпене для осуществления платежей. Большинство переводов осуществлялось в форме платежных поручений. Эта практика приобрела такое распространение, что в 1537 г. рассматривался вопрос о законодательном утверждении этой формы осуществления платежей, а 31 октября 1541 г. был издан указ императора, в котором, в частности, отмечалось: *«Приказываем, что те, кто акцентует вексель, должны заплатить указанную в нем сумму... таким образом, чтобы по векселям и другим договорным обязательствам между коммерсантами можно было предъявлять к уплате другие обязательственные документы в форме платежных поручений, которые кредитор может на свое усмотрение принимать или не принимать; после принятия платежного поручения кредитор будет оставаться должником до тех пор, пока коммерсант не получит реальной оплаты»*⁴⁵⁰.

Использование платежных поручений стимулировалось в Антверпене на законодательном уровне, и в конце XVI – начале XVII вв. настолько распространилось, что «Сборник обычаев города Антверпена» (1608 г.) был дополнен специальной статьей, в которой отмечалось, что если платежи осуществляются с помощью оборота коммерческих документов, передаваемых из рук в руки (платежные поручения), и если в этой операции принимают участие четыре, пять и больше лиц, то все последующие должники, передавшие свой долг (как кредиторы-цеденты) имеют право требования как кредиторы, связанные обязательством с первым должником⁴⁵¹.

Принцип гарантий по платежному поручению стал основанием для распространения способности долговых обязательств к обороту,

⁴⁴⁹ Roover, R. de. The Rise and Decline of the Medici Bank, 1397–1494. – Cambridge (Mass.), 1963. – P. 19.

⁴⁵⁰ Wee, H. van der. Anvers et les innovations de la technique financière aux XVI et XVII siècle // Annales. Economies, Sociétés, Civilisations. – 1967. – Vol. 22 – P. 1076.

⁴⁵¹ Longe, G. de. Coutumes du Pays et Duché of Brabant. Quartier s'Anvers. T. IV. Coutumes de la ville d'Anvers. – Bruxelles, 1874. – P. 380.

поскольку предоставлял новому собственнику документа более широкие права на предъявление иска, чем прежнему собственнику. Однако оставалось много непроясненных вопросов, в частности относительно доказательств оплаты с помощью платежного поручения. В записях реестров XVI в. мы видим четкое различие между передачей долговой расписки как конечного платежа и ее передачей в форме платежного поручения. В первом случае кредитор (1) полностью освобождался от своего долга собственному кредитору (2), а во втором – нет.

Возрастание интенсивности оборота долговых документов во второй трети XVI в. увеличило анонимность финансовых операций, и при отсутствии официальных записей часто трудно было определить кредитора (выдавшего платежное поручение), начиная уже со второго платежного поручения. Четко был известен лишь первый кредитор, имя которого указывалось в документе. Этим объясняется возникновение обычая дополнять платежное поручение формальными доказательствами – записями в бухгалтерских книгах или журналах, которые предъявлялись во время решения спорных вопросов в суде⁴⁵².

Оставался лишь один шаг от такого засвидетельствования платежного распоряжения до написания распоряжения на самой долговой расписке, но в Антверпене XVI в. он так и не был сделан, несмотря на то, что обычай ставить подпись в нижней части долговой расписки уже был распространен, но с добавлением слов *als principal* (или *als borge*), что по смыслу соответствовало поручительству. Обычно кредиторы-цеденты использовали такую практику при передаче долговых обязательств⁴⁵³.

Поскольку в последнюю треть XVI в. в Европе все чаще использовался вексель, дальнейшие усилия по усовершенствованию кредитно-финансовых операций в Антверпене были направлены на оборот векселей⁴⁵⁴. О сближении этих двух способов платежа упоминал в 1537 г. судья Антверпена в письме императору, отмечая, что акцептованный вексель имел юридическую силу правильно оформленной долговой

⁴⁵² Wee H. van der. The Growth of the Antwerp Market and the European Economy (XV–XVI centuries). – La Haye, 1964. Vol. 2. – P. 321–323; 347–348.

⁴⁵³ Кроме того, в Антверпене XVI в. была распространена практика пометок на обратной стороне долговой расписки о частичном осуществлении платежей, что приближало передачу этих долговых документов к индоссаменту (Wee, H. van der. Anvers et les innovations de la technique financière aux XVI et XVII siècle // Annales. Economies, Sociétés, Civilisations. – 1967. – V. 22 – P. 1079, прим. 6).

⁴⁵⁴ В XVI в. традиционные векселя распространяются в Нидерландах. По примеру долговых расписок Антверпена в них стали добавлять надпись «или предъявителю этого векселя», после чего векселя легко переходили из рук в руки.

расписки. В императорском указе 1541 г. долговая расписка и вексель не различались. Однако анализ судебных дел второй трети XVI в. свидетельствует о том, что в то время торговцы в Антверпене делали платежные распоряжения преимущественно на долговых расписках и очень редко на векселях, очевидно, из-за недостаточного использования последних купцами Северной Европы.

Ситуация изменилась в последнюю треть XVI в., когда вексель стал основным кредитным инструментом, а значение обязательственных писем снизилось. Этому способствовало проникновение торговцев из Северной Европы в Средиземное море, а также активизация финансовых операций в Генуе и на ярмарках Пьяченцы⁴⁵⁵.

В Антверпене оборот кредитных документов приобрел такой масштаб, что гарантии при передаче векселя значительно повысились. В частности, одной из статей «Сборника обычаев Антверпена» для обеспечения максимальной финансовой безопасности при таком переводе была утверждена система *avallo*, когда все кредиторы, последовательно использовавшие платежные распоряжения, указывались в векселе и оставались связанными с конечным должником⁴⁵⁶.

Однако недостатком этой системы была необходимость заранее знать всех кредиторов, осуществлявших платежные распоряжения. Возрастание объемов финансово-кредитных операций усложнило эту процедуру, и выходом из положения стало внедрение практики индоссамента на антверпенской бирже. Но, несмотря на то, что индоссамент векселей на то время был хорошо известен, он не приобрел распространения, и первые индоссированные векселя все еще напоминали традиционные для Северной Европы платежные распоряжения:

«Получено мной, нижеподписавшимся Робертом Рагом, которому я дал поручение получить... (сумма).

20 апреля 1611 г.
Подпись – В. Селби»⁴⁵⁷.

Техника индоссирования развивалась в Антверпене как система платежных распоряжений, обычных для XVI в. и постепенно получила правовую поддержку. К тому же, с начала XVII в. активизировалась торговля переводными векселями, срок уплаты которых настал.

⁴⁵⁵ Wee, H. van der. Anvers et les innovations de la technique financière aux XVI et XVII siècle // Annales. Economies, Societes, Civilisations. – 1967. – Vol. 22 – P. 1083.

⁴⁵⁶ Longe, G. de. Coutumes du Pays et Duché of Brabant. Quartier s'Anvers. T. IV. Coutumes de la ville d'Anvers. – Bruxelles, 1874. – P. 40–41, 70–75.

⁴⁵⁷ Wee, H. van der. Anvers et les innovations de la technique financière aux XVI et XVII siècle // Annales. Economies, Societes, Civilisations. – 1967. – Vol. 22 – P. 1085

Практика использования долговых документов на предъявителя способствовала появлению достаточного количества злоупотреблений, но изменение формулировки «*уплатить такому-то лицу или индоссату*» на формулировку «*уплатить такому-то лицу или по его приказу*» снизила этот риск, поскольку на обратной стороне документа отмечалось имя индоссата и подпись купца, передавшего вексель в первый раз, а также имя индоссата и подписи купцов, передававших вексель во второй, третий и последующие разы. Таким образом в Антверпене распространилась практика индоссамента, а законодательство (в отличие от итальянского) способствовало этому. Кроме того, важной новацией, введенной на финансовом рынке Антверпена, стал дисконт векселей (этот вопрос будет рассмотрен в отдельной главе). Основная особенность финансового рынка Антверпена состояла в том, что на нем получили свое дальнейшее развитие традиционные для Северной Европы обязательственные письма – векселя северного типа.

Однако Восьмидесятилетняя война и завоевание в 1585 г. Антверпена герцогом Пармским Александром Фарнезе снизило его экономическое значение. Некоторое оживление торговой активности наблюдалось с 1609 г., во время двенадцатилетнего перемирия, но с продолжением войны Антверпен пришел в полный упадок. В начале XVII в. торговая активность перемещается в Амстердам, куда эмигрировало большинство купцов из Антверпена.

Эти обстоятельства, а также кризисные явления на валютном рынке конца XVI ст. стали причиной того, что традиция использования обязательственных писем не была продолжена в Амстердаме. Возможно, известные в Антверпене приемы казались необычными и не вызывали доверия. А может быть, обращение в Амстердаме к итальянской традиции (как более надежной и проверенной в течение нескольких веков) было обусловлено войной и беспорядком на валютном рынке. Необходимо учесть также и такие обстоятельства, как финансовое влияние Генуи и ярмарок Пьяченцы.

Долговые расписки на предъявителя – этот традиционный инструмент коммерческого кредита купцов Северной Европы – еще использовались в XVII в., особенно в тех случаях, когда начальный кредитор был государственным учреждением или лицом, вызывавшим полное доверие. Подобные документы были в обороте и в Англии XVII в. Это были так называемые *goldsmith notes, exchequer bills* и прочие письменные долговые обязательства⁴⁵⁸. Именно в Англии – изолированной островной стране

⁴⁵⁸ Wee, H. van der. Anvers et les innovations de la technique financière aux XVI et XVII siècle // Annales. Economies, Societes, Civilisations. – 1967. – Vol. 22 – P. 1081.

– эта североевропейская традиция и нашла свое развитие в отличие от Антверпена, финансовый рынок которого утратил значение не по экономическим, а по политическим причинам.

Иная тенденция становления методов кредитных операций, развивавшаяся параллельно с североевропейским финансовым рынком, была связана с югом Европы, где в XVI в. вновь активизировалась торговля на ярмарках Женевы, Лиона, Кастилии и Генуи⁴⁵⁹. Несмотря на то, что эти ярмарки продолжали контролироваться торговцами-банкирами, их расцвет и валютные вексельные операции были тесно связаны с европейской торговлей, что способствовало появлению нового поколения негоциантов из Южной Германии, Португалии и Испании.

В торговых операциях основную роль играли векселя, но вексельный кредит, бывший в то время достаточно сложным, требовал дополнительных затрат. Поэтому еще в XV в. появились ретратта, выставявшаяся независимо от первоначального векселя⁴⁶⁰, внутренний вексель, а также векселя, предназначенные для осуществления операций между ярмарками. Хотя эти документы сохраняли форму векселя, они были, по сути, скрытыми формами процентного займа. Способствовало поиску новых форм вексельных операций и подорожание вексельного кредита. Оставаясь инструментом кредита, вексель все больше использовался для международных расчетов, и именно в этой сфере развивались наиболее передовые формы вексельных операций.

Опыт итальянских банков, в частности ведение всех счетов в одной условной валюте, был заимствован ярмарками Женевы, где также использовалась универсальная единица для осуществления расчетов – савойский золотой экио. Следующий шаг был сделан в XVI в., когда реальные денежные единицы были полностью заменены условной расчетной единицей, символизирувавшей фиксированное количество золота, – так называемой лионской маркой и *scudi di marchio* на ярмарках Пьяченцы и Генуи⁴⁶¹.

На ярмарках Лиона и Генуи объединения торговцев устанавливали официальный курс обмена, после чего начинались расчеты пу-

⁴⁵⁹ Bergier J. F. Geneve et l'Economie Europeenne de la Renaissance. – P., 1963. – P. 262–270; Lapeyre H. Une Famille de Merchands: les Ruiz. – P., 1955. – P. 283–310.

⁴⁶⁰ Heers, J. Le livres de comptes de Giovanni Piccamiglio, homme d'arraires genoais (1456–1459). – P., 1959. – P. 34–35.

⁴⁶¹ Werveke, H. van. Monnaie de compte et monnaie réelle // Revue Belge de Philologie et d'Histoire. – 1933. XIII. №.1–2. – P. 123–152.

тем взаимных переводов между сторонами. Поскольку на юге Европы уже были распространены депозиты и текущие счета, в XV и XVI вв. перевод денежных средств со счета на счет (итал. *giro di partita*) стал достаточно распространенной практикой.

Завершением этой тенденции стала организация Амстердамского банка, игравшего ведущую роль в кредитных операциях XVII в. К тому времени антверпенская биржа уже не функционировала, и дальнейшее развитие инноваций в финансово-кредитной сфере Нидерландов было связано с Амстердамом. Если подъем Антверпена был обусловлен португальской торговлей с Индией, то Амстердам стал международным финансовым центром, где была сосредоточена вся голландская торговля, а также новый для Европы вид деятельности – спекуляция акциями первых голландских торговых компаний, в частности Ост-Индской⁴⁶².

В первой половине XVII в. в международных финансовых операциях наблюдались два процесса: с одной стороны, в 1600–1660 гг. произошел быстрый расцвет (а потом такой же быстрый спад) деятельности банкиров Генуи; с другой – их основные конкуренты, португальские финансисты, стремились ликвидировать монополию генуэзских банкиров на международном валютном рынке. В период расцвета амстердамской биржи (приобретшей значение ведущего финансового рынка Европы) важную роль там играли португальские банкиры еврейского происхождения – марраны, наиболее богатые из которых впоследствии перебрались в Амстердам⁴⁶³, что также способствовало росту экономического значения этого города.

Кроме того, Восемидесятилетняя война (1588–1648 гг.) привела к значительному ухудшению качества находившихся в обороте монет, поэтому негоцианты по возможности избегали наличных средств, используя вместо них жиротрансферы и обязательственные письма. Местные власти считали, что оборот некачественных денег – следствие деятельности менял, и постановлением 21 января 1609 г. запретили его, создав взамен Обменный банк Амстердама (*Amsterdamse Wisselbank*). Все платежи, объем которых превышал 600 флоринов, должны были производиться лишь через Обменный банк. Теперь безналичные платежи могли безопасно осуществляться по всей Европе (как раньше на

⁴⁶² Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы: В 2 т. Т. 2. – М. – Л.: Госиздат, 1926. – С. 149–150.

⁴⁶³ Castillo A. Les Baquiers Portugals et le circuit d'Amsterdam // Annales. – 1964. – Т. 19. №2. – Р. 311–313.

ярмарках осуществлялись операции взаимозачетов долгов)⁴⁶⁴. Повышение объемов международных операций способствовало распространению практики осуществления платежей через индоссированные переводные векселя в Обменном банке Амстердама, что сделало Амстердам важнейшим центром денежных операций XVII в.

Городские советники Амстердама 10 мая 1606 г. отмечали в журнале решений, что на создании в городе банка по образцу банков Севильи и Венеции неоднократно настаивали наиболее влиятельные местные купцы⁴⁶⁵. Возможно, на принятие этого решения повлияла и речь венецианского сенатора Томаззо Контарини (1585 г.), осудившего антверпенскую систему и поддерживавшего идею создания в Венеции государственного расчетного банка⁴⁶⁶.

Новая форма краткосрочного международного вексельного кредита, внедренная частными банкирами Амстердама, осуществлялась по такой схеме: банкиры заявляли о своей готовности принять предложение, а потом купить либо продать все векселя, выставленные их клиентам, поручая это купцам, которые стремились ускорить платежи для осуществления закупки товара. Клиенты частных банкиров предоставляли гарантии, что векселя будут оплачены в срок.

Привлекательность вексельного кредита обуславливалась тем, что вексельные операции были сравнительно простыми, а банкиров хорошо знали на амстердамском финансовом рынке. Клиенты банкиров не только легко могли получить вексельный кредит (а в случае необходимости и наличные деньги), но и выставить вексель к уплате своему банкиру, а после акцепта реализовать его.

Так в Амстердаме возник новый тип финансиста международного масштаба, отличавшийся от негоцианта итальянского типа и приобретший особое распространение не только на амстердамской бирже, но и в Женеве и Генуе. Именно амстердамские финансисты продолжительное время влияли на экономическую и политическую жизнь всей Европы, и в течение целого столетия Обменный банк Амстердама был источником усовершенствования методов осуществления финансовых операций⁴⁶⁷.

⁴⁶⁴ Wee, H. van der. Anvers et les innovations de la technique financiere aux XVI et XVII siecle // Annales. Economies, Societes, Civilisations. – 1967. – Vol. 22. – P. 1069.

⁴⁶⁵ Dillen, J. G. van. The Bank of Amsterdam // History of the Principal Public Banks. – La Haye, 1934. – P. 79.

⁴⁶⁶ Luzzato G. Les Banques Publiques de Venise // History of the Principal Public Banks collected by J. G. van Dillen. – La Haye, 1934. – P. 39–78.

⁴⁶⁷ Процесс внедрения инноваций был непрерывным, благодаря чему в Европе за короткий промежуток времени появилось большое количество коммерческих соглашений, независимо

**2.8. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ДИСКОНТИРОВАНИЯ ВЕКСЕЛЕЙ**

По сравнению с проблемами развития других вексельных операций вопросу о происхождении дисконтирования (учета) векселей было уделено недостаточно внимания, несмотря на то, что методы дисконтирования векселей имеют прямое отношение к общей эволюции коммерческого кредита. С помощью операции дисконтирования торговля и промышленность используют преимущества (связанные со способностью к обороту), отличающие вексель от других долговых документов.

Понятие «дисконтирование» (от итал. *sconto*) появилось в конце XIII в. в Италии (по мнению Дж. Клэпхема, даже в XII в.⁴⁶⁸), однако тогда оно еще не приобрело того значения, в котором употребляется сегодня и не использовалось для вексельных операций. Первые упоминания о скидках, предоставлявшихся при досрочной уплате денег в торговых операциях, действительно датируются концом XIII в. Они содержатся в бухгалтерских книгах компании Толомеи из Сиены. Распространение этой практики относится к началу XIV в., о чем свидетельствуют записи в бухгалтерских книгах компании Франческо дель Бене, а также семьи Медичи.

Данные скидки воспринимались как поощрение или вознаграждение, предоставлявшееся продавцом товара дебитору с целью ускорения уплаты при отсрочке платежа. Однако ни в первых работах по счетоводству, написанных в XVI–XVII вв., ни в бухгалтерских книгах средневековых банкиров понятие «дисконтирование» не употреблялось по отношению к торговле векселями.

Возможность предоставить покупателю скидку при условии, что он осуществит досрочную оплату товара, стала причиной дискуссии между докторами канонического права. Свидетельством этой дискуссии является опубликованная в 1585 г. книга доминиканца Томаззо Буонинсенти «Трактат о банковских продажах», посвященная дисконтированию. Содержание понятия «дисконтирование» трактовалось до-

от бурных политических событий. Платежи осуществлялись на основе распоряжений через Обменный банк, где путем взаимных компенсаций происходили безналичные международные расчеты. В связи с тем, что наличными оплачивалась лишь незначительная часть пассивных балансов, денежное обращение значительно ускорилось, а использование платежных балансов в Европе стало более рациональным.

⁴⁶⁸ Clapham J. The bank of England. A History. Vol. 1. – Cambridge – N. Y. Macmillan Company, 1945. – P. 5.

статочно четко – скидка при досрочном платеже (*anticipato pagamento*) в торговых соглашениях⁴⁶⁹. Об использовании дисконтирования в вексельных операциях Т. Буонинсени не упоминал.

Очевидно, на распространение практики дисконтирования векселей повлияло возникновение индоссамента, когда за досрочную уплату вексельной суммы взимался определенный процент. Начало этой практики, по мнению Л. Н. Нисселовича, было положено еще на ярмарках, а индоссамент способствовал ее распространению⁴⁷⁰. Продолжительное время было распространено мнение, что первые формы дисконтирования векселей возникли в Англии в XVII в. В частности, Дж. Клэпхем отмечал, что, хотя использование дисконта в широком значении этого понятия началось достаточно давно, объединение в одних руках операций покупки векселя со скидкой, переписывания долгов с одного счета на другой, а также операций с банковскими чеками, которыми можно было расплачиваться с кем угодно, возникло в Англии лишь между 1630 и 1670 гг.⁴⁷¹

Однако Х. ван дер Вее в своих исследованиях показал, что дисконтирование векселей начало использоваться на денежных рынках Антверпена, где происходило не только усовершенствование техники индоссамента, но и становление методов дисконтирования. Так, в бухгалтерских книгах английского торговца тканями Китсона зафиксирован случай, когда в 1536 г. на одной из ярмарок в Антверпене его агенту потребовались наличные, для чего он продал третьему лицу долговую расписку на предъявителя (срок уплаты долга по которой еще не настал) за сумму ниже номинальной стоимости. Эту операцию вполне можно считать одним из первых фактов дисконтирования. Но счета с антверпенских ярмарок свидетельствуют о том, что дисконтирование в то время все же использовалось довольно редко, а агент Китсона сохранял все другие долговые расписки и векселя до наступления срока их уплаты⁴⁷².

Поскольку кредитор хотел, чтобы дебитор погасил долг как можно быстрее, он предлагал ему скидку. В том случае, если дебитор не соглашался на это, долговое обязательство (в том числе и в форме век-

⁴⁶⁹ *Buoninsegni T. Trattato delli sconti e del legliar, che tra mercanti si costumano. – Florence, 1585. – P. 5.*

⁴⁷⁰ *Нисселович Л. Н. О векселях и их обращении // Счетоводство. – 1890. – №11–12. – С. 130.*

⁴⁷¹ *Clapham J. The bank of England. A History. Vol. 1. – Cambridge – N. Y.: Macmillan Company, 1945. – P. 5.*

⁴⁷² *Wee, H. van der. Sporen van Disconto te Antwerpen tijdens de XVI eeuw // Bijdragen voor de Geschiedenis der Nederlanden. – 1955. – T. X. – S. 68–70.*

селя) могло быть продано со скидкой третьему лицу. Хотя в 30-е годы XVI в. такой прием использовался в Антверпене не часто, в следующие десятилетия возрастание роли антверпенского денежного рынка обусловило дальнейшее развитие практики дисконтирования. Этому способствовало распространение платежных поручений, увеличение в обороте количества долговых расписок и векселей в периоды финансовых кризисов (когда возникала потребность в наличных), а также то обстоятельство, что коммерсанты увеличивали сроки платежа, а платежные распоряжения начали помещать не только на расписках и векселях, срок уплаты которых настал, но и на тех, срок уплаты которых еще не настал.

После учреждения в 1531 г. специальной биржи важное значение приобретает особая группа финансистов, предметом торговли которых стали деньги. Это были так называемые кассиры, принимавшие деньги при осуществлении платежей на бирже, а потом осуществлявшие платежи от имени третьих лиц, отсутствовавших на данный момент в городе. Если платежи осуществлялись ликвидными средствами, кассиры выполняли функцию менял, а если посредством торговых ценных бумаг, они становились брокерами. При увеличении количества клиентов кассиры вводили систему клиринга, позволявшую им осуществлять жирорасчеты между клиентами.

В последнюю четверть XVI в. в Антверпене торговля деньгами значительно активизировалась – прежде всего с целью депонирования средств в период между ярмарками. В кризисные периоды на валютном рынке кассиры скупали за наличный расчет со скидкой платежные распоряжения, долговые расписки и векселя⁴⁷³. Если возникал дефицит наличных, они скупали долгосрочные долговые обязательства и краткосрочные переводные векселя на предъявителя, срок платежа по которым настал, но платеж был отсрочен. Однако такую практику вряд ли можно рассматривать как дисконт векселей в современном понимании, поскольку финансисты приходили на биржу только в дни платежей, скупая векселя и долговые обязательства, срок уплаты которых настал, а вычитание определенного процента было вознаграждением за уплату наличными.

Истоками дисконтирования можно считать ситуации, когда при недостатке наличных средств кассиры целеустремленно и систематически скупали со скидкой ценные бумаги до наступления срока плате-

⁴⁷³ *Brule W. Antwerpens Bloetijd // Bijdragen voor de Geschiedenis der Nederlanden. – 1964. – T. XIX. № 2. – S. 160.*

жа по ним. О его распространении свидетельствуют примеры дисконта долговых расписок, приведенные в учебниках Менхера «Практическое пособие по расчетам и ведению бухгалтерских книг», изданном в Антверпене около 1560 г., и Меллемы «Арифметика», опубликованном в 1582 г.⁴⁷⁴.

В документе городского совета Антверпена от 19 марта 1560 г. содержатся сведения о том, что переводные векселя, выставленные на ярмарках Лиона и Безансона к уплате на ярмарке в Антверпене, активно скупались финансистами-кассирами по цене ниже номинала, хотя начало платежей на ярмарке в Антверпене было назначено лишь на май месяц. Очевидно, этот случай можно считать примером дисконта в современном его понимании⁴⁷⁵. Существуют и другие примеры распространения дисконта. Так, в 1563–1564 гг. Дениэл де Брейн регулярно скупал долговые расписки третьих лиц, подлежащие уплате через шесть или даже двенадцать месяцев. Архивы фирмы «Делла Файе» свидетельствуют, что в конце XVI в. дисконт долговых расписок был уже достаточно известным явлением, в частности в Гамбурге, поддерживавшем активные коммерческие контакты с Антверпеном.

Тот факт, что дисконтирование долговых расписок употреблялось чаще, чем дисконтирование векселей, может быть объяснен тем, что долговые расписки были связаны со среднесрочными и долгосрочными кредитами в отличие от векселей, использовавшихся только для краткосрочных кредитов и поэтому менее предпочтительных при дисконтировании.

Несмотря на это, уже в 1576 г. банкиры Фуггеры из Аусбурга, поддерживавшие активные связи с Антверпеном, ввели в свои учетные книги платежи по векселям, срок уплаты которых еще не настал, с вычетом определенного процента, взимавшегося за досрочную уплату. А указы городских властей Антверпена за 1600 г. свидетельствуют о том, что на антверпенской бирже широко практиковалась покупка векселей за наличный расчет. Это позволяет предположить, что именно здесь было положено начало использования целенаправленной практики дисконтирования векселей.

Трудно сказать, происходило ли в Англии становление практики дисконтирования векселей (английские методы считаются прямым

⁴⁷⁴ Wee, H. van der. Sporen van Disconto te Antwerpen tijdens de XVI eeuw // Bijdragen voor de Geschiedenis der Nederlanden. – 1955. – Т. X. – S. 68–70.

⁴⁷⁵ Кравець В. М., Кравець О. В. Західноєвропейський банківський бізнес: становлення і сучасність. – К.: Знання-прес, 2003. – С. 177.

⁴⁷⁶ Wee, H. van der. Anvers et les innovations de la technique financière aux XVI et XVII siècle // Annales. Economies, Societes, Civilisations. – 1967. – V. 22. – P. 1088.

предшественником современной системы банковского дисконта векселей) под влиянием антверпенской биржи или самостоятельным путем. Х. ван дер Вее считает, что это происходило благодаря тесным контактам английской компании *Merchant Adventures* (а также английского правительства) с антверпенской биржей, по крайней мере, до перенесения английского представительства из Антверпена в Миддлбург⁴⁷⁶. Известно, что дисконтирование векселей осуществлял Английский банк (4,5% для английских векселей и 6% для иностранных), а также частные английские банкиры, у которых дисконтный процент достигал 10, 15 и даже 20%⁴⁷⁷.

«Универсальный торговый словарь» (первое издание вышло в 1751 г.) свидетельствует о том, что дисконтирование векселей уже было хорошо известно банкирам Сити⁴⁷⁸. Еще с начала XVII в. торговцы золотыми и серебряными изделиями в Лондоне распространили свои операции на торговлю драгоценными металлами в целом, влияя таким образом на деятельность Английского банка и введя практику дисконтирования внутренних векселей и чеков (*inland bill*). Разрешение, данное английскими законами на предоставление займов под проценты, стимулировало распространение практики дисконтирования векселей, поскольку все препятствия для этого были устранены⁴⁷⁹, и в деятельности Английского банка дисконтирование векселей стало одним из важных источников прибыли.

Преимущества английской системы дисконтирования векселей подтолкнуло французское правительство на создание во Франции национального эмиссионного банка, подобного английскому. В 1776 г. была создана Касса для дисконтирования, ликвидированная в 1793 г. во время Французской революции. Её деятельность предусматривала дисконтирование коммерческих документов с процентом, который не должен был превышать 4%, управление депозитами на текущих счетах и эмиссию платежеспособных чеков.

По образцу Кассы для дисконтирования в 1782 г. был создан Испанский национальный банк. Принципы деятельности английской банковской системы постепенно распространяются в континенталь-

⁴⁷⁷ Кулишер И. М. История экономического быта западной Европы: В 2 т. Т. 2. – Изд. 7-е. – М. – Л.: Госиздат, 1926. – С. 237.

⁴⁷⁸ *Postlethwayt M. The Universal dictionary of trade and Commerce.* – Т. 1. – L., 1757. – P. 647.

⁴⁷⁹ *Richards R. D. The Early History of Banking in England.* – L., 1929. – P. 47.

ной Европе и в конце XVIII в. в Швеции был создан специальный дисконтный банк. Старые депозитные банки постепенно ликвидировались, поскольку они уже не соответствовали потребностям коммерческой практики.

Несмотря на то, что в Германии в начале XVIII в. все еще осторожно относились к индоссаменту, частные дисконтеры появились и там, хотя в большинстве случаев их считали лицами, не имеющими способностей или желания заниматься честной торговлей. В конце XVIII в. в Германии возникли первые дисконтные кассы, совершавшие небольшое количество дисконтных операций, но их называли «чумой для торговли»⁴⁸⁰. Причиной такого недоверчивого отношения к дисконтированию были многочисленные злоупотребления. Известен случай, когда купец подделывал почерк других негоциантов и выдавал векселя от их имени, указывал на них фиктивные индоссаменты, а свою подпись ставил как последний индоссамент. После этого он предъявлял вексель к дисконтированию и дисконтер, увидев на векселе известные имена и подписи, с готовностью принимал этот фиктивный вексель. Кроме того, появились так называемые *Kellerweschel*, якобы трассированные на Гамбург из других городов (имена трассанта и ремитента в них были вымышлены). Участники операции делали на векселе передаточные надписи и потом дисконтировали вексель. Встречались векселя, якобы присланные по почте в Гамбург из Бордо, с предъявлением их к уплате через четыре дня после выдачи, хотя в то время почта из Бордо в Гамбург шла значительно дольше⁴⁸¹.

Рассмотрим, как развивалось понятие «дисконтирование» в трудах французских авторов XVII в. Так, в книге Этьена Даморо «Трактат о банковских продажах», изданной в 1727 г., сущность дисконтирования определяется как скидка, предоставляющаяся на оплату товаров, продажу чека или векселя⁴⁸². Подобным образом объясняет его и Жак Савари в своем «Универсальном торговом словаре», первое издание которого было опубликовано в 1723 г.⁴⁸³, отмечая при этом возможность применения операции дисконтирования к векселю в случае досрочной его оплаты.

⁴⁸⁰ Кулишер И. М. История экономического быта западной Европы: В 2 т. Т. 2. – Изд. 7-е. – М. – Л.: Госиздат, 1926. – С. 238.

⁴⁸¹ Там же, с. 238.

⁴⁸² Damoreau, E. Traites des negociations de banque et des monnoyes etrangeres. – P., 1727. – P. 8.

⁴⁸³ Savary, J. Dictionnaire universel du commerce et du manegement de banque. – T. 1. – P. 1712. – P. 1717.

В книге П. Жиродо-старшего, изданной в 1756 г., понятие «дисконтирование» употреблялось в значении процента, высчитываемого от номинальной стоимости чека или векселя за срок, в течение которого он еще мог быть действительным⁴⁸⁴. В значении скидки, которая предоставляется при досрочной оплате векселя, понятие «дисконтирование» употреблялось и в других словарях и энциклопедиях XVIII в.⁴⁸⁵.

В труде Иоганна Георга Бюша (1792 г.) упоминалось, что раньше коммерсанты считали дисконтирование векселей нежелательным для себя, стараясь сохранять вексель до наступления срока его платежа. Но через полвека количество коммерческих операций и их общий объем значительно возросли, что обусловило распространение дисконтирования векселей⁴⁸⁶. А Карл Гюнтер Людовичи (второе издание его книги было опубликовано в 1768 г.) отмечал, что дисконтирование означает предоставление скидки при досрочной оплате векселя⁴⁸⁷. В сущности, здесь речь идет о двух разных операциях. В первом случае дебитор получал прибыль, поскольку платил свой долг досрочно. Во втором случае кредитор продавал вексель (или чек) за сумму ниже номинальной стоимости с целью получения наличных средств. Именно эта операция и напоминает современную форму дисконтирования векселей.

Ж. Савари в своем «Словаре...» писал, что понятие «дисконт» имеет два значения – широкое и узкое. В первом случае это были любые скидки в целом, а во втором – покупка со скидкой векселя с целью получения прибыли⁴⁸⁸. Очевидно, это стало основанием для утверждения Р. де Рувера, что в странах континентальной Европы понятие «дисконт» приобрело современное значение лишь в конце XVIII в., а раннее оно означало скидку, предоставляемую кредитором в случае досрочной оплаты долгового документа⁴⁸⁹.

Однако досрочная уплата, благодаря которой банкир или вексельный маклер получал прибыль, и является дисконтом. Возникает впечатление, что Ж. Савари вкладывал в понятие «дисконт» вполне современное содержание. Что же касается точки зрения Р. де Рувера,

⁴⁸⁴ *Giraudeau P.* La banque rendue facile aus principales nations de l'Europe. – Geneve, 1756. – P. 11.

⁴⁸⁵ *Roover, R. de.* L'Evolution de la lettre de change. – P.: Libraire Armand Colin, 1953. – P. 121–122.

⁴⁸⁶ *Busch J. G.* Theoretisch-practische Darstellung der Handlung: 3 t. T. 1, b. 1. – Hamburg, 1792. – S. 78.

⁴⁸⁷ *Ludovici C. G.* Grundriss eines vollstandigen Kaufmanns-System. – Berlin, 1932. – S. 196.

⁴⁸⁸ *Savary J.* Dictionnaire universel du Code de Commerce... T. 1. – P., 1723. – P. 1932.

⁴⁸⁹ *Roover, R. de.* L'Evolution de la lettre de change. – P.: Libraire Armand Colin,

трактовавшего дисконт как процент скидки, назначавшийся заранее от номинальной стоимости ценной бумаги, то это, скорее, относится к появлению банковского дисконта.

Подчеркивая отличие двух типов дисконта – коммерческого и банковского, Р. де Рувер отмечал, что в первом случае торговец получал выгоду от возвращения части суммы, поскольку долг оплачивался раньше назначенного срока. Во втором случае кредитор продавал денежный документ за сумму ниже номинальной стоимости с целью скорейшего получения наличных. Лишь вторая из этих операций является дисконтом в современном понимании. По мнению Р. де Рувера, такой дисконт денежных документов почти не практиковался во Франции. До 1750 г. дисконтом там называлось лишь вознаграждение за досрочную уплату наличными. Распространение дисконта на континенте было связано с заимствованием опыта деятельности Английского банка и созданием уже упомянутых банковских учреждений – Дисконтной кассы (1776 г.) и Испанского национального банка (1782 г.)⁴⁹⁰.

Как отмечает К. Карриер, речь здесь идет именно о распространении банковских учреждений, и не следует смешивать создание по решению правительства малоприбыльных банков и повседневную коммерческую практику. К тому же, если П. Жиродо-старший в 1756 г. писал о распространенности практики дисконта, то она, видимо, существовала уже довольно давно⁴⁹¹.

Существует точка зрения, что распространение практики дисконта в Англии объясняется тем, что протестантизм в отличие от католицизма более толерантно относился к подобным финансовым операциям. В католических странах, в частности Франции, дисконт не использовался открыто, а его скрывали под операцией обмена⁴⁹². По этому поводу Ф. Бродель писал, что практика дисконта, возникшая в Англии около 1680 г., была решающим прогрессом. То, на что не осмеливалась католическая Европа, что не могли сделать законно и что не было открыто в Амстердаме, реализовала протестантская Англия – наследница новаторства Антверпена. Такой же точки зрения придерживался и Х. ван дер Вее⁴⁹³.

⁴⁹⁰ Roover, R. de L'Evolution de la lettre de change. – P.: Librairie Armand Colin, 1953. – P. 122.

⁴⁹¹ Carriere C. Escopmte. Escomptaiton les lettres de change au XVIII siecle? // Banque et capitalisme commercial. La lettre de change au XVIII siecle. – Provence: Institut historique de Provence, 1976. – P. 25.

⁴⁹² Roover, R. de L'Evolution de la lettre de change. – P.: Librairie Armand Colin, 1953. – P. 129, 146.

⁴⁹³ Wee, H. van der. Anvers: et les innovations de la technique financiere aux XVI et

Однако данные, которые приводит К. Карриер на основе анализа бухгалтерских документов коммерсантов из Марселя – известного французского центра международной торговли, свидетельствуют о том, что в 20-е годы XVIII в. дисконтом занимались вексельные маклеры, в функции которых входили «коммерция, страхование... римессы денежные и вексельные»⁴⁹⁴. Эти римессы векселей, срок уплаты которых еще не настал, предусматривали наличие операции дисконта.

Приведем образец одного из марсельских документов:

*«Байонна,
Байо и сыновья
28 февраля 1736 г.*

Мы согласны предоставить вам 1% комиссионных на бумаги, которые вы нам передаете для дисконта; в это входит комиссионный процент и гарантия того, что вы нам передаете, чтобы таким образом осуществить возвращение того, что вы нам предлагаете. Соответственно, мы передаем вам четыре векселя на М. Бателеми Роллана из вашего города. Мы просим вас дать согласие на дальнейший дисконт этих векселей под 5% на год или ниже... а мы осуществим возврат векселей на Мадрид (если вы это одобряете), который займет не больше двадцати или тридцати дней... или на Париж за шестьдесят или девяносто дней, или... на Лион с выгодой, пропорциональной сроку. В последнем случае вы можете иметь 2% или 1,75% и об этом нам будет проще договориться, чем на Париж.

*Во всем другом вы можете действовать
на свое усмотрение»⁴⁹⁵.*

Этот, а также следующий документ свидетельствуют о том, что операции обмена и дисконта в то время четко различали и никогда не путали:

«26 ноября 1737 года

Мы получили... возврат четырех векселей или чеков, которые мы вам передали вместе с 14 800 ливрами с четырех векселей, которые вы передаете нам на Мадрид.

⁴⁹⁴ Carriere C. Escopmte. Escomptaiton les lettres de change au XVIII siecle? // Banque et capitalisme commercial. La lettre de change au XVIII siecle. – Provence: Institut historique de Provence, 1976. – P. 22.

⁴⁹⁵ Ibid. – P. 32.

Пистолы 919,1 л. в 15 л. 4 пистоля	13969 л.
Дисконт 14800 л. на 11 месяцев 6 дней под 5% на год	690 л.
За ваши комиссионные, гарантию на вышеупомянутые бумаги, комиссионный процент и плата за почтовую пересылку 1%	139 л.
Всего	14800 л.

Соответственно, наш счет составляет сальдо из выписки, переданной вами, которую мы признаем верной. Подтверждая ваши расчеты, мы благодарим вас за точность. Дисконт в 5% является умеренным, но обмен 15 л. 4 менсес выгоден — тем более, утверждают, что он еще больше уменьшится»⁴⁹⁶.

Таким образом, в 30-е годы XVIII в. дисконт практиковался и в Байоне, и в Марселе, но его никогда не путали с обменом или переводом денег; чеки и векселя передавались и дисконтировались. Приведем еще один документ, подтверждающий этот факт:

«Тулуза, 20 августа 1745 г.

Поскольку вы хотели бы сделать мне приятное, дисконтировать половину суммы, которую я вам предложил и возратить 2000 пиастров на Мадрид, я передаю вам два векселя на 3500 л. на общую сумму 7000 л. Вы можете иметь преимущество передо мной в два дня от указанной даты. Поскольку в моем распоряжении много кораблей, которые требуют значительных затрат, то в случае продажи всей партии моего индиго (или части партии, которую необходимо продать в течение года в этой стране)... вы можете передать мне часть векселями на Париж... с условием дисконта в 0,5% в месяц»⁴⁹⁷.

В этом документе четко разграничен коммерческий и банковский дисконт. Коммерсант Малоан Белон присылает партию индиго в Марсель, где коммерсант Ру будет продавать его в течение года. Но Белону нужны деньги раньше. Если он получит прибыль от продажи по номинальной стоимости, сумма будет возрастать пропорционально времени, остающемуся до конца срока, и благодаря этому будет уменьшаться коммерческий дисконт. Марсельский коммерсант, который для этого досрочного платежа по просьбе Ру передаст векселя за минимальный срок, должен также учитывать изменения в сроках платежей. Стоимость каждого из них так же, как и индиго, изменяет-

⁴⁹⁶ Carriere C. Escopmte. Escomptaiton les lettres de change au XVIII siecle? // Banque et capitalisme commercial. La lettre de change au XVIII siecle. – Provence: Institut historique de Provence, 1976. – P. 32.

⁴⁹⁷ Ibid. – P. 32–33.

ся со временем, и, если банковский дисконт составлял 0,5% в месяц, то вексель за три месяца терял 1,5% стоимости. Итак, эти две формы дисконта (коммерческий для товаров, банковский для документов) были тесно связаны, а приведенные документы свидетельствуют о распространении практики дисконта во Франции в первой половине XVIII в. и о понимании различия между двумя формами дисконта⁴⁹⁸.

Такая практика была распространена не только во Франции, но и в Севилье, о чем свидетельствуют два следующих документа:

«Франсуа Кесер де Верден и компания

Передаем вам два первых (экземпляра) векселя на 3300 и 3400 турецких ливров, которые были переведены на Кадис 22 числа текущего месяца Касабон Бейк и компанией (они подлежат уплате в Париже через 90 дней от указанной даты) для дальнейшей передачи их на Пешеван по распоряжению братьев Кайла Сольер Вердун и компании на нас и на вас. Вам будет передано все необходимое и открыт кредит из расчета $78\frac{1}{4}$ су за пиастр реалами в монетах 13 699 $\frac{5}{8}$ »⁴⁹⁹.

Срок этого векселя составлял 90 дней, то есть до 22 марта. За два месяца до конца срока компания Ру его продала. При этом дисконт за три месяца не утрачивался (это было не в традициях компании Ру), что подтверждает следующий документ:

«23 февраля 1740 г.

Вы сообщаете нам о получении нашей римессы на 6700 л. и двух векселей, которые мы кредитовали на счет наполовину и... вы продали на 67 л. для передачи, которая принесла вам убыток в 1% (дисконт 6%). Позвольте заметить, что вы поступили весьма сурово. Уверяем вас, что, если бы мы сами оказались в такой ситуации, то сохранили бы эти векселя до срока уплаты»⁵⁰⁰.

В этом случае передача покрывает лишь операцию дисконта без учета денежного курса, а приведенные документы свидетельствуют о широком распространении такой практики.

⁴⁹⁸ Carrière C. Escopmte. Escomptaiton les lettres de change au XVIII siècle? // Banque et capitalisme commercial. La lettre de change au XVIII siècle. – Provence: Institut historique de Provence, 1976. – P. 33.

⁴⁹⁹ Ibid. – P. 35.

⁵⁰⁰ Carrière C. Escopmte. Escomptaiton les lettres de change au XVIII siècle? // Banque et capitalisme commercial. La lettre de change au XVIII siècle. – Provence: Institut historique de Provence, 1976. – P. 35.

Приведем пример еще одного документа, принадлежащего компании другого коммерсанта, Жана-Батиста Брюни. В 1703 г. Брюни был должником Франсуа Гуирена на сумму 1500 ливров. Он имел чек на эту сумму от 25 апреля этого года. Стоимость чека была 1500 л. и после вычета дисконта за три месяца (22 л.) составляла 1477 л. Брюни должен перевести на счет Франсуа Гуирена 22 л.

«1 февраля 1703 г.

Франсуа Гуирену должны 22 л. за дисконт в 1,5% на векселя суммой 1500 л., которые подлежат уплате 25 апреля. Эти векселя ему передал Кресп.

Векселя и чеки

<i>Вексель за долг Креспу предоставлен для уплаты через три месяца</i>	1600 л.
--	---------

<i>Гуирен получил через кассу под расписку вексель Креса на три месяца</i>	1576 л.
--	---------

<i>С прибылями и убытками для дисконта на три месяца на вексельную сумму 1600 л. под 1,5%</i>	24 л. (47)» ⁵⁰¹
---	----------------------------

Итак, Кресп предоставил вексель на 1600 л. на три месяца. Брюни передал его Гуирену, который получил вексель за наличный расчет, уменьшая дисконт за три месяца (дисконт составлял 24 л.). Соответственно, счет «Векселя и чеки» кредитруется в 1576 л. через кассу, давая дисконтную прибыль, не внесенную в счет «Прибыли и убытки». Название счета «Векселя и чеки» свидетельствует о том, что негоцианты в то время не различали эти документы и не скрывали коммерческий дисконт под другими операциями.

Можно отметить, что марсельские векселя 20–30-х годов XVIII в. были выписаны преимущественно на Лион и Париж. Векселя на Лион были предназначены прежде всего для уплаты производителям тканей из Лангедока, а векселя на Париж предназначались для уплаты корреспондентам из Северной Франции (97% векселей, предназначенные для Лангедока, были выданы на Лион; 94% векселей – в Сен-Мало на Париж и 74% векселей – в Париже на Париж). Как отмечает М. Блок, в этих операциях прослеживается механизм получения прибыли, присущий временам становления европейского капитализма,

⁵⁰¹ Carriere C. Escopmte. Escomptaiton les lettres de change au XVIII siecle? // Banque et capitalisme commercial. La lettre de change au XVIII siecle. – Provence: Institut historique de Provence, 1976. – P. 38.

– отсрочка платежей и накопление этих отсрочек, что способствовало обогащению негоциантов⁵⁰².

Все это обусловило расширение общего объема вексельных операций: в 1786 г. он достиг во Франции 100 млн. ливров. Объем дисконта возрос с 29 млн. в 1777 г. до 483 млн. ливров в 1788 г. как результат снижения учетной ставки⁵⁰³. Способствовало распространению дисконтных операций и увеличение количества профессиональных маклеров, которых во Франции называли агентами по обмену (*agent de banque et de change*, а позже *agent de change*). Они были преемниками французских менял – *courratier de change* и получили официальный статус в 1684 г. Указ 1705 г. определил допустимое количество этих агентов (115 человек) на всю Францию и предоставил им монополию на осуществление операций с государственными ценными бумагами⁵⁰⁴.

—

Итак, хотя понятие «дисконтирование» появилось в Италии еще в конце XIII в., начало дисконтирования векселей было положено на финансовых рынках Антверпена в 30-е годы XVI в. Распространился дисконт в конце XVI в., когда при дефиците наличных денег происходила систематическая и целенаправленная покупка со скидкой ценных бумаг, в том числе и векселей.

Дальнейшее развитие практика дисконтирования векселей получила в Англии в XVII в. Мнение о заимствовании этой практики странами континентальной Европы справедливо относительно банковского дисконта, в то время как коммерческий дисконт был распространен еще в начале XVIII в., о чем свидетельствуют документы из Франции.

С XVIII в. начинается внедрение современного банковского дисконтирования в других странах континентальной Европы. В начале XIX в. дисконтирование векселей становится одной из основных функций коммерческих банков, а трансформация векселя в коммерческий инструмент способствовала существенным изменениям, произошедшим в банковской системе.

⁵⁰² Bloch, M. Esquisse d'une histoire monétaire de l'Europe. – P.: Librairie Armand Colin, 1954. – P. 77.

⁵⁰³ Carrière C. Escompte. Escomptait-on les lettres de change au XVIII siècle? // Banque et capitalisme commercial. La lettre de change au XVIII siècle. – Provence: Institut historique de Provence, 1976. – P. 192.

⁵⁰⁴ Рынок ценных бумаг и биржевое дело / Под ред. О. И. Дегтяревой, Н. М. Коршунова, Е. Ф. Жукова. – М.: ИНИТИ-ДАНА, 2002. – С. 318–319.

2.9. РАЗВИТИЕ ВЕКСЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ В АНГЛИИ

В отличие от стран континентальной Европы вексельное право в Англии развивалось своим путем, независимым от традиций римского и канонического церковного права. Еще в V в. территория Англии была захвачена германским племенем англосаксов, создавшим британское государство и принесшим с собой основанное на обычаях право германских народов. Позже, в XI в., Англия была завоевана норманнами, которыми из Франции были позаимствованы иные нормы права. Начиная с XIII в., происходит постепенное объединение англосаксонского и норманнского права, а в дальнейшем основным источником права становятся судебные решения. Вследствие этого история английского права была тесно связана с организацией судебной практики⁵⁰⁵. Римское же право носило преимущественно частный характер и поэтому не могло использоваться английскими судами, рассматривавшими не столько частные, сколько публично-правовые дела. Местные традиции и сформировавшееся на их основе прецедентное право также не способствовали распространению римского права.

Существует традиционное мнение, согласно которому первые векселя были занесены в Англию итальянцами и распространились там в связи с запретом на вывоз наличных денег, а дальнейшее развитие кредитных и вексельных операций происходило иначе, чем в континентальной Европе⁵⁰⁶. Однако задолго до появления векселей итальянского типа в Англии широко использовались обязательственные письма (*littera obligatores*). Эти документы упоминаются еще в Уставе Актона Барнелла (1283 г.), где в последнем пункте отмечается, что долговые обязательства должны приниматься с целью содействия торговому кредиту «в соответствии с правилами, которые существовали раньше». Известно несколько тысяч долговых обязательств последней четверти XIII в., сохранившихся в «Книгах записей» Лондона⁵⁰⁷. Эти документы не были ограничены сферой одних лишь торговых соглашений, однако в процессе развития коммерции они стали использоваться преимущественно купцами. Составленные в XIII–XIV вв. в произвольной форме писем о принятии долгового обязательства, в XV в. они становятся более формализованными и лаконичными.

⁵⁰⁵ Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. – Тула: Автограф, 2001. – С. 42–43.

⁵⁰⁶ Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Типография И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 19, прим. 33.

⁵⁰⁷ Postan M. M. Private Financial Instruments in Medieval England // Dans Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. – 1930. – Т. 23. – Р. 38–39.

Долговые обязательства редко записывались в реестры, поскольку наличие такой записи превращало долговое письмо в формальное долговое обязательство. Распространению обязательственных писем и повышению их надежности способствовало и то, что в средневековой Англии все лица, владевшие собственностью, имели персональные печати, по которым легко определялась подлинность частных долговых документов. Эти документы мог выдавать любой достаточно известный купец, удостоверяя их своей подписью, иногда даже без печати и без подписей свидетелей. Рассмотрим следующий образец кредитного документа:

«Я, Джорж Сели, обещаю уплатить согласно Вашей воле Вам, или лицу, которое подадо это письмо, 6 ливров в монетах Фландрии и подтверждаю это своей собственноручной подписью и собственной кровью.

25 мая 1479 года.

Подпись»⁵⁰⁸

Такие документы, не скрепленные печатью и подписью свидетелей, часто писались должником собственноручно, в связи с чем приобрели название «векселя с собственной подписью»⁵⁰⁹. Часто эти документы передавались от одного купца к другому без тех формальностей, которые затрудняли передачу долгового обязательства. Известен случай, когда иностранный купец выписал вексель Джону Фельде за проданную шерсть. Вексель был передан сначала Луису Финчману, доверенному лицу Фельде, который потом передал его Лоренсу Парке; тот передал его Джону Петиту, а Джон Петит купил на этот вексель товары у Джекоба Флеминга. Такая передача долговых обязательств была достаточно распространенным явлением, о чем свидетельствуют записи XIV–XV вв., подобные приводимой ниже:

«15 ноября 1420 г. прибыл Бартоломео Контарини, торговец из Венеции, и представил доказательства того, что он возвратил (английскому) гражданину Стивену Фостеру, торговцу рыбой, долг в 152 фунта 10 шиллингов 6 пенсов, который ему должен был уплатить Сейр Екр и Николас Уайффорд, (английские) граждане и торговцы бакалейными товарами»⁵¹⁰.

⁵⁰⁸ Postan M. M. Private Financial Instruments in Medieval England // Dans Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. – 1930. – Т. 23. – Р. 37.

⁵⁰⁹ Нельзя не вспомнить о так называемых «своеручных письмах» XVII в., использовавшихся русскими купцами из Архангельска, торговавшими с Англией.

⁵¹⁰ Postan M. M. Private Financial Instruments in Medieval England // Dans Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. – 1930. – Т. 23. – Р. 43.

Однако, когда дела, связанные с этими документами, начали рассматриваться в судах, оказалось, что способность к передаче не предполагалась нормами гражданского права. Английские юристы дали отрицательную интерпретацию обязательственным письмам, после чего они утратили свою способность к передаче. В XVI в. обязательственные письма – этот устоявшийся в течение веков инструмент коммерческого кредита – утратили свое значение. Поскольку подготовка английских юристов осуществлялась на основе классического римского права и Кодекса Юстиниана, нет ничего странного в том, что они приносили в жертву коммерческое удобство во имя юридической ортодоксальности и обвиняли купцов в намеренном изобретении теми нечетких формулировок документов, чтобы замаскировать незаконные операции. Купцы вышли из этой ситуации, приспособив для своих целей другой документ – переводной вексель итальянского типа⁵¹¹.

В XVII в. снова вошли в обращение письменные долговые обязательства. Их можно рассматривать как прототип простого векселя и банковского чека. Получатель долга по такому документу мог передать свое право на получение денег (или их части) другому лицу, а письмо, в котором он просил о подобной передаче, по форме не отличалось от раннего банковского чека, который в то время также имел произвольную форму⁵¹².

В XVI в., когда английская торговля была тесно связана с денежным рынком Антверпена, покупка товаров часто финансировалась обязательственными письмами с пометкой «на предъявителя». При наступлении срока уплаты эти кредитные инструменты переходили из рук в руки на антверпенской бирже, а долги погашались путем взаимных компенсаций. Переводные векселя выполняли несколько иную функцию: благодаря им можно было безопасно переводить деньги из Антверпена в Лондон. Так через торговые контакты с Антверпеном в Лондон проникали финансовые инновации, а лондонская биржа на Ломбард-стрит, открытая в 1571 г., была создана по образцу биржи Антверпена⁵¹³.

Переводной вексель был известен английским купцам благодаря коммерческим связям с Италией и другими странами Европы задолго до того, как операции с использованием переводных векселей бы-

⁵¹¹ Holdsworth W. A history of English law. Vol. VIII. – L.: Methuen & Co., 1903. – P. 114, 120–122.

⁵¹² Clapham J. The bank of England. A History. Vol. 1. – Cambridge – N. Y.: Macmillan Company, 1945. – P. 5.

⁵¹³ Кравець В. М., Кравець О. В. Західноєвропейський банківський бізнес: становлення і сучасність. – К.: Знання-прес, 2003. – С. 211.

ли признаны общим правом. После изгнания в конце XIII в. евреев-ростовщиков из Англии кредитной деятельностью стали заниматься итальянцы из Ломбардии⁵¹⁴, через которых, вероятно, в Англию и попали первые переводные векселя классического итальянского типа. Впрочем, англичане часто обвиняли итальянских негоциантов в том, что те вывозили из Англии золото и ввозили лишь предметы роскоши, намеренно снижая курс английского фунта на международных ярмарках. Поэтому в 1564 г. английское правительство поручило специальной комиссии определить реальное соотношение между денежными единицами Англии и Фландрии, чтобы установить причины падения вексельного курса на ярмарках Антверпена. В отчете комиссии обоснованно доказывалось, что кредитный процент заложен в самом валютном курсе, поскольку фунт стерлингов в Лондоне всегда котируется выше, чем в Антверпене. Английская мануфактура имела большой спрос в Антверпене и Бергене-оп-Зоме, а полученную прибыль необходимо было переводить в Лондон. Поэтому спрос на векселя, подлежащие оплате на ярмарке в Антверпене, вызывал рост курса фунта стерлингов на этой ярмарке, что соответственно влияло на его курс в Лондоне⁵¹⁵.

К началу XVI в. английские купцы редко использовали переводные векселя, поскольку в большинстве случаев сами сопровождали свои товары на ярмарки. Основной предпосылкой распространения переводного векселя в Англии можно считать появление торговых компаний, имевших свои представительства в других странах⁵¹⁶. Возникновению представительств способствовала масштабная торговля, осуществлявшаяся между Англией, Антверпеном, Нидерландами, Францией и Северной Германией.

В Англии переводные векселя назывались письмами об уплате. Типичным письмом об уплате является приведенный ниже документ, свидетельствующим о том, что процесс формализации этих писем еще не завершился:

⁵¹⁴ Память о тех временах сохранилась в названии центральной части лондонского Сити – Ломбард-стрит – где размещались самые крупные банки (Яффе Э. История и современная организация английских кредитных банков // Банковская энциклопедия: В 2 т. / Под общей редакцией профессора Л. Н. Яснопольского. – Т. 1. Коммерческие банки. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1914. – С. 38).

⁵¹⁵ Roover, R. de. L'Evolution de la lettre de change. – P.: Librairie Armand Colin, 1953. – P. 58–59.

⁵¹⁶ Прежде всего это касалось торговли тканями и шерстью с Брюгге и Антверпеном (Postan M. M. Private Financial Instruments in Medieval England // Dans Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1930. – Т. 23. – P. 74).

«Джесу

Справедливый, благословенный и уважаемый хозяин. К Вашей пользе и радости я удостоверяю, что получил путем обмена у Томаса Кестевина, присяжного Ричарда Сели (торговца сукном из города Кале), 40 фунтов стерлингов, которые должны быть уплачены вышеупомянутому Ричарду Сели (или тому лицу, которое подаст это письмо) в Лондоне 24 февраля следующего года. Я прошу, чтобы 10 фунтов могли быть надежным образом уплачены в указанный день в соответствии с этим моим письмом об уплате.

Удостоверяя это, я, Джон Диконс, написал этот вексель своей собственной рукой и поставил на нем печать своего хозяина.

8 день декабря года 1472 нашего Господа».

На обороте векселя есть надпись: «Моему справедливому и благословенному хозяину, торговцу сукном из Кале Джону Воуду, в Лондоне», после которой помещен торговый знак Воуда⁵¹⁷.

Сначала переводные векселя использовались лишь иностранными купцами, торговавшими с Англией, а позже они начинают применяться и во внутренней торговле, в том числе и среди лиц, не являвшихся купцами. Такая эволюция стала возможной благодаря многочисленным судебным делам конца XVII в. Английские суды выступали против передачи обязательственных писем, разрешая лишь передачу переводных векселей. Хотя в 1699 г. индоссамент был официально признан, внедрение новых методов коммерческого кредита касалось только переводных векселей, а неоднократные предложения разрешить передачу обязательственных писем отвергались судами. На практике же векселя переходили из рук в руки, хотя и среди ограниченного круга купцов, доверявших друг другу.

Английские законы предоставляли большую свободу использованию дружеского векселя (в отличие от французских законов, которые такую практику ограничивали). Благодаря этому в Англии к концу XVII в. переводной вексель почти полностью утратил свою первоначальную функцию безопасного перевода денег, а его оборотность возросла намного больше, чем в континентальной Европе. Векселя стали простым и удобным средством коммерческого кредита, приблизившись к аналогу бумажных денег.

Это повлияло и на правовую позицию обязательственных писем – прототипа простого векселя. Во второй половине XVII в. обычаи купцов относительно передачи этих документов были включены в нормы общего права, и способность простых векселей к передаче была пол-

⁵¹⁷ Ibid. – S. 72.

ностью признана⁵¹⁸. Вследствие этого в судебных делах постепенно перестали различать простые векселя и внутренние переводные векселя (*inland bills*). В постановлении, принятом палатой лордов, указывалось, что операции с внутренними переводными векселями регулируются теми же законами, что и операции с долговыми обязательствами – простыми векселями⁵¹⁹. Это длилось до 1709 г., когда королевский судья Холт объявил, что простой вексель существенно отличается от переводного векселя и поэтому не может передаваться. Хотя простые векселя использовались, по его словам, уже более 30 лет, их применение вело к созданию нового типа кредитного документа, изобретенного ювелирами с Ломбард-стрит и неизвестного нормам общего права. На практике простые векселя, точнее их прототип, использовались английскими купцами не 30 лет, а намного дольше, но в последние десятилетия XVII в. возросло количество судебных дел, касающихся этих векселей из-за их использования ювелирами-банкирами⁵²⁰.

Лондонские ювелиры (англ. *goldsmith*) постепенно превратились в ювелиров-банкиров (*goldsmith-bankers*) и стали контролировать кредитные операции еще в конце XVI – начале XVII вв. Английские купцы обычно отдавали свои деньги на хранение в монетный двор, находившийся в лондонской крепости Тауэр. В 1614 г. король Чарльз I, нуждаясь в деньгах, захватил золото и монеты, хранящиеся в Тауэре, на сумму 120 тыс. фунтов, после чего лондонские купцы обратились к частным ювелирам, которые начали выполнять функции банкиров. Так во второй половине XVII в. в Англии расцвел частный банкирский бизнес.

Постоянная нехватка денег, ощущавшаяся в период гражданской войны обеими воюющими сторонами, обусловила потребность в услугах банкиров-ювелиров и распространении кредитных операций. Этому способствовали коммерческие связи Англии и Голландии, расширившиеся в конце XVII в., и достижения голландской экономики, связанные с деятельностью государственных банков (прежде всего Амстердамского банка, основанного в 1609 г., а также других банков в Мидлбурге, Делфте и Роттердаме). После того как по образцу Амстердамского был создан Гамбургский банк (1619 г.) и Шведский банк

⁵¹⁸ Holdsworth W. A history of English law. Vol. VIII. – L.: Methuen & Co., 1903. – P. 169–170.

⁵¹⁹ Они действительно имели общую черту (чем и отличались от переводного векселя для зарубежной торговли) – не требовали опротестования как неременного условия взыскания долга, пока закон 1698 г. не зафиксировал условие протеста при неоплате внутренних переводных векселей (Ibid. – P. 171).

⁵²⁰ Ibid. – P. 172.

(1656 г.), английские купцы все чаще стали обращаться к их услугам, что способствовало заимствованию приемов кредитных и вексельных операций⁵²¹.

Благодаря коммерческим контактам с Голландией в конце XVI в. практика дисконта векселей распространилась и в Англии. Продолжительное время общепринятым было мнение, что дисконтирование векселей возникло в Англии не ранее XVII в., но в действительности, как уже отмечалось в главе, посвященной эволюции практики дисконта, оно зародилось на денежных рынках Антверпена в 30-е годы XVI в. Возможно, дисконтирование внутренних векселей (*inland bill*) и чеков использовали банкиры-ювелиры в начале XVII в., однако соединение дисконтных операций с депозитными, а также с переводом денег с одного счета на другой произошло в Англии только в середине XVII в. В некоторой мере этому способствовало и возвращение евреев в Англию. Благодаря их деловым связям с Италией и Амстердамом развивались кредитные операции и расширялась деятельность ювелиров-банкиров, которых в это время насчитывалось в Лондоне уже более 100 человек. Объединение ювелирного дела с банковской деятельностью продолжалось в течение всего XVII в. Особенно важную роль в этом играли шесть банковских компаний, отделивших кредитные операции от ювелирного дела.

Финансовые операции английских банкиров были подобны операциям итальянских банкиров – прежде всего это был обмен денег. В XVII в. монетной системе Англии были свойственны те же недостатки, что и монетным системам других стран: в обороте находились как английские, так и иностранные монеты, в связи с чем купцы испытывали постоянную потребность в их обмене. Именно этим и занимались в Англии ювелиры до того, как начали осуществлять кредитные операции. Имея в своем распоряжении значительные денежные средства, они покупали со скидкой векселя, разнообразные квитанции и распоряжения казначейства⁵²², а также использовали записки о передаче, написанные клиентами. Позже получила распространение операция приема вкладов – вначале, по-видимому, беспроцентных. С XVII в. банкиры-ювелиры стали платить за депонированные суммы до 6% годовых и выдавать вкладчику квитанцию, в которой была указана депонированная сумма. Эти квитанции еще не обладали способностью

⁵²¹ Clapham J. The bank of England. A History. Vol. 1. – Cambridge – N. Y.: Macmillan Company, 1945. – P. 2–3.

⁵²² Joslin D. M. London private bankers. 1720–1785 // The economic history review. – 1954. – Vol. VII, № 2. – P. 168.

к обороту из-за отсутствия единой формы их составления, которая сформировалась лишь к середине XVIII в.⁵²³.

Впрочем, значение банкиров-ювелиров в истории кредитных операций в Англии не следует преувеличивать, поскольку они были лишь незначительной группой среди большого количества нотариусов, брокеров и других финансовых посредников. Кроме того, банкирские функции еще с XV в. выполняли английские купцы, не только предоставлявшие кредиты, но скупавшие и продававшие переводные векселя. Этой же деятельностью занимались нотариусы, которые сначала были лишь посредниками для клиентов, а потом стали принимать депозитные вклады и предоставлять кредиты. В XVIII в. из этих нотариусов, конторы которых находились в западной части Лондона – на Флит-стрит, образовалась группа частных лондонских банкиров, так называемых банкиров Вест-Энда.

Английские банкиры предоставляли кредиты государственным деятелям XVII в. – Кромвелю и королю Чарльзу II под большие проценты, достигавшие порой 20–30% годовых. Кредиты частным предприятиям давались на тех же условиях. Вследствие финансовых затруднений Чарльза II (король задолжал ювелирам свыше 1 300 тыс. фунтов) в начале 1672 г. было объявлено, что казначейство прекращает платежи на 12 месяцев. Банкиры, в свою очередь, также приостановили платежи, что вызвало общий финансовый кризис. По сути, это было государственным банкротством, подорвавшим деятельность ювелиров-банкиров⁵²⁴.

Следует отметить, что деятельность английских банкиров-ювелиров часто подвергалась критике со стороны современников. Их обвиняли и в порче денег, и в вывозе за границу наиболее полноценной монеты, и в чрезвычайно высоком проценте, взымавшемся не только с частных лиц, но и с государства. Обвиняли их и в том, что в погоне за высокими процентами и быстрой наживой они давали деньги недостаточно надежным клиентам. Недовольство деятельностью частных банкиров, а также тот факт, что они так и не создали международных банкирских домов, как итальянские Медичи и немецкие Футтеры, стало основной причиной организации в Англии публичного банка.

⁵²³ Вначале вкладчик должен был лично прибыть в банк, чтобы получить свои деньги. Постепенно личное присутствие вкладчика стало заменяться получением его письма (приказа об уплате). Благодаря этим операциям возник чек (Каценеленбаум З. С. Учение о деньгах и кредите: В 2 ч. Ч. 2. Кредит и кредитные учреждения. – М.: Экономическая жизнь, 1928. – С. 295).

⁵²⁴ Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – С. 246–247.

Этому способствовала и конкуренция Англии с Голландией за первенство на мировом финансовом рынке. Поскольку в Голландии уже существовал Амстердамский банк, необходимость создания подобного банка в Англии была очевидной.

Английский банк был создан в 1694 г. Группа его основателей с помощью подписки собрала капитал в 1 200 тыс. фунтов. Этот капитал был дан в долг правительству под ежегодную выплату последним 100 тыс. фунтов. За это банк получил право осуществлять ряд операций, в том числе с векселями, и предоставлять займы под залог товаров и имущества. При учреждении Английского банка удалось избежать ошибок, совершенных итальянскими и немецкими банкирами XVI в., – смешивание краткосрочных кредитов частных лиц (предоставлявшихся преимущественно посредством покупки векселей купцов) и долгосрочных кредитов государства. Английский банк предоставлял государству в долгосрочный кредит исключительно свой собственный капитал, а не деньги вкладчиков. Но полностью устранить проблемы не удалось, поскольку потребность государства в долгосрочных кредитах значительно превышала капитал банка⁵²⁵.

Английский банк с самого начала существенно отличался и от итальянских банков, и от Амстердамского банка, так как основной его деятельностью было регулирование расчетов. В уставе банка не упоминалось об использовании векселей или долговых писем на предъявителя и лишь в п. 28 отмечалось, что все счета могут иметь передаточную надпись⁵²⁶.

В связи с тем, что правительство Англии ощущало большую потребность в деньгах, для получения необходимых сумм в 1696 г. были выпущены казначейские векселя, бывшие усовершенствованной формой старых расписок и имевшие фиксированную дату погашения. Хотя первый выпуск этих векселей не был связан с Английским банком, в дальнейшем он широко их использовал. Целью выпуска казначейских векселей было преодоление дефицита наличных денег в обороте (возникшего вследствие непродуманной переплавки монет), а также обеспечение правительства финансами. В то время казначейские векселя считались альтернативной формой бумажных денег, поскольку еще не было уве-

⁵²⁵ Яффе Э. История и современная организация английских кредитных банков // Банковая энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. проф. Л. Н. Яснопольского. – Т. 1. Коммерческие банки. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1914. – С. 35.

⁵²⁶ Хотя судопроизводство предполагало возможность передаточной надписи на векселе, а чеки (долговые записки) рассматривались как векселя, практика использования передаточной надписи еще не сформировалась (Clapham J. The bank of England. A History. Vol. 1. – Cambridge – N. Y.: Macmillan Company, 1945. – P.17).

ренности в успехе Английского банка и в надежности выпущенных им банкнот⁵²⁷. Однако специальные налоги, в счет которых эти векселя должны были записываться (в соответствии с принятой в казначействе практикой), собирались в недостаточном количестве, поэтому цель выпуска казначейских векселей так и не была достигнута. Это привело к распространению в Английском банке практики дисконта векселей. В октябре 1694 г. Недельному комитету («Weekly Committee») было предоставлено право разрешать постоянным депозиторам использовать для выплат долговые записки с печатью вместо внутренних векселей или долговых записок ювелиров. А в ноябре было принято решение о приеме всех внутренних векселей и долговых записок, невзирая на их сумму и отдаленность места выдачи.

В мае 1695 г. вышло новое распоряжение – принимать под 3% долговые записки (векселя) и счета на срок не более трех месяцев только у тех лиц, которые хранят свои деньги в Английском банке. В июле суд принял решение, что дисконт будет предоставляться лишь тем, кто хранит в банке все свои деньги (правда, через неделю это ограничение было снято). В октябре того же года было решено, что любое надежное лицо может дисконтировать сумму до 3 тыс. фунтов под 4,5%, даже если это лицо не имеет счета в Английском банке⁵²⁸.

Дисконт иностранных векселей осуществлялся в то время весьма осторожно из-за войны во Фландрии и ненадежности денежных переводов. В конце 1696 г. руководство банка дало распоряжение принимать лишь те иностранные векселя, срок которых не превышал 50 дней, а объем такого дисконта был ограничен суммой 10 тыс. фунтов; векселя принимались только у депозиторов. Однако уже через несколько дней объем дисконтирования был расширен до 20 тыс. фунтов, а в мае 1697 г. были разрешены соглашения до 40 тыс. фунтов, но только с депозиторами.

В течение первого десятилетия XVIII в. политика Английского банка относительно дисконта векселей четко определилась. Дисконт квитанций и распоряжений казначейства подчинялся своим собственным правилам, хотя суд так и не мог решить, будут ли приниматься иностранные векселя у тех лиц, которые сохраняют не всю свою денежную наличность в банке. В мае 1711 г. были утверждены правила приема векселей. Предполагалось, что иностранные векселя будут приниматься со сроком не более двух месяцев, внутренние со сроком не более одного месяца, а записки с передаточной надписью при-

⁵²⁷ Кравець В. М., Кравець О. В. Західноєвропейський банківський бізнес: становлення і сучасність. – К.: Знання-прес, 2003. – С. 225.

⁵²⁸ Clapham J. The bank of England. A History. Vol. 1. – Cambridge – N. Y.: Macmillan Company, 1945. – P. 123.

нимались у «добрых людей» при сроке не более месяца. Все эти долговые документы дисконтировали под 6% для тех, кто держал свои деньги в Английском банке. Векселя и другие документы необходимо было подавать лично или через «известных представителей», а те векселя, целью которых было оплатить другие документы одного и того же клиента, вообще не дисконтировались.

Развивался дисконтный бизнес медленно. Так, в июне 1695 г. за несколько дней осуществлялись лишь одна – две дисконтные операции, и лишь иногда их количество достигало 10 в день. В последующие годы объем дисконтирования несколько возрос, хотя и не превысил 20 операций в день. Активизация дисконтирования началась в 1697 г., когда прекратилась война во Фландрии и был заключен мир. 28 апреля 1698 г. было принято 59 векселей. Такая повышенная активность отмечалась в течение всего года⁵²⁹.

В середине XVIII в. объем дисконта векселей был незначительным. Так, с 4 августа по 15 декабря 1750 г. максимальная сумма дисконта за день составляла 19 212 фунтов; чаще она не превышала 1000 фунтов, а минимальный объем дисконта за день составлял около 360 фунтов. В начале 60-х годов XVIII в., особенно после завершения Семилетней войны, коммерческая деятельность активизировалась. С марта по сентябрь 1762 г. сумма дисконта за день лишь однажды не достигла 10 тыс. фунтов; а в основном хотя бы один день в неделю операции осуществлялись на сумму, превышающую 60 тыс. фунтов.

В связи с международным финансовым кризисом, начавшимся в 1763 г., Английский банк ввел свободное дисконтирование. И хотя в течение следующих двух лет эта деятельность несколько сократилась, в целом дисконтный бизнес активно развивался⁵³⁰. Вторая половина XVIII в. ознаменовалась еще несколькими кризисами (1773, 1783, 1793 гг.) отрицательно сказавшимся на деятельности частных банкиров. Во время кризисов 1783 и 1793 гг. частные банкиры обратились за помощью в Английский банк, но ожидаемой помощи не получили из-за ограниченных возможностей банка.

Начавшаяся в 1793 г. война с Францией вызвала панику в рядах вкладчиков. Их требования возратить взносы стали причиной банкротства нескольких частных банков. Ситуация нормализовалась лишь после того, как правительство приняло решение снова выпустить казначейские векселя купюрами в 100, 50 и 20 фунтов на общую сумму в 5 млн.

⁵²⁹ *Clapham J. The bank of England. A History. Vol. 1. – Cambridge – N. Y.: Macmillan Company, 1945. – P. 126.*

⁵³⁰ Правила приема векселей 1711 г. (пересмотренные во многих постановлениях) регулировали работу с дисконтом. В периоды кризисов дисконтирование ограничивалось или вообще прекращалось, как это было во время кризиса 1720 г. (*Ibid.* – P. 129–130).

фунтов (фактически были выпущены векселя лишь на сумму в 2 202 тыс. фунтов). Но в 1797 г. начался новый кризис, и провинциальные банки снова оказались в затруднительном положении. После этого правительство решило освободить Английский банк от обязательства обменивать свои банкноты на золото, и 27 февраля 1797 г. Английский банк приостановил обмен. Так начался период обращения бумажных денег⁵³¹.

В конце XVIII в. Английский банк ограничил объем дисконта чтобы уменьшить риск вывоза валюты из страны. Действительно, такая политика могла быть успешной благодаря регулированию уровня цен внутри страны и влиять на сбалансированность курса валют, но нет достоверных доказательств того, что цель ее заключалась именно в этом⁵³². Кроме того, Английский банк начал осуществлять выплаты в Лондоне с помощью эмиссии своих собственных векселей. Объем эмиссии векселей изменялся в разные годы – подъем отмечался в 1720 и 1760 гг. В 1785 г. вексельное обращение Английского банка равнялось приблизительно 6 млн. фунтов, и эти векселя гарантировались золотом и серебром банка⁵³³.

Кредиты частным лицам предоставлялись почти полностью в виде дисконта векселей. Чтобы сохранить льготы при дисконтировании, частное лицо или компания должны были предъявить рекомендацию директора Английского банка. Если в 1797 г. банк вообще не дисконтировал векселя частных банкиров, то уже 1 января 1800 г. он получил 396 тыс. фунтов с дисконтированных банкирских векселей. Число клиентов банка, осуществлявших дисконт векселей, в 1800 г. достигло 1340 чел., количество же от 1200 до 1400 чел. сохранялось вплоть до 1815 года⁵³⁴.

Во второй половине XVIII в. на английском финансовом рынке наряду с Английским банком и лондонскими банкирами (преемниками старых ювелиров) возник новый тип коммерсантов, занимающихся кредитными операциями. Эти вексельные маклеры (*bill-brokers*) сначала были лишь посредниками между купцами, имевшими потребность в кредите, и лицами, стремившимися выгодно вложить свои деньги⁵³⁵.

⁵³¹ Каценеленбаум З. С. Учение о деньгах и кредите: В 2 ч. Ч. 2. Кредит и кредитные учреждения. – М.: Экономическая жизнь, 1928. – С. 302.

⁵³² Clapham J. The bank of England. A History. Vol. 1. – Cambridge – N. Y.: Macmillan Company, 1945. – P. 269.

⁵³³ Joslin D. M. London private bankers. 1720–1785 // The economic history review. – 1954. – Vol. VII, №2. – P. 175.

⁵³⁴ Clapham J. The bank of England. A History. Vol. 1. – Cambridge – N. Y.: Macmillan Company, 1945. – P. 204–205.

⁵³⁵ Каценеленбаум З. С. Учение о деньгах и кредите: В 2 ч. Ч. 2. Кредит и кредитные учреждения. – М.: Экономическая жизнь, 1928. – С. 301.

Ведущую роль в этих инновациях играл Лондон – центр внешней и внутренней торговли. Через него проходило большинство оплат между провинциальными городами, а также перевод налогов от провинциальных плательщиков. Возрастание эмиссии ценных бумаг военных ведомств (векселя морского флота, артиллерийские облигации и т. п.) давало возможность частным банкирам получать значительную прибыль, покупая эти бумаги со скидкой, и продавая их потом по номиналу. Частные банкиры Лондона выпускали и собственные векселя, но надежность векселей Английского банка была намного выше, чем у векселей любого частного банкира, даже самого известного⁵³⁶. Кроме того, в XVIII в. значительное количество займов предоставлялось купцами и предпринимателями непосредственно, без участия частных лондонских банкиров.

Частные банки предоставляли кредиты промышленникам и коммерсантам прежде всего путем дисконта векселей. Учетные ставки достигали 5% для внутренних векселей (такой же была ставка Английского банка) и 4% для векселей внешней торговли, считавшихся более надежными; позже и для этих векселей ставка достигла 5%⁵³⁷.

Вексельных маклеров можно считать частными банкирами, работавшими со сравнительно небольшим стартовым капиталом и принимавшими взносы от других, более крупных банкиров, для осуществления дисконта векселей. Полученные таким образом векселя они использовали как залог для новых кредитов. В начале XIX в. вексельные маклеры были представителями небольших провинциальных банков, и именно благодаря им осуществлялся обмен капиталами между этими банками, не имеющими возможности самостоятельно выгодно вкладывать средства, полученные от продажи сельскохозяйственной продукции и аренды земли. Лондонский вексельный рынок направлял поступающие из промышленных районов векселя банкирам сельскохозяйственных регионов на востоке и юго-востоке Англии. Имея достаточно большой опыт работы, маклеры надлежащим образом оценивали качество векселей, что не могли сделать провинциальные банкиры. Успешность деятельности вексельного маклера и его прибыли непосредственно зависели от того, насколько квалифицированными были его рекомендации⁵³⁸. Позднее дисконтом векселей стали

⁵³⁶ Joslin D. M. London private bankers. 1720–1785 // The economic history review. – 1954. – Vol. VII, №2. – P. 167, 169–170.

⁵³⁷ Ibid. – P. 186.

⁵³⁸ Яффе Э. История и современная организация английских кредитных банков // Банковская энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. проф. Л. Н. Яснопольского. – Т. 1. Коммерческие банки. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1914. – С. 73.

заниматься частные компании (*discount companies*) с довольно значительными капиталами. Они брали займы у банков деньги под залог векселей и других ценных бумаг и осуществляли на основе этого капитала собственные дисконтные операции.

После того как в Лондоне возникли крупные акционерные банки и началась концентрация свободных капиталов, функции вексельных маклеров изменились. Из кредитных посредников между разными графствами они превратились в посредников между лондонскими банкирами. Началась специализация вексельных маклеров по отдельным типам векселей (например векселей торговли с колониями или векселей компаний, занимавшихся хлопком). Так маклеры начали формально гарантировать качество самых векселей, ставя на них свои передаточные надписи и выполняя, по сути, роль продавцов векселей.

Оставался один шаг к тому, чтобы вексельные маклеры и частные компании начали покупать векселя не только юридически, но и фактически. Этому способствовали и попытки частных банков найти способы выгодного размещения капиталов: им необходимо было платить проценты своим клиентам, а хранение капиталов в Английском банке не приносило прибыли. Выгодным оказалось предоставление этих капиталов займы вексельным маклерам в виде краткосрочного кредита с правом требования возвращения денег через три, семь или 14 дней.

Таким образом, вексельные маклеры стали настоящими банкирами, а дисконтные компании все менее отличались от частных банков. Возможно, единственное отличие состояло в том, что дисконтные компании и вексельные маклеры постоянно покупали и перепродавали векселя, в то время как лондонские банки не занимались переучетом векселей (позже к ним присоединились в этом и провинциальные банки). Для успешной деятельности вексельных маклеров им необходимо было не только находить для своих клиентов наилучшие рынки, но и самые дешевые кредиты. Для этого вексельные маклеры предоставляли полную гарантию безопасности кредита не только путем залога векселей и других ценных бумаг (а также своей репутации), но и тем, что брали кредиты с условием возвращения их в любое время по требованию банка.

Например, 11 ноября 1857 г. «*London and Westminster Bank*» учел обязательства вексельных маклеров на сумму 5 623 тыс. фунтов, из которых 2 800 тыс. фунтов до 4 декабря, а 2 000 тыс. фунтов сроком до 31 декабря. Банк стремился укрепить свое положение и поэтому отка-

зался учесть вместо векселей, срок уплаты которых настал, другие векселя, и вексельным маклерам пришлось покрывать эти суммы иными способами.

Во время кризиса 1857 г. Английский банк предоставил вексельным маклерам кредит на сумму свыше 9 млн. фунтов. Банк пытался заставить вексельных маклеров брать большие суммы кредита, оставляя за собой условие предоставлять им эти кредиты лишь в определенное время, но эти попытки оказались неудачными⁵³⁹.

В XIX в. актуальной стала проблема пересмотра и кодификации значительного количества разнообразных вексельных постановлений, принятых в Англии, начиная с XVII в. Необходимо было ликвидировать расхождения между английским и шотландским вексельным законодательством (шотландское вексельное право включало в себя разнообразные постановления о векселях, начиная с 1681 г.). Первая попытка такой кодификации была осуществлена в 1862 г., но она не увенчалась успехом. Новый проект был разработан лишь через 20 лет – он включал в себя нормы английского, ирландского и шотландского права относительно простых и переводных векселей.

Наконец, 18 августа 1882 г. был принят закон, утвердивший вексельный устав, состоящий из 100 статей⁵⁴⁰. Он объединил определенные черты французской и германской вексельных правовых систем и отобразил особенности английского вексельного права, выделив специфический английский тип векселя, приближавшийся к чеку и могущий быть выданным на предъявителя. Вексельное обязательство могло усложняться процентами и признавался условный акцепт, а протест векселя не был обязательным⁵⁴¹. Так произошла эволюция от обязательственных писем (прототип простого векселя) к оригинальному английскому типу векселя.

В конце XIX – начале XX вв. на основе английского вексельного права возникла международная система англо-американского права, и в странах, присоединившихся к ней (Индия, английские колонии, а с 1897 г. – некоторые штаты США), векселя были отнесены к обо-

⁵³⁹ Яффе Э. История и современная организация английских кредитных банков // Банковая энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. проф. Л. Н. Яснопольского. – Т. 1. Коммерческие банки. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1914. – с. 74–76, 78.

⁵⁴⁰ Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 628.

⁵⁴¹ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 3. Вексельное право. Морское право. – Изд. 4-е – СПб.: Изд-во братьев Башмаковых, 1909. – С. 13.

ротным документам (в Англии такими же документами считаются и чеки). В США Единый торговый кодекс относит к числу оборотных документов простой и переводной векселя, банковский депозитный сертификат и чек. К ним также принадлежат ценные бумаги особого типа, которые в государствах континентальной Европы обычно рассматриваются как фондовые ценности (различные виды акций, сертификаты, облигации и другие документы, имеющие котировку на фондовых биржах). В течение XX в. происходило дальнейшее развитие системы англо-американского вексельного права, однако эта тема выходит за пределы данного исследования.

2.10. УНИФИКАЦИЯ ВЕКСЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Вексельное право возникло прежде всего как право международное, поэтому тенденция к преодолению национальных отличий и объединение вексельного законодательства разных стран в рамках международного частного права была вполне закономерной. Актуальность проблемы унификации вексельного законодательства подчеркивал еще О. М. Осипов в середине XIX в.: «Подобно тому как торговля не обусловлена пределами той или другой государственной территории, так и вексель, ее первый и главный слуга, не должен иметь никаких ограничений, характер его должен быть также космополитический»⁵⁴². Необходимости унификации вексельного права отмечал и А. Долинский: «Лишенный этнических знамен и свободный от этических религиозных предпочтений, институт векселя лишь иногда имел отличия в уставах, но в конце концов был сгруппирован и сведен в три системы вексельного права. Потребность международного обмена во всемирном клиринге стала причиной и целью унификации вексельного права»⁵⁴³.

В 1848 г. был принят единый Общенемецкий вексельный устав, в котором был обобщен опыт развития немецкого вексельного законодательства. Немецкое вексельное право постепенно становилось все более популярным, вытесняя традицию французского вексельного права. Вследствие этого по образцу немецкого устава в 1851 г. был принят вексельный закон в Швеции, в 1858 г. – в Финляндии, а в 1860 г. – в Сербии.

⁵⁴² Осипов А. М. Вексель в его прошедшем и настоящем. – Казань: Тип. Университета, 1873. – С. 22.

⁵⁴³ Dolinski A. Polskie prawo wekslowe. – Poznan: Nakladom Krajowego Instytutu wydawniczego, 1925. – S. 73–74.

Хотя во второй половине XIX в. европейское вексельное право было в значительной мере не только кодифицировано (в составе торговых кодексов или отдельных вексельных законов) и частично унифицировано (по сравнению с 60 вексельными уставами, действовавшими в первой половине XIX в. в одной только Германии), в нем можно выделить три основных направления – французское вексельное право, основанное на соответствующих положениях *Code de Commerce* 1807 г. (ст. 110–189), Общенемецкий вексельный устав 1848 г. и английский *Bills of Exchange Act* 1882 г.

Работа по унификации вексельного права началась в середине XIX в. – вопрос об объединении вексельного права был поднят в 1863 г. на международном собрании в Генте, но, поскольку позиции сторон были противоречивыми и несогласованными, принципы такого объединения выработаны не были: стороны не пришли к соглашению, пытаясь создать альтернативные проекты на основе собственного национального законодательства.

В 1869 г. была принята новая редакция Общенемецкого торгового устава, в которой был учтен весь опыт вексельного законодательства того времени, и на основе этого устава приняты вексельные законы Бельгии (1878 г.), Дании, Норвегии, Швеции (Скандинавский устав 1880 г.) и Италии (1882 г.). Так в 70–80-е годы XIX в. завершение формирования немецкой системы вексельного права стало основной предпосылкой для унификации вексельного законодательства, в чем были заинтересованы немецкие предприниматели.

В 70-е годы XIX в. английская Ассоциация для реформы и кодификации международного права на своих съездах в Гааге, Антверпене и Франкфурте выработала 27 положений проекта унификации вексельного права, получивших название «Бременские правила» (приняты в 1875 г.), в которых можно отметить значительное влияние немецкого вексельного законодательства. По мнению авторов «Бременских правил», именно они должны были стать принципами унификации международного вексельного права.

В то же время подобная работа осуществлялась немецким Институтом международного права на основе предложенного в 1878 г. Берлинским купеческим судом проекта международного вексельного соглашения. В 1882–1885 гг. на заседаниях этого Института в Турине, Мюнхене и Брюсселе был выработан проект общеевропейского вексельного устава с ориентацией на нормы немецкого вексельного законодательства. Но реального объединения вексельного права не произошло, поскольку на переговорах французская и немецкая стороны

стремились главным образом доказать преимущества своего национального вексельного законодательства.

В 1882 законодательным путем оформляется еще одна система – англо-американская, в основу которой был положен Английский вексельный устав, принятый 18 августа 1882 г. Устав урегулировал правовые отношения, связанные с оборотом простых и переводных векселей. С 1887 г. этот закон начал действовать в США и в ряде стран, бывших британскими колониями (Индия и др.). Однако большинство стран континентальной Европы ориентировалось на немецкую систему вексельного права.

В 1884 г. правительство Бельгии обратилось к представителям делового мира разных государств, а также к научным обществам с предложением прислать своих делегатов на конгресс по торговому праву, состоявшийся в Антверпене в 1885 г. На конгрессе был принят проект международного вексельного устава. Дальнейшее обсуждение этого проекта состоялось в 1888 г. на Брюссельском вексельном конгрессе, и к начальному варианту проекта были добавлены некоторые положения немецкого вексельного законодательства.

В 1885 г. Институт международного права положительно оценил проект единого вексельного закона, разработанный итальянским юристом Чезаре Норзе. Однако не этот проект, а следующий, автором которого был немецкий юрист Феликс Мейер, был взят за основу на двух конференциях в Гааге (первая – в 1910 г., вторая – в 1912 г.). Таким образом, в процессе международной унификации законодательства о векселях было утверждено преимущество немецкого вексельного права, хотя В. Д. Катков в 1904 г. высказывал предположение, что унификация международного права состоится на основе английской системы⁵⁴⁴.

Первая международная конференция в Гааге (10–23 июня 1910 г.), посвященная выработке общего закона о векселях, стала следующим этапом в унификации вексельного законодательства. Инициаторами созыва этой конференции были Германия, Италия и Нидерланды. В ней приняло участие 35 государств, в том числе Россия (ее представителем был тайный советник К. Шнейдер). После того как был выработан проект международного закона о векселях, он был передан на рассмотрение странам, принимавшим участие в конференции с тем, чтобы через два года созвать новую конференцию для усовершенствования этого проекта и его конечного утверждения.

⁵⁴⁴ Катков В. Д. Общее учение о векселе. – Харьков: Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1904. – С. 350–351.

Вторая Гаагская конференция состоялась с 10 по 23 июня 1912 г. в замке Бинненхоф возле Гааги. В конференции участвовали 37 государств, а интересы России представлял тайный советник барон А. М. Нолькен. С учетом замечаний, сделанных к проекту решения Гаагской конференции 1910 г., была принята Конвенция об объединении законоположений о простых и переводных векселях, а также Международный (Общий) устав о переводных и простых векселях. Это был важный шаг к унификации вексельного права и Конвенцию подписали представители 19 из 37 стран (две страны отказались подписывать, а девять не имели на это полномочий). Россия подписала только часть норм Конвенции, касающихся переводных векселей⁵⁴⁵.

Однако работа конференции не дала желательных результатов из-за разногласий между представителями государств, придерживавшихся романо-германских традиций, с одной стороны, и англо-американских – с другой⁵⁴⁶. Начало Первой мировой войны затормозило дальнейшую работу по унификации вексельного законодательства.

Положения Конвенции, подписанной на Гаагской конференции, были использованы в национальном вексельном законодательстве некоторых стран, в частности в двух французских вексельных законах – о переводных (1922 г.) и простых (1924 г.) векселях, а также в новом Польском законе о векселях, созданном на основе вексельного устава, принятого в Гааге в 1912 г. Но уже в начале 20-х годов XX в. нормы, принятые на Гаагской конференции, утратили свое значение. Некоторые страны Латинской Америки, вначале использовавшие нормы Конвенции, в 1928 г. отказались от них и ратифицировали так называемый Кодекс Бустаманте, принятый на VI международной американской конференции в Гаване. Что же касается России, то она практически не пользовалась нормами Гаагской конференции, а СССР вообще денонсировал их.

После Первой мировой войны снова возникла проблема унификации вексельного права. Этим активно занялась Лига Наций, поручившая своему комитету по экономике изучить этот вопрос. Согласие большинства стран на продолжение этой работы позволило Лиге обратиться к таким известным на то время юристам, как Д.М. Чэлмерс (*D. M. Chalmers*), М.М. Джитта (*M. M. Jitta*), М.М. Лион-Кайе (*M. M. Lyon-Caen*). Последний из них принимал участие в разработке текста Гаагской конвенции 1912 г.

⁵⁴⁵ Подробнее см.: Нолькен А. М. Объединенное законодательство о векселях в применении к России. – СПб, 1913. – С. 13–20.

⁵⁴⁶ Каминка А. И. Объединение вексельного права. – СПб.: Тип. т-ва «Общ. Польза», 1913.

Новым шагом в унификации вексельного законодательства стала Женевская международная конференция, вследствие деятельности которой 7 июня 1930 г. были подписаны три международных конвенции: №358 «Конвенция, вводящая Унифицированный закон о переводных векселях и простых векселях» (с двумя приложениями); №359 «Конвенция об урегулировании некоторых коллизий законов о переводных и простых векселях»; №360 «Конвенция о гербовом сборе относительно переводных векселей и простых векселей».

Конвенция №358 включала в себя два приложения – текст самого Унифицированного вексельного закона (УВЗ) а также перечень тех исключений из норм УВЗ, которые имела право делать в своем национальном вексельном законодательстве каждая из стран – участниц Женевской конвенции. Подобно Гаагской конвенции и Общему уставу о векселях документы Женевской конвенции имели в своей основе положения немецкого вексельного права и частично – французского, что и определило перечень стран, присоединившихся к Женевской конвенции.

Женевскую конвенцию подписали 25 государств – Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Испания, Италия, Колумбия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Перу, Польша, Португалия, Турция, Финляндия, Франция, Чехословакия, Швейцария, Швеция, Эквадор, Югославия, Япония а также вольный город Данциг. Однако ратифицировало ее лишь 14 государств – Австрия, Бельгия, Греция, Италия, Финляндия, Швейцария, Швеция, Япония (31 августа 1931 г.), Дания (27 июня 1932 г.), Нидерланды (20 июня 1932 г.), Норвегия (27 июня 1932 г.), Германия (3 октября 1933 г.), Португалия (8 июня 1934 г.), Люксембург (5 марта 1963 г.). Еще шесть стран присоединились к Женевской конвенции, в том числе СССР (25 ноября 1936 г.).

Женевские конвенции были независимыми документами, поэтому государства-участники могли подписывать их не все. Так, Австралия ратифицировала только Конвенцию №359; Австрия, Багамы, Бельгия, Бразилия, Венгрия, Дания, Германия, Греция, Ирландия, Италия, Кипр, Люксембург, Малайзия, Мальта, Монако, Нидерланды, Норвегия, Объединенное королевство, Папуа – Новая Гвинея, Польша, Португалия, СССР (бывший), Тонга, Уганда, Фиджи, Финляндия, Франция, Швеция, Швейцария, Япония – конвенцию №360⁵⁴⁷.

Таким образом, значительная часть стран привела свое вексельное законодательство в соответствие с Унифицированным вексель-

⁵⁴⁷ Baumbach A., Hefermehl, W. Wechselgesetz und Schekgesetz. – Munchen, 1990. – S. 463.

ным законом. Эти государства входят в Женевскую систему вексельного права.

Страны, входящие в Женевскую систему вексельного права

1. Страны – участницы женевских вексельных конвенций 1930 г.: Австрия, Бельгия, Бразилия, Венгрия, Греция, Дания, Италия, Люксембург, Монако, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, СССР, Финляндия, Франция, ФРГ, Швейцария, Швеция, Япония.

2. Страны, не являющиеся участниками женевских вексельных конвенций 1930 г., но вексельное законодательство которых основано на УВЗ: Алжир, Аргентина, Афганистан, Болгария, Бенин, Буркина-Фасо, Бурунди, Ватикан, Габон, Гаити, Гвинея, Заир, Индонезия, Иордания, Ирак, Исландия, Камбоджа, Камерун, Конго, Коста-Рика, Кот-д'Ивуар, Кувейт, Лаос, Ливан, Мавритания, Мадагаскар, Мали, Марокко, Нигер, Нидерландские Антильские острова, Парагвай, Перу, Руанда, Румыния, Саудовская Аравия, Сенегал, Сирия, Словакия, Суринам, Того, Тунис, Турция, Центральноафриканская Республика, Чехия, Эфиопия, Югославия, Южная Корея.

Страны, входящие в Англо-американскую систему вексельного права: Австралия, Антигуа и Барбуда, Багамские острова, Бермудские острова, Бирма, Ботсвана, Великобритания, Виргинские острова, Гана, Гайяна, Гонконг, Гренада, Зимбабве, Израиль, Индия, Ирландия, Йемен, Канада, Кения, Кипр, Лесото, Малави, Малайзия, Намибия, Нигерия, Новая Зеландия, Пакистан, Пуэрто-Рико, Свазиленд, Сент-Лусия, Судан, США, Сьерра-Леоне, Танзания, Тринидад и Тобаго, Уганда, Фиджи, Филиппины, Шри-Ланка, ЮАР, Ямайка.

Страны, не вошедшие ни в Женевскую, ни в Англо-американскую системы вексельного права: Боливия, Венесуэла, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Египет, Иран, Испания, Колумбия, Куба, Лихтенштейн, Мексика, Никарагуа, Панама, Сальвадор, Сан-Марино, Таиланд, Тайвань, Уругвай, Чили⁵⁴⁸.

К Женевским конвенциям не присоединилась Великобритания и США, вексельное законодательство которых основано на английском законе о переводных векселях 1882 г. Почти на всей территории США действует Единый торговый кодекс, принятый в 1968 г. Его раздел «Торговые документы» регламентирует кредитные документы, находящиеся в обороте, в частности векселя.

⁵⁴⁸ Сложено за данными: Инструкция о порядке совершения банковских операций по международным расчетам: № 1/25.12.85/ Банк для внешней торговли СССР. – М.: Финансы и статистика, 1986. (Приложение № 10, (к п. 131, 174) Справка по вексельному законодательству СССР и иностранных государств. – С. 208–220).

Эти, а также другие государства, разработавшие свои вексельные законы в соответствии с «*Bills of Exchange Act*» 1882 г., относятся к Англо-американской системе вексельного права. Большинство стран Латинской Америки, Египет, Иран, Испания, Лихтенштейн, Тайвань и Таиланд заимствовали нормы старого французского вексельного права, содержащиеся в «*Ordonnance de Commerce*» 1673 г. Поэтому на сегодняшний день в мировом вексельном обращении существует главным образом два типа векселей: вексель типа Женевских конвенций 1930 г. и вексель англо-американского типа. Поскольку в странах с англо-американским вексельным правом, вексельное обращение наиболее распространено, отказ Великобритании и США присоединиться к Женевской конвенции в значительной степени ослабил значение этой Конвенции, а процесс унификации вексельного законодательства не был завершен.

Естественно, что существование двух международных систем вексельного права тормозит развитие платежного оборота. Поэтому в 1950 г. Международным институтом унификации частного права, находящимся в Риме, началась работа по созданию единой правовой системы, применимой к оборотным ценным бумагам. К разработке такой системы в 1968 г. была привлечена комиссия ООН по вопросам международного торгового права, (UNCITRAL), созданная в 1966 г. по решению Генеральной Ассамблеи ООН как механизм, с помощью которого ООН получала возможность более активного участия в уменьшении (или устранении) препятствий для торговли, созданных национальными отличиями торгового права.

С 1972 г. началась разработка международного вексельного права, учитывавшего опыт Женевской и Англо-американской систем, и вскоре был подготовлен первый проект новой Конвенции. В 1988 г. UNCITRAL была разработана «Конвенция ООН о международных переводных векселях и международных простых векселях» (43/165). Чтобы найти взаимоприемлемое компромиссное решение при ее разработке использовался опыт обеих систем. Первоначально рассматривались два варианта, первый из которых ориентировался на сближение с правовыми нормами Женевской конвенции. Поскольку страны с англо-американским вексельным правом отрицательно отнеслись к этой перспективе, первый вариант был отклонен⁵⁴⁹. Что же касается второго варианта, то

⁵⁴⁹ Schinnerer E. Zuden Conventiosentwurfen von UNCITRAL furein internationales Schekrecht, Zeitschrift fur Rechtsvergleichung. – Wien, 1983. – S. 7; Bergsten E. E. Proyecto de Convencion de UNCITRAL sobre Letras de Cambio Internacionales y Pagares Internacionales – Su Historia y sus Principales Caracteristicas // Revista de la Federacion Latinoamericana de Bancos. – №67. – Bogota, 1988. – S. 23–44.

он предполагал создание новых текстов законов, что и было в конечном счете сделано (с ограничением для международного векселя). Однако это ограничение сузило возможность применения новой Конвенции, сделав ее зависимой от соглашения сторон.

Первоначально планировалось, что конвенция должна содержать в своем названии слова «*International Bill of Exchange (UNCITRAL Convention)*» или «*International Promissory Notes (UNCITRAL Convention)*»⁵⁵⁰, но отдельные страны заняли достаточно сдержанную позицию в отношении новой Конвенции, считая что ее принятие не оправдано ни в экономическом, ни в правовом отношении. В действительности же, учитывая снижение значения традиционного векселя, дальнейшие шаги по унификации вексельного законодательства могли бы положительно отразиться на сосуществовании двух систем вексельного права.

В Конвенции UNCITRAL была предпринята попытка сохранить положительные стороны обеих систем, исключив их недостатки. При этом предполагалась выработка компромиссного решения, обеспечившего бы расширение функций векселя как платежного средства и способа кредитования, а также устранение риска фальсификации в отношении владельцев векселя.

В процессе разработки текста Конвенции UNCITRAL активно обсуждались вопросы, касающиеся владельца векселя, прав и обязанностей сторон вексельного договора, объема прав и обязанностей трассанта, оплачивающего фальшивый индоссамент, а также лиц, подделавших индоссамент. Тематика их была обусловлена тем, что Женевская и Англо-американская системы вексельного права занимают по этим вопросам не просто различные, а противоположные позиции.

Конвенция UNCITRAL предусматривала внедрение новых международных платежных документов и предлагала совокупность правовых норм, регулирующих отношения, возникающие при их использовании. Необходимость такого регулирования была вызвана тем, что отличия национальных законодательств создавали правовую неопределенность относительно платежных средств, используемых при международных расчетах. Предполагалось, что нормы данной Конвенции будут действовать в случае использования специальной формы ценной бумаги с обязательной пометкой о распространении на данный документ правил Конвенции UNCITRAL⁵⁵¹.

⁵⁵⁰ Voit C. Das gefälschte und das nicht authorisierte Indossament nach der Konvention der Vereinten Nationen zum internationalem Wechsel. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1992. – S. 5, сноска 27.

⁵⁵¹ Текст Конвенции UNCITRAL см.: «Центр знаний по электрон-

Несмотря на то, что проект Конвенции был одобрен на 43 заседании Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1989 г., ее подписали лишь три государства – США, Канада и СССР, но ни одно из государств не ратифицировало. Поэтому на сегодняшний день Конвенция UNCITRAL не действует.

2.11. ВЕКСЕЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В КОНЦЕ XX В.

Вексель, старейший вид ценной бумаги, за свою долгую историю претерпел многие изменения, касающиеся как его внешней формы, так и функций (от способа размена денег до инструмента краткосрочного финансирования). Благодаря своей универсальности вексель как финансовый инструмент хорошо приспособлялся к изменяющимся экономическим условиям, отражая в новых формах трансформации в экономике, часто носившие глобальный характер. В настоящее время мы наблюдаем очередное видоизменение векселя и его адаптацию к условиям экономики постиндустриального общества.

Сегодня вексель используется исключительно как кредитный инструмент, но и в этом качестве он имеет меньшее значение, чем раньше. Количество индоссаментов на переводном векселе редко превышает один, что свидетельствует о нивелировании расчетной функции. В большинстве стран вексель в той или иной степени вытеснен из внутреннего оборота и сохраняет свое значение только во внешней торговле. В частности, в США использование переводного векселя на внутреннем рынке в начале 90-х годов XX в. составляло всего 10% от общей задолженности по акцепту⁵⁵². Он сохраняет некоторое (постоянно снижающееся) значение во внешней торговле в форме банковских акцептов. В европейских странах переводной вексель играет более существенную роль, но и там она также уменьшается. В целом же, можно считать, что рынок переводных векселей в его традиционном понимании сильно сократился. Единственной распространенной сегодня формой переводного векселя являются банковские акцепты и авалированные векселя.

Одной из основных тенденций сегодня является возрастание значения специальных простых векселей, к которым относят коммерческие бумаги, казначейские векселя, дисконтные векселя ведомств и т. п.

ной коммерции. Связанные ресурсы» (http://www.e-com-libr.com.ua/explanatory_res).

⁵⁵² Рубцов Б. Б. Рынок векселей и коммерческих бумаг за рубежом // Банковские услуги. – 1998. – №1. – С. 19.

В странах англо-американского права эти финансовые инструменты являются разновидностью простого необеспеченного финансового векселя, а в странах Женевской системы вексельного права они классифицируются не как векселя, а как самостоятельные ценные бумаги (разновидность краткосрочных облигаций), отличающиеся более либеральной процедурой выпуска. Их развитие было связано в большей степени с финансовым правом, чем с вексельным, и, как отмечает Ж. Дюпишо, мы сейчас переживаем золотые годы для простых векселей⁵⁵³.

Рассмотрим подробнее на примере США использование банковских акцептов – переводных векселей корпораций, акцептованных банками. Банковские акцепты выпускаются с дисконтом на срок от одного до шести месяцев и продаются на вторичном рынке в значительных объемах. Это единственная форма переводного векселя, достаточно широко используемая в США и Канаде. Основное преимущество банковского акцепта состоит в том, что такой переводной вексель с большой вероятностью будет принят продавцом при покупке у него товаров, в том числе и за границей, поскольку банк гарантирует его оплату. Инвестиционная привлекательность банковских акцептов обусловлена тем, что они имеют низкий кредитный риск. Банковские акцепты можно покупать или продавать через дилеров денежного рынка, а их продажа на вторичном рынке со скидкой сближает банковские акцепты с казначейскими векселями.

Распространенность во внешней торговле акцептованных банками корпоративных переводных векселей является общим явлением для вексельных рынков всех западных стран. Поскольку такие векселя имеют небольшой дисконт, они не являются активным инструментом денежного рынка. Хотя в Англии и США казначейские векселя распространены больше, чем банковские акцепты, в других странах казначейские векселя по их объему на вексельном рынке занимают второе место после банковских акцептов. Однако с середины 80-х годов XX в. объем этого рынка постоянно сокращается, что связано с переходом к финансированию с помощью выпуска коммерческих бумаг, еврокоммерческих бумаг и банковских займов.

В таблице 2.11.1. приведены данные, позволяющие проследить динамику изменения соотношения между общим объемом банковских акцептов и коммерческих бумаг (на примере рынка США).

⁵⁵³ Dupichot J., Guevel D. Les effets de commerce. Lettre de change, billet a ordre, cheque. – P.: Montchrestien, 1996. – P. 205, 211.

Таблица 2.11.1

**Абсолютные показатели рынка коммерческих бумаг
и банковских акцептов в США, млрд. долл. (1985–2004 гг.)⁵⁵⁴**

Год	Общая непогашенная задолженность	Коммерческие бумаги	Банковские акцепты
1985	358,5	293,9	64,6
1986	384,9	326,1	58,8
1987	437,9	373,6	64,3
1988	513,4	451,8	61,6
1989	579,2	521,9	57,4
1990	609,9	557,8	52,1
1991	565,9	528,1	37,8
1992	579,0	545,1	33,9
1993	580,0	553,8	26,3
1994	623,5	600,1	23,4
1995	700,4	677,7	22,6
1996	803,0	779,4	23,6
1997	979,4	958,5	20,9
1998	1172,6	1161,0	11,5
1999	1402,4	1393,8	8,6
2000	1614,0	1606,1	7,9
2001	1466,2	1461,4	4,8
2002	1374,7	1370,1	4,6
2003	1293,1	1288,7	4,4
2004	1406,7	1402,6	4,1

Приведенные данные свидетельствуют, что в 2004 г. доля коммерческих бумаг и банковских акцептов в общей задолженности составила 99,7 и 0,3% соответственно. При общей тенденции возрастания задолженности (от 358,5 млрд. долл. в 1985 г. до 1406,7 млрд. долл. в 2004 г.) и объема коммерческих бумаг (от 293,9 млрд. долл. в 1985 г. до 1402,6 млрд. долл. в 2004 г.) объем банковских акцептов неуклонно снижался (от 64,6 до 4,1 млрд. долл. в 2004 г.).

Коммерческие бумаги (*commercial paper*) являются инструментом пополнения оборотных средств и включают в себя векселя и сертификаты кредитных организаций, являющиеся наиболее краткосрочными долговыми обязательствами. Обычно в мировой практике сроки

коммерческих бумаг составляют от девяти месяцев (в США) до одного года (в Европе, в частности во Франции).

Коммерческие бумаги можно рассматривать как разновидность простого финансового векселя. В отличие от традиционного финансового векселя они имеют свои особенности. Это стандартизированные инструменты, выпускаемые сериями на короткий срок. Цель их выпуска – аккумуляция на рынке свободных ресурсов, то есть та же, что и у индивидуальных финансовых векселей. Коммерческие бумаги возникли из потребности корпораций аккумулировать на короткий срок заемный капитал у максимального числа инвесторов, но без такой жесткой регламентации процедуры эмиссии, как при использовании облигаций.

Выпуская краткосрочные необеспеченные векселя, крупные компании могут не платить банку за посредничество. Поэтому для большинства корпораций коммерческие бумаги стали альтернативой обычному банковскому кредиту. Как правило, они размещаются непосредственно среди инвесторов, вследствие чего стоимость привлеченных средств в целом ниже, чем по банковским кредитам. Эмитентами коммерческих бумаг являются не только корпорации, но и банки. Они используют коммерческие бумаги для привлечения дополнительных финансовых ресурсов и поддержания ликвидности финансовых институтов.

Коммерческие бумаги выпускаются на регулярной основе на срок в среднем около 30 дней (максимум – 270 дней) производственными фирмами, финансовыми компаниями и банковскими холдингами. Это краткосрочные долговые обязательства – эмитент обязан выплатить держателю документа в определенный срок заранее установленную сумму.

Коммерческие бумаги весьма популярны как способ краткосрочного вложения свободных средств. Они продаются с дисконтной скидкой от суммы гарантированной выплаты. Поскольку эмитент не предлагает никакого обеспечения, единственной гарантией коммерческих бумаг является репутация фирмы-эмитента⁵⁵⁵.

Сравнительные данные по объему рынка коммерческих бумаг приведены в таблице 2.11.2.

⁵⁵⁵ В 90-е годы XX в. отмечался быстрый рост популярности коммерческих бумаг и увеличение объема их рынка, а основными их эмитентами были дочерние компании автомобильных фирм, в частности *General Motors*, и крупнейшие нью-йоркские банки, такие как *Citibank* (Колб Р., Родригес Дж. Финансовые институты и рынки. – М.: Дело и Сервис, 2003. – С. 120–121).

Таблица 2.11.2.
Основные национальные рынки коммерческих бумаг⁵⁵⁶

Страна	Время возникновения рынка	Задолженность, мрд. долл.		
		1986 г.	1990 г.	1995 г.
США	XIX в.	326,1	557,8	677,7
Япония	Конец 1987 г.	–	126,5	101,9
Франция	Конец 1985 г.	4,3	28,9	29,5
Швеция	1983 г.	3,6	18,7	20,2
Австралия	Середина 70-х годов XX в.	4,2	9,5	16,4
Канада	50-е гг. XX в.	12,9	24,3	16,2
Испания	1982 г.	7,3	22,1	10,0
Великобритания	1986 г.	0,8	5,8	9,9
Норвегия	Конец 1984 г.	1,1	3,0	6,1
Бельгия	1990 г.	–	0,0	4,2
Германия	1991 г.	–	–	4,0
Нидерланды	1986 г.	0,1	1,9	2,2
Финляндия	Середина 1986 г.	0,4	5,8	1,4
Всего		360,8	804,3	899,70

Прямой предшественник коммерческих бумаг был простой финансовый вексель. Позже финансовые векселя приняли форму коммерческих бумаг, первые прототипы которых появились в США еще в начале XIX в., когда американские компании начали продавать инвесторам свои необеспеченные векселя. Наибольшего развития рынок коммерческих бумаг нефинансовых компаний достиг в 30-е годы XX в., а в 50-е годы, когда появились коммерческие бумаги финансовых компаний, он получил новый толчок к развитию. До начала 80-х годов XX в. рынок коммерческих бумаг существовал только в США, Канаде и Австралии, а в следующее десятилетие такие рынки появились во многих странах, в том числе в Европе. Быстрое развитие европейского рынка ценных бумаг связано с появлением налоговых льгот, а также с понижением в 80-е годы XX в. рейтинга коммерческих банков по сравнению с рейтингом крупнейших небанковских компаний.

Появление французского и шведского рынков в середине 80-х годов XX в. было обусловлено процессом дерегулирования финансовой

⁵⁵⁶ Valdez S. An Introduction to Global Financial Markets. – L.: Harper, 1997. – P.106.

системы в этих странах. В Испании рынок вначале развивался вне системы государственного регулирования, и вследствие ограничений на банковские кредиты в 1989 и 1990 гг. наблюдались огромные объемы эмиссии. Позже всего коммерческие бумаги появились в Германии, где их выпуск был разрешен лишь в январе 1991 г. После своего стремительного развития (к середине 1992 г. объем задолженности достиг 32 млрд. марок) этот рынок существенно сократился.

В Австралии рост рынка коммерческих бумаг начался после 1983 г., когда был отменен гербовый сбор на простые векселя и другие оборотные инструменты денежного рынка. В Японии первые коммерческие бумаги начали выпускаться только в 1987 г., но за короткое время в этой стране возник второй по величине после США национальный рынок коммерческих бумаг. Однако после 1990 г. его развитие затормозилось.

В Англии возможность выпуска коммерческих бумаг появилась в 1986 г. после принятия поправки к закону о банковской деятельности 1979 г. До этого выпуск коммерческих бумаг был невозможен, поскольку расценивался как деятельность по привлечению депозитов, позволенная только кредитным учреждениям. Прямыми предшественниками коммерческих бумаг в Англии был рынок евронота (*euronotes*), выпускавшихся с конца 70-х годов XX в. правительством, банком и корпорациями на срок от одного до шести месяцев со стандартным номиналом в 500 тыс. долл. Активизация роста рынка евронота началась с 1984 г., после чего этот рынок постепенно трансформировался в рынок так называемых еврокоммерческих бумаг⁵⁵⁷.

За последнее десятилетие коммерческие бумаги стали успешно заменять банковский кредит, особенно в США, Испании и Канаде, где в начале 90-х годов соотношение между задолженностью по коммерческим бумагам и банковскими кредитами нефинансовым компаниям составляло 17,1 12,3 и 11,5%, увеличившись за 80-е годы на 5–7%. Кроме того, вследствие глобализационных процессов начал формироваться международный рынок еврокоммерческих бумаг.

—

Сегодня на вексельном рынке существуют различные схемы учета векселей, предполагающие контроль как со стороны государства, так и со стороны центральных банков. Основу всех схем переучета, использу-

⁵⁵⁷ Рубцов Б. Б. Рынок векселей и коммерческих бумаг за рубежом // Банковские услуги. – 1998. – №2. – С. 31.

емых в зарубежных странах, составляет отлаженная инфраструктура вексельного рынка с большим числом участников и низким риском.

Известно несколько моделей учета векселей, и наиболее распространенной из них является так называемая немецкая схема переучёта, сформировавшаяся в Германии в конце XIX в. и перенятая большинством стран. Однако сегодня в чистом виде классическая немецкая схема переучёта векселей не сохранилась нигде (частично она функционирует в Швейцарии, и по этой причине ее иногда называют швейцарской). В основе этой системы – процедура учета векселей центральным банком, а главным инструментом является учётная ставка – процент, под который производилось дисконтирование определённых типов векселей. При этом компания выдавала переводной вексель своему партнеру, тот его акцептовал и после этого учитывал в своём коммерческом банке. Банк переучитывал авалированный вексель в центральном банке, эмитировавшем деньги.

Крупной компании, продающей свои товары в кредит дилерам, проще получить в банке кредит, чем мелким фирмам-дилерам. Поэтому она обеспечивает гарантиями своих дилеров, хотя за возвращение кредита отвечают прежде всего сами мелкие фирмы – должники. Крупная компания выдает переводной вексель на мелкую фирму (дилера), которая акцептует вексель. После этого вексель с двумя подписями учитывается в банке под гарантии крупной компании. На следующем этапе этой операции банк переучитывает вексель с двумя (в случае гарантии этого банка – с тремя) подписями в банке более высокого уровня (так называемый банк кастоди). Последний покупает вексель по заранее объявленной цене со скидкой по учётной ставке. Как правило, покупаются не отдельные векселя, а права на пакеты однотипных векселей.

После того как у банка более высокого уровня образовался пакет векселей, он принимает решение, пустить эти векселя в обращение (степень их ликвидности достаточно высока, и они учитываются практически без дисконта) и продать их на открытом рынке, либо переучесть в центральном банке. Переучитываться в центральном банке может как отдельный вексель, так и пакет однотипных векселей. Однако сегодня всё чаще выступающие в роли инвесторов банки кредитуют компании непосредственно, привлекая ресурсы открытого рынка, а компании, в свою очередь, также выходят непосредственно на открытый рынок.

Основными эмитентами коммерческих бумаг в США и Канаде являются финансовые компании, на которые приходится около 70%

всех коммерческих бумаг. Такие же компании являются наиболее активными эмитентами в Финляндии, а в Швеции и Норвегии наиболее крупными эмитентами являются учреждения ипотечного кредита. В других странах эмиссия коммерческих бумаг финансовыми учреждениями сдерживается законодательными ограничениями. В частности, во Франции значительную часть коммерческих бумаг выпускают государственные компании (или компании, у которых контрольный пакет акций находится в руках государства). В Швеции коммерческие бумаги широко используются предприятиями общественного пользования, принадлежащими местным органам власти. В Германии ведущими эмитентами коммерческих бумаг были приватизационные ведомства (*Treuhandanstalt*), ликвидированные в 1994 г., и почтовая служба *Bundespost*. Центральные органы власти практически нигде не являются эмитентами коммерческих бумаг, хотя ими создан ряд программ, связанных с их выпуском на европейском рынке.

Среди новых методов вексельного обращения следует упомянуть возможность принятия вексельного обязательства в форме электронного документа с использованием цифровой подписи. Это устраняет существенные издержки и риски участников рынка, а также обеспечивает прозрачность информации о протестах векселей при оценке краткосрочных кредитных рисков.

На финансовом рынке США вексельные инструменты включают в себя: 1) казначейские векселя, 2) дисконтные векселя федеральных ведомств, 3) краткосрочные муниципальные бумаги, не облагаемые налогом, 4) коммерческие бумаги, 5) банковские акцепты и 6) среднесрочные векселя. Из них преобладают казначейские векселя и векселя корпораций (банковские акцепты). Рассмотрим особенности использования отдельных вексельных инструментов.

Казначейские векселя представляют собой обязательства, выпускаемые Казначейством США еженедельно на срок три недели, три или шесть месяцев с целью финансирования дефицитов бюджета. При погашении по казначейским векселям выплачивается фиксированная сумма, а процентные выплаты не производятся. Ежемесячно выпускаются казначейские векселя со сроком погашения 52 недели. Они продаются на еженедельных аукционах (их минимальная номинальная стоимость составляет 10 тыс. долл.), а также на вторичном рынке, где ежедневный объем операций с такими векселями превышает 35 млрд. долларов. Обычно потенциальные покупатели этих ценных бумаг сами назначают цену, по которой готовы их купить, подавая конкурентные и неконкурентные заявки через один из 12 фе-

деральных резервных банков. Потенциальный покупатель указывает в заявке количество векселей, которые он имеет намерение приобрести, а также их планируемую доходность. Казначейские векселя приобретают преимущественно банки, а также (в небольших объемах) другие финансовые посредники, корпорации и частные лица.

Механизм получения прибыли по казначейским векселям основан на том, что они изначально продаются со скидкой. Это наиболее ликвидные кредитные инструменты, поскольку торги по ним производятся чаще, чем по другим. Дефолт (ситуация невозможности осуществления платежа) в данном случае исключен, поскольку гарантом платежа выступает федеральное правительство.

Если в 1970 г. векселей казначейства США было выпущено на сумму 81 млрд. долл., то в 1993 г. – на 715 млрд. долл.⁵⁵⁸. Такие векселя являются наиболее популярными инструментами денежного рынка. Большая часть их обращается на вторичном рынке и имеет очень узкую маржу, не более 200–400 долл. на 1 млн. долл. векселей.

Дисконтные векселя федеральных ведомств (или федеральные ценные бумаги) выпускаются Федеральным банком жилищного кредитования (*Federal Home Loan Bank*), Федеральной национальной ипотечной ассоциацией («*Fannie Mae*») и другими федеральными организациями на срок от трех до шести месяцев и продаются через дилеров на хорошо сформированном вторичном рынке. Краткосрочные займы представлены дисконтными векселями, подобными векселям казначейства США, но федеральные векселя превосходят их по доходности, хотя они и менее ликвидны. Доход по этим ценным бумагам начисляется путем дисконта со сроком погашения шесть и меньше месяцев.

Краткосрочные муниципальные бумаги, не облагаемые налогом, выпускаются муниципалитетами и властями отдельных штатов на срок от трех месяцев до одного года. Эти векселя имеют большую степень риска, чем казначейские бумаги, кроме того, их сложнее купить или продать. Однако они также привлекательны для инвесторов, поскольку существует хорошо сформированный вторичный рынок таких бумаг, а процентный доход по ним не облагается федеральным подоходным налогом.

Среднесрочные векселя выпускаются финансовыми компаниями и банками, а также производственными компаниями на срок от

⁵⁵⁸ Мишкин Ф. Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 37–38.

270 дней до 10 лет. Эти необеспеченные простые векселя обычно покупаются дилерами, и по ним выплачивается процент по фиксированной ставке.

Нотные эмиссионные обязательства представляют собой форму среднесрочного кредитования с помощью различных инструментов финансового рынка. Как правило, это простые векселя (*notes*) с плавающей процентной ставкой. При их использовании заемщик подписывает соглашение с синдикатом коммерческих банков, обязывающее банки покупать векселя заемщика либо давать заемщику фонды займы. Срок таких займов составляет от трех до 10 лет; банки берут годовую плату за такие услуги. В среднем объем нотных эмиссионных обязательств составлял в конце 90-х годов XX в. около 5 млрд. долл. в год – существенно меньше, чем раньше (40 млрд. долл. в 1985 г. и 20 млрд. в 1987–1988 гг.)⁵⁵⁹. Причиной уменьшения общего объема нотных эмиссионных обязательств был прогнозируемый рост банковских рисков.

Закон США «О ценных бумагах и биржах» не требует регистрации государственных ценных бумаг, а также ценных бумаг, используемых в текущих операциях, и со сроком до 270 дней. Вексельный рынок США регулируется государством путем контроля за финансовым состоянием его участников (как коммерческих банков, так и небанковских финансовых компаний). Федеральная резервная система жестко контролирует коммерческие банки, так как при банкротстве банка она обязана выплатить каждому пострадавшему сумму в размере 100 тыс. долл. Впрочем, с 1984 г. этот контроль стал лишь номинальным. Небанковские финансово-коммерческие структуры контролируются Комиссией по ценным бумагам и биржам на основе закона, посвященного обращению ценных бумаг, согласно которому все профессиональные участники рынка ценных бумаг обязаны быть зарегистрированы в данной Комиссии. Кроме того, с 1984 г., чтобы обезопасить работу на рынке и усилить степень ответственности финансовых учреждений, повысились требования к уставному капиталу – он должен быть не меньше 250 тыс. долл.

В США была разработана процедура определения кредитных рейтингов выпусков векселей. Для этого эмитенты векселей при проведении так называемой «регистрации на полке» должны обращаться в рейтинговое агентство, которое и определяет соответствующий

⁵⁵⁹ Колб Р., Родригес Дж. Финансовые институты и рынки. – М.: Дело и Сервис, 2003. – С. 129.

рейтинг для нового выпуска векселей на определенную сумму. Благодаря этому инвесторы постоянно получают необходимую информацию о рейтинге приобретаемых ими векселей. Важную роль сыграли и меры, направленные на создание ликвидного вторичного рынка векселей, где устанавливается котировка цен на векселя. Наличие такого рынка повышает их оборотность, поскольку инвесторы знают, что могут легко продать векселя в любое время⁵⁶⁰.

В Великобритании, как и в США, основными эмитентами векселей являются государство и частные компании при поддержке коммерческих банков. Рынок ценных бумаг контролируется в первую очередь Английским банком (*Bank of England*), выполняющим функции центрального банка. Им определяется ликвидность коммерческих банков, в частности и по объему выдаваемых ими акцептов. Кроме того, Английский банк контролирует не только казначейские векселя, но и всех участников вексельного рынка, в том числе коммерческие банки, осуществляющие операции переучета векселей.

После принятия в 1986 г. Закона «О финансовых услугах» в Англии был создан Совет по ценным бумагам и инвестициям, контролирующий рынок ценных бумаг путем передачи полномочий биржам либо иным саморегулирующимся организациям. Переучет векселей в Англии осуществляется учетными домами – кредитными организациями, имеющими статус специализированных банков («*Gennard and National PLC*», «*Cater Alien Ltd*», «*Union Discount*», «*Alexander Discount PLC*»). Учетные дома приобретают (на собственные средства и на займы, взятые у коммерческих банков) векселя и другие ценные бумаги, получая доход от разницы их курсов. Поскольку эти займы преимущественно краткосрочные, в учетных домах может возникнуть недостаток средств. Поэтому Английский банк предоставляет им привилегии, выдавая займы, что является одним из методов рефинансирования экономики страны. В 70–80-е годы XX в. значение учета векселей возросло, и в начале 90-х годов доля переводных векселей в активах учетных домов доходила до 40%⁵⁶¹.

В тщательно отработанной системе вексельных расчетов значительную роль играют как специальные вексельные институты, так и коммерческие банки. Если раньше в Англии право переучета векселей в цен-

⁵⁶⁰ Кузнецова Н. С., Назарук І. Р. Ринок цінних паперів в Україні: правові основи формування та функціонування. – К.: Юрінком Інтер, 1998. – С. 37–38.

⁵⁶¹ Ходов Л. Г. Регулирование рынка ценных бумаг в США и Великобритании // Внешнеэкономический бюллетень. – 1998. – № 7.

тральном банке принадлежало ограниченному кругу учетных банков, то теперь право заниматься этими операциями получило значительно большее количество банков. Эти изменения в практике вексельного обращения отражают стремление британского правительства сохранить за Лондоном роль общеевропейского финансового центра. Однако создание в 1999 г. Европейского валютного союза практически ликвидировало валютные риски на территории континентальной Европы.

Во Франции в начале 90-х годов XX в. около 90% всех коммерческих операций производилось с помощью переводов, в том числе 28% с помощью чеков. Классические коммерческие документы использовались в 6% операций⁵⁶². Обработка классических бумажных коммерческих документов требовала до 40% накладных расходов. Если учесть, что в 60-е годы XX в. во Франции находилось в обороте до 300 млн векселей со средней стоимостью 5 франков, и каждый из этих векселей проходил от трех до пяти передач, расходы на их обработку были весьма высоки⁵⁶³.

Для Франции характерно использование векселей, как сочетание бумажных носителей с электронными документами. Сегодня во Франции векселя в бумажной форме используются только на стадии их создания. В дальнейшем вексель воспроизводится в электронном виде и хотя бумажный вексель продолжает храниться, в обороте используется LCR (*lettre de change releve*) - переводной вексель в электронной форме, а также BOR (*billet a ordre releve*) - простой вексель в электронной форме. Эти электронные документы были законодательно введены в 1973 году, но систематически стали применяться после 3 мая 1994 года.

Переход к использованию векселя в форме электронного документа позволяет избежать многочисленных и дорогостоящих манипуляций с векселями в бумажной форме. Если в 1987 г. в электронной форме производилось 37,5% вексельных операций, то в 1990 г. – 81,8%, а в современной Франции электронная форма векселя полностью вытеснила традиционную бумажную.

Если в 1995–1996 гг. еще различались два вида коммерческих бумаг (*effets de commerce*) – *Effets «papier»*, т. е. коммерческие бумаги в традиционной документарной форме, и LCR (*Lettre de Change Relevé*), то начиная с 1997 г. в отчетах Banque de France эти строки в отчете объединены в одну – *Effets de commerce – LCR*, то есть коммерческие бумаги в форме электронных документов.

⁵⁶² Dupichot J., Guevel D. Les effets de commerce. Lettre de change, billet a ordre, cheque. – P.: Montchrestien, 1996. – P. 18.

⁵⁶³ Ibid. – P. 10.

Таблица 2.11.3
Динамика изменения сумм операций с различными видами долговых ценных бумаг (1994–2004 гг.)⁵⁶⁴

Вид долговых ценных бумаг	Год										
	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
	в млрд. франков					в млрд. евро					
Чеки бумажные	11308,8	11025,3	11629,9	11550,4	12072,3	1920,4	1889,3	1750,4	206,6	-	-
Image-чеки	143,3	155,0	161,3	156,8	164,1	28,0	25,9	85,0	1828,3	2059,1	1770,4
Переводы обычных сумм	5830,9	6349,9	7949,4	8743,6	9039,3	1459,2	1521,0	1367,1	1467,8	1455,1	1586,1
Векселя (с 1997 г. – переводные векселя- выписки)	3092,6	2950,8	2947,9	2868,8	2950,2	444,2	446,3	453,6	436,2	423,6	427,8
из них:											
– векселя в бумажной форме	36,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
– векселя в электронной форме (LCR)	3056,2	2950,8	2947,9	-	-	-	-	-	-	-	-
Извещения о дебетовании	1196,4	1247,8	1358,3	1450,2	1580,1	260,5	285,7	327,2	368,6	370,6	387,1
Межбанковские оплаты	87,5	112,5	179,1	213,0	237,4	38,0	38,9	41,1	41,4	42,2	42,3
Телепереводы	-	-	-	-	-	3,7	6,3	18,0	105,2	116,6	136,5
Оплата карточками	534,4	590,2	656,0	589,1	657,0	111,3	127,5	140,7	159,4	169,4	182,5
Прочие	-	-	-	-	-	34,9	32,8	34,7	35,9	34,9	34,5
Всего	22193,9	22431,5	24881,9	25571,9	26700,4	4296,5	4373,6	4217,7	4649,5	4671,3	4567,2

Таблица 2.11.4.
Динамика изменения количества операций (1994–2004 гг.) (в миллионах операций)⁵⁶⁵

Вид долговых ценных бумаг	Год										
	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Чеки бумажные	3650,0	3582,1	3630,3	3620,7	3599,2	3381,9	3453,9	3146,8	146,9	-	-
Image-чеки	259,9	281,7	293,0	285,3	296,7	303,0	307,7	467,7	3494,9	3467,2	3370,4
Переводы обычных сумм	1021,5	1080,8	1180,5	1243,0	1322,0	1383,3	1473,4	1546,3	1623,9	1681,2	1734,0
Векселя (с 1997 г. – переводные векселя-выписки)	140,4	129,3	129,3	124,8	125,2	121,2	116,5	114,5	109,8	106,8	105,8
из них:											
– векселя в бумажной форме;	1,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
– векселя в электронной форме (LCR)	138,5	129,3	129,3	-	-	-	-	-	-	-	-
Извещения о дебе- товании	792,6	850,3	927,6	987,2	1098,0	1219,2	1327,9	1374,9	1513,4	1584,7	1698,9
Межбанковские оплаты	78,3	91,1	114,4	122,3	129,4	131,6	134,0	130,1	142,2	142,0	143,4
Телепереводы	-	-	-	-	-	0,42	0,57	0,89	1,44	1,69	2,57
Оплата карточками	1672,4	1866,8	2084,3	1922,4	2164,8	2443,5	2781,6	3076,3	3471,6	3660,5	3926,3
Прочие	-	-	-	-	-	614,6	651,2	690,5	690,6	654,0	633,5
Всего	7615,1	7882,1	8359,4	8305,7	8735,3	9598,7	10247,0	10548,1	11194,7	11298,2	11614,9

⁵⁶⁵ www.banque-france.fr/fr/sys_mone_fin/telechar/stats/volsyst.pdf

Изменения средней суммы по платежным инструментам (1994–2004 гг.)⁵⁶⁶

Вид долговых ценных бумаг	Год										
	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
	во франках					в евро					
Чеки бумажные	3098	3078	3204	3190	3354	568	547	556	1406	-	-
Image-чеки	551	550	551	550	553	92	84	182	523	594	525
Переводы обычных сумм	5708	5875	6734	7034	6838	1055	1032	884	904	866	915
Векселя (с 1997 г. – переводные векселя-выписки)	22027	22821	22799	22987	23564	3665	3830	3961	3971	3968	4043
из них:											
– векселя в бумажной форме	19158	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
– векселя в электронной форме (LCR)	22066	22821	22799	-	-	-	-	-	-	-	-
Извещения о дебетовании	1509	1467	1464	1469	1439	214	215	238	244	234	228
Межбанковские оплаты	1117	1235	1566	1742	1835	288	290	316	291	297	295
Телепереводы	-	-	-	-	-	8929	11122	20296	73240	68868	53211
Оплата карточками	320	316	315	306	303	46	46	46	46	46	46
Прочие	-	-	-	-	-	57	50	50	52	53	54
Всего	2914	2846	2977	3079	3057	448	427	400	415	413	393

Таблица 2.11.6.

Динамика изменений в обороте LCR (2000–2005 гг.)

Показатель по LCR	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	февраль 2005 г.
Количество операций (изменение, %)	116548	114527 -1,7%	109834 -4,1%	107763 -2,8%	105798 -0,9%	8326 +4,2%
Сумма (млн евро)	446339	453624	436167	423633	427776	32112
Средняя сумма LCR (евро) (изменения в %)	3 830	3 961 +3,4%	3 971 +0,3%	3 968 -0,1	4 043 +1,9	4 097 +1,0

Таблица 2.11.7.

Векселя в активах банков Германии (1997–2004 гг.) (до конца 1998 г. в млн. DM, с 1999 г. – млн. €)

год	Количество учреждений	Всего активов (баланс, сумма)	Казначейские векселя и дискон- тные ордера (бумаги)		Векселя	Долговые ценные бумаги и прочие ценные бумаги	
			всего	из них: монетная и акционная бумага	всего	из них: дисконтные векселя	договые ценные бумаги
1997	3414	9055344	6036	-	11444	6442	37734
1998	3246	10050430	8655	-	12563	6596	45852
1999	2999	5740741	7699	.	8309	5480	31376
2000	2740	6148318	4850	.	7779	4877	30076
2001	2521	6386110	4749	.	5801	3399	35565
2002	2365	6452299	9337	.	4851	2825	-
2003	2226	6470882	5655	.	4380	2608	-
2004	2147	6663797	10132	.	3492	1883	-

Несмотря на то, что учет векселей во Франции является преобладающей формой краткосрочного кредита, в целом за последние 25 лет значение дисконтирования векселей и оборота переводных векселей существенно снизилось.

В Германии в 2004 г. активы всех банков составляли 6663,8 млн. евро, из них учтенные векселя – 3,5 млн. евро⁵⁶⁷. О роли вексельных операций в финансовом обороте страны свидетельствуют данные Федерального статистического бюро Германии, приведенные в таблице 2.11.7⁵⁶⁸.

Второй по объему сегмент вексельного рынка Германии – банковские векселя. Контроль над вексельным рынком полностью возложен на государство, а саморегулирующиеся организации практически отсутствуют. Основными профессиональными участниками вексельного рынка являются банки, а ключевая роль в его регулировании принадлежит Немецкому федеральному банку.

Коммерческие банки Германии активно проводят операции переучета, однако доля переучета, как и в остальных развитых странах, в последние десятилетия постепенно снижается (с 7,27%, в 1970 г. до 1,32% в 1999 г.). Как правило, схема переучета выглядит следующим образом. Авалированный корпоративный соло-вексель (либо переводной вексель, акцептованный зарубежным банком) предлагается фирме, выступающей в роли билль-брокера (консультанта по вопросам приобретения ценных бумаг) и работающей с определенным местным банком. Билль-брокер определяет рейтинг банка-авалиста и рекомендует (или не рекомендует) своему банку учесть этот вексель. Кроме того, достаточно распространены так называемые хозяйственные кредиты, включающие в себя вексельные обязательства предприятий и компаний перед банковским сектором. Данные по вексельным операциям и коммерческим бумагам в Германии приведены в таблицах 2.11.8. и 2.11.9⁵⁶⁹.

⁵⁶⁷ Рубцов Б. Б. Рынок векселей и коммерческих бумаг за рубежом // Банковские услуги. – 1998. – №1. – С. 19.

⁵⁶⁸ www.destatis.de

⁵⁶⁹ www.bundesbank.de/download/volkswirtschaft/stat_beihefte/hankenstatistik032005.pdf

Таблица 2.11.8.

**Векселя в активах и пассивах немецких банков
в Германии (1997–2004 гг.)**

(до конца 1998 г. в млн. DM, с 1999 г. – млн. €)

Виды векселей	год							
	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Всего векселей в активах банков	11444	12563	8309	7779	5801	4851	4380	3492
из них: соответствуют для ре-финансирования с центральными банками	6442	6596	5480	4877	3399	2825	2608	1883
(Ре-)Дисконтный кредит	65958	49780	8639	8060	6090	5018	4556	3633
В пассивах								
Условные обязательства, образованные от редисконта векселей	54514	37217	330	281	289	167	176	141
Ссуды германским и зарубежным банкам								
Векселя	18677	14883	134	161	142	115	158	150
Ссуды германским банкам								
Векселя	18125	14554	35	17	16	17	23	41
Ссуды небанкам								
Векселя	47281	34897	8175	7618	5659	4736	4222	3342
Краткосрочные ссуды								
Векселя	47115	34761	8175	7618	5659	4736	4222	3342

Таблица 2.11.9.

Коммерческие бумаги в Германии, в марках/евро

Год	Коммерческие бумаги, эмитированные германскими небанковским учреждениям	Коммерческие бумаги, эмитированные германскими небанковским учреждениям	Коммерческие бумаги, эмитированные иностранными небанковским учреждениям
	Продажи брутто	В обращении	Всего
1993	127243	11721	–
1994	94203	6163	20514
1995	89301	5751	36707
1996	87002	5886	55349
1997	121461	8053	63156
1998	114726	6786	50322
1999	55973	8050	22240
2000	84568	13331	21836
2001	122036	19080	42717
2002	116102	19333	47468
2003	196983	31186	29988
2004	235094	23241	33206

В экспортных операциях встречаются две основные формы векселей – классический экспортный вексель (перевод денег от экспортера импортеру), а также тратта в рамках прямого торгового кредита. Более разнообразны виды банковских акцептов. Вместе с основной формой классического банковского акцепта они применяются для внешнего кредита, а также в качестве основы банковского акцептного финансирования. Широкое применение банковских акцептов связано с повышенной ответственностью по этим обязательствам, поскольку обязательство банка (в отличие от обычного акцепта) предоставляет повышенные гарантии в отношении рисков во внешней торговле. В то же время выставленные банками традиционные простые векселя утратили свое прежнее значение, а программы, в рамках которых эти векселя использовались, существенно сократились⁵⁷⁰.

Важный сегмент современного вексельного рынка представлен странами Юго-Восточной Азии. В Китае вексельное обращение начало формироваться в 1995 г. после принятия закона о векселях. Свойственные КНР высокая степень регулирования экономики и плановый принцип ведения хозяйства объясняют осторожность в реформах кредитно-денежной системы. В Китае преобладают не простые, а переводные векселя, выдаваемые промышленными предприятиями преимущественно под товарное обеспечение. Эти векселя акцептуются банковской системой, чем обеспечиваются дополнительные гарантии по вексельным обязательствам, поскольку банковские акцепты повышают их ликвидность и надежность. Среди инвесторов, применяющих векселя, преобладают компании, получающие векселя в счет оплаты товаров и услуг, и в целом вексельный рынок имеет внутреннюю направленность. Основным контролирующим органом является банковская система. Коммерческие банки обеспечивают непосредственный контроль за качеством векселей, обращающихся на рынке, а Народный банк Китая контролирует деятельность других банков и небанковских кредитно-денежных учреждений.

В 90-е годы XX в. ведущее положение на вексельном рынке занимали государственные специализированные банки, предоставившие 78,6% всех кредитов. На кредитование оборотных средств в 1996 г. было направлено около 70% банковских кредитов, а общий объем акцепта векселей составил 354 млрд. юаней, что приближается к объему находящихся в обращении казначейских облигаций (350 млрд. юаней) и уступает лишь совокупности корпоративных и банковских облигаций

⁵⁷⁰ Link M. Der Wechsel als instrument der Exportfinanzierung. – Frankfurt am Main: Lang, 1994. – S. 202–204.

(410 млрд. юаней). В целом же, хотя вексельный рынок Китая пребывает на стадии формирования и ограничен по количеству участников и организаций, его обслуживающих, принятие вексельного законодательства существенно стимулировало его развитие⁵⁷¹.

На вексельном рынке Южной Кореи переучетом векселей занимаются специализированные организации (Национальная кооперативная федерация рыболовства, Национальная кооперативная животноводческая корпорация и др.), а предоставление кредитов под обеспечение корпоративных векселей зависит от рейтинга их эмитента и цели использования. Обычно под обеспечение внешнеторговых операций предоставляются кредиты в размере 30% залоговой стоимости векселей; под векселя предприятий малого и среднего бизнеса – 50%; под векселя предприятий сельского хозяйства и рыболовства, учтенные Национальной кооперативной федерацией рыболовства, – 50%⁵⁷².

В Японии вексельный рынок представлен векселями коммерческих банков, корпоративными векселями, банковскими акцептами и казначейскими векселями – такая структура рынка сформировалась в середине 80-х годов XX в. В обращении преобладают корпоративные переводные векселя, акцептованные банковской системой. Это в основном дисконтные краткосрочные векселя, погашаемые по истечении срока акцептовавшим их банком. Поскольку платеж по ним гарантируется не только выпустившей их компанией, но и акцептовавшим их банком, эти инструменты имеют минимальный уровень риска.

Индивидуальные инвесторы в Японии не являются участниками операций на вексельном рынке – им предоставлено право покупки сберегательных сертификатов. Основным влиянием на японском вексельном рынке обладают коммерческие банки. Банковские векселя ориентированы на решение проблем избытка (или дефицита) денежных ресурсов путем эмиссии. Эти векселя имеют краткосрочный характер – обычно от недели до года.

Первые коммерческие бумаги в Японии начали выпускаться лишь в 1987 г., но за очень короткий срок сформировался их рынок, являющийся вторым по величине после рынка США. Однако темпы роста японского рынка коммерческих бумаг снизились в начале 90-х годов XX в.⁵⁷³.

⁵⁷¹ Хасанов Ш. Неплатежи – взгляд изнутри // Рынок ценных бумаг. – 1998. – № 23–24.

⁵⁷² Москвина Л. А. Функции банка Кореи // Банковские услуги. – 1996. – № 4.

⁵⁷³ Ноздрев Н. Денежный рынок Японии: Структура и перспективы развития // Финансовый бизнес. – 1994. – № 4.

Существует мнение, что со временем вексель утратит свое значение. В некоторых странах, например в Италии, в настоящее время вексель вообще не используется. Это связано с тем, что совершенствование процедуры осуществления платежей с помощью современных средств электронной техники предоставляет более широкие финансовые возможности. Кроме того, ограничивает вексельное обращение и налог на вексель, значение которого (в качестве поступлений в бюджет) для государства несущественно.

Несмотря на развитие рынка коммерческих бумаг, в центральных банках Германии и Франции доля векселей заметно возросла (с 1993 по 1996 гг. от 0 до 17% – во Франции, от 1,23 до 14% – в Германии)⁵⁷⁴. Очевидно, эта тенденция имеет не случайный характер. Несмотря на бурный рост рынка коммерческих бумаг и сокращение рынка переводных векселей, торговый вексель в конце XX в. не утратил свое значение для экономики этих стран.

Каковы же перспективы развития вексельного рынка? В июне 1986 г. Немецкое промышленное и торговое собрание направило письмо в Промышленную и торговую палату, в котором содержались результаты проведенного опроса, целью которого было определение места торгового (товарного) векселя в современной экономике и будущих тенденций его развития. В опрос были включены такие вопросы: изменилось ли с начала 70-х годов XX в. значение торгового векселя в экономике? возросло оно или снизилось? каковы причины этого явления? в чем преимущества и недостатки торгового векселя?

Хотя распространено мнение, что векселя используются в основном крупными фирмами, в действительности вексель сохраняет свое значение не только в крупных, но и в средних компаниях, поскольку именно в среднем бизнесе и промышленности внешнеторговый вексель наиболее эффективно используется для экспортного финансирования, обеспечивая гарантии против рисков и колебаний курсов валют. В крупных фирмах торговый вексель утратил свое значение в качестве инструмента финансирования по отношению к краткосрочным кредитам с фиксированной процентной ставкой — прежде всего на европейском рынке. Там в большей мере применяются лизинговые операции, а также новые формы финансирования⁵⁷⁵.

⁵⁷⁴ Рубцов Б. Б. Рынок векселей и коммерческих бумаг за рубежом // Банковские услуги. – 1998. – №1. – С. 19.

⁵⁷⁵ Link M. Der Wechsel als instrument der Exportfinanzierung. – Frankfurt am Main: Lang, 1994. – S. 212-214.

В целом, значение и объем вексельных кредитов зависят от разницы между учетной ставкой и процентом на финансовом рынке. Чем больше различие между процентной ставкой вексельного кредита и процентной ставкой контокоррентного кредита, тем выше будет спрос на вексельные кредиты, и наоборот.

Необходимо упомянуть и о специфическом чеке-векселе, который в последние годы приобретает все большее значение и распространение. При этом виде платежа покупатель вместе с чеком пересылает вексель с просьбой подписать его в качестве выставителя и снабдить первым индоссаментом. Затем этот вексель отсылается покупателю, который со своей стороны предоставляет его в банк для дисконта. Таким образом, покупатель получает выгодный с точки зрения процентов вексельный кредит, а продавец имеет преимущество по процентам благодаря срочному поступлению платежа. Такие возможности финансирования часто используются предприятиями и фирмами любой структуры и платежеспособности.

В целом же, хотя развитие рынка коммерческих бумаг стало причиной формирования мнения, согласно которому вексель считается устаревшим финансовым инструментом, потребность в котором уменьшается, с такой точкой зрения трудно согласиться, поскольку динамика рынка коммерческих бумаг свидетельствует об интеграции банковского и коммерческого кредитования, что отражается в распространении банковских акцептов. А коммерческие бумаги можно рассматривать как новый этап развития простого векселя.

Основными факторами, повлиявшими на сохранение значения торгового векселя, можно считать: 1) более благоприятное с точки зрения процентов финансирование по сравнению с контокоррентным кредитом; 2) значение векселя как инструмента финансирования для средних предприятий, возможности которых не очень велики; 3) общепризнанная простота использования векселя как средства платежа.

ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ

С. З. Мошенский

ЧАСТЬ 3

ИСТОРИЯ ВЕКСЕЛЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

(РОССИЯ, УКРАИНА, ПОЛЬША)

3.1. КИЕВСКАЯ РУСЬ И НОВГОРОД. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КРЕДИТНО-РАСЧЕТНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Возникновение вексельного обращения в каком-либо регионе мира неразрывно связано с развитием торговли, товарно-денежных отношений и кредита. Практика вексельных операций зарождалась постепенно и определялась общим контекстом социально-экономических условий. Поэтому для понимания особенностей появления и распространения кредитных операций в Древней Руси VIII–XII вв., а также в Южной и Северной Руси⁵⁷⁶ XIII–XVI вв. необходимо рассмотреть развитие товарно-денежного оборота на этих землях.

Торговля на территории Древней Руси начала развиваться в VI–VII вв., когда восточные славяне стали продавать зерно в Византию. Еще одним важным направлением торговли был арабский Восток. По мнению Г. В. Вернадского, при формировании экономики Древней Руси основным центром тяготения для нее была не Западная Европа, а Византия и Арабский халифат – исламская сверхдержава, в которой активно возрождались традиции эллинистической науки и культуры. Экономика Древней Руси была торговой и открытой, с преобладанием политики чистого экспорта, который обеспечивал приток капитала. Общий объем международной торговли Древней Руси был больше, чем в Западной Европе, где в это время господствовало натуральное хозяйство⁵⁷⁷.

После того как в конце XI в. торговые пути к Азовскому и Каспийскому морям были перекрыты половцами, связи с арабскими странами значительно ослабли, и Византия стала основным торговым партнером Руси. Однако Крестовые походы 1096–1099 гг. существенно снизили объемы торговли с Византией, а после захвата крестоносцами Константинополя в 1204 г. торговые контакты Руси с Византией почти полностью прекратились. Потеря византийского рынка привела к снижению экономического значения Киева и Южной Руси и стала причиной возрастания значения городов Северной Руси – Новгорода и Пскова, торговавших с немецкими городами.

Торговля требовала развитой денежной системы, однако отсутствие собственной монеты⁵⁷⁸ (в обороте были серебряные слитки – грив-

⁵⁷⁶ Как отмечает О. В. Русинова, использование терминов «Украина» и «украинский» для XIII–XVI вв. является условным, поскольку общеизвестно, что в то время население территории современной Украины отождествляло себя с Русью. Поэтому наиболее корректным для обозначения этой территории являются термины «Южная Русь» и «Юго-западная Русь» (Русинова О. В. *Україна під татарами та Литвою*. – К.: Альтернативи, 1998. – С. 3).

⁵⁷⁷ Вернадский Г. В. *Киевская Русь*. – Тверь: Леан; М.: Аграф, 1999. – С. 12–13, 39.

⁵⁷⁸ Князь Владимир начал чеканку древнерусских монет, однако они не получили распространения из-за отсутствия развитого внутреннего рынка.

ны, а также арабские, византийские и западноевропейские монеты) и собственных источников серебра сдерживало развитие товарно-денежных отношений и активизировало поиски альтернативных способов решения проблем денежного обращения.

Сначала универсальным эквивалентом стоимости был мех куниц, соболей и белок (от чего происходит название денежных единиц – кунны). Поскольку пользоваться мехом в роли денег было неудобно, то позже он был заменен небольшими кусками кожи (с мехом или без него), на которых иногда ставились печати. В основе денежного обращения была кунная система, в соответствии с которой наивысшая денежная единица (гривна кун) состояла из 50 кун⁵⁷⁹.

По сообщениям арабских путешественников – Абу Хамида, ездившего в 1150–1153 гг. из Булгара в Перемышль, а также Наджиба Гамадани – на Руси (в частности на таможене) использовались кусочки меха, опечатанные специальными свинцовыми пломбами, которые можно считать своеобразным прототипом кожаных чеков⁵⁸⁰.

Общее влияние Византии на Русь привело к заимствованию основных положений византийского права и обычаев организации кредитных операций (стремление государства сохранять монополию в решении этих вопросов, в частности регламентировать размеры допустимых процентов). В древнерусское время широко использовалась торговля в кредит – обычай давать деньги в «гостьбу» для использования в торговом обороте⁵⁸¹. Как правило, при осуществлении кредитных операций были необходимы свидетели – послухи. Но когда в кредитной операции участвовал купец, свидетелей могло не быть. Если купец утратил товар по не зависящим от него причинам, его нельзя было принуждать немедленно погасить долг, и он имел право возвращать его постепенно. Если же признавалась вина должника за потерю товара, то кредитор имел право либо ждать возврата долга, либо продать имущество должника, а его самого обратить в закупа (закуп находился в личной зависимости от кредитора).

После смерти Ярослава Мудрого выпуск монет был прекращен, а денежный оборот продолжал осуществляться с помощью слитков серебра и монет других стран (Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX века). – М.: Аспект-пресс, 2001. – С. 40).

⁵⁷⁹ Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства: В 2 т. Т. 1. – К.: Тип. ун-та св. Владимира, 1910. – С. 198.

⁵⁸⁰ Кожаные деньги использовались в некоторых провинциальных русских городах еще в начале XVIII в., о чем свидетельствует указ Петра I о выпуске мелких медных монет, чтобы заменить ими кожаные деньги (Большаков А. М., Рожков Н. А. История хозяйства России в материалах и документах. Вып. 1. – 2-е изд. – Л.: Гос. изд-во, 1926. – С. 70)

⁵⁸¹ Часто кредиторами были князья, которые накопили немалые богатства, и этот обычай сохранялся до XIV в.

Однако между древнерусскими и иностранными купцами кредит почти не использовался из-за отсутствия необходимого для кредитных операций доверия. Такое отсутствие доверия можно наблюдать в договоре князя Олега с византийцами, где детально регламентировался порядок пребывания древнерусских купцов в Константинополе.

Институт договора (купли-продажи, займа) возник еще во времена Ярослава Мудрого. Сначала это были устные договоры, хотя в «Псковской судной грамоте» различались неформальные письменные договоры (доски) и формальные (записи); при этом заем без записи разрешался лишь на сумму до одного рубля⁵⁸².

Вместе с развитием торговли широко распространилось ростовщичество, особенно в Киеве и других больших городах, где кредитными операциями занимались преимущественно немцы, евреи и армяне, которые имели свои отдельные кварталы. Памятники древнерусской церковной литературы свидетельствуют о том, что церковь не пыталась полностью запретить кредит под проценты, а лишь рекомендовала брать «рост по силе», то есть умеренные проценты.

Попытки упорядочить практику ростовщичества и кредита под проценты отражены в «Русской правде» Ярослава Мудрого (1016 г.), которая разрешала получение достаточно большого вознаграждения за пользование деньгами, называвшегося рез (от «прирезать» – напоминание о времени, когда роль денег выполнял мех)⁵⁸³. Годовой процент по «Русской правде» достигал 50%, и, хотя позднее Владимир Мономах снизил его до 40%, после окончания его княжения процент возрос до 60%, иногда достигая даже 80%⁵⁸⁴.

По данным летописей в XII в. киевские князья нередко оказывались в значительной долговой зависимости от своих кредиторов. Военные расходы киевского князя Святополка Изяславовича (1093–1113 гг.) вынуждали его брать деньги в долг у ростовщиков (князь проводил политику расширения их прав – во время княжения Святополка ростовщики-евреи приобрели большое влияние)⁵⁸⁵ и для попол-

⁵⁸² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов н/Д.: Феникс, 1995. – С. 566.

⁵⁸³ Барац С. М. Задачи вексельной реформы в России. – СПб.: Тип. Стасюлевича, 1896. – С. 26.; С. М. Барац отмечает, что несмотря на отрицательное отношение церкви к ростовщичеству, согласно сохранившимся документам оно было наиболее распространено как раз среди монахов, и это стало причиной принятия светской властью в XVI–XVII вв. ряда постановлений, которые пытались ограничить эту практику (Там же, с. 27).

⁵⁸⁴ Бутинець Ф. Ф. Історія бухгалтерського обліку: В 2 ч. Ч. I. – Житомир: ПП «Рута», 2001. – С. 81.

⁵⁸⁵ «Кияне разграбиша двор Путяты тысяцкого, идоша на Жиды и разграбиша

нения казны вводить новые налоги. Один из таких налогов (соляной) стал поводом для восстания 1113 г. в Киеве, начавшегося после смерти Святополка⁵⁸⁶. Князем был избран Владимир Мономах, который прежде всего ограничил ростовщический процент. На совете князей в Берестовом под Киевом был принят Устав Владимира Мономаха, вошедший во вторую часть «Русской правды» – так называемую «Пространную Русскую правду», выдающийся памятник древнерусской правовой культуры, дошедший до нас во многих списках. «Пространная Русская правда» обобщала опыт древнерусского права и ее действие распространялось на все княжества Древней Руси⁵⁸⁷.

Рассмотрим содержание статей Устава Владимира Мономаха, касающихся кредитных операций.

Ст. 48. «...установили до третьего реза, оже емлет в треть куны; аже кто возмет два реза, то ему исто; наки ли возмет три резы, то исто ему не взята».

Перевод ст. 48. «...постановили брать проценты только к третьему платежу, если займодавец берет треть денег; а если кто-либо возьмет с должника две трети реза, то может взыскать и основную сумму долга; а кто возьмет три реза, тот не должен требовать возвращения основной суммы долга».

Выражение «брать проценты до третьего реза», по мнению В. О. Ключевского, следует понимать как «на два третий», то есть 50%. Таким образом, если ростовщик дал в долг 10 гривен, то один «третий» рез был равен 5 гривнам; взяв с должника два реза (10 гривен), кредитор имел право на взыскание основной суммы долга. А взяв «три реза» (три раза по пять гривен), ростовщик терял право на взыскание основного долга.

Ст. 49. «Аже кто емлет по 10 кунь от лета на гривну, то того не отметати».

Перевод ст. 49. «Если (ростовщик) берет (с должника) по 10 кун на год с гривны, то это не запрещается»⁵⁸⁸.

Если считать, что в одну гривну входило 50 кун, это означает 20% годовых. Данные статьи Устава Владимира Мономаха отменяли ст. 46

я...» (Ипатьевская летопись, 1113 г.). Как отмечает Н. Аристов, евреи захватили в свои руки кредитные операции не только в Киеве, но и в других городах; особенно их влияние усилилось во времена Литовской Руси (Аристов Н. Промышленность древней Руси. – СПб., 1866. – С. 215, прим. 670).

⁵⁸⁶ Толочко П. П. Київська Русь. – К.: Абрис, 1996. – С. 222.

⁵⁸⁷ Історія культури давнього населення України: В 2 т. Т. 1. / Ред. П. П. Толочко – К.: Наукова думка, 1986. – С. 798.

⁵⁸⁸ Текст «Русской правды» см: <http://hronos.km.ru/dokum/pravda72.html>.

«Русской правды», которая предусматривала переход должника в полную зависимость от кредитора, что можно считать прообразом кабального холопства XV–XVI вв., хотя само понятие «кабала» в тексте «Русской правды» не встречается.

Устав определял и порядок взыскания долга с купца. В частности, была смягчена строгость взыскания в том случае, если купец пострадал от стихийного бедствия или нападения разбойников. Немедленное взыскание долга предполагалось лишь в том случае, если купец испортил чужой товар (ст. 50). Что же касается купцов, имевших большие долги и занимавших деньги у разных лиц, предполагалось, что в первую очередь они возвращают княжеские деньги, а потом деньги, которые принадлежали купцам из иных городов или иностранцам (ст. 51). Устав Владимира Мономаха является свидетельством попыток упорядочить практику ростовщичества в интересах купцов, страдавших от чрезмерных процентов, взимаемых с них даже в том случае, если они пострадали от стихийных бедствий.

Как отмечал И. М. Кулишер, трудно согласиться с мнением В. О. Ключевского, который стремился доказать наличие в «Русской правде» идеи капитала, поскольку отождествление имущества (которое само по себе не приносит прибыли) с капиталом – понятием значительно более позднего времени – является явной модернизацией. В действительности торговый кредит во времена «Русской правды» был следствием не столько развития товарно-денежного оборота, сколько бедности древнерусских купцов. Продажа иностранным купцом товара в кредит местным купцам или предоставление им денег для закупки товара свидетельствовали о том, что местные купцы часто не имели достаточного количества оборотных средств. Неразвитость кредита подтверждается и распространенностью практики натурального кредитования сельскохозяйственными продуктами, что свойственно наиболее ранним и простым формам кредитных операций⁵⁸⁹.

Со снижением экономического значения Киева центрами древнерусской торговли становятся Новгород и Псков – республики, которые вели активную торговлю через Балтийское море с немецкими городами, а также с Данией и Францией. Именно с Новгородом связаны наиболее ранние известные нам свидетельства о существовании древнерусских кредитных документов – так называемых «досок». Новгородская летопись сообщает, что жители Новгорода во время восстания разграбили дом посадника Дмитрия Мирошкинича и нашли там

⁵⁸⁹ Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. – Пг: Атеней, 1923. – С. 43–45.

большое количество дощечек, на которых были записаны долговые обязательства тех, кто брал деньги в долг у посадника⁵⁹⁰. Вскоре после этого новгородским князем стал Святослав Всеволодович, назначивший нового посадника – Твердислава Михалковича, передавшего князю дощечки, захваченные в доме Дмитрия Мирошкинича⁵⁹¹.

Известна также история новгородского посадника Щила, дававшего в кредит деньги для торговых операций под небольшие проценты. Н. А. Рожков, упоминая пример Щила, пишет о «банкирской деятельности бояр»⁵⁹², хотя, по нашему мнению, нет оснований называть обычное ростовщичество банкирской деятельностью.

Факт использования долговых документов, написанных на деревянных дощечках, является проявлением местной специфики оформления долговых обязательств. «Доски», как способ ведения долговых записей, упоминаются и в «Псковской судной грамоте» – важном источнике гражданского права средневекового Пскова, датированном 1467 г.

В Северной Руси деревянные дощечки для записей использовались из-за дефицита иного материала для письма. Традиция использования дощечек и деревянных брусков с записями сохранялась на севере России до XIX в.⁵⁹³. Речь идет о деревянных дощечках, вероятно покрытых слоем воска, на которых острым предметом был написан текст так же, как и на новгородских грамотах из бересты (среди берестяных грамот известны купчая Антония Римлянина и акт о денежном вкладе Варлаама Хутинского). О том, что такие дощечки были достаточно распространены в Древней Руси, свидетельствуют упоминания о них в летописях как о форме письменных документов⁵⁹⁴. «Доски» считались документом, на основании которого могла возникать долговая зависимость купцов и других «торговых людей»⁵⁹⁵.

⁵⁹⁰ «...а что на дщѣках а то князю оставиша...» (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. – М. – Л., 1950. – С. 51).

⁵⁹¹ «Даша дщѣкы Дмитровы Святославу, а бѣше на них бѣщисла...» (Там же, с. 51).

⁵⁹² Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики): В 2 т. Т. 2. – 2-е изд. – М. – Л.: Книга, 1928. – С. 229.

⁵⁹³ Большаков А. М., Рожков Н. А. История хозяйства России в материалах и документах. Вып. 1. – 2 изд. – Л.: Гос. изд-во, 1926. – С. 102.

⁵⁹⁴ Например, «...а сто ся на дьсках остало в писме...» (Летопись по Лаврентьевскому списку. – СПб, 1872. – С. 466).

⁵⁹⁵ В одном из «Поучений», которые приписываются Кириллу Туровскому, можно найти призыв уничтожать дощечки с долговыми записями – «да доски иже в нас купци разорить» (Рукописи Графа А. С. Уварова. Т. 2 – СПб, 1858. – С. 149; Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XIII. – М. – Л., 1957. – С. 417).

Подобные «доски» довольно широко использовались в Новгороде (во время раскопок вместе с грамотами были найдены отдельные фрагменты дощечек с надписями). Но дольше всего они сохранялись во Пскове, где еще в XIV–XV вв. были основной формой кредитных документов, имевших, по мнению М. Н. Тихомирова, определенное сходство с более поздними векселями⁵⁹⁶. М. В. Довнар-Запольский, ссылаясь на ст. 14 «Псковской судной грамоты», отмечал, что в этом документе, кроме дощечек, упоминаются еще и особые долговые записи, подобные векселю⁵⁹⁷.

Свидетельством развития кредитных операций в Новгороде в XII – начале XIII вв., а также источником сведений о деятельности торгового дома средней величины, является духовная новгородца Климяты, землевладельца и купца. Климята занимался бортным промыслом, давал деньги в долг под проценты, а также сам брал кредиты (20 гривен серебром в монастыре св. Георгия). В документе упоминаются 14 членов купеческой сотни, которые брали деньги в долг у Климяты под проценты. Всего он раздал в кредит 35 гривен серебром⁵⁹⁸.

Учитывая развитие торговли в Новгороде, а также существование там доверительных купеческих обществ, можно предположить, что использование «досок» с записями долговых обязательств было достаточно распространенной в то время практикой.

В XIII в. большинство древнерусских городов – Киев, Чернигов, Суздаль, Владимир – были разрушены вследствие татаро-монгольского нашествия. Новгород и Псков (так же, как Смоленск и Галич) не пострадали от татар и в меньшей степени испытывали татарское влияние в XIV в., поэтому именно эти города приобрели большое торгово-экономическое значение. Эти торговые республики Северной Руси, сохранившие древнерусские принципы вечевого самоуправления, можно считать остатками древнерусской торговой экономики, основанной на правовых нормах, отраженных в «Русской правде» и в «Псковской судной грамоте»⁵⁹⁹. Лишь в XVI в. они подчинились Мос-

⁵⁹⁶ Тихомиров М. Н. Древняя Русь. – М.: Наука, 1975. – С. 69.

⁵⁹⁷ Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства: В 2 т. Т. 1. – К., 1910. – С. 196.

⁵⁹⁸ Такие же кредитные операции осуществляло объединение купцов «Ивановское сто». В летописях можно найти и другие упоминания об отдельных лицах, занимавшихся кредитными операциями (Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства: В 2 т. Т. 1. – К., 1910. – С. 195).

⁵⁹⁹ В «Псковской судной грамоте» происходит дальнейшее развитие правовых представлений о кредитных операциях. По степени разработанности

ковскому царству, которому были свойственны иные принципы общественного устройства и экономики.

В XIII в. в Новгороде возросло количество купцов, и теперь они, а не бояре, в большинстве случаев осуществляли и контролировали торговые операции. Однако, по мнению В. А. Удинцева, в древнерусское время купечество не образовывало отдельной социальной прослойки в отличие от стран Западной Европы (что, в свою очередь, способствовало усовершенствованию методов торговой и кредитной деятельности)⁶⁰⁰. Иной точки зрения придерживался Н. А. Рожков, считавший, что в Новгороде и Пскове вполне сформировался отдельный купеческий класс, свидетельством чего стало появление там первых корпоративных объединений купцов⁶⁰¹.

С XII по XV вв. Великий Новгород был основным в Северной Руси центром торговли, ориентированной преимущественно на страны Северной Европы и прежде всего на города Ганзейского союза. На востоке сфера влияния Великого Новгорода простиралась до Урала. Новгородские купцы стремились распространить свою торговлю и на Волгу, чтобы таким образом иметь путь через Каспийское море в страны Востока. В торговле Новгорода и Пскова с немецкими городами преобладал натуральный обмен. Хотя при этом использовался кредит, он был преимущественно простым и товарным.

Известно, что в Новгороде существовали определенные ограничения коммерческой деятельности ганзейских купцов, имевших большую свободу в Англии, Норвегии и Фландрии. В частности, в начале XV в., немецкие купцы жаловались, что в Новгороде им не разрешают заниматься розничной торговлей на улицах. Кроме того, поскольку в Новгороде не было морского порта (новгородцы могли перевозить товары лишь по реке Волхов), там не было ни маклеров, ни нотариусов. Необходимо учесть и тот факт, что в отличие от англичан и фламандцев (купцы из этих стран почти не выезжали за пределы своих государств), новгородцы сами вели достаточно активную торговлю с другими странами, поэтому монополии иностранных купцов в Новгороде не было.

этих представлений «Псковская судная грамота» настолько же превосходила «Пространную Русскую правду», насколько последняя отличалась от первой редакции «Русской правды» (Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства: В 2 т. Т. 1. – К., 1910. – С. 193–194).

⁶⁰⁰ Удинцев В. А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – С. 44–45.

⁶⁰¹ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики): В 4 т. Т. 2. – 2-е изд. – М. – Л.: Книга, 1928. – С. 302; Никитский А. И. История экономического быта великого Новгорода. – М.: Университетская типография, 1893. – С. 94.

По этим причинам в Новгороде и Пскове деятельность ганзейских купцов никогда не принимала таких масштабов, как, например, в Англии. К тому же, влияние князей и бояр было не настолько сильным, чтобы они могли содействовать распространению влияния иностранных купцов. Княжеская власть ограничивалась вечем, и князь не имел возможности непосредственно торговать с ганзейскими городами, а был вынужден обращаться за помощью к новгородским купцам. Однако, несмотря на это, объем торговли ганзейских купцов с Новгородом и Псковом был, по мнению Н. Аристова, достаточно большим⁶⁰².

Хотя торговые контакты новгородцев и ганзейских купцов расширялись, устав немецкой торговой колонии в Новгороде (правила, называемые скра или шра, которые утверждали на своих собраниях немецкие купцы в Новгороде⁶⁰³), свидетельствует о явном недоверии, существовавшем между сторонами. В частности, немецким купцам запрещалось организовывать торговые общества с новгородскими купцами, принимать их товары на комиссию, брать у них деньги и товары в долг или перевозить их имущество. Поэтому торговые объединения новгородских и немецких купцов были крайне редким явлением, а товары русских купцов принимались на продажу немецкими лишь в исключительных случаях.

Что же касается кредитных отношений в торговле новгородцев с ганзейскими купцами, то в пятой и шестой скра прослеживаются прямые попытки ограничить торговлю с новгородскими купцами за деньги – рекомендовался лишь натуральный обмен товарами. Борьба с кредитными операциями между немецкими и русскими купцами отражена и во второй скра (ст. 28), запрещавшей немецким купцам под страхом пени в 10 марок брать деньги в долг у русских купцов. Причина состояла в том, что немецкий купец, не смогуший вернуть долг русскому купцу, попадал в кабальную зависимость от него⁶⁰⁴. Кроме того, если в роли кредитора выступал немецкий купец, получить свои деньги обратно он мог часто лишь с большим трудом.

Н. Аристов считал, что основной причиной запретов торговли в кредит были частые случаи невозвращения долга или попытки обеих сторон продать некачественный товар. История торговли новгород-

⁶⁰² Аристов Н. Промышленность древней Руси. – СПб., 1866. – С. 206.

⁶⁰³ Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. – М.: АН СССР, 1963. – С. 34.

⁶⁰⁴ В частности, такой случай упоминается во второй скра, ст. 53. (Кулишер И. М. История русского народного хозяйства: В 2 т. Т. 1. – М.: Мир, 1925. – С. 186–187).

цев с Ганзой знала немало случаев задержания товаров и ограбления купцов как с одной, так и с другой стороны⁶⁰⁵, что также не способствовало развитию взаимного доверия и кредитных отношений.

С нашей точки зрения, запрет торговли в кредит был обусловлен не столько отсутствием доверия к купцам Руси (такое же правило распространялось на итальянцев, фламандцев и англичан)⁶⁰⁶, сколько стремлением сохранить монопольное положение Ганзейского союза, что свидетельствует о значении Новгорода для ганзейской торговли. Новгородцы, осознавая стремление Ганзы ограничить торговую самостоятельность Новгорода, искали выход к морским путям и еще в XIV в. пытались наладить торговые контакты с северными городами Балтийского моря, в частности со шведскими.

Сложности, сопровождавшие торговлю Новгорода с Ганзой, позволяют предполагать, что кредитные документы западноевропейского типа использовались немецкими купцами лишь между собой и, скорее всего, не были распространены в операциях с купцами Северной Руси.

В это время в Новгороде сформировалась собственная денежная система, в основе которой был серебряный рубль. В начале XV в. финансово-кредитными операциями занимались богатейшие новгородские купцы, которые входили в объединение под названием «Иванское сто». Кредитные операции осуществлялись преимущественно на местных рынках и пограничных торгах в дни церковных праздников. Церкви и монастыри становятся первыми кредитными учреждениями⁶⁰⁷, но в целом уровень развития кредитных отношений был еще достаточно низким.

⁶⁰⁵ Аристов Н. Промышленность древней Руси. – СПб., 1866. – С. 214, 248.

⁶⁰⁶ Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. – Пг.: Атеней, 1923. – С. 95. С целью сохранения своего монопольного положения, Ганза препятствовала самостоятельной морской торговле Новгорода (Бережков М. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. – СПб.: Типография В. Безобразова, 1879. – С. 125). В скра устанавливался огромный по тем временам штраф в 50 марок для всякого, кто будет способствовать проникновению в Новгород фламандцев, англичан или ломбардцев (Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства: В 2 т. Т. 1. – К.: Изд-во Оглоблина, 1911. – С. 153). Обеспокоенность Ганзы проникновением иностранцев в Новгород и Псков (и, таким образом, нарушением торговой монополии Ганзы) была преувеличенной, поскольку факты пребывания в Новгороде иных купцов, кроме немецких, не известны. В начале XV в. с Новгородом пытались наладить торговые контакты голландцы, но в 1434 г. эти попытки были осуждены на съезде ливонских городов (Кулишер И. М. История русского народного хозяйства: В 2 т. Т. 1. – М.: Мир, 1925. – С. 187).

⁶⁰⁷ В иностранных государствах монастыри были наиболее надежным местом, где и купцы, и товары были защищены от грабежа. По этой причине древнерусские купцы создали свой торговый двор в Константинополе при монастыре св. Маммы.

Однако экономическая независимость Новгорода и Пскова не устраивала московских царей, и в конце XV в. царь Иван III переселил из Новгорода в другие города основные новгородские купеческие семьи, заменив их купцами московскими; в 1510 г. царь Василий III сделал то же самое в Пскове, следствием чего стал упадок этих древних торговых центров.

Кроме Новгорода, немецкие купцы (преимущественно из Риги, в то время немецкого города) торговали с Полоцком и Смоленском⁶⁰⁸. Торговые операции с Ригой и соседними городами имели иную специфику, чем торговля с новгородцами. По данным «Рижской долговой книги» в Риге было немало купцов из Руси, имевших там свою собственность, в том числе недвижимость, которую они предоставляли в залог во время получения кредитов. Существовало несколько немецких торговых домов (в частности дом Брунова из Кельна), занимавшихся финансовыми операциями исключительно с русскими купцами и выполняя для них роль банкирских домов.

«Рижская долговая книга» содержит данные и о количестве кредитов, взятых в Риге русскими купцами на протяжении 1286–1327 гг., – восемь соглашений в 1286 г., 15 – в 1287 г., 43 (максимальное количество) – в 1292 г., 17 – в 1293 г., 10 – в 1297 г. С 1298 г. количество кредитных соглашений резко сокращается (1 – в 1298 г.), снова возрастает (9 – в 1301 г.), а потом снова сокращается (по одному соглашению в 1317, 1319 и в 1327 гг.). Размеры займов были сравнительно небольшими – от 1 до 15–20 марок; и лишь в 1287 г. Николай Волк из Суздаля взял в долг 123,25 марок серебром. Сроки кредитов были разными – от краткосрочных до годовых и даже двухлетних. Все это свидетельствует о том, что постановление Ганзейского союза, запрещавшее немецким купцам давать в долг деньги купцам из Руси (или брать у них в долг) имело силу только в торговле с новгородцами⁶⁰⁹.

⁶⁰⁸ В 1229 г. был подписан торговый договор между немецкими купцами и смоленским князем Мстиславом Давидовичем. В этом документе можно видеть подробное рассмотрение всех гражданско-правовых и уголовно-правовых вопросов, которые могли возникать во время торговых операций (Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства: В 2 т. Т. 1. – К., 1910 – С. 158–159).

⁶⁰⁹ Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства: В 2 т. Т. 1. – К., 1910 – С. 163–165.

3.2. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И РОССИИ XV–XVII ВВ. КАБАЛА

Татарское нашествие существенно затормозило экономическое развитие Древней Руси. В середине XIII в. земли Северной Руси оказались под властью татар и огромная дань, которую собирали татарские баскаки, препятствовала возникновению на местных рынках устойчивого товарного обращения.

Татаро-монголы использовали детально разработанную китайскими чиновниками систему сбора налогов, тормозившую возрождение экономики Руси. Ежегодно значительную часть национального продукта татаро-монголы вывозили в виде дани, размер которой определялся по принципу десятины, то есть 10% всех товаров, продукции и человеческих ресурсов. Вследствие этого изменилась роль городов, которые после упадка ремесел перестали быть экономическими центрами. С возрастанием роли сельского хозяйства изменился сам тип экономики – на смену древнерусской торговой экономике пришло натуральное земледельческое хозяйство.

Социально-экономический строй Московской Руси существенно отличался от строя Древней (Киевской) Руси прежде всего по отношению к предпринимательской и кредитной деятельности. Московское царство создавалось на основе иной концепции общества и государства, чем Киевская Русь, Новгород и Псков. Эта концепция сформировалась в то время, когда Русь находилась в сфере влияния Золотой Орды. Исторические условия, в которых возникло Московское царство, не способствовали развитию торговли, поскольку это государство оказалось в стороне от древнего торгового пути «из варяг в греки», связывавшего Черное и Балтийское моря, – пути, на котором основным промежуточным пунктом транзитной торговли до XII в. был Киев. Московское царство было вынуждено направлять все силы на сохранение политической независимости в борьбе с татарами, и это сформировало его политический строй, в котором не было места для какой-либо автономии и все, в том числе торговля и кредитные операции, должно было подчиняться единой верховной власти⁶¹⁰.

В XIII–XV вв., когда на Западе существовали многочисленные торговые города и купеческие гильдии, возрастали объемы товарно-денежного оборота и начали использоваться векселя, в Северной Руси ничего этого не было. Торговых городов было мало – Новгород, Псков, Смоленск и Полоцк, а с кон-

⁶¹⁰ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 1. Введение. Торговые деятели. – М.: Статут, 2003. – С. 72. Еще в XVII в. А. Л. Ордын-Нащокин провозгласил характерную для России идею (которая никогда не возникла бы в Западной Европе), что «народное хозяйство» должно быть основным объектом государственного управления (Ключевский В. О. Исторические портреты. – М.: НПО «Эталон», 1991. – С. 132, 133).

ца XV в. – Москва⁶¹¹, где постепенно купцы (так называемые гости) выделяются в отдельную группу – (гостиная сотня).

Несмотря на определенные привилегии, которые предоставлялись в Московском царстве крупному купечеству, необходимость обязательной государственной службы не способствовала развитию торговли, а купцы пребывали под постоянной угрозой конфискации товаров и денег, для чего в законах того времени было немало поводов. Стремление купечества скрывать свои торговые операции и доходы не способствовало развитию институтов торгового права⁶¹², в частности практики составления кредитных документов.

Основной причиной такого положения было то, что Северная Русь продолжительное время была в сфере влияния Золотой Орды – огромного по территории государства, созданного вследствие монголо-татарских завоеваний. Контроль над торговыми путями был одним из важных аспектов политики Золотой Орды. Такие золотоордынские ханы, как Менгу-Тимур, приложили немало усилий для развития торговли с Новгородом (через Москву), способствуя таким образом развитию новгородской торговли с ганзейскими городами (товары из которых переправлялись через Новгород на Восток), а также с итальянскими колониями в Крыму⁶¹³.

Как отмечает А. М. Насонов, посвятивший истории и методам татарской политики на Руси подробное исследование, необходимо признать факт значительного влияния татар на все аспекты истории Северной Руси⁶¹⁴. Это влияние особенно усилилось с началом распада Золотой Орды, когда большая часть татар перешла на службу к московским князьям (а потом царям), отрекшись от ислама, приняв христианство и русские имена. Скорее всего, именно в это время в Северной Руси произошло заимствование терминов, связанных с деятельностью ханской финансовой администрации (*денга* – деньги, *тамга* – таможенный налог и т. п.)⁶¹⁵.

⁶¹¹ Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. – Пг.: Атеней, 1923. – С. 42–43. По мнению В. А. Удинцева, Новгород и Псков постепенно утрачивают свое торговое значение благодаря целенаправленной политике московских царей, которые стремились покорить этих опасных для себя торговых конкурентов. Переход ведущей роли в торговле от Новгорода к Москве изменил всю систему торговых путей (Удинцев В. А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – С. 97).

⁶¹² Удинцев В. А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – С. 105–106.

⁶¹³ Известно, что во времена хана Узбека (1314–1341 гг.) в Сарае – столице Золотой Орды – существовала большая колония купцов с Руси (Вернадский Г. В. Монголы и Русь. – Тверь: Леан; М.: Аграф, 1999. – С. 350–351).

⁶¹⁴ Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси // «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. – СПб.: Наука, 2002. – С. 338. «Москва обязана своим величием ханам» – отмечал М. М. Карамзин в «Истории государства российского». В 20-е годы XX ст. Н. Трубецкой подчеркивал, что специфику Московского царства невозможно понять без учета тех принципов, которые были положены в основу государственного устройства монгольской империи (Вернадский Г. В. Киевская Русь. – Тверь: Леан; М.: Аграф, 1999. – С. 340–341).

⁶¹⁵ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. – Тверь: Леан; М.: Аграф, 1999. – С. 18.

Одним из следствий татаро-монгольского влияния стало появление в Московской Руси института долговой кабалы. Первоначально слово «кабала»⁶¹⁶ означало долговую расписку. Оно происходит от арабского слова *kabal* – договор купли-продажи, расписка, обязательство. Н. О. Нерсесов считал, что «кабала» происходит от арабского слова «кубул» – «согласие», в свою очередь происходящего от глагола «кабиля» – «согласиться, ударить по рукам», отмечая также, что еще в XIX в. у мусульман закавказского края заемное письмо называется «гябьяла», от «гябуль»⁶¹⁷.

Институт кабалы был заимствован из мусульманских стран через татар, вероятно, во время проведения ими второй переписи населения Руси в 1257 г. с целью собирания подушного налога (перепись проводили баскаки – китайские чиновники, привлеченные на службу в татаро-монгольской империи для собирания налогов)⁶¹⁸. Этому способствовало и то, что русские князья довольно часто вынуждены были занимать деньги у татарских купцов. Так, звенигородский князь Юрий Дмитриевич в договоре со своим племянником Василием Васильевичем напоминал:

*«Что я занял у гостей и сукоинников 600 рублей и заплатил твой ордынский долг Резеп-Хозе и Абинну в кабалы, и на кабалах подписал это серебро, то ты сними с меня этот долг 600 рублей, а с теми гостями ведайся сам без меня; я только назову тебе тех людей, у которых я занял деньги»*⁶¹⁹.

В Московской Руси кабала (кабальный акт) представляла собой документ, которым оформлялось долговое обязательство⁶²⁰. Постепен-

⁶¹⁶ Толковый словарь В. Даля определяет содержание понятия «кабала» как письменное долговое обязательство, долговое письмо (Словарь В. Даля. – <http://www.academic.ru/misc/enc2p.nsf/ByID/NT0003D8C6>).

⁶¹⁷ Нерсесов Н. О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. – М.: Статут, 2000. – С. 191, прим. 1. Однако В. О. Ключевский отмечал, что слово «кабала», использовавшееся на Руси для особой формы долгового письма, имело еврейское происхождение (Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция XLIX. www.magister.msk.ru/library/history/kluhev/kllec49.htm). Об этом же упоминает и Н. О. Нерсесов, ссылаясь на мнение В. Н. Татищева, известного русского историка XVIII века и на книгу «Псковская судная грамота», 2-е изд., 1796 г., с. 15, прим. 6. (Нерсесов Н. О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. – М.: Статут, 2000. – С. 191, прим. 1).

⁶¹⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 8 т. Т. 1–5. Кн. 1. – СПб.: Изд-во товарищества «Общественная польза», 1900. – С. 846. В 1275 г. была проведена еще одна перепись населения Руси (Там же, с. 849).

⁶¹⁹ Там же, с. 1162. Известно, что у татар в это время были в обращении бумажные и кожаные деньги, сделанные по образцу китайских (Там же, с. 1232).

⁶²⁰ Долговое обязательство можно считать наиболее ранним институтом в древнерусском праве – в «Русской правде» ему уделялось наибольшее внима-

но произошло размежевание двух основных видов кабалы: заемной (разновидность долговой расписки) и служилой, предусматривающей работу должника на займодателя (с фиксированной заниженной оплатой) в счет долга. Именно второй вид кабалы приобрел наибольшее распространение, став причиной кабального холопства. Так кабала из долгового документа превратилась в соглашение о переходе во временное рабство с удержанием суммы долга.

Первые документальные свидетельства использования долговой кабалы на Руси появляются в конце XIV в., а упоминания о кабальном холопстве известны с XV в. Однако кабала, вероятно, возникла на Руси раньше и стала продолжением практики утраты личной свободы закупа, известной еще во времена «Русской правды»⁶²¹.

Одно из первых упоминаний о кабале связано с поездкой послов Дмитрия Донского в конце XIV в. в Константинополь по поводу назначения митрополита Митяя. Послы имели с собой в запасе «белые хартии» (чистые пергаментные бланки с печатью великого князя), чтобы при необходимости на них можно было написать кабалу (которую С. М. Соловьев называет векселем) и занять деньги у итальянских и восточных купцов для приобретения подарков, необходимых для начала переговоров. Князь Дмитрий разрешил послам написать от его имени кабалу на 1000 рублей серебром, а при необходимости и на большую сумму⁶²².

Среди основных правовых источников, в которых можно найти нормы использования долговой кабалы, необходимо назвать «Судебники» 1497 и 1550 гг. и «Соборное уложение» 1649 г. После принятия «Судебника» Ивана III в 1497 г. (где кабале посвящены, в частности, статьи 15 и 36) кабала начала особенно широко использоваться для ограничения свободы крестьян, которые после получения кредита обязаны были служить займодателю, отрабатывая долг. Часто это растягивалось на десятилетия, превращая свободных крестьян в кабальных холопов. Впрочем, случаи закабаления свободных людей без их согласия неизвестны, а «Судебник» Иоанна IV предусматривал за это смертную казнь⁶²³.

ние среди других видов договоров, а залогом была свобода самого должника – закупа. Однако понятие «кабала» появилось в Московской Руси значительно позже.

⁶²¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов н/Д.: Феникс, 1995. – С. 613.

⁶²² Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 8 т. Т. 1–5. Кн. 1. – СПб.: Изд-во товарищества «Общественная польза», 1900. – С. 1251–1252.

⁶²³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 8 т. Т. 7. – М.: Тип. унта, 1879. – С. 53. Необходимо сказать и о своеобразном типе документа, впервые

В то время были известны такие виды долговой кабалы:

1) *обычная долговая кабала* – разновидность расписки, где указывалась сумма долга и срок уплаты;

2) *залоговая кабала* – долговое обязательство, в соответствии с которым в залог предоставлялось недвижимое имущество, чаще всего земля;

3) *ростовая кабала* обязывала должника платить ростовые, то есть возрастающие проценты на взятую в долг сумму (деньгами или имуществом);

4) *доверительная кабала* предусматривала обязанность должника перед лицом, которое поручилось за него перед займодателем, до конца срока погасить долг;

5) *служилая кабала* – должник вместо уплаты процентов обязывался служить займодателю, то есть работать на него. Этот вид кабалы делился на бессрочные (пожизненные) и срочные кабалы⁶²⁴.

Кабальные долговые обязательства фиксировались в специальных рукописных кабальных книгах. Приведем типичную форму простой залоговой долговой кабалы:

«Се аз, Никита Офонасьев, сын Бортенова, занял есми у Третьяка у Лефонтьева, сына Глебова, восемьдесят рублей денег московских ходячих от крещенья Христова да до крещенья Христова на год. А в тех есмя деньгах заложил свою вотчину в Волоцком уезде в Хованском стану деревню Черную на речке Черной с лесы и с луги, и со всеми угодьи, и со всем с тем, что к той деревне исстари потягло. А жити Третьяку в той моей вотчине и пашня пахати и доход всякий со крестьян имати за половину росту. А другую половину росту мне, Никите, платить Третьяку по розцету, как идет в людех, на пять шестой. А полягут деньги по сроце, и Третьяку в той моей вотчине жити и пашня пахати и со крестьян доход имати потому ж за половину росту, а другая мне, Никите, половина росту платить Третьяку, как идет в людех, на пять шестой (...)⁶²⁵».

упомянутого в «Судебнике» 1497 г. (ст. 55). Это так называемые «полетные грамоты» – грамоты об уплате долга в рассрочку, «по летам», т. е. по годам. Полетные грамоты выдавались лишь в том случае, когда должник не мог своевременно вернуть долг по объективным причинам, не зависящих от его воли (стихийные бедствия, нападения грабителей и т. п.) (Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 87–88).

⁶²⁴ Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 676–678; Демківський А. В. Вексельна справа: Навч. посібник. – К.: Либідь, 2003. – С. 60.

⁶²⁵ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 312–313.

В середине XVI в., ко времени появления нового «Судебника»⁶²⁶ 1550 г., значительное развитие приобрел земельный кредит, что способствовало дальнейшей законодательной разработке института долговой кабалы. Кредит под залог земельной собственности давался в обмен на залоговую кабалу, которая в случае невозвращения долга превращалась в купчую, и тогда земля, переданная в залог, переходила в собственность кредитора.

Постепенно кабала стала наиболее распространенной формой оформления долга, поскольку обеспечивала строгое взыскание. Кабалу необходимо было записать в форме акта у площадных подьячих и заверить подписями свидетелей (от двух до шести человек – в зависимости от суммы долга; для кабал на сумму до 10 руб. устанавливалась упрощенная форма записи). При невозможности возвращения долга применялось принудительное взыскание и личная выдача должника⁶²⁷.

В случае служилой кабалы («кабала за рост служить», когда должник должен был наниматься на службу к кредитору в счет роста процентов) при возврате долга должник освобождался от кабального обязательства. Как правило, заключение такой кабалы оформляли срочным залоговым актом типичной формы:

*«За рост у государя своего служить во дворе по все дни, а полягут деньги по сроце и мне за рост у государя своего потому же служить по вся дни»*⁶²⁸.

25 апреля 1597 г. было издано уложение (указ), согласно которому любая личная служба, длившаяся более полугода, превращала человека в кабального холопа. Целью указа было упорядочение института служилой кабалы. Хотя в правовую сущность кабального обязательства этот указ не вносил ничего нового (подтверждая те отношения, которые уже существовали), он акцентировал внимание именно на

⁶²⁶ Кабале посвящены ст. 78 и 82. В последней из них предпринимается попытка разграничить долговое соглашение и договор о найме на работу, т. е. простую долговую кабалу и служилую кабалу. В «Судебнике» 1497 г., в отличие от «Судебника» 1550 г. еще нет положений о кабальном холопстве, что является свидетельством постепенного формирования института служилой кабалы в первой половине XVI в. (Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 52).

⁶²⁷ www.kolibry.astroguru.com/01271010.htm.

⁶²⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция XLIX. www.magister.msk.ru/library/history/kлючев/kllec49.htm.

⁶²⁹ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 162. Позже, в течение XVII в., служилая кабала утра-

служилой кабале (возникшей из простой заемной кабалы в 30-е годы XV в.), которая в дальнейшем приобретает все большее значение по сравнению с простой заемной кабалой⁶²⁹.

Наиболее детальную регламентацию института заемной и служилой кабалы можно видеть в «Соборном уложении» царя Алексея Михайловича 1649 г., где отмечались обязательные реквизиты кабалы, без которых этот документ был недействительным. При возврате долга делалась пометка на самой кабале, что лишало должника возможности доказывать уплату долга каким-либо другим путем⁶³⁰. Обе кабалы (служилая и заемная) сохранялись в Российской империи до начала XVIII в., когда стали появляться первые векселя⁶³¹.

В контексте данного исследования нас интересует именно заемная кабала – простой долговой документ, не осложненный таким обстоятельством, как личная зависимость. Заемную кабалу действительно можно рассматривать как своего рода прообраз простого векселя, возникший в Московской Руси под влиянием аль-кабалы – долгового обязательства, которое татары позаимствовали в арабских странах после принятия ислама⁶³².

Заемная кабала представляла собой документ, который подтверждал денежный кредит. По мнению П. П. Цитовича, кабала имела преимущество перед векселем, поскольку могла быть составлена на предъявителя⁶³³. Н. О. Нерсесов, отмечая, что заемные кабалы по своему юридическому значению напоминают первоначальные формы письменных долговых обязательств других народов, утверждает, что в XVI в. встречаются так называемые «верчие кабалы», которые стороны выдавали третейскому судье для того, чтобы тот после решения судебного дела выдал кабалу на виновного. При этом, поскольку долговое обязательство в кабале было неразрывно связано с самим документом, то всякий владелец кабалы мог явиться в суд и потребовать

тила свое первоначальное кредитное значение и выродилась в формальный договор, который уже не сопровождался долговым обязательством, имея целью лишь превращение свободных людей в кабальных холопов.

⁶³⁰ Там же, т. 3, с. 321–433. Служилая кабала подробно рассматривается в Главе XX «Соборного уложения», в частности, в статьях 7, 8–15, 19 (где детализировался процесс оформления служилой кабалы), а также в ст. 39–40, 103 (Там же, т. 3, с. 386).

⁶³¹ «Указ об обряде совершения крепостных актов» 30. 01. 1701 г. (Там же, т. 4, с. 281–283).

⁶³² Возможно, первым из исследователей, кто считал кабалу прообразом векселя был С. М. Соловьев (Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 8 т. Кн. 1. Т. 1–5. – СПб.: Изд-во тов-ва «Общественная польза», 1900. – С. 1251–1252).

уплаты по этой кабале. В частности, в кабале, выданной 14 декабря 1678 г., говорится, что крестьянин Марков взял в долг у старца Саверия из Якутского Спасского монастыря 80 рублей денег, обязуясь взамен дать 150 пудов ржи. «А кто с кабалой в суд станет, тот истец»⁶³⁴.

В XVII в. строгость взыскания долгового обязательства в форме кабалы была такой суровой, что «у кого кабал нет, или утеряются, или подерутся, или какая иная шкода учиниться, в бескабальных делах суда не дастся и верить не велено ничему, хотя б на какое дело двадцать человек свидетелей было – все то ни во что без крепостей»⁶³⁵.

В XVII в. выделилось два основных вида долговых обязательств – кабала и память⁶³⁶. Эти документы сохранились в виде копий в судебных делах, рассматривавшихся в Посольском приказе; к ним прилагался перевод тех документов, которые были составлены на иностранном языке и назывались (по аналогии с подобными русскими документами) кабалой или памятью⁶³⁷. Долговое обязательство на иностранном языке составлялось лишь в том случае, если кредитором или должником был иностранный купец, а если кредитором (должником) был русский купец, составлялась заемная кабала или память.

Эти два типа документов существенно отличались друг от друга. Заемная (долговая) кабала представляла собой обязательство должника, взявшего в кредит определенную сумму, возвратить деньги в срок. Заемная память составлялась на должника, взявшего у контрагента определенный товар в кредит с отсрочкой платежа. Изучение архивных документов дает возможность проследить типичную форму этих документов:

«Список с кабалы слово в слово.

Се аз, Иван Адамов, сын Фанделдин, дацкие земли торговый иноземец, занял есми на Москве, боярина Федора Ивановича Шереметьева Сокольские ево вотчины у крестьянина у Прокофья Андреева, сына Малиновского, с товарищи 24 рубли 23 алтына 4 деньги денег московских, ходячих, прямых бесприписи нынешнего 155 году, марта с 25 числа впредь до сроку до Троицына

⁶³³ Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Тип. И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 23.

⁶³⁴ Нерсесов Н. О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. – М.: Статут, 2000. – С. 191.

⁶³⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов н/Д.: Феникс, 1995. – С. 567.

⁶³⁶ Название документа «память» можно сравнить с наиболее вероятным происхождением названия еврейского векселя «мамран» от «меморем» (лат.) – памятная записка.

⁶³⁷ Эти документы хранятся в Центральном государственном архиве древних актов (далее – ЦГАДА), в фонде старых приказных дел (ЦГАДА, ф. 141, оп. 1–3).

дни нынешнего ж 155 году. До того сроку деньги без росту, а полягут деньги по сроце, и мне заимщику на те деньги рост платить по розчету, как идет в людях, на пять шестой.

А на то послухи...

Кабалу писал.... лета 7155 году»⁶³⁸.

В этом документе присутствуют элементы типичной формы, которая использовалась практически во всех кабалах (иногда с незначительными и несущественными отличиями): 1) должник (должники), 2) место заключения соглашения, 3) кредитор, 4) сумма денег и особенности валюты («московских» «ходячих» денег и т. п.), 5) время соглашения (год, месяц, число), 6) срок уплаты долга, 7) проценты («как идет в людях, на пять шестой»), 8) при наличии нескольких должников – обязательная формулировка об ответственности за погашение долга, 9) свидетели соглашения (послухи), 10) имя составителя заемной кабалы, 11) год составления заемной кабалы, 12) подписи должника, кредитора и свидетелей на обороте кабалы⁶³⁹.

Заемные памяти имели подобную форму, прослеживающуюся в следующем документе:

«Список с памяти слово в слово.

Память мне, Антону, и брату младшему, Федору, Галактионовым детям Бадеевым, что купили мы товару у иноземца, у торгового человека Григория Иванова, сына Ракса, на 670 рублей. А отдать нам те деньги в 153 году Филипова заговенья 300 рублей, а 370 рублей на Велик день того же 153 году. А память писал я, Антон, своею рукою и по братню велению и брата моего 7153 году июля...»⁶⁴⁰.

Таким образом, форма памяти представляла собой сокращенный вариант формы заемной кабалы, и содержала такие элементы: 1) должник (должники), 2) имя лица, давшего товар в кредит, 3) сумма стоимости товара, 4) срок уплаты, 5) имя составителя заемной памяти (это всегда был сам должник), 6) дата составления памяти.

Формуляры западноевропейских купцов, в XVII в. торговавших в России, практически не отличались от формы заемной кабалы. Иногда в этих документах отмечалось, что долговое обязательство несет не только сам должник, но и его наследники или приказчики. Кроме того, в отличие от кабал в долговых обязательствах иностранцев нет упоминания о процентах (возможно, они были включены в указанные суммы долга); иногда не указывалось место заключения соглашения

⁶³⁸ ЦГАДА, ф. 141, оп. 3, 1653 г., д. 16, л. 123.

⁶³⁹ Демкин А. В. О формулярах заемных «кабал» и «памятей» первой половины XVII в. // Советские архивы. – 1985. – №5. – С. 36.

⁶⁴⁰ ЦГАДА, ф. 141, оп. 2, 1645 г., д. 19, л. 76.

и свидетели. Существование четко определенной формы заемной кабалы и ее сокращенного варианта – заемной памяти, а также их близость к документам западноевропейских купцов свидетельствует о сходстве русских и западноевропейских инструментов кредита⁶⁴¹.

Необходимо отметить неоднозначное отношение представителей власти к кабале, поскольку (несмотря на стремление поддержать формальную силу долговых документов) известны многочисленные примеры более позднего времени, когда долговая кабала (особенно та ее форма, которая предусматривала пожизненную личную зависимость должника в случае неуплаты долга) становилась причиной закабаления свободных людей⁶⁴². Именно поэтому позднее широко распространились судебные вексельные дела, связанные, по сути, с теми же проблемами, что и более ранние кабальные дела. Как отмечал С. М. Барац, хотя на протяжении столетий изменились экономические условия и более мягкими стали обычаи, не исчезли те специфические особенности, которые порождали раньше кабальные, а позднее – вексельные судебные дела⁶⁴³.

—

Рассмотрим социально-экономические предпосылки дальнейшего развития кредитных отношений и перехода от института долговой кабалы к вексельным операциям. И Московская Русь, и Россия XVII в. были в значительной мере изолированы от экономических процессов в Центральной Европе. Поэтому русская коммерция и в XV–XVI вв., и в XVII в. ориентировалась на натуральный товарообмен, а наличные деньги использовались преимущественно в мелкой торговле. Основной формой капитала в то время был товар, а не деньги⁶⁴⁴.

Еще одной особенностью Московской Руси и России XVII в. было то, что первые промышленные предприятия, появившиеся в конце XV – начале XVI вв. были «казенными», государственными военными предприя-

⁶⁴¹ Демкин А. В. О формулярах заемных «кабал» и «памятей» первой половины XVII в. // Советские архивы. – 1985. – №5. – С. 35–37.

⁶⁴² Барац С. М. Задачи вексельной реформы в России. – СПб.: Тип. Стасюлевича, 1896. – С. 27–30.

⁶⁴³ Там же, с. 31–32. В XIX в. были известны многочисленные примеры закабаления украинских крестьян с помощью простых векселей, которые выполняли, в сущности, ту же функцию, что и старые долговые кабалы (Там же. – 67–73).

⁶⁴⁴ Вследствие нехватки денег в обороте, в России длительное время были не развиты коммерческий кредит и банковское дело, а русский купец ничего не знал о тех приемах кредита, на основании которых развивалась торговля в Западной Европе (Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX века). – М.: Аспект-пресс, 2001. – С. 78).

тиями. Такой же «казенной» областью хозяйства было строительство, осуществлявшееся под руководством Приказа каменных дел, приглашавшего на службу иностранных специалистов, главным образом из Италии.

Если до XVI в. коммерческие контакты с Западной Европой осуществлялись преимущественно через Новгород и северо-западные города – Полоцк, Смоленск, Витебск, то в XVI в. русская торговля расширилась благодаря возрастанию роли Москвы. Одновременно с этим возрастает значение северных портов на Белом море, через которые Москва установила непосредственные торговые отношения с Западной Европой, в том числе с Англией и Голландией⁶⁴⁵.

Среди факторов, способствовавших росту торгового значения Москвы, следует назвать удобство водного пути из Москвы к Волге, а оттуда – к Каспию и в страны Востока, которые нередко посещали купцы из Московской Руси. Восточные купцы также привозили свой товар в Москву. С этими купцами составлялись денежные соглашения и на их имя выдавались долговые документы – кабалы. Наибольшее значение для развития московской торговли имело южное направление (торговый путь по Дону) и Сурож в Крыму, через который осуществлялась торговля с итальянцами и Византией в XIV – первой половине XV вв., когда в Константинополе существовала колония русских купцов. Свидетельством этих связей является кабала, выданная ростовским митрополитом Киприаном на сумму 1000 новгородских старых рублей греку Николаву Нотаре Диорминефту в Константинополе (этот документ свидетельствует о стремлении русских купцов помогать купцам греческим)⁶⁴⁶.

Кредитные операции в это время осуществлялись преимущественно в традиционной форме ростовщичества (которым занималось прежде всего купечество), хотя необходимо вспомнить и о таких случаях, как уплата великим князем Василием Темным московским и татарским купцам долгов своего врага Юрия Галицкого, который недолгое время занимал великокняжеский престол⁶⁴⁷. Хотя великий князь мог аннулировать долги, как это нередко делалось в те времена, он решил их признать, что может быть свидетельством определенного уровня кредитной культуры.

⁶⁴⁵ Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. – Пг.: Атеней, 1923. – С. 130–133.

⁶⁴⁶ Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. – М.: Моск. рабочий, 1992. – С. 79–80, 83.

⁶⁴⁷ Там же, с. 235.

Несмотря на неблагоприятные для развития кредитных операций условия, еще с XV в. известны отдельные факты кредитных операций в торговле с Ганзой, а в 1583–1584 гг. московские купцы и бояре предоставили английскому купцу А. Маршу огромный по тем временам товарный кредит на сумму 12000 руб.⁶⁴⁸.

В XVI в. кредитные отношения, кроме уже рассмотренных выше долговых кабал, оформлялись в виде порядных грамот (договоры об аренде, о найме, о личных услугах и т. п.). В начале XVII в. порядные грамоты постепенно заменяются заемными записями. Приведем типичный пример заемной записи:

«Се аз Матвей Мартынов с сыном взяли мы у (монастырских) властей ссуды 15 р. А за тое за ссуду жить мне во крестьянстве за монастырем»⁶⁴⁹.

По мнению М. А. Рожкова, распространение такой формы договора свидетельствует о том, что в договорных отношениях начинают преобладать кредитные отношения, вследствие чего увеличивалось количество долгов, которые крестьяне не могли оплатить и попадали в личную зависимость от кредитора.

В первой половине XVII в. русское правительство предоставляло большие кредиты иностранным предпринимателям (чтобы стимулировать некоторые области экономики, в частности производство оружия в Туле), а также само брало кредиты (например у английских купцов Московской компании, торговавших с Россией в 1617 г.). Несмотря на это, до начала правления Петра I в России не были созданы учреждения коммерческого кредита, а сами кредитные операции осуществлялись преимущественно иностранными купцами, пользовавшимися между собой векселями западноевропейского типа, а с русских должников бравших заемные кабалы.

Позднее, в начале XVIII в., в кредитных операциях иностранных купцов с русскими партнерами начинают использоваться нормы вексельного обращения и распространяются заемные письма-обязательства, выдававшиеся купцами своим кредиторам. В этих заемных письмах отмечалась сумма долга и срок его уплаты. Такой документ пред-

⁶⁴⁸ По сообщению М. Груневега (бывшего в Москве в 1585 г.), он целый день ходил по городу и собирал долги в лавках, что говорит о развитости торговли в кредит (Хорошкевич А. Л. Мартин Груневег о Москве 1585 года // Россия и Германия. Вып. 2. – М.: Наука, 2001. – С. 24).

⁶⁴⁹ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики): В 4 т. Т. 4. Дворянская революция в России. – 3-е изд. – М. – Л.: Книга, 1928. – С. 229.

ставлял собой, по сути, русский прототип векселя, применявшийся преимущественно в Архангельске⁶⁵⁰ – важном центре международной торговли.

В это время все больше иностранных купцов появляется в крупных торговых городах России – Новгороде, Архангельске, Москве. Их участие в кредитовании способствовало поступлению в Россию капиталов и постепенному проникновению векселей западноевропейского типа. Первые сообщения об этих векселях датируются концом XVII в., когда правительство начало пользоваться ими (во избежание перевозки больших сумм наличными) для перевода денежных средств, необходимых для содержания армии.

3.3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КРЕДИТНЫХ И ВЕКСЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ В ЮЖНОЙ РУСИ XII–XV ВВ. И УКРАИНЕ XVI–XVII ВВ. МАМРАНЫ

Развитие кредитных операций в Южной Руси происходило в несколько иных условиях, чем в Северной Руси. Если в конце XII – начале XIII вв., несмотря на борьбу за власть между удельными князьями, Южную и Северную Русь можно было рассматривать как единое государственное образование, то после татарско-монгольского нашествия в их политической и экономической жизни наметились существенные различия.

Основная особенность социально-экономических процессов на землях Южной Руси состояла в том, что вместо продолжительного влияния татаро-монгольской империи и поворота к Византии, как это было в Московском царстве, в Южной Руси монгольское господство длилось лишь сто лет, после чего эти земли вошли в состав Великого княжества Литовского, присоединившись таким образом (по крайней мере, частично) к западноевропейскому рынку. После этого началась активизация товарно-денежного оборота на территории Южной Руси, значительно сократившегося во время татаро-монгольского владычества. Литовские князья Гедимин, Ольгерд и Ягайло в XIV – первой половине XV вв. включили в состав своего государства огромную территорию от Днепра до Причерноморья, а в 1362 г. под власть литовского князя Ольгерда перешел Киев. Таким образом, в состав Литовско-Русского государства вошла большая часть земель бывшей Киевской Руси, в том числе Киевского, Черниговского и Волынского княжеств.

⁶⁵⁰ Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX века). – М.: Аспект-пресс, 2001. – С. 134–135.

В начале XIV в. территория Литовско-Русского государства, благодаря активизации итальянской торговли в бассейне Черного моря, была включена в сферу средиземноморской торговли.

Черноморские торговые пути столетиями контролировались Византией, а Черное море было «внутренним морем» империи, куда византийцы не допускали иноземных купцов. Ситуация изменилась после захвата Константинополя крестоносцами и создания в 1204 г. Латинской империи. Начав эпизодическую торговлю в черноморском бассейне, к 60-м годам XIII в. венецианцы ее значительно расширили. Однако наибольшей активности торговые операции достигли благодаря генуэзцам, чему способствовала новая политическая ситуация во второй половине XIII в.

Завоевания Чингисхана и его потомков не только разрушили традиционные центры торговли, но и изменили сами торговые пути. Однако при этом был установлен единый порядок на территории огромной империи – так называемого монгольского мира (*Pax mongolica*). Эти радикальные изменения привели к тому, что у итальянских купцов появилась возможность пользоваться торговым путем через Черное море в Тавриз (Иран). Основную роль в этом играли торговые колонии генуэзцев в Причерноморье – Трапезунд на южном побережье Черного моря и Солдайя (Сурож) в Крыму. Расцвет этой торговли начался в конце XIII в. и происходил по 30-е годы XIV в.

Итальянские купцы были заинтересованы в расширении торговли с Польско-Литовским государством как собственными, так и восточными товарами (полученными преимущественно через Тавриз). Так возник новый торговый путь из крымских портов генуэзцев – Солдаи (современный Судак) и Кафы (современная Феодосия) на Львов. В Перекопе этот торговый путь (имевший название Татарского или Галицкого) соединялся еще с одним, ведущим через Астрахань в Среднюю Азию. По этому торговому пути в Литовско-Русское государство поступало большинство итальянских товаров и восточного импорта в целом⁶⁵¹. Благодаря этому в XIV в. Львов стал значительным центром торговли и товарно-денежного оборота, где встречались итальянские, армянские, немецкие и польские купцы. Этому способствовало предоставление Львову королевских привилегий на проведение в городе ярмарок (первая была выдана еще в 1472 г.).

Важные свидетельства о деятельности армянских купцов из Литовско-Русского государства в Москве и их кредитных операциях оставил немецкий путешественник Мартин Груневег, отмечавший, что среди

⁶⁵¹ История Польши: В 3 т. Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 108, 151, 154.

иностранных купцов, живших в Москве, на первом месте были поляки, потом – армяне. В частности, известным был армянский купец по имени Мануйло родом из Кафы, прибывший в Москву из Киева вместе с киевским купцом Стефаном. Всех выходцев из Южной Руси и Литвы М. Груневег называл поляками, считая их основными кредиторами московских царей⁶⁵². Кроме того, он упоминал о большом количестве разбойников, хозяйничающих на торговом пути между Киевом и Москвой, и об ограблении каравана армянского купца⁶⁵³.

Значительный объем кредитных операций, необходимых для активизации торговли, осуществляли также еврейские купцы Львова, что вызвало недовольство у христианских купцов. Так называемые еврейские барышники получали немалую выгоду от посреднических операций и львовские мещане обратились с протестом к еврейским старшинам, негодуя на то, что все торговые операции во Львове происходят с участием этих барышников и ростовщиков (вексларов – *wekslarzow*)⁶⁵⁴.

Ведущую роль среди иностранных купцов Львова играли итальянские купцы. В Польском государстве, особенно в Кракове и Львове, на рынках и ярмарках было так много итальянских купцов, «что каждый мог их там заметить»⁶⁵⁵. Торговля с участием итальянских (а также немецких) купцов способствовала распространению в Литовско-Русском государстве западноевропейских методов финансово-кредитной деятельности, в том числе и вексельных операций.

—

Рассмотрим особенности кредитных и вексельных операций, осуществляемых итальянскими купцами в колониях Причерноморья, где были известны разные формы коммерческого кредита. Среди них прежде всего необходимо назвать кредит под проценты (*mutuum*), осуждавшийся церковью как ростовщичество. По этой причине такой

⁶⁵² Хорошкевич А. Л. Мартин Груневег о Москве 1585 года // Россия и Германия. Вып. 2. – М.: Наука, 2001. – С. 22–23, 28.

⁶⁵³ К сожалению, армянская община Львова не оставила после себя достаточно подробного комплекса архивных документов, позволяющего проследить особенности кредитных операций армянских купцов. Новейшее исследование М. Капраля, насыщенное историческими фактами, но бедное социально-экономическими выводами, является свидетельством сложности изучения истории торговой деятельности национальных общин Львова. На 440 страницах этой работы нет почти ничего о коммерческих операциях армянской и еврейской общин, которые существовали во Львове главным образом именно благодаря этой деятельности (Капраль М. Національні громади Львова XVI–XVIII ст. – Львів: Піраміда, 2003. – С. 22).

⁶⁵⁴ По данным начала XVIII в. во Львове было 80 еврейских барышников, 30 вексларов и 30 ростовщиков (Там же, с. 88, 221, 273).

⁶⁵⁵ Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм XV–XVIII ст.: В 2 т. Т. 2. Ігри обміну. – К.: Основи, 1997. – С. 131.

кредит в торговле итальянских колоний маскировался под беспроцентный заем или под морской заем с выплатой вознаграждения за риск.

Довольно часто практиковалась закупка товаров в кредит, и наиболее распространенным средством взаиморасчетов и переводов денежных средств был *cambium* – вексель итальянского типа. Его использовали и для уплаты жалования в торговых факториях Причерноморья, и для передачи наследства, и даже как скрытую форму займа (*cambio secco* – «сухой» вексель). Итальянские купцы использовали упрощенную форму вексельной операции, в которой участвовали лишь два лица; в другом месте деньги платил сам получатель суммы или его доверенное лицо (банкир или меняла). Такой вексель редко оплачивался сразу по предъявлению вексельного письма: чаще практиковалась так называемая *all' uanza* – оплата через определенный срок, определявшийся местными обычаями.

Существовало два способа оплаты денег: сумма вексельного соглашения платилась в местной монете по курсу, существовавшему в месте заключения соглашения (*certo*); фиксированная сумма иностранной валюты без указания количества местной валюты платилась по курсу того рынка, на который был выписан вексель (*incerto*). Тот или иной способ выбирался, исходя из его выгоды. Например, в Трапезунде курс аспра по отношению к аспру в Кафе был выше, и благодаря этой разнице возникала прибыль при осуществлении операции обмена (первый способ). Иногда использовались довольно сложные операции, о чем свидетельствует следующий пример:

«Вексель, выданный 1 июля 1292 г. в Генуе на Тавриз и Трапезунд предусматривал уплату 8 сентября этого же года, а если купцы придут в Тавриз после этого срока, то через 8 дней по прибытии. В том случае, если уплата векселя в Тавризе не происходила, деньги должны быть возвращены в Геную через операцию *resambium*, но по повышенному курсу – не по 10 сольди за золотой денарий (курс, принятый в Тавризе), а по 11 или 12 сольди за денарий. Срок для операции *resambium* был установлен в 7–8 месяцев»⁶⁵⁶.

В случае, когда возможность осуществить прямую вексельную операцию между отдаленными городами отсутствовала, вексель выписывали на Константинополь, откуда его можно было передать в Венецию. Нормой прибыли от вексельной операции в Причерноморье считалось 10%, но при *resambium* процент возрастал до 20%⁶⁵⁷.

⁶⁵⁶ Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV в.: проблемы торговли. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 204–206.

⁶⁵⁷ Вексельные операции использовали не только итальянские, но и греческие купцы Причерноморья, хотя объем этих операций у них был значительно меньше (Томасов С. 2007, 2008, 2007).

Проследим, как развивались кредитные операции в Литовско-Русском, а затем и в Польско-Литовском государстве. Несмотря на отсутствие банковских учреждений, кредитные отношения уже с XIV в. достигли достаточно высокого уровня развития. Относительная интенсивность товарно-денежного оборота во второй половине XIV – начале XV вв., а также использование монет различных типов (в то время наряду с польскими, татарскими, литовскими в обороте были венгерские, молдавские, генуэзские и другие европейские монеты) создали объективную потребность в меняхах. Однако в отличие от стран Западной Европы (в частности Италии) общий объем торговли на землях Южной Руси и Литовско-Русского государства был несравненно меньшим, города развивались медленнее, а натуральные формы обмена преобладали над денежными⁶⁵⁸. Поэтому в целом кредитные операции были менее распространены, чем в Западной Европе.

Развитие финансового хозяйства Литовско-Русского государства в значительной степени было связано с собиранием многочисленных налогов. Особые привилегии были предоставлены еврейским купцам, переселявшимся из Польши, в частности право свободно торговать на всей территории⁶⁵⁹ и осуществлять кредитные операции. Это привело к тому, что эти операции контролировались преимущественно евреями-ростовщиками, которые имели право брать в залог любые (за незначительным исключением) вещи и не были обязаны при этом выяснять их происхождение⁶⁶⁰.

Сохранились сведения о христианских ростовщиках (Николай Вержинек, Ганько Керич, гданьский купец Ежи Гевель, краковские семьи Морштинов и Шварцев, семья щецинских банкиров Лойцев) и еврейских (Левко, Абрам Езофович и др.). Их деятельность отличалась тем, что в то время как каноническое право в принципе запрещало христианам давать кредит с целью получения прибыли, кредитная деятельность еврейских ростовщиков ограничивалась лишь Варец-

⁶⁵⁸ Так, в 1482 г. львовский «райця» Дамслар взял у краковского купца Стана Жигмунтовича сукно стоимостью 110 злотых, а заплатить обязался волами на ярмарке в Перемышле (Грушевський М. С. Історія України-Руси: В XVII т. Т. VI. Життя економічне, культурне, національне XIV–XVII віків. – К. – Львів: Накладом автора, 1907 (Репринтне видання: К.: Наукова думка, 1995). – С. 44, 68).

⁶⁵⁹ Вернадский Г. В. Россия в средние века. – Тверь: Леан; М.: Аграф, 2000. – С. 96.

⁶⁶⁰ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. – 2-е изд. – М.: Московская художественная печатня, 1915. – С. 116–117.

ким уставом 1423 г., запрещающим кредит под залог движимого имущества⁶⁶¹.

В целом же, в селах были распространены патриархальные формы кредитования, а в городах – более прогрессивные, принесенные преимущественно переселенцами из Германии⁶⁶². Как правило, займы предоставлялись под залог земли или имущества. Наиболее дешевым был кредит под залог недвижимости (10–20% в XIV – начале XV вв. и 5–8% в середине и конце XV в.). Среди ростовщиков было распространено кредитование без залога с высоким риском (от 50 до 100%).

В течение XV в. продолжалась практика продажи товаров в кредит, начали заключаться торговые контракты и зародилась ипотечная система (что предполагало залог земли для предоставления кредита). Сначала кредит под залог земли предоставлялся с сохранением права кредитора пользоваться залогом до момента возврата основной суммы долга, а с XV в. появился заем под залог земли с сохранением права должника владеть ею до уплаты суммы долга. Вместе с распространением индивидуального кредитования возникли первые банкирские компании, осуществлявшие значительный объем кредитных операций с достаточно высокими процентными ставками (50–100%)⁶⁶³. Практически в каждом городе или местечке существовали люди (купцы или богатые ремесленники), занимавшиеся кредитной деятельностью, а признанным центром кредита с XVI в. стал Краков.

Первыми учреждениями, занимавшимися кредитной деятельностью, стали так называемые побожные банки, создававшиеся при церквях и монастырях. Эта практика была заимствована из средневековой Италии, а прообразом таких банков стало созданное в 1568 г. во Львове при церкви Успения братство, предоставлявшее своим членам беспроцентные займы. Позднее известный политический проповедник иезуит Петр Скарга основал побожные банки в Вильне (1579 г.), Кракове (1587 г.) и Варшаве (1589 г.). Больших успехов достигла армянская община Львова, которая с 1640 по 1728 гг. создала четыре побожных банка⁶⁶⁴.

⁶⁶¹ Скоморович І. Г., Реверчук С. К., Малик Я. Й. та ін. Історія грошей і банківництва. – К.: Атіка, 2004. – С. 133.

⁶⁶² Кутшеба С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши. – СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1907. – С. 32–33.

⁶⁶³ Лановик Б. Д., Матисякевич З. М., Матейко Р. М. Економічна історія України і світу. – К.: Вікар, 2001 – С. 224.

⁶⁶⁴ Скоморович І. Г., Реверчук С. К., Малик Я. Й. Історія грошей і банківництва. – К.: Атіка, 2004. – С. 133, 214–218.

В конце XV – начале XVI вв. участвовавшие нападения крымских татар на западные, центральные и северные районы Южной Руси привели к разграблению городов и общему ухудшению экономического положения, в том числе и территорий с относительно стойким товарно-денежным оборотом. Еще одной причиной временного ослабления товарно-денежного оборота на землях Южной Руси была турецкая экспансия в Причерноморье, ликвидация итальянских колоний в Крыму и, вследствие этого, общая переориентация внешней торговли Литовско-Русского государства на Западную Европу и торговые пути Балтийского моря.

Нарушилась вся система транзитной торговли Востока с Западом через Львов и Польшу (в этой системе важным звеном были итальянские купцы с их колониями в Крыму), и в торговле Польского государства начался период упадка. Новое соглашение (уния) между Польшей и Литвой в 1569 г. (вследствие чего Литовско-Русское государство вошло в состав нового Польско-Литовского государства, получившего название Речь Посполитая со столицей в Варшаве) способствовало постепенному возрождению экономических связей и местных рынков на землях бывшей Южной Руси. Благодаря этому Волынь и Галиция стали регионами с наиболее развитым товарно-денежным оборотом.

В это время польская шляхта накопила значительные капиталы, торгуя зерном, скотом и другими продуктами сельского хозяйства. Торговля существенно оживилась, и Польско-Литовское государство стало открытым для иностранных купцов⁶⁶⁵. Через его территорию пролегли важные торговые пути – из Москвы через Чернигов и Киев в Молдавию и Крым, а из Крыма через Киев в Литву к Балтийскому морю, а также в Кенигсберг и Гданьск. Украинские земли, входившие в состав польского государства, превращаются в важный источник сельскохозяйственных продуктов для Польши и Западной Европы и в рынок сбыта немецких и голландских товаров⁶⁶⁶.

Начинает восстанавливаться торгово-экономическое значение Киева. По свидетельству Михалона Литвина (автора написанного около 1550 г. трактата «Об обычаях татар, литовцев и москвитян»), Киев в середине XVI в. был наполнен чужеземными товарами, так как не было более известного, короткого и надежного пути, чем старинная

⁶⁶⁵ Rybarski R. Handel i polityka handlowa Polski w XVI stuleciu. – Poznan, 1928. – S. 246, 248.

⁶⁶⁶ Сас П. И. Феодалные города Украины в конце XV – 60-е годы XVI в. – К.: Наукова думка, 1989. – С. 212–217.

дорога, ведущая из черноморского порта Кафы к Киеву. По ней из Азии, Персии, Индии, Аравии, Сирии везли в Москву, Псков, Новгород, Швецию и Данию драгоценные камни, шелк и дорогие ткани, ладан, фимиам, шафран, перец и прочие благовония. М. Литвин отмечал, что благодаря этой торговле обогащались киевские наместники, купцы и менялы, но подробности деятельности этих менял он не упоминал⁶⁶⁷.

Говоря о предпосылках распространения денежных и кредитных операций, необходимо упомянуть о нормативных документах, определявших правовые отношения на украинских землях, входивших в состав Польско-Литовского государства. Латиноязычная правовая культура проникла в Литовско-Русское государство еще в XV в.; особую роль в этом сыграли братские латинские школы XVI–XVII вв. В частности, свидетельством развития правовой культуры была деятельность Леонарда Лессия (1554–1623 гг.), профессора Львовской академии, читавшего там в конце XVI в. курс вексельного права⁶⁶⁸ (издан впервые в 1605 г. отдельным томом объемом свыше 700 страниц). Авторитет Л. Лессия признавал Рафаэль де Турри⁶⁶⁹.

Что касается источников права, то и в XVI, и в XVII вв. заметную роль играли обычаи⁶⁷⁰. Кроме влияния, основанного на обычаях права, источником права после Люблинской унии 1569 г. стали коронные сеймовые конституции, издававшиеся в виде печатных сборников

⁶⁶⁷ Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого Княжества Литовского при Ягеллонах: В 2 т. Т. 1. – К.: В типографии ун-та св. Владимира, 1901. – С. 379–380.

⁶⁶⁸ Lessius, L. De iustitia et iure caeterisque virtutibus cardinalibus libri IV: ad 2. 2. D. Thomae, a quaest. 47. vsque ad quaest. 171 (authore Leonardo Lessio, Societate Iesu, S. Theol. in Academia Louaniensi professore). – Louanii: Ex officina Ioannis Masij, Typ. Iur., anno 1605.

⁶⁶⁹ Можно вспомнить и об «Учебнике права папского и королевского» (1537 г.), автором которого был Иван Туробинский-Рутенец (родился в Украине; выпускник Краковского университета, позже – профессор права и ректор этого же университета) (Микитась В. Давньоукраїнські студенти і професори. – К.: Абрис, 1994. – С. 42, 47). Кроме того, известно, что экземпляр книги Луки Пачоли «Трактат о светах и записях» (изданной в 1494 г. в Венеции), в которой содержался материал о векселях, еще в XVI в. попал в Киев, где хранился в иезуитской коллегии до 20-х годов XX в. (Соколов Я. В., Терехов А. А. Очерки развития аудита. – М.: ИД ФБК-ПРЕСС, 2004. – С. 106).

⁶⁷⁰ Роль основанного на обычаях права подчеркивал и украинский правовед Ф. Чуйкевич, в 1750–1758 гг. проводивший кодификацию права (Месяц В. Д. История кодификации права на Украине в первой половине XVIII века. – К.: Наукова думка, 1963. – С. 120; Ткач А. П. Історія кодифікації дореволюційного права України. – К.: Наукова думка, 1968. – С. 29).

сеймовых постановлений. В последнюю четверть XVI – первую треть XVII вв. возродились идеи магдебургского права, и в городских администрациях распространились комментированные изложения так называемого «Саксона» (свод немецкого городского права) на польском языке⁶⁷¹. В Украине в XVII в. пользовались не оригинальными текстами немецких сборников права, а их переводами на польский язык П. Щербича (1581 г.). Поэтому часто магдебургское право называли польским правом⁶⁷².

Однако основным нормативным документом был Литовский статут 1588 г., вобравший в себя нормы двух предшествующих статутів – так называемого Старого (1529 г.)⁶⁷³ и Волинского (1566 г.)⁶⁷⁴, которые, в свою очередь, аккумулировали основанное на обычаях право Литвы, Украины, Белоруссии и Польши. Литовский статут представлял собой свод гражданских, криминальных, административных, процессуальных и других норм, а новое поколение украинской шляхты, вышедшее на историческую арену во второй половине XVII в., считало, что нормы Литовского статута продолжили традиции «Русской Правды»⁶⁷⁵.

Второй Литовский статут (1566 г.) предусматривал существование трех судов – замкового, подкоморского и земского. Земские суды рассматривали гражданско-правовые вопросы, а в особых книгах земских судов фиксировались заемные письма и залоговые грамоты⁶⁷⁶. Процесс постепенной формализации письменных долговых обязательств можно видеть уже в первом Статуте 1529 г., где нашли отображение нормы обязательственного права, регулировавшие договорные отношения (в том числе займа). Как правило, договоры составлялись в присутствии свидетелей и утверждались «перебиванием руки», «приставлением шапки», «выставлением маторыча» и т. п. Кроме то-

⁶⁷¹ Яковенко Н. М. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII в. – К.: Критика, 2002. – С. 85.

⁶⁷² Історія Української культури: У 5 т. Т. 3. Українська культура XIII – першої половини XVII в. – К.: Наукова думка, 2001. – С. 213–214.

⁶⁷³ Статути Великого князівства Литовського: В 3 т. Т. 1. Статут Великого князівства Литовського 1529 року. – Одеса: Юридична література, 2002.

⁶⁷⁴ Статути Великого князівства Литовського: В 3 т. Т. 2. Статут Великого князівства Литовського 1566 року. – Одеса: Юридична література, 2003.

⁶⁷⁵ Чехович В. А., Усенко І. Б. Роль III Литовського Статута в політичній боротьбі навколо проблем кодифікації дореволюційного права України // Третій Литовський Статут 1588 року: Матеріали респ. научн. конф., посвящ. 400-літтю Третього Статута. – Вільнюс: Вид-во Вільнюського гос. ун-та, 1989. – С. 99–100.

⁶⁷⁶ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики): В 4 т. Т. 3. – 2-е изд. – М. -Л.: Книга, 1928. – С. 119.

го, нормы Статута 1529 г. регулировали порядок отсрочки выплат по имущественным обязательствам⁶⁷⁷.

Записи судебной книги Литовской метрики свидетельствуют, что в некоторых случаях суд требовал договор, оформленный в письменной форме, в том числе в случае займа на сумму, превышающую 10 коп грошей (грош – денежная единица в Литве; 1 копа – 60 литовских грошей). Согласно положению раздела 10 Статута 1529 г. (артикул 3) ни один шляхтич или мещанин не должен был давать займы более 10 коп грошей без долговой записи. В Статуте 1566 г. это положение ужесточилось: при сумме займа 10 коп грошей письменный договор с выдачей расписки кредитору становился обязательным, а кредиторы, не являющиеся шляхтичами, могли требовать уплаты долга лишь при наличии долговых записей в книгах⁶⁷⁸. Этот процесс формализации продолжился и в Статуте 1566 г. Так, артикул 9 раздела VII устанавливал, что правовую силу приобретают соглашения (записи) о займе денег, заключенные в присутствии свидетелей, с подписями и печатями стороны, сделавшей запись, а также свидетелей⁶⁷⁹.

Выработка унифицированной формы этих документов была связана с собиранием таможенной пошлины, чем занимались в литовском государстве специальные лица – справцы. Сначала использовались письма, написанные в произвольной форме (беспощинные письма), по которым происходила уплата долга. Так, в соответствии с контрактом 1563 г. на аренду «волинских таможенных пошлин» (речь идет об аренде права собирания таможенной пошлины) уплате подлежали все беспощинные письма (кроме писем, выданных турецкими купцами).

Особенно интересным среди юридической терминологии Литовского статута был термин «квит». Исследователи истолковывают его содержание как «квитанция»⁶⁸⁰, «расписка» и даже «вексель»⁶⁸¹. Уже в польском переводе в большинстве случаев квит назван просто записью (*zapis*), кроме артикула 9, где сохранен термин «квітовати» (*kwitowac*) – выдавать квиты. В русском переводе 1811 г. квит один раз

⁶⁷⁷ Статути Великого князівства Литовського: У 3 т. Т. 1. Статут Великого князівства Литовського 1529 року. – Одеса: Юридична література, 2002. – С. 27–28, 162; украинский перевод текста – С. 25, 278.

⁶⁷⁸ Статути Великого князівства Литовського: У 3 т. Т. 2. Статут Великого князівства Литовського 1566 року. – Одеса: Юридична література, 2003. – С. 491, раздел VII, артикул 25–26.

⁶⁷⁹ Там же, с. 487.

⁶⁸⁰ Там же, с. 537.

⁶⁸¹ Мусорин А. Ю. Латинизмы в юридической терминологии Статута Великого княжества Литовского 1588 года // Менеджмент, право и культура. – Новосибирск, 1997. – С. 43–46.

назван закладной, а в других случаях – просто распиской. В артикуле 7, имевшем название «О записях и продажах» появляется понятие «записное письмо»:

«А потом, кгда кто за се заставу свою у кого выкуповувати будет, ма-ет и повинен будет тот, кто пенези свои берет, того квитовати и оный лист его записный вернуть и так же на том вряде, и того до книг уписать, иж ему до сыть на тот опис учинено. А естли бы хто, беручи пенези свои, того листом своим квитовати и до книг так же яко ему то впредь было учинено (...) иж таковые листы записные под печатью и с подписом руки и под печатьми людей, веры годных яко се вышей поменило, а хто писати не умеет, тогда под печатью его и под печатью трех шляхтычов, на суму пенезей, або якую реч рухомую, позычоную на рок певный...»⁶⁸².

Кроме того, в артикуле 7 дважды упоминается мемрам и мембрам (очевидно, мамран), в русском переводе названный бланкетом⁶⁸³. Видимо, квиты существовали одновременно с беспощлиными письмами («за оными листы нашими, или за квитами»)⁶⁸⁴, будучи более формализованной разновидностью обязательственных документов. Квиты, так же как и беспощлинные письма, использовались на таможене как средство перевода денег и расчетов между плательщиками пошлины, сборщиками пошлины и государственной казной.

До 1569 г. беспощлинные письма и квиты шляхтичей подлежали уплате из скарба – государственной казны. Поскольку такой порядок был признан неудобным, а беспощлинные письма все чаще сдавались в казну вместо наличных денег, правительство принимало меры по лишению беспощлинных писем правомочности. Так, в контракте 1569 г. на аренду Подляшских таможенных пошлин записано:

«Першыя мытники с тых же сум, которые водле аренд своих до скарбу нашого поступовали за таковые товары шляхетские водле квитов шляхетских немалую суму пенязей стручали и оные квиты шляхетские вместо готовых пенязей в скарбе нашем клали, в чом ся великая шкода до скарбу нашого деяла, а праве мало не вся суммы аренды мытного таковыми квитами гинули»⁶⁸⁵.

⁶⁸² Статути Великого князівства Литовського: У 3 т. Т. 3. Кн. 1. Статут Великого князівства Литовського 1588 року. – Одеса: Юридична література, 2004. – С. 537.

⁶⁸³ Статут Великого княжества Литовского: В 2 ч. Ч. 2. / Пер. с польск. – СПб.: Изд. Сената, 1811. – С. 13–15; Статути Великого князівства Литовського: У 3 т. Т. 3. Кн. 1. Статут Великого князівства Литовського 1588 року. – Одеса: Юридична література, 2004. – С. 538.

⁶⁸⁴ Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого Княжества Литовского при Ягеллонах: В 2 т. Т. 1. – К.: В типографии ун-та св. Владимира, 1901. – С. 528.

⁶⁸⁵ Там же, с. 529. В частности, на сейме 1568 г. в Городне было решено, что контроль за использованием собранных путем принудительных займов

Деньги, накапливавшиеся справцами, передавались земскому подскарбию, или раздавались на месте по квитанциям (ассигновкам, как их называет М. В. Довнар-Запольский) казначейства. Позже эти документы, имевшие вначале произвольную форму письма, превратились в контракт, включавший в себя указание объема аренды (права на соби́рание таможенной пошлины), сумму аренды и срок уплаты⁶⁸⁶.

В целом же можно отметить, что квиты вряд ли можно отождествлять с векселем, однако использование этих письменных долговых документов способствовало последующему распространению вексельных операций.

О времени появления векселей на территории Польско-Литовского государства существуют разные мнения. И. Г. Табашников отмечал, что первые векселя появились в Польше в XIV в., а в XVI в. они попали оттуда в Россию. В работе Б. Д. Лановика, З. М. Матисякевича и Р. М. Матейко временем появления векселей назван XV в.⁶⁸⁷. Это же время называют И. Г. Скоморович, И. К. Реверчук и Я. И. Малик⁶⁸⁸. А. В. Демковский считает, что первые элементы вексельного дела наблюдаются в XVI в., а привлечение к сфере вексельных отношений земель Западной Украины почти совпало с появлением вексельных операций в соседних государствах Европы⁶⁸⁹. Имея в виду, очевидно, проникновение опыта этих операций из Западной Европы, Ф. Ф. Бутинец распространение векселей на украинских землях относит к XVII в.⁶⁹⁰. Авторы коллективной работы «История Украинской культуры» В. С. Александрович, В. Г. Балушок и М. Б. Бояновская считают, что это произошло в XVII в., когда развитие торговли стимулировало усовершенствование финансово-кредитной системы. Простые векселя использовались ростовщиками как разновидность долговой расписки, а векселя на предъявителя постепенно приобретали чер-

средств возлагался на высшего гетмана, а уездным собирателям налогов было запрещено расходовать собранные средства на основании любых кредитных документов, кроме «квитов» гетмана (Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. – 2-е изд. – М.: Моск. художественная печатня, 1915. – С. 275).

⁶⁸⁶ Статути Великого князівства Литовського: У 3 т. Т. 2. Статут Великого князівства Литовського 1566 року. – Одеса: Юридична література, 2003. – С. 544–545.

⁶⁸⁷ Лановик Б. Д., Матисякевич З. М., Матейко Р. М. Економічна історія України і світу. – К.: Вікар, 2001 – С. 224.

⁶⁸⁸ Скоморович І. Г., Реверчук С. К., Малик Я. Й. та ін. Історія грошей і банківництва. – К.: Атіка, 2004. – С. 133.

⁶⁸⁹ Демківський А. В. Вексельна справа. – К.: Либідь, 2003. – С. 70

ты платежной записи. На больших ярмарках заключались (нередко через доверенных лиц или тех, кто имел соответственным образом заверенные поручения) соглашения об оплате и кредитовании торговых операций в отдаленных местах⁶⁹¹. Ф. Бродель отмечал, что в XVI в. в Восточной Европе векселя уже существовали, а в XVII в. их стало значительно больше⁶⁹².

Избегая называть более точное время М. Козинский относит появление в Польше первых долговых документов ко временам средневековья. Их назначением было обеспечение потребностей в кредите. Позже, по его мнению, долговые документы стали документами на предъявителя, будучи прототипами простых векселей. Первые же векселя были известны польскому земскому праву еще до возникновения локальных вексельных ординаций (кодексов)⁶⁹³. М. Козинский считает, что примером этих первых польских векселей могут считаться мамраны, активно использовавшиеся не только еврейскими, но польскими и украинскими купцами.

Особенностью периода торговой активности в XVI в. было то, что в большинстве городов еврейские купцы занимали одно из основных, а в некоторых регионах – ведущее место в торговле⁶⁹⁴. Еще в 1622 г. в Тарнове двое шотландцев (Вильгельм Кит и Джордж Петри) основали торговую компанию с уставным капиталом, который составлял 3200 золотых талеров, 4000 польских злотых и 16 тыс. талеров в форме долговых расписок (которые можно считать прототипом векселя). Компания предоставляла займы купцам из Тарнова, Вроцлава и Кракова под векселя, которые называлось *membran*, а проценты (имевшие название *interessa*) составляли 7% в год. В 1626 г. компания распалась из-за недобросовестности одного из компаньонов – Вильгельма Кита, сбежавшего в Торунь. Второй компаньон подал иск в суд Тарнова, но так и не смог вернуть деньги, украденные Китом. После этого инцидента вексельными операциями в Тарнове занялись евреи, а их конторы расположились на улице, которая впоследствии получила название Векслярской⁶⁹⁵.

⁶⁹⁰ Бутинець Ф. Ф. Історія бухгалтерського обліку: У 2 ч. Ч. I. – Житомир: ПП «Рута», 2001. – С. 480.

⁶⁹¹ Історія Української культури: У 5 т. Т. 5. Українська культура XIII – першої половини XVII ст. – К.: Наукова думка, 2001. – С. 92.

⁶⁹² Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 2. Ігри обміну. – К.: Основи, 1997. – С. 176.

⁶⁹³ Kozinski M. *Weksle* // Baczyk V., Kozinski M., Mihalski M. *Papiery Wartosciowe*. – Warszawa: Zakamysze, 2000. – S. 317.

⁶⁹⁴ Історія української культури: В 5 т. Т. 5. Українська культура XIII – першої половини XVII в. – К.: Наукова думка, 2001. – С. 92.

⁶⁹⁵ Bednarczyk J. *Weksel w przystepny sposob*. – Warszawa: Beck, 2004. — S. 26, 38.

Мамран заполнялся с обеих сторон – с одной указывались сумма долга и дата его возвращения, с другой была подпись должника и свидетелей. Причина заключения соглашения, его сущность и место уплаты в мамране не указывались, поэтому его можно было предъявлять к уплате без всякого подтверждения. Позже появляется «пустой» или «открытый» мамран, который подписывался лишь лицами, обязывавшимися возратить долг, а сумму долга и дату уплаты проставлял кредитор. Открытые мамраны использовались, очевидно, на ярмарках. В отличие от простого долгового обязательства, называемого штар, использование мамрана не ограничивалось одной операцией: по возвращении указанной суммы мамран не уничтожался, а переоформлялся и подавался заново⁶⁹⁶.

В соответствии с традиционным еврейским правом мамран без подписей свидетелей и без имени кредитора не имел надлежащей юридической силы, а для его передачи третьему лицу необходимо было выполнение особых формальных процедур. Однако, поскольку торговые соглашения еврейских купцов заключались преимущественно на ярмарках, куда их деловые партнеры часто приезжали из отдаленных мест, придерживаться этих требований было очень сложно. В связи с этим, по решению лидеров еврейских общин, было разрешено использовать мамраны на предъявителя. Мамраны были достаточно распространены в Польше и Украине, а среди еврейских купцов они вышли из употребления лишь в 30-е годы XIX в.⁶⁹⁷.

Относительно происхождения мамранов и их названия единой точки зрения не существует. Можно предполагать, что эти подобные векселью документы возникли еще в средневековые времена в мавританской Испании. Сначала они имели название мукац (сокращение от *моци кетав зе* – дословно «тот, кто покажет этот документ» – стандартное выражение, которым начинался текст мукаца). Очевидно, в Польше мукац постепенно превратился в мамран (мамрам, мамрем). Однако, по нашему мнению, более аргументированным является предположение, что понятие «мамран» происходит от латинских слов *memoret*, *memorium* – памятная записка, или *membranum* – кожа, пергамент, на котором раньше писали эти документы. В отличие от Словакии и Хор-

⁶⁹⁶ Упоминания об этой форме долгового обязательства можно найти в кодексе еврейского права «Тур Шулхан Арух. Хошен Мишпат» (48:1, 61:3), где ему соответствовал термин «штар зехира» (Ценные бумаги и еврейский закон – www.jewish.ru/4035-7.asp).

⁶⁹⁷ Мамран // Еврейская энциклопедия / Под общ. ред. А. Гаркави и Л. Кацнельсона. – СПб.: Общество для научных еврейских изданий: В 20 т. Т. 10. – Стб. 579–580.

ватии, где существовали свои названия векселя (*zmenka* на словацком языке, *tjēnisa* на хорватском), в Польше и на украинских землях прототипы векселя продолжительное время назывались мамранами.

С нашей точки зрения, важной предпосылкой распространения векселей на польско-украинских землях было то, что эти земли (в отличие от Северной Руси) оказались в сфере влияния католицизма. Как отмечал А. Долинский в начале XX в., потребность римской курии в передаче церковных налогов привела к использованию для этих целей векселей, и таким образом вексель попал на польско-украинские земли⁶⁹⁸. Подобную позицию занимал И. Г. Табашников, считавший, что объективная причина распространения простого векселя в Польском государстве в XIV–XV вв. состояла в необходимости собирать налоги (церковная десятина, подушный налог) и передавать их папской администрации.

Польский король Мешко I стремился к сближению с Римом и в 985–992 гг. передал Польшу под защиту престола Папы Римского. За эту протекцию польские короли должны были платить в папскую казну ежегодную дань, в XII–XIII вв. замененную подушным налогом, имевшим название динария св. Петра. Собранные средства необходимо было переправлять в папскую казну⁶⁹⁹.

Роль папских финансовых агентов, способствовавших распространению векселей и операций перевода денег, отмечал еще М. Нейман, считавший, что, поскольку перевозка наличных сумм была достаточно опасной (особенно с периферии, на которую распространялась папская власть), именно это послужило поводом для поиска иного, безналичного способа передачи значительных сумм. Когда в 1305 г. папская резиденция была перенесена в Авиньон на юге Франции, затраты на ее содержание значительно возросли. Это и послужило причиной распространения Иоанном XXII в 1325 г. упомянутого налога св. Петра не только на Польшу, но и на близлежащие к ней страны – Литву, Венгрию и др.⁷⁰⁰. Приблизительно в это же время получила распространение и десятина, которую должны были платить все

⁶⁹⁸ Dolinski A. Wykłady austriyaskiego prawa wekslowego. – Lwow: Nakladom tow. «Biblioteka słuch. prawa», 1912. – S. 8.

⁶⁹⁹ Кутисеба С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши. – СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1907. – С. 14.

⁷⁰⁰ Neumann M. Geschichte des Wechsels im Hansagebiete bis zum XVII Jahrhundert. – Erlangen, 1863. – S. 14.

светские и духовные лица. Для собирания этих средств папская администрация присылала в отдаленные регионы своих представителей, отправлявших наличными собранные налоги в папскую резиденцию. В таких странах, как Франция и Нидерланды, существовала разветвленная сеть итальянских купцов (представителей того или иного банкирского дома), которые могли выполнять функции передачи денег. Но в Польше, а тем более на украинских землях, итальянских купцов было меньше, чем в Западной Европе. Сравнительно низкое развитие товарно-денежного оборота и нестабильная политическая ситуация в этом регионе тормозили открытие итальянскими купцами отделений своих банков и контор⁷⁰¹.

Ближайшим к Польше городом, где находились конторы банкирского дома Барди, был Брюгге во Фландрии, куда с 1320 г. переправлялись суммы папских налогов. В 1330 г. агенты по сбору налогов получили прямое распоряжение с указанием имен купцов и менял, которых необходимо было использовать для передачи налогов. При этом должны были составляться специальные документы, имевшие все существенные признаки векселя – указание величины суммы, имени ремитента, срока уплаты, подписи лица, выдавшего документ, а также места и времени выдачи денег⁷⁰². Очевидно, предположение М. Неймана, а также И. Г. Табашникова о роли папской десятины в появлении первых векселей в Украине XIV в. можно считать вполне правдоподобным.

В целом же, распространению векселей в Украине способствовала совокупность разных факторов – практика кредитных операций итальянских купцов из Львова; институт квита Литовского статута; украинские и польские ярмарки в XVI–XVII в. (торговля на которых основывалась на тех же принципах, что и в странах Западной Европы), а также опыт использования мамранов.

3.4. ДОЛГОВЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В ГЕТМАНЩИНЕ. ОБЛИГИ

Освободительная война 1648–1654 гг. стала началом нового периода в истории Украины, который принято называть Гетманщиной. Правобережная часть Украины оставалась в пределах Польского государ-

⁷⁰¹ Табашников И. Г. Прошлое векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1891. – С. 167–168.

⁷⁰² Neumann M. Geschichte des Wechsels im Hansagebiete bis zum XVII Jahrhundert. – Erlangen, 1863. – S. 22–29.

ства, а Левобережная (собственно Гетманщина) вошла в состав России, сохраняя определенную автономию, которая постепенно ограничивалась царским правительством вплоть до ликвидации в ноябре 1764 г.

На экономическое развитие Гетманщины во второй половине XVII в. значительное влияние оказала активная торговля с Европой через Гданьск, Краков и Вроцлав, а также с Крымом и Черноморско-Дунайским регионом. И хотя во время Северной войны, когда шведское войско оккупировало большую часть Польского государства, объемы украинской торговли снизились, в целом время Гетманщины было периодом экономического подъема. Важную роль в этом сыграла колонизация Левобережья выходцами из Правобережной Украины, разоренной многочисленными войнами. На землях Левобережной Украины расцвел дух свободного предпринимательства.

Высшим военно-административным органом, с помощью которого гетман осуществлял свою власть, была Генеральная войсковая канцелярия, следившая за соблюдением стандартной формы деловой документации, касающейся различных аспектов социально-экономической жизни.

До 1648 г. на украинских землях основными источниками права были нормы Литовского статута 1588 г., магдебургское право и Саксонский устав («Саксонское зеркало»); так называемые кормчие (церковные) книги и основанное на обычаях право. С присоединением к России части украинских земель появляются новые формы права, объединившие элементы немецкого и русского права. Основным источником русского права было «Соборное уложение» 1649 г., определявшее сферу гражданского права.

В товарно-денежных отношениях на украинских землях, вошедших в состав России, в XVII в. некоторое время сохранялись местные особенности экономической деятельности (в частности преобладание в денежном обращении западноевропейских монет). Несмотря на сложную политическую историю украинских земель в XVII–XVIII вв. и многочисленные войны, в целом отмечался рост товарности сельского хозяйства и дальнейшее развитие торговли, в частности транзитной (купцы из России и Левобережной Украины через земли Правобережной Украины направлялись в страны Западной Европы и Балкан).

В середине XVII в. в Украине насчитывалось свыше 160 городов и местечек, но товарно-денежный оборот в этих городах был недостаточно развит из-за постоянных войн и нападений татар. Кроме того, еще одной (возможно, важнейшей) причиной, тормозившей общее экономическое развитие и состояние кредитных операций, было со-

стояние денежного рынка в Польском государстве перед присоединением Левобережной Украины к России. В Польше в обороте находились преимущественно серебряные монеты, которые были (как и во всех странах Европы того времени) разного качества. Полноценные серебряные монеты вывозились в Бельгию а также в Гданьск, где банкирские конторы переплавляли их на деньги низкого качества. Это снижало ценность денег и вело к спекуляции наличными. Денежный и товарный рынки в Польском государстве были нестабильными, что сдерживало развитие кредитных операций.

Хотя в целом в XVII в. денежное обращение активизируется, о чем свидетельствует количество найденных кладов (оно в 10 раз превышает количество кладов XVI в.) и финансовых документов, подтверждающих различные соглашения⁷⁰³, денежная масса оставалась достаточно разнообразной. Законами польского государства, в состав которого входила значительная часть украинских земель, разрешался оборот серебряных монет разных европейских стран (немецких королевств и герцогств, Швеции, Нидерландов, Италии, Австрии). При этом проблема порчи денег и общего их обесценивания приобретала все большую остроту, и количество поддельных монет было достаточно большим. Поэтому, как и в странах Западной Европы, возникла потребность в поиске безналичных форм кредита.

Указанные обстоятельства существенно влияли на состояние денежного обращения в Гетманщине. Тип хозяйства в Украине во времена Гетманщины был близок к европейскому, а доминирование в украинском хозяйстве индивидуальных и договорных основ ускорило переход земель от мелких собственников к крупным и появление больших земельных владений. К тому же, во второй половине XVII в. распространились новые формы экономической деятельности, в том числе договорные объединения и ассоциации. Но в кредитных операциях украинские земли все еще отставали от Западной Европы, и здесь продолжали господствовать натуральный кредит и простое ростовщичество.

После подписания договора с Россией в 1654 г. в Гетманщине появилось много русских купцов, гораздо лучше организованных, чем украинские, поскольку они с давних времен рассматривали свою деятельность как профессиональную. Их появление составило серьезную конкуренцию украинским купцам. Кроме русских купцов, в Гетманщине торговлей занимались русские солдаты (это не запрещалось украинскими законами), а также раскольники. Им было предоставлено равное с крестьянами право вести торговлю, однако раскольникам разрешалась

⁷⁰³ Історія Української культури: У 5 т. Т. 3. Українська культура XIII – першої половини XVII в. – К.: Наукова думка, 2001 – С. 1086.

торговля и такими товарами, которыми крестьяне торговать не могли. Ограничения для раскольников касались выдачи векселей и других долговых обязательств, но, несмотря на это, торговля среди раскольников была настолько распространенной, что уже в 1766 г. рассматривался вопрос о перевождении их в купеческое состояние, а в 1775 г. они были приписаны «к посадам» на таких же правах, что и русские купцы⁷⁰⁴.

Цеховая организация торговли сдерживала развитие купечества как отдельного социального слоя. Поэтому в XVII в. в Украине торгового класса, по сути, не существовало, а гетманскому правительству приходилось оказывать помощь украинскому купечеству. Необходимо учесть и то, что в начале XVIII в. Петр I принял меры для того, чтобы экспорт украинских товаров происходил через русские порты, хотя это требовало времени и значительных затрат на транспортирование продукции. Эта тенденция сохранялась и в дальнейшем. Таким образом все торговые связи Гетманщины постепенно переходили под контроль России, что вызвало недовольство традиционных торговых партнеров Украины, в частности Австрии.

Необходимо признать, что в целом украинская торговля была недостаточно организована. Это была прежде всего мелкая торговля, обслуживающая региональные рынки⁷⁰⁵. Из Украины в Россию вывозилось преимущественно сырье (кожа, спиртные напитки и скот), а из России ввозили сельскохозяйственный инвентарь, другие металлические изделия, ткани и меха. На этих операциях украинские купцы обогащались, и некоторые из них (Тетеревский, Котович, Иванов и Зосимич в Киеве, Томара в Переяславе, Ширай в Стародубе, Прогара в Новгороде-Северском) накопили немалые капиталы. Торговый капитал в то время формировался преимущественно военным, а также обменным путями, и первыми владельцами капитала стали представители казацкой старшины, а потом – шляхта Гетманщины, которая в XVIII в. уже полностью контролировала крупную торговлю⁷⁰⁶.

Основная особенность рынка Гетманщины конца XVII в. состояла в торговле преимущественно предметами потребления. Из-за дефи-

⁷⁰⁴ Полное собрание законов... Т. XX, №14817.

⁷⁰⁵ Исключением была лишь торговля деньгами, известная в Стародубе еще в XVI в. (Слабченко М. Е. Хозяйство Гетманщины в XVII–XVIII ст.: В 3 т. Т. 3. Очерки торговли и торгового капитализма. – Одесса: Гос. изд-во Украины, 1923. – С. 28).

⁷⁰⁶ Пасічник Ю. В. Бюджетна система України та зарубіжних країн. – К.: Знання-прес, 2002. – С. 136. Значительным богатством владели гетманы П. Полуботок и К. Разумовский (годовой доход последнего достигал 600 тыс. рублей) (Слабченко М. Е. Господарство Гетьманщини XVII–XVIII ст.: У 3 т. Т. 1. Землеволодіння та форми сільського господарства. – Одесса: Держ. вид-во України, 1923. – С. 101).

цита наличных денег в конце XVII – начале XVIII вв. и преобладания операций натурального обмена кредит не развивался, а во внешней торговле к тому времени он вообще отсутствовал. Вследствие этого доступ украинских товаров на иностранные рынки был в значительной степени ограничен.

Так, известный в начале XVIII в. украинский купец Кандыба, возивший продукты в Гданьск (Данциг), несмотря на постоянные торговые связи с этим городом, не имел там кредита и вынужден был покупать товары для торговли в Украине лишь на те деньги, которые он получал от продажи собственных товаров.

Во внутренней торговле Гетманщины важную роль играли ярмарки. Именно через них в Украину проникали западноевропейские приемы не только кредитных, но и вексельных операций. Торговые операции в то время происходили в формах, известных еще со времен Древней Руси, – на ярмарках, а основными центрами торговли были города. На городских ярмарках кредитование имело такое же значение, как и на ярмарках Западной Европы.

По поводу ярмарок в Украине П. Алеппский писал в середине XVII в.: «В казацкой стране ярмарки происходят непрерывно, с начала до конца года; в любое время года на каждый праздник бывает ярмарка в том или ином городе»⁷⁰⁷. Ярмарки обычно происходили в точно указанные сроки, поскольку на них съезжались купцы из разных частей Украины и других стран для заключения соглашений о снабжении товарами, кредитовании или выплате долгов. В каждом городе устраивались еженедельные торги, на которых осуществлялся обмен сельскохозяйственными товарами и, по крайней мере, одна ярмарка в год. Пять ярмарок проводилось в Самборе, по четыре – в Жовкве, Снятине, Новоконалинине, Борщеве, Копайгороде, Касперовцах, по три ярмарки – в Чернигове, Ярославе, Тернополе, Баре, Зборове, Фастове и других городах и местечках. В Жовкве ярмарка длилась шесть недель, в Ярославе – четыре, по две недели длились ярмарки в Чернигове, Бродах, Житомире, Владимире. Наиболее знаменитыми были ярмарки в Ярославе, Перемысле, Снятине и Язловце, привлекавшие купцов из соседних стран.

Количество ярмарок быстро увеличивалась, и если в 1665 г. в Гетманщине устраивалось лишь 40 ярмарок, а в 1722 г. – 35, то в конце XVIII в. только на Полтавщине их насчитывалось до 250, а всего по Левобережной Украине – до 500. Ярмарки Гетманщины в XVII в. находились полностью в руках иностранцев (в частности греки контро-

⁷⁰⁷ Історія Української культури: У 5 т. Т. 3. Українська культура XIII – першої половини XVII ст. – К.: Наукова думка, 2001 – С. 1056–1058.

лировали такие торговые города, как Стародуб и Нежин). Они были посредниками между московскими купцами и польскими евреями, поскольку последние не имели возможности непосредственно торговать ни с Украиной, ни с Россией. Эта традиция сохранялась в первой половине XVIII в. и посреднические операции осуществляли нежинские коммерсанты греческого происхождения – Метакса и Евстафьев, бравшие с русских купцов за посредничество от 10 до 25%.

Голод в большинстве стран Европы в конце XVII – начале XVIII вв. значительно повысил спрос на деньги. Денежный кризис охватил всю Европу, а в Украине его следствием стало возрастание цены на серебряные и золотые монеты из-за отсутствия на рынке драгоценных металлов. Хотя украинское правительство еще со времен Богдана Хмельницкого выпускало собственную монету, из-за недостатка драгоценных металлов количество ее было ограниченным, что породило идею выпуска бумажных денег.

В Украине курс иностранной монеты был гибким в отличие от России, где правительство установило фиксированный курс талера в 64 коп. На протяжении 1651–1702 гг. курс талера менялся в интервале от 36 до 52 коп., а в 1733–1775 гг. – от 1 руб. 10 коп. до 1 руб. 40 коп. Усложняло ситуацию и то, что российские денежные конторы в Киеве и Смоленске запрещали вывоз из Украины золотых и серебряных монет и слитков (особенно талеров – платежной единицы международной торговли). Однако, драгоценные металлы планомерно вывозились из Украины в Москву, а в обороте оставались лишь медные или некачественные монеты, что порождало спекуляцию ими и обогащение менял⁷⁰⁸.

В торговле XVII в. использовались разные формы транзакций, простейшей из которых был простой обмен. Наиболее сложной формой организации торговли были транзакции по предшествующим соглашениям, а для обмена товаров на деньги купцы встречались на ярмарках. Следствием распространения практики заключения предварительных соглашений стало возникновение во Львове еще в первой половине XVII в. так называемых контрактов – съездов крупных купцов, где происходили расчеты по старым контрактам и заключались новые.

⁷⁰⁸ Поскольку вывоз серебряных денег из Левобережной Украины был запрещен, это также способствовало развитию кредитных безналичных операций (фактически – операций обмена того либо другого имущества, хотя формально операция и называлась куплей или продажей), а долги возвращались обычно на контрактах или ярмарках (Історія Української культури: У 5 т. Т. 3. Українська культура XIII – першої половини XVII ст. – К.: Наукова думка, 2001 – С. 1084).

В работе контрактов активное участие принимали финансисты, что способствовало решению проблем денежного обращения, возникших в Украине в середине XVII в. Кроме западноевропейских монет, которые давно находились в обороте, после присоединения части Украины к России в торговых операциях начали использоваться российские деньги, а расчеты стали проводиться в российских денежных единицах. Значительно активизировалась активность менял, в частности на левобережных ярмарках, что вызвало беспокойство правительства. Так, в универсале гетмана Скоропадского 1720 г. предлагалось преследование тех, кто «жадных не отправаует гендліов, тилько менянем грошей бавится, яко всюди тое тепер звикли чинити»⁷⁰⁹. Однако, поскольку был запрещен вывоз из Левобережной Украины серебряных монет, купцы были вынуждены сразу по пересечении границы Левобережной Украины брать заем для того, чтобы уплатить таможенную пошлину. Это также способствовало развитию кредитных операций, а кредиты возвращались обычно на контрактах, культура проведения которых формировалась под влиянием международной практики⁷¹⁰.

Из-за дефицита денежной массы владельцы денег не пускали их в оборот, а хранили в надежном месте. В обороте находилось лишь незначительное количество денег, и получить кредит для торговых операций было непросто. Такой кредит предусматривал значительные проценты, которые соответственно возрастали при уменьшении доверия к его получателю⁷¹¹.

Деньги под проценты охотно брали монастыри, городские, цеховые и полковые учреждения. При кредитных операциях в середине XVII в. процент составлял 7–10%, а иногда – до 20% и выше. Суд признавал допустимыми 18%, а купеческие обычаи – до 24%. По старым же коронным (польским) законам разрешалось брать не более 10% годовых, а тех, кто брал больше, сравнивали с ворами.

В «Правах, по которым судится малороссийский народ» указывалось, что процентом является сумма, которая «в соответствии с правами» берется за заем. То же, что бралось «сверх такого устава» считалось «лихвой», то есть ростовщическим процентом. Однако в действительности ростовщический процент был значительно выше.

⁷⁰⁹ Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского, Институт рукописей (НБУВ. ІР.), VІІІ – 1662, л. 23 об. – 24 об.

⁷¹⁰ Історія Української культури: У 5 т. Т. 3. Українська культура ХІІІ – першої половини ХVІІ ст. – К.: Наукова думка, 2001 – С. 1084.

⁷¹¹ Если казацкой старшине кредит давался под 4% в месяц, то крестьянам – под 6%. (Слабченко М. Е. Хозяйство Гетманщины в XVII–XVIII столетиях: В 3 т. Т. 3. Очерки торговли и торгового капитализма. – Одесса: Государственное издательство Украины, 1923. – С. 51).

В XVIII в. украинское правительство боролось за уменьшение «казенного» процента до 6%, хотя позднее эту норму подняли до 12% под влиянием обычаев, существовавших в соседней Польше. Во времена гетмана Д. Апостола украинское законодательство не разрешало процент свыше 11%, хотя в реальной практике ростовщики брали до 50%. Распространение кредитных операций коснулось в XVIII в. и низших слоев общества. Крестьяне были вынуждены брать в долг деньги; не имея возможности возратить долг, они отработывали его своим трудом⁷¹².

Во второй половине XVIII в. расширение торговых операций украинского купечества создало потребность в долгосрочном кредите под более низкие проценты. Такими могли бы быть займы Коммерческого банка (открытого в 1754 г.) под 6% годовых, однако банк был создан прежде всего для потребностей русского дворянства. Украинская шляхта получила право на кредит в нем лишь в 1783 г., но реально пользоваться услугами российских банков могли лишь те, кто имел в России имения или торговые предприятия. Таким образом, для большинства украинских купцов этот кредит был недоступен. Поэтому в 1767 г. украинские купцы предложили открыть в Гетманщине заемные банки с уплатой процентов *«за то только число, которое роздано будет»* для того, чтобы *«отпускаемые деньги купечеству были по аттестатам правительственным, которые и отвечать за то обязаны»*. Предполагалось, что процент в этих банках не будет превышать 8%, однако эти планы не были реализованы.

Перечисленные выше обстоятельства привели к распространению в Гетманщине долговых документов – квитанций, расписок, долговых писем, обликов и векселей. А повышение цен на предметы первой необходимости в XVIII в. обусловило распространения практики залога земли. Для документального подтверждения этой операции использовался письменный акт, который имел форму «билета». Кроме того, широко практиковалась продажа в кредит, при этом иногда составлялось письменное долговое обязательство, имевшее название облик или облек⁷¹³. Рассмотрим подробнее кредитные документы времен Гетманщины.

Квитанция в XVII в. почти не отличалась от административных писем и распоряжений, о чем свидетельствует начальная часть ее сложившейся формы – *«всем, кому того ведати будет потрібно, ознаймуем...»*, но пометка «квитанция», использование слова «квитуем» (ср. с квивавати в термино-

⁷¹² Слабченко М. Е. Господарство Гетьманщини XVII–XVIII ст.: У 3 т. Т. 1. Землеволодіння та форми сільського господарства. – Одеса: Державне видавництво України, 1923. – С. 102–103, 105–106.

⁷¹³ Історія Української культури: У 5 т. Т. 3. Українська культура XIII – першої половини XVII ст. – К.: Наукова думка, 2001 – С. 1075, 1078, 1083.

логии Литовского статута) и печать позволяют относить эти квитанции к долговым документам. Характерной особенностью квитанций того времени была расширенная основная часть текста, где детально излагались условия взаимоотношений подателя и адресата. Например:

«1751 р., вересня 16.

Кветанція.

По определению генерального подскарбия принято в скарб войсковой у войскового канцеляриста Максима Руновского денег сто тридцать пять рублей, взысканных з Филипа Купчинского вместо издержанных в учрежденной по доносу ево, Купчинского, бывшій комиссий на комисионные расходы, також и оставшие за расходом при той комиссии, которіе і в приход записани.

И в том ему, Руновскому сія кветанция при печати канцелярской дана 1751 года сентября 16 дня.

*Генеральный подскарбій Михайло Скоропадский
Подканцелярист Никифор Виндер*

(печатка канцеляріи малороссійской)»⁷¹⁴

Позднее эта часть квитанции становится более лаконичной и формализованной:

«1745 р., 23 січня.

1745 году генваря 23 дня принято денег в скарб войсковий от пана Симона Лизогуба у винокурних казанов четирах показаницини четири рубле и восем десять копеек, а в приеми денег дана квитанця.

Зборщик городницкий Василий Сиберский»⁷¹⁵.

Очевидно, квитанции времен Гетманщины можно считать прямым продолжением квита Литовского статута.

Расписки появились в Гетманщине в середине XVIII в. и использовались для фиксации долговых обязательств в быту, социально-экономических отношениях и судопроизводстве. Они составлялись по стандартной форме: «Я, ниже подписавшийся, дал сию росписку...», после чего излагались условия долгового обязательства. Завершалась расписка развернутой подписью автора, а при необходимости и свидетелей. Приведенный ниже образец интересен упоминаниями про

⁷¹⁴ Ділова документація Гетьманщини XVIII ст.: Зб. документів / Ред. Л. А. Дубровіна. – К.: Наукова думка, 1993. – С. 132. Здесь и далее сохранена специфическая орфография документов.

⁷¹⁵ Ділова документація Гетьманщини XVIII ст.: Зб. документів / Ред. Л. А. Дубровіна. – К.: Наукова думка, 1993. – С. 132.

облик (иногда — облек или облиг), в дополнение к которому была выдана данная расписка:

«1750 года апреля 21 дня.

По облику умершаго бунчукового товарища Михайла Есмонтовского саморучном и кроме облика, пятнадцать рублей, жена его Марина Скоруповна уплатила мне всех денег пятьдесят пять рублей, и по уплате оных для верности, от мене за рукою моею дана в принятии росписка.

Анна Есмонтовская»⁷¹⁶

Спустя некоторое время происходит размежевание функций расписок и квитанций. Последние стали использоваться в случаях денежных обязательств; в заглавии документа ставилась пометка «квитанция»; необходимым атрибутом была печать.

Заемные письма, подобные векселям, использовались известным стародубским купцом С. Ширавом еще в XVII в., а в XVIII в. они распространились по всей Гетманщине. Заемные письма представляли собой формальный акт — письменное долговое обязательство, основанное на договоре между участниками соглашения с целью соблюдения их интересов (интересы третьих лиц не учитывались).

Заемное письмо в Гетманщине не имело четко определенной формы, что не влияло, однако, на силу документа. Поскольку в заемных письмах указывалась причина возникновения долгового соглашения, они не были абстрактным обязательством. К тому же, сам формальный документ имел второстепенное значение — нужны были свидетели долгового соглашения, а также их согласие взять на себя ответственность за уплату долга в случае необходимости (отсутствие подписей свидетелей превращало заемное письмо в простую долговую расписку). Срок уплаты не имел принципиального значения, что также отличало заемное письмо от векселя. Учитывая наличие свидетелей и поручителей, указание места заключения соглашения было не обязательным.

Еще одним документом, который гораздо больше напоминал вексель, был облик название которого происходит, вероятно, от лат. *obligatio* — обязательство. Облик использовался для денежных займов. Приведем примеры обликов первой половины XVII в., найденных нами в Центральном государственном архиве Украины в г. Киеве (ЦГИАК Украины):

⁷¹⁶ Ділова документація Гетьманщини XVIII ст.: 3б. документів / Ред. Л. А. Дубровіна. — К.: Наукова думка, 1993. — С. 135.

«Писаніе Карпа Шаули к гетманам с прошением универсала об отда-
чи ему кредиторами его облеков за позиченные ім, Шаулою, денег в оних кре-
диторей. 1730 году юля 4 д. № 652.

(...) по уневерсалу ясневелможности вашей, прошлого 1729 г. ноявр.
месяца, о невзиманіи таких процентов, везде опубликованному, уплатил я ем,
кредиторам. А показанного интересу 80 руб. не доправляют на мне, однак
облеков, от мене принятых, и по сию пору не возвращают неведомо для чего.

Прето прошу ясневелможности вишой повелеть висшеписанним креди-
торам моим возвратит мои облекги імъ от мене данніе, которіе у них удержани,
чтоб они опосле по тих облекгах мененных процентов на мне допра-
вить не похотели.

Ясневелможности вишой премлстивейшего моего патрона и добродетя ни-
жайший слуга бунчуковий товариш Карп Шавула»⁷¹⁷

«1744 году, мсця августа 1 дня.

Мы, нижеподписавшиеся, объявляем сим нашим облеком, кому о том
выдать потребно будет, в том, что взяли мы в позикку в честного отца Івана
Фаевского денег рублей сто готовых, которые денги повинни будем мы отдать
в прійдучий год 745, и проценту за оные денги повинни будем отдать рублей
десять и пару штучок китаю. Буди же на вишпрописаній термен не отдано,
то повинни будем, не входя в суд, все протори и убитки пополнит. Буди же,
ховай Боже, на нас смерти, то повинна будет мати наша или жени такий
долг виистит без всякой отговорки. В том і подписуемся своеручно»⁷¹⁸.

«В Генералную войсковую канцелярію

Покорнейшее доношение.

Прошедшого 1744 году августа 1 д. мещане новгородскіе Микита и Па-
вел Федорови, оные ж и Феценки, в отца моего, священника фаевского Іоанна
Максимовича, взяли позикою на кредита готовых денег рублей сто, і в тех дол-
говых денгах, по давному и старинному обикновению, оному моему отцу дали
з доброй воле саморучный облек з таким обовязательством, что одолжили
оны, заимщики, те денги отдад в 1745 году августа в 1 д. с процентом и прот-
чое, как обстоятелнее в том облеку показано. По оному облеку с срочного
числа и послѣ оного хотя об отдачи тех денег отец мой многажды упоминался,
однако на прилежанія помянутых заимщиков прошенія успокоен ожидать их
исправленія. Но что и поныне тех денег, откладая срок от срока, отцу моему
не уплачено і ничем другим доволства не учинено, для того предупомянутой
облек отцем моим мне вручен к сисканію по нему всего подлежащего.

И сего ради с оного облека при сем точную копию склячая, Генеральной
войсковой канцеляріи нижайше прошу о взисканіи должных денег з обяза-
тельством з заимщиков, то есть с Павла Федорова, а Микити Федорова з жени
его (яко ж он, Микита, уже умре), а она по нему, мужа ей оставшимись добра-

⁷¹⁷ ЦГИАК Украины, ф. 51. оп. 3, дело 3318.

⁷¹⁸ ЦГИАК Украины, ф. 51. оп. 3, дело 14498, лист 3.

мы, владеетъ и користуется, по правам же малороссійским велено, кто по кому осягает добра, тот повинен носит и бремени, к отдачи мне, или кому я поверу, в магистрат новгородскій учинит предложение.

1757 году, февраля 20 д.

На подлинном подписался войсковый канцелярист
Федор Максимович»⁷¹⁹.

Для уверенности в уплате денег при выдаче облика необходимо было предоставление кредитору права на определенное имущество должника, вплоть до его задержания. В том случае, если имущественного обеспечения займа не было, использовалось поручительство, и облик должны были подписать несколько зажиточных граждан. Продолжая традицию польского права, поручителем могло стать только лицо, владевшее недвижимым имуществом, размер которого должен был покрывать размер долга.

Однако сложности, сопровождающие процесс доказательства получателем своей состоятельности, сделали имущественное обеспечение облика неудобным, и скоро в Украине появились более простые формы обеспечения займов под залог движимого и недвижимого имущества. Недвижимое имущество либо сразу поступало в распоряжение кредитора, либо через то время, на которое предоставлялся заем. Если должник не возвращал долг, кредитор обращался к представителям правительства, которые выдавали «причинное письмо», а если и после этого долг не возвращался, выдавалось «арестное письмо» и недвижимость переходила к истцу. Кроме того, в функции магистратских судов входило рассмотрение вопросов о несогласовании в сроках уплаты долгов. Иногда облик предполагал отработку долга или личную зависимость должника, что можно видеть в следующем примере:

«1716 г. А. Лизогуб взял у шинкаря неуплаченный долг его дочь 8 лет. Шинкаръ согласился, что <...> если бы не мог по сей облегацеи своей так учинити, то волно будет, не контентуючися самою девчиною, мене, перечувши де буду, самого или жену мою одшукати <...> на отработку к пану Лизогубу»⁷²⁰.

Как правило, облик погашался в присутствии представителей полковых или сотенных властей. Погашение могло быть частичным

⁷¹⁹ ЦГИАК Украины, ф. 51, оп. 3, дело 14498, листы 1–2.

⁷²⁰ Ділова документація Гетьманщини XVIII ст.: Зб. документів / Ред. Л. А. Дубровіна. – К.: Наукова думка, 1993. – С. 113.

(при этом происходило переписывание остатка неуплаченной суммы). Если участником облика был иностранец, Генеральная канцелярия требовала переводить текст на соответствующий иностранный язык. В XVIII в. облики приобрели наибольшее распространение, хотя они выписывались лишь на сумму, превышающую 12 руб.⁷²¹.

Облик как форма долгового обязательства существовал и после опубликования первого вексельного устава Российской империи, о чем свидетельствует приведенный ниже документ:

«1794 года сентября 20.

Я, ниже подписавшийся, дал сей облек его высокородию господину статскому советнику и кавалеру Григорию Карповичу Доленскому в том, что визичил я в него, господина Доленского, на свою надобность денег сорок четыре рубле равно до сроку следующего (1795) году сентября до 20 число. Буди ж бы в прописанной срок таких денег сорока четирах рублей ему, господину Доленскому, не отдам, то обовязуюсь без всякого суда и права удвое уплатить, то есть восемьдесят восемь рублей.

В том и подписался уезда Борзенского жителствующий в селе Курене полковой канцелярист Павел Завгородний»⁷²².

Кроме того, и в мелкой, и в крупной торговле использовались такие формы фиксации кредитных операций, как купеческие контракты с собственноручной подписью сторон, а также купеческие книги и долговые реестры. В этих операциях, а также в заключении соглашений и выдаче векселей в Украине принимали участие русские купцы, что значительно усложняло их осуществление.

Необходимость знания действующего на то время законодательства и опыта заключения формальных актов способствовала появлению в наибольших центрах торговли частных маклеров. Позже, когда Гетманщина все более подвергалась влиянию экономики Российской империи и на территории Украины распространилось российское торговое законодательство, институт «партикулярных» частных маклеров постепенно исчез, а на смену ему пришли «казенные маклеры»⁷²³, занимавшиеся преимущественно кредитными операциями под проценты, что предполагало залог вещей и товаров, при неуплате долга переходивших в собственность займодателя.

Хотя для украинских купцов (как и для иностранцев, осуществлявших торговые операции в Украине) облик выполнял функцию вексе-

⁷²¹ Права, по которым судится малороссийский народ / Под ред. А. Б. Кистяковского. – К., 1879. – Гл. XVI, арт. 1, №1.

⁷²² Ділова документація Гетьманщини XVIII ст.: Зб. документів / Ред. Л. А. Дубровіна. – К.: Наукова думка, 1993. – С. 138–139.

⁷²³ Полное собрание законов... Т. XV, № 11034.

ля, он имел силу лишь в границах Гетманщины – российские купцы его не принимали. Исходя из этого представители Главного Магистрата в Комиссии 1767 г. предложили признать облик равным в правах с векселем или заменить его векселем⁷²⁴.

После опубликования в 1729 г. российского вексельного устава, в Гетманщине появляется вексель. Приведем два типичных образца украинского векселя середины XVIII в.:

«Нежин, октоврия 24 дня 1748 году.

Вексель на 112 рублей.

К еден год есть в двенадцать месяцев, щитая от сего октоврия двадцать четвертого числа; 1748 году по сему одинакому векселю повинен я заплатить господину екзактору Самойлу Феодоровичу его благородию Пелле Понову (ілы кому прикажет) рублевою монетою сто дванадцать рублей.

Векселедавец асаул полковой чернеговский Елисей Рашко».

*«Город Стародуб тысяча семьсот шестьдесят пятого году
февраля дванадцатого дня.*

Вексель на 500 рублів.

Считая от вышеописанного числа сего году чрез один месяц по сему одинакому векселю повинен я Стародубовского полку Повету Погарского господину судий земскому Степану Лашкевичу (или кому он от себе поверить) монетою доброю серебряною ходячою суммою пять сот рублів заплатить.

*Векселя давец рижский маштовый бракар
Michael Dalbin»⁷²⁵*

Очевидно, векселя не сразу получили признание как инструмент коммерческого кредита – о продолжительном пути внедрения норм вексельного устава 1729 г. свидетельствуют следующие найденные нами архивные документы:

«Октябра 21 дня 1764 году. № 12592.

Божиею милостию мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссийская и прочая и прочая и прочая.

Високоблагоурожденному намъ любезно верному нашему подданному (...) графу Кириллу Григориевичу Разумовскому и всему Войску Запорожскому наше императорское милостивое слово.

По состоявшемуся в 1729 году векселному уставу о казенном векселном переводе сделано такое учреждение, что по-справедливости происходила б от того великая полза, естли б так исполнялось, как предписано. Во-первых, что казна освобождается расходу, биваемого от провозу денег, а с другой стороны,

⁷²⁴ Слабченко М. Е. Хозяйство Гетманщины в XVII–XVIII ст.: В 3 т. Т. 3. Очерки торговли и торгового капитализма. – Одесса: Гос. изд-во Украины, 1923. – С. 50.

⁷²⁵ Ділова документація Гетьманщини XVIII ст.: Зб. документів / Ред. Л. А. Дубровіна. – К.: Наукова думка, 1993. – С. 138.

всякой нужду имеющей, особливо торгующее купечество, избегнув такового ж от провозу убитка, лишаются и опасности, каковую они иметь всегда должны, везучи наличные деньги. Но как при употреблении сего учреждения настоят крайнейшая нужда, дабы оное во всех его предписанных правилах содержано было без малейшаго упущения, то не без сомнения, что векселной с казенной стороны перевод время от времени пришел в упадок от нескорого выплачивания по подаваемым векселям теми, кому оное вверено. И для того ми, чрез сие, все до сего приводя в векселной уставе касающееся, накрепчайше подтверждая, повелеваем по оному поступать непременно, а естли и за сим указом еще окажется, что объявляемым от подавателей векселям скорого платежа не будет, то все причиняемые чрез то убитки, проценти и рекамбию взыскивать с тех, кто оному промедлению причиною будет, не приемля в оправдание того, что тех сум, на которые откуда вексель дан будет, в наличии не состояло, ибо в упомянутом векселном в казенных деньгах переводе в 7 пункте предписано, что ежели налицо денег не будет, то взять под образ займа в других командах, где деньги есть, и по тому неотменно надеемся, что сие наше все милостивейшее написание судебным местам основанное на очевидной пользе казенной, и всех наших верноподданных служить будет к точному исполнению нашего соизволения, чтоб никто из отдавших деньги свои для переводу вымышленными волокитами до убитков доведени не били, напротиву того, сим образом и всякой, лишась напрасных убитков от перевозу и биваемых в пути разных опасностей, тем охотнее чрез судебные места деньги свои переводить будет. И о сем повелели ми нашему Сенату публиковать по всем судебным местам, о чем из оного во все присутственные места, также в губернии, провенции и города наши указы и послания.

В Санкт-Петербурге.
Октября д. 1764 году»⁷²⁶.

«По ордеру его ясневелможности с присилкою копии высочайшей грамоты о подтверждении по векселному уставу о казенных деньгах векселного перевода и о прочем. 1764 году ноября 10 д. № 2054. (...)

Граф Кирил Разумовский, гетман и кавалер
Нашей Генеральной войсковой канцелярии.

Сего октября 21 дня какова прислана к нам высочайшая ея императорского величества из Правительствующего Сената грамота о подтверждении по состоявшемуся в 1729 году векселному уставу о казенным деньгам векселного перевода и о поступании по оному непременно, как в том учреждении сделано и о прочем в оной высочайшей ея императорского величества грамоте, отсылая при сем в вашу Генеральную войсковую канцелярию справочную копию, приказываем таковы же копии для публикации и непременного исполнения розослать при ордерех от оной Генеральной канцелярии во все малороссийские полки, також в Сечь Запорожскую и в другие судебные места.

На подленном тако: Гетманъ граф Разумовский.
1764 году октября 23 д. Сп.-бург»⁷²⁷

⁷²⁶ ЦИАК Украины, ф. 51, оп. 3, дело. 18016, листы 3–3.

⁷²⁷ ЦИАК Украины, ф. 51, оп. 3, дело 18016. лист 1.

В XVIII в., после принятия вексельного устава 1729 г., в Гетманщине одновременно сосуществовали облики, основанные на давней украинской традиции, и заимствованные из Западной Европы векселя. Поскольку в это время сохраняли силу нормы российского права, зафиксированные в «Соборном уложении», то в правовом сознании облики и векселя воспринимались как аналоги долговых кабал. Приведем найденный нами в архиве документ, в котором четко прослеживается соотношение понятий «облик» и «кабала»:

«Высокородному и высокопревосходительному г(о)сп(о)д(и)ну генерал-аншефу, киевскому генерал-губернатору Новороссийской губернии главному командиру и ковалеру Федору Матвеевичю Военкову

От надворного советника и описных расколнических слобод управителя Варынаева.

Репорт.

Ордером вашего высокопревосходительства по жалобам полского шляхтича Яна Приборы и ведомства Волостной канторы слободы Добрянки обывателя Михаила Крашенникова пущенным от 10 д(ня) прошедшего августа сего года мною того ж августа 19 д(ня) полученным между прочим повелено калужского купца Ефима Чижева и братьев его родных реченной слободы Добрянки жителей Петра и Варфоломея Чижевых же, не смотря ни на какие их отговорки принудить, чтоб они долговые умершаго отца их денги сколько по выкупленным полским жидом Янкелем Худоминским в пруском городе Королевце обликам надлежит не отдавая объявленному добрянскому обывателю Михаилу Крашенникову с показанным жидом Янкелем, которой чрез многие годы от платежа оному Крашенникову имеющегося на нем, Янкеле долгу отбывает и укрывается. А между тем всемерно мне повелено наблюдать, чтоб Чижевы по обликам отца их жиду Янкелю денег без ведома Волостной канторы отнюдь не отдавали, и в том обязать их поручною подпискою с крепким подтверждением, а что помянутой жид Янкель к Добрянскому фарпосту когда востребуется являлся и с кредитором своим, Крашенниковым, непродолжительно роцет учинил и во всем его удовлетворял, о том к маршалку повета Речицкого Халецкому от вашего высокопревосходительства писано. И во исполнение онаго вашего высокопревосходительства ордера помянутые калужской купец Ефим Чижев з братьями его слободы Добрянки обывателями Петром и Варфоломеем в Волостную кантору сысканы и ко взносу денег назначенным отца их обликам понуждаемы были, и о[н], реченный Ефим Чижев поданным в Волостную кантору доношением между прочим представил. Она-де кантора неотступно требует, чтоб по упоминаемым имеющимся у жида Янкеля Худоминского обликам отца их, денги внесены были, но им-де, Чижевым, по тем обликам платить не следует, и оные-де облики у кого б ни были и кем бы ни представлялись ко взысканию, по них платежа недействительны суть.

По тому что имеет он, Чижев, полученное из пруского кенигсбергского магистрата писанное на немецком языке за подписанием тамо присутствующих о присходящих со отцом его, Чижевым, о оных обликах в 1738-м и в

1739-м годех тамошних судах свидетельство с приложением справочных копий, так же писанных на немецком же языке, в коих-де ясно изображается, яко означенные имеющиеся у жида Янкела облики состоят недействительными, и яко по тамо бывшему о тех обликах делу доходило до вышней тамо ж апелляции и оставлены **те облики** уничтоженными, да и на **оных облигациях** никакова по купеческому поведению о платеже от кого оной жид получил подпису не имеется, и естли б кто и кроме **вышеупоминаемых обликов** еще какие на отца их писмы к платежу представлял и удовольствия просить имел, а он, Чижев, так же и брат ево никакова в наследство от онаго бывшего отца имения и пожитков ни малеишаго ничего не имеют, о чем-де могут засвидетельствовать знающие онаго отца их полское шляхетство и мещан и российские купцы из здешних описных слобод многие ж обыватели. Сверх же того особливо ему, Ефиму, оной отец ево дал своеручное отдельное письмо, в коем значить, что он платить долгов отца своего не должным за показанным в том обстоятельстве оставлен, да и по уложенному-де десятой главы 245-м и по векселному уставу первой главы 22-му пунктам взыскивать положения не определяется, и потому-де он, Чижев, з братьями своими, которые состоят от него в разделе ж подверженными за означенного отца их долги платить не состоят, к тому ж-де все облигационные писма **ничто другое значить могут, как даваемые о заемных денгах кабалы**. По Соборному уложению ко взысканию по тем кабалам срок положен толко чрез пятнадцать лет, а оным обликам миновало лет более тридцати.

(...)

...покорно сим и репортую. И что о всем вышепрописанном повелено будет учинить, на то ожидать имею повелительный от вашего высокопревосходительства резолюции.

Сентября 23 дня 1770 года.

Надворной советник Прокоп Варонаев»⁷²⁸.

Понятие «облик» в этом документе тождественно понятиям «облигация» и «облигационное письмо» (ср. с *littera obligatore* – обязательственным письмом немецких купцов времен Ганзейского союза), а далее отмечается, что облигационные писма «**ничто другое значить могут, как даваемые о заемных денгах кабалы**». Еще более любопытным является другой документ второй половины XVIII в., найденный нами в том же архиве:

«В Уложении главы 10 в статьях напечатано:

В 245-й:

Будет кто кому дав на себя в заемных денгах кабалу или в вотчинном очищенье, или в ином каком деле нибудь какую крепость да умрет, а после его в животах его останутся жена его и дети, или иные кто его роду, а как он жив был, и у него по тем кабалам в заемных денгах, и по записям в вотчинном очищенье с исцы суд был, а судныя дела по смерти его не вершены,

⁷²⁸ ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, дело 6296, листы 19–22.

а по тем судным делам довелось было его обвинить, и исцом по тем делам велеть иски их править, того умершаго на жене и на детях, или на иных роду его, кто после его в животах его останется, и кому даны будут вотчины его, а будет по тем заемным кабалам, и по всяким крепостям, у того умершаго как он жив был с исцы и суда не было, а похотят исцы по тем крепостям исков своих искати того умершаго на жене и на детях, или на иных роду его, кому живот его и вотчины достанутся, и им в тех их исках того умершаго на жену и на детей и на иных роду его суд дати, и по суду и по сыску указ ему учинити, до чего доведется.

В 256-й:

А давати по заемным кабалам суд в пятнадцать лет, а сверх пятнадцати лет в заемных денгах, по кабалам суда не давати.

В 257-й:

А будет которая заемная кабала и старее пятинадцати лет будет, а уплата по ней была, а в котором году та уплата была, и то на той кабале подписано иминно, и по той кабале, в досталных заемных денгах, и сверх пятинадцати лет суд давати, с того году как был платеж за пятнадцать же лет.

Вексельного устава главы 1-й в пункте 22-м:

Ежели подаватель или приниматель померли до сроку векселя, то надлежит наследникам, душеприкащикам и прочим, кто во управлении после умершаго подавателя остались, требовать платежа от наследников, душеприкащиков и прочих управляющих умершаго принимаателя в доме его, и когда потому векселю платеж не учинится, то надлежит протестовать, буде ж спор учинится в том, что наследникам, душеприкащикам и прочим умершаго подателя в отдаче денег верить не станут и представят к тому законныя причины, тогда в приеме денег надлежит с подателеву сторону порук дать наследникам принимаателя, что они без убытку были.

Да по присланному из Правительствующаго Сената на представление (оспо)дина генерала анишефа киевского генерал-губернатора Новороссийской губернии главного командира и кавалера Федора Матвеевича Военкова, а по доношению киевского магистрата от 14-го ноября 1768 году указу велено, как вексельной устав есть непрременный закон, по которому векселя ненарушимо сохраняются, напротив чего и магдебургские права в Малороссии издревле в употреблении, на которых облики или записи свое основание имеют, то по вступающим от заимодавцев долговым вексельным искам и надлежит поступать по вексельному уставу, а по обличным по тем магдебургским правам, не давая векселю пред обликом преимущества, а облики содержат в своей силе по их правам»⁷²⁹.

Сравнивая нормативные положения «Соборного уложения» о долговых кабалах, вексельного устава 1729 г. и существовавший в Украине

обычай использования обликов, автор документа отмечает, что облики употребляются с давних времен на основании магдебургского права, и векселя не имеет преимуществ перед обликами, продолжающими сохранять свою силу.

С 1734 г. общее руководство Генеральной канцелярией осуществляли представители русского правительства, строго регламентировавшие ее делопроизводство, в частности соблюдение единой для всей империи формы документов⁷³⁰. Это касалось и кредитных документов – квитанций, расписок, обликов, а позднее и векселей.

Во второй половине XVIII в. в Гетманщине был внедрен нотариат для осуществления протеста векселей. Однако его деятельность не удовлетворяла купцов: он рассматривал дела публично, что вело к разглашению коммерческой тайны. Просьбу украинских купцов о закрытии нотариата поддержал гетман К. Разумовский, обратившись с петицией в Петербург. Просьба была удовлетворена и нотариат закрыли. Спустя некоторое время имперское правительство приказало создать в Гетманщине украинский нотариат по образцу общероссийского, но его внедрение происходило медленно, поскольку купечество не устраивали длительные сроки рассмотрения дел и ограничения относительно оборота недвижимости⁷³¹.

В целом же, в Гетманщине использовалось несколько типов кредитных документов – квитанции (которые, возможно, продолжали традицию квита времен Литовского статута), расписки, долговые письма и облики. Местным прототипом векселя можно считать облик, связанный с традицией магдебургского права.

3.5. СТАНОВЛЕНИЕ ВЕКСЕЛЬНОГО ОБРАЩЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII В.

3.5.1. Предпосылки распространения вексельных операций в начале XVIII в.

Существенные новшества в сфере кредитных и вексельных операций были связаны с реформами Петра I, благодаря которым уже в начале XVIII в. увеличилось проникновение в Россию иностранного капитала. Расширяя свою деятельность на российском рынке, купцы из

⁷³⁰ Ділова документація Гетьманщини XVIII ст.: 3б. документів / Ред. Л. А. Дубровіна. – К.: Наукова думка, 1993. – С. 6.

⁷³¹ Слабченко М. Е. Хозяйство Гетманщины в XVII–XVIII ст.: В 3 т. Т. 3. Очерки торговли и торгового капитализма. – Одесса: Гос. изд-во Украины, 1923. – С. 23.

нием векселя, русские купцы считали лишними и больше полагались на привычные торговые обычаи. В то же время использование западноевропейскими купцами кредита на российском рынке достигло широких масштабов.

В начале XVIII в. в России не существовало банков или других кредитных учреждений, несмотря на предпринятые в XVII в. попытки их создания. Еще во времена царя Алексея Михайловича А. Л. Ордын-Нащокин считал, что русская торговля недостаточно развита, поскольку русские купцы не могут найти необходимых капиталов и кредитов. Поэтому он создал в Пскове подобие заемного банка, названного им земской избой, где посадские люди могли объединяться с более зажиточными лицами в товарищества с целью закупки русских товаров и поддержания на них более высоких цен. Однако под влиянием московских бояр, усмотревших в этом недопустимое новшество, царь запретил деятельность земской избы⁷³³.

Таким образом, хотя в XVII в. в России отдельные операции с ценными бумагами и производились, первые нововведения в кредитном деле связаны с деятельностью Петра I. Ознакомившись с работой бирж Лондона, Амстердама, Антверпена и Брюгге, он принял решение об открытии подобных бирж в России (в основном с целью создания иностранным купцам более благоприятных условий для их торговой деятельности). В 1699 г. Петр I создал в Москве Бурмистерскую палату (государственный орган по собиранию таможенной пошлины), а в некоторых других городах земские избы – прототип будущих купеческих банков. Кроме того, в 1703 г. в Санкт-Петербурге в Гостином дворе было отведено специальное место «для собрания торговых людей», а в 1713 г. построено временное сооружение первой в России биржи. Распространению кредитных операций содействовало и развитие бухгалтерского учета.

О распространении кредитных операций в начале XVIII в. свидетельствуют данные, сохранившиеся в заемных книгах Москвы и Санкт-Петербурга. В них отмечено 1027 кредитных операций западноевропейских купцов, из которых в 996 случаях они были кредиторами. В Москве за 15 лет иностранные кредиторы предоставили 500 тыс. руб., в начале XVIII в. объем кредита составлял 35–60 тыс. руб. ежегодно, в 1724 г. – 20 тыс., в 1725 – 16 тыс. руб.

В Петербурге за семь лет были зарегистрированы кредиты на 200 тыс. руб.; максимальный уровень наблюдался в 1722 г. (58 тыс. руб.), после чего объемы кредитов начали уменьшаться (1723 г. – 27 тыс., 1724 г. – 11 тыс., 1725 г. – 18 тыс., 1726 г. – 19 тыс., 1727 г. – лишь 200 руб.; после 1727 г. записей о кредитах в долговых книгах нет). Причина этого состояла не в сокращении кредитной деятельности, а в приближении из-

⁷³³ Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. – Пг.: Атеней, 1923. – С. 244.

дания вексельного устава 1729 г., который не предусматривал регистрации долговых обязательств (в том числе векселей) в крепостных конторах или других учреждениях⁷³⁴.

По российскому законодательству взыскание процента по долгам запрещалось как несовместимое с нормами христианства («Соборное уложение», гл. X). Чтобы обойти этот запрет, кредиторы указывали в долговой записи сумму, превышавшую реально выданную на величину процента. Как правило, при выдаче кредита иностранные купцы регистрировали соглашение в крепостных конторах и получали от должников заемные кабалы с подписями поручителей и свидетелей. В то же время в соглашениях между собой и с западными партнерами иностранные купцы использовали векселя. В начале XVIII в. иностранные купцы под выданные ими векселя получали в царской казне достаточно большой кредит для расширения своей деятельности, а позднее использовать векселя начинают и русские купцы.

Первые упоминания о векселях известны еще в XVII в. (хотя это были, скорее всего, иностранные векселя). Они содержатся в Боярском приговоре от 31.08.1697 г., который можно считать первым в России законодательным актом, касавшимся вексельных операций, и приказе купцу Сергею Лабазному «О сборе в Московской большой таможене пошлин», датированном 29.08.1698 г. Оба документа запрещали использовать векселя при сборе таможенных налогов⁷³⁵. В именном указе коменданту князю Гагарину от 7.09.1710 г. упоминаются векселя, составленные в России: указом запрещалось переводить с помощью векселей деньги для молодежи, учащейся за границей, поскольку (как отмечалось в приказе) слишком большое количество переведенных денег тратилось на развлечения, что не содействовало успехам в обучении⁷³⁶.

Несмотря на эти запреты, использование векселей все больше расширялось. Об этом свидетельствует указ сената 1711 г. архангельскому вице-губернатору, которому предписывалось следить за вексельным курсом и сообщать о нем в сенат. Указ от 28 мая 1728 г. о создании «особого капитала» в Голландии для поддержания вексельного курса предлагал русским купцам содействовать повышению курса векселей, поскольку его падение причиняет убытки государственной казне.

Благодаря сотрудничеству с иностранными купцами русское правительство переводило с помощью векселей значительные сум-

⁷³⁴ Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. – М.: Рос. полит. энциклопедия, 1996. – С. 178–179.

⁷³⁵ Полное собрание законов (далее ПСЗ). – Т. III. – С. 335, 446.

⁷³⁶ ПСЗ. Т. III, № 1593, № 1641; т. IV №2292, №2589.

мы денег, не перевозя золотые или серебряные монеты. Особенно большие затраты российского правительства за границей в начале XVIII в. были связаны с наймом на службу военных и технических специалистов. Кроме того, переводы денег за границу с помощью векселей преследовали и политические цели. Так, в 1703 г. посол России в Польше Г. Ф. Долгорукий получил для поддержки сторонников России 8 тыс. червонцев по векселю, выданному на имя К. Гутфеля, и 45 тыс. польских гульденов по векселю от М. Поппе. В 1711 г. на содержание в Померании русского экспедиционного корпуса было передано 200 тыс. ефимков, часть из которых перевели по векселям западноевропейские купцы, торговавшие с Россией, в частности И. Любс. Подобная операция была осуществлена и в 1712 г.⁷³⁷

Таким образом, в России постепенно происходит заимствование приемов вексельных операций. Очевидные преимущества использования векселей состояли в том, что их оформление (по сравнению с обычными долговыми письмами) не требовало ни свидетелей, ни поручителей, ни регистрации. Еще одним преимуществом векселя была лаконичность текста, отличающая его от традиционной формы заемной кабалы, текст которой занимал не меньше одной страницы и перечислял всех участников соглашения, их имена, местожительство и общественное положение.

Приведем пример лаконичного текста вексельного соглашения, составленного на русском языке между голландским купцом А. Розеном и Г. Гребиним из Гамбурга:

«Я, нижеподписавшийся, обещаю платить на Москве по получении Гаску Гребину 25 рублей, которые я принял у него в Архангельске».

*22 января 1721 г.
Абрам Розен»⁷³⁸.*

В начале XVIII в. западноевропейскими купцами постепенно начинает использоваться практика вексельных операций и при кредитных соглашениях с русскими партнерами. Известны отдельные случаи, когда русские купцы обменивались векселями с иностранными купцами при посредничестве западноевропейских банков. Например, в 1709 г. русский купец И. Стрежнев выдал 2 тыс. руб. англичанам А. Меврелу и С. Деленою, выдавшим, в свою очередь, на самих себя вексель на эту же сумму. Деньги по векселю необходимо было получить в Амстердаме, и поэтому И. Стрежнев расплатился этим вексе-

⁷³⁷ Захаров В. Н. Западные европейские купцы в России: Эпоха Петра I. – М.: Рос. полит. энциклопедия, 1996. – С. 258–259.

⁷³⁸ Там же, с. 202–203.

лем со своим корреспондентом в Амстердаме П. Калк-Бермером. Однако в Амстердаме вексель был опротестован и возвращен в Москву. В другом случае купец П. Барсуков из Ладogi продал в кредит датскому купцу Х. Лерсу товары для дальнейшей продажи в Копенгагене на сумму в 6443 руб. После продажи товаров Х. Лерс должен был перевести деньги П. Барсукову через берлинского банкира Лежена, но Барсуков денег не получил⁷³⁹.

В первой половине XVIII в. возрастает значение кредитных операций и между русскими купцами. У одних кредитный капитал составлял 40–60%, другие полностью торговали на кредитный капитал. От самой возможности получить такой капитал в значительной степени зависел успех коммерческой деятельности. В конце XVII – начале XVIII вв. кредит можно было получить в конторах наиболее богатых купцов, имевших свои представительства в большинстве городов. Хотя кредитные операции не были целью деятельности этих контор, заведовавшие ими приказчики осуществляли коммерческие сделки с местными купцами, бравшими там подряды на поставку товаров, и предоставляли этим купцам кредит. В частности, своими кредитными операциями была известна контора Г. Д. Строганова в Твери. В 1754 г. был создан Петербургский купеческий банк, куда купцы могли обращаться для получения свидетельства городского магистрата, подтверждавшего возможность купца возратить долг. Несколько иной была практика получения кредита в верхневолжских городах, где купцам выдавались суммы из прибылей городских контор и канцелярий под переводные векселя, которые потом отсылались в те государственные учреждения Петербурга или Москвы, которым необходимо было перевести деньги. Как правило, купцы должны были оплатить эти векселя в течение шести недель⁷⁴⁰.

⁷³⁹ Подобные примеры говорят о том, что в начале XVIII в. некоторые русские купцы плохо представляли себе механизмы западноевропейского банковского кредита, принимая у своих партнеров ненадежные векселя. При неплатежеспособности (или при недобросовестном отношении) своих должников, они не могли рассчитывать на поддержку европейских судебных органов. Поэтому чаще всего кредитные соглашения между русскими и иностранными купцами касались товарного кредита. Например, в 1702 г. Я. Болотин из Вязьмы поставил пеньку иностранному купцу Х. Бранту на 730 руб., а Т. Елчанский (также из Вязьмы) – пеньку купцу Х. Гарланту на сумму 1388 руб. В обоих случаях иностранные купцы расплачивались долговыми письмами своих русских должников, что говорит о достаточном распространении оборотности долговых документов (Захаров В.Н. Западные европейские купцы в России: Эпоха Петра I. – М.: Рос. полит. энциклопедия, 1996. – С. 213–215).

⁷⁴⁰ Демкин А. В. Русское купечество XVII–XVIII вв.: Города Верхневолжья. – М.: Наука, 1990. – С. 23–24.

Важным шагом к внедрению оборота векселей стало появление в 20-е годы XVIII в. советных писем, суть которых состояла в том, что иностранные купцы не регистрировали кредитные операции в крепостной конторе, а получали от русских купцов советные письма (они назывались также своеручными записями) с обязательством погасить долг. Эти своеручные (то есть написанные собственноручно) документы, были, в сущности, долговыми письмами, в которых отмечалась сумма долга и срок его погашения. Их можно считать специфической русской формой векселя начала XVIII в.⁷⁴¹

В случаях, когда возникал риск возможной неуплаты долга, иностранцы могли регистрировать эти документы в крепостной конторе, чтобы иметь юридические основания для иска. Вначале советные письма не имели четко определенной формы и напоминали обычные письма, хотя и выполняли функцию векселя: принимались в уплату за заем и могли содержать поручения об уплате другому лицу. В конце первой четверти XVIII в. форма советных писем начинает упрощаться, приближаясь к обычным векселям, использовавшимся иностранцами между собой, что можно увидеть в следующем примере:

«Государю моему батюшке Григорию Егорьевичу здравия желаем. Известно сим писанием, взял я у галанские земли торговых иноземцев Андрея Тимормана да у Андрея Финансина 1250 рублей, и такие деньги позволю заплатить в июле, в первых числах 1717 года у города Архангельского, за сим кланяюсь и подписуюсь»⁷⁴².

По этим советным письмам (распространенным прежде всего в Архангельске, где у купцов, занятых торговлей, не было времени на регистрацию сделок в крепостной конторе) можно наблюдать, как постепенно под влиянием правил оформления кредита между иностранцами происходит трансформация заемных писем русских купцов (напоминавших ранее средневековые кабалы) в настоящие векселя⁷⁴³. Завершился процесс становления русскоязычной формы векселя принятием вексельного устава 1729 г., где образцы векселей, приведенные в III разделе, достаточно близки по форме к своеручным письмам архангельских купцов.

⁷⁴¹ Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX века). – М.: Аспект-пресс, 2001. – С. 135.

⁷⁴² Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. – М.: Рос. полит. энциклопедия, 1996. – С. 204.

3.5.2. Вексельный устав 1729 г. и состояние вексельного обращения в Российской империи XVIII в.

Необходимость принятия вексельного устава 1729 г. возникла в связи с тем, что вексель был введен по распоряжению правительства, в то время как в Западной Европе сначала возникли вексельные операции, а потом сформировалось вексельное право с его нормативными документами, ставшими кодификацией уже существовавшей практики вексельного обращения.

Причины издания устава указаны в его тексте, где, в частности, отмечается, что он составлен и опубликован, исходя из того, что в европейских странах осуществляется перевод денег из одного города в другой с помощью особых писем, называвшихся векселями. Векселя принимаются так же, как и наличные деньги, а в случае неплатежа накладывается штраф в виде процентов.

Согласно уставу 1729 г. преимущество векселей состоит в том, что: 1) можно избежать затрат на организацию перевозки денег; 2) этот способ перевода денег наиболее безопасный; 3) лица, торгующие векселями, получают прибыль; 4) даже монархи получают при необходимости денежные средства из других стран с помощью векселей. В целом же, использование векселей признавалось лучшим способом предотвратить вывоз золота и серебра за границу.

В данном уставе вексель представлен как новый финансовый инструмент, не существовавший ранее в России. Очевидно, этот факт стал причиной распространения точки зрения, что вексель со всеми присущими ему специфическими признаками не возник в России самостоятельно, а его появление было следствием торговых отношений с иностранными купцами⁷⁴³. Однако во вступлении к уставу отмечалось, что в Российской империи перевод денег с помощью векселей уже существует, хотя и осуществляется не так, как в европейских странах, и к нему нет надлежащего уважения. Поэтому, как считал

⁷⁴³ Этому способствовало и то, что в первой четверти XVIII в. происходит упрощение порядка предоставления гарантий при долговых соглашениях между русскими и иностранными купцами. Если раньше для этого необходимо было участие поручителей, то начиная с 20 годов XVIII в. поручители использовались все реже. Обычно ограничивались одними лишь свидетелями, которые, в отличие от поручителей, несли ответственность в случае неплатежеспособности должника (Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. – М.: Рос. полит. энциклопедия, 1996. – С. 206–207).

⁷⁴⁴ Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Типография штаба Одесского военного округа, 1895. – С. 74.

П. П. Цитович, устав 1729 г. стал возрождением и закреплением на законодательном уровне давно известного в России письменного долгового обязательства – долговой кабалы. Однако с этой точкой зрения трудно согласиться, поскольку для легитимации института долговой кабалы достаточно было бы законодательно признать простой вексель, а не описывать особенности переводного векселя, как это сделано в первом разделе устава 1729 г.

А. М. Осипов отмечал, что первый вексельный устав Российской империи был написан сначала по-английски, потом переведен на немецкий язык, и уже с немецкого был сделан русский перевод⁷⁴⁵. Однако было бы неверным считать, что устав полностью заимствован из немецкого вексельного права. Поскольку вексельное право развивалось как международное, вполне закономерно, что вексельные уставы разных стран имеют много общего⁷⁴⁶.

С. М. Барац считал, что автором устава был граф А. И. Остерман (1686–1747 гг.), советник Петра II, ставший в 1726 г. членом Тайного совета (где он заведовал комиссией по коммерции), а также президентом Коммерц-коллегии. Кроме того, он руководил почтой Российской империи, организовал заемный общественный банк и создал ряд предприятий для содействия развитию торговли и промышленности. Независимо от того, был ли А. И. Остерман автором вексельного устава 1729 г., принятие этого документа произошло по его инициативе как президента Коммерц-коллегии⁷⁴⁷.

В соответствии с предположением Д. И. Мейера, устав разработал неизвестный немецкий профессор из Лейпцига (Лейпцигский вексельный устав 1682 г. пользовался в Германии большой популярностью) по заказу русского правительства⁷⁴⁸. В пользу такого предположения свидетельствует то, что положения устава 1729 г. относительно оборота переводных векселей действительно близки к нормам немецкого

⁷⁴⁵ Осипов А. М. Вексель в его прошедшем и настоящем. – Казань: Тип. университета, 1873. – С. 21–22.

⁷⁴⁶ К тому же, первое издание устава было осуществлено не на немецком, а на русском языке (о чем свидетельствует надпись на титульном листе второго издания, вышедшего в Санкт-Петербурге: «Устав вексельный, напечатанный в Москве в Сенатской типографии, а в Санкт-Петербурге в Академии наук с русского языка против оригинала переведен и напечатан на русском и немецком языках» (Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 5. Законодательства периода расцвета абсолютизма / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит.-ра, 1987. – С. 421).

⁷⁴⁷ Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 671.

⁷⁴⁸ Мейер Д. И. Очерк русского вексельного права. – Казань: Тип. университета, 1857. – С. 21.

вексельного права, в частности явно немецкое происхождение имеют определения понятий и вся вексельная терминология.

Однако при более внимательном рассмотрении содержания устава 1729 г. можно заметить, что его текст не является простым заимствованием из других вексельных законов того времени, поскольку содержит положения, которых нет ни в одном из них. В частности, раздел второй «О векселях на казенные деньги» регламентировал оборот казенных векселей, специфичный именно для России (к моменту принятия устава векселя для перевода государственных денег были хорошо известны в России).

Приведем характерный образец «векселя на казенные деньги» (раздел III, образец №13):

«1729 марта 14 дня, по указу императорского величества, дан сей первой вексель из Московской рентереи московскому купцу Семену Сидорову в том, что принято в него в Московскую рентерею наличных денег пять сот рублей и записан в приходную книгу означенного числа под номером (...). А толикое же число заплатит ему, Семену, или кому он прикажет и на сем векселе подпишет в Нижнем Новгороде из губернаторской канцелярии из наличных всякого звания поборог по силе вексельному праву по объявлению векселя конечно в неделю неотложно.

Под тем подписатца самими командиром того места и приходчику справит»⁷⁴⁹.

Рассмотрим подробнее содержание устава 1729 г., имевшего три раздела⁷⁵⁰. Первый раздел «О настоящих купеческих векселях» включал 39 статей. В обороте партикулярных векселей принимало участие четыре лица: 1) векселедатель, 2) лицо, передававшее вексель, 3) податель к уплате, 4) плательщик. Для некоторых векселей допускалось участие трех лиц (традиционный переводной вексель) и двух (простой вексель). Подробно рассматривались правила написания вексельных писем по образцам (ст. 2); лица, которые могут быть вписаны в вексель (ст. 3); порядок представления векселя к акцепту (ст. 7); исправления в векселях (ст. 9); протест векселя (ст. 10) и его порядок (ст. 15); внутренние русские векселя (ст. 28); судебные иски по вексельным делам (ст. 29) и т. п.

Второй раздел «О векселях на казенные деньги» состоял из 15 статей. Предполагалось, что казенные векселя могут быть двух видов: 1) выданные частными лицами государственным органам, 2) выданные государственными органами частным лицам. В обоих случаях эти векселя использовались для перевода государственных денег.

⁷⁴⁹ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 5. Законодательства периода расцвета абсолютизма / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит-ра, 1987. – С. 458.

⁷⁵⁰ Там же, с. 423–458.

Если казенные деньги выдавались купцу с целью осуществления перевода, он выдавал вексель в трех экземплярах с указанным точным сроком уплаты денег, а также предоставлял поручительство. Полученный таким образом вексель правительственное учреждение пересылало руководителю того учреждения, на которое осуществлялся перевод денег. После получения векселя его необходимо было представить тому лицу (трассату), на имя которого он был выдан, для письменного акцепта и последующей уплаты денег в течение семи дней. При отказе от акцепта трассат должен был подать письменное заявление, пересылавшееся по месту выдачи векселя с целью взыскания соответствующей суммы с векселедателя и поручителей. Кроме вексельной суммы, взимался еще и процент штрафа, который платился как при отказе уплатить деньги в указанный срок акцептантом, так и при невозможности уплаты денег векселедателем или поручителем.

Второй тип казенных векселей использовался для перевода частных капиталов купцов с помощью государственных органов. Эти органы могли взять на себя обязанность перевода соответствующих сумм лишь в том случае, если в учреждениях, на которые осуществлялся перевод, были наличные средства. После получения от купца денег ему выдавался казенный вексель, трассированный на другое государственное учреждение, обязанное выдать указанную в векселе сумму ремитенту или другому лицу (которому будет приказано) в течение недели после предъявления векселя. Если же лицо, на которое был трассирован вексель, не приняло его (или приняв, не стало платить по нему), не дав протеста, то такой протест необходимо было составить с участием нотариуса в присутствии двух или трех свидетелей, а лицо, которое отказалось уплатить по векселю, должно было из собственных средств уплатить штраф в размере 8% от суммы векселя, в то время как сама вексельная сумма возвращалась из государственных средств. Однако скоро казенные векселя (в особенности первого типа) перестали употребляться по причине общего высокого риска перевода казенных средств с помощью купцов, которые довольно часто оказывались неплатежеспособными вместе со своими поручителями⁷⁵¹.

В третьем разделе приводились формы и образцы внутренних векселей с их объяснением: образцы оформления векселей необходимо было брать за основу при внедрении вексельного обращения. При этом устав 1729 г. регламентировал порядок использования переводного векселя, детально (иногда чрезмерно) описывая те особенности его оборота, которые не имели реального отношения к вексельным операциям в России. В образцах заполнения векселей перечислялись четыре вида лиц, которые могли принимать участие в вексельном обязательстве:

- 1) векселедатель – лицо, выдавшее вексель в другом городе (или стране) в соответствии с соглашением с «переводителем» векселя, то есть лицом, которое будет осуществлять перевод векселя;
- 2) «переводитель» – лицо, отдающее деньги векселедателю и принимающее вексель;

⁷⁵¹ Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование.

3) «подаватель» – лицо, которому присылается вексель для того, чтобы это лицо могло получить по нему деньги;

4) «акцептователь» – лицо, принявшее вексель и поставившее на нем свою подпись как согласие на уплату.

Далее в тексте устава отмечалось, что количество участников вексельного соглашения может быть и менее четырех, а в образце №4 приводился формуляр векселя с тремя участниками. Образец №5 упоминал лишь два лица, то есть был простым векселем, и это, в сущности, единственное место устава 1729 г., где упоминается простой вексель, кроме ст. 3 раздела I, где отмечается, что количество участников вексельного обязательства может быть меньшим, чем указано. Таким образом, можно сделать вывод, что при создании данного устава за норму был взят вексель с четырьмя лицами – архаический, устаревший к 1729 г. тип так называемого ярмарочного векселя, переставший употребляться еще в XVII в.

Весь первый раздел устава 1729 г. был посвящен лишь переводному векселю, мало распространенному в XVIII в. (так же, как и в XIX в.) на территории Российской империи, где использовался в подавляющем большинстве случаев простой вексель. К тому же нечеткость описания особенностей переводного векселя, перенасыщенность текста немецкой терминологией (которая в то время в России еще не приобрела распространения и не стала унифицированным понятием вексельного права) и отсутствие определения и описания особенностей простого векселя делали устав 1729 г. нежизнеспособным документом.

Значение данного устава состояло в том, то он признал тождественность векселеспособности с общегражданской правоспособностью. В частности, ст. 38 первого раздела отмечает, что, хотя этот устав рассчитан в первую очередь на представителей купечества, его правила распространяются на военнослужащих и на всех других гражданских лиц (*«не одних токмо купцов, но и прочих чинов, кто вексельми обяжется»*).

Кроме того, устав 1729 г. имел целью определить законодательным путем порядок использования в России такого долгового документа, который составляется по определенной форме и поэтому не требует подтверждения со стороны свидетелей. Были указаны все существенные и несущественные признаки векселя (ст. 2, 3, 5); векселю был предоставлен бесспорный характер и все надписи, сделанные на векселе, не нуждались в подтверждении свидетелей (ст. 1.). Определялись также и сроки вексельного обязательства (ст. 4), был описан порядок выдачи дубликатов векселя (ст. 5), а также порядок осуществления акцепта (ст. 7, 17), индосамента (ст. 8, 19, 37) и платежа (ст. 11). Рассматривались случаи протеста при непринятии векселя (ст. 18) и неплатеже (ст. 4), а также регресса без определения порядка выбора ответственного лица (ст. 19, 30). Отно-

сительно выдачи векселя устав предусматривал необходимость составления векселя по образцам (формулярам), прилагавшимся в третьем разделе. В устав были включены статьи о валюте, об образцах векселей, о сроке действия векселя, об авизном письме, акцепте, индоссаменте, платеже, о подделке векселей и т. п. Выдачу векселей рекомендовалось осуществлять в присутствии присяжных маклеров, поэтому каких-либо существенных ограничений прав выдачи векселя в уставе не было.

В соответствии с уставом простой вексель уравнивался в правах с переводным, однако больше внимания было уделено обороту переводного векселя. Так вексель западноевропейского типа, перенесенный в Российскую империю (где не было тех экономических условий, которые способствовали его возникновению в Италии и распространению на ярмарках во Франции), приобрел иное значение. Наиболее важная особенность векселя в России состояла в том, что он представлял собой письменное долговое обязательство, по сути, очень близкое к долговому письму, отличаясь от него главным образом названием. Кроме того, российских пользователей привлекала в векселе быстрота и строгость взыскания долга – строгость, распространявшаяся не только на имущество должника, но и на него самого. Эта особенность имела сходство с традициями долговой кабалы, давно распространенной на Руси. Поэтому вексель в условиях Российской империи (как и в Германии) стал прежде всего формальным долговым документом, основная сила которого состояла в самом факте наименования этого документа векселем и, вследствие этого, возможности применения к должнику строгих норм вексельного права. Указанные обстоятельства, а также наличие потребности в долговом документе европейского типа, способствовали легитимации в России именно простого векселя. Таким образом русский период в истории векселя настолько изменил его функции, что связь с переводным векселем была полностью утрачена. Поскольку устав 1729 г. провозгласил тождественность векселеспособности и общегражданской правоспособности, вексель стал доступным для всех, превратившись в средство личного кредита и выполняя функции долгового письма, но уже подкрепленные силой вексельного права.

Однако, по мнению Д. И. Мейера, в России не удалось обеспечить строгость и быстроту взыскания, присущие вексельному праву, несмотря на законодательное внедрение вексельного права. В соответствии с нормами устава 1729 г. допускалось личное задержание вексельного должника, а при взыскании долга по векселю его имущество должно было описываться в течение короткого времени и продавать-

ся на публичном торге. В действительности эти нормы не всегда выполнялись, поскольку значительная часть лиц не осознавала различия между векселем и другими долговыми документами (вследствие этого часто любой долговой акт называли векселем, и даже в официальных документах заемное письмо иногда имело название векселя).

Причины повышенного внимания к вексельной строгости в уставе 1729 г. (и в более поздних документах) были обусловлены тем, что в Российской империи вексельное право возникло не в результате продолжительного исторического развития, как в Западной Европе, а было заимствовано. Поэтому представление о вексельной строгости в Западной Европе укоренилось в сознании пользователей векселем, тогда как в Российской империи вексельная строгость была установлена законодательным путем, то есть привнесена «сверху». В связи с этим во многих случаях даже представители исполнительной власти не различали вексель и другие письменные долговые обязательства⁷⁵². Еще одной специфической особенностью устава 1729 г. было определение правил оборота казенных векселей⁷⁵³, которые не вошли в устав 1832 г. и последующие вексельные законы.

В дальнейшем, в течение XVIII в., проблемы вексельной дееспособности постоянно привлекали внимание правительства, пытавшегося постепенно ограничить провозглашенную в уставе 1729 г. тождественность векселеспособности и гражданской правоспособности. Поскольку придерживаться вексельной строгости, утвержденной на законодательном уровне, оказалось достаточно тяжело, начались попытки ограничения векселеспособности.

В частности, указ от 14 июня 1740 г. ограничивал круг имевших право пользоваться векселями лиц до купцов и разночинцев. Кроме того, были изданы несколько постановлений относительно ограничения прав крестьян, а в 1761 г. – указ императрицы Екатерины II «О крестьянских векселях», по которому векселеспособность на крестьян не распространялась. Эти ограничения тождественности векселеспособности и общегражданской правоспособности, провозглашенной в уставе 1729 г., объяснялись в указе тем, что крестьяне, не понимая сущности векселя, становились жертвами ростовщичества, а вексель (заменив собою долговую кабалу) оказался средством обращения свободных кре-

⁷⁵² *Meier Д. И.* Очерк русского вексельного права // *Meier Д. И.* Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – С. 311–312.

⁷⁵³ По нашему мнению, институт казенных векселей отражал тенденцию государственного регулирования вексельных операций, прослеживавшуюся в то время в экономике России.

стьян в крепостных⁷⁵⁴. Позднее эти ограничения были распространены и на дворянство, поскольку участились случаи разорения дворян вследствие возрастания вексельной задолженности. Таким образом вексель стал доступным лишь купечеству.

В Российской империи XVIII в. вексель в значительной мере сохранял сходство с заемным письмом, а основное отличие этих документов состояло в том, что заемное письмо необходимо было удостоверить у маклера, платя за это определенную сумму налога. Вексель же не требовал такого удостоверения и, соответственно, уплаты налога. Вследствие этого считалось, что основное преимущество векселя перед заемным письмом состояло в отсутствии необходимости платить налог. К тому же, как отмечает Д. И. Мейер, векселя выписывались на такой же гербовой бумаге, как и заемные письма, и по своему смыслу эти два документа мало чем отличались. Главным же преимуществом векселя была возможность в любом месте и в любое время совершить кредитную сделку⁷⁵⁵. Поэтому, несмотря на ограничение векселеспособности и упрощенное, часто неверное понимание сущности векселя, в XVIII в. на территории Российской империи постепенно распространилось вексельное обращение, тесно связанное с кредитными операциями.

Указ о создании дворянских заемных банков в Москве и Санкт-Петербурге, а также Купеческого банка («Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции и купечества») был издан во время правления императрицы Елизаветы Петровны 13 мая 1754 г. Дворянские банки выдавали займы (под 6% годовых) под залог драгоценных металлов; был также разрешен залог земель. Сначала право брать займы в этих банках имели лишь русские дворяне; в 1766 г. это право было распространено на дворянство Белоруссии, а в 1783 г. – Украины. Возрастал и основной капитал банков: если вначале он составлял 750 тыс. руб., то в время правления Екатерины II был увеличен до 6 млн. руб. Купеческий банк выдавал займы под залог товаров русским купцам, торговавшим

⁷⁵⁴ «Правительствующему сенату не безызвестно есть, что многие крестьяне, для своего пропитания брав паспорта, отлучаются из домов своих в разные города; и быв у купцов в работах и услужениях, обязываются векселями, и в случае неуплаты оные протестуются в отдельных городах; кои по протесте и держат те купцы у себя умышленно, для накопления процентов, многое время» (Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 3. Вексельное право. Морское право. – 4-е изд. – СПб.: Изд-во братьев Башмаковых, 1909. – С. 16).

⁷⁵⁵ Необходимость заверять вексель у маклера несовместима с этим требованием, и потому вексель как инструмент кредита был свободен от необходимости такого заверения (Мейер Д. И. Очерк русского вексельного права // Мейер Д. И. Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР». 2003 – С. 314).

при Санкт-Петербургском порту, также под 6% годовых. Эти займы обеспечивались выдачей векселей⁷⁵⁶.

В целом же, деятельность Купеческого банка не оправдала возлагавшихся на него надежд. Казенные капиталы в первые годы существования и Купеческого, и дворянских банков были розданы небольшому количеству лиц, у которых они продолжали оставаться. Неудовлетворительное положение дел в дворянских банках и Купеческом банке отмечалось в указе императора Павла III от 26 июня 1762 г., и в 1770 г. выдача займов в Купеческом банке прекратилась. В 1782 г. банк был закрыт, а его капиталы переданы Дворянскому банку. Однако и в дворянские банки помещики не возвращали своевременно займы и не платили проценты, а продажа залогов, предусмотренная законом, на практике не осуществлялась. Кроме того, уровень учета был низким. Поэтому в 1785 г. были закрыты и дворянские банки, а их капиталы и дела были переданы созданному Заемному банку.

По инициативе иностранных предпринимателей, а также с целью облегчения оборота медных денег 6 ноября 1757 г. был издан указ императрицы Елизаветы Петровны «О мерах вексельного производства», предусматривавший использование операций перевода векселей между Санкт-Петербургом и 50 наиболее крупными городами Российской империи, а также применение учетной операции, которой могли пользоваться лишь купцы, имевшие торговые дела в Санкт-Петербурге. Операция по переводу векселей осуществлялась через Соляную контору в Санкт-Петербурге, где лица, желавшие осуществить денежный перевод, платили наличными необходимую сумму. Свои деньги они могли потом получить через магистраты в 50 городах, между которыми было распределено 2 млн. рублей медных денег. Ссуды выдавались под восьмимесячные векселя с уплатой процентов (0,5% в месяц); переводы можно было осуществлять и в Санкт-Петербург⁷⁵⁷.

Уже через полгода операция перевода с использованием векселей доказала свою эффективность, и 21 июня 1758 г. по инициативе графа П. И. Шувалова был издан указ о расширении этой операции и создании в Санкт-Петербурге и Москве отдельных банков, имевших название «Банковые конторы вексельного производства для обращения медных денег» (больше известных под названием «Медный банк»)⁷⁵⁸. Эти банковские конторы имели постоянные контакты с учреждениями,

⁷⁵⁶ Гурьев А. Н. Очерки развития кредитных учреждений в России. – СПб, 1904 // (Репринт) Гурьев А. Н., Памфилов С. Ф. История России: кредитная система. – М.: ЮКИС, 1995. – С. 7–9.

⁷⁵⁷ Ческидов Б. М. Развитие банковских операций с ценными бумагами. – М.: Финансы и статистика, 1997. – С. 97.

⁷⁵⁸ Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX века). – М.: Аспект-пресс, 2001. – С. 139.

которые оформляли денежные переводы, и собирали точную информацию о суммах переводов и их количестве. Кроме того, они принимали вклады от частных лиц, зачислявшиеся на отдельные счета (учет осуществлялся в главной банковской книге)⁷⁵⁹.

Деятельность Медного банка можно считать более прогрессивной по сравнению с операциями Купеческого банка, особенно в отношении открытия текущих счетов. К недостаткам в работе Медного банка следует отнести время, затрачиваемое на получение денег и совершение формальных процедур, и выдачу векселя не на предъявителя. Последнее затрудняло их передачу; особенно неудобным было условие предварительной (за год) подачи заявления о возвращении векселя⁷⁶⁰.

Ситуация изменилась во времена правления Екатерины II, когда появился рынок ценных бумаг и возникло частное банкирское предпринимательство⁷⁶¹. Были опубликованы первые переводы книг, посвященных бухгалтерскому учету и методам коммерческой деятельности: «Торг Амстердамский» (1762 г.), «Ключ коммерции» (1783 г.), «Наставление необходимо нужное для российских купцов...» (1788 г.)⁷⁶².

В 1767 г. была созвана специальная комиссия по дополнению «Соборного уложения» 1649 г. – основ русского права XVII и XVIII вв. (подобные комиссии созывались при Петре I, Петре II, при Елизавете Петровне в 1754 г.; комиссия 1767 г. работала до 1769 г.)⁷⁶³. На заседаниях комиссии 1767 г. основной причиной низкого вексельного курса было названо отсутствие кредита и признавалась необходимость создания купеческих банков. Предлагалось выделить на это 2 млн. руб. и создать такие банки в Москве и Санкт-Петербурге, а также в губерни-

⁷⁵⁹ Гурьев А. Н. Очерки развития кредитных учреждений в России. – СПб, 1904 // (Репринт) Гурьев А. Н., Памфилов С. Ф. История России: кредитная система. – М.: ЮКИС, 1995. – С. 10–11.

⁷⁶⁰ Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. – Пг.: Атеней, 1923. – С. 245.

⁷⁶¹ Придворные банкиры обслуживали императорский двор и правительство (в том числе и внешнеэкономические связи), а первые казенные банки – дворянство. 26 июня 1764 г. императрицей был подписан указ о создании двух коммерческих банков – в Санкт-Петербурге для обслуживания торговых связей с Западной Европой и в Астрахани для обслуживания азиатской торговли. Однако Астраханский банк в 1767 г. сторел и не отстраивался, а Санкт-Петербургский банк истратил весь основной и резервный капиталы на кредиты «нужным людям» и перестал выдавать деньги, после чего в 1782 г. был закрыт (Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX века). – М.: Аспект-пресс, 2001. – С. 165).

⁷⁶² Соколов Я. В. Бухгалтерский учет: от истоков до наших дней. – М.: Аудит, ЮНИТИ, 1996. – С. 231.

⁷⁶³ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 5. Законодательства периода расцвета абсолютизма / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 418–419.

ях и провинциях, где купцы могли бы получать необходимые им займы сроком на пять лет. В соответствии с другим проектом эти банки должны были создаваться лишь в Москве и Санкт-Петербурге, но со значительно большим капиталом – 12 млн. руб. (они должны были дисконтировать купеческие векселя, имевшие кредит и особое доверие, а также принимать в залог товары). Некоторые депутаты предлагали ограничиться выдачей займов из созданного в 1786 г. Заемного банка, предоставлявшего кредиты под залог товаров⁷⁶⁴.

Комиссии был предложен проект вексельного устава, по поводу которого мнения депутатов разошлись. Несмотря на то, что уставом 1729 г. векселю был предоставлен характер бесспорного абстрактного обязательства, а подписи в тексте векселя не требовали засвидетельствования, возникает впечатление, что члены комиссии 1767 г. стремились изменить эту характерную особенность векселя. Так, депутат от города Углича предлагал, чтобы каждый вексель удостоверялся публичным нотариусом. Депутат от харьковского дворянства предлагал выписывать векселя в губернских канцеляриях и других правительственных учреждениях и регистрировать эти векселя в учетных книгах. Представитель кашинского дворянства не только поддерживал требование составления векселя в присутствии нотариуса, но и предлагал, чтобы нотариусы подавали в контору государственного банка ежедневный отчет о составленных векселях; эти отчеты должны были печататься в газете. Депутат от дворянства Данковского уезда детально анализировал вексельный устав и высказывал свои предложения относительно протеста векселей, порядка взыскания и т. п., предлагая достичь достоверности векселей предъявлением их в уездные или полковые канцелярии.

Хотя в работе комиссии 1767 г. речь шла об использовании векселей дворянством, а не купечеством, стремление депутатов усложнить порядок выдачи векселей и ограничить вексельное обращение свидетельствует о том, что и во второй половине XVIII в. вексель еще не полностью вошел в практику кредитных операций⁷⁶⁵.

Спустя некоторое время по инициативе Екатерины II появляются ассигнационные банки, эмитенты первых в России бумажных ассигнаций, а также разные кредитные учреждения – Сохранная казна, Ссудная казна, Приказ общественного призрения. Их основной целью было предоставление кредита исключительно дворянам. В 1772 г. в Москве и

⁷⁶⁴ Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. – Пг.: Атеней, 1923 – С. 244.

⁷⁶⁵ Там же, с. 248.

Санкт-Петербурге были открыты сохранные и ссудные казны, принимавшие взносы под проценты на любые сроки и выдававшие займы под залог недвижимости. Говоря о развитии кредита, можно вспомнить и созданные 17 ноября 1775 г. во всех столицах губерний так называемые приказы общественного призрения, которые (кроме благотворительных функций) принимали взносы и выдавали займы под залог земельной собственности своей губернии⁷⁶⁶.

Наконец, в 1786 г. был создан Государственный заемный банк, которому были переданы капиталы бывших дворянских банков. Из ассигнационных банков было передано 22 млн. руб. для выдачи займов дворянству и 11 млн. руб. – для отдельных городов. Указом от 18 декабря 1797 г. был создан Вспомогательный для дворянства банк, в котором займы выдавались не деньгами, а особыми банковскими билетами, обязательными для приема как частными лицами, так и государственной казной.

Тем же указом при Ассигнационном банке были созданы страховые конторы, а также отдельные конторы для векселей и для товаров. В целом же во время правления Екатерины II коммерческий кредит и вексельные операции распространялись в России очень медленно. Причиной этого было отсутствие в экономике России реальных предпосылок для развития операций с ценными бумагами, в том числе и с векселями. В деятельности Санкт-Петербургской биржи не произошло существенных изменений – она оставалась прежде всего товарной биржей, а соглашения по продаже векселей были эпизодическими.

Медленное распространение в России вексельных операций было обусловлено и быстрым ростом дворянских долгов чести, и большим количеством банкротств среди дворян, которых привлекали векселя, поскольку они усматривали в вексельном обязательстве слепое доверие к вексельной форме (необычное для России, где была распространена практика предоставления кредита под залог) и возможность уклониться от уплаты долга. По свидетельству современников, во второй половине XVIII в. (во времена правления Екатерины II) среди дворянства был распространен обычай «жить в долг» и считалось, что истинно дворянское поведение должно проявляться в показной роскоши⁷⁶⁷. Следствием этого были долги под большие проценты с помощью векселей, залог земель и имений и, в конечном счете, многочисленные банкротства и разорение дворян, в чем часто обвиняли именно распространение векселей.

В связи с этим дискредитация векселя в России была настолько значительной, что купцы начали отказываться брать векселя в уплату за свои товары, даже если эти векселя были выписаны на известных купцов. Еще одной причиной недоверия к векселям в России было

⁷⁶⁶ Ческидов Б. М. Развитие банковских операций с ценными бумагами. – М.: Финансы и статистика, 1997. – С. 98.

⁷⁶⁷ Лотман М. Ю. Пушкин. – СПб: Искусство-СПб, 2000. – С. 492–493.

отсутствие серьезного отношения в судах к опротестованию векселей, поскольку большинство карточных долгов оформлялось именно векселями. По замечанию Баера дю Оллана⁷⁶⁸ (которое он приводит в дневнике своего путешествия по России в 1784 г.), отсутствие уверенности в том, что векселя будут оплачены, было вполне обычным делом в конце XVIII в. По мнению французского путешественника, этому способствовал один из законов Петра I, по которому сын при живом отце не имел никакого права собственности, а если отец завладел собственностью сына, кредитор не мог требовать от последнего уплаты долга.

Следует учесть и такое обстоятельство, как постоянное падение курса российских денег, для поддержания которого правительству приходилось иногда тратить по 500–600 тыс. руб., скупая через доверенного банкира большое количество векселей, которые потом продавались со значительными убытками. В связи с этим Баер дю Оллан отмечал, что отдаленность России от стран с развитой торговлей, а также особенности русских обычаев стали причиной того, что эта страна в XVIII в. потеряла кредитное доверие западных партнеров, и потребуется немало времени, чтобы восстановить это доверие⁷⁶⁹.

В целом же, рассматривая вексельные операции XVIII в., можно согласиться с мнением Б. М. Ческидова, что в России того времени, так же как и в других странах с преобладанием феодальных отношений, единственными по-настоящему выгодными кредитными операциями были ипотечные (с дворянскими землями) и вексельные (с векселями купцов из больших городов). К тому же, особенностью XVIII в. было почти полное отсутствие частной инициативы в банковском деле. Первые кредитные и банковские учреждения в Российской империи создавались государством прежде всего по политическим соображениям. Поэтому государство не только не стремилось получить прибыль от создания кредитных учреждений и внедрения вексельных операций, но и заведомо было готово понести убытки. Реальные коммерческие цели не ставились, что не могло привлекать частных инвесторов⁷⁷⁰.

⁷⁶⁸ Баер дю Оллан был приятелем Жана-Батиста Тавернье (родился в Париже в 1749 г., казнен в 1793 г.) – масона, путешественника, авантюриста и торговца драгоценностями. Тавернье оставил после себя интересные описания использования кредитных операций в странах Востока, и его цитирует Фернан Бродель. Тавернье сопровождал дю Оллана в его путешествии по Польше, России и Скандинавии. Весной 1794 г. по пути из Москвы в Астрахань Баер дю Оллан посетил Киев и Кременчуг (Франко-русские экономические связи. – М.: Наука, 1970. – С. 162–163).

⁷⁶⁹ Франко-русские экономические связи. – М.: Наука, 1970. – С. 183, 187.

⁷⁷⁰ Ческидов Б. М. Развитие банковских операций с ценными бумагами. – М.: Финансы и статистика, 1997. – С. 100–101.

На украинских землях, в XVIII в. входивших в состав Российской империи, вследствие ускорения экономического развития России, денежной реформы Петра I и дальнейшей экономической политики русского правительства товарно-денежные и кредитные отношения все более определялись состоянием экономики России и ее законодательством. Способствовали этому и три раздела Польши (1773, 1793 и 1795 гг.), после чего польское государство утратило свое политическое могущество, а власть России распространилась на большую часть территории Украины. Купцы из России и Левобережной Украины через польские земли Правобережной Украины провозили свои товары в страны Западной Европы и Балкан. В целом же, несмотря на сложную политическую историю украинских земель в XVII–XVIII вв. и многочисленные войны, происходило возрастание товарности сельского хозяйства и развитие торговли, в частности транзитной.

3.6. ВЕКСЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (ДО 1861 Г.)

Несмотря на накопленный в XVIII в. опыт использования векселей в России, в начале XIX в. кредитно-вексельные операции все еще были несовершенны. Недостаточное развитие связи, почты и путей сообщения часто ограничивали их отдельным городом или небольшим районом. Кроме того, отсутствие четкого и строгого вексельного права приводило к тому, что преобладала торговля за наличные деньги, а рынок векселей оставался незначительным. Причина этого была в том, что главным условием вексельного обращения (так же, как и кредитных операций в целом) являлось обеспечение гражданских прав и возможности сохранения полученных прибылей. Только в таких условиях могут возникнуть социально-экономические предпосылки и атмосфера доверия, без которых развитие кредитных и особенно вексельных операций вообще невозможно.

В начале XIX в. объемы кредитных операций возросли. Этому способствовало дальнейшее развитие торговли и обогащение крупных купцов, а также рост общей задолженности дворянства⁷⁷¹. Когда в 1782 г. был ликвидирован «Банк для поправления при Санкт-Петербур-

⁷⁷¹ В частности, долг крупных землевладельцев Шереметевых достиг в 1800 г. 2 млн. руб., а в 1805 г. – уже 2,7 млн. руб. Князь Юсупов, владевший 17 тыс. крепостных крестьян, в 1787 г. был должен банку 100 тыс. руб., а в 1818 г. – уже 693 тыс. руб. Кроме банковского кредита, Юсуповы часто пользовались услугами частных лиц; Юсупов-сын с 1816 по 1824 гг. выдал векселей на 273 тыс. руб., а его отец с 1814 по 1827 – на 369 тыс. руб. (Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.). – М.: Госфиниздат, 1958. – С. 111).

бургском порту коммерции», курс ассигнаций и вексельный курс стали понижаться, поэтому возникла необходимость создания нового коммерческого банка.

Первым шагом к этому стало открытие 18 октября 1797 г. Учетной (дисконтной) и Страховой контор при Государственном ассигнационном банке. Функции Учетной конторы, определявшиеся ее уставом, состояли в том, что она должна была предоставлять купцам кредит под векселя, а также под залог товаров. В отличие от Купеческого банка, осуществлявшего только выдачу займов под залог товаров, Учетная контора производила также и учет векселей. Чтобы сохранить доверие клиентов, факты отказа от учета векселя или несвоевременного возвращения займа сохранялись в тайне.

Срок учета векселей был ограничен девятью месяцами, а процент при этом составлял $\frac{1}{2}$ копейки с 1 руб. в месяц. В уставе Учетной конторы отмечалось: «Эсконтная, или Учетная контора учреждается к усилению и вспомоществованию ремесел и торговли преимущественно российскими купцами, заводчиками и фабрикантами... ссуды выдаются под векселя, данные купцам от покупателей их товаров... коим строки еще не наступили...»⁷⁷².

В 1798 г., почти одновременно с созданием Учетной конторы была создана Особая контора для внешних переводов, платежей и комиссий, больше известная под названием Контора придворных банкиров, которая получила от правительства монопольное право на осуществление (по государственным поручениям) всех операций по переводу денег за границу, и только через эту контору могли осуществляться любые закупки иностранных товаров. Звание придворного банкира предоставлялось богатейшим купцам, обслуживавшим нужды правительства и связанным посредством кредитных операций с иностранными банками, где их основной целью было поддержание высокого курса российских векселей⁷⁷³.

⁷⁷² Гурьев А. Н. Очерки развития кредитных учреждений в России. – СПб, 1904 // (Репринт) Гурьев А. Н., Памфилов С. Ф. История России: кредитная система. – М.: ЮКИС, 1995. – С. 16.

⁷⁷³ Там же, с. 16. Контора придворных банкиров существовала до 1811 г., однако, начиная с 1807 г., ее значение существенно уменьшилось, а после создания Министерства финансов и его подразделения – Особенной канцелярии по кредитной части – под контроль этого подразделения перешли все зарубежные кредитные операции. Последним придворным банкиром можно считать барона Л. И. Штиглица, выходца из Германии, банкирский дом которого имел важное значение в финансовой жизни Петербурга до конца 50-х годов XIX в. В это время пресса в России писала, что имя Л. Штиглица так же хорошо известно во всем мире, как имя Ротшильда, а с векселями Штиглица можно спокойно ехать в любую страну Европы, Америки или Азии, и всюду эти векселя будут приняты. В конце 50-х годов XIX в. влияние Л. Штиглица уменьшается и он переходит на государственную службу, а его преемниками становятся банкирские дома «Е. И. Гинцбург» и «Братья Рябушинские» (Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. – Л.: Наука, 1991. – С. 14–15, 18).

Основными центрами кредитно-вексельных операций в первой половине XIX в. на территории Российской империи были Петербург и Москва, Причерноморский регион (Одесса), Польша (Варшава), западные губернии (Вильна, Бердичев) и Прибалтика (Рига). Специфика кредитных и вексельных операций определялась особенностями внешней и внутренней торговли и товарно-денежного оборота.

В XVIII в. преобладающая часть иностранной торговли Российской империи осуществлялась с использованием морских путей (общий объем сухопутной торговли составлял только 6%). В начале XIX в. экспорт возрос до 12%, а импорт – до 22%; в середине XIX в. экспорт товаров сухопутными путями достиг 27%, а импорт – 37%. По-настоящему значительного объема сухопутная торговля достигает лишь в конце XIX – начале XX вв. в связи со строительством сети железных дорог⁷⁷⁴. В XVIII в. морская торговля осуществлялась исключительно через Балтийское море, черноморские же торговые пути к тому времени задействованы не были, поскольку контролировались Турцией. В конце XVIII в. ситуация изменилась: ослабление Турции открыло для Российской империи Черное море. Как отмечал Ф. Бродель, выход России к Черному морю и открытие проливов Босфор и Дарданеллы в 1774 г. способствовали появлению на черноморских торговых путях венецианских, французских и русских кораблей, что значительно ослабило престиж Турции.

С конца XVIII в. началось активное заселение Южной Украины, где царское правительство раздавало большие земельные участки помещикам, а также иностранным колонистам. Выгодное географическое положение и естественные богатства послужили причиной быстрого экономического развития территории⁷⁷⁵. Впрочем, когда в 1784 г. купцы из Марселя захотели начать торговлю с Крымом через Черное море, один из них отмечал на основании собственных впечатлений, что в Крыму и Херсоне полностью отсутствуют чеканные монеты и находятся в обращении лишь медные деньги, а бумажные ассигнации не используются из-за недостатка средств дисконтирования. По словам Ф. Броделя, в 80-е годы XVIII в. трудно было предположить, чтобы кто-либо попытался организовать в Херсоне учет векселей⁷⁷⁶, и необходимо было определенное время, чтобы украинское зерно стало регулярно экспортироваться по Черному морю. Только в начале

⁷⁷⁴ Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. – Пг.: Атеней, 1923. – С. 267.

⁷⁷⁵ Історія Української культури: У 5 т. Т. 3. Українська культура другої половини XVII–XVIII ст. – К.: Наукова думка, 2001. – С. 26–27.

⁷⁷⁶ Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 1. Структури повсякденності: можливе і неможливе. – К.: Основи, 1995. – С. 410–411; Гуржій О. Ф., Чухліб Т. В. Гетьманська Україна. – К.: Вид. дім «Альтернативи», 1999. – С. 268–269.

XIX в. начался массовый экспорт Россией пшеницы этими новыми торговыми путями, что стало одним из важных событий европейской экономической истории (хотя о нем не так часто вспоминают)⁷⁷⁷.

Одной из экономических и политических причин быстрого развития торговли пшеницей во второй половине XVIII в. было уменьшение объемов вывоза хлеба и других товаров с использованием главного балтийского порта – Гданьска⁷⁷⁸. В то же время Причерноморский регион все больше втягивался в систему внешнеэкономических связей Российской империи, а наличие на украинских землях большого количества товарного зерна (и повышение спроса на него в 1816–1817 гг., когда в Западной Европе был голод) способствовало быстрому увеличению его экспорта через черноморско-азовские порты⁷⁷⁹ и активному экономическому развитию Причерноморья, в частности Одессы, основанной в 1794 г. и ставшей одним из основных центров финансово-кредитных операций.

И хотя в начале XIX в. 85% импорта и 91% экспорта осуществлялись через Балтийское море, значение черноморских портов, которым еще в 1782 г. были предоставлены определенные привилегии (в частности уменьшены на 25% таможенные сборы) возрастает. Наибольшие преимущества имел одесский порт: в 1804 г. было разрешено провозить товары через Одессу в Молдавию, Австрию и Пруссию, а в 1817 г. Одессе было даровано право порто-франко (беспошлинный ввоз и вывоз товаров), способствовавшее быстрому развитию банковских домов. Так, в 1802 г. в Одессу было ввезено иностранных товаров на сумму 719 тыс. руб., а в 1860 г. – уже на 14 766 тыс. руб.⁷⁸⁰. Одесса становится местом складирования иностранных товаров, которые отсюда транспортировались не только в Россию, но и в Польшу, Австрию и через Кавказ в Персию. Все это способствовало быстрому притоку капиталов в город и обогащению одесских купцов.

Банковско-кредитная деятельность в городе существовала с самого начала его возникновения и находилась в руках итальянских и греческих купцов, но в начале XIX в. в связи с развитием торговли зерном

⁷⁷⁷ Там же, т. 3. Час світу. – К.: Основи, 1998. – С. 427–428.

⁷⁷⁸ Баер дю Оллан в дневнике своего путешествия по России в 1784 г. отмечал, что увеличение объема торговых операций Пруссии через Мемель и Кенигсберг стало причиной того, что Россия начала вывозить польское зерно через Херсон без транзитных пошлин. Поскольку импорт испанской соли в Россию был запрещен, это сдерживало торговлю России соленым мясом (для качественной засолки была необходима именно испанская соль) и увеличение поголовья скота в Украине (Франко-русские экономические связи. – М.: Наука, 1970. – С. 180).

⁷⁷⁹ Лановик Б. Д., Матисякевич З. М., Матейко Р. М. Економічна історія України і світу. – К.: Вікар, 2001. – С. 368.

⁷⁸⁰ Пасічник Ю. В. Бюджетна система України та зарубіжних країн. – К.: Знання-прес, 2002. – С. 177, 180.

Одесса стала финансовым и кредитным рынком для всех черноморских и азовских портов, а частично и для Москвы. В Одессе возникают крупные банкирские дома, сфера влияния которых быстро охватывает весь Черноморско-Азовский регион.

С начала 30-х годов XIX в. ведущее место среди одесских коммерсантов занимал купец первой гильдии Федор Родоконаки, общий объем коммерческих операций которого составлял от 3,5 до 5 млн. руб. серебром в год. Кроме того, значительную роль играли одесские банкирские дома М. Ефрусси и Д. Рафаловича. Банкирский дом М. Ефрусси имел многочисленные конторы за границей, а также филиалы в Париже и Вене, осуществляя большой объем зарубежных финансовых операций. Банкирский дом Д. Рафаловича был открыт в Одессе в 1833 г., а расцвет его деятельности был в 60-е годы XIX в., когда объем финансовых операций достиг 50 млн. руб. Он не только имел значительные деловые контакты с Лондоном, Парижем и Петербургом, но и оказывал своими кредитами содействие развитию многих компаний в Одессе и Черноморском регионе⁷⁸¹.

Внутренняя торговля в Российской империи в начале XIX в. осуществлялась преимущественно на ярмарках. В частности, в левобережной части Украины в 1789 г. функционировало около 400 ярмарок, а в первой половине XIX в. их насчитывалось уже свыше 2 тыс. Общий объем торговых операций на них достигал нескольких миллионов рублей⁷⁸², что способствовало формированию прослойки профессиональных предпринимателей и купцов. Благодаря этому общая численность купцов в Украине увеличилась в 1816–1856 гг. с 18,2 тыс. до 104 тыс., а крупные купцы сосредоточили в своих руках значительные капиталы⁷⁸³.

Общее возрастание объема торговли в начале XIX в. обусловило распространение коммерческого кредита и возникновение новых кредитных учреждений. Этому способствовала политика правительства России, ориентированная на приведение в порядок денежного

⁷⁸¹ Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. – Л.: Наука, 1991. – С. 8–9.

⁷⁸² Украинские ярмарки имели свою специализацию – в частности харьковские ярмарки специализировались на торговле мануфактурой, а киевская контрактная ярмарка – на торговле сельскохозяйственной продукцией (Пасічник Ю. В. Бюджетна система України та зарубіжних країн. – К.: Знання-прес, 2002. – С. 136, 176–177). Среди наиболее выдающихся зачинателей предпринимательства в Украине необходимо упомянуть братьев Яхненко, основавших в 40-е годы XIX в. компанию, специализировавшуюся на производстве сахара. Наибольший расцвет компании отмечался на 50-е годы XIX в., когда склады и магазины фирмы были в крупнейших городах Украины и России (в том числе в Москве и Нижнем Новгороде), а продукция вывозилась за границу (Сарбей В. Г. Національне відродження України. – К.: Альтернативи, 1999. – С. 94–95).

⁷⁸³ Лановик Б. Д., Матисякевич З. М., Матейко Р. М. Економічна історія України і світу. – К.: Вікар, 2001 – С. 370.

обращения, и, в частности, деятельность приверженца финансовых реформ М. Сперанского, в 1803 г. назначенного директором департамента Министерства внутренних дел.

В 1806 г. в Москве, Архангельске, Одессе, Феодосии и Таганроге были открыты филиалы Учетной конторы. Однако, хотя в начале XIX в. в Российской империи и была создана система казенного (государственного) кредита, частный кредит развит не был. Период наполеоновских войн затормозил развитие кредитного дела вплоть до 1817 г., когда Учетная контора была превращена в Государственный коммерческий банк (созданный при Ассигнационном банке) с основным капиталом 30 млн. руб.⁷⁸⁴.

В царском манифесте от 7 мая 1817 г. об открытии с 1 января 1818 г. этого банка отмечалось, что он призван содействовать купечеству, поскольку учетные конторы, в том числе дисконтная, оказались неэффективными из-за незначительных размеров их капиталов. В 1818–1821 гг. Коммерческий банк открыл шесть отделений в разных городах, но четыре из них в скором времени были закрыты «из-за отсутствия потребности». К оставшимся в Москве и Одессе позже были присоединены отделения в Киеве (1839 г.), Харькове (1843 г.) и Полтаве (1852 г.).

Банк кредитовал преимущественно торговлю и предоставлял займы под залог товаров и векселей. Предполагалось, что к учету принимались векселя российских подданных и иностранцев, занимавшихся торговлей, банковским делом либо бывших собственниками заводов, фабрик и торговых компаний. Векселедатель или один из надписателей векселя должен был являться российским подданным, а хотя бы один из участников векселя должен был иметь постоянное место жительства в Санкт-Петербурге. К учету принимались как простые векселя, так и трассированные, но на срок не более шести месяцев⁷⁸⁵. Об объеме операций Коммерческого банка, в частности о размерах учета векселей в первые годы его существования, свидетельствуют данные, приведенные в таблице 3.6.1.

⁷⁸⁴ В 1817 г., когда эти учетные и страховые конторы были преобразованы в Коммерческий банк, на их балансе находилось 17 млн. руб., из которых под залог товаров и под векселя было роздано приблизительно 14 млн. руб., а общий объем операций достигал 49 млн. руб. (Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.). – М.: Госфиниздат, 1958. – С. 126).

⁷⁸⁵ Гурьев А. Н. Очерки развития кредитных учреждений в России. – СПб, 1904 // (Репринт) Гурьев А. Н., Памфилов С. Ф. История России: кредитная система. – М.: ЮКИС, 1995. – С. 17.

Таблица 3.6.1.

**Размеры вкладов и суммы учета векселей
Коммерческим банком в 1818–1825 гг. млн. руб.⁷⁸⁶**

Год	Вклад за год	Учет векселей
1818	2,9	10,9
1819	11,4	20,9
1820	17,1	28,3
1821	10,7	46,3
1822	13,3	29,8
1823	19,2	27,2
1824	24,3	27,9
1825	28,0	34,2

В результате деятельности Коммерческого банка резко снизился процент, под который предоставлялись займы: с 12–15% на бирже в Санкт-Петербурге и Москве он снизился до 7–8%, хотя необходимо помнить, что банк учитывал только векселя крупных купцов, имевших монополию на дешевый кредит⁷⁸⁷. Любые предложения купечества об усовершенствовании правил выдачи кредитов отвергались (например план реорганизации Коммерческого банка 1821 г. с целью преобразования его в орган кредитования промышленности). В 1830 г. на просьбу купечества продлить срок учета векселей с четырех до шести месяцев директор Одесского отделения банка ответил отказом, мотивируя его тем, что в функции государственного банка не входит кредитование деятельности частных лиц. Отвергались и другие предложения, в частности о расширении операций с иностранными переводными векселями. За последующие десятилетия банк собрал большую сумму вкладов (табл. 3.6.2.), однако он не мог выгодно разместить их, и эти средства использовала для своих целей государственная казна.

Таблица 3.6.2.

Размеры кредита Коммерческого банка млн. руб.⁷⁸⁸

Год	Учтено векселей	Выдано займов под векселя
1823–1827	157,8	6,5
1828–1832	75,6	4,6
1833–1837	48,2	3,7
1838–1842	54,9	3,6
1843–1847	64,0	3,3
1848–1852	106,4	2,9
1853–1857	105,4	8,2
1858–1859	74,5	6,8

⁷⁸⁶ Гурьев А. Н. Очерки развития кредитных учреждений в России. – СПб, 1904 // (Репринт) Гурьев А. Н., Памфилов С. Ф. История России: кредитная система. – М.: ЮКИС, 1995. – С. 18.

⁷⁸⁷ Пасічник Ю. В. Бюджетна система України та зарубіжних країн. – К.: Знання-прес, 2002. – С. 182.

⁷⁸⁸ Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России: В 2 т. Т. 1. – Пг., 1917. – С. 7.

В целом же, можно отметить, что государственная форма кредитования в первой половине XIX в. не дала желаемых результатов, и одной из основных причин этого была консервативная политика министра финансов графа Е. Канкрин (занимал должность министра в 1823–1844 гг.). Немец по происхождению, он считал Россию варварской и безнадежно отсталой страной и отрицательно относился к любым попыткам внедрения инноваций не только в сфере кредитных операций, но и в реформировании экономики в целом. Особенно неприязненно Е. Канкрин относился к частным банкирам, считая, что правительство не должно допускать существования частных банков, выпускавших кредитные бумаги, поскольку их деятельность невозможно проконтролировать. Таким образом, право на существование имели лишь банки официальные, созданные правительством⁷⁸⁹. По его мнению, частные банки не только не нужны, но и вредны, поэтому он ограничивал выдачу займов частным лицам и максимально сокращал объемы кредитной и банковской деятельности. Его политика привела к тому, что все свободные средства размещались в государственных банках, которым некуда было их инвестировать, а объем вексельных операций сократился в 1826–1840 гг. более чем в три раза⁷⁹⁰.

Учитывая эти обстоятельства, становится понятным, почему купечество отдавало явное предпочтение наличным расчетам. В первой половине XIX в. купцы в России считали унижительным обращаться в коммерческие банки за кредитом, а некоторые, покупая товар под векселя, даже ставили условие, чтобы векселя не предъявлялись к учету в банке. К тому же банки выдавали займы лишь под товары российского производства и ограничивали учет иностранных векселей, даже наиболее надежных. Централизация кредитных и вексельных операций в столицах, отказ в учете векселей мелких купцов или векселей, выписанных на мелкие суммы – все это не способствовало развитию вексельных операций. Еще одной причиной, по которой казенные кредитные учреждения не осуществляли учет векселей мелких купцов, послужило то обстоятельство, что не только в России, но и в большинстве других стран (за исключением Англии) необходимы были личные контакты и знание банкиром коммерческих сделок лиц, которые брали кредит⁷⁹¹.

⁷⁸⁹ Kankrin G. Weltreichtum, Nationalreichtum und Staatswissenschaft. – München, 1921. – S. 217; Kankrin G. Die Oeconomie der menschlichen Gesellschaften und Finanzwesen. – Stuttgart, 1845. – S. 146.

⁷⁹⁰ Ческидов Б. М. Развитие банковских операций с ценными бумагами. – М.: Финансы и статистика, 1997. – С. 104.

⁷⁹¹ В своей деятельности банкиры не только брали во внимание личные отношения с клиентами, но и старались установить с ними тесные связи.

Кроме казенных кредитных учреждений, в первой половине XIX в. кредитные и вексельные операции осуществляли и частные банкирские дома, расширявшие свою деятельность, осуществляя кредитование торговых и промышленных предприятий. Значительную роль в развитии кредитных операций играли общины старообрядцев, не только устанавливавшие цены на все важные товары в Москве и на нижегородской ярмарке, но и влиявшие на торговые операции в Иркутске, Бухаре и Хиве.

В 1818 г. в Москве появляется первый банкирский дом «Юнкер и К», а также дома Томсона, Руля и Миллера, хотя в целом объем их кредитных операций был незначительным⁷⁹². Позднее крупными торговцами и предпринимателями были основаны такие известные банкирские дома, как «Ф. А. Алферов», «Братья Рябушинские», «Захарий Жданов» и др. И хотя по объему кредитных операций они уступали большим акционерным банкам, их преимуществом была способность быстро оперировать капиталами. Благодаря этому деятельность банкирских домов постепенно распространялась и на международный финансовый рынок.

Говоря о развитии кредитно-вексельных операций в начале XIX в., необходимо упомянуть и о кредитных учреждениях Польши, в частности о Польском банке с капиталом 30 млн. злотых, основанном в 1828 г. в Варшаве по приказу царя Николая I.

Польский банк был создан, несмотря на сопротивление Е. Канкрина. В 1830 г. президент Польского банка обратился в Коммерческий банк с предложением о сотрудничестве, которое было отклонено. Позднее он обратился лично к Е. Канкрину, предлагая установление деловых контактов между двумя банками и преобразование Польского банка в контрагента Коммерческого банка, но министр финансов решительно выступил против этого предложения⁷⁹³. Поскольку Польский банк взял

говлей, – правительство помогало им в их деятельности, которую легче было контролировать с помощью таможни (Боровой С.Я. Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.). – М.: Госфиниздат, 1958. – С. 127).

⁷⁹² В Петербурге придворные банкиры заметную роль начали играть еще во второй половине XVIII в. В частности, среди придворных банкиров Екатерины II можно упомянуть И. Фредерикса и Р. Сутерланда, а в 1798 г. была создана уже упомянутая Контора придворных банкиров. Эти банкиры принимали активное участие в зарубежных кредитных операциях российского правительства, следили за состоянием вексельных курсов а также использовали европейских корреспондентов для своевременной доставки денег в места дислокации российской армии (Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. – Л.: Наука, 1991. – С. 12–13).

⁷⁹³ Radziszewski H. Bank Polski. – Warszawa, 1910. – S. 114–115; Воблый К. Очерки по истории польского банка. – Варшава, 1910. – С. 114–115.

на себя обязательство погашения государственного долга Польши, ему было предоставлено право принимать вклады от правительства, учреждений и частных лиц, а также покупать и продавать процентные ценные бумаги, осуществлять учет векселей и даже право выпуска банковских билетов на сумму, которая не превышала размер основного капитала банка. Широкие полномочия банка объяснялись тем, что в то время в Польше функционировало особое финансовое управление, независимое от Министерства финансов Российской империи.

Общий уровень экономического развития Польши превышал уровень экономики России, и сначала банк действовал очень динамично – были привлечены вклады на сумму 150 млн. злотых. Но польское восстание 1831 г. неблагоприятно сказалось на деятельности банка. Хотя он успешно продолжал свою работу, в 1869 г. его преобразовали в отделение Государственного банка с потерей большинства прав, в том числе и права открывать кредиты под векселя с ипотечным обеспечением⁷⁹⁴.

Несмотря на то, что деятельность Польского банка не имела существенного влияния на практику кредитных операций в России (поскольку Польша тяготела к Западной Европе и Варшавская биржа в своей деятельности ориентировалась на Берлинскую биржу), польские кредитные учреждения, так же, как и прибалтийские, можно считать промежуточным звеном между Российской империей и Западной Европой⁷⁹⁵.

Отделение Польского банка существовало в Бердичеве, благодаря чему это небольшое местечко превратилось в важный центр финансово-кредитных операций, особенно после того, как в 1838 г. по просьбе киевского генерал-губернатора Бибикова отделение Польского банка в Бердичеве было закрыто (Бибиков считал, что наличие этого отделения способствовало пропольским настроениям)⁷⁹⁶. После закрытия филиала Польского банка возросло значение восьми банкирских домов Бердичева, расположенных на Золотой улице, и

⁷⁹⁴ Ческидов Б. М. Развитие банковских операций с ценными бумагами. – М.: Финансы и статистика, 1997. – С. 104–105.

⁷⁹⁵ Как отмечал И. И. Левин, польско-еврейские банкиры, так же как и прибалтийские немецкие банкиры, имели важное значение в создании российской банковской системы. Накопленные ими значительные средства позволяли им осуществлять экспорт капиталов в Россию. Характерным был пример варшавского банкира Антона Френкеля, которому за выполнение «особенно важных поручений» российского правительства был присвоен титул барона (Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России: В 2 т. Т. 1. – Пг., 1917. – С. 27).

⁷⁹⁶ Laszyn H. U. Kontrakty Kijovskie. – СПб., 1900. – С. 43–45. По официальным данным, более половины капиталов, которые банкиры привозили на киевские ярмарки в 1835–1838 гг., принадлежали Польскому банку (857 тыс. руб. из 1,3 млн. руб. в 1836 г., 725 тыс. руб. из 1,2 млн. руб. в 1837 г.) (Статистическое описание Киевской губернии: В 3 т. Т. III. – СПб., 1852. – С. 570).

в начале 50-х годов XIX в. этот небольшой городок стал важным центром банковской деятельности. Банкирские дома Бердичева учитывали переводные векселя на Москву, Санкт-Петербург, Одессу и другие города, обслуживали киевскую контрактную ярмарку, а также были тесно связаны с банкирскими домами столицы и зарубежными банкирами⁷⁹⁷. На их деятельность не повлияло даже открытие в 1839 г. (вскоре после закрытия бердичевского отделения Польского банка) конторы Коммерческого банка, которая должна была заменить собой бердичевское отделение⁷⁹⁸.

Необходимо упомянуть и о специфике вексельных операций в Одессе. Основной особенностью торговых обычаев этого города было использование переводных векселей (хотя лишь во внешней торговле: во внутренней, так же как и в других городах Российской империи, употреблялись простые векселя)⁷⁹⁹. Рассматривая на примере Одессы причины распространения простых векселей во внутренней торговле России, Д. И. Мейер отмечал, что иностранные товары, ввезенные через Одессу, перепродавались в Киев, Харьков, Полтаву, Екатеринослав, Николаев. Однако эти города направляли в Одессу сравнительно небольшое количество своих товаров, вследствие чего торговцы из этих городов имели в Одессе многочисленных кредиторов и практически не имели должников. Поэтому не возникало равновесие между кредиторами и должниками, столь необходимого для использования переводного векселя.

Простые векселя достаточно широко использовались в Одессе, и некоторые приемы и особенности, характерные для переводного векселя, переносились и на простой вексель. Иногда после выдачи простого векселя лицо, его принявшее, ставило на нем безоборотную надпись – в таком виде вексель попадал к векселедателю и от него переходил к

⁷⁹⁷ Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. – Л.: Наука, 1991. – С. 11.

⁷⁹⁸ Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.). – М.: Госфиниздат, 1958. – С. 126. В 1848 г. был предложен проект банкира Верморена, предполагавший создание контор Коммерческого банка в Лондоне и Гамбурге, а также других зарубежных коммерческих центрах, однако проект не имел поддержки (Там же, с. 220).

⁷⁹⁹ Д. И. Мейер в 1850 г. посетил Одессу, в то время признанный центр внешней и оптовой торговли, с целью изучения торговых обычаев Одессы, описанных в отдельном исследовании (впервые опубликовано в 1853 г.). Изучая принятую в Одессе практику использования векселей в торговле зерном, Д. И. Мейер выявил юридические институты, неизвестные законодательству (Мейер Д. И. Юридические исследования относительно торгового быта Одессы. Гл. 4. Вексельное обращение // Мейер Д. И. Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – С. 31).

третьему лицу. В другом случае вексель писался от имени человека, хорошо известного лицу, принимавшему вексель: при неполучении валюты по векселю выдавалась особая платежная расписка, а вексель принимал участие в обороте с бланковой надписью. В некоторых случаях вексель писался от имени одного лица на имя другого: векселедержатель давал векселедателю платежную расписку и сам передавал вексель с безоборотной надписью, после чего вексель начинал принимать участие в обороте⁸⁰⁰.

Кроме того, выписывались векселя, в которых одно и то же лицо выступало в роли векселедателя и векселедержателя. С помощью передаточной надписи начинался оборот такого векселя, но в данном случае передаточная надпись не должна была быть бланковой, поскольку всякое обязательство предусматривало участие двух лиц, и в векселе (бывшем письменным актом, подтверждавшим это обязательство) должны были указываться участники обязательства. Если в большинстве случаев это были векселедатель и векселедержатель, то при тождественности этих двух лиц необходимым становилось участие третьего лица, которому и передавался вексель. В Одессе существовала практика залога векселей, подобного займам под учет векселей, предоставлявшимся Коммерческим банком и его конторами. Отличие между этими операциями состояло лишь в том, что залог принимало не частное лицо, а государство, а правовая сущность такой операции не менялась⁸⁰¹.

—

В целом же, в первой половине XIX в. развитие банковского кредита происходило очень медленно, и причина этого была не только в экономической неразвитости Российской империи, но и в ограничении права выдачи векселей лицами, принадлежавшими к торговому классу. К тому же, вексельные операции осуществлялись преимущественно в столицах, а новых отделений Государственного коммерческого банка было открыто за 20 лет только два – в Киеве и Рыбинске,

⁸⁰⁰ Мейер Д. И. Юридические исследования относительно торгового быта Одессы. Гл. 4. Вексельное обращение // Мейер Д. И. Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – С. 211–212, 214–216.

⁸⁰¹ Поскольку в Одессе использовались переводные векселя, то были распространены и все приемы, предусмотренные для осуществления операций с ними (использование нескольких копий переводного векселя в случае пребывания иностранных партнеров на большом расстоянии, и пересылка векселя по почте могла занимать много времени). Кроме того, поскольку иностранные вексельные законы не ставили условия, чтобы вексель был написан именно на гербовой бумаге, копии векселей в Одессе имели ту же самую силу, что и оригинал (Там же, с. 218).

в то время как с 1817 по 1821 гг., во времена М. Сперанского, было открыто пять отделений банка. Новые отделения стали открываться лишь после отставки Е. Канкрин – в Харькове (1843 г.), Екатеринбурге (1846 г.) и Полтаве (1852 г.)⁸⁰².

Следствием слабого развития частного коммерческого кредита и преобладания казенного кредита в государственных банках стало значительное развитие ростовщичества. Основными клиентами ростовщиков были дворяне, лишенные права пользоваться векселями. Обычно ростовщический процент составлял около 8%, но в Одессе он был значительно выше – до 36% годовых и снизился лишь после открытия представительства Коммерческого банка. В некоторых районах ростовщический кредит имел ярмарочную форму, когда местными богатыми ростовщиками привозились на ярмарки деньги, где для заключения кредитных соглашений собирались купцы, помещики и прочие заинтересованные лица.

Хотя в России первая половина XIX в. была отмечена дальнейшим развитием кредитных и вексельных операций (чему способствовали усилия К. И. Арнольда, И. Ахматова, И. С. Вавилова и Э. А. Мудрова по созданию русской школы бухгалтерского учета), еще не сформировались те предпосылки, которые стимулировали развитие банковского кредита в Западной Европе, как не было и необходимого уровня развития торговых отношений, накопления капиталов, внутренних и международных коммерческих связей, формирования класса предпринимателей, создания новых форм торгового и платежного оборота. Кроме того, следует учитывать и упоминавшуюся уже традицию русских торговых обычаев, вследствие чего в среде купцов было не принято обращаться в коммерческие банки для получения кредита⁸⁰³.

Имело значение и то, что казенные банки не допускали к учету векселя на мелкие суммы, поскольку банки были созданы для содействия крупным купцам. Благодаря этому последние имели монопольное право на кредит в банках и не допускали к получению кредита средних и мелких торговцев, предлагая им товарный кредит со своих складов. При такой организации кредитных операций в банк попадали лишь векселя на крупные суммы.

Поэтому, несмотря на почти столетний опыт деятельности кредитных учреждений дореформенного периода, кредитные и век-

⁸⁰² Ческидов Б. М. Развитие банковских операций с ценными бумагами. – М.: Финансы и статистика, 1997. – С. 103–104.

⁸⁰³ Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России: В 2 т. Т. 1. – Пг., 1917. – С. 9.

сельные операции все еще оставались неразвитыми, а общая расшатанность денежной системы была основной причиной медленного внедрения вексельных операций и преобладания торговли за наличные деньги. Даже в тех регионах, где уже использовались вексельные операции, часто не было реальной возможности учесть вексель и получить по нему деньги. Так, когда в Харькове в 1843 г. была открыта контора Коммерческого банка (для выдачи займов помещикам и фабрикантам Харьковской, Черниговской и Полтавской губерний, а также купцам, проживавшим в Харькове), торговля осуществлялась не столько за наличные деньги, сколько на векселя. Хотя многие купцы хотели бы получить по этим векселями деньги, это было невозможно из-за отсутствия в Харькове необходимых сумм наличности⁸⁰⁴.

—

25 июня 1832 г. был принят новый устав о векселях, бывший сначала частью общего Свода торговых уставов. С 1887 г. он был выделен как отдельный устав о векселях, определявший правила вексельных операций на территории Российской империи до 1902 г. Устав 1832 г. (в котором можно видеть влияние французского *Code de commerce*, принятого в 1807 г.) учитывал дополнения и изменения в уставе 1729 г., отображенные в 172 разных нормативных документах, изданных с 1729 по 1822 гг. и посвященных преимущественно проблемам ограничения векселеспособности. Основные же правила вексельных операций остались без изменений, продолжая традицию немецкого вексельного права. С. М. Барац отмечал, что устав 1832 г. был компромиссом между немецким прототипом устава 1729 г. и французским вексельным правом⁸⁰⁵.

Необходимость обновления вексельного законодательства обосновывалась во вступлении к новому уставу, где, в частности, подчеркивалось, что вексельное право – одна из основных сил, действующих в торговле, успехи которой неразрывно связаны с устойчивостью и незыблемостью именно вексельного права. Устав 1832 г. был разработан при участии М. М. Сперанского, известного приверженца французского права, неоднократно выступавшего против немецкого влияния на русское законодательство. Поэтому включение устава 1832 г. в торговый устав повторяло структуру французского торгового кодекса.

⁸⁰⁴ Боголенов М. И. Государственный банк и коммерческий кредит // Банковая энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. проф. Л. Н. Яснопольского. – Т. 2: Биржи. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1917. – С. 305, 307.

⁸⁰⁵ Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 684.

Частично устав 1832 г. сохранял положения предшествующего устава (свидетельством этого является заимствование образцов из III раздела устава 1729 г.), а черты французского вексельного права прослеживались в заимствованиях из *Code de commerce* (раздел VIII, ст. 110–189)⁸⁰⁶. Однако требование обязательно указывать получение валюты можно считать заимствованием из немецкого вексельного права, поскольку это положение не было характерным для большинства вексельных законов XIX в. Кроме того, в данном уставе присутствуют и другие типичные черты немецкого вексельного права, в частности требование об обязательном наличии вексельной метки (ст. 2) и положение о необязательном наличии *distantia loci* для переводного векселя (ст. 3).

В целом, к основным положениям устава 1832 г. следует отнести такие: 1) определение пяти общих и обязательных реквизитов обоих типов векселя, а также четырех реквизитов переводного векселя; 2) обязательность наличия вексельной метки; 3) определение валюты вексельного обязательства; 4) введение понятия безоборотной надписи; 5) признание возможности бланкового индоссамента; 6) необязательность для переводного векселя отличия места выдачи векселя и места платежа. Б. Ф. Мовчановский отмечает такие специфические черты устава 1832 г.: 1) непризнание (без особой отметки) за векселем способности к передаче; 2) обращение требований по уплате к лицам, поставившим свои подписи на векселе, в том порядке, в котором они принимали на себя вексельное обязательство; 3) возможность личного задержания вексельного должника до тех пор, пока он не уплатит задолженность по векселю⁸⁰⁷.

Таким образом, в новом русском вексельном уставе можно видеть попытку объединения немецкого и французского законодательств, хотя П. П. Цитович считал, что устав 1832 г. воплощал идеи не столько французского, сколько немецкого вексельного права⁸⁰⁸. По мнению А. М. Осипова, объединение отдельных положений западноевропейских вексельных законов с местными традициями было основным недостатком устава 1832 г., и в дальнейшем при разработке новых вексельных законов было бы целесообразным полностью заимствовать

⁸⁰⁶ Как отмечал П. П. Цитович, в этом не было ничего странного, поскольку в первой половине XIX в. французское вексельное право было таким же влиятельным, каким во второй половине XIX в. стало немецкое вексельное право (Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Типография И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 26).

⁸⁰⁷ Мовчановский Б. Ф. Вексель. – М.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1927. – С. 10.

⁸⁰⁸ Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Типография И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 27.

нормы немецкого вексельного права, поскольку практика вексельных операций в России и Германии отличалась мало⁸⁰⁹.

Существенная особенность устава 1832 г. состояла в четком определении равноправия простого и переводного векселей, о чем в уставе 1729 г. лишь кратко упоминалось при определении участников вексельного обязательства (три или четыре) и лаконично отмечалось, что в некоторых векселях их может быть и меньше. В то же время в ст. 1 устава 1832 г. прямо указывалось, что *«вексель дается от векселедателя или на себя, или на второго плательщика. Первый именуется простым, второй – переводным»*.

В новом уставе были ликвидированы неоднозначности, присущие уставу 1729 г. относительно индоссамента, акцепта, копий векселя. Необходимо отметить также положение об отсутствии необходимости для переводного векселя разности мест выдачи и уплаты. Данное положение противоречит французскому вексельному праву и является продолжением немецкой традиции. В связи с этим С. М. Барац считал, что устав 1832 г. продолжал традиции именно немецкого вексельного права, где сила вексельного обязательства больше зависела от его формы, а не от содержания. Совокупность социально-экономических условий способствовала тому, что в России этот формальный аспект векселя приобрел наибольшее значение⁸¹⁰.

Таким образом, устав 1832 г. (как и предшествующий ему устав 1729 г.) можно считать еще одной попыткой перенести в Российскую империю нормы вексельного обращения, сформированные в течение веков в иных социально-экономических условиях стран Западной Европы. При этом необходимо напомнить, что XVIII в. был отмечен попытками ограничить вексельное обращение лишь купечеством (указ Екатерины II 1761 г. о лишении векселеспособности крестьян; лишение векселеспособности дворян во времена Павла I, поскольку возможность личного задержания, предусмотренная вексельным правом, была несовместима с дворянским достоинством).

Однако после принятия устава 1832 г. оказалось, что он мало соответствует реальным потребностям вексельных операций на территории Российской империи по той же причине, что и устав 1729 г. Во-первых, большая часть устава 1832 г. была посвящена переводному векселю. Во-вторых, положения относительно использования простого

⁸⁰⁹ Осипов А. М. Вексель в его прошедшем и настоящем. – Казань: Тип. Университета, 1873. – С. 21–22.

⁸¹⁰ Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 684.

векселя были нечеткими и не отделенными от статей, посвященных переводному векселю, тогда как на территории России преобладал, как известно, простой вексель. Поэтому устав 1832 г. не подходил большинству купцов, использовавшим простые векселя.

Причиной преобладания простого векселя⁸¹¹ можно считать всю совокупность социально-экономических условий товарно-денежного оборота и кредитных операций, в частности продолжительную традицию института долговой кабалы (предшественника простого векселя) в России⁸¹² и обликов в Украине. К тому же, когда в Российской империи началось централизованное внедрение вексельных операций, функция векселя как средства перевода денег уже утратила актуальность, поскольку для таких целей использовались бумажные ассигнации. Преобладание простых векселей в вексельном обращении на территории Российской империи (переводные векселя использовались в основном для зарубежных операций) способствовало массовому распространению векселей, не имевших отношения к торговым соглашениям и использовавшихся для личных долговых обязательств частных лиц.

Какова же причина распространения простого векселя в России? Его появление можно считать вершиной развития кредитных отношений. Вексель возникал там, где существовал соответствующий уровень доверия между партнерами, без чего невозможны были сами кредитные отношения. Однако, если для возникновения простого векселя достаточным является наличие такого доверия между двумя партнерами в кредитных отношениях, то для возникновения переводного векселя, кроме такого доверия, непременным условием является избыточность производства товаров, когда их производители для эффективного сбыта продукции вынуждены были доверять друг другу.

Отсутствие чрезмерного производства продукции⁸¹³ послужило причиной распространения в России и Украине лишь простого векселя. К тому же, необходимо учесть и слабость торговых связей между

⁸¹¹ По мнению В. А. Белова, переводной вексель возник вместе с торговым оборотом и вещевым кредитом, поскольку переводной вексель оформлял перевод долга векселедателя на акцептанта или процесс кредитования акцептантом векселедателя. Распространение простого векселя (в макроэкономических масштабах) В. А. Белов считает признаком неблагоприятного состояния национальной экономики (Белов В. А. Очерки по вексельному праву. – М.: ЮрИнфоР, 2000. – С. 19).

⁸¹² Ческидов Б. М. Развитие банковских операций с ценными бумагами. – М.: Финансы и статистика, 1997. – С. 100.

⁸¹³ Даже в конце XIX – начале XX вв., во время быстрого развития капитализма в Украине, когда рынок наконец начал насыщаться товарами, переводной вексель так и не получил распространения, поскольку перенасыщения рынка, так же как и перепроизводства, характерного для экономики Западной

отдельными регионами и зарубежными странами, а также плохую организацию бухгалтерского учета.

Как отмечал П. П. Цитович, в западноевропейской практике вексельных операций XIX в. выдача простого векселя была признаком того, что возможности кредита исчерпаны. Поэтому простыми векселями пользовались лишь мелкие купцы (да и то в крайних случаях) – считалось, что крупный купец всегда мог взять кредиты у других купцов, на которые он мог трассировать векселя⁸¹⁴.

С принятием устава 1832 г. в вексельном обращении на территории Российской империи возникло определенное разногласие между действующим законодательством и реальной практикой вексельного оборота. С одной стороны, нормы устава 1832 г. имели законодательный характер, а с другой – в практике вексельных операций действовали обычаи, в значительной мере заимствованные в Германии. Воплощенная в уставе попытка переориентировать русское вексельное законодательство на французскую систему вексельного права (опирающуюся на классическую, но явно уже архаическую в XIX в. итальянскую систему вексельного права) была нереалистичной. Россия имела более тесные торгово-экономические отношения с Германией, чем с Францией, и торговые обычаи (в том числе и обычаи вексельных операций) в России были гораздо ближе к немецким, чем к французским. В связи с этим несогласованность положений устава 1832 г. с нормами немецкого вексельного права можно считать основным недостатком этого нормативного документа⁸¹⁵. Кроме того, к недостаткам этого устава А. В. Демковский относит смешанное изложение правил оборота простых и переводных векселей, что затрудняло определение, какие из статей касаются оборота простых векселей, а какие – переводных⁸¹⁶. Вследствие этого в судебной практике сложно было разграничить статьи, имевшие отношение к простому векселю (с которым были связаны многочисленные судебные дела), и посвященные переводному векселю.

Европы, не произошло.

⁸¹⁴ Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Типография И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 28.

⁸¹⁵ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 3.: Вексельное право. Морское право. – Изд. 4-е – СПб.: Изд-во братьев Башмаковых, 1909. – С. 16. П. П. Цитович считал, что попытка внедрить западноевропейские нормы вексельного оборота, воплощенная в уставе 1832 г., была еще более неудачной, чем принятие устава 1729 г. (Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Типография И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 27).

Несоответствие данного устава реальным условиям торговых и кредитных операций, существовавших в Российской империи, было подмечено сразу же после его появления, и вскоре встал вопрос о необходимости разработки нового вексельного законодательства. Царский указ от 12 ноября 1847 г. предписывал пересмотреть нормы русского вексельного законодательства с учетом немецкого вексельного устава 1847 г. Это стало подготовкой к разработке вексельного устава 1860 г. Задача вексельной реформы состояла не столько в дальнейшем развитии положений устава 1832 г. и детализации правил вексельных операций, сколько в выработке четких определений понятий, использовавшихся в вексельном обращении. В частности, предлагалось создать два отдельных устава – для простых и для переводных векселей (этого требовали представители купечества) либо изложить необходимые правила в одном уставе, четко указав для каждой статьи, касается она простого или переводного векселя. Актуальность создания нового вексельного устава была связана и с тем, что немецкое вексельное право и законодательство приобретали все большую популярность, однако процесс усовершенствования российского вексельного законодательства растянулся на длительный срок.

3.7. ВЕКСЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (1861–1914 ГГ.)

Период второй половины XIX – начала XX вв. после реформы 1861 г. был отмечен быстрым ростом экономики и рынков Российской империи. Это было время активного развития промышленности, а торговля стала одним из важнейших стимулов развития рынков России, создав потребность в коммерческом кредите. Для его обеспечения все чаще использовались вексельные операции, достигшие в этот период своего расцвета как по объему, так и по детальности правовой регламентации.

Формирование новых рынков на юге Российской империи было характерной особенностью второй половины XIX в., поскольку они играли важную роль не только во внутренней, но и во внешней торговле благодаря быстрому развитию многоотраслевой экономики, черноморско-азовских портов и сухопутных таможен⁸¹⁷.

⁸¹⁶ Демківський А. В. Вексельна справа: Навч. посібник. – К.: Либідь, 2003. – С. 64.

⁸¹⁷ В 1866–1870 гг. на черноморско-азовские порты приходилось 46,8% стоимости экспортированных и 20,7% импортированных товаров (Гуржій І. О. Україна в системі всеросійського ринку 60–90-х років XIX ст. – К.: Наукова думка, 1968. – С. 139).

В середине XIX в. 61% экспорта и 84% импорта осуществлялись через Балтийское море, а 39% (преимущественно вывоз зерна) – через черноморские порты⁸¹⁸. Поскольку большая часть зерна была выращена в Украине⁸¹⁹, черноморско-азовские торговые пути приобрели приоритетное значение в его экспорте. В 1908 г. объем экспорта на них достигал 550 млн. руб., в то время как объем экспорта на путях Балтийского моря составлял 430 млн. руб. (импорт продолжал осуществляться преимущественно через Балтийское море – 350 млн. руб. в 1908 г. по сравнению с 94 млн. руб. на черноморско-азовских торговых путях)⁸²⁰.

Внутренняя торговля во второй половине XIX в. происходила преимущественно на ярмарках, но определенные изменения наблюдались и в ярмарочной торговле. В 1858 г. в Российской империи функционировало 4930 ярмарок, из которых в Украине – 1953⁸²¹. В 1895 г. в Украине было уже 4250 ярмарок, а в 1904 г. – 5600. Стоимость товаров увеличилась за 1895–1904 гг. с 143, 2 млн. руб. до 260 млн. руб. Особенно следует отметить возрастание роли товарных бирж: если в 1870 г. в Украине действовала одна биржа, то уже в 1904 г. – шесть. Ведущая роль среди них принадлежала киевской и одесской биржам, а елизаветградская и николаевская осуществляли операции по купле-продаже зерна⁸²². Киевская контрактная ярмарка была известна большими масштабами оптовых операций по купле-продаже сельскохозяйственной продукции преимущественно в форме контрактов. Процветали большие ярмарки на юге Украины (Петропавловская в Ярмолинцах и Успенская в Никополе), специализировавшиеся на оптовых операциях с зерном, вывозившимся оттуда в черноморские порты для экспорта⁸²³.

Ведущим центром экспорта зерна была, бесспорно, Одесса (если в 1861–1865 гг. из Одессы вывозилось в среднем по 18,2 млн. пудов в год, то в 1895 г. экспорт зерна достиг максимального уровня – 60,5 млн. пудов). Через Одессу ввозилось также большое количество импортных товаров (табак, чай, рис, пряности, хлопок), и этот портовый город стал основным центром торговли товарами из стран Востока⁸²⁴.

Все это способствовало увеличению потребностей в коммерческом кредите, в том числе и с применением вексельных операций⁸²⁵,

⁸¹⁸ Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. – Пг.: Атеней, 1923. – С. 267.

⁸¹⁹ Пасічник Ю. В. Бюджетна система України та зарубіжних країн. – К.: Знання-прес, 2002. – С. 178.

⁸²⁰ Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. – Пг.: Атеней, 1923. – С. 267.

⁸²¹ Гуржій І. О. Україна в системі всеросійського ринку 60–90-х років XIX ст. – К.: Наукова думка, 1968. – С. 109.

⁸²² Пасічник Ю. В. Бюджетна система України та зарубіжних країн. – К.: Знання-прес, 2002. – С. 177.

⁸²³ Лановик Б. Д., Матисякевич З. М., Матейко Г. М. Економічна історія України і світу. – К.: Вікар, 2001. – С. 365.

⁸²⁴ Гуржій І. О. Україна в системі всеросійського ринку 60–90-х років XIX ст. – К.: Наукова думка, 1968. – С. 147, 164.

⁸²⁵ В 1861–1862 гг. в Украине было более 9 тыс. купцов, владевших значительными капиталами, а в 1864 г. – уже более 16 тыс. В 1864 г. губернскими уч-

поскольку развитие торговли в значительной мере зависело от организации кредита. Если в первой половине XIX в. кредит и кредитные учреждения служили прежде всего интересам дворянства и правительства⁸²⁶, то во второй половине XIX в. в Российской империи возникает действительно развитая кредитная система. Поэтому 60-е годы XIX в. можно назвать рубежом между старой и новой Россией, когда на смену натуральному хозяйству пришло денежное.

Во второй половине XIX в. российское правительство приняло меры, направленные на перестройку всей системы государственных кредитных учреждений. Вследствие ее реформирования, осуществленного по инициативе Александра II, в «Своде законов о коммерческих установлениях» упоминалось о создании коммерческих банков. Однако их было мало, а совокупный капитал этих банков в 1857 г. не превышал 0,5 млн. руб., что было намного меньше, чем в государственных банках. Острая проблема в сфере кредита состояла в том, что банки, привлекая большие суммы вкладов, не имели возможности эффективно разместить их. Вследствие этого в 1856–1857 гг. общая сумма вкладов в государственных банках значительно увеличилась – с 924 млн. руб. до 1276 млн. руб. Последствия осуществленных в 50-е годы XIX в. реформ кредитной системы проявились в быстром развитии акционерных обществ, куда начали вкладываться капиталы. Наибольший ажиотаж отмечался в 1857 г., когда происходило перемещение огромных средств из одного сектора финансового рынка в другие. Даже решение о прекращении выдачи разрешений на создание акционерных компаний не могло затормозить этот процесс. Долг государственных банков частным вкладчикам достиг суммы, превышающей 900 млн. руб., вследствие чего возникла угроза их банкротства. Специальная комиссия, образованная с целью остановить этот процесс, рекомендовала предоставить полную свободу частной инициативе в создании акционерных банков и обществ взаимного кредитования. Первым шагом правительства была реорганизация Государственного коммерческого банка.

Государственный банк начал работу в 1861 г. и существовал до 1917 г.⁸²⁷ Банк имел право осуществлять учет векселей и других срочных бумаг, а также выдавать займы. Ресурсы государственного банка

реждениями было выдано более 23 тыс. удостоверений на право заниматься мелкой торговлей; в 1885 г. в Украине торговлей занимались 175,9 тыс. чел., а в конце XIX в. – 334,1 тыс. чел. (Пасічник Ю. В. Бюджетна система України та зарубіжних країн. – К.: Знання-прес, 2002. – С. 178).

⁸²⁶ Частные кредитные учреждения не могли свободно развиваться до отмены крепостного права в 1861 г., создания сети железных дорог, активизации торговли и существенного расширения денежного обращения

⁸²⁷ В дальнейшем стали возникать и частные кредитные учреждения – Санкт-Петербургское городское кредитное общество (1861 г.), Земельный банк в Херсоне (1863 г.), Земельный банк в Харькове (1871 г.). В конце 1872 г. существовало

формировались преимущественно из казначейских вкладов и кредитных билетов, в то время как депозиты промышленных предприятий и частных предпринимателей находились преимущественно в акционерных банках⁸²⁸.

Учет векселей был основной операцией банка (что предусматривалось уставом 1860 г.), а условием получения права на учет векселей было предварительное открытие кредита на определенную сумму⁸²⁹. Структура банка предусматривала наличие специального отделения по вексельным кредитам, а также комитета по учету и предоставлению кредитов (Учетный и ссудный комитет). Поскольку учет векселей был одной из важнейших функций банка, объем этой операции постоянно возрастал (1861 г. – 35 млн. руб., 1866 г. – 39, 1871 г. – 58, 1876 г. – 90, 1881 г. – 100 млн. руб.)⁸³⁰.

Основное условие учета векселей состояло в том, что они должны основываться на торговых соглашениях, быть обеспечены двумя благонадежными подписями поручителей и предполагать платеж в той местности, где были учреждения банка или казначейства. Финансовые векселя, которые часто имели спекулятивный характер, не принимались к учету и поэтому довольно часто векселя землевладельцев, активных участников торговли зерном (их векселя были связаны преимущественно с получением задатков за поставки зерна) не допускались к учету в банке, а сами землевладельцы лишались возможности получения кредита. Однако с 1874 г. такая политика банка начала меняться, а в его портфеле появились и неторговые векселя. Банк стал принимать от торговцев зерном векселя землевладельцев, а позже учитывать и векселя помещиков при условии, что они были выданы на торговцев зерном.

уже 33 акционерных коммерческих банка, 11 акционерных земельных банков и 22 общества взаимного кредитования (Ческидов Б. М. Развитие банковских операций с ценными бумагами. – М.: Финансы и статистика, 1997. – С. 111).

⁸²⁸ Гурьев А. Н. Очерки развития кредитных учреждений в России. – СПб, 1904 // (Репринт) Гурьев А. Н., Памфилов С. Ф. История России: кредитная система. – М.: ЮКИС, 1995. – С. 56–47. Альтернативой государственному банку стало разрешение создать в 1862 г. 17 новых банков с капиталом 464 тыс. руб., в 1863 г. – 27 банков с капиталом 904 тыс. руб., в 1864 г. – 27 банков с капиталом 710 тыс. руб. Необходимо отметить открытие в 1864 г. Санкт-Петербургского коммерческого банка, общий объем оборота которого возрос с 739195 тыс. руб. в 1864 г. до 1271251 руб. в 1869 г. (Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России: В 2 т. Т. 1. – Петроград, 1917. – С. 169, 176).

⁸²⁹ М. Л. Государственный банк. Его современное устройство и коммерческие операции // Банковая энциклопедия / Под общ. ред. проф. Л. Н. Яснопольского: В 2 т. Том 1. Коммерческие банки. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1914. – С. 339.

⁸³⁰ Предполагалось, что банк будет покупать иностранные переводные векселя, однако эта деятельность оказалась убыточной и в 1867 г. была запрещена.

Позже стали приниматься векселя помещиков, выданные на других помещиков при условии, что обе стороны были записаны в гильдию (в 1885 г. было отменено и это условие, что существенно расширило круг клиентов, допущенных к учету векселей).

Средний срок векселей составлял три – шесть месяцев по аналогии со средними сроками в Банке Франции. Предполагалось наличие на векселе подписей двух поручителей, гарантировавших платежеспособность клиента⁸³¹. Учет векселей и выдача кредитов под векселя были важнейшими по объему операциями (в среднем 50–60%) в течение всей истории Государственного банка. Это было обусловлено политикой банка, дававшего преимущество учету векселей с их более надежной системой поручительства. Следует отметить, что преобладание операций учета векселей над другими формами кредитования было типичным для большинства центральных банков Европы того времени.

Специфика кредитования с помощью операции учета векселей состояла в том, что в форме векселя был воплощен письменный долговой договор, в котором возврат долга гарантировался поручительством известных купцов. После предоставления просьбы об открытии кредита она рассматривалась в комитетах по кредитованию и учету, отбиравших наиболее надежные векселя и предоставлявших льготы постоянным клиентам (другим банкам и торгово-промышленным фирмам). В случае неплатежеспособности должника поручитель, поставивший свою подпись на векселе, должен был или выкупить вексель, или заменить его надежным залогом. При невозвращении кредита вексель предъявлялся к протесту, после чего начиналась процедура оформления банкротства должника.

При учете векселей преимущество предоставлялось краткосрочным векселям, что не отвечало потребностям развития экономики, поскольку, учитывая общий низкий уровень развития вексельного обращения, краткосрочные векселя использовались для займов преимущественно в торговле (в середине XIX в. в городах Российской империи преобладала легкая промышленность и торговля). Время от времени Государственный банк по просьбе купцов соглашался на увеличение срока учета векселей на девять и даже 12 месяцев. К тому же учет только надежных векселей крупных предпринимателей не

⁸³¹ Банк Франции требовал наличия на векселе трех подписей, а немецкий Рейхсбанк к тому же запрещал учет векселей на срок более трех месяцев (Гамбаров А. Двадцать пять лет деятельности германского имперского банка. – Рига, 1902. – С. 109).

способствовал развитию кредитования средних и мелких производителей и сельского хозяйства.

Средняя валюта векселя в операциях дисконтирования Государственного банка была большей, чем в Западной Европе. В Российской империи векселя использовались лишь сравнительно небольшой прослойкой крупных купцов, бравших значительные кредиты для осуществления посреднической деятельности. Кредиты не предоставлялись мелким купцам, что сдерживало развитие вексельного обращения. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1860 г. в Государственном банке и его конторах было учтено 42 390 векселей на сумму в 72 млн. руб., в то время как в 1860 г. Банк Франции и его конторы учли 3 728 018 векселей на сумму 1200 млн. руб. (по вексельному курсу 1860 г.). Из-за распространения векселя лишь среди верхушки купечества его средняя валюта (1638 руб. в 1860 г.) была значительно больше, чем, например, в Банке Франции (эквивалент 240 руб.)⁸³². Высокий уровень средней валюты векселя существенно ограничивал количество учтенных в Государственном банке векселей (так, в 1876 г. их количество составляло лишь 2,5% от общего количества векселей, бывших к тому времени в обороте) и доступность кредита, создавая потребность в посредниках между теми, кто такой кредит имел, и теми, кто его не имел⁸³³.

Размер средней валюты векселя отличался и по региональным конторам Государственного банка. По данным 80-х годов XIX в., наибольший объем операций учета векселей отмечался в Москве, где активно развивалась легкая промышленность, в частности производство тканей, но по уровню средней валюты векселя (8149 руб.) первое место занимал Киев. Этому способствовал бурный рост сахарной промышленности, характерной особенностью которой был продолжительный годовой цикл выращивания сырья и продажа сахара большими партиями. Наименьшей была валюта векселя в Варшаве и Риге, где вексельные операции существовали давно и были распространенными среди среднего и мелкого купечества.

Еще одним проявлением недостаточного развития вексельного обращения в Российской империи был такой показатель, как средний срок векселей, составлявший в 1870–1874 гг. 156 дней, в 1875–1879 гг. – 138, в 1880–1884 гг. – 149 дней. В целом же, в течение 1870–1909 гг. этот срок уменьшился с 156 до 92 дней (в 1910 г. – 56, а в

⁸³² Отчет Государственного банка за 1860 г. – СПб., 1861. – С. 46.

⁸³³ Боголепов М. И. Государственный банк и коммерческий кредит // Банковая энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. проф. Л. Н. Яснопольского. – Том 1. Коммерческие банки. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1917. – С. 306; 311.

1911 г. – 53 дня), а общая сумма учтенных векселей с 1860 по 1870 гг. увеличилась с 62,3 млн. руб. до 165 млн. руб. Указанные сроки свидетельствуют о том, что в операциях учета преобладали векселя в среднем пятимесячного срока. Для того чтобы избежать учета долгосрочных векселей, уже в первом уставе Государственного банка 1860 г. срок векселей был ограничен шестью месяцами, что не соответствовало реальным потребностям торговых операций⁸³⁴.

В 70-е годы XIX в. отмечалась тенденция к общему упадку торговли и кредитных операций, поскольку Министерство финансов пыталось искусственно поддерживать вексельный курс, а следствием временного завышенного курса национальной валюты был рост цен на продукты российского производства. Эти меры считались подготовкой к проведению реформы денежной системы, но начало русско-турецкой войны 12 апреля 1877 г. нарушило эти планы и стало причиной значительных расходов (1107 млн. руб.)⁸³⁵ и дальнейшей денежной эмиссии. После окончания войны основной задачей стала стабилизация денежного обращения. Этому способствовала и отставка в 1880 г. министра финансов М. Х. Рейтерна, которому предъявили обвинение в неправильной политике министерства. В 1881 г. министром финансов стал Н. Х. Бунге, профессор Киевского университета и хорошо известный в то время экономист.

О динамике изменений в вексельных операциях свидетельствуют данные, приведенные в таблице 3.7.1.

Таблица 3.7.1.

**Динамика изменений в вексельных операциях
Государственного банка (1881–1894 гг.)⁸³⁶**

Год	Средний номинал векселя	Сумма учтенных векселей, млн. руб.	Количество векселей, тыс. шт.
1881	200	400	500
1882	180	420	540
1883	170	430	570
1884	150	450	600
1885	170	320	500

⁸³⁴ По замечанию М. И. Боголепова, путем таких ограничений невозможно было сократить сроки векселей, а можно лишь увеличить количество случаев переписывания векселей, что вообще невыгодно для торговли. Однако статью 27 устава банка 1860 г. об ограничении сроков векселей отменили лишь в 1893 г., а новые нормы были отражены в уставе 1894 г., разрешавшем принимать векселя со сроком от 9 до 12 месяцев (Там же, с. 306).

⁸³⁵ Кауфман И. И. Из истории бумажных денег в России. – СПб., 1929. – С. 223.

⁸³⁶ Ческидов Б. М. Развитие банковских операций с ценными бумагами. – М.: Финансы и статистика, 1997. – С. 116.

Год	Средний номинал векселя	Сумма учтенных векселей, млн. руб.	Количество векселей, тыс. шт.
1886	100	350	520
1887	110	400	600
1888	115	440	700
1889	90	400	600
1890	85	370	595
1891	80	350	590
1892	75	300	450
1893	74	500	800
1894	75	530	1200

Номинал векселя имел устойчивую тенденцию к снижению, в то время как количество векселей и сумма учтенных векселей возрастали (несмотря на два коротких периода спада в 1886 и в 1892 гг.). Этот рост можно считать свидетельством расширения вексельного обращения и вовлечения в него все большего количества предпринимателей.

По объему вексельных операций на первом месте была Московская контора, на втором – Одесская (в конце XIX в. второе место заняла Киевская контора). В Москве и в Санкт-Петербурге важное значение имела торговля, ориентированная на внутренний рынок (Москва) либо на внешний (Санкт-Петербург). Одесса стала признанным центром внешней торговли не только зерном, но и разнообразными товарами, поступающими в Российскую империю по торговым путям Черного и Средиземного морей. В частности, в 1867 г. операция учета векселей распределялась среди региональных контор Государственного банка таким образом: 32% – в Санкт-Петербурге, 30% – в Москве, 9% – в Одессе, по 5% – в Риге и Ростове-на-Дону, по 3% – в Киеве и Харькове⁸³⁷. Можно отметить быстрое возрастание сумм операции учета векселей в Московском купеческом банке уже в первые годы его существования (табл. 3.7.2).

Таблица 3.7.2.

**Возрастание учета векселей
в Московском купеческом банке (1867–1869 гг.)⁸³⁸**

Год	Учет векселей млн. руб.	Займы под процентные бумаги млн. руб.
1867	2,714	3,217
1868	8,989	7,673
1869	17,947	13,799

⁸³⁷ Бугров А. В. Очерки по истории Государственного банка Российской империи. – М., 2000. – С. 29.

По примеру Москвы и Петербурга в других торговых центрах также возникают акционерные коммерческие банки, в частности в последней трети XIX в. в Украине было основано 12 коммерческих банков⁸³⁹. В 1867 г. были открыты Харьковский торговый банк и Киевский частный коммерческий банк (созданный при содействии Н. Х. Бунге, к тому времени управляющего киевской конторой Государственного банка), Киевский промышленный (1871 г.), Николаевский коммерческий (1872 г.), Одесский дисконтный (1879 г.) и др. Большинство из них существовало недолго, и в конце XIX – начале XX вв. в Украине осталось лишь два коммерческих банка – Киевский частный и Одесский дисконтный, к которому был присоединен основанный в 1912 г. Одесский купеческий банк. Необходимо признать, что эти банки играли незначительную роль в кредитной системе Российской империи, поскольку их основной капитал в 1913 г. составлял менее 1,5% основного капитала коммерческих банков России, оборот – 0,5%, а дисконт векселей – 0,6%. Такая роль украинских банков, как и всех так называемых провинциальных банков, объясняется тесной связью частных банков с Государственным банком и Министерством финансов России⁸⁴⁰.

Темпы развития займов под залог государственных ценных бумаг значительно опережали темпы развития займов под векселя, и после спада 1891–1892 гг. рынок кредитов под процентные бумаги нормализовался значительно быстрее, чем рынок кредитов под векселя (табл. 3.7.3).

Таблица 3.7.3.

**Динамика изменений размеров кредитов
Государственного банка под векселя
и процентные ценные бумаги (1890 – 1894 гг.)⁸⁴¹**

Год	Займы под процентные бумаги, млн. руб.	Займы под векселя млн. руб.
1890	97,7	90,0
1891	82,5	90,0
1892	31,8	40,6
1893	119,9	44,7
1894	156,4	79,7

⁸³⁸ Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России: В 2 т. Т. 1. – Пг., 1917. – С. 181.

⁸³⁹ Гурьев А. Н. Очерки развития кредитных учреждений в России. – СПб, 1904 // (Репринт) Гурьев А. Н., Памфилов С. Ф. История России: кредитная система. – М.: ЮКИС, 1995. – С. 52–53.

⁸⁴⁰ Лановик Б. Д., Матисякевич З. М., Матейко Г. М. Економічна історія України і світу. – К.: Вікар, 2001 – С. 380.

⁸⁴¹ Ческидов Б. М. Развитие банковских операций с ценными бумагами. – М.: Финансы и статистика, 1997. – С. 117.

В 90-е годы XIX в. среди крупных фирм приобрела распространение практика учета векселей под более низкий процент в западноевропейских, преимущественно немецких банках. Поэтому в 1894 г. Государственный банк разрешил совершать сделку покупки векселей своим наибольшим конторам – Варшавской, Киевской, Московской, Рижской и Харьковской (в том числе Таганрогскому отделению Харьковской конторы). В результате этого получили развитие операции покупки векселей, распространенные прежде лишь в Санкт-Петербурге⁸⁴².

Ипотечное кредитование также было достаточно распространено во многих центральных банках Европы: Банк Франции и немецкий Рейхсбанк принимали векселя от землевладельцев. Поэтому (несмотря на то, что в России кредиты под залог земельной собственности были долгосрочными и часто не возвращались) в 1874 г. банк начал принимать векселя землевладельцев от купцов, торговавших зерном⁸⁴³. В 1877 г. банку было предоставлено право открывать вексельные кредиты землевладельцам, а в 1884 г. по просьбе Министерства финансов Государственный банк начал принимать соло-векселя землевладельцев с одной лишь подписью векселедателя (с целью поддержки сельского хозяйства после неурожая в 1879, 1880, 1882 гг.) под залог недвижимого имущества. По замечанию И. И. Левина, такой кредит был довольно рискованным, поскольку не всегда это недвижимое имущество можно было реализовать, и кредит превращался в долгосрочный с проблематичной уплатой долга⁸⁴⁴. Наибольшее распространение соло-вексельная операция приобрела в сельскохозяйственных регионах, в частности в Одесской и Харьковской конторах. Данные, свидетельствующие о развитии соло-вексельного кредита, приведены в табл. 3.7.4.

Таблица 3.7.4.

**Динамика изменений соло-вексельного кредита
в 1884–1914 гг., млн. руб.⁸⁴⁵**

Год	Выдано за год	Долг на конец года
1884	0,9	0,8
1890	16,6	8,6
1895	42,3	26,8

⁸⁴² Бугров А. В. Очерки по истории Государственного банка Российской империи. – М., 2000. – С. 29–30.

⁸⁴³ Гурьев А. Н. Очерки развития кредитных учреждений в России. – СПб, 1904 // (Репринт) Гурьев А. Н., Памфилов С. Ф. История России: кредитная система. – М.: ЮКИС, 1995. – С. 83.

⁸⁴⁴ Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России: В 2 т. Т. 1. – Петроград, 1917. – С. 206.

⁸⁴⁵ Бугров А. В. Очерки по истории Государственного банка Российской империи. – М., 2000. – С. 82.

Год	Выдано за год	Долг на конец года
1900	12,2	8,0
1905	15,5	9,8
1910	16,2	9,6
1914	24,5	20,7

Сначала банк учитывал лишь шестимесячные товарные векселя, а для учета девятимесячных необходимо было особое ходатайство банка и разрешение министра финансов. Из-за больших расстояний между населенными пунктами и недостаточно развитой транспортной инфраструктуры, эти ограничения создавали существенные неудобства. Поэтому 26 декабря 1892 г. были изданы «Временные правила по учету векселей», распространявшие применение операции учета на нетоварные векселя и те векселя, к уплате по которым осталось не более года. При этом за учет векселей на срок от девяти месяцев до года взимался повышенный процент.

В 1892 г. на должность министра финансов был назначен С. Ю. Витте, считавший основной задачей своей политики индустриализацию России. Началось активное кредитование русской промышленности, общий объем которого достиг 1100 млн. руб. В результате за пять лет значительно увеличился объем дисконта векселей и других срочных ценных бумаг (299,45 млн. руб. в 1891 г., 227,50 в 1892 г., 452,04 в 1893 г., 529,70 в 1894 г., 655,89 млн. руб. в 1895 г.).

Политика С. Ю. Витте нашла свое отражение и в новом уставе Государственного банка. В частности, были внесены изменения в статьи об Учетном и ссудном комитете. Поскольку новый устав предусматривал среди прочих операций банка соло-вексельный кредит, в ст. 61 предполагалось формирование двух отделений Комитета – промышленных кредитов и сельскохозяйственных кредитов. В целом же, основное место в новом уставе Государственного банка занимали проблемы кредитной политики. Предполагалась широкая поддержка и кредитование промышленности и народного хозяйства.

Если в уставе 1860 г. учет векселей был ограничен лишь векселями, выданными на основании торговых соглашений (ст. 27), то устав 1894 г. предусматривал принятие к учету и векселей, выданных для торгово-промышленных целей. Таким образом было снято ограничение относительно векселей небольших фирм. Устав разрешал выдачу вексельного кредита небольшим промышленным предприятиям и землевладельцам. Кроме того, предполагался учет не только торговых векселей, но и векселей, выданных для промышленных целей.

Предоставлялись также льготы относительно сроков учета векселей: в соответствии с примечанием к ст. 78 этот срок был продлен до 12 месяцев (заметим, что такое удлинение срока можно считать чрезвычайно благоприятным, поскольку, например, в немецком Рейхсбанке запрещалось учитывать векселя сроком более трех месяцев).

Постановлением от 6 июня 1894 г. структура Государственного банка была изменена, и в нем был создан вексельный отдел, начальником которого назначался, как правило, первый заместитель директора банка. Функции вексельного отдела состояли в принятии векселей к учету на специальный текущий счет, осуществлении инкассо векселей, присланных корреспондентами, отправке векселей банка на инкассо корреспондентам, а также переучете векселей, учтенных ранее банком.

Право на учет векселя в банке имела фирма, которой был открыт кредит. Для учета векселя необходимо было подать заявление на бланке установленного образца, где указывались данные о фирме (характер коммерческой деятельности, с какого времени данная фирма занимается этой деятельностью, средний размер оборотных капиталов, наличие недвижимого имущества, пользование кредитами в других кредитных учреждениях и т. п.), что позволяло (после тщательной проверки указанных данных) определить надежность фирмы. Для этого использовалась и неформальная «дружеская» информация от других клиентов банка и его корреспондентов.

Особое внимание уделялось проверке наличия реального соглашения, так как недоверие вызвали векселя на круглые суммы, редко встречавшиеся в торговых соглашениях. При учете векселей банка клиент предоставлял их вместе со специальным реестром, после чего ему выдавалась квитанция, в которой отмечалось, когда ему необходимо явиться за деньгами или векселями банка. За это время детально изучалась правильность оформления векселей, и те из них, которые были оформлены неверно, исключались из реестра. После такого тщательного рассмотрения векселя и определения условий дисконтирования, на его обратной стороне ставился штамп, содержащий передаточную надпись в пользу банка. После этого вексель передавался в вексельную кассу.

Каждый день отбирались векселя, подлежащие оплате на следующий день, и составлялась ведомость о векселях, поданных к оплате, которая вместе с самими векселями передавалась кассиру. После получения от клиента денег на векселе ставился штамп об оплате, и он возвращался клиенту. В конце дня деньги передавались в общую кассу, а векселя, по которым не была осуществлена оплата, передавались

нотариусу для протеста. Опротестованные векселя регистрировались в специальной книге, и принималось решение о наиболее быстром и надежном способе взыскания денег. Контроль за оформлением вексельных кредитов и операцией учета векселей осуществлял руководитель вексельного отдела банка.

Описанный порядок предоставления вексельного кредита свидетельствует о детальной разработанности порядка осуществления вексельных операций в конце XIX – начале XX вв. Учет векселей в течение продолжительного времени был основной операцией с ценными бумагами, осуществлявшейся в Российской империи коммерческими и государственными банками.

Следующим шагом С. Ю. Витте после принятия устава банка было проведение денежной реформы 1895–1897 гг. Осуществление этих мер преследовало общую цель – создание наиболее благоприятного режима кредитования национальных производителей. Ни один из европейских банков того времени не предусматривал для них такого масштабного кредитования, поэтому можно считать государственное регулирование экономических реформ чисто русской спецификой в политике С. Ю. Витте.

Следствием реформ 90-х годов XIX в. стало увеличение объема операции учета векселей и создание специальных счетов под векселя (184,4 млн. руб. в 1894 г., 217,81 в 1895 г., 372,37 в 1906 г., 215,29 в 1896 г., 207,88 в 1897 г., 155,58 в 1898 г., 169,76 в 1899 г., 260,88 в 1900 г., 271,26 в 1901 г., 329,30 в 1902 г., 269,72 в 1903 г., 272,30 в 1904 г., 190,27 в 1905 г., 372,37 млн. руб. в 1906 г.), объем которых возрос за 12 лет вдвое – с 194,4 млн. руб. до 372,37 млн. руб.⁸⁴⁶.

Рассмотрим, как происходил переход банков от операций с торговыми векселями к операциям с векселями промышленных предприятий. К началу этапа быстрого промышленного развития России в конце XIX в. стоимость промышленного оборудования была сравнительно небольшой, вопрос о его модернизации не возникал, а кредитование было направлено прежде всего на торговые операции. Начало индустриализации в конце XIX в. изменило эту ситуацию, и количество ценных бумаг промышленных предприятий, в том числе их векселей, начало увеличиваться. Активизация вексельных операций в России в начале XX в. объясняется утверждением капиталистических отношений в промышленности и торговле, в том числе и мелкоопто-

⁸⁴⁶ Бугров А. В. Очерки по истории Государственного банка Российской империи. – М., 2000. – С. 90.

вой. Такая активизация проявлялась в сокращении сроков векселей и в уменьшении средних сумм векселей. Однако этот процесс происходил достаточно медленно, особенно в отношении сроков векселей (табл. 3.7.5). Сумма учета векселей и специальные текущие счета под векселя возросли с 32 млн. руб. в 1861 г. до 261 млн. руб. в 1900 г.; займы и специальные текущие счета под процентные бумаги – соответственно с 11 млн. до 73 млн. руб.

Таблица 3.7.5.

**Соотношение изменения средней валюты
и среднего срока учета векселей (1870–1909 гг.)⁸⁴⁷**

Год	Средняя валюта векселей, руб.	Средний срок учета векселей, дней
1870–1874	1 866	156
1875–1879	1 866	138
1880–1884	1 769	149
1885–1889	1 071	149
1889–1894	777	137
1895–1899	582	109
1900–1904	475	96
1905–1909	428	92

Хотя объем коммерческих операций Государственного банка был довольно значительным, общая сумма учетно-заемных операций всех коммерческих акционерных банков сравнялась в конце 80-х годов XIX в. с суммой этих операций в Государственном банке и в дальнейшем превысила их в несколько раз⁸⁴⁸.

Операция учета векселей и выдача кредитов под векселя получила распространение и в коммерческих банках, расположенных в разных регионах Российской империи, и в частных банкирских домах, представители которых часто являлись основателями и соучредителями акционерных коммерческих банков. Среди них можно упомянуть Э. М. Мейера, И. Е. Гинцбурга, В. Я. Оболенского в Санкт-Петербурге, Л. Кроненберга и С. Френкеля в Варшаве, Эфрусси и Рафаловича в Одессе, а также семью Поляковых, организовавшую в 70-е годы XIX в. целую сеть кредитных учреждений. Ведущую роль в учете векселей имел банкирский дом И. Е. Гинцбурга. По инкассации векселей его

⁸⁴⁷ Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. – М.: Госфиниздат, 1948. – С. 264–266.

⁸⁴⁸ Пасічник Ю. В. Бюджетна система України та зарубіжних країн. – К.: Знання-прес, 2002. – С. 182.

контора не имела конкурентов, поскольку она была создана за 12–15 лет до появления первых акционерных банков. Контора открыла филиал в Париже и была хорошо известна на Западе, приближаясь к наибольшим кредитным учреждениям.

Что же касается соотношения роли Государственного банка и акционерных коммерческих банков в учете векселей и предоставлении вексельного кредита, то данные, приведенные в таблице 3.7.6 свидетельствуют о том, что Государственный банк занимал ведущее место на рынке краткосрочного вексельного кредита, оказывая существенное влияние на процесс учета векселей.

Таблица 3.7.6.

**Соотношение учета векселей в Государственном банке
и акционерных банках (1870–1900 гг.)⁸⁴⁹**

Год (на 1 января)	Государственный банк		Акционерный банк		Всего, млн. руб.
	Учет век- селей и специальные текущие счета под векселя, млн. руб.	Соотноше- ние к общей массе вексе- лей, учтен- ных во всех банках, %	Учет век- селей и специальные текущие счета под векселя, млн. руб.	Соотноше- ние к общей массе вексе- лей, учтен- ных во всех банках, %	
1870	50,9	61,8%	31,4	38,2%	82,3
1875	70,9	22,7%	240,4	77,3%	311,3
1880	96,4	39,8%	138,0	60,2%	244,4
1885	104,9	40,0%	158,1	60,0%	263,0
1890	152,4	50,6%	148,5	49,4%	300,9
1895	217,8	50,8%	210,2	49,2%	428,0
1900	260,8	38,1%	425,4	61,9%	682,6

Данные по учету векселей в некоторых коммерческих банках разных регионов приведены в таблице 3.7.7. Общий политический кризис 1900–1905 гг. вызвал временное снижение инвестирования средств в промышленность.

Таблица 3.7.7.

**Учет векселей в коммерческих банках
Российской империи (1909 г.)⁸⁵⁰**

Название банка	Основной капитал млн. руб.	Учтено векселей млн. руб.
Санкт-Петербургский учетный и заемный банк	15,0	17,9
Санкт-Петербургский коммерческий банк	8,0	7,4

Название банка	Основной капитал млн. руб.	Учтено векселей млн. руб.
Московский купеческий банк	1,0	77,9
Московский учетный банк	18,5	1,5
Русский банк для внешней торговли	40,0	57,0
Киевский частный коммерческий банк	2,5	3,5
Варшавский коммерческий банк	12,0	23,2
Варшавский учетный банк	4,0	8,4
Азовско-Донский коммерческий банк	20,0	59,9
Рижский коммерческий банк	5,0	18,9

На 1 января 1900 г. в банках Российской империи находились ценные бумаги промышленности на сумму 37 459 тыс. руб., а на 1 января 1905 г. на 33 866 тыс. руб. (на 13% меньше). В дальнейшем, после преодоления кризиса 1905 г., произошло объединение промышленного и банковского капитала. Существенную роль в переходе контроля над промышленными предприятиями к банкам сыграли вексельный кредит и вексельные долги.

Развитие вексельного коммерческого кредита характеризовалось показателями, приведенными в таблице 3.7.8.

Таблица 3.7.8.

**Соотношение товарооборота и вексельного обращения
в Российской империи в начале XX в.⁸⁵¹**

Год	В млрд. руб.		Соотношение вексельного оборота к това- рообороту	Возрастание, %	
	Товаро- оборот	Вексельное обращение		Товаро- оборот	Вексельное обращение
1901	11,0	6,20	54	100	100
1908	13,1	7,65	58	113	123
1913	18,5	13,25	71	160	213

Еще одной характерной особенностью вексельного обращения конца XIX – начала XX вв. являлось большое количество векселей не-

⁸⁴⁹ Боголенов М. И. Государственный банк и коммерческий кредит // Банковская энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. проф. Л. Н. Яснопольского. – Т. 1. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1914. – С. 308.

⁸⁵⁰ Ческидов Б. М. Развитие банковских операций с ценными бумагами. – М.: Финансы и статистика, 1997. – С. 257–259.

⁸⁵¹ Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. – М.: Госфиниздат, 1948. – С. 267.

торгового происхождения. По мнению И. Ф. Гиндина, в портфеле государственного банка была значительная часть векселей финансового происхождения, и в эту (по-своему гибкую) форму входили и потребительский кредит в обществах взаимного кредитования, и промышленные кредиты, предоставлявшиеся крупными банками. Хотя коммерческий кредит использовался чрезвычайно широко, средний купец в течение почти всего XIX в. избегал выдачи векселей, что привело к тому, что промышленность и торговля были вынуждены отпускать товар в кредит без векселей. Но в начале XX в. эти консервативные обычаи исчезли, и все чаще коммерческий кредит оформлялся именно через вексель. Такая практика коснулась и мелкооптовой торговли.

Реформы положительно повлияли на развитие экономики, и в середине 90-х годов XIX в. в Российской империи уже была хорошо развита промышленность. Годы пребывания на посту министра финансов С. Ю. Витте стали периодом успешной реализации программы индустриализации России и ее наивысшего экономического подъема. Россия стала одной из пяти наиболее развитых экономически стран мира, а реформы П. Столыпина и промышленный подъем 1910–1914 гг. считаются завершающим этапом этого процесса, который был прерван в 1914 г. Первой мировой войной, а потом и событиями 1917 г. Поэтому именно 1913 г. принят за эталон развития экономики дореволюционной России⁸⁵².

В начале XX в., особенно во время промышленного подъема в 1909–1910 гг., вексельные операции достигли своего наибольшего расцвета, а их объем в 1913 г. достиг 13,25 млрд. руб. Значительно возросла и роль банковского кредитования вексельных расчетов – до 32,1%. Однако, несмотря на это, по мнению И. Ф. Гиндина, русской торговле того времени был присущ достаточно низкий уровень экономической культуры (кроме, быть может, наиболее крупных компаний), что проявлялось в несвоевременности поставок, невыполнении их условий и т. п. Не только в мелких, но и в средних фирмах торговые книги и счета находились в неупорядоченном состоянии⁸⁵³. В таких условиях задача вексельных операций состояла прежде всего в том, чтобы при медленном обороте капитала в торговле аккумулировать значительные средства для кредитования товарооборота.

В целом же, говоря о периоде конца XIX – начала XX вв., необходимо отметить, что именно в конце XIX в. для оформления коммер-

⁸⁵² Каценеленбаум З. С. Война и экономическое положение России. – М., 1917. – С. 3.

⁸⁵³ Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. – М.: Госфиниздат, 1948. – С. 264.

ческого кредита стали широко использоваться векселя. Однако для стиля торгово-коммерческих отношений этого времени характерна тенденция крупных торговцев не допускать к кредитованию мелкую и среднюю торговлю, чем объясняется высокий размер средних сумм векселей, постепенно снижавшийся по мере привлечения к вексельным операциям мелких и средних торговцев.

Если в 1901 г. банковские кредиты обеспечивали 46% вексельного обращения, в 1908 г. – 49%, то в 1914 г. – уже более 70%, что свидетельствует о том, что максимальный охват банковским кредитом вексельных операций происходил параллельно с общим возрастанием объемов финансовых операций. Структура товарно-денежного оборота довольно продолжительное время имела архаический характер, и эти дореформенные черты были причиной относительной за- торможенности товарно-денежного оборота в Российской империи. Большие сроки товарно-денежных операций обусловили медленный оборот капитала, что создало повышенный спрос на коммерческий и банковский кредит.

Доля вексельных операций в общем объеме товарно-денежного оборота постоянно возрастала, достигнув своего максимума в начале 1914 г. Происходило постепенное увеличение среднего срока векселей (до трех, шести, а потом и до 12 месяцев), но при этом преобладали простые векселя. Величина средней валюты векселя была большой, что ограничивало возможность мелких и средних предпринимателей пользоваться вексельным кредитом. Кроме того, характерным было наличие в обороте большого количества векселей нетоварного происхождения.

3.8. РАЗВИТИЕ ВЕКСЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1861–1917 ГГ.)

Конец XIX – начало XX вв. стали для Российской империи периодом наибольшего расцвета вексельного обращения, что нашло отражение в положениях Устава о векселях 1902 г.⁸⁵⁴ Этим обусловлено наше внимание не только к содержанию этого документа, но и к продолжительной, сложной истории его создания, отразившей все основные проблемы вексельного обращения в России того времени – необходимость устава о простых векселях, четкое разделение пра-

⁸⁵⁴ Нолькен А. Высочайше утвержденный 27 мая 1902 года Устав о векселях. Практическое руководство. – СПб.: Право, 1902.

вил оборота простых и переводных векселей, дискуссию о границах векселеспособности.

Вскоре после издания Устава о векселях 1832 г. стали очевидными его недостатки, связанные со спецификой товарно-денежного оборота в Российской империи, в том числе с общим низким уровнем культуры населения, слабым распространением правовой грамотности, недостаточным количеством (а иногда и отсутствием) необходимых учреждений, слабым развитием транспортной сети при огромных расстояниях между городами. Необходимо помнить и о почти полном преобладании в России простого векселя, использовавшегося во внутренней торговле как инструмент нетоварного кредита. Его преобладание над переводным векселем было таким, что даже не существовало понятий «простой» и «переводной», а слово «вексель» всегда подразумевало только простой вексель. Переводной вексель под названием тратта использовался в Российской империи лишь во внешней торговле.

Через 15 лет после принятия первого вексельного устава возникла проблема усовершенствования вексельного законодательства и началась работа по созданию проекта нового вексельного устава. Поэтому 12 ноября 1847 г. Второму отделению императорской канцелярии было поручено пересмотреть вексельное законодательство с учетом немецкого вексельного устава 1847 г.

Очевидно, что с учетом реальных условий вексельного обращения и почти полного преобладания простых векселей, вексельный устав Российской империи целесообразно было бы составлять таким образом, чтобы он был посвящен простым векселям, а в приложении рассмотреть особенности использования переводных векселей. Однако вексельные уставы западноевропейских стран, использовавшиеся в качестве образца, создавались по другому принципу. Они были посвящены прежде всего переводным векселям и содержали обычно лишь несколько статей о простых векселях. Поэтому не удивительно, что попытки создать проекты вексельного устава, максимально точно передавая при этом положения западноевропейских вексельных уставов (чаще всего немецкого устава 1847 г. как наиболее совершенного в то время) вызвали критику со стороны специалистов в области практики вексельных операций.

Работа по разработке нового вексельного устава, включавшего в себя опыт западноевропейского вексельного права и в то же время пригодного для российских условий, растянулась на продолжительное время, а сама история разработки его проекта вскрыла существен-

ные проблемы и нерешенные вопросы, накопившиеся в практике вексельных операций в России второй половины XIX в.

После пересмотра вексельного законодательства в 1860 г. появился проект нового вексельного устава, в основу которого были положены идеи немецкого вексельного устава 1847 г. Этот проект был передан на предварительное рассмотрение биржевым комитетам, отделениям коммерческого и мануфактурного совета, коммерческим судам и отдельным должностным лицам, хорошо знавшим специфику вексельных операций. Пока продолжалось рассмотрение этого проекта, законом от 3 декабря 1862 г. векселеспособность была распространена не только на купцов, но и на другие сословия за исключением низших воинских чинов, духовенства, крестьян (не имевших недвижимого имущества и не взявших торгового свидетельства), а также состоящих в браке женщин без согласия мужей. Несмотря на ограничения, это был существенный шаг к сравнению векселеспособности с общегражданской правоспособностью.

После того как состоялось обсуждение проекта нового вексельного устава и были учтены высказанные замечания, проект был передан на рассмотрение особой комиссии при Втором отделении императорской канцелярии, где он изучался с участием представителей купечества. После доработки в 1866 г. он снова был передан на дальнейшее обсуждение, а в 1880 г. был подготовлен новый проект вексельного устава, представленный на рассмотрение в Министерство юстиции и Министерство финансов. На основе царских указов от 25 сентября 1881 г. и 17 февраля 1882 г. при Министерстве юстиции было создано особое совещание для обсуждения всех вариантов проекта; в обсуждении проекта на страницах прессы принимали участие представители западноевропейской науки.

Наконец, в 1882 г. проект был опубликован на русском, немецком и французском языках, вследствие чего авторы проекта получили многочисленные замечания от представителей купечества, а также от русских и иностранных юристов, преимущественно немецких⁸⁵⁵. С учетом этого обсуждения, а также появления английского устава о векселях (18 августа 1882 г.), итальянского торгового уложения (2 апреля 1882 г.) и проекта голландского вексельного устава проект 1882 г. был снова пересмотрен, а содержание названных новых вексельных уставов учтено в его новой редакции. Критические замечания немец-

⁸⁵⁵ В обсуждении принимали участие такие авторитетные юристы, как Л. Гольдшмидт, В. Эндеман и др. (Устав о векселях. / Сост. А. И. Каминка. – СПб.: Тип. А. Е. Ландау, 1902. – С. 3).

ких ученых на эту новую редакцию привели к подготовке следующего варианта проекта, датированного 1884 г., который и был напечатан с подробными комментариями. Как отмечает С. М. Барац, проект 1882 г. в его конечной редакции 1884 г. представлял собой третью попытку кодификации вексельного права в России (если не считать проекта торгового уложения 1814 г., второй частью которого был вексельный устав), аккумулировавшую опыт работы по пересмотру вексельного законодательства, начатой еще в 1847 г.⁸⁵⁶

В целом эту деятельность можно разделить на два периода. Первый период (до 1880 г.) охватывал работу над усовершенствованием вексельного законодательства. Его цель состояла в исправлении вексельного устава 1832 г. и ликвидации имеющихся в нем недостатков (в частности отсутствия точных определений понятий вексельного обращения и четкого указания, какие положения вексельного права касаются простых векселей, а какие – переводных).

В результате этой работы был составлен проект 1860 г., обсуждавшийся с участием экспертов, представителей купечества и банкиров. Позже была опубликована версия проекта 1866 г., в которой четко прослеживались недостатки вексельного права Российской империи, вызвавшие наибольшие нарекания представителей деловых кругов, а также их предложения по усовершенствованию вексельного законодательства и вексельного обращения в целом. Большинство замечаний касалось необходимости разделения положений о простых и переводных векселях, поскольку в ходу были простые векселя, а переводные рассматривались как случайное явление⁸⁵⁷. Кроме того, высказывалось требование сохранить образцы написания векселей (они прилагались и к уставу 1832 г., и к проекту устава 1866 г.). В большинстве случаев не затрагивалась ст. 10 проекта, ограничивавшая векселеспособность для духовенства и низших воинских чинов. Наибольшее количество замечаний касалось отклонений от содержания немецкого вексельного устава.

Во второй период (после 1880 г.) попытки исправить устав 1832 г. были отброшены и поставлена иная цель – разработать новый

⁸⁵⁶ Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893. – С. 686.

⁸⁵⁷ В России простой вексель был инструментом получения денежного кредита. По сути, это было долговое письмо (подобное долговой кабале), но подкрепленное силой вексельного права. Не случайно даже в образцах векселей, прилагавшихся к ст. 540 Торгового устава, кредитор вообще не назывался векселедержателем, а лишь займодавцем (Цитович П. П. Вексель и задачи его кодификации в России. – К.: Тип. И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 30–31; 50).

документ, взяв за основу Торговый кодекс Италии, где (в отличие от всех других западноевропейских вексельных законов) положения о простом и переводном векселях были изложены не отдельно, а вместе, что представляло особый интерес для условий Российской империи с преобладанием в обороте простого векселя.

При этом предполагалось путем создания нового вексельного устава не только сблизить Россию с Европой, но и способствовать становлению международного, общеевропейского (а, возможно, даже и общемирового) вексельного законодательства, основанного на положениях немецкого вексельного устава. Однако столь масштабная цель, по мнению П. П. Цитовича, существенно тормозила работу, поскольку требовала внимательного отслеживания всех изменений в международном вексельном законодательстве (с 1880 по 1982 гг. появились швейцарский, итальянский, английский, скандинавский вексельные уставы, проект голландского вексельного устава).

Основным принципом проекта была общая векселеспособность. Предполагалось, что принимать на себя вексельное обязательство может любое лицо, имеющее право принимать другие обязательства по договорам (ст. 1). Векселеспособность провозглашалась тождественной общегражданской правоспособности. В проекте приводились аргументы в пользу общей векселеспособности: поскольку личное задержание было отменено, то и любое ограничение векселеспособности становилось нецелесообразным. По мнению авторов проекта, общая и ничем не ограниченная векселеспособность способствует надежности вексельного обращения, так как последний приобретатель векселя будет уверен в действительности всех вексельных подписей своих предшественников, обладавших векселеспособностью. Кроме того, в случае ограничения векселеспособности значительное количество лиц, имеющих потребность в вексельном кредите, будет его лишено⁸⁵⁸.

К положительным чертам проекта 1884 г. необходимо отнести четкость изложения, конкретные толкования понятий вексельного обращения, создание новых терминов (например «первоприобретатель» – первый векселедержатель), чтобы избежать использования

⁸⁵⁸ Среди отрицательных последствий расширения векселеспособности, в полной мере проявившихся во второй половине XIX в., следует назвать разорение большого количества крестьян, бравших на себя долговые обязательства по векселям на суммы 10–15 руб., составлявшимся обычно в кабаках по разным бытовым поводам (Цитович П. П. Вексель и задачи его кодификации в России. – К.: Типография И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 5).

понятий иностранного происхождения, характерных для устава 1832 г. Это позволило авторам проекта оптимистически оценивать результаты его принятия, в частности усовершенствование торговли и кредита, широкое внедрение векселя в хозяйственную жизнь Российской империи, удобство судебной практики и общее содействие развитию в России вексельного права.

В 1884 г. проект был вынесен на рассмотрение Государственного Совета, однако существенные замечания Министерства финансов стали причиной его повторного рассмотрения и в Министерстве финансов, и в Министерстве юстиции. В дальнейшем (когда специальной комиссией были учтены замечания, поступившие от министерств) было предложено еще несколько вариантов проекта нового вексельного устава (в 1884, 1890, 1895 гг.), в которых прослеживалось явное влияние немецкого вексельного права.

Окончательный вариант вексельного устава, разработанный П. П. Цитовичем по поручению министра финансов С. Ю. Витте, был передан в 1899 г. на рассмотрение Государственного Совета. Наконец, 27 мая 1902 г. проект был утвержден, и новый вексельный устав вступил в действие с 1 января 1903 г. Положения устава продолжали идеи западноевропейского вексельного права и были основаны главным образом на идеях немецкого вексельного устава. Как отмечал А. И. Каминка, хотя некоторые положения устава 1902 г. существенно отличались от немецких законов, в целом сходство было сохранено. Это было связано с тем, что в XIX в. у Российской империи с Германией были наиболее тесные торговые связи, а немецкое вексельное право имело существенные преимущества перед устаревшей системой французского вексельного права и заслуживало заимствования его идей национальными системами вексельного права других стран⁸⁵⁹.

Устав содержал 126 статей (в немецком было только 100). К нему прилагались образцы векселей и разных надписей на них. Устав состоял из двух частей – «О простых векселях» и «О переводных векселях», что впервые в истории русского вексельного права законодательно разграничило нормы оборота простых и переводных векселей и помогло избежать неоднозначности в толковании норм вексельного устава относительно правил их оборота.

Каждая из частей устава включала разделы, порядок которых был одинаковым в обеих частях и соответствовал этапам вексельных операций. Первый раздел был посвящен выдаче векселя и условиям,

⁸⁵⁹ Устав о векселях. Сост. А. И. Каминка. – СПб.: Типография А. Е. Ландау, 1902. – С. 6.

которым он должен соответствовать; второй – ответственности (сроки платежа, досрочные платежи, требования платежа и следствия неплатежа; постановления о поручительстве). Третий раздел был посвящен протесту векселя, четвертый – срокам подачи исков, а пятый – случаям утраты векселей и объяснению порядка применения иностранных законов. Такую же структуру имели разделы второй части, касающейся переводных векселей.

Во вступлении к уставу указывалось (ст. 1), что векселя бывают простыми и переводными; правила оборота простых векселей применяются к переводным векселям с соблюдением специфических требований, изложенных во втором разделе устава. О форме написания простых и переводных векселей согласно уставу 1902 г. свидетельствуют следующие образцы.

Простой вексель сроком на определенную дату (ст. 5, п. 1):

«С. -Петербург, 24 ноября 19... года.

Вексель на 2000 руб.

2 января 19... года по сему векселю повинен я заплатить московскому купцу Петру Ивановичу Васильеву две тысячи рублей.

Смоленский купец Сергей Иванович Петров».

Переводной вексель сроком на определенную дату:

«С. -Петербург, 24 ноября 19... года.

Вексель на 2000 руб.

2 января 19... года по сему векселю заплатить московскому купцу Петру Ивановичу Васильеву две тысячи рублей.

*Смоленский купец Сергей Иванович Петров
Московскому купцу Александру Ивановичу Серебрякову
Москва, Верхние ряды, №19»⁸⁶⁰.*

Принимать на себя вексельное обязательство могли все лица, которым в соответствии с законом позволялось принимать на себя долговые обязательства. Не имели такого права духовные лица, крестьяне и женщины без разрешения родителей или мужей.

Раздел 1 первой части был посвящен составлению и обороту простых векселей (ст. 3). Местом платежа по векселю считалось место его составления, если векселедатель не указал в тексте векселя другого

⁸⁶⁰ Устав о векселях. Сост. А. И. Каминка. – СПб.: Типография А. Е. Ландау, 1902. – С. 232, 234.

места (ст. 7). Векселедатель мог назначать особого плательщика для осуществления платежа по векселю (ст. 8). Вексель мог быть подписан несколькими векселедателями, и в нем могло быть указано несколько первых приобретателей векселя (ст. 3, п. 4), однако дробление вексельной суммы между несколькими векселедателями или приобретателями векселя не допускалось. В тексте векселя не могло быть никаких предостережений о том, что обязательство об уплате является условным (ст. 11). При этом подчеркивалось, что документы, не отвечающие хотя бы одному из требований, изложенных в ст. 3–5, 9–11, не являются векселями.

Раздел 1.2 первой части был посвящен выдаче и передаче простых векселей. В частности, отмечалось, что первый приобретатель векселя может передать его в собственность другому лицу, и такое же право имел каждый последующий приобретатель векселя. Вексель мог быть передан одному или нескольким приобретателям, но без дробления вексельной суммы (ст. 17). При передаче векселя векселедатель имел право помещать в передаточной надписи предостережение «без обращения на меня» (ст. 21).

Раздел 1.3 касался векселедержателей и их уполномоченных по простым векселям. Векселедателем признавался владелец векселя в том случае, если он был указан в векселе первым его приобретателем или если вексель перешел к нему по передаточной надписи (при условии, что все передаточные надписи образуют непрерывную последовательность). При этом векселедатель не обязан был убеждаться в достоверности всех предшествующих надписей (ст. 23). Кроме того, векселедателю принадлежали все права по векселю независимо от прав его предшественника (ст. 24). Векселедатель мог передавать полномочия по векселю другому лицу, определявшемуся особой поручительской надписью на векселе.

В разделе 2.1 рассматривалась ответственность по простым векселям. В нем, в частности, указывалось, что фактом выдачи векселя векселедатель принимает на себя ответственность за платеж по данному векселю (ст. 27). Кроме векселедателя, ответственность по векселю несли все лица, поставившие на нем свои подписи (ст. 28).

Раздел 3 был посвящен осуществлению платежа по векселям, и в ст. 36 указывалось, что до наступления срока векселедержатель не имел права требовать уплаты по векселю. Кроме того, был определен порядок осуществления платежа по простыми векселям (ст. 40, 41). Платеж по векселю мог быть обеспечен поручительством за векселедателя или за любое из лиц, поставивших свою подпись на векселе

(ст. 57), но вексельное поручительство могло быть дано лишь по всей сумме вексельного обязательства. Кроме того, оно могло быть предоставлено нескольким лицами, но без дробления вексельной суммы. В разделе 3 рассматривался протест простых векселей, осуществлявшийся нотариусом (ст. 67); определялись сроки заключения акта о протесте: не позднее дня, следующего после даты осуществления протеста (ст. 69).

Раздел 4 определял сроки предъявления исков по простым векселям (ст. 73), а в разделе 5 излагались особые правила относительно простых векселей, касающиеся, в частности, утраты простых векселей (ст. 78), а также применения иностранных законов в тех случаях, когда вексельное обязательство принимал на себя иностранец (ст. 82).

Вторая часть устава 1902 г. касалась переводных векселей с повторением последовательности первой части; в ней подробно раскрылась специфика использования переводных векселей. Так, в ст. 92 отмечалось, что предъявление векселя к платежу происходит в месте, указанном в тексте векселя. Вексель может быть предъявлен в любое время после наступления срока платежа (ст. 96). Раздел 5 второй части был посвящен особым правилам о переводных векселях, в том числе вопросу об экземплярах переводного векселя, которых могло быть несколько (ст. 115) и его копий (ст. 120), а также случаям потери переводного векселя (ст. 125).

Для усовершенствования вексельного обращения устав допускал существование некоторых новых типов векселей (в том числе переводных векселей, трассированных на себя – ст. 87, п. 1). Приведем из устава 1902 г. типичный образец переводного векселя, трассированного на себя:

«С. -Петербург, 24 ноября 19... года.

Вексель на 2000 руб.

На предстоящей Нижегородской ярмарке по сему векселю заплатите рыбинскому купцу Николаю Николаевичу Живкову две тысячи рублей.

*С. -Петербургский купец Илья Иванович Савинов
С. Петербургскому купцу Илье Ивановичу Савину.
Нижний-Новгород, Главный дом, №16»⁸⁶¹.*

Однако простые векселя «по собственному приказу» не разрешались, поскольку такие векселя с помощью бланковой надписи могли быть легко превращены в векселя на предъявителя (ст. 87). В то же вре-

⁸⁶¹ Устав о векселях. Сост. А. И. Каминка. – СПб.: Типография А. Е. Ландау, 1902. – С. 237.

мя разрешалась выдача переводного векселя «по собственному приказу» (ст. 87, п. 1). Ниже приводится образец такого векселя:

«С. -Петербург, 24 ноября 19... года.

Вексель на 2000 руб.

По предъявлению сего векселя заплатите мне или моему приказу две тысячи рублей в городе Рыбинске.

*Коммерции советник Николай Ефимович Коровин
Ярославскому купцу Петру Ивановичу Сергееву
в городе Рыбинске»⁸⁶².*

Кроме того, ст. 3 разрешала существование ярмарочных векселей, которые могли быть предъявлены к уплате в любое время, в отличие от старых ярмарочных векселей, срок уплаты по которыми наступал не раньше времени закрытия ярмарки.

Отдельно необходимо остановиться на проблеме ограничения векселеспособности⁸⁶³. Как известно, духовные лица, крестьяне и женщины без разрешения родителей или мужей были лишены права принимать на себя вексельное обязательство. Такое ограничение в реальной практике использования векселей вызвало немало споров, и в проектах 1884 и 1889 гг. предполагалось предоставить это право всем гражданам, которые имеют право принимать на себя обязательства по договорам. Однако эта идея вызвала возражения со стороны Министерства финансов, считавшего, что попытки ввести общую векселеспособность приведут лишь к нарушению вексельного обращения и переполнения банковских портфелей большим количеством векселей, не связанных с торговыми соглашениями.

Содержание текста векселя определялось в ст. 2 устава 1902 г., где были перечислены все существенные признаки векселя. В данном уставе отсутствовало условие подписания векселя только лишь лицом, уполномоченным для этого доверенностью. Без изменений осталось и требование о написании векселя на гербовой бумаге.

Существенной положительной чертой нового устава считается более подробное изложение вопроса о поручительстве. В уставе 1832 г. поручительству была посвящена только одна статья (ст. 93), которая

⁸⁶² Устав о векселях. Сост. А. И. Каминка. – СПб.: Типография А. Е. Ландау, 1902. – С. 237.

⁸⁶³ Положение устава 1832 г. (ст. 6), ограничивающее круг лиц, могущих принимать на себя вексельное обязательство, А. И. Каминка называет наиболее архаичным (Устав о векселях / Сост. А. И. Каминка. – СПб.: Типография А. Е. Ландау, 1902. – С. 9).

из-за своей неудачной формулировки вызвала много осложнений на практике. Поручительство рассматривалось как субсидиарное обязательство, в то время как в новом уставе (с использованием положений немецкого, венгерского и итальянского вексельных уставов) оно трактовалось уже как полностью самостоятельное обязательство (ст. 59)⁸⁶⁴.

В целом же, в основу устава 1902 г. были положены такие идеи немецкого вексельного права, как абстрактность векселя, материальная строгость и способность к передаче⁸⁶⁵. Благодаря этому вексель стал обязательством, не требовавшим помещения в его текст пометки о получении валюты. Таким образом вексельные операции были отделены от любых иных денежных операций. Исходя из этого, в русском вексельном праве вексель приобрел одну из важнейших своих черт – абстрактность вексельного обязательства.

Уставом 1902 г. была установлена безусловность вексельного обязательства, исполнение которого не зависело от осуществления тех или иных действий. Как отмечал А. Нолькен, условность вексельного обязательства подразумевала не только случаи, когда осуществление платежа по векселю определялось наступлением того или иного обстоятельства или события (даже не зависящего от воли вексельного должника или векселедержателя), но и те, когда вексельный должник ограничивал свою ответственность, обуславливая в тексте векселя объем ответственности или условия ответственности, отличавшиеся от установленных в законе⁸⁶⁶.

Кроме того, в уставе 1902 г. была усилена ответственность поручителя: он мог поручаться лишь за платеж по векселю в целом, а не за одного из участников векселя. Новый устав предоставил возможность векселедателю ограничивать меру своей ответственности путем запрета передачи векселя по индоссаменту. В частности, ст. 22 разрешала векселедателю помещать в текст векселя пометку о запрете передачи векселя (*Recta clausel* в немецком вексельном праве), освобождая таким образом себя от ответственности перед теми лицами, к которым вексель попал путем индоссамента. Положения данной статьи относились лишь к векселедателям, а ст. 21 устанавливала для надписателей векселя возможность передачи векселя без обращения на них вексельного обязательства.

⁸⁶⁴ Поэтому любой поручитель по векселю нес такую же ответственность, как и лицо, за которое он поручился (Там же, с. 32).

⁸⁶⁵ Шапкин И. Н. Вексель: возникновение и становление // Вексель и вексельное обращение в России: Практ. энциклопедия. – М.: Банкоцентр, 1996. – С. 7–36.

⁸⁶⁶ Нолькен А. Высочайше утвержденный 27 мая 1902 года Устав о векселях: Практ. руководство. – СПб.: Право, 1902. – С. 46.

Определяя правовой статус векселедержателя, устав (ст. 23) признавал векселедержателя владельцем векселя, если он был указан в векселе как первый его приобретатель или получил вексель путем индоссамента. При этом ставилось условие, что передаточные надписи должны образовывать непрерывную последовательность, начинающуюся с подписи первого приобретателя векселя и завершающуюся именной или бланковой надписью. При этом векселедержатель не был обязан проверять подлинность подписей в предшествующих надписях. Положение этой статьи не распространялось на тех векселедержателей, в руки которых вексель попал не по правилам вексельного устава (в наследство и т. п.), или лиц, утративших вексель. К тому же, ст. 24 определяла, что векселедержателю принадлежат все права, вытекающие из векселя, независимо от прав его прежнего владельца (кроме случаев, когда прежний владелец утратил вексель помимо своей воли).

Существенным преимуществом нового устава можно считать положение о достаточности одного протеста для получения всех прав векселедержателя в случае неплатежа или неакцепта векселя.

Ст. 2 устава 1902 г. определяла общими нормами гражданского права векселеспособность как право принимать на себя вексельное обязательство (пассивная векселеспособность), не касаясь права обязывать других лиц векселями (активная векселеспособность)⁸⁶⁷. Как уже отмечалось, при разработке этого устава была сделана попытка приравнять векселеспособность к общегражданской правоспособности, что вызвало серьезные возражения, основанием для которых было мнение, что для стабильности кредита и денежного обращения необходимы лишь торговые векселя. В новом уставе положение о границах векселеспособности осталось таким же, как и в предшествующем уставе 1832 г.⁸⁶⁸

Кроме того, устав 1902 г. включал статью, определявшую момент вступления векселя в силу – вексель считался выданным с того момента, когда векселедержатель приобретал право на вексель, покупая его так же, как любую другую вещь. В целом же, признание уставом безус-

⁸⁶⁷ Поэтому все лица, лишенные согласно ст. 2 векселеспособности или ограниченные в ней (крестьяне, замужние женщины, представители духовенства), имели право быть собственниками векселей (Там же, с. 29).

⁸⁶⁸ В 1906 г. с крестьян было снято ограничение на участие в вексельных обязательствах, что существенно расширило векселеспособность (Демківський А. В. Вексельна справа: Навч. посібник. – К.: Либідь, 2003. – С. 66).

ловности векселя и принципа простоты текста векселя способствовало повышению его способности к многократной передаче от одного лица к другому.

Следует также отметить, что устав 1902 г. приводил уточненные обязательные реквизиты векселя – семь для простого и девять для переводного. Устав не только не требовал указывать валюту векселя, но и исключал определение срока платежа «согласно обычаю». Из обязательных реквизитов индоссамента было исключено не только указание валюты векселя, но и необходимость включать в текст векселя место и время его составления.

Для того чтобы вексель с передаточной надписью мог свободно находиться в обороте, согласно уставу в его тексте не нужно было помещать формулу «или по его приказу». Было четко определено различие между передаточной и поручительской надписью, а также между именной и бланковой надписями.

Новым уставом была значительно повышена ответственность участников векселя за осуществление платежа по векселю, и плательщик уже не имел права предъявлять возражения, основанные на его правоотношениях с предшествующими векселедателями за исключением случаев, определенных в уставе. Запрещалось дробление суммы векселя между несколькими участниками вексельного обязательства. Кроме того, подчеркивалась самостоятельность вексельных обязательств, возникших в процессе оборота отдельного векселя: если одна из надписей на векселе признавалась недействительной, это не избавляло других участников векселя от ответственности за осуществление платежа.

Была также повышена ответственность поручителя по векселю: он мог поручаться лишь за платеж по векселю в целом, а не за одного из участников векселя. Устав дал возможность векселедателю ограничивать степень своей ответственности запретом на передачу данного векселя путем индоссамента.

Существенным преимуществом нового устава можно считать положение о достаточности осуществления одного протеста для получения прав векселедержателя в случае неплатежа или неакцепта векселя. Среди новшеств следует назвать установление единого срока платежа для всей вексельной суммы и отмену льготных дней для платежей по векселям.

Подробный анализ отличий положений устава 1902 г. от немецкого вексельного права приводит в своей работе Ф. фон Канштайн⁸⁶⁹. Преж-

⁸⁶⁹ Canstein, F. von. Das Wechselrecht Oesterreichs. – Berlin: Carl Heymann's Verlag, 1903. – S. 175–179.

де всего он отмечает, что недееспособными по векселям являются лица духовного сословия любых религий, крестьяне, не обладающие недвижимостью или патентом на трудовую деятельность, а также женщины, не имеющие права заниматься коммерческой деятельностью от своего имени. Для замужних женщин требуется согласие супругов, а для девушек, проживающих совместно с родителями, согласие последних (ст. 2).

Для вступления в силу вексель должен быть составлен на предназначенной для этих целей гербовой бумаге (ст. 3, 86) и полностью заполнен (ст. 88). Сумма векселя должна указываться прописью и может дублироваться цифрами (ст. 4, 88).

Векселя на предъявителя могут быть предназначены для оплаты на определенной ярмарке (ст. 5, 88). В противном случае ярмарочный вексель подлежит оплате за день до окончания ярмарки (ст. 37, 101), а если ярмарка длится только один день, – то в этот день, даже если он является праздничным (ст. 48, 102). До начала ярмарки предъявлять их к оплате нельзя (ст. 92). Срок оплаты иностранных срочных векселей и векселей на предъявителя не переносится на день выдачи, если таковое предусмотрено в векселе (ст. 39, 101).

Срок предъявления для срочных векселей и векселей на предъявителя составляет один год и может быть только сокращен (ст. 6, 87). Условия при выплате процентов и штрафных санкций действия не имеют (ст. 12, 87). Любые изменения векселя и заявления по нему должны быть приведены перед соответствующей подписью (ст. 13, 19, 88, 89), это же относится и к вычеркиванию условия индоссанта «без оборота на меня». Условие «без оборота на меня» не действует, если оно добавлено трассантом трассированного векселя к его индоссаменту по «собственному приказу» (ст. 103). Первому получателю вексель должен быть индоссирован, но в случае владения им третьим лицом индоссирование предполагается даже в том случае, если оно фактически не имело места, а получатель был информирован об этом (ст. 15, 16, 24, 89, 90).

Вексель является неделимым (ст. 17, 89). Освобождение от обязанности предъявления векселя к протесту и «псевдопредставитель» при подписании не предусматривались. Основным должник обязательно отвечает даже по домицилированным векселям в течение пяти лет (ст. 73, 112). Должник по векселю не имеет права проверять правильность индоссаментов (ст. 28, 99).

Регресс по поручительству невозможен; вместо этого оплата (за вычетом 6%) может быть затребована до срока оплаты по векселю, однако не из-за отсутствия обеспечения основного должника, а только при отказе приема к оплате (ст. 105) и отсутствии акцепта по поручительству (ст. 108), либо если владелец векселя не допустил акцепта трассата после протеста за отсутствием акцепта (ст. 97, 100). Специальной отметкой на векселе трассант, акцептант и лицо, выдавшее простой вексель, могут обязаться оплатить вексель полностью или частично до наступления срока оплаты; если оплата до истечения срока произведена неправомочному владельцу, то в день истечения срока оплаты она должна быть произведена повторно (ст. 36, 100).

Для срочных переводных векселей на предъявителя и домицилированных векселей с указанием «на предъявителя» при получения регресса по платежу не может быть принуждения к предъявлению. Трассат имеет 24 часа для раздумий (ст. 97) и он может сам назначить по выбору трассанта, домицилиата и место оплаты (ст. 93).

Если акцепт вычеркнут, то вексель не учитывается (ст. 95). Акцепт на нескольких дубликатах в случае ошибочного получения одним и тем же владельцем или третьим обладателем векселя нескольких учтенных экземпляров имеет силу только одноразового обязательства (ст. 116).

Оригиналы индоссаментов на копиях ведут к безусловным обязательствам (ст. 124). Последующие индоссаменты опротестованных и предъявленных к оплате векселей не являются основанием гарантийных обязательств последующих индоссантов (ст. 56, 103). Право на депонирование долгов по векселю имеет и домицилиат (ст. 48, 102).

Комиссия по регрессу составляет всего 1/4% суммы векселя вместе с расходами (ст. 50, 103) соответственно сумме выплаты с учетом 6% (ст. 53, 103). Учет местных интересов (через курс векселя на предъявителя) и регресс ретратты не используются. Уплаченные законным образом за рубежом повышенные суммы регресса во внимание не принимаются (ст. 53, 103).

Поручительство по векселю должно быть четко обозначено; при возникновении сомнения оно переходит на выставяющего простой вексель (ст. 57, 104) или на акцептанта (ст. 104). Поручитель имеет вексельный регресс по отношению к тем, за кого он поручился, и к предыдущим векселедержателям (ст. 63, 110).

Предъявление к платежу по поручительству должно производиться на следующий после приема протеста рабочий день по всем адресам третьих лиц и акцептанта-поручителям (ст. 63, 110). Не уполномоченный платеж по поручительству должен быть предложен до приведения в исполнение акта протеста (ст. 66, 110). Акцептант-поручитель при платеже по поручительству имеет преимущество по сравнению с другими посредниками (ст. 110). Не допущенный к платежу по поручительству посредник может требовать, чтобы это было отмечено в протесте, что лишает плательщиков прав на регресс по отношению к тем, которые были бы освобождены благодаря платежу по поручительству (ст. 62, 65, 116). Не осуществивший платеж акцептант-поручитель не может требовать комиссионных (1/4%). Плательщик по поручению вступает в права предыдущего держателя векселя как правопреемник (ст. 110).

Нотариус или иной назначенный законодательством представитель предъявляет вексель к оплате и, если она не произведена до 15 часов следующего дня, опротестовывает вексель путем внесения его в реестр и отметки на самом векселе. Однако протест вступает в силу после составления на следующий день специального акта протеста, который должен быть занесен дословно под порядковым номером в специальный журнал и отмечен на векселе (ст. 67–70, 111). Справляться об этом в местной полиции не обязательно (ст. 44, 102).

Только для срочных векселей предъявление к оплате может производиться на второй день после наступления срока оплаты (ст. 42, 102). Определение рабочих дней по обработке векселей отсутствует (ст. 72, 111). Уведомление об остаточных платежах нотариус должен направить всем должникам по векселю, адреса которых указаны на векселе, известны нотариусу или указаны опротестовавшими вексель лицами. Расходы на это относятся к расходам на опротестование (ст. 72, 111).

Иски по векселю погашаются автоматически: по отношению к выпустившему простой вексель и к акцептанту – в течение пяти лет, начиная со дня наступления оплаты; по отношению к трассантам, индоссантам и поручителям – в течение одного года начиная со дня опротестования, для плательщика по векселю – в течение шести месяцев от момента оплаты. Спустя три года после наступления срока оплаты иски против трассантов, индоссантов и поручителей исключены. Этот срок прерывается только иском и вступлением в права по банкротству (ст. 73–77, 112–114).

Амортизация не допускается, вместо нее применяется блокировка платежей трассатов, главных должников и домицилиатов на один год; она может быть добавлена к сумме долга по судовому решению. Потерпевшее убытки лицо может добиваться в суде оплаты из обеспечения или разрешения на списание депонированной суммы; если никто не требует платежа, обеспечение возвращается по истечении пяти лет. При появлении векселедержателя и по его заявлению устанавливается срок иска, по истечению которого блокировка платежей отменяется. Однако держатель может подать иск по этому поводу против лица, понесшего убытки (ст. 78–81, 125).

Векселя и индоссаменты, выданные русскими за рубежом или иностранцам на территории России действительны при условии их соответствия формальным требованиям законов России даже в тех случаях, если они по формальным признакам недействительны в соответствующей зарубежной стране (ст. 83, 126). Это положение действительно для Финляндии и Польши (ст. 85, 126).

Вместо иска из-за необоснованного обогащения введено следующее положение (ст. 99): трассант не акцептованного векселя, несмотря на отказ от протеста за отсутствием платежа, остается ответственным за сумму по векселю в течение одного года после наступления срока оплаты, за исключением случая, если он докажет, что трассату на день наступления срока оплаты было предоставлено имущество трассанта в размере суммы по векселю или последний был должен ему не менее этой суммы. Кроме того, отсутствуют положения, содержащиеся в ст. 15, 26, 27, 29, 33, 42–47, 52, 53, 58, 65, 92, 93, 99 немецкого вексельного устава.

В целом же, признание безусловности векселя и принципа простоты текста векселя способствовало повышению его способности к многократной передаче от одного лица к другому. Все это позволяет сделать вывод, что устав 1902 г. имел существенные преимуще-

ства перед предшествующими актами русского вексельного права, поскольку в нем была зафиксирована действительно четкая система норм и правил вексельных операций. Однако, несмотря на продолжительную подготовку этого устава, он действовал лишь до октября 1917 г.⁸⁷⁰, когда все вексельные операции были запрещены. Таким образом, процесс стабильного экономического роста и расширения вексельного обращения был принудительно прерван Первой мировой войной и революцией 1917 г.

3.9. РАЗВИТИЕ КРЕДИТНЫХ И ВЕКСЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ В ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ XIX–XX ВВ.

Развитие кредитных и вексельных операций на территории западной части Украины происходило иными путями, чем в Российской империи и восточной части Украины. Вследствие первого раздела польского государства в 1772 г. к Австрии отошло Русское воеводство, Белзское и западные части Волынского и Подольского воеводств⁸⁷¹. Галиция и Буковина были включены в состав Австрии, а часть земель – в состав Венгрии. Австрия была заинтересована в том, чтобы западноукраинские земли оставались сельскохозяйственной территорией и не содействовала развитию промышленности. Распространены были преимущественно мелкие промышленные предприятия (текстильные, кожевенные, соляные, табачные)⁸⁷². Благодаря включению Галиции и Буковины в состав Австрии, к концу XIX в. в Галиции была достаточно развита и регламентирована система бухгалтерского учета⁸⁷³ (он велся на украинском языке), что способствовало распространению вексельных операций.

В конце XVIII в. австрийская династия Габсбургов начала радикальные реформы. Еще в 1752 г. был создан Надворный коммерческий совет, а с целью активизации экономического развития Австрии

⁸⁷⁰ Действие устава не распространялось на Польшу, в которой был собственный вексельный закон (Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 3. Вексельное право. Морское право. – 4-е изд. – СПб.: Изд-во братьев Башмаковых, 1909. – С. 17).

⁸⁷¹ Петрів Р. В. Генезис капіталізму у містах Східної Галичини в кінці XVIII–першій половині XIX ст. (1772–1850). – Івано-Франківськ, 1993. – С. 21.

⁸⁷² Пасічник Ю. В. Бюджетна система України та зарубіжних країн. – К.: Знання-прес, 2002. – С. 187–189.

⁸⁷³ Бутинець Ф. Ф. Історія бухгалтерського обліку: У 2 ч. Ч. I. – Житомир: ПП «Рута», 2001. – С. 482.

в соответствии с рескриптом императора Иосифа II 13 мая 1773 г. во Львове была основана Галицкая государственная бухгалтерия. В ее компетенцию входила проверка финансовой деятельности подчиненных ей учреждений, а также учет налогов и прибылей (государственная бухгалтерия прекратила свою деятельность 31 декабря 1866 г., а с 1 января 1867 г. ее функции стал выполнять новообразованный Финансовый департамент наместничества)⁸⁷⁴.

В 1785 г. в соответствии с императорским указом был создан Центральный промышленный банк в Вене, начавший свою деятельность в 1786 г. Банк занимался коммерческими и кредитными операциями, что способствовало распространению коммерческого кредита, в том числе и на территории Западной Украины. О распространении кредитно-вексельных операций свидетельствует создание 31 августа 1786 г. магистрата Львова, в состав которого входило торгово-вексельное отделение. В 1777 г. во Львове были созданы отдельные торговый и вексельный суды⁸⁷⁵ для решения спорных вопросов, связанных с кредитными и вексельными операциями. Кроме того, вексельными делами занимался Высший краевой суд, созданный во Львове в 1773 г., а в 1774 г. переименованный в Высший королевский трибунал⁸⁷⁶. В то время как в Германии существовало 65 вексельных уставов (так называемых ординаций) для отдельных городов, в Австрии их было девять, а вексельная ординация для Галиции была принята в 1775 г.⁸⁷⁷.

Что касается Польши, в состав которой входила часть земель Западной Украины, то первые вексельные законодательные акты были приняты 8 марта 1701 г. (Закон о векселях Гданьска) и 27 января 1758 г. (вексельный устав Эльблонга). В них прослеживается влияние немецких вексельных законов.

Первым общим для всей Польши законом, касавшимся вексельных операций, стала Сеймовая конституция, принятая 13 апреля 1775 г. после раздела Польши. В конституцию входил вексельный устав, созданный, по мнению М. Козинского, под явным влиянием известного трактата немецкого юриста Гейнеция «*Elementa juris cambialis*». Этот устав охватывал сферу не только материального вексельного права, но и процессуального.

⁸⁷⁴ Пристер Е. Краткая история Австрии. – М.: Политиздат, 1952. – С. 246–249.

⁸⁷⁵ Мних Є. В., Швець В. Є., Яремко І. Й. Розвиток обліку в Галичині: історичні та методологічні аспекти. – Львів: Каменяр, 2000. – С. 43.

⁸⁷⁶ Петрів Р. В. Центральні і місцеві органи державної влади і управління Австрії та Східної Галичини. – www.mesogaia.il.if.ua/petriv_galicien.htm. – С. 16.

⁸⁷⁷ Dolinski A. Wykłady austriackiego prawa wekslowego. – Lwow: Nakladom tow. «Biblioteka stuch. prawa», 1912. – С. 10–11.

В частности, в п. 6 параграфа 1 конституции отмечалось, что могут выдаваться так называемые вексельные долговые обязательства (то есть расписки), оформленные в соответствии со всеми строгими требованиями вексельного права. Вследствие этого, во-первых, становилась возможной выдача неформального векселя – документа, который был векселем по смыслу (обязательство уплатить определенную сумму, не указывая причины возникновения этого обязательства). По форме этот документ мог не соответствовать требованиям к векселю, однако на него распространялись нормы вексельного права. Во-вторых, гражданско-правовые обязательства займа, купли-продажи, аренды и т. п., которые по своей сути не были векселями, могли содержать *clausula cambialis* – вексельную метку, вследствие чего на эти документы распространялись все юридические санкции, предусмотренные вексельным правом (в том числе принудительное взыскание долга)⁸⁷⁸.

Польская шляхта широко использовала векселя как средство легко доступного кредита. Полученные таким образом деньги тратились на роскошные приемы и всевозможные развлечения, а чтобы выкупить векселя приходилось продавать недвижимость. Это привело к многочисленным банкротствам, поэтому сеймовые законодательные акты 1776 и 1778 гг. ввели ограничение векселеспособности, а законодательным актом 1780 г. шляхта вообще была лишена права пользоваться векселями для получения кредита.

С 1775 г., после третьего раздела Польши, на ее землях начало действовать вексельное право стран, к которым отошли ее территории – России, Пруссии и Австрии⁸⁷⁹. В частности, в Варшавском герцогстве постановлением сейма от 24 марта 1809 г. вексельным правом были признаны ст. 110–187 французского *Code de commerce*, предусматривавшие существование двух четко формализованных типов документов – переводных векселей (*lettre de change*) и так называемых расписок по распоряжению (*billet a ordre*)⁸⁸⁰. На части территории Польши, аннексированной Пруссией, действовали нормы общенемецкого вексельного закона 1848 г., а на землях, аннексированных Австрией – вексельный закон, введенный императорским указом 25 января 1850 г. Австрийский и немецкий законы содержали перечень условий, которым должны были соответствовать оба типа векселей⁸⁸¹.

⁸⁷⁸ Fierich F. K. Prawo wekslowe w Polsce na podstawie konstytucyi seimowych 1775, 1776, 1780. – Krakow, 1908. – S. 47; Machnikowski Г. Weksel własny in blanco. – Warszawa: Beck, 2002. – S. 2.

⁸⁷⁹ Bednarczyk J. Wesel w przystępny sposób. – Warszawa: Beck, 2004 – S. 25.

⁸⁸⁰ Zabinski A. Prawo wekslowe Krolewstwa Polskiego. – Krakow, 1922. – S. 5.

⁸⁸¹ Machnikowski Г. Weksel własny in blanco. – Warszawa: Beck, 2002. – S. 5.

В целом же, на развитие вексельного обращения в западноукраинском регионе оказывали влияние различные вексельные уставы, действовавшие на территории Польши: французский *Code de Commerce* (с 1807 г.), немецкий (с 1849 г.), австрийский (с 1850 г.), венгерский (с 1876 г.), русский (с 1902 г.). Все эти вексельные уставы, кроме французского, можно отнести к немецкой системе вексельного права, а немецкий и австрийский были почти идентичными⁸⁸².

В XIX в. в Западной Украине продолжалось развитие товарно-денежного оборота. Основной формой торговли были ярмарки, которых в начале XX в. в Восточной Галиции, Северной Буковине и Закарпатье происходило ежегодно до тысячи. Специализированные ярмарки проводились в наибольших промышленных центрах – Львове, Бродах, Тернополе, Черновцах. Львов был знаменит ярмарками по продаже шерсти, Броды и Тернополь – лошадей, а Станислав и Черновцы – холста и скота⁸⁸³. Значительную роль в экономической жизни Западной Украины, в частности Галиции, играли контрактные ярмарки, зародившиеся еще в конце XVIII в. Ежегодно, с начала января до начала февраля, ярмарки происходили во Львове – наибольшем торговом центре Галиции. В 1812 г. там существовало восемь оптовых складов и 222 магазина. Увеличивалось число купцов и возрастал объем торговли и в Закарпатье – в Ужгороде и других городах. Расширялись внешнеэкономические связи Западной Украины. После того как в структуре произошли существенные изменения (торговля с Гданьском окончательно утратила свое значение), все большую роль начали играть контакты с Австро-Венгерской империей.

Вторая половина XIX – начало XX вв. стали временем экономического подъема Западной Украины, что требовало расширения банковской системы, в частности кредитной деятельности. Широкое распространение в Галиции получили вексельные операции. По мнению П. П. Цитовича именно они были причиной массового обнищания крестьян, бравших небольшие денежные займы, оформляемые обычной долговой распиской⁸⁸⁴. Причина этого заключалась в непонимании крестьянами сущности векселя и строгости взыскания в случае неуплаты долга. Это обстоятельство П. П. Цитович считал аргументом против общей векселеспособности, хотя С. М. Барац по этому поводу справедливо отмечал, что обнищание крестьян в Галиции имело со-

⁸⁸² Dolinski A. Polskie prawo wekslowe. – Poznan, 1925. – S. 51.

⁸⁸³ Лановик Б. Д., Матисякевич З. М., Матейко Р. М. Економічна історія України і світу. – К.: Вікар, 2001 – С. 370.

⁸⁸⁴ Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Тип. И. Н. Кушнерева и К., 1887. – С. 30.

вершенно другие социально-экономические причины, не связанные с проблемой общей векселеспособности⁸⁸⁵.

Таможенная политика австрийского правительства способствовала проникновению в национальные окраины австрийских товаров, создавая в то же время искусственно завышенные таможенные барьеры для ввоза западноукраинских товаров в Австро-Венгрию. Следствием такой политики была экономическая отсталость западноукраинских земель, выполнявших роль рынка для сбыта готовых изделий⁸⁸⁶. Несмотря на это, в 70–80 годах XIX в. развивалась нефтедобывающая промышленность, в которую в конце XIX в. начинается инвестирование иностранного капитала – сначала австрийского, а потом немецкого, английского и американского (в 1905–1906 гг. было создано более 50 акционерных нефтедобывающих компаний), что создавало потребность в развитии кредитных учреждений.

В кредитной системе Западной Украины особенно прочные позиции занимал австро-венгерский финансовый капитал. Кредитование торговли и промышленности с помощью векселей осуществлялось двумя путями – иногда параллельными, иногда конкурирующими между собой, – через Австро-венгерский банк и через частные акционерные банки. Эмиссионный Австро-венгерский банк был основан в 1816 г. с целью упорядочения австрийской денежной системы⁸⁸⁷. В 1900 г. капитал банка составлял 210 млн. крон, а в Галиции и Буковине существовало 12 его филиалов, принимавших депозитные вклады и осуществлявших операции с ипотечными займами с учетом векселей⁸⁸⁸.

Поскольку центральным кредитным учреждением всей империи, осуществлявшим учет векселей, был эмиссионный Австро-венгерский банк, частные коммерческие и некоторые земельные банки Западной Украины держали часть своих капиталов в его центральном управлении, конторах и отделениях. В то время галицийские и буковинские филиалы осуществляли операции с ипотечными займами, учетом векселей, принимали вклады и финансировали крупных землевладельцев. Австро-венгерский банк, крупнейший в Австрии, принимал лишь векселя, связанные с торговыми операциями и не являвшиеся формой финансового кредита. Более свободную полити-

⁸⁸⁵ Барац С. М. Задачи вексельной реформы в России. – СПб.: Тип. Стасюлевича, 1896. – С. 67–69.

⁸⁸⁶ Лановик Б. Д., Матисякевич З. М., Матейко Р. М. Економічна історія України і світу. – К.: Вікар, 2001. – С. 371–372.

⁸⁸⁷ Лексис В. Кредит и банки. – М.: Перспектива, 1994. – С. 90–93.

⁸⁸⁸ Пасічник Ю. В. Бюджетна система України та зарубіжних країн. – К.: Знання-прес, 2002. – С. 192.

ку кредитования осуществляли частные банки, принимавшие к учету векселя, служившие целям финансового кредита.

В то время как Австро-венгерский банк учитывал векселя лишь по специальному банковскому проценту, частные банки принимали их по свободной дисконтной процентной ставке. Когда она длительное время была ниже официальной, Австро-венгерский банк уступал частным банкам по объему вексельных операций. Так, баланс счета векселей в Австро-венгерском банке в 1883 г. составлял 339 млн., в 1900 г. – 456 млн., а в 1912 г. – 1341 млн. крон; во всех частных банках в те же годы он был соответственно 578 млн., 1083 млн. и 3064 млн. крон. Скорость возрастания этой статьи баланса (хотя она и была обусловлена разными экономическими причинами) свидетельствует об увеличении роли банков в завершении перехода Австрии от аграрного государства к промышленному. Кроме того, важное место в банковской системе земель Западной Украины занимал Промышленный банк во Львове. Активно действовал и Буковинский краевой банк, выдававший займы под зерно, земельное обеспечение, соло-векселя и осуществлявший другие операции.

Еще больше распространились кредитно-вексельные операции на территории Польши после 1918 г., когда она стала независимым государством. Векселями пользовались даже крестьяне в наиболее экономически отсталых регионах. Позже, во время экономического кризиса 1930–1935 гг., вексельные долги привели к разорению многих из них⁸⁸⁹.

С целью упорядочения нормативных актов 3 июня 1919 г. в Польше была создана комиссия для кодификации гражданского права, которая, в частности, предусматривала ассимиляцию вексельного законодательства немецкой и французской систем, действовавших к тому времени на территории Польши. В результате этих мер вексельное право стало одной из первых унифицированных сфер частного права в Польше.

Подкомиссия торгового права под председательством профессора С. Врублевского начала работу в июне 1921 г.; редактирование проектов вексельного устава происходило на заседаниях с 22 по 28 июня 1921 г.⁸⁹⁰. Проект вексельного законодательного акта был разработан на основе доклада профессора А. Долинского, ориентировавшегося на унифицированное вексельное право, выработанное на международных конференциях в Гааге в 1910 и 1912 гг. Проект был принят в форме конвенции от 23 июля 1912 г., которая не была ратифициро-

⁸⁸⁹ Bednarczyk J. *Wesel w przystepny sposob*. – Warszawa: Beck, 2004 – S. 24–25.

⁸⁹⁰ Bednarczyk J. *Wesel w przystepny sposob*. – Warszawa: Beck, 2004 – S. 7.

вана из-за начала Первой мировой войны. Обсуждение проекта продолжалось в Варшаве в феврале 1922 г. и в Кракове в ноябре 1922 г. Наконец, 9 апреля 1923 г. проект вексельного устава был вынесен на рассмотрение сейма и сената, после чего принят в 1924 г.⁸⁹¹ Польский вексельный устав, действовавший и в Западной Украине, вступил в силу с 1 января 1925 г.

Конференция по вексельному праву, происходившая в Женеве, приняла 7 июня 1930 г. три международных конвенции. В конференции принимали участие представители Польши Я. Сулковский и Я. Намитневич. По предложению польской и итальянской делегаций была осуществлена попытка урегулировать вопрос о векселях *in blanco* (ст. 10 УВЗ). Поскольку французская делегация решительно выступала против законодательного признания этих векселей по причине опасности злоупотребления ими, то в Приложении II к конвенции была внесена ст. 3, в соответствии с которой любая из сторон оставляла за собою возможность не вводить в вексельный закон своей страны ст. 10 УВЗ. Эту статью разработал Я. Сулковский, но в УВЗ был использован лишь фрагмент его предложения. Законом от 28 апреля 1936 г. действие УВЗ было распространено на территорию Польши⁸⁹².

В конце XIX в. в Западной Украине, в том числе и в Буковине, широко распространилось ростовщичество, и крестьяне были лишены возможности взять кредит на приемлемых условиях (кредитный процент достигал 20%, что было намного выше, чем в странах Европы)⁸⁹³. Единственным выходом из этой ситуации было учреждение крестьянских банков и касс взаимопомощи.

Еще в 1868 г. в Галиции был создан Крестьянский банк, предоставлявший под залог земли займы буковинским крестьянам под 12% годовых. В 1909 г. был создан Украинский земельный ипотечный банк (акционерный капитал банка составлял 1 млн. крон), осуществлявший инвестиции в торгово-промышленные предприятия и выпускавший векселя.

В начале XX в. в экономике Западной Украины повысилась роль украинских кредитных учреждений, в частности уже упомянутого Украинского земельного ипотечного банка. Его акционерами были многие украинские землевладельцы, торговцы и промышленники. Банк

⁸⁹¹ Dolinski A. Polskie prawo wekslowe. – Poznan, 1925. – S. 52.

⁸⁹² Machnikowski P. Weksel własny in blanco. – Warszawa: Beck, 2002. – S. 16–17.

⁸⁹³ З історії кооперації на Буковині. – www.2000.cv.ua/2003/09/62. – С. 5.

осуществлял кредитные операции под залог земли и недвижимого имущества, выпускал векселя, инвестировал средства в различные торгово-промышленные кооперативные предприятия. Этот банк стал основным источником кредита для западноукраинской торговли, производства и кооперативов⁸⁹⁴. Кроме того, займы под залог земли, зерна и простых векселей предоставлял Буковинский краевой банк.

Поскольку в начале XX в. украинская кооперация не получала государственной поддержки, она была вынуждена использовать кредитный капитал частных банков. Хотя в 20-е годы XX в. в Польше наибольший разрешенный процент кредитных займов составлял 12% годовых (государственные банки предоставляли польским учреждениям кредит под 10% годовых и ниже), украинским кооперативам этот дешевый кредит был недоступен⁸⁹⁵.

В связи с инфляцией кредитная кооперация развернула свою деятельность позже других видов кооперации. Ее организация была двухуровневой – нижним звеном кредитной кооперации были Украинбанки и кредитные кассы (в западной Украине они получили название «райфайзенки» по имени Фридриха Вильгельма Райфайзена, немецкого общественного деятеля, основателя кредитных кооперативов в Германии).

Кроме банков кредиты предоставляли кредитные союзы, появление которых было обусловлено общим развитием кооперативного движения. После создания в 1898 г. Краевого кредитного союза (объединявшего значительную часть кредитных кооперативов), их количество значительно возросло. Кредитные кооперативы получили распространение не только в Галиции, но и на Буковине, где первые украинские кредитные кассы (райфайзенки) возникли еще в 1889 г.⁸⁹⁶

Сначала в этих кооперативах векселя не использовались из-за протестов крестьян, считавших их опасными для себя. Займы выдавались под специальные билеты (скрипты) без поручителей и без других формальных процедур, благодаря чему кредит стал действительно дешевым и доступным для крестьян. Позже было разрешено использование векселей⁸⁹⁷.

Основной проблемой сельских кредитных кооперативов была нехватка собственных средств, и поэтому активисты кооперативного

⁸⁹⁴ Лановик Б. Д., Матисякевич З. М., Матейко Р. М. Економічна історія України і світу. – К.: Вікар, 2001 – С. 382.

⁸⁹⁵ Коберський К. Про кредит і сільські каси (райфайзенки). – Львів: Накладом «Сільського господаря», 1928. – С. 14–15.

⁸⁹⁶ Лановик Б. Д., Матисякевич З. М., Матейко Р. М. Економічна історія України і світу. – К.: Вікар, 2001 – С. 362.

движения подчеркивали важность необходимости создания специального крестьянского банка, который мог бы кредитовать как отдельных крестьян, так и крестьянские кредитные кассы под небольшие проценты, получая прибыль от различия курса ценных бумаг, в том числе векселей. Наконец, в 1905 г. в соответствии с постановлением сейма был создан Краевой банк, в котором кредитный процент был незначительным – 4,5%. Кредиты предоставлялись под залог недвижимости на срок от 10 лет до 51 года.

В 1903 г. в Черновцах был создан союз сельских райфайзенков под названием Крестьянская касса (председателем союза, объединявшем в себе 174 кредитных кооператива, был профессор Черновицкого университета С. Смаль-Стоцкий). Украинбанки были городскими кредитными кооперативными учреждениями и сложными банковскими операциями они почти не занимались: предоставляли лишь кратко- и среднесрочные кредиты жителям городов и сел, используя для этого векселя.

Кредитные кассы (райфайзенки) создавались в больших селах, обслуживая исключительно крестьян и отличались от Украинбанков меньшей территорией охвата, а также неограниченной ответственностью их членов. Вступительный пай был низким – 10 злотых. В конце 1937 г. в западноукраинских землях было 543 райфайзенки, и 114 Украинбанков. Руководящим органом кредитных кооперативов Западной Украины был Центробанк – кредитный кооператив второго уровня, а его членами были в основном более мелкие кооперативы. Центробанк постепенно превращался в центральную кассу украинской кооперации. Банк финансировал как кредитную, так и закупочно-сбытовую деятельность, выпускал векселя, осуществлял инвестиции в различные торгово-промышленные кооперативные предприятия⁸⁹⁷. Кредитно-финансовые институты Западной Украины были ликвидированы лишь после включения западноукраинских земель в состав УССР, после чего вексельные операции там стали невозможны.

⁸⁹⁷ Коберський К. Про кредит і сільські каси (райфайзенки). – Львів: Наказом «Сільського господаря», 1928. – С. 33–37.

⁸⁹⁸ Подробное описание практики вексельных операций в Западной Украине приводится в работе О. Голинского (Голинський О. Вексель і чек у практиці. – 2-ге вид., доп. – Краків–Львів: Укр. вид-во, 1944).

3.10. ВЕКСЕЛЬ В ПЕРИОД НЭПА

После событий октября 1917 г., с началом политики военного коммунизма векселя были упразднены, так же, как и все другие виды ценных бумаг, поскольку предполагалась ликвидация частного торгового оборота. Поэтому и нормативные документы того времени, упоминавшие вексельные операции, касались преимущественно их запрета. Так, 13 октября 1919 г. был принят декрет СНК РСФСР «О взыскании по векселям, находящимся в портфеле народного банка». Данное постановление в директивном порядке ликвидировало вексельную давность и возможность судебного взыскания по векселям, в том числе и все другие нормы вексельного права. Лица, имевшие вексельные обязательства, становились должниками государственной казны.

С переходом к новой экономической политике (НЭП), когда началось возвращение к принципам рыночной экономики, были возрождены (хотя и с определенными ограничениями) товарно-денежные отношения и взаимное кредитование хозяйственных организаций. Работу предприятий и организаций – субъектов хозяйственной деятельности – снова начали определять рынок и товарные отношения. В этих условиях сложилась и система коммерческого кредита, основным инструментом которой стали векселя⁸⁹⁹; объем вексельных операций постепенно начал возрастать.

Вследствие этого 20 марта 1922 г. было утверждено Положение о векселях, имевшее 38 статей и действовавшее на территории РСФСР и УССР⁹⁰⁰. В основу Положения о векселях был положен устав 1902 г. Положение состояло из двух частей – о простых и переводных векселях. Сохранялись такие нормы устава 1902 г., как способность векселя к передаче, единый платеж вексельной суммы, абстрактность вексельного обязательства и запрет грационных дней.

В отличие от устава 1902 г., ст. 16 Положения о векселях определяла сущность переводного векселя как предложение векселедателя третьему лицу принять на себя вексельное обязательство, в то время

⁸⁹⁹ Пятаков Г. А., Певзнер А. М. Про кредитову реформу (за матеріалами всеукраїнської наради робітників держбанку). – Харків: Держ. вид-во України, 1930. – С. 9–10.

⁹⁰⁰ Позже оно было дополнено некоторыми другими нормативными документами, в частности Законом об установлении вексельных мораториев (Собрание законов СССР, 1924, №25, с. 211) и законом о порядке приостановки и отсрочки протестов по векселям (Там же, №41, с. 301) (Вальтер Ф. Вексель // Финансовая энциклопедия / Под общ. ред. Д. П. Боголепова, А. И. Буковецкого, Н. Н. Деревенко, Д. Г. Тарасова. – 2-е изд. – М. – Л.: Гос. изд-во, 1927. – С. 244).

как п. 86 устава 1902 г. рассматривал сущность переводного векселя как приказ. Положение подчеркивало преимущества векселя в условиях НЭП, а также общую ответственность перед держателем векселя векселедателя и всех субъектов, принимавших участие в передаче векселя. Кроме того, в Положении учитывались особенности вексельного обращения в СССР 20-х годов XX в., в частности то, что по размерам вексельной суммы преобладали векселя, выданные государственными предприятиями и учреждениями, а также кооперативными организациями⁹⁰¹.

Предполагалось, что платеж по векселям должен был осуществляться в рублях, а если вексель был выписан в иностранной валюте (что разрешалось лишь для векселей, выданных в другом государстве для оплаты в СССР, и для векселей, составленных в СССР для оплаты за границей), то вексельная сумма переводилась в рубли по официальному курсу. При этом платеж по векселю должен был осуществляться в месте его составления, если в самом векселе не было указано другое место (ст. 5).

Положение включало в себя все необходимые нормы для обеспечения оборота векселей как разновидности ордерных ценных бумаг. В соответствии с передаточными надписями на обороте векселя он мог передаваться неограниченное количество раз независимо от наличия в тексте векселя указания на то, что он был выдан определенному лицу или по его приказу (ст. 7). Лицо, передававшее вексель путем индоссамента, принимало на себя совокупную солидарную ответственность за платеж вместе с другими лицами, поставившими свои подписи на векселе, кроме тех случаев, когда к обычному тексту передаточной надписи добавлялись слова «без оборота на меня» (ст. 8, 9, 14)⁹⁰².

Векселедержатель имел полное право обратиться с требованием выплаты по векселю к любому из лиц, поставивших свою подпись на векселе независимо от очередности, в которой вексель переходил по

⁹⁰¹ Если в начале XX в. по данным Госбанка средняя валюта векселя в Российской империи равнялась 398 руб. (597 руб. для Москвы и Петербурга), то в первой половине 20-х годов XX в., после активизации экономической жизни, средняя валюта векселя существенно возросла и была в Ленинграде в 1924–25 годах в диапазоне от 3 570 руб. (Внешторгбанк) до 840 руб. (Сельхозбанк) (Шенгер Ю. Е. Вексель и вексельный оборот накануне кредитной реформы (Опыт анализа вексельного оборота Ленинграда) // Известия Ленинградского института народного хозяйства. Вып. 1. – Л., 1930. – С. 146).

⁹⁰² Однако в СРСР 20-х годов XX в. многократная передача векселя была достаточно редким явлением (Вальтер Ф. Вексель // Финансовая энциклопедия / Под общ. ред. Д. П. Боголепова, А. И. Буковецкого, Н. Н. Деревенко, Д. Г. Тарасова. – 2-е изд. – М. – Л.: Гос. изд-во. 1927. – С. 245–246).

передаточным надписям. Так в вексельных операциях во время НЭПа использовались принципы общей ответственности и судебная форма взыскания долга по опротестованным векселям.

К недоработкам Положения о векселях можно отнести недостаточную детализацию, в частности в отношении векселеспособности, которая, по мнению Б. Ф. Мовчановского, имела в то время лишь историческое значение, поскольку «...советское вексельное право таких ограничений не знает. Специальная вексельная правоспособность советскому праву не известна, а потому обязываться векселем могут все те, кто может вступать в договорные обязательства»⁹⁰³.

Поскольку признавалось, что право принимать вексельное обязательство предоставлялось всем дееспособным физическим лицам, а также юридическим лицам, имевшим право вступать в долговые отношения, то право принимать на себя вексельные обязательства распространялось и на государственные органы, несмотря на то, что их финансирование осуществлялось в плановом порядке на основе смет. Единственным условием была формальная обособленность этих органов от государства как субъектов гражданской правоспособности⁹⁰⁴.

В середине 20-х годов вексельная форма взаимоотношений между государственными и кооперативными предприятиями достаточно широко распространилась. В это время банки были приверженцами сохранения вексельных операций, а в прессе публиковались многочисленные статьи, посвященные улучшению советского векселя и общего усовершенствования системы вексельного обращения. Вексельное обращение настолько активизировалось, что возник вопрос кодификации вексельного законодательства, действовавшего на территории РСФСР и УССР, поскольку, как отмечал В. М. Гордон, хотя существуют законы, действующие и в РСФСР, и в УССР, ряд нормативных актов отличаются по своему содержанию. Это объясняется тем, что Положение о векселях 1922 г. неоднократно дополнялось и изменялось последующими декретами⁹⁰⁵.

С 1 января 1926 г. вступила в силу Инструкция учреждениям Госбанка по операциям учета векселей и специальных текущих счетов, обеспеченных векселями, принятая Народным Комиссариатом

⁹⁰³ Мовчановский Б. Ф. Вексель. – М.: Финанс. изд-во НКФ СССР, 1927. – С. 15–16.

⁹⁰⁴ Вальтер Ф. Вексель // Финансовая энциклопедия / Под общ. ред. Д. П. Боголепова, А. И. Буковецкого, Н. Н. Деревенко, Д. Г. Тарасова. – 2-е изд. – М. – Л.: Гос. изд-во, 1927. – С. 245.

⁹⁰⁵ Гордон В. И. Положение о векселях в частной кодификации. – Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1925. – С. XI.

финансов. Данная инструкция содержала много перспективных положений, но просуществовала недолго не только вследствие низкой вексельной дисциплины, но и изменений в экономической политике в целом.

В конце 20-х годов XX в. все больше распространялся командно-административный стиль руководства экономикой, что предполагало ликвидацию коммерческого кредита частным предприятиям и способствовало развитию государственных предприятий, которые в случае невыплаты по векселю освобождались от процедуры протеста и получали новые государственные дотации. В 1927–1928 гг. усилилась ориентация на жесткое обеспечение по плановым фондам и лимитам, что постепенно привело к ликвидации любых остатков экономической самостоятельности предприятий в распределении своих материально-финансовых ресурсов.

Как отмечал в 1927 г. С. М. Киселев, если «в начале новой экономической политики восстановление у нас вексельного товарооборота имело известное значение как практически целесообразной формы обращения для этого переходного периода, то в настоящее время по мере развития обобществленного сектора народного хозяйства вексель все более утрачивает свое полезное значение»⁹⁰⁶. К тому же, по его мнению, даже в условиях капиталистической экономики вместе с развитием банковской системы организация взаимных расчетов постепенно переходила от использования векселя к иным техническим приемам, разработанным для этих целей банками.

Началось общее наступление на экономические свободы, что вело к ликвидации форм частной собственности, возникших в период НЭПа. Для ограничения экономической и финансовой самостоятельности предприятий, а также их перехода к жесткому централизованному государственному снабжению необходимо было ликвидировать вексельное обращение и начать плановое государственное снабжение фондами в соответствии с лимитами.

В 1928 г. началась дискуссия о природе векселя и его значении в плановом хозяйстве СССР⁹⁰⁷, а в середине 1929 г. она приобрела острые формы, предшествуя появлению проекта Госбанка о полной ликвидации коммерческого кредита (и вексельного обращения) и пе-

⁹⁰⁶ Киселев С. М. Роль и значение векселя в частно-капиталистическом и советском хозяйстве // Кредит и хозяйство. – 1927. – № 10–11. – С. 165, 167.

⁹⁰⁷ Каценеленбаум З. С. К реформе кредитования товарооборота // Вестник финансов. – 1929. – № 6–7; Шер В. В. Кредитование товаропроводящей сети // Кредит и хозяйство. – 1929. – № 6; Лукейр Н. М. Современное состояние кредита и необходимость его реформы // Кредит и хозяйство. – 1929. – № 7–8.

переходе к другой форме кредитования – так называемому кредитованию покупателя.

Необходимость в ликвидации вексельных операций объяснялась быстрым развитием социалистических начал в народном хозяйстве и достаточным уровнем его планирования. Кроме того, приверженцы кредитной реформы и запрета векселя считали, что основным недостатком советского векселя было то, что он «почти немедленно после своего появления стремится попасть в банк для учета»⁹⁰⁸. Действительно, согласно данным по Ленинграду, большинство векселей имели срок от 1 до 15 дней, а половина из них – даже от 1 до 5 дней, то есть минимальный срок, необходимый для получения и передачи векселя⁹⁰⁹.

Основываясь на данных об использовании векселей в Сибири, М. Г. Гинзберг в 1928 г. отмечал, что значительное распространение приобрела практика выдачи в качестве учетного материала членами правления кооперативных союзов векселей приказа самого союза от лица кооперативов (и по их доверенности), входивших в систему союза. В лучшем случае эти векселя попадали в банк от третьих лиц, «а чаще всего от самих союзов в порядке учета»⁹¹⁰. Фабрикация векселей от лица и по доверенности кооперативов, входивших в систему кооперативного союза, приобрела массовый характер. Подобные явления рассматривались приверженцами кредитной реформы как признаки неудовлетворительного состояния вексельного обращения в СССР. Аргументы приверженцев ликвидации вексельного обращения сводились к утверждению, что при социализме невозможна вексельная строгость, поскольку она может привести к продаже собственности предприятия-должника.

Как отмечал С. М. Киселев, «вексель функционирует в качестве расчетного знака лишь в условиях благоприятного состояния рынка; при первом же более или менее значительном изменении конъюнктуры рынка несовершенство расчетной функции векселя проявляется с полной наглядностью». Именно поэтому, по его мнению, «капиталистический строй по мере усложнения своих организационных

⁹⁰⁸ Терушкин Ш. Г. О переходе крупнейших организаций на безвексельные расчеты и безвексельное кредитование // Кредит и хозяйство. – 1929. – № 4. – С. 21.

⁹⁰⁹ Шенгер Ю. Е. Вексель и вексельный оборот накануне кредитной реформы (Опыт анализа вексельного оборота Ленинграда) // Известия Ленинградского института народного хозяйства. – Л., 1930. – Вып. 1. – С. 154.

⁹¹⁰ Гинзберг М. А. Кредитование операций под соло-векселя // Кредит и хозяйство. – 1928. – № 6–7. – С. 33.

форм переходит... к более организованным формам построения кредита»⁹¹¹. Так он пришел к выводу, что по мере снижения в советской экономике роли частного капитала, использование векселей становится нецелесообразным.

В ходе дискуссии было признано, что использование векселя в СССР не только не нужно, но и вредно. Наибольшую критику вызывала абстрактность векселя и его универсальность, вследствие чего в хозяйственной деятельности 20-х годов XX в. довольно часто в форме векселя воплощались различные экономические отношения, по своей сути не имевшие ничего общего с векселем. Абстрактность векселя (и, вследствие этого, абстрактность денежного займа) признавались несовместимыми с самой природой планового хозяйства в СССР. Как способ решения проблемы предлагалось лишение векселя абстрактности, создание новых типов векселя в соответствии с типами хозяйственных операций, внедрение оборота переводных векселей и т. п.⁹¹².

Планы кредитной реформы встретили сопротивление со стороны многих хозяйственных организаций, справедливо усматривавших в реформе ограничения своей экономической независимости, и поэтому в середине 1929 г. была создана специальная правительственная комиссия, признавшая целесообразным прекращение эмиссии внутренних векселей синдикатов, сохраняя при этом вексельное обращение в целом как орудие межотраслевого товарно-денежного оборота.

Постепенно количество приверженцев кредитной реформы увеличивалось, поскольку она расширяла возможности планирования хозяйства и упрощала достаточно сложную систему взаимных расчетов, существовавшую в то время. Как отмечал Ю. Е. Шенгер, реформа должна была стать существенным шагом к укреплению плановости народного хозяйства в СССР и важным этапом в преобразовании Государственного банка в единый расчетный центр⁹¹³.

Одной из основных предпосылок того, что Госбанк выступил с предложением отказаться от коммерческого кредита и перейти к системе полного финансирования всех потребностей клиента банком была та, что при существующей системе банк имел незначительные

⁹¹¹ Киселев С. М. Роль и значение векселя в частно-капиталистическом и советском хозяйстве // Кредит и хозяйство, 1927. – № 10–11. – С. 170.

⁹¹² Шенгер Ю. Е. Вексель и вексельный оборот накануне кредитной реформы (Опыт анализа вексельного оборота Ленинграда) // Известия Ленинградского института народного хозяйства. – Л., 1930. – Вып. 1. – С. 138–139.

⁹¹³ Шенгер Ю. Е. Вексель и вексельный оборот накануне кредитной реформы (Опыт анализа вексельного оборота Ленинграда) // Известия Ленинградского института народного хозяйства. – Л., 1930. – Вып. 1. – С. 135–136.

возможности контроля за использованием предоставленных средств из-за абстрактности векселя и предоставления кредита через посредника (предъявителя векселя). В таких условиях значительно ограничивались возможности банка по планированию и регулированию экономической деятельности предприятий, что противоречило его задачам как основного банка СССР⁹¹⁴. Таким образом, коммерческая форма кредитования стала рассматриваться как неудачная, а вексель не только утратил свое значение, но и перестал быть основой для регулирования кредитного обращения и способом предоставления гарантий. Вексель стал «часто играть в нашем обороте отрицательную роль, являясь тормозом для регулирования кредитного оборота в плановом порядке»⁹¹⁵.

Вследствие дискуссии было принято правительственное решение о кредитной реформе, а Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 января 1930 г. «О кредитной реформе» окончательно ликвидировало использование коммерческого кредита и вексельного обращения. Ст. 1 постановления гласила: «Государственным органам, кооперативным организациям и смешанным акционерным обществам без участия иностранного капитала воспрещается отпускать товары и оказывать услуги друг другу в кредит. Этот кредит заменяется исключительно банковским кредитованием»⁹¹⁶. Осуществление кредитной реформы было поручено Государственному банку. Предполагалось, что ее реализация начнется 1 апреля 1930 г., а завершится в третьем квартале этого же года.

Как отмечалось в предисловии к материалам всеукраинского совещания работников Госбанка, кредитная реформа, осуществлявшаяся на основе данного постановления должна была способствовать дальнейшему интенсивному росту социалистических элементов народного хозяйства благодаря общему усилению использования плановых принципов в экономике⁹¹⁷.

Так в 1930 г. был ликвидирован коммерческий кредит и векселя как важнейший инструмент этого кредита. Исходя из того, что использование векселей во внешней торговле было обусловлено норма-

⁹¹⁴ Вейсброд А. О роли коммерческого кредита в советском хозяйстве // Кредит и хозяйство. – 1929. – № 4. – С. 18.

⁹¹⁵ Каценеленбаум З. С. К реформе кредитования оборота // Вестник финансов. – 1929. – № 6. – С. 12.

⁹¹⁶ Пятов М. А. Вексель: вопросы учета, анализа и налогообложения. – М.: Финансы и статистика, 1997. – С. 57–58.

⁹¹⁷ Пятаков Г. А., Певзнер А. М. Про кредитову реформу (за матеріалами всеукраїнської наради робітників держбанку). – Харків: Держ. вид-во України, 1930. – С. 5.

ми кредитной практики государств с рыночной экономикой, СССР присоединился 25 ноября 1936 г. к Женевской вексельной конвенции, подписанной 7 июня 1930 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР №104/1341 от 7 августа 1937 г. было утверждено Положение о переводном и простом векселе, которое, по сути, повторяло текст УВЗ, но на практике касалось лишь внешней торговли. Во внутреннем обороте в СССР векселя не использовались до начала 90-х годов.

3.11. ВЕКсельНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В УКРАИНЕ КОНЦА XX В.

В Украине, так же как и в других государствах, образовавшихся после распада СССР, возрождение вексельного обращения происходило в условиях рыночных реформ, в процессе поиска тех финансовых инструментов, которые могли бы (по крайней мере частично) решить проблему неплатежей государственных предприятий и преодолеть кризис взаимной задолженности.

Первое в украинском законодательстве упоминание о вексельном обращении содержится в Законе «О предприятиях в Украинской ССР» от 27.03.1991 г. Постановление Верховной Рады УССР №888 от 27.03.1991 г. «О порядке введения в действие Закона УССР «О предприятиях в Украинской ССР» предусматривало, что с 1.04.1991 г. начинает действовать этот закон, п. 5 (ст. 24) которого содержал положения о применении векселей для оформления отношений при предоставлении товарного кредита продавцам товаров (работ, услуг) и покупателям (потребителям).

После провозглашения независимости в Украине был принят Закон Украины «О правопреемстве Украины» от 12.09.1991 г. и постановление Верховной Рады Украины «О порядке временного действия на территории Украины актов законодательства СССР» от 12.09.1991 г. Эти законодательные акты подтверждали действие на территории Украины Женевских конвенций и Положения о переводном и простом векселе, принятого ЦИК и СНК СССР от 7.08.1937 г. №104/1341.

Спустя некоторое время появились специальные законодательные акты, которые регулировали вексельное обращение. Так, 18.06.1991 г. было принято постановление Верховной Рады УССР №1202-ХІІ «О порядке введения в действие Закона Украинской ССР «О ценных бумагах и фондовой бирже», вступившее в силу с 01.01.1992 г. Согласно ст. 21 данного закона порядок выпуска и оборота векселей должен определить Кабинет Министров Украины (что было поручено сделать до 01.10.1991 г.).

В ст. 3 этого закона отмечается, что вексель относится к ценным бумагам, а в ст. 21 дается определение векселя как ценной бумаги, которая удостоверяет безусловное денежное обязательство векселедателя уплатить после наступления срока указанную сумму денег векселедер-

жателю. На сегодняшний день это единственное определение векселя, данное на уровне действующего в Украине законодательства. Кроме того, в ст. 21 отмечалось, что выпускаются два вида векселей – простой и переводной; приводились их обязательные реквизиты.

В 1991 г. появились письма НБУ от 09.09.1991 г. №16042 и Минфина Украины от 02.10.1991 г. №03-304. 8-4481, где были высказаны предложения о необходимости использования Положения о переводном и простом векселе, утвержденного постановлением ЦИК и СНК СССР от 07.08.1937 № 104/1341.

Наконец, 17.06.1992 г. было принято постановление Верховной Рады Украины №2470-XII «О применении векселей в хозяйственном обороте Украины», в соответствии с которым вводилось вексельное обращение с использованием простых и переводных векселей в соответствии с Женевской конвенцией №358. В данном постановлении Кабинету Министров и НБУ было поручено разработать правила изготовления и использования вексельных бланков (действующее к тому времени Положение о переводном и простом векселе 1937 г. не упоминает об этом, останавливаясь лишь на необходимых реквизитах векселя).

В постановлении Верховной Рады Украины о применении векселей четко определено, что в вексельном обращении используются простой и переводной вексель в соответствии с нормами Женевских конвенций 1930 г. Однако, несмотря на то, что данным постановлением было предусмотрено ввести в Украине вексельное обращение с использованием простых и переводных векселей, в документе не было сказано, что на территории Украины действуют три Женевских конвенции.

Кабинет Министров Украины и НБУ общим постановлением от 10.09.1992 г. №528 утвердили «Правила изготовления и использование вексельных бланков», которые до вступления в силу Закона Украины «Об обороте векселей в Украине» 5.04.2001 г. были основным документом, регулировавшим вексельное обращение в Украине. «Правила...» предусматривали (ч. 2, п. 1), что до утверждения порядка выпуска и обращения векселей использование вексельных бланков осуществляется в соответствии с постановлением ЦИК и СНК 1937 г., но с учетом определенных особенностей вексельного обращения в Украине. Две из них соответствовали Унифицированному закону (УВЗ): 1) в хозяйственном обороте Украины могут использоваться переводные и простые векселя; 2) сумма платежа обязательно указывается цифрами и буквами. Еще две особенности касались заполнения векселя: 1) вексельный бланк может заполняется как печатными буквами, так и от руки; 2) вексель подписывает руководитель и главный бухгалтер.

Две следующих особенности еще больше ограничивали возможности вексельного обращения в Украине. Так, в абз. 2 п. 1 раздела II «Правил...» №528 было определено, что векселедателями и векселедержателями могли быть лишь юридические лица – субъекты предпринимательской деятельности. Не могут пользоваться векселями как физические лица (частные предприниматели), так и юридические лица, не являющиеся субъектами предпринимательской деятельности. Однако

в абз. 3 п. 1 раздела II указано, что Министерство финансов Украины и НБУ, не являющиеся субъектами предпринимательской деятельности, также имеют право выпускать векселя. Позже был принят ряд законодательных и нормативных актов, в соответствии с которыми векселедателями могут быть органы Пенсионного фонда и Государственного казначейства, также не являющиеся субъектами предпринимательской деятельности. Еще одним существенным ограничением, принятым «Правилами...» №528, было то, что векселя могли выдаваться лишь для оплаты за поставки продукции, выполненную работу и предоставленные услуги (кроме векселей Министерства финансов, НБУ и коммерческих банков).

В течение нескольких лет векселя не очень активно использовались в хозяйственных операциях. С 1995 по 2000 гг. было принято несколько новых законов, других нормативных документов и официальных разъяснений, дополнявших рассмотренные выше документы. Постепенно вексельное обращение в Украине расширялось, чему способствовали указ Президента Украины от 04.03.1998 г. №167/98 «О мероприятиях по повышению ответственности за расчеты с бюджетом и целевыми фондами», которым устанавливался запрет на заключение соглашений перевода долга. После этого предприниматели стали активно использовать векселя как средство расчета с помощью третьих лиц; расширилось использование векселей и для финансового кредитования, а также бюджетных расчетов для покрытия задолженности бюджетных организаций перед субъектами предпринимательской деятельности и бюджетными целевыми фондами (прежде всего – Пенсионным фондом).

В июле 1999 г. Верховная Рада Украины приняла три закона о присоединении к трем Женевским вексельным конвенциям⁹¹⁸, а сами Женевские конвенции начали действовать в Украине с 6 января 2000 г.⁹¹⁹. Присоединение Украины к Конвенции №358 не только продемонстрировало независимость украинского вексельного законодательства от вексельного законодательства бывшего СССР (имеется в виду постановление 1937 г.), но и предоставило Украине возможность воспользоваться правом применить любые оговорки из указанных в Приложении II. СССР в 1937 г. не использовал этого права. Не исполь-

⁹¹⁸ Закон №826-XI «О присоединении Украины к Женевской конвенции 1930 г., которой введен Унифицированный закон о переводных векселях и простых векселях» (в соответствии с этим законом присоединение к Женевской конвенции осуществлено с учетом поправок, обусловленных Приложением II к этой конвенции); Закон №827-XIV «О присоединении Украины к Женевской конвенции 1930 г. об урегулировании некоторых коллизий законов о переводных векселях и простых векселях»; Закон №828-XIV «О присоединении Украины к Женевской конвенции 1930 г. о гербовом сборе относительно переводных векселей и простых векселей».

⁹¹⁹ Информационное письмо Министерства иностранных дел от 03.02.2000 г. №4, 3/7–612–126.

зовала его и Верховная Рада Украины, принимая постановление от 17.06.1992 г. «О применении векселей в хозяйственном обороте Украины», поскольку для внесения в УВЗ легитимных поправок необходимо было предварительное присоединение к Конвенции №358.

4 мая 2001 г. был опубликован Закон Украины «Об обращении векселей в Украине» (далее – ЗО), ставший первым национальным документом на уровне закона, регулирующим вексельное обращение в Украине. Этим Законом были определены те поправки из Приложения II, которые используются в Украине.

Ст. 1 ЗО определяет, что в законодательство Украины о вексельном обращении входит прежде всего Женевская конвенция 1930 г., которой был введен Унифицированный закон о переводных и простых векселях с учетом поправок, обусловленных Приложением II к этой Конвенции⁹²⁰. Кроме того, в вексельное законодательство входит Женевская конвенция 1930 г. об урегулировании некоторых коллизий законов о переводных векселях и простых векселях⁹²¹; Женевская конвенция 1930 г. о гербовом сборе относительно переводных векселей и простых векселей⁹²². Кроме того, в украинское вексельное законодательство входит Закон «О ценных бумагах и фондовой бирже» и прочие нормативные акты.

Проанализируем положения Закона Украины «Об обороте векселей в Украине» №2374–III, которые определяют особенности вексельного обращения в Украине. Статья 2 ЗО определяет особенности действия УВЗ в Украине и рекомендует использование не всех 23 поправок, а лишь тех, которые обусловлены в ст. 3, 7, 9, 10 и 13 Приложения II к Унифицированному закону.

Так, п. 1 ст. 2 ЗО определяет, что ст. 10 УВЗ (регламентирующая оборот бланковых векселей) в Украине не используется. Как известно, ст. 10 не содержит подробных положений о бланковом векселе и посвящена одному вопросу: если вексель не был полностью заполнен в момент выдачи, или был потом заполнен не в соответствии с зак-

⁹²⁰ Украина присоединилась к этой конвенции после принятия Закона Украины «О присоединении Украины к Женевской конвенции 1930 г.» от 06.07.99 г. №826-XIV.

⁹²¹ Украина присоединилась к этой Конвенции после принятия Закона Украины «О присоединении Украины к Женевской конвенции 1930 г. об урегулировании некоторых коллизий законов о переводных векселях и простых векселях» от 06.07.99 г. №827-XIV.

⁹²² Украина присоединилась к этой конвенции после принятия Закона Украины «О присоединении Украины к Женевской конвенции 1930 г. о гербовом сборе относительно переводных векселей и простых векселей» от 06.07.99 г. № 828-XIV.

люченным соглашением, то к его владельцу нельзя предъявлять претензии по этому поводу кроме тех случаев, когда он приобрел такой вексель с нечестными намерениями или проявил невнимательность во время его приобретения.

Пунктом 2. ст. 2 ЗО были внесены изменения в порядок оплаты по векселю, выданному в иностранной валюте. Так, согласно ст. 41 УВЗ уплата по переводному векселю может быть осуществлена в местной валюте в случае чрезвычайных обстоятельств (например, если та валюта, в которой выдан вексель, не имеет хождения в месте осуществления платежа). Это правило не использовалось, если трассат обусловил, что платеж необходимо осуществить в определенной валюте. Однако в п. 2 ст. 2 ЗО отмечается: если трассат указал, что оплату необходимо осуществить в валюте, определенной в векселе, она осуществляется в национальной валюте по курсу НБУ на день срока оплаты, а при просрочке оплаты (на усмотрение держателя векселя) может быть использован курс на момент осуществления платежа. Таким образом, ЗО предусматривает, что в Украине вексель, выданный в иностранной валюте, может быть погашен лишь в национальной валюте Украины (и только в особых случаях – в иностранной валюте по индивидуальной лицензии НБУ). Присоединившись к этой поправке, Украина фактически признала существование чрезвычайных обстоятельств.

В соответствии с п. 3 ст. 2 ЗО юридические ситуации, указанные в абз. 3 ст. 44 УВЗ, предполагают, что протест в неплатеже по переводному векселю, который подлежит уплате в определенный срок (либо через определенное время от момента составления или предъявления) должен быть осуществлен в день, когда вексель подлежит оплате, или в течение двух рабочих дней, следующих за днем, в который вексель подлежит оплате.

Проанализируем специфику положений п. 4 ст. 2 ЗО. Статья 10 Приложения II к УВЗ предусматривает, что законодательство любой из стран, присоединившихся к УВЗ, имеет право точно определять юридические ситуации, предусмотренные в пп. 2 и 3 ст. 43, а также в абз. 6 ст. 44. При этом держатель векселя может использовать свое право регресса против индоссантов, трассанта и других участников вексельного обязательства в таких случаях: при наступлении срока платежа, если платеж не был осуществлен; при наступлении срока платежа в случае банкротства трассата (независимо от того, был ли осуществлен им акцепт); в случае приостановления им платежей, даже если это обстоятельство и не было установлено судебным реше-

нием; в случае безрезультатного обращения взыскания на его имущество. Пункт 4 ст. 2 ЗО предусматривает, что держатель векселя может использовать свое право регресса только при нарушении дела о банкротстве трассата и при признании его банкротом. Подобные ограничения можно видеть и в абз. 6 ст. 44 УВЗ, но там речь идет о признании трассата банкротом, в то время как в ЗО речь идет об объявлении трассата банкротом.

Существенные, на наш взгляд, ограничения вексельного обращения в Украине создает п. 5 ст. 2 этого закона. Если п. 2 ст. 48 и п. 2 ст. 49 УВЗ обуславливают проценты по неакцептованному или неуплаченному векселю в размере 6% от суммы, то ЗО предусматривает, что проценты на вексельную сумму начисляются на основе размера учетной ставки НБУ. Поскольку учетная ставка в Украине достаточно высока, это явно тормозит развитие вексельного обращения.

Согласно ст. 3 ЗО (которая опирается на ст. 2 Конвенции №359, где указано, что способность лица принимать на себя обязательства по переводным или простым векселям определяется национальным законодательством) выдавать векселя и получать их могут юридические и физические лица, которые являются субъектами предпринимательской деятельности.

Согласно ст. 4 ЗО переводные и простые векселя могут выдаваться лишь для оформления денежного долга за фактические поставки товаров, выполненные работы или предоставленные услуги. При этом сумма платежа по векселю не может превышать стоимости товаров, работ и услуг, а при заключении соответствующего договора в него непременно должно быть внесено условие, что расчеты будут осуществляться с использованием векселей.

На наш взгляд, важным моментом в данной статье является то, что проведение расчетов с применением векселей обязательно должно отображаться в соответствующем договоре. Если в соответствии с договором выдается вексель, то денежные обязательства по договору прекращаются и возникают обязательства по выданному векселю. Таким образом, в соответствии с этим положением в Украине вексель имеет исключительно товарный характер. О финансовых банковских векселях, в отличие от Положения №528, ЗО вообще не упоминает.

Еще одно существенное ограничение вексельного обращения содержится в п. 3 ст. 5 ЗО, в соответствии с которым вексель от имени юридического лица должен быть подписан руководителем и главным бухгалтером; их подписи должны быть заверены печатью. Несмотря на привычность такой практики оформления документов в Украине,

нельзя не отметить явное противоречие данного положения с УВЗ, согласно ст. 7–8 которого вексель должен содержать лишь одну подпись; для его заверения не нужна печать. В данном положении усматривается не только разногласие с УВЗ, но и с Законом Украины №3767-ХІІ от 22.12.1993 г. «О международных договорах Украины», согласно которому, если международным договором предусмотрены иные правила, чем украинским законодательством, то должны применяться правила международного договора.

Кроме того, ст. 6 данного закона определяет, что вексельные платежи на территории Украины осуществляются исключительно в безналичной форме; ст. 9 регулирует особенности выдачи (индоссирования) векселей для нерезидентов, а также другие условия проведения расчетов между резидентами и нерезидентами во внешнеэкономической деятельности (в УВЗ об этом вообще не упоминается).

Еще одним ограничением вексельного обращения можно считать требование ст. 10 ЗО вести реестр выданных векселей по форме, утвержденной ГКЦБФР. При этом не определен механизм контроля ведения такого реестра физическими лицами, и конкретные меры ответственности за невыполнение этого в законе не предусмотрены.

Статья 12 ЗО запрещает использовать векселя как взнос в уставный фонд хозяйственных обществ, что противоречит ст. 4 этого же закона, в соответствии с которой товарность векселя является обязательной. На наш взгляд, это положение также существенно ограничивает вексельное обращение.

К прогрессивным моментам ЗО можно отнести расширение круга лиц, участвующих в вексельном обращении. Так, с 1.01.2002 г. принимать вексельные обязательства и приобретать право по простым и переводным векселям могут не только юридические, но и физические лица, причем не только предприниматели, но и покупатели товара, которые с помощью выписанного векселя получают кредит без осложненной процедуры оформления.

Кроме того, ЗО разрешает выдачу и индоссамент за границу как простых, так и переводных векселей для расчетов с нерезидентами по внешнеэкономическим контрактам. Однако в контракт при этом должно быть включено условие, что расчет будет осуществляться с помощью векселя (в соответствии с валютным законодательством Украины)⁹²³. Также ЗО устанавливает, что Кабинет Министров Украины должен определять порядок для бюджетных организаций, согласно

⁹²³ Указ Президента Украины от 07.03.2001 г. №162/2001 «О признании утратившей силу статьи 1 указа Президента Украины от 2 ноября 1993 г. №504».

которому они могут в отдельных случаях использовать переводные и простые векселя (ст. 3). До приведения в соответствие с 3О нормативно-правовых актов, регулирующих вексельное обращение в Украине, эти акты будут действовать в той своей части, которая не противоречит 3О (ст. 14, п. 4).

Необходимо остановиться на вопросе о функциях расчетных палат. В соответствии со ст. 39 УВЗ предъявление переводного векселя в расчетную палату является равнозначным предъявлению векселя к платежу. Согласно ст. 7 3О эти функции должны выполнять органы Государственного казначейства Украины и учреждения банков, которые осуществляют расчетное обслуживание векселедателей и трассантов (постановление Правления НБУ «Об утверждении Положения о расчетных палатах для предъявления векселей к платежу» от 25.09.2001 г. №403). Данное Положение приобрело силу с 16.10.2001 г. и предусматривает, что в соответствии со ст. 38 УВЗ и ст. 7 3О функции таких палат в Украине выполняют учреждения банков, в которых открыты текущие счета плательщика по векселю.

В частности, ст. 4 Положения предусматривает, что в случае поступления в учреждение банка письменного запроса от лица, которое может документально подтвердить, что является векселедержателем определенных векселей, учреждение банка обязано в течение двух рабочих дней предоставить письменное подтверждение возможности выполнения им функции расчетной палаты, но лишь в случае наличия договора между учреждением банка и плательщиком по векселю о возможности подтверждения учреждением банка своего статуса расчетной палаты.

Появление данного Положения объясняется тем, что в Украине проблема предъявления векселей существует с самого начала возрождения вексельного оборота. Эта проблема состоит в том, что известны случаи, когда плательщики по векселю, не желая платить долг, заявляют в суде, что им не предъявляли к оплате данный вексель и, соответственно, судебный иск безоснователен. Такая ситуация, на наш взгляд, отчасти была обусловлена тем, что положение 1937 г., на основе которого длительное время осуществлялось вексельное обращение в Украине, не предусматривало возможности предъявления векселя в расчетную палату.

С принятием Положения факт предъявления векселя к уплате стало трудно отрицать, поскольку согласно ст. 38 и ст. 77 УВЗ предъявление как переводных, так и простых векселей в расчетную палату является равнозначным предъявлению векселя к оплате. Положение

предусматривает семь этапов в осуществлении учреждениями банков функций расчетных палат: 1) подача векселедержателем заявления о намерении предъявить вексель к оплате; 2) согласие учреждения банка выполнять функцию расчетной палаты; 3) уведомление банком плательщика по векселю; 4) уведомление плательщиком расчетной палаты о своей реакции на желание векселедержателя получить платеж по векселю; 5) предъявление векселя к платежу; 6) уплата по векселю; 7) передача векселя плательщику (при его уплате) или возвращение векселедержателю (если вексель не был оплачен). Кроме того, п. 4 раздела 1 Положения предусматривает, что банки могут способствовать информированию векселедержателя о возможности выполнения ими функции расчетной палаты.

—

Хотя нормативные документы, которые определяют правила оборота векселей в Украине (прежде всего Закон Украины «Об обращении векселей в Украине») достаточно детально разработаны, оценка того, насколько введенные этим законом изменения влияют на развитие вексельного обращения, неоднозначна. При создании ЗО был использован опыт вексельных операций начала XX в., а новейшие тенденции эволюции вексельного рынка в экономически развитых странах, проявившиеся в конце XX в. (использование коммерческих бумаг, банковских акцептов и т. п.) не нашли надлежащего отображения в украинском вексельном законодательстве.

К тому же, вексельное обращение в Украине возобновилось в условиях кризиса неплатежей, а расчетно-платежная функция векселей вытеснила функцию кредита и стала ведущей. Об этом свидетельствует, в частности, применение векселей для зачисления взаимных требований, погашения неплатежей и построения расчетно-платежных цепочек. Деформация функций векселя в Украине конца XX в. и его использование как расчетного средства препятствует применению векселя по назначению как инструмента коммерческого кредита, а вследствие этого мешает оздоровлению и укреплению финансового состояния предприятий.

Кроме того, на финансовом рынке Украины векселя, которые многократно передаются, практически не обмениваются на деньги, а используются в качестве оборотного инструмента. Как отмечает М. М. Коваль, в украинской экономике вексель является заменителем денег в 99 случаях из 100, поскольку уплата по векселям осуществляется путем погашения взаимной встречной задолженности поставщи-

ков товаров, работ и услуг⁹²⁴. Поэтому векселя в экономике Украины обслуживают лишь ограниченный вид торговых операций и в большинстве случаев поступают к поставщикам высоколиквидной продукции или к структурам с большим объемом денежных потоков, таких как «Укрзализныця», «Укртелеком», предприятиям топливно-энергетического комплекса.

Среди основных типов векселей, которые использовались на украинском финансовом рынке, необходимо отметить казначейские, корпоративные, налоговые, региональные и пенсионные векселя⁹²⁵. Начало выпуска казначейских векселей в 1996 г. стало толчком для развития вексельного обращения в Украине. Однако почти полтора года казначейские векселя в обороте фактически не встречались, лишь иногда появлялись сообщения об использовании государством казначейских векселей как залога под кредиты, полученные у негосударственных финансовых структур.

Хотя уже созданы законодательная база и механизм функционирования казначейских векселей⁹²⁶, их возможности в эффективном покрытии дефицита государственного бюджета, а также их активная роль в формировании базовой ставки ценных бумаг на фондовом рынке используются недостаточно.

Во второй половине 90-х годов XX в. на украинском вексельном рынке приобрели распространение корпоративные векселя. Специфика их использования в Украине состояла в основном в выкачивании средств из государственных предприятий. Промышленные предприятия вынуждены были продавать векселя с огромным дисконтом, чтобы получить от финансовых посредников необходимые в производственном цикле деньги.

Наивысший пик торговли корпоративными векселями отмечался в период массовых неплатежей в топливно-энергетическом комплексе. Долги за электроэнергию оформлялись векселями, которые продавались с большим дисконтом, доходившим иногда до 50%. После этого такие векселя сосредоточивались в частных структурах,

⁹²⁴ Коваль М. М. До питання оцінки ринкової вартості векселів // Фондовий ринок. – 2000. – № 11. – С. 12.

⁹²⁵ Демківський А. В. Вексельний обіг в Україні: Навч. посібник. – К.: ВІРА-Р, 2003. – С. 101.

⁹²⁶ Основным нормативным документом, определяющим правила оборота казначейских векселей, является Инструкция Главного управления Государственного казначейства и Государственной налоговой администрации Украины «О применении Порядка выкупа кредиторской задолженности дотационных предприятий», утвержденная приказом №100/219 от 21.04.1999 г.

которые получали благодаря этому значительные прибыли. Таким образом с помощью векселей происходило перемещение средств из государственных предприятий топливно-энергетического комплекса в частные фирмы, которые потом за эти векселя смогли приватизировать большинство государственных предприятий⁹²⁷. Несмотря на отмеченные отрицательные стороны в истории «энерговекселей», они были не только первыми ведомственными (то есть, в сущности, корпоративными) векселями, выпущенными Министерством энергетики, но и вообще первыми векселями, приобретшими массовое распространение на украинском рынке ценных бумаг.

Еще одной специфической разновидностью векселей на украинском вексельном рынке являются налоговые векселя. Это простые векселя, которые выдаются налогоплательщиками (по их желанию и согласию) с целью отсрочки платежей по налоговым обязательствам.

Отсутствие достаточного количества денег в обороте и кризис неплатежей привели к использованию векселей не только ведомств энергокомплекса, но и администраций отдельных регионов Украины. Принцип использования так называемых региональных векселей связан с механизмом передачи в региональные бюджеты налогов. В мае 1999 г. Кабинет Министров Украины утвердил Порядок выпуска и оборота векселей областных государственных администраций, что позволяло осуществлять зачисление платежей в местные бюджеты. После этого руководители областей начали разрабатывать и вводить собственные системы зачисления. Таким образом схема использования региональных векселей заменила собой существовавшую ранее систему взаимозачетов.

Финансовый дисбаланс отдельных сфер украинской экономики обусловил появление форм векселей с существенными отклонениями от общепризнанных норм вексельного права. Примером таких модифицированных векселей являются не только векселя, выданные во время принудительного зачисления взаимной задолженности или для расчетов за электроэнергию или региональные векселя, но и векселя, связанные с отсрочкой задолженности платежей в Пенсионный фонд Украины. Это так называемые пенсионные векселя, содержащие в тексте условие «для обеспечения платежей в Пенсионный фонд», что недопустимо для классических векселей.

⁹²⁷ Вексельное обращение /Аваков А. Б., Гаевой Г. И., Бещанов В. А. и др. – Харьков: Фолио, 2000. – С. 91.

Несмотря на сложную макроэкономическую ситуацию в Украине, затормозившую деятельность финансовых рынков, вексельное обращение не просто существует, но и играет важную стабилизирующую роль. По данным Государственного комитета статистики Украины⁹²⁸ можно проследить динамику изменений стоимости ценных бумаг и, в частности, векселей (таблица 3.11.1.)

Таблица 3.11.1.

**Соотношение стоимости ценных бумаг и векселей
с 1993 по 2004 гг. (1993–1995 гг. – млрд. крб.; 1996–2004 гг. – млрд. грн.)**

Год	Всего ценных бумаг	Векселя		Казначейские обязательства	
	млрд.	млрд.	%	млрд.	%
1993	4557,8	–	–	1206,9	26,5
1994	5708,5	30,1	0,5	1223,9	21,4
1995	55122,8	31401,4	57,0	1,2	0,0
1996	1994,6	550,5	27,6	52,8	2,6
1997	5103,6	780,4	15,3	76,5	1,5
1998	12320,0	1359,2	11,0	29,6	0,3
1999	21909,8	4704,2	21,5	–	0,2
2000	34406,2	9800,8	28,5	–	–
2001	52950,8	14863,0	28,1	–	–
2002	67483,1	20120,0	29,8	–	–
2003	88818,1	26720,0	30,1	–	–
2004	113888,2	31137,4	27,3	148,7	0,1

Анализ структуры вексельной массы в Украине дал возможность выделить некоторые ее характерные особенности:

- 1) абсолютное преобладание простых векселей;
- 2) отсутствие коммерческих бумаг в традиционном понимании (ценных бумаг с большим номиналом, которые распространяются преимущественно среди банков и институциональных инвесторов);
- 3) доминирующее использование векселя как расчетного средства и вытеснение кредитной функции;
- 4) крупная валюта векселей, абсолютное преобладание их в обороте крупного бизнеса и малое использование вексельных операций в среднем и малом бизнесе;
- 5) преобладание дисконтных векселей над процентными, что свидетельствует об ограниченности использования векселей как заменителя депозитов;

⁹²⁸ Статистичний щорічник України за 2003 рік. – К.: Консультант, 2004.

6) превращение значительного количества векселей в проблемные активы уже на момент их выдачи;

7) погашение векселей подавляющим большинством векселедателей товарами, а не деньгами;

8) распространение долговых обязательств, основанных на вексельном праве, но не являющихся векселями (налоговые и казначейские векселя);

9) наличие ведомственных векселей («энерговекселя», «газовые векселя»).

Среди других тенденций развития вексельного обращения в Украине можно назвать снижение прибыльности вексельного рынка и возрастание денежного наполнения векселя. Кроме того, происходит уменьшение количества спекулятивных операций на вексельном рынке (это связано со снижением прибыльности векселя) и ослабление интереса к вексельному рынку тех его участников, которые ориентировались на спекулятивные операции и высокую прибыльность.

ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Простейшие формы письменных долговых обязательств появились независимо друг от друга в разных странах и разные эпохи – везде, где торговля и товарно-денежный оборот достигали достаточно высокого уровня развития. Экономические причины возникновения векселя возникли так же давно, как и торговля на дальние расстояния, которая всегда была сопряжена и с неудобством перевоза больших сумм денег, и с риском их утраты.

Первые из известных нам долговых обязательств появились в Вавилонии, а наиболее развитыми за пределами Европы были институты таких обязательств в Китае (с VIII в.) и Арабском халифате (в X–XIII вв.). Как древние прототипы векселя, так и неевропейские формы письменных долговых обязательств действительно имели определенное сходство с классическим векселем европейского типа, однако это было не более чем сходство. Они были основаны на иных системах права, чем и объясняется нетождественность этих письменных долговых обязательств векселю европейского типа.

Что же касается европейского векселя, появившегося в Италии в XII в. (в данном случае неважно, под арабским влиянием или без такого влияния – эта проблема достаточно подробно обсуждена в монографии), его история также была не столь однозначной. Поскольку в различных регионах Европы были свои национальные особенности торговых обычаев, специфические формы принимали и письменные долговые обязательства (обязательственные письма на севере Европы, в частности в Англии и городах Ганзейского союза, возникшие под влиянием еврейских купцов мамраны, распространенные в Польше и Украине; облиги времен Гетманщины и долговые кабалы в России). В некоторых случаях эти подобные векселю кредитные инструменты были со временем вытеснены унифицированным векселем (в Украине, как и в России, отражением этой национальной специфики стало преобладание простых векселей, в Польше особенно широко распространились бланковые векселя). Беспрепятственно развиваться эти особенности смогли в Англии, что и привело к возникновению отдельной и своеобразной системы англо-американского вексельного права, оказывающего сегодня, в эпоху глобализации, разностороннее влияние на европейскую систему континентального вексельного права.

В конце XX в., с началом постиндустриальной эпохи, вексель претерпел дальнейшую эволюцию, что было вызвано особенностями экономики постиндустриального общества: производство и потребление приобрели глобальный, транснациональный характер, такими

же глобальными стали финансовые потоки. Развитие электронных средств коммуникации привнесло новшества в банковский бизнес и способы осуществления платежей, а также привело к расширяющемуся использованию электронных документов, снабженных цифровой подписью. Все большее значение приобретают новые виды долговых обязательств – коммерческие бумаги, которые можно считать формами дальнейшей эволюции вексельного обязательства.

Хотя сегодня сохраняются определенные специфические отличия между рынками коммерческих бумаг в США и странах ЕС, все более актуальной становится интеграция этих рынков, с одной стороны, и взаимодействия с этими рынками государств Восточной Европы (в частности Украины) – с другой. Проблема такой интеграции и является перспективным направлением дальнейших исследований автора.

ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
ВЕКСЕЛЯ

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. М. В старом Китае. Дневник путешествия 1907 г. – М.: Наука, 1958.
2. Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860-1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. – Л.: Наука, 1991.
3. Античная Греция. Проблемы развития полиса: В 2 т. / Отв. ред. Е. С. Голубцова. – М.: Наука, 1983. – Т. 1. Становление и развитие полиса. Т. 2. Кризис полиса.
4. Аристов Н. Промышленность древней Руси. – СПб., (без изд-ва), 1866.
5. Барац С. М. Курс вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893.
6. Барац С. М. Задачи вексельной реформы в России. – СПб. Тип. Стасюлевича, 1896.
7. Барон Ю. Система римского гражданского права. – СПб.: Изд. книжного магазина К. К. Мартынова, 1910.
8. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. – М.: Юрид. лит-ра, 1984.
9. Белов В. А. Очерки по вексельному праву. – М.: ЮрИнфоР, 2000.
10. Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. – М.: Мысль, 1971.
11. Бервено С. Н., Яроцкий В. Л. Правовое регулирование вексельного обращения в Украине. – Харьков: Право, 2001.
12. Бережнов М. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1879.
13. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. – М.: Изд-во МГУ, 1994.
14. Бимман А. Б. История банков. – СПб.: Типография Г. А. Шумахера и Б. Д. Брукера, 1917.
15. Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. – М.: Вост. дом, 2002.
16. Боголепов М. И. Государственный банк и коммерческий кредит // Банковая энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. проф. Л. Н. Яснопольского. – Т. 1. Коммерческие банки. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1914.
17. Большаков А. М., Рожков Н. А. История хозяйства России в материалах и документах. Вып. 1. – 2-е изд. – Л.: Гос. изд-во, 1926.
18. Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.: Социально-экономические отношения. – 2-е изд. – М.: Изд-во вост. лит-ры РАН, 2001.

19. Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.). – М.: Госфиниздат, 1958.
20. Бродель Ф. Что такое Франция?: В 2 кн. Кн. 1. Пространство и территория. – М.: Изд-во им. Сабашиниковых, 1994.
21. Бродель Ф. Что такое Франция?: В 2 кн. Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 1–2. – М.: Изд-во им. Сабашиниковых, 1995.
22. Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 1. Структури повсякденності: можливе і неможливе. – К.: Основи, 1995.
23. Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 2. Ігри обміну. – К.: Основи, 1997.
24. Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: У 3 т. Т. 3. Час світу. – К.: Основи, 1998.
25. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II.: В 3 ч. Ч. 1. Роль среды. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
26. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II.: В 3 ч. Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
27. Бугров А. В. Очерки по истории Государственного банка Российской империи. – М., (б. изд), 2000.
28. Бутинець Ф. Ф. Історія бухгалтерського обліку: У 2 ч. – Житомир: ПП «Рута», 2001.
29. Вальтер Ф. Вексель // Финансовая энциклопедия / Под общ. ред. Д. П. Боголепова, А. И. Буковецкого, Н. Н. Деревенко, Д. Г. Тарасова. – 2-е изд. – М. – Л.: Гос. изд-во, 1927.
30. Васильевский В. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // Журнал Министерства народного просвещения. – 1988. – №7.
31. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
32. Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
33. Вейсброд А. О роли коммерческого кредита в советском хозяйстве // Кредит и хозяйство. – 1929. – №4.
34. Вексельное обращение / Аваков А. Б., Гаевой Г. И., Бешанов В. А. и др. – Харьков: Фолио, 2000.
35. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Укл. ред. В. Т. Бусел. – К. – Ірпінь: ВТФ «Перун», 2002.
36. Вернадский Г. В. Древняя Русь. – Тверь: Леан; М.: Аграф, 1999.
37. Вернадский Г. В. Киевская Русь. – Тверь: Леан; М.: Аграф, 1999.
38. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. – Тверь: Леан; М.: Аграф, 1999.

39. Вернадский Г. В. Россия в средние века. – Тверь: Леан; М.: Аграф, 2000.
40. Виндшейд Б. Об обязательствах по римскому праву: Пер. с нем. / Под ред. А. Б. Думашевского. – СПб.: Тип. А. Думашевского, 1875.
41. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов н/Д.: Феникс, 1995.
42. Воблый К. Г. Очерки по истории польской фабричной промышленности: В 2 т. Т. 1. – К. (б. изд.), 1909.
43. Волков И. М. Законы вавилонского царя Хаммурапи. – М.: Изд-во Левенсона, 1914.
44. Гамбаров Л. Двадцать пять лет деятельности германского имперского банка. – Рига (б. изд.), 1902.
45. Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. – М.: Госфиниздат, 1948.
46. Гинзберг М. Л. Кредитование операций под соло-векселя // Кредит и хозяйство. – 1928. – № 6–7.
47. Голинський О. Вексель і чек у практиці. – 2-е вид., доп. – Краків – Львів: Укр. вид-во, 1944.
48. Гольденвейзер А. А. Зачатки банкового дела. Древний мир // Банковая энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. проф. Л. Н. Яснопольского. – Т. 1. Коммерческие банки. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1914.
49. Гордон В. М. Положение о векселях в частной кодификации. – Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1925.
50. Грушевський М. С. Історія України-Руси: В XVII т. Т. VI. Життя економічне, культурне, національне XIV–XVII вв. – К. – Львів: Накладом автора, 1907 (Репринтне видання: К.: Наукова думка, 1995).
51. Гуржій І. О. Україна в системі всеросійського ринку 60–90-х років XIX ст. – К.: Наукова думка, 1968.
52. Гуржій О. І., Чухліб Т. В. Гетьманська Україна. – К.: ВД «Альтернативи», 1999.
53. Гурьев А. Н. Очерки развития кредитных учреждений в России. – СПб. (б. изд.), 1904 // (Репринт) Гурьев А. Н., Памфилов С. Ф. История России: кредитная система. – М.: ЮКИС, 1995.
54. Дейвіс Н. Європа. Історія: Пер. з англ. – К.: Основи, 2001.
55. Демкин А. В. О формулярах заемных «кабал» и «памятей» первой половины XVII в. // Советские архивы. – 1985. – №5.

56. Демкин А. В. Русское купечество XVII–XVIII вв.: Города Верхневолжья. – М.: Наука, 1990.
57. Демківський А. В. Вексельна справа: Навч. посібник. – К.: Либідь, 2003.
58. Демківський А. В. Вексельний обіг в Україні: Навч. посібник. – К.: ВІРА-Р, 2003.
59. Джиливегов А. К. Торговля на Западе в средние века. – СПб.: Изд-во Брокгауза-Ефрона, 1904.
60. Дильтей Ф. Г. Начальные основания вексельного права: В 2 ч. – Владимир: В тип. губерн. правления, 1801.
61. Ділова документація Гетьманщини XVIII ст.: Зб. документів / Ред. Л. А. Дубровіна. – К.: Наукова думка, 1993.
62. Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого Княжества Литовского при Ягеллонах: В 2 т. Т. 1. – К.: В типографии ун-та св. Владимира., 1901.
63. Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства: В 2-х т. Т. 1. – К.: Изд-во Оглоблина, 1911.
64. Дюрант В. Жизнь Греции. – М.: Крон-Пресс, 1997.
65. Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды отдела древнерусской литературы. – Т. XIII. – М. – Л., 1957.
66. З історії кооперації на Буковині – www.2000.cv.ua/2003/09/62
67. Западноевропейские страны: особенности социально-экономических моделей / Отв. ред. В. П. Гутник. – М.: Наука, 2002.
68. Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. – М.: Изд-во «Рос. полит. энциклопедия», 1996.
69. Зомбарт В. Современный капитализм: В 3 т. – М. – Л.: ОГИЗ, 1928. – Т. 1. Введение в докапиталистическое хозяйство. Исторические основы современного капитализма. Кн. 1.
70. Зомбарт В. Современный капитализм: В 3 т. – М. – Л.: ОГИЗ, 1929. – Т. 3. Хозяйственная жизнь в эпоху развитого капитализма.
71. Иванов А. Бумажное обращение в Китае до XV в. // Материалы по этнографии России / Под ред. Ф. К. Волкова: В 2 т. Т. 2. – СПб.: Изд-во этнограф. отд. Русского музея, 1914.
72. Ивочкина Н. В. Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае. Эпохи Тан и Сун. – М.: Наука, 1990.
73. Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX века). – М.: Аспект-пресс, 2001.
74. Исаев А. А. Начала политической экономии. – 5-е изд., доп. – СПб.: Книжный магазин А. Ф. Цинзерлинга, 1900.

75. История Польши. В 3 т. Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1954.
76. История стран зарубежной Азии в средние века / Отв. ред. А. М. Голдобин, Д. И. Гольдберг, И. П. Петрушевский. – М.: Наука, 1970.
77. Итальянские коммуны XIV–XV веков. Сб. документов / Под ред. В. И. Рутенбурга. – М.: Наука, 1965.
78. Итс Р. Ф., Смолин Г. Я. Очерки истории Китая с древнейших времен до середины XVIII в. – Л.: Гос. учебно-педагогич. изд-во, 1971.
79. Ісаєвич Я. Д. Україна давня і нова: народ, релігія, культура / НАН України. Ін-т українознавства. Міжнар. асоціація українців. – Львів (б. изд.), 1996.
80. Історія культури давнього населення України: В 2 т. Т. 1. / Ред. П. П. Толочко. – К.: Наукова думка, 1986.
81. Історія Української культури. В 5 т. – К.: Наукова думка, 2001. – Т. 2. Українська культура XIII – першої половини XVII ст.; Т. 3. Українська культура другої половини XVII–XVIII ст.
82. Каллю Ж. Функция денег в римском обществе в период Империи. – М.: Наука, 1970.
83. Каминка А. И. Объединение вексельного права. – СПб.: Тип. т-ва «Общ. Польза», 1913.
84. Каминка А. И. Очерки торгового права. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002.
85. Капраль М. Національні громади Львова XVI–XVIII ст. – Львів: Піраміда, 2003.
86. Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV в.: проблемы торговли. – М.: Изд-во МГУ, 1990.
87. Катков В. Д. Общее учение о векселе. – Харьков: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1904.
88. Кауфман И. И. Кредит, банки и денежное обращение. – СПб.: Типография А. Е. Ландау, 1873.
89. Кауфман И. И. Из истории бумажных денег в России. – СПб., 1929.
90. Каценеленбаум З. С. Война и экономическое положение России. – М., 1917.
91. Каценеленбаум З. С. Учение о деньгах и кредите: В 2 ч. Ч. 1. Деньги и денежное обращение. – М.: Экономическая жизнь, 1926.

92. Каценеленбаум З. С. Учение о деньгах и кредите: В 2 ч. Ч. 2. Кредит и кредитные учреждения. – М.: Экономическая жизнь, 1928.
93. Каценеленбаум З. С. К реформе кредитования оборота // Вестник финансов. – 1929. – № 6.
94. Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400–1500 годы. – М.: Весь Мир, 2001.
95. Киселев С. М. Роль и значение векселя в частно-капиталистическом и советском хозяйстве // Кредит и хозяйство. – 1927. – № 10–11. – С. 165–171.
96. Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. – 5-е изд. – Пг.: Лит.-изд. отд. Народного комиссариата по просвещению, 1919.
97. Ключевский В. О. Исторические портреты. – М.: НПО «Эталон», 1991.
98. Ключевский В. О. Курс русской истории.
Лекция XLIX. – www.magister.msk.ru/library/history/kluchev/kllec49.htm.
99. Коберський К. Про кредит і сільські каси (райфайзенки). – Львів: Накладом «Сільського господаря», 1928.
100. Коваль М. М. До питання оцінки ринкової вартості векселів // Фондовий ринок. – 2000. – №11.
101. Колб Р., Родригес Дж. Финансовые институты и рынки. – М.: Дело и Сервис, 2003.
102. Комаров А. С. Правовое регулирование внешнеэкономических операций и унификация права международной торговли // Внешняя торговля России на рубеже веков. – М.: Экономика, 2001. – С. 383 – 400.
103. Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. – М.: МПО «Волокнор», 1990.
104. Кормош Т. Практичний підручник для товариств задаткових, оснований на підставі закону з дня 9.IV.1873. – Перемишль, 1895.
105. Котляр М. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. – К.: Наукова думка, 1971.
106. Котляр М. Ф. Нариси історії обігу і лічби монет на Україні XVI–XVIII ст. – К.: Наукова думка, 1981.
107. Кравець В. М., Кравець О. В. Західноєвропейський банківський бізнес: становлення і сучасність. – К.: Знання-прес, 2003.
108. Кузнєцова Н. С., Назарук І. Р. Ринок цінних паперів в Україні: правові основи формування та функціонування. – К.: Юрінком Інтер, 1998.

109. Кулишер И. М. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т.1. Период до восемнадцатого века. – СПб.: Типолитография А. Г. Розена, 1906.
110. Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. – Пг.: Атеней, 1923.
111. Кулишер И. М. Очерк экономической истории Древней Греции. – Л.: Сеятель, 1925.
112. Кулишер И. М. История русского народного хозяйства: В 2 т. Т. 1. – М.: Мир, 1925.
113. Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. В 2 т. – Изд. 7-е. – М. – Л.: Госиздат, 1926.
114. Кулишер И. М. Очерк истории русской промышленности // Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности. – Челябинск: Социум, 2003.
115. Кутшеба С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши. – СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1907.
116. Лановик Б. Д., Матисякевич З. М., Матейко Р. М. Економічна історія України і світу. – К.: Вікар, 2001.
117. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
118. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992.
119. Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России: В 2 т. Т. 1. – Петроград, 1917.
120. Лексис В. Кредит и банки. – М.: Перспектива, 1994.
121. Летопись по Лаврентьевскому списку. – СПб., 1872.
122. Летурно Ш. Эволюция торговли. – СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1899.
123. Ли Гоу. О государственном управлении // Искусство властвовать. – М.: Белые альвы, 2001.
124. Лотман М. Ю. Пушкин. – СПб.: «Искусство – СПб», 2000.
125. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство – СПб», 2001.
126. Лукейр Н. М. Современное состояние кредита и необходимость его реформы // Кредит и хозяйство. – 1929. – №7–8.
127. Луццано Дж. Экономическая история Италии. Античность и средние века. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1954.
128. Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. – 2-е изд. – М.: Московская

- художественная печатня, 1915.
129. Лютер М. О торговле и ростовщичестве // Собр. соч. – СПб: Изд-во. Сытина, 1899.
130. М. Л. Государственный банк. Его современное устройство и коммерческие операции // Банковая энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. проф. Л. Н. Яснопольского. – Т. 1. Коммерческие банки. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1914.
131. Ма Дуанлинь. Вэнсянь тункао (Свод письменных источников): В 2-х т. Т. 1. – Шанхай, 1936 (на кит. языке).
132. Макарчук В. С. Основы римського приватного права. – К.: Атіка, 2003.
133. Мамран // Еврейская энциклопедия / Под общ. ред. А. Гаркави и Л. Кацнельсона: В 20 т. Т. 10. – СПб.: Общество для научных еврейских изданий, 1910.
134. Марголин М. М. Исторический очерк развития банковских учреждений // Нов. энциклопед. словарь Брокгауза – Эфрона. Т. 5. – СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, 1911.
135. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. ч. 1.
136. Мартиросян А. А. Деловой дом Эгиби. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989.
137. Марченко М. Н. Правовые системы современного мира. – М.: Зерцало-М, 2001.
138. Мейер Д. И. Очерк русского вексельного права. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1893.
139. Мейер Д. И. Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003.
140. Мейер Д. И. Юридические исследования относительно торгового быта Одессы. Гл. 4. Вексельное обращение // Мейер Д. И. Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР». 2003.
141. Мейер Э. Экономическое развитие древнего мира. – М.: Мир, 1910.
142. Меламед В. М. Евреи во Львове (XIII–первая половина XX века). – Львов: Совместное укр. – амер. предприятие «Текоп», 1994.
143. Мельвиль М. История ордена тамплиеров. – СПб.: Евразия, 2003.
144. Месяц В. Д. История кодификации права на Украине в первой половине XVIII века. – К.: Наукова думка, 1963.
145. Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М.: Наука, 1973.

146. Микитась В. Л. Давньоукраїнські студенти і професори. – К.: Абрис, 1994.
147. Михалевский Ф. И. Очерки истории денег и денежного обращения: В 2 т. Т. 1. Деньги в феодальном хозяйстве. – Л., 1948.
148. Мишкин Ф. Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков. – М.: Аспект Пресс, 1999.
149. Мних Є. В., Швець В. Є., Яремко І. Й. Розвиток обліку в Галичині: історичні та методологічні аспекти. – Львів: Каменяр, 2000.
150. Мовчановский Б. Ф. Вексель. – М.: Финанс. изд-во НКФ СССР, 1927.
151. Мороз Ю. Н. Вексельное дело. – К.: Наукова думка, Лад, 1996.
152. Москвина Л. А. Функции банка Кореи // Банковские услуги. – 1996. – №4.
153. Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. – М.: Статут, 2003.
154. Мусорин А. Ю. Латинизмы в юридической терминологии Статута Великого княжества литовского 1588 года // Менеджмент, право и культура. – Новосибирск, 1997.
155. Мэтьюс М. Р., Перера М. Х. Б. Теория бухгалтерского учета. – М.: Аудит, ЮНИТИ, 1999.
156. Насир-и-Хусрау. Сафар-намэ. Книга путешествий / Пер. Е. Э. Бертельса. – М. – Л.: Academia, 1933.
157. Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. – СПб.: Наука, 2002.
158. Нерсесов Н. О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. – М.: Статут, 2000.
159. Несторович В. Упрощене книговодство і податки. – Львів: Союз укр. купців і промисловців, 1935.
160. Нефедьев Е. А. Вексельное право. Банковские сделки. Морское право. – М.: Ун-тская тип., 1907.
161. Никитский А. И. История экономического быта великого Новгорода. – М.: Ун-тская тип., 1893.
162. Нисселович Л. Н. О векселях и их обращении // Счетоводство. – 1890. – № 11–12.
163. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. – М. – Л., 1950.
164. Ноздрев Н. Денежный рынок Японии: Структура и перспективы развития // Финансовый бизнес. – 1994. – №4.

165. Нолькен А. М. Высочайше утвержденный 27 мая 1902 года Устав о векселях: Практ. руководство. – СПб.: Право, 1902.
166. Нолькен А. М. Объединенное законодательство о векселях в применении к России. – СПб. (б. изд.), 1913.
167. Общегерманский вексельный устав // Журнал гражданского и торгового права. – 1871. – Кн. 4. – С. 440–471.
168. Оглоблин О. П. Гетьман Іван Мазепа та його доба. – Нью-Йорк – Львів, 2003.
169. Осипов А. М. Вексель в его прошедшем и настоящем. – Казань: Тип. университета, 1873.
170. Отчет Государственного банка за 1860 г. – СПб., 1861.
171. Очерки истории Китая (с древности до «опиумных войн») / Под ред. Шан Юэ. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1959.
172. Очерки истории распространения исламской цивилизации: В 2 т. Т. 1. От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания. – М.: Рос. полит. энциклопедия, 2002.
173. Павленко Ю. В. История мировой цивилизации. Философский анализ. – К.: Феникс, 2002.
174. Панеях В. М. Кабальное холопство на Руси в XVII в. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967.
175. Пасічник Ю. В. Бюджетна система України та зарубіжних країн. – К.: Знання-прес, 2002.
176. Пачоли Л. Трактат о счетах и записях. – М.: Финансы и статистика, 2001.
177. Петрів Р. В. Генезис капіталізму у містах Східної Галичини в кінці XVIII – першій половині XIX ст. (1772–1850). – Івано-Франківськ (б. изд.), 1993.
178. Петрів Р. Центральні і місцеві органи державної влади і управління Австрії та Східної Галичини. – www.mesogaia.il.if.ua/petriv_galicien.htm
179. Підпригора О. А., Харитонов Є. О. Римське право. – К.: Юрінком Інтер, 2003.
180. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.: В 3 т. Т. 3. – СПб.: Тип. 2-го отделения собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830.
181. Поло М. Путешествие в 1286 году по Татарии и другим странам Востока. – СПб.: Тип. П. П. Меркулева, 1873.
182. Права по которым судится малороссийский народ / Под ред. А. Б. Кистяковского. – К. (б. изд.), 1879.

183. Право средневековой Франции: В 2-х ч. // История государства и права зарубежных стран / Под ред. проф. Н. А. Крашенинниковой и проф. О. А. Жидкова: В 2 ч. Ч. 1. – М.: Изд. группа НОРМА–ИНФРА М, 1998.
184. Пристер Е. Краткая история Австрии. – М.: Политиздат, 1952.
185. Пэн Синьвэй. Чжунго хоби ши (История денег в Китае): В 2 т. Т. 1. – Шанхай, 1954 (на кит. языке).
186. Пятаков Г. Л., Певзнер А. М. Про кредитову реформу (за матеріалами всеукраїнської наради робітників держбанку). – Харків: Держ. вид-во України, 1930.
187. Пятов М. Л. Вексель: вопросы учета, анализа и налогообложения. – М.: Финансы и статистика, 1997.
188. Рифтин А. П. Старовавилонские документы в собраниях СССР. – М.: Academia, 1931.
189. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики): В 4 т. Т. 2. Феодализм. Т. 3. Падение феодализма. – 2-е изд. – М. – Л.: Книга, 1928.
190. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики): В 4 т. Т. 4. Дворянская революция в России. – 3-е изд. – М. – Л.: Книга, 1928.
191. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1985.
192. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1986.
193. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 5. Законодательства периода расцвета абсолютизма / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1987.
194. Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. Т. 1. – СПб.: Наука, 2000.
195. Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. Т. 2. – СПб.: Наука, 2001.
196. Рубель В. А. Історія середньовічного Сходу. – К.: Либідь, 2002.
197. Рубрук, Гильом де. Путешествие в восточные страны // Дж. дель Плано Карпини. История монгалов. – М.: Гос. изд-во географич. лит-ры, 1957.
198. Рубцов Б. Б. Организация корпоративного рынка долговых цен-

- ных бумаг – векселей: зарубежная практика. – М.: Московское агентство ценных бумаг, 1997.
199. Рубцов Б. Б. Рынок векселей и коммерческих бумаг за рубежом // Банковские услуги. – 1998. – №1; №2.
200. Рубцов Б. Б. Мировые рынки ценных бумаг. – М.: Экзамен, 2002.
201. Рувер Р. Как возникла двойная бухгалтерия. – М.: Госфиниздат, 1958.
202. Рукописи графа А. С. Уварова: В 2 т. Т. 2. – СПб., 1858.
203. Русинова О. В. Україна під татарами та Литвою. – К.: Альтернативи, 1998.
204. Рутенбург В. И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV века. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
205. Рутенбург В. И. Итальянский город. От раннего Средневековья до Возрождения. – Л.: Наука, 1987.
206. Рутковский Я. Экономическая история Польши. – М.: Изд-во ин. лит-ры, 1953.
207. Рынок ценных бумаг и биржевое дело / Под ред. О. И. Дегтяревой, Н. М. Коршунова, Е. Ф. Жукова. – М.: ИНИТИ-ДАНА, 2002.
208. Сарбей В. Г. Національне відродження України. – К.: Альтернативи, 1999.
209. Сас П. М. Феодалные города Украины в конце XV – 60-е годы XVI в. – К.: Наукова думка, 1989.
210. Селиванкин В. А. Вексель. – Л. (б. изд.), 1925.
211. Скворцов Н. Московская церковная старина: Уничтоженные в московском Китай-городе церкви. – М. (б. изд.), 1895.
212. Скоморович І. Г., Реверчук С. К., Малик Я. Й. та ін. Історія грошей і банківництва. – К.: Атіка, 2004.
213. Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965.
214. Слабченко М. Е. Государство Гетманщины XVII–XVIII в.: В 3 т. Т. 1: Землеволодіння та форми сільського господарства. – Одеса: Держ. вид-во України, 1923.
215. Слабченко М. Е. Хозяйство Гетманщины в XVII–XVIII в.: В 3 т. Т. 2: Судьбы фабрики и промышленности. – Одесса: Гос. изд-во Украины, 1922.
216. Слабченко М. Е. Хозяйство Гетманщины в XVII–XVIII в.: В 3 т. Т. 3: Очерки торговли и торгового капитализма. – Одесса: Гос. изд-во Украины, 1923.

217. Смирнов К. М. Банки и банкирский депозит в Риме. – Одесса: Экономич. тип., 1909.
218. Соколов Я. В. Бухгалтерский учет: от истоков до наших дней. – М.: Аудит, ЮНИТИ, 1996.
219. Соколов Я. В., Терехов А. А. Очерки развития аудита. – М.: ИД ФБК-ПРЕСС, 2004.
220. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 8 т. Т. 1–5. Кн. 1. – СПб.: Общественная польза, 1900.
221. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 8-ми т. Т. 7. – М.: Тип. ун-та, 1879.
222. Спасский И. Г. Русская монетная система. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
223. Статистическое описание Киевской губернии: В 3 т. Т. III. – СПб., 1852.
224. Статистичний щорічник України за 2003 рік. – К.: Консультант, 2004.
225. Статут Великого княжества Литовского: В 2 ч. / Пер. с польск. – СПб.: Изд-во Сената, 1811.
226. Статути Великого князівства Литовського: В 3 т. Т. 1. Статут Великого князівства Литовського 1529 року. – Одеса: Юрид. літ-ра, 2002.
227. Статути Великого князівства Литовського: В 3-х т. Т. 2. Статут Великого князівства Литовського 1566 року. – Одеса: Юрид. літ-ра, 2003.
228. Стернюк І. Підручник торговельно-кооперативного книговодства. – Львів: Накладом автора, 1926.
229. Стефчик Ф. Підручник для спілок ощадності і позичкових системи Ф. Райфазена. – Львів, 1900.
230. Стужина Э. П. Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. – М.: Наука, 1979.
231. Стужина Э. П. Формы организации городской торговли в Китае в XI–XII вв. // Вестник МГУ. – 1974. – №2. (Серия 14. Востоковедение).
232. Сюкияйнен Л. Р. Окно в исламский мир: религия, право, банки. – www.kollegi.ru/iss/t2/n6/35.htm
233. Табашников И. Г. Прошлое векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одес. воен. округа, 1891.
234. Терушкин Ш. Г. О переходе крупнейших организаций на безвексельные расчеты и безвексельное кредитование // Кредит и хозяй-

ство. – 1929. – №4.

235. Тихомиров М. Н. Древняя Русь. – М.: Наука, 1975.
236. Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. – М.: Моск. рабочий, 1992.
237. Ткач А. П. Історія кодифікації дореволюційного права України. – К.: Наукова думка, 1968.
238. Толочко П. П. Київська Русь. – К.: Абрис, 1996.
239. Тораваль И. Мусульманская цивилизация. – М.: Лори, 2001.
240. Тюменев А. И. Очерки экономической и социальной истории Древней Греции: В 2 т. Т. 1. Революция. – Пг.: Гос. изд-во, 1920.
241. Удинцев В. А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003.
242. Устав о векселях / Сост. А. И. Каминка. – СПб.: Тип. А. Е. Ландау, 1902.
243. Федоров А. Ф. История векселя. Историко-юридическое исследование. – Одесса: Тип. Штаба Одес. воен. округа, 1895.
244. Федоров А. Ф. Прошлое векселя. Историко-юридические исследования проф. Новорос. ун-та И. Табашникова: Рецензия. – Одесса: Тип. Штаба Одес. воен. округа, 1898.
245. Финансовая энциклопедия / Под общей ред. Д. П. Боголепова, А. И. Буковецкого, Н. Н. Деревенко, Д. Г. Тарасова. – 2-е изд. – М. – Л.: Гос. изд-во, 1927.
246. Франко-русские экономические связи. – М.: Наука, 1970.
247. Французский вексельный устав (ст. 110–189 Торгового уложения) // Журнал гражданского и торгового права. – 1871. – Кн. 3.
248. Хасанов Ш. Неплатежи – взгляд изнутри // Рынок ценных бумаг. – 1998. – № 21–27.
249. Хино Кайсабуро. Коси но хаттацу-ни цуите (О развитии цзяоцзы) // Сигаку дзасси, 1934. – Т. 45. – № 2–3. (на яп. языке).
250. Ходов Л. Г. Регулирование рынка ценных бумаг в США и Великобритании // Внешнеэкономический бюллетень. – 1998. – № 7.
251. Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. – М.: АН СССР, 1963.
252. Хорошкевич А. Л. Мартин Груневег о Москве 1585 года // Россия и Германия. Вып. 2. – М.: Наука, 2001.
253. Ценные бумаги и еврейский закон. – www.jewish.ru/4035-7.asp.
254. Центр знаний по электронной коммерции. Связанные ресурсы.

- http://www.e-com-libr.com.ua/explanatory_res
255. Цитович П. П. Вексель и задачи его кодификации в России. – К.: Тип. И. Н. Кушнерева и К., 1887.
256. Цитович П. П. Курс вексельного права. – К.: Тип. И. Н. Кушнерева и К., 1887.
257. Цитович П. П. К истории векселя. – К.: Тип. ун-та св. Владимира, 1893.
258. Чапля І. Книговодство поодинокі і подвійні. Загальна частина. – Ужгород: Унію, 1931.
259. Черниловский З. М. Лекции по римскому частному праву. – М.: Юрид. лит-ра, 1991.
260. Ческидов Б. М. Развитие банковских операций с ценными бумагами. – М.: Финансы и статистика, 1997.
261. Чехович В. А., Усенко И. Б. Роль III Литовского Статута в политической борьбе вокруг проблем кодификации дореволюционного права Украины // Третий Литовский Статут 1588 года: Материалы респ. научн. конф., посвящ. 400-летию Третьего Статута. – Вильнюс: Изд-во Вильнюс. гос. ун-та, 1989.
262. Чижевський Д. І. Історія української літератури. Від початків до доби реалізму. – Тернопіль: Феліна, 1994.
263. Чугуевский Л. И. Мирские объединения «шэ» при буддийских монастырях в Дуньхуане // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. – М.: Наука, 1982.
264. Шапкин И. Н. Вексель: возникновение и становление // Вексель и вексельное обращение в России: Практик. энциклопедия. – М.: Банкоцентр, 1996.
265. Шифаревич И. Р. Трехтысячелетняя загадка. – <http://shafarevich.voskres.ru/08.htm>.
266. Шенгер Ю. Е. Вексель и вексельный оборот накануне кредитной реформы (Опыт анализа вексельного оборота Ленинграда) // Известия Ленингр. ин-та нар. хозяйства. – 1930. – Вып. 1.
267. Шер В. В. Кредитование товаропроводящей сети // Кредит и хозяйство. – 1929. – № 6.
268. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. – Тула: Автограф, 2001.
269. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. Т. 3. Вексельное право. Морское право. – Изд. 4-е – СПб.: Изд-во братьев Башмаковых, 1909.

270. *Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права: В 3 т. Т. 1. Введение. Торговые деятели. – М.: Статут, 2003.
271. *Шифман И. Ш.* Угаритское общество (XIV–XIII вв. до н. э.). – М.: Наука, 1982.
272. *Штаерман Е. М.* Древний Рим: проблемы экономического развития. – М.: Наука, 1978.
273. *Юровский Б. С.* Возникновение и развитие вексельного обращения и вексельного права // *Экспресс*. – 2002. – № 12.
274. *Яковенко Н. М.* Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. – К.: Критика, 2002.
275. *Яснопольский Л. Н.* Зачатки коммерческого банковского кредита в России // *Банковая энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. проф. Л. Н. Яснопольского*. – Т. 2: Биржи. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1917.
276. *Яффе Э.* История и современная организация английских кредитных банков // *Банковая энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. проф. Л. Н. Яснопольского*. – Т. 1. Коммерческие банки. – К.: Тип. Киевской 2-й артели, 1914.
277. *Andreau J.* La vie financiere dans le monde romain. Les metier de manieurs d'argents. – Roma: Ecole francaise de Rome, 1987.
278. *Andreau, J.* Banking and business in the Roman world / Jean Andreau; translated by Janet Lloyd. – N. Y.: Cambridge University Press, 1999.
279. *Ashtor E.* Les metaux precieux et la balance des payments du Proche Orient a la basse-epoque. – P.: Arman Colin, 1971.
280. *Ashtor E.* Banking Instruments between the Muslim East and the Christian West // *Journal of European Economic History*. – 1973. – Vol. 1.
281. *Ashtor E.* A social and economic history of the Near East in the Middle Ages. – Berkeley: University of California Press, 1976.
282. *Ashtor E.* Levant Trade in the Latter Middle Ages. – Princeton: Princeton University Press, 1983.
283. *Bakhtiar L.* Encyclopedia of Islamic Law: A Compendium of the Views of the Major Schools. – Chicago: ABC International Group, 1996.
284. *Balazs E.* Chinese Civilization and Bureaucracy: Variations on a Theme. – New Haven, Conn.: Yale Univ. press, 1964.
285. *Banque et capitalisme commercial. La lettre de change au XYIII siecle*. – Provence: Institut historique de Provence, 1976.
286. *Baumbach F., Hefermehl W.* Weschelgesetz und Schekgesetz. – Munchen, 1990.

287. Baumol W. J. Entrepreneurship: Productive, Unproductive and Destructive // Journal of Political Economy. – 1990. – Vol. 98. – № 5.
288. Bednarczyk J. Weksel w przystępny sposób. – Warszawa: Beck, 2004.
289. Berg van den. De beginselen van het Mohammedaansche recht volgens de imâms Aboe Hanîfat en Sjafi'î. – Batavia-s'-Gravenhage, 1883.
290. Bergier J. F. Geneve et l'Economie Europeenne de la Renaissance. – P., 1963.
291. Bergsten E. E. Proyecto de Convencion de UNCITRAL sobre Letras de Cambio Internacionales y Pagares Internacionales – Su Historia y sus Principales Caracteristicas // Revista de la Federacion Latinoamericana de Bancos. – Bogota, 1988. – №67.
292. Biener F. Historische Erörterungen über den Ursprung und den Begriff des Wechsels // Biener F. Abhandlungen aus dem Gebiete der Rechtsgeschichte. – Band 1. – Leipzig: B. Tauchnitz, 1846.
293. Biener F. Wechselrechtliche Abhandlungen. – Leipzig: B. Tauchnitz, 1859.
294. Blendinger F. Zwei Augsburger Unierkaufbücher aus dem Jahren 1551 bis 1558. – Stuttgart, 1994.
295. Bloch M. Esquisse d'une histoire monétaire de l'Europe. – P.: Librairie Armand Colin, 1954.
296. Bloomquist T. Some observations on early foreign exchange banking based upon new evidence from thirteenth century Lucca // Journal of European Economic History. – 1990. – Vol. 19. – №2.
297. Bogaert R. Les origines antiques de la banque de depot. Une mise au point accompagnée d'une esquisse operations de banque en Mesopotamie. – Leyden: A. W. Sijthoff, 1966.
298. Bogaert R. Banques et banquiers dans les cites grecques – Leiden: A. W. Sijthoff, 1968.
299. Bogaert R. Essays zur historischen Entwicklung des Bankensystems / von Raymond Bogaert, Peter Claus Hartmann. – Mannheim – Wien: Bibliographisches Institut, 1980.
300. Bogaert R. La Banque a Athens au IV siecle avant J. C. Etat de la question // Museum Helveticum. – 1986. – März. – Vol. 43. – № 1.
301. Bogaert R. La Banque en Occident / R. Bogaert, G. Kurgan-van Hentenryk, H. van der Wee; sous la direction de H. van der Wee. – Anvers: Fonds Mercator, 1991.
302. Bogobowicz J. Podstawowe zagadnienia prawa wekslowego czekowego i handlowego // Problemy praworzadnosci. – Warszawa. 1988. – № 39.

303. *Bromberg B.* The origin of banking. Religious finance in Babylonia // The Journal of Economic History. – 1942. – № 2.
304. *Brule W.* Antwerpens Bloetijd // Bijdragen voor de Geschiedenis der Nederlanden. – 1964. – T. XIX. – № 2.
305. *Buoninsegni T.* Trattato delli sconti e del legliar, che tra mercanti si costumano. – Florence, 1585.
306. *Busch J.* Theoretich-practische Darstellung der Handlung: 3 t. T. 1, b. 1. – Hamburg, 1792.
307. *Canstein, F. von.* Das Weschelrecht Oesterreichs. – Berlin: Carl Heymann's Verlag, 1903.
308. *Carriere C.* Escopmte. Escomptait-on les lettres de change au XVIII siecle? // Banque et capitalisme commercial. La lettre de change au XVIII siecle. – Provence: Institut historique de Provence, 1976.
309. *Castillo A.* Les Baquiers Portugals et le circuit d'Amsterdam // Annales. – 1964. – T. 19. – № 2.
310. *Chaput Y.* Effets de commerce, cheques et instruments de paiement. – P.: Presses universitaires de France, 1998.
311. *Clapham J.* The bank of England. A History. Vol. 1–2. – Cambridge; N. Y.: Macmillan Company, 1945.
312. Code de commerce. Ed. originale et seule officielle. – P.: Imprimerie imperiale, 1807.
313. *Damoreau E.* Traites des negociations de banque et des monnoyes etrangeres. – P., 1727.
314. *Des Marez G.* La lettre de foire a Ypres au XIIIe siecle. – Bruxelles: H. Lamertin, 1901.
315. *Dillen, J. G. van.* The Bank of Amsterdam // History of the Principal Public Banks. – La Haye, 1934.
316. Documents of the Jewish pious foundations from the Cairo Geniza / Edited with translations, annotations and general introduction by Moshe Gil. – Leiden: Brill, 1976.
317. *Dolinski A.* Wyklady austriyaskiego prawa wekslowego. – Lwow: Nakladom tow. «Biblioteka stuch. prawa», 1912.
318. *Dolinski A.* Polskie prawo wekslowe. – Poznan: Nakladom Krajowego Instytutu wydawniczego, 1925.
319. *Doughertry R. P.* Nabonidus and Belshazaar. – New Haven, 1929.
320. *Dupichot J., Guevel D.* Les effets de commerce. Lettre de change, billet a ordre, cheque. – P.: Montchrestien, 1996.
321. *Dupius de la Serra.* L'art des lettres de change // Savary J. Le parfait negocian ou instruction generale pour ce qui regarde le commerce

- de marchandises de France et des pays etrangers. T. 1. – Geneve: J. Guignard, 1752.
322. *Einert C.* Das Wechselrecht nach dem Bedurfniss des Wechselgeschäftes im XIX Jahrhundert. – Leipzig, 1839. (reprint: Aalen: Scientia Verlag, 1969).
323. *Endemann W.* Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre. – Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1874.
324. *Fierich F. K.* Prawo wekslowe w Polsce na podstawie konstytucyi seimowych 1775, 1776, 1780. – Krakow, 1908.
325. *Fleischer H.* Grammatik der lebenden persischen Sprache / nach Mirza Mohammed Ibrahim's grammar of the persian language neu bearbeitet von Heinrich Leberecht Fleischer. – 2. Auflage. – Leipzig, 1875.
326. *Frank T.* An economic history of Rome: 2d ed., rev. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1927.
327. *Fremery A.* Droit Commercial. – P.: Alex-Gobelet, Press l'Ecole de Droit, 1833.
328. *Freundt C.* Das Veschelrecht der Postglossatoren. T. 1–2. – Leipzig, 1899–1900.
329. *Garelli P.* Les Assyriens en Cappadoce. – P., 1962.
330. *Garelli P.* Marchands, diplomates et empereurs: etudes sur la civilisation mesopotamienne. – P.: Editions Recherche sur les civilisations, 1991.
331. *Giraudeau P.* La banque rendue facile aus principales nations de l'Europe. – Geneve, 1756.
332. *Goitein S. D.* A Mediterranean Society. The Jewish Community of the Arab world as portraited in the documents of the Cairo Geniza. Vol. 1–2. – Berkeley – Los Angeles – L., 1967–1971. – Vol. 1. Economic Foundations; Vol. 2. The Community.
333. *Goldschmidt L.* Inhaber-Order und executoiriche Ukunden im klass Altertum. // Zeitschr. der Savigny – Still. fur Beckettgesch., Roman. Abt. B. X., 1889.
334. *Goldschmidt L.* Handbuch des Handelsrechts. – Stuttgart: F. Enke, 1891.
335. *Goldschmidt L.* System des Handelsrechts: mit Einschluss des Wechsel-, See- und Versicherungsrechts im Grundriss. – Stuttgart: F. Enke, 1891.
336. *Goldschmidt L.* Universalgeschihte des Handelsrecht. – Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1891.
337. *Goldsztein S.* Polska ustaws wekslowa // Przegląd prawa handlowego.

– 1925. – №1.

338. *Grady S.* A manual of the Mahommedan law of inheritance and contract comprising the doctrines of the Soonee and Sheea schools and based upon the text of Sir W. H. Macnaghten's principles and precedents, together, with the decisions of the privy council and high courts of the presidencies in India, by Standish Grove Grady. – L., 1869.
339. *Grashoff R.* Die suftaga und hawala der Araber. Ein Beitrag zur Geschichte des Weschels. – Gottingen: Druck der Univ. Buchdruck von W. Kastner, 1899.
340. *Grunhut C. S.* Weschelrecht. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1897.
341. *Guhl T.* Das Schweizerische Obligationenrecht. – Zurich: Polygraphischer Verlag, 1956.
342. *Jager E. L.* Der Weschel an ende des 15 Jahrhunderts. – Stuttgart: Adolf Liefching & Comp. 1903.
343. *Jastrow M.* Aspects of Religious Belief and Practice in Babylonia and Assyria. – N. Y., 1911.
344. *Jeannin P.* Change, credit et circulation monetaire a Augsburg au milieu du XVIe siecle. – P.: EHESS, 2001.
345. *Joslin P. M.* London private bankers. 1720–1785 // The economic history review. – 1954. – V. VII. – № 2.
346. *Juglar B., Ippolito B., Dupichot J.* Les effets de commerce. Lettre de change, billet a ordre, cheque. – P.: Montchrestien, 1996.
347. *Hamilton Ch.* (Transl., ed.) The Hedaya or guide, a commentary on the mussulman laws translated by Charles Hamilton. – Vol. 1. – L., 1791.
348. *Hammurabi Gesetz* / Ed. by J. Kohler: T. 1–4. – Leipzig, 1909–11, 1923.
349. *Hartmann M.* Arabischer Sprachführer. – Leipzig, 1881.
350. *Hartwell R.* The Evolution of the Early Northern Sung Monetary System A. D. 960–1025 // Journal of the American Oriental Society. – 1967. – Vol. 87. – №3.
351. *Heers J.* Le livres de comptes de Giovanni Piccamiglio, homme d'arraires genois (1456–1459). – P., 1959.
352. *Holdsworth W.* A history of English law. Vol. VIII. – L.: Methuen & Co., 1903.
353. *Hopkins K.* Trade in the ancient economy / ed. by Peter Garnsey, Keith Hopkins, and C. R. Whittaker. – Berkeley: University of California Press, 1983.
354. *Kahle P.* The Cairo Geniza. – 2-d ed. – N. Y.: Praeger, 1960.

355. *Kankrin G.* Die Oeconomie der menschlichen Gesellschaften und Finanzwesen. – Stuttgart, 1845.
356. *Kankrin G.* Weltreichtum, Nationalreichtum und Staatswissenschaft. – Munchen, 1921.
357. *Karabacek J.* Das arabische Papier, eine historisch-antiquarische Untersuchung von Dr. Joseph Karabacek. – Wien, 1887.
358. *Kohler J.* Die Commenda im islamischen Rechte. Ein Beitrag zur Geschichte des Handelsrechts – Würzburg, 1885.
359. *Kohler J.* Moderne Rechtsfragen bei islamitischen Juristen. Ein Beitrag zu ihrer Lösung von Dr. Jos. Köhler. – Würzburg, 1885.
360. *Kohler J.* Aus dem babylonischen reschleben. – Berlin, 1890.
361. *Kohler J.* Juristischer Excurs zu Peiser's Babylonische Verträge. – Berlin, 1890.
362. *Kohler J.* Rechtsvergleichende Studien über islamitisches Recht von Dr. J. Kohler. – Berlin, 1889.
363. *Kohn M.* Bills of Exchange and the Money Market to 1600 www.dartmouth.edu/~mkohn/99-04.pdf
364. *Kozinski M.* Weksle // Baczyk V., Kozinski M., Mihalski J. Wartosciowe. – Warszawa: Zakamycze, 2000.
365. *Kremer, von.* Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. – Wien, 1875.
366. *Kuntze J. E.* Die Lehre von den Inhaberpapieren oder Obligationen au porteur, reschgeschichtlich, dogmatisch und mit Berücksichtigung der deutschen Parikularrechte. – Leipzig, 1857.
367. *Kuntze J. E.* Deutsches Wechselrecht. – Leipzig, 1862.
368. *Liebe F.* Entwurf einer Wechselordnung für das Herzogthum Braunschweig sammt Motiven. – Braunschweig, 1843.
369. *Lapeyre H.* Une Famille de Merchands: les Ruiz. – P., 1955.
370. *Lattes A.* Genova bella storia del diritto cambiario italiano // Rivista del diritto commerciale, 15, fasc. 1. – 1915.
371. *Lastig G.* Entwicklungswege und Quellen des Handelsrechts. – 1877.
372. *Lastig G.* Beiträge zur Geschichte des Handelsrecht // Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht. – 1878. – T. 23.
373. *Laszyn H. U.* Kontrakty Kijovskie. – СПб., 1900.
374. *Lessius L.* De iustitia et iure caeterisque virtutibus cardinalibus libri IV: ad 2. 2. D. Thomae, a quaest. 47. vsque ad quaest. 171 (authore Leonardo Lessio, Societate Iesu, S. Theol. in Academia Louaniensi professore. – Louanii: Ex officina Ioannis Masij, Typ. Iur., anno 1605.

375. *Levy-Bruhl H.* Histoire de la lettre de change en France aux XVII et XVIII siècles. – P.: Recueil Sirey, 1933.
376. *Link M.* Der Wechsel als instrument der Exportfinanzierung. – Frankfurt am Main: Lang, 1994.
377. *Littleton A. C.* The antecedents of double-entry book-keeping // Accounting evolution to 1900. – N. Y.: Russel and Russel, 1966.
378. *Longe, G. de.* Coutumes du Pays et Duché de Brabant. Quartier s'Anvers. T. IV: Coutumes de la ville d'Anvers. – Bruxelles, 1874.
379. *Ludovici C. G.* Grundriss eines vollständigen Kaufmanns-System. – Berlin, 1932.
380. *Luzzato G.* Les Banques Publiques de Venise // History of the Principal Public Banks collected by J. G. van Dillen. – La Haye, 1934.
381. *Machnikowski P.* Weksel własny in blanco. – Warszawa: Beck, 2002.
382. *Macleod H. D.* The theory and practice of banking. – Vol. 1. – L.: Longmans, Green, Reader & Dyer, 1866.
383. *Mandich G.* Delle fiere genovesi di cambi particolarmente studinte come mercati periodici del credito // Rivista di storia economica. – 1939. – № 4.
384. *Martens, G. F. von* Versuch einer historischen Entwicklung des wahren Ursprungs des Wechselrechts von Georg Friedrich von Martens. – Göttingen, 1797.
385. *Martens, G. F. von* Grundriss des Handelsrechts, insbesondere des Wechsel- und Seerechts, 3 Aufl. – 1820.
386. *Meissner K.* Aus dem altbabylischen Recht. – Berlin, 1905.
387. *Melis F.* Aspetti della vita economica medievale (Studi nell' archivio Datini di Prato). – Siena, 1962.
388. *Montesquieu Ch.* De l'Esprit des lois. T. 2. – P.: Hachette, 1873.
389. *Mueller R.* The Venetian Money Market: Banks, Panics and the Public Debt 1200–1500. – Baltimore: John Hopkins University Press, 1997.
390. *Munro J.* Billionism and the bill of exchange in England, 1272–1663: A study in monetary management and popular prejudice // The Dawn of Modern Banking. – New Haven: Yale University Press, 1979.
391. *Munro J.* The international law merchant and the evolution of negotiable credit in late-medieval England and the Low Countries // Banchi pubblici, banchi privati, e monti di pietà nell'Europa preindustriale. – Genova: Sociata Ligure di Storia Patria, 1990.
392. *Neumann M.* Geschichte des Wechsels im Hansagebiete bis zum XVII Jahrhundert. – Erlangen, 1863.
393. *Nougier J.* Des lettres de change et des effets de commerce en general.

- Seconde edition. – Bruxelles, 1840.
394. *Piccinnelli G. M.* Il diritto agli interessi nei paesi abruzzesi / Diritto del commercio internazionale. 1996. – №9.
395. *Pinches T. G.* A fragment of Babylonian Tith-list // The Babylonian and Oriental Records. – 1887. – №1, March.
396. *Piquet J.* Les Templiers: etude de leurs operations financieres. – P.: Hachette, 1939.
397. *Postan M. M.* Private Financial Instruments in Medieval England // Dans Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. – 1930. – T. 23.
398. *Postlethwayt M.* The Universal dictionary of trade and Commerce. T. 1. – L., 1757.
399. *Radziszewski H.* Bank Polski. – Warszawa, 1910.
400. *Revillout E.* Les obligations en droit égyptien compare aux autres droits de l'antiquité. T. 2. – P., 1886.
401. *Richards R. D.* The Early History of Banking in England. – L., 1929.
402. *Roover, R. de.* Money, banking and Credit in Medieval Bruges. – Cambridge (Mass.), 1948.
403. *Roover, R. de.* L'Evolution de la lettre de change. – P.: Librairie Armand Colin, 1953.
404. *Roover, R. de.* The Rise and Decline of the Medici Bank, 1397–1494. – Cambridge (Mass.), 1963.
405. *Rostovtzeff M.* The social and economic history of Hellenistic world. Vol. I–III. – Oxford, 1953.
406. *Rybarski R.* Handel i polityka handlowa Polski w XVI stuleciu. – Poznań, 1928.
407. *Sallmann J.-M.* Revue: Jeannin P. Change, credit et circulation monetaire a Augsbourg au milieu du XVI-e siecle. – P.: EHESS, 2001 // Etudes rurales. Terre, territoire, appartenances. – P., 2002.
408. *Sayous A.* Les mandats de saint Louis sur son Tresor et le mouvement international des capitaux pendant la septieme croisade // Revue historique. – 1931. – T. 167.
409. *Sayous A.* L'origine de la lettre de change // Revue historique de droit français et étranger. – 1933. – №2.
410. *Savary J.* Dictionnaire universel de Commerce. T. 1. – P., 1723.
411. *Savary J.* Le parfait negociant ou instruction generale pour ce qui regarde le commerce de marchandises de France et des pays étrangers. T. 1–2. – P.: J. Guignard, 1675.
412. *Scaccia S.* Tractatus de commerciis et cambio. – Romae: Andrea

- Brugiotti, ex typographia Iacobi Mascardi, 1619.
413. *Scaccia S.* Tractatus de commerciis et cambio. Opus nunc quarto editum. – Colonia: W. Metternich, 1738.
414. *Schaht J.* Der Islam. – Berlin, 1926.
415. *Shaked S.* A tentative bibliography of Geniza documents. Prepared under the direction of D. H. Baneth and S. D. Goitein. – P.: Mouton, 1964.
416. *Schaube A.* Beobachtungen zur Entstehungsgesch. der Tratte // Zeitschrift der Savigny. – T. XXVII.
417. *Schaube A.* Aufänge der Tratte // Zeitschrift für die gesammte Handelsrecht. – 1895. – T. XLIII.
418. *Schinnerer E.* Zu den Conventionsentwürfen von UNCITRAL für ein internationales Scheckrecht, Zeitschrift für Rechtsvergleichung – Wien, 1983.
419. *Sombart W.* Die Juden und das Wirtschaftsleben. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1911.
420. *Sprenger A.* (ed). A dictionary of the technical terms used in the sciences of the muslims edited by Mowlawies Mohammad Wagih, Abd al-Haqq and Gholam Kadir / Under the superintendence of Dr. Aloys Sprenger and Captain W. Nassau Lees. – Calcutta, 1862.
421. *Stobbe O.* Geschichte des deutschen rechts – Braunschweig: C. A. Schwetschke, 1865.
422. *Stobbe O.* Miscellen zur Geschichte des deutschen Handelsrecht // Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht / Ed. L. Goldschmidt. – T. 8. – 1965. – S. 28–55.
423. *Straccha B.* Tractatus de mercatura decisiones et tractatus varii... qui de mercatura, cambiis, sponsionibus... – Amsterdami: Expensis Petri Landry, 1608.
424. *Tessier A.* Une expertise comptable au temps de Ciceron // Revue française de Comptabilité. – 1962. – № 41.
425. *Tornauw, V von.* Das moslemische Recht. – Leipzig, 1855.
426. *Turri, R. de.* Tractatus de cambiis. – Francofurti ad Moenum, 1641.
427. *Turri, R. de.* Restaurandae antiquae iurisprudentiae. – Genevae, 1666.
428. *Twitchett D. C.* Financial Administration under the T'ang Dynasty. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970.
429. *Usher P.* The early history of deposit banking in Medieteranean Europe. Vol. 1. – N. Y.: Russel and Russel, 1910.
430. *Valdes S.* An Introduction to Global Financial Markets. – L.: Harper, 1997.

431. Voit C. Das gefalschte und das nicht authorisierte Indossament nach der Konvention der Vereinten Nationen zum internationalem Wechsel. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1992.
432. Yang Lien-Sheng. Money and Credit in China. A Short History // Harvard-Yenching Institute Studies. Vol. 12. – Cambridge (Mass.), 1952.
433. Ypres Archives. Comptes de la ville d'Ypres de 1267 a 1329. – Bruxelles: Kiessling et cie, P. Imbreghts, successeur, 1909–13. – T. 1–2.
434. Wee, H. van der. Sporen van Disconto te Antwerpen tijdens de XVI eeuw // Bijdragen voor de Geschiedenis der Nederlanden, – 1955. – T. X.
435. Wee, H. van der. The Growth of the Antwerp Market and the European Economy (XV–XVI centuries). Vol. 2. – La Haye, 1964.
436. Wee, H. van der. Anvers: et les innovations de la technique financiere aux XVI et XVII siecle // Annales. Economies, Societes, Civilisations. – 1967. – V. 22.
437. Wen Wan-go, Yang Bo-da. The Palace Museum Peking. Treasures of the Forbidden City. – N. Y., 1982.
438. Werveke, H. van. Monnaie de compte et monnaie reelle // Revue Belge de Philologie et d'Histoire. – 1933. – XIII. – №1–2.
439. Will E. Trois quarts de siecle de recherdes sur l'economie grecque antique // Annales. Economies. Societe. Civilisation. – 1954. – №9.
440. Zabinski A. Prawo wekslowe Krolewstwa Polskiego. – Krakow, 1922.
441. Zipffel H. Tractatus von Wechsel-Briefffen und der Usancen. – Frankfurt und Leipzig, 1701.

Научное издание

“Эволюция векселя”

МОШЕНСКИЙ
Сергей Захарович

Концепция, книжная графика, дизайн:
Чупринин В.В., Чупринин А. В.

Печать офсетная. Формат 60 х 90/16
Усл. печ. л. 14. Тираж 2000 экз. Зак. № 283

Издательство ООО “Планета-друк”
Рег. свид. серия ДК № 2166 от 20.04.05 г.
33006, г. Ровно, ул. Фабричная, 12
Издательский отдел:
г. Киев, тел. (044) 496-01-71

ISBN 966-8851-02-01

БЕКЦЕНЯ

БЕКЦЕНЯ

БЕКЦЕНЯ

КОРПОРАЦИЯ
"ГРУППА КОМПАНИЙ "ПЛАНЕТА"

г. КИЕВ, ул. КОНСТАНТИНОВСКАЯ 32^Б
тел./факс: 8 (044) 494 46 46 e-mail: office@planeta.ua

СТРОИТЕЛЬСТВО,
АРХИТЕКТУРА,
ПРОЕКТИРОВАНИЕ

ПЛАНЕТА-БУД

ПРОИЗВОДСТВО
ПОЛИГРАФИЧЕСКИХ
КРАСОК

ПЛАНЕТА-ИНКС

МОСТОСТРОЕНИЕ

ПЛАНЕТА-МОСТ

ПОЛИГРАФИЯ

ПЛАНЕТА-ДРУК

ПРОИЗВОДСТВО
АЛЮМИНИЕВЫХ
КОНСТРУКЦИЙ И
ФАСАДНЫХ СИСТЕМ

ПЛАНЕТА-МЕТАЛЛ ЯПЫ

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ
ИЗДАНИЯ

**ПЛАНЕТА-ЗНАНИЙ
ПЛАНЕТА-БУД**

ФИНАНСОВЫЙ
МЕНЕДЖМЕНТ,
УПРАВЛЕНИЕ
КАПИТАЛОМ

ПЛАНЕТА-ФМ

ПРОИЗВОДСТВО ОКОН,
ДВЕРЕЙ И КОНСТРУКЦИЙ
ИЗ АЛЮМИНИЯ И ДЕРЕВА.
АРХИТЕКТУРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ
ИЗ ГИПСА.

ПЛАНЕТА-ПРОМЫСЕЛ